

ПСИХОЛОГИЯ НАУКА БУДУЩЕГО

конференция молодых ученых

МАТЕРИАЛЫ VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ПСИХОЛОГИЯ – НАУКА БУДУЩЕГО»

19–20 ноября 2019 года

Ответственные редакторы:

Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова

Институт психологии РАН

Институт психологии Российской академии наук

Государственный академический университет
гуманитарных наук
Факультет психологии

ПСИХОЛОГИЯ – НАУКА БУДУЩЕГО

Материалы VIII Международной конференции
молодых ученых «Психология – наука будущего»

19–20 ноября 2019 года
Москва

Ответственные редакторы:

*Е. А. Сергиенко,
Н. Е. Харламенкова*

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2019

УДК 159.9

ББК 88

П 86

*Все права защищены. Любое использование материалов
данной книги полностью или частично
без разрешения правообладателя запрещается*

Редакционная коллегия:

*А. А. Бузина, Ю. В. Быховец, И. И. Ветрова, М. В. Дан,
Е. Н. Дымова, Н. Н. Казымова, Е. И. Лебедева, Д. А. Никитина,
М. А. Падун, Е. А. Сергиенко (отв. ред.), А. Ю. Уланова,
Н. Е. Харламенкова (отв. ред.)*

П 86 **Психология – наука будущего:** Материалы VIII Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего». 19–20 ноября 2019 года, Москва / Отв. ред. Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенкова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. – 562 с.

ISBN 978-5-9270-0401-0

УДК 159.9

ББК 88

Сборник подготовлен к VIII Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего». Статьи авторов из разных городов Российской Федерации и ближнего зарубежья отражают широту научных интересов молодых исследователей.

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2019

ISBN 978-5-9270-0401-0

Особенности смысложизненных ориентаций у студентов

В. А. Агуреева, М. Б. Богатырева (Москва)

Представление человека о смысле жизни складывается в процессе его деятельности и зависит от многих внешних факторов, таких как, социальное положение человека в обществе, его образ жизни, мировосприятие. Так, например, человек проживая в благоприятной атмосфере, может видеть смысл своего бытия в достижении гармонии и обретении счастья. С другой стороны, человек, попавший в неблагоприятные условия, может разочароваться в своей жизни, потерять к ней интерес, тогда она теряет для него всю свою ценность, и он ощущает себя неполноценным (Адлер, 1997).

Смысложизненные ориентации тесно связаны с развитием уровня рефлексии, однако в современном обществе царит хрупкость устоев, и, в связи с этим многие психологи обращают свое пристальное внимание на проблему становления смысла жизни и ее влияние на дальнейшую судьбу человека (Эриксон, 2006).

Следует также отметить, что проблема смысла жизни затрагивается в психологическом консультировании и психотерапии, как важный компонент в становлении личности, определяющий ее ценностные установки. Полученные данные нашего исследования позволили уточнить наиболее эффективное психологическое воздействие как средство работы с представлением смысложизненных ориентаций у студентов.

Психологам-консультантам изучение данной темы особенно важно, так как именно в период ранней зрелости может образоваться эк-

зистенциальный вакуум, вследствие которого возможна сложность в осознании смысложизненных ориентаций. А также во время консультационных сессий психологу необходимо понимать и принимать структуру ценностей клиента.

Целью нашего исследования являлось выявление и анализ особенностей смысложизненных ориентаций у студентов. Были поставлены следующие задачи: теоретический анализ литературы, проведение эмпирического исследования, анализ полученных результатов. Значимой задачей исследования стало выявление различий смысложизненных ориентаций между студентами-психологами и студентами-экономистами, принявшими участие в эмпирическом исследовании.

Гипотеза исследования: особенностью смысложизненных ориентаций студентов-психологов будет являться высокий уровень осмысленности жизни, который проявляется в ориентации на себя, в обладании достаточной свободой выбора при решении возрастных задач, тогда как для студентов-экономистов высокий уровень осмысленности жизни будет проявляться в ориентации на социальную желательность при решении возрастных задач.

В исследовании были использованы следующие методы: теоретический анализ психологической литературы, метод статистической обработки эмпирической информации: U-критерий Манна–Уитни. Психодиагностические методики: тест «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО) (Д. А. Леонтьев), методика «Ценностные ориентации» (М. Рокич), ценностный опросник (методика ЦО) (Ш. Шварц), Качественно-количественный контент-анализ мини-сочинения на тему «Смысл жизни».

Всего в исследовании приняли участие 35 студентов 4 курса, обучающиеся в Московском государственном областном университете, из них 17 студентов факультета психологии (13 студентов кафедры «Психологическое консультирование» и 5 студентов кафедры «Психология управления») и 18 студентов экономического факультета кафедры «Управление персоналом».

В ходе анализа полученных результатов по методике «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева были выявлены значимые различия между психологами и экономистами нашей выборки по показателю «локус контроля – я». Данная субшкала представлена через понятие «я – хозяин жизни», где высокие и средние показатели могут быть рассмотрены, как представление человека о себе, как о сильной, независимой личности, обладающей достаточной свободой выбора, для построения жизни в соответствии

со своими целями, задачами и приоритетами жизненных расстановок.

Мы предполагаем, что студенты-психологи больше знают и понимают про экзистенциальные темы (одиночество, изоляция, смерть, свобода и др.) и возрастные особенности (в возрасте 20–25 лет происходит выбор пути и построение будущего), более осведомлены в теме смысла жизни, понимают себя и принимаемые ими жизненные решения более осознаваемы (экзистенциальные выборы), что непосредственно взаимосвязано с процессом обучения и подготовки психологов-консультантов. Студенты-экономисты не обладают такими знаниями и возможно, поэтому их понимание и осознание собственного выбора размыты. Стоит отметить, что они в большей степени ориентированы на социальную желательность, а не на себя.

Анализ результатов методики «Ценностные ориентации» М. Рокича. Данная методика подразделена на два списка ценностей – терминальные и инструментальные. Отметим, что в нашей выборке психологов большинство девушек (15 девушек и 2 юноши), в выборке экономистов соотношение составляет 1 к 3 (12 девушек и 6 юношей). Рассмотрим список терминальных ценностей у психологов и экономистов.

В ходе анализа результатов данной методики, было выявлено, что отличительной чертой психологов является «уверенность в себе». Под уверенностью в себе мы понимаем позитивную оценку человеком своей жизни, собственных профессиональных навыков, а также принимаемые им осознанные решения. Мы предполагаем, что это можно объяснить исходя из образовательной среды кафедры, где во время учебного процесса студенты научаются лучше чувствовать себя здесь и сейчас, продумывать принимаемые решения, что дает им ощущение уверенности в себе. У психологов более глубокий процесс самоисследования, являющийся одним из профессиональных навыков, которые развивают на психологическом факультете.

Далее рассмотрим инструментальный список ценностей психологов и экономистов.

Анализ результатов данной методики позволил выявить значимые различия между студентами-психологами и студентами-экономистами. У студентов-психологов выявлены акценты по следующим шкалам: «воспитанность», «рационализм», «чуткость».

Анализируя результаты методики «Ценностный опросник» Ш. Шварца, мы выявили значимое различие между психологами

и экономистами по шкале «традиции». В данном контексте подразумевается традиционный, выработанный стиль поведения группы, в данном случае это студенты-психологи. Он олицетворяет собой символ выражения единых ценностей и взглядов, а также сформировавшиеся правила и нормы поведения. Важную роль сыграло обучение психологов, где важными предметами были «семейное консультирование и психотерапия», «экзистенциальное консультирование и психотерапия», что дает определенно сложившуюся структуру ценностей, направленность на себя и свое окружение. Стоит отметить, что выбор не навязывается, а за счет свободы выбирается самим человеком.

Таким образом, эмпирическим путем нами были выявлены особенности смысложизненных ориентаций у студентов. Представленные в систематизированном виде знания об особенности смысложизненных ориентаций у студентов-психологов и студентов-экономистов, могут выступать концептуальной основой как для проведения исследований данного феномена, так и для выбора эффективных средств психологического воздействия с целью повышения у студентов осознания целей своей жизни.

Опираясь на анализ результатов нашего теоретического и эмпирического исследования, можно говорить о том, что при работе с особенностью смысложизненных ориентаций у студентов наиболее подходит экзистенциальное консультирование. Данный метод ориентирован на осознание студентами целей своей жизни, а также на ее максимально эффективное проживание.

Конечная цель экзистенциального консультирования – предоставление клиенту возможности понять собственные цели в жизни и сделать аутентичный выбор. Теоретический анализ и эмпирическое исследование показали необходимость личностной готовности психолога-консультанта обсуждать темы смысла жизни с клиентами в рамках экзистенциального консультирования.

Литература

Адлер А. Наука жить. М.: Port-Royal, 1997.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Флинта–МПСИ–Прогресс, 2006.

Роль метакогнитивной регуляции эмоций в понимании многозначных текстов*

Е. А. Андрющенко, О. В. Щербакова (Санкт-Петербург)

На данный момент наблюдается недостаток исследований, изучающих связь феномена понимания и эмоциональной сферы личности, в том числе эмоционального интеллекта и эмоциональной регуляции. Однако процесс понимания включается лишь тогда, когда ситуация является актуальной для личности. Это предполагает, что понимание — не только интеллектуальный, но и эмоциональный процесс (Луков, Луков, 2014).

В данном исследовании для изучения полноты понимания переносного смысла вербальных текстов мы использовали притчи. Притча является эффективным средством воздействия как на когнитивную, так и на эмоциональную сферу человека, так как в ней в метафоричной форме содержится информация, которая позволяет оценить определенную жизненную ситуацию и сформировать эмоциональное отношение к ней. При этом целью притчи является обучение осознанному отношению к своим чувствам и эмоциям, она способна развивать мышление, воображение, интуицию и умение управлять своими чувствами (Моисеева, Нестерова, 2017). Основное внимание мы уделяем эмоциональной составляющей процесса понимания текста, так как считается, что эмоции сопровождают когнитивные процессы, а понимание своих или чужих эмоций является метакогнитивным навыком (Louca, 2003).

Мы предприняли попытку выявить взаимосвязь между полнотой понимания переносного смысла вербальных текстов и уровнем выраженности различных (прежде всего, позитивных) паттернов метакогнитивной регуляции эмоций. Мы предполагали, что эта связь носит линейный характер: чем выше показатели понимания переносного смысла, тем выше уровень выраженности позитивных паттернов метакогнитивной регуляции эмоций. Также мы предполагали, что чем выше показатели понимания переносного смысла притч, тем выше уровень эмоционального интеллекта и *theory of mind*. В исследовании на добровольной и безвозмездной основе приняли участие 30 человек (18–32 года, ср. возраст = $22 \pm 2,9$ года, 24 женщины). Участники были проинформированы о целях исследования и конфиденциальности собранных данных. Работа с каждым испытуе-

---

* Исследование поддержано грантом Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0010.

мым проводилась в индивидуальном порядке ($t_{\text{ср.}} = 2,5$ часа). Исследование включало в себя пять последовательных этапов, на каждом из которых был использован свой набор методов сбора и анализа данных. На первом этапе для оценки уровня психометрического интеллекта применялась методика «Стандартные прогрессивные матрицы» Дж. Равена. Далее для измерения уровня эмоционального интеллекта был использован опросник «ЭМИн», разработанный Д. В. Люсиным (Люсин, 2006). Уровень развития эмоциональной регуляции измерялся с помощью опросника «Когнитивная регуляция эмоций», который является адаптацией опросника Н. Гарнефски и В. Крайг «Cognitive Emotion Regulation Questionnaire» (CERQ) (перевод и адаптация О.Л. Писаревой, А. Гриценко). Далее мы оценивали уровень функционирования theory of mind с помощью методики «Reading the Mind in the Eyes» в адаптации Е. Е. Румянцевой. Для оценки полноты понимания переносного смысла притч было использовано глубинное полуструктурированное интервью на основе девяти притч, объединенных в три набора (Shcherbakova, Nikiforova, 2018). Каждое интервью сопровождалось записью на диктофон, затем все аудиозаписи были дословно транскрибированы. Последующая работа (экспертная оценка уровней понимания притч – буквального (0 баллов), житейского (1 балл) или обобщенного (2 балла) на основе ряда критериев (там же)) проводилась с письменными протоколами интервью.

Для анализа эмпирических данных мы использовали анализ надежности (критерий α Кронбаха) и корреляционный анализ (критерий r Спирмена). Между исследуемыми параметрами не было обнаружено значимых корреляций. Высокие показатели выраженности как позитивных, так и негативных паттернов метакогнитивной регуляции встречались в сочетании со средним (житейским) и высоко обобщенным уровнями понимания переносного смысла притч, а также в сочетании с низким (буквальным) уровнем понимания. Данные результаты могут быть связаны с отсутствием (самый высокий балл – 13 из 18 возможных) в выборке как высоких показателей по параметру «понимание притч», так и высоких показателей выраженности позитивных паттернов метакогнитивной регуляции эмоций (самый высокий суммарный балл позитивных паттернов – 84 из 100). Респонденты, принявшие участие в данном исследовании, в основном показывали средний уровень по обоим показателям, также присутствовали низкие баллы (50% респондентов показали низкий результат по параметру «полнота понимания»). Несмотря на это, в ходе анализа данных были выявлены некоторые закономерности:

большинство респондентов (65%) не продвигаются дальше житейского уровня в понимании переносного смысла вербальных текстов; у значительной доли респондентов преобладают негативные паттерны метакогнитивной регуляции эмоций (40% респондентов), а у 30% респондентов выраженность позитивных и негативных паттернов приблизительно равна. Данные наблюдения могут свидетельствовать о том, что развитие метакогнитивных навыков респондентов находится на недостаточно высоком уровне. Проявление более простых паттернов регуляции согласуется с достаточно низкими результатами по параметру «понимание притч», обнаруженными также и в более ранних работах (Shcherbakova, Nikiforova, 2018).

Полученные результаты позволяют предположить, что средние и высокие уровни выраженности позитивных паттернов метакогнитивной регуляции, психометрического и эмоционального интеллекта и функционирования theory of mind являются необходимыми, но не достаточными условиями для достижения высоко обобщенного понимания переносного смысла вербальных текстов. Таким образом, справедливо предполагать, что понимание переносного смысла является феноменом, полностью не сводимым ни к одной из психологических характеристик, измерявшихся в нашей работе, что частично согласуется с результатами предшествующих исследований (Гольштейн, Щербакова, 2018). Также можно предположить, что современные молодые взрослые, представителями которых являлись наши испытуемые, в целом характеризуются сниженной – по сравнению с традиционными представлениями о норме – способностью к пониманию переносного смысла вербальных текстов. Это соотносится с мнением некоторых исследователей о том, что в современной системе образования формированию навыка смыслового чтения, как и понимания многозначных текстов, не уделяют достаточно внимания (Ясюкова, 2016). Дальнейшие исследования могут быть посвящены поиску связей полноты понимания переносного смысла вербальных текстов с другими психологическими конструктами, а также кросс-культурным исследованиям в этой области.

Литература

Гольштейн Ю. Р., Щербакова О. В. Понимание переносного смысла вербальных текстов, эмоциональный интеллект и theory of mind: есть ли связь? // *Ананьевские чтения – 2018. Психология личности: традиции и современность. Сборник материалов международной научной конференции / Под общ. ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминной.* СПб.: Айсинг, 2018. С. 80–81.

- Луков В. А., Луков В. А. Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания // Гуманитарные науки: теория и методология. 2014. № 1. С. 18–35.
- Моисеева И. Ю., Нестерова Т. Г. Притчи как средство развития ценностных ориентаций студентов // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26665> (дата обращения: 19.08.2019).
- Ясюкова Л. А. Современная неграмотность – системная ошибка. URL: <https://www.kramola.info/vesti/metody-genocida/sovremennaya-negramotnost-sistemnaya-oshibka> (дата обращения: 19.08.2019).
- Louca E. P. The concept and instruction of metacognition // Teacher Development. 2003. № 7 (1). P. 9–30.

Механизм иллокутивного вынуждения в речевом взаимодействии: результаты исследования

В. А. Афиногенова (Москва)

Проблема речевого взаимодействия является фундаментальной и одновременно жизненно значимой. Не удивительно, что к ней обращались и Б. Ф. Ломов, и А. В. Брушлинский, и М. М. Бахтин, и многие зарубежные исследователи: Н. Sacks, G. Psathas, R. Wooffitt. В последние годы большой интерес к теме обнаруживают когнитивная лингвистика и психолингвистика: такие известные авторы, как А. А. Кибрик, А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин. В центре внимания – вопрос о психологических механизмах, которые объединяют реплики партнеров в единое целое и обеспечивают последовательное развертывание диалога. В изучении таких механизмов перспективным представляется подход интент-анализа. С его позиций в нашей диссертации проведено исследование повседневного студенческого дискурса (Афиногенова, 2015). Было показано, что согласование реплик имеет интенциональные основания. Этот процесс отличается гибкостью. Это проявляется как в вариативности ответного отклика, так и в случаях отсутствия отклика на выраженные интенции. Полученные результаты акцентируют активную роль субъектов общения и побуждают к изучению роли механизма иллокутивного вынуждения в организацию диалога.

Цель исследования – изучение диалогического механизма иллокутивного вынуждения в речевом взаимодействии на примере диалогов детей. Сформулированы следующие задачи исследования:

1) выявить актуальные интенции повседневного детского дискурса, описать его структуру; 2) проанализировать функционирование механизма иллокутивного вынуждения, выделив иллокутивно зависимые и независимые реплики; 3) описать варианты иллокутивно зависимого отклика; 4) охарактеризовать случаи реализации иллокутивно независимых реплик.

Объект исследования – разговоры в ситуации повседневного детского общения. Было записано и транскрибировано 10 разговоров (371 реплика, 531 интенция), ср. длина – 41 реплика. Кол-во собеседников – 2–9 человек. Участниками исследования стали воспитанники детского сада, хорошо знакомые друг с другом: 15 детей в возрасте 4–5 лет.

Эмпирические *гипотезы* исследования таковы:

1. Интенциональные категории повседневного детского дискурса сходны с категориями повседневного дискурса взрослых.
2. Иницирующая реплика определяет реализацию иллокутивно зависимой реплики собеседника.
3. Иллокутивно зависимый отклик может быть безотлагательным, отсроченным или множественным.
4. Иллокутивно независимые реплики порождают новую линию диалогического взаимодействия и усложняют его структуру.
5. Структура речевого взаимодействия собеседников имеет линейный характер.

Сбор эмпирического материала осуществлялся методом «скрытого магнитофона» (Русская разговорная речь, 1978). Аудиозаписи транскрибированы с опорой на методики Аткинсона–Херитаджа и Китайгородской-Розановой с учетом фонетических особенностей детской речи (Atkinson, Heritage, 1984; Китайгородская, Розанова, 2005). Для выявления интенций собеседников применен метод интен-анализа (Павлова, Гребенщикова, 2017), который валидизирован путем экспертной оценки.

Реализованный интен-анализ позволяет описать интенциональный состав детского дискурса. Наиболее частотны (более 24 реализаций) такие категории, как «информировать», «пояснить», «похвастаться», «привлечь внимание», «запросить информацию», «отказаться», «согласиться». Сравнение с интенциональным составом повседневного дискурса взрослых (Афиногенова, 2015) обнаружило 29 сходных категорий: «информировать», «пояснить», «подтвердить», «уточнить», «предположить», «выразить удивление», «выра-

зять недовольство» и др. Различные категории интенций оказались малочастотны (менее 20 реализаций).

Речь юных коммуникантов имеет свои интенциональные особенности. Обнаруживается низкая выраженность интенций активного слушания («выразить понимание», $n = 2$). Выраженность интенций «похвастаться» ($n = 46$), «привлечь внимание» ($n = 33$), «показать свое превосходство» ($n = 20$), «заявить желание/потребность» ($n = 15$) свидетельствует о стремлении маленьких собеседников к самопрезентации. Обнаруживается также тенденция к прямому воздействию на партнера («побудить к действию», $n = 9$; «напугать», $n = 4$; «вызвать протест», $n = 2$).

В процессе анализа речевых материалов были выделены иллокутивно зависимые ($n = 289$) и иллокутивно независимые ($n = 82$) реплики. Оказалось, что первые в разговорах преобладают. В большинстве случаев высказывания являются откликом на интенцию, выраженную в инициирующей реплике партнера («*Помогите / пожалуйста / мне //*» – «***Я сейчас тебе помогу //***»). Реализуется механизм иллокутивного вынуждения. Нарушение этого механизма и появление иллокутивно независимых реплик сопряжено с проявлением коммуникативной инициативы («*Ты что ешь / П.?*» – «*Мовковку и огучик //*» – «***Я ходил в магазин динозавов //***» – «*Не ходи-ил //*»).

В большинстве случаев (84%) иллокутивно зависимый отклик дается безотлагательно. Случаи отсроченного отклика немногочисленны (2,8%). Случаи множественного отклика более частотны (9,2%). В отдельных случаях отклик на выраженную интенцию носит невербальный характер и проявляется в предметных действиях собеседника (4%).

Иллокутивно независимые реплики ($n = 82$) также различны. Рассмотрим полученные результаты в сравнении с данными повседневного дискурса взрослых. В нашем диссертационном исследовании показано, что ситуация отсутствия отклика неоднородна (Афиногенова, 2015). В одних случаях определяющими являются ситуационные и конвенциональные факторы, в других – условия коммуникативного плана. Интересно, что в детском дискурсе отсутствуют факторы ситуационного характера, а роль конвенциональных факторов также невелика (6%).

Преобладающими в обоих типах повседневного дискурса являются факторы коммуникативного плана (88,3% – в дискурсе взрослых; 94% – в детском дискурсе). В дискурсе взрослых это связано с отсутствием отклика на составляющие полиинтенциональной реплики или реплику в целом. В детском дискурсе доминируют ситу-

ации коммуникативного саботажа. В одних случаях это сопряжено с началом новой линии разговора (36,6%), в других – с возвратом к прежней линии (33%), в третьих – с включением в разговор нового партнера (23,1%). Случаи неверного понимания интенций немногочисленны (1,3%).

Механизм иллокутивного вынуждения обеспечивает последовательное согласование реплик. Его нарушение приводит к изменению структуры речевого взаимодействия. Она становится прерывистой, хотя сохраняет линейный характер. В ней обнаруживаются перебивания и постоянные смены текущей линии.

Итак, повседневный детский дискурс содержит сходные с дискурсом взрослых интенциональные категории. При этом частотность отдельных интенциональных категорий указывает на стремление коммуникантов к самопрезентации, оказанию прямого воздействия на собеседника, а также на формирующееся умение активно слушать.

В разговорах детей иллокутивно зависимые реплики преобладают над иллокутивно независимыми. Реализуется механизм иллокутивного вынуждения, который определяет необходимость высказывания определенного типа в ответ на реплику собеседника. Большинство иллокутивно зависимых откликов безотлагательны. Случаи отсроченного и множественного отклика немногочисленны.

Механизм иллокутивного вынуждения прерывают иллокутивно независимые реплики. Их появление в одних случаях сопряжено с началом новой разговорной линии, в других – с возвращением к прежней линии разговора, в третьих – с включением в разговор нового партнера, в четвертых – с неверным пониманием интенций партнера. Структура речевого взаимодействия видоизменяется за счет иллокутивно независимых реплик. Она становится прерывистой, хотя сохраняет линейный характер.

Перспективы исследования связаны с расширением эмпирического материала, относящегося к другим видам дискурса. Это предоставит возможность, с одной стороны, продвинуться в создании типологии интенций, с другой, обнаружить специфику функционирования механизма иллокутивного вынуждения. Несомненный интерес представляет и изучение дискурса «ребенок–взрослый»: описание тактик взаимодействия и приемов оказания воздействия, реализуемых ребенком. Вместе с этим стоит продолжить изучение иллокутивно независимых реплик, определив их роль в дискурсе детей и взрослых.

Литература

- Афиногенова В. А.* Интенциональная организация речевого взаимодействия в неформальном повседневном дискурсе: дис. ... канд. псих. наук. М., 2015.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М.: Научный мир, 2005.
- Павлова Н. Д., Гребенщикова Т. А.* Интент-анализ: основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Русская разговорная речь. Тексты / Сост. Г. А. Баринова, Е. А. Земская, Л. А. Капанадзе и др. М.: Наука, 1978.
- Atkinson J. M., Heritage J.* Structures of Social Action: Studies in Conversation analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Психолого-педагогическая работа по коррекции девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей в Центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей при МВД

Р. Р. Ахсанова, Д. Х. Носова (Уфа)

Всем известно, что будущее каждого государства связано с молодежью. Но то, каким будет новое поколение, во многом зависит от государственной политики. Ведь дети наследуют все достижения, успехи и проблемы в развитии общества и государства, формируя в себе образ будущего своей страны.

К сожалению, на сегодняшний день проблемы детской безнадзорности не становятся менее острыми: растет беспризорность, увеличивается угроза наркомании и алкоголизма среди несовершеннолетних. С фактом асоциального поведения подростков практически каждый день сталкиваются не только родители, но и педагоги. Поэтому, как никогда, становится актуален вопрос воспитания детей с отклоняющимся поведением, определение путей и методов своевременной коррекции проявлений девиантности, агрессии и других негативных качеств. Правонарушения несовершеннолетних относятся к числу проблем, вызывающих особую озабоченность общества и государства.

Цель настоящей работы заключается в исследовании психолого-педагогической работы сотрудников полиции по коррекции девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей

в Центрах временного содержания несовершеннолетних правонарушителей при МВД.

Гипотеза исследования состоит в том, что процесс коррекции девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей будет более эффективным, если:

- определены факторы и условия, обуславливающие формирование делинквентности среди несовершеннолетних;
- выявлено содержание процесса психолого-педагогической работы по коррекции девиантного поведения несовершеннолетних.

На наш взгляд, требуются огромные совместные усилия, чтобы дети, лишенные домашнего тепла и родительского внимания, не чувствовали себя обездоленными, а имели, как и их сверстники, достойные условия для жилья, учебы и отдыха. Одной из форм работы с несовершеннолетними правонарушителями является создание центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей при МВД, представляющих собой воспитательные учреждения закрытого типа, предназначением которых выступает профилактика безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних.

Более 90 лет назад в российской системе органов внутренних дел образовалось подразделение, которое занимает одно из важнейших звеньев в системе профилактики правонарушений несовершеннолетних – Центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей, основной задачей которого является проведение индивидуальной профилактики с несовершеннолетними. Важную роль в профилактической работе имеет психолого-педагогическая деятельность, осуществляемая в ЦВСНП, так как многие подростки являются выходцами из социально-неблагополучных и неполных семей, воспитанниками детских домов.

В ходе анализа научной литературы, опросов сотрудников Центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей при МВД по РБ, нами были установлены истинные основные причины правонарушений подростков. Таковыми являются следующие причины: недостатки семейного и школьного воспитания, особенности протекания пубертатного периода и специфика влияния внешкольной среды на формирование целей, ценностей и образа поведения подростков. Несмотря на схожесть причин, приводящих подростков к правонарушениям, у каждого из них свои особенности и привычки, приводящие к девиантному поведению. Поэтому подростки, помещенные в Центр временного содержания несовер-

шеннолетних правонарушителей при МВД, нуждаются в коррекции поведения и усвоении социально приемлемых образцов поведения.

Работники Центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей создают условия для коррекции поведения подростка. Осуществляют ее путем включения ребят в строго нормированный не только воспитательный, но и учебный процесс. В Центре соблюдается строгий режим дня. Наблюдение за воспитанниками ведется на протяжении всего периода нахождения ребят в Центре. Ни один воспитанник не передвигается свободно на территории учреждения. За время пребывания в Центре подростки должны усвоить навыки поведения, связанные с соблюдением режима дня и режима питания, правила личной гигиены и режим труда и отдыха. Усвоение данных навыков является физиологической основой самодисциплины.

Однако у каждого несовершеннолетнего правонарушителя есть своя индивидуальная история, приведшая его к антисоциальному поведению. Во многих случаях давление негативного личного опыта и несформированность адекватных возрасту социальных навыков и знаний требует от работников Центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей при МВД выстраивать индивидуальную траекторию коррекционной работы с воспитанником. Специфическая особенность индивидуальной траектории воспитания несовершеннолетнего правонарушителя заключается во временных запретах воспитаннику занимать позицию субъекта выбора.

Главная цель психолого-педагогической диагностики несовершеннолетних, помещенных в Центр временного содержания, заключается в выявлении причин приведших к правонарушениям. Психологическая диагностика имеет несколько направлений:

- выявление особенностей характера;
- выявление психо-эмоционального состояния;
- выявление детско-родительских отношений;
- выявление взаимоотношений со сверстниками.

При помощи определенных методик специалисты устанавливают уровень социализации подростка, уровень усвоения им системы ценностей, норм, знаний, культуры поведения. Диагностика уровня социализации предусматривает несколько этапов:

- Первый этап — вводно-психодиагностический — рассчитан на одну неделю. Основная задача данного этапа — выявление проблем несовершеннолетнего путем проведения различных методик.

- Второй этап – психокоррекционный – рассчитан на три недели. Главная задача этого этапа – переориентировать противоправное поведение подростков-правонарушителей.
- Третий этап – контрольно-диагностический – занимает пару дней. На этом этапе проводится контрольная диагностика. Ее основная цель – определение эффективности психокоррекционной работы с несовершеннолетними правонарушителями в условиях ЦВСНП.

По окончании срока пребывания несовершеннолетнего составляется индивидуальная педагогическая характеристика, заключение и рекомендации психолога о возможных путях и методах коррекции поведения.

После того, как подросток покинет стены Центра временного содержания несовершеннолетних правонарушителей при МВД, надзор и профилактическая работа с ним и с семьей, в которой он находится, не прекращается. Инспектор ПДН, совместно с педагогами школы, в которой он учится, участковым, представителем органов опеки иногда с представителем лечебного учреждения осуществляют контроль за его дальнейшей социализацией и реабилитацией.

Подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить, что к факторам проявления делинквентного поведения у несовершеннолетних относятся:

- фрустрация детской потребности в заботе и привязанности со стороны родителей;
- физическая или психологическая жестокость;
- острая травма (болезнь, смерть родителя, насилие, развод).

В содержании процесса психолого-педагогической работы по коррекции девиантного поведения несовершеннолетних нами было выявлено несколько этапов: вводно-психодиагностический, психокоррекционный, контрольно-диагностический.

Литература

- Прокурова С. В.* Психокоррекционная программа работы с несовершеннолетними правонарушителями в Центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей ГУВД по Волгоградской области. Волгоград, 2011.
- Слободенюк Е. А., Олешкевич Н. А.* Психолого-педагогическая работа по коррекции девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей в условиях центра временного содержания // Между-

народный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 7–4. С. 693–698.

Шульга Т. И., Олиференко Л. Я., Быков А. В. Социально-психологическая помощь обездоленным детям: опыт исследований и практической работы: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 031300 «Соц. педагогика». М.: Изд-во УРАО, 2003.

Изучение творческих способностей младших школьников сельской и городской школ

Г. С. Ахтямова (Казань)

В последнее время родители детей и педагоги все чаще задумываются над таким вопросом: как же помочь ребенку развить творческие способности, которые включают такие умения как способность принимать креативные, нестандартные решения, создавать новые идеи, находить выход из любой ситуации?

Проблему развития творческих способностей поднимали зарубежные и отечественные педагоги в своих исследованиях. Ш. Амонашвили отмечал, что наиболее благоприятным периодом для развития креативности является младший школьный возраст. Кроме того, было указано, что младшие школьники способны ставить цели, подходить к решению проблемы нестандартным образом (Яковлева, 2005).

Целью исследования явилось исследование уровня творческих способностей младших школьников сельской и городской школ.

Гипотеза исследования: уровень творческих способностей детей младшего школьного возраста зависит от эффективности используемых педагогом начального звена методов, средств и приемов; младшие школьники сельской школы не сильно отстают в обладании творческими способностями от учащихся городских школ.

В исследовании участвовали 50 учащихся начальных классов МБОУ «Габишевская СОШ» Лаишевского района в возрасте от 9 до 11 лет и 51 младших школьников МБОУ «Школа № 129» Приволжского района в возрасте 9–11 лет. Для изучения уровня креативности учащихся начальных классов использовались методы, такие как: анкетирование, наблюдение, тестирование, беседа. Для статистического анализа результатов исследования применялась программа Excel 2010. Для определения уровня развития творческих способностей учащихся была использована методика Г. Дэвиса.

В результате проведенного исследования были получены следующие данные: 21 учащихся МБОУ «Габишевская СОШ» на констатирующем этапе имели высокий уровень развития творческих способностей; 29 человек – средний, 7 человек – низкий; после внедрения программы по развитию креативности показатели улучшились: 30 – высокий, 17 – средний, 3 – низкий.

Показатели учащихся Школы № 129 на контрольном этапе эксперимента были следующими: 78% – высокий уровень, 15% – средний, 7% – низкий.

Самым высоким показателем у учащихся МБОУ «Габишевская СОШ» Лаишевского района на контрольном этапе исследования оказался показатель «оригинальности». У учащихся МБОУ «Школа № 128» данный показатель был немного выше.

Результаты исследования выявили несущественные различия в уровне развития творческих способностей у учащихся сельской и городской школ. Кроме того, была апробирована в ходе исследования авторская программа по развитию творческих способностей, которая включала эффективные методы и приемы развития креативности у учащихся начальных классов. Благодаря данной программе уровень развития творческих способностей у учащихся значительно возрос.

Литература

Яковлева Е. Л. Психологические условия развития творческого потенциала у детей школьного возраста // Вопросы психологии. 1994. № 5. С. 37–42.

Профессиональная идентичность как детерминанта развития волевых качеств студентов*

Л. В. Бабий (Тверь)

Актуальность исследования обусловлена тем, что профессиональная идентичность является одним из критериев успешности профессионального развития личности. Профессионал как субъект труда сам ставит цели деятельности, определяет пути и средства их достижения, а также несет ответственность за последствия ее реализации.

* Благодарность выражается кандидату психологических наук Е. Д. Короткиной (Тверь) за активное содействие в проведении теоретического и эмпирического исследований, а также анализе результатов данных исследований.

Следовательно, речь идет о его волевой сфере личности, ведь именно она отвечает за все вышеперечисленное. Очень важным этапом в профессиональном становлении личности является период получения профессионального образования, так как именно в этот период закладываются инструментальные основы деятельности будущего специалиста. Обучение в вузе способствует не только получению профессиональных знаний, но и укреплению профессионально важных личностных качеств.

Именно поэтому важно понять какова специфика развития волевых качеств личности студентов при различных уровнях сформированности их профессиональной идентичности.

Обратимся к рассмотрению волевой сферы личности. Ряд авторов рассматривают волю как высшую психическую функцию, которая обеспечивает регуляцию действий, психических процессов и состояний в условиях конфликта решений высшего уровня функционирования человека и решений, а также возможностей более низких уровней (Иванников с соавт., 2014). В нашей работе мы рассматриваем понятие «воля» через призму именно этого определения.

По мнению Е. П. Ильина, волевые качества – «это особенности волевой регуляции, которые проявляются в конкретных специфических условиях, обусловленных характером преодолеваемой трудности» (Ильин, 2001).

Мы придерживаемся концепции В. И. Селиванова, который выделяет следующие волевые качества.

- Целеустремленность, которую он делит на стратегическую, детерминирующую умение человека следовать определенным идеалам и принципам, и оперативную, которая определяет способность человека ставить четкие цели и не отклоняться от них.
- Инициативность – это способность человека действовать по собственному почину.
- Самостоятельность – это способность совершать действия и поступки без помощи других лиц.
- Настойчивость характеризуется целесообразным упорством, при решении поставленной задачи.
- Выдержка – это способность сознательно затормаживать импульсы, которые препятствуют достижению цели.
- Решительность – это способность человека без долгой борьбы мотивов принимать осознанные решения и воплощать их.
- Смелость – способность человека принимать решения и приводить их в исполнение в условиях риска для личности.

Все вышеперечисленные качества, по мнению В. И. Селиванова, формируются в деятельности, но впоследствии оказывают на нее и обратное влияние (Селиванов, 1974).

По мнению О. А. Конопкина особенности функционирования воли являются важной предпосылкой овладения профессией (Конопкин, 1995).

В нашей работе мы опираемся на статусную модель Дж. Марсиа, который выделяет четыре статуса профессиональной идентичности. Мы рассматриваем исключительно сформированную профессиональную идентичность. Вышеупомянутый автор убежден, что сформированная (достигнутая) идентичность характеризуется законченностью периода кризиса и самоисследований, а также сформированностью определенной совокупности личностно значимых целей, ценностей и убеждений. Такой человек структурирует свою жизнь в соответствии со своими желаниями. Осознание трудностей не уменьшает стремления придерживаться избранного направления (Марсиа, 1993).

Целью работы является исследование специфики взаимосвязи сформированной профессиональной идентичности с уровнем, а также динамикой развития волевых качеств студентов.

Гипотеза исследования состоит в том, что сформированная профессиональная идентичность взаимосвязана с уровнем и динамикой развития волевых качеств студентов.

Выборку составили студенты факультета психологии Тверского государственного университета в возрасте 20–22 лет, в количестве 22 человек.

В процессе исследования применялись такие методы математической статистики, как критерии проверки на нормальность распределения Колмогорова–Смирнова, Шапиро–Уилка, формула К. Пирсона на вычисление коэффициента корреляции.

Лонгитюдное исследование проводилось в течение трех лет. Первый замер уровня развития волевых качеств студентов проводился в начале 1 курса, последующие замеры в конце 1, 2 и 3 курсов.

В качестве психодиагностических методик использовались: опросник Н. Н. Обозова «Волевой ли ты человек», Н. Б. Стамбуловой «Опросник на выявление уровня развития волевых качеств личности», А. А. Азбелья и А. Г. Грецова «Методика изучения статусов профессиональной идентичности».

Были проведены срезное и лонгитюдное исследования, а также их сравнительный анализ.

В ходе срезного исследования было выявлено следующее.

Сформированная профессиональная идентичность имеет достоверные (при $p < 0,01$) положительные умеренные взаимосвязи с силой

воли, достоверные (при $p < 0,01$) положительные сильные взаимосвязи с уровнем развития целеустремленности, достоверные (при $p < 0,05$) положительные умеренные взаимосвязи с генерализованностью самообладания и выдержки, достоверные (при $p < 0,01$) положительные умеренные взаимосвязи с выраженностью смелости и решительности, достоверные (при $p < 0,01$), а также положительные умеренные взаимосвязи с уровнем развития настойчивости и упорства. Из этого следует, что чем более студент уверен в выбранной профессии, тем выше будут показатели силы воли, уровень развития целеустремленности, настойчивости и упорства, тем чаще респондент будет применять такие волевые качества как самообладание и выдержка, тем устойчивей будут такие волевые качества как смелость и решительность.

Однако в ходе лонгитюдного исследования было выявлено следующее.

Сформированная профессиональная идентичность имеет достоверные слабые взаимосвязи с динамикой развития таких параметров как: генерализованность смелости и решительности ($r = -0,261$ при $p = 0,034$), выраженность ($r = -0,244$ при $p = 0,048$) и генерализованность самообладания и выдержки ($r = -0,244$ при $p = 0,048$). Следовательно, чем более сформирована у испытуемого профессиональная идентичность, тем более отрицательной будет динамика развития данных волевых качеств.

Сформированная профессиональная идентичность также имеет достоверные обратные умеренные взаимосвязи с динамикой развития таких параметров как: сила воли ($r = -0,318$ при $p = 0,009$), выраженность целеустремленности ($r = -0,432$ при $p = 0,000$). Из этого следует, что чем более сформирована у испытуемого профессиональная идентичность, тем более отрицательной будет динамика развития данных волевых качеств.

При этом мы обнаружили, что сформированная профессиональная идентичность имеет отрицательные взаимосвязи с динамикой развития таких параметров как: сила воли, выраженность целеустремленности и выраженность смелости и решительности. Следует отметить, что срезное исследование показывает их прямую взаимосвязь. Скорее всего, это связано с тем, что при довольно четком представлении себя представителем какого-либо профессионального сообщества человек уже имеет довольно высокий уровень развития данных волевых качеств. Это происходит вследствие того, что целеустремленность детерминирует способность личности подчинять свое поведение устойчивой жизненной цели, а также готовность и решимость отдать все силы для ее достижения, при пла-

номерном и неуклонном осуществлении данного намерения. Смелость и решительность, в свою очередь, определяет своевременность принятия адекватных решений, без лишних задержек и колебаний. Сила воли подкрепляет данные волевые качества. Следовательно, такая совокупность волевых качеств могла способствовать тому, что при поступлении в вуз цель была быстро и четко поставлена, план осуществления жестко выстроен. Однако, в процессе обучения при подробном знакомстве со спецификой данной профессии, у респондента появились некие сомнения в правильности ее выбора. Помимо этого, жестко выстроенный план действий мог претерпевать существенные изменения. Из этого следует, что уровень развития данных волевых качеств начал снижаться.

Таким образом, неоднозначные результаты исследования говорят о необходимости проведения дальнейших исследований взаимосвязи профессиональной идентичности с волевыми качествами студентов различных специальностей.

Литература

- Иванников В. А., Барабанов Д. Д., Монроз А. В., Шляпников В. Н., Эйдман Е. В.* Место понятия «воля» в современной психологии // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 15–23.
- Ильин Е. П.* Психология воли. СПб.: Питер, 2009.
- Конопкин О. А.* Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 5–13.
- Татарко С. А.* Измерение идентичности в рамках статусной модели Дж. Марсии // Психологическая диагностика. 2009. № 1. С. 1–39.
- Селиванов В. И.* Психология волевой активности. Рязань: Изд-во РГПИ, 1974.

Специфика самоотношения младших школьников и соответствие правилам в школьной среде*

Р. М. Байрамян (Москва)

Специфика самоотношения детей младшего школьного возраста определяется ведущей деятельностью, вхождением в новую, совершенно отличную от дошкольного возраста, социальную ситуа-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-31-27001.

цию развития. Самоотношение в данном возрасте зависит не только от самооценки, уровня притязаний, самопознания, «Я-концепции» в целом, также ведущим фактором является школьная среда, в которой большую часть времени находятся младшие школьники.

Школьная среда предопределяет порой вынужденную самостоятельность, активность, независимость, учитывая новые социальные связи, отношения, учебную деятельность. Рефлексия, самоконтроль, произвольность, внутренний план действий являются активаторами проявления самоотношения в младшем школьном возрасте, посредством чего достигается сформированность представлений о себе. Представления о себе, в свою очередь, могут быть адекватно/неадекватно завышенными или не завышенными, устойчивыми/неустойчивыми.

Успешность обучения, развитие навыков самообразования зависит не только от методов и способов обучения детей, квалификации учителей. Развитие потенциала детей, школьной среды, способности самоорганизации и саморегуляции, успешная социализация детей дает огромные преимущества не только в актуализации интеллектуальных навыков, а, главное, в развитии потенциала самого ребенка, становление его успешного взаимодействия со сверстниками, учителями, усвоении социальных норм и правил, активной самореализации в обществе (Сергиенко с соавт., 2017). Тем самым мы можем заключить, что связь между самоотношением и школьной средой априори допустима.

Школьная среда требует от ребенка необходимости ориентироваться на заданные социальные нормы, правила и требования, но при этом необходимо учитывать, что нормы постоянно меняются, обновляются (Нартова-Бочавер, 2005). В учебной деятельности — это «нормативные» способы решения действенных, поведенческих, интеллектуальных задач. Поведение ребенка (особенно на уроке) должно подчиняться строго фиксированным правилам. И сами отношения с учителем и сверстниками тоже начинают носить значительно более «нормативный» характер, в частности появляется четкая структура группы (Сапогова, 2001). Это положение обуславливает необходимость рассмотрения специфики самоотношения в младшем школьном возрасте и то, как ребенок соответствует правилам в нормативной ситуации. Нормы обусловлены социальными стереотипами, при которых несоответствие поведения ребенка общепринятому в данной социальной среде может восприниматься как признак отставания (Нартова-Бочавер, 2005).

Взаимосвязь самооотношения и правил в школьной среде до сих пор остается малоизученным вопросом, чаще всего близкие по проблеме исследования труды лишь косвенным образом затрагивали ее. Специфика самооотношения, многие вопросы взаимосвязи самооотношения и компонентов школьной среды еще не были достаточно изучены, поэтому особенно актуально рассмотрение самооотношения во взаимосвязи с наиболее типичными правилами нормативной ситуации младшего школьника.

Цель и гипотеза исследования: изучить специфику самооотношения младших школьников и соответствие правилам в школьной среде, определив при этом связь между самооотношением и типичными правилам школьной среды младшего школьного возраста.

Характеристики выборки: в исследовании приняло участие 263 учащихся начальной школы, дети младшего школьного возраста ($M_{\text{возр.}} = 8,5$), а также 9 учителей (классные руководители) начальных классов ($M_{\text{возр.}} = 37,2$).

Математические методы, применявшиеся при анализе данных. Для определения специфики самооотношения младших школьников была использована проективная методика «Рисование кругов» (Б. Лонг, Р. Циллер и Р. Хендерсон), направленная на выявление самооотношения и самоидентичности в детском возрасте, а для определения правил в школьной среде – методика определения культурной конгруэнтности младшего школьника, включающая соответствующие факторы нормативной ситуации, содержащие в себе спектр типичных правил для младшего школьного возраста (Л. Ф. Баянова, Е. А. Цивильская, Р. М. Байрамян, К. С. Чулюкин). Для обработки эмпирических данных был использован корреляционный анализ Пирсона в программе IBM SPSS Statistics 22.

Результаты и их интерпретация

По результатам обработки данных была обнаружена статистически значимая прямая связь между самооотношением и культурной конгруэнтностью как показателя соответствия правилам учащихся начальных классов ($p \leq 0,01$, $r = 0,452$), где чем выше показатель самооотношения, тем выше показатель культурной конгруэнтности и наоборот, чем ниже самооотношение, тем ниже культурная конгруэнтность. То есть, чем больше ребенок соответствует правилам в школьной среде, тем лучше показатели самооотношения младшего школьника. Усилия, затрачиваемые на учебную деятельность и решение учебных задач, в младшей школе обусловлены, как правило, системой отношений со значимыми взрослыми (стремление к одобрению учителем,

родителями, другими значимыми фигурами). В этом смысле дети очень чувствительны к настроениям и отношению к ним учителя, их старания базируются на желании вызвать его радость, гордость, похвалу и восхищение их результатами (Шадриков, 2005). Младший школьник стремится соответствовать школьным требованиям, правилам, которые направлены со стороны взрослого, ожидая при этом одобрение. Получая одобрение и похвалу за следование правилам в школьной среде, у младшего школьника улучшается мнение о себе, представление себя в лице других, самооценка и самоотношение.

Также была выявлена специфика самоотношения младшего школьника и соответствие правилам в школьной среде посредством разделения респондентов на группы по уровням представлений о себе, а также их соотношения к уровням культурной конгруэнтности.

По результатам диагностики специфики самоотношения детей младшего школьного возраста, были выявлены 3 группы: адекватно-устойчивая группа; неадекватно-неустойчивая группа; ориентация на других:

1. Адекватные и устойчивые представления о себе, где адекватность и устойчивость представлений о себе определяется самостоятельным анализом своих поступков и поведения, рефлексией, адекватностью расценивать свои возможности и способности, а также характеризуется умением анализировать свои поступки и большей ориентированностью на собственные знания о себе, чем на оценку взрослых.
2. Неадекватные и неустойчивые представления о себе — дети плохо разбираются в себе, слабо анализируют свои поступки, такие дети постоянно нуждаются во внешнем контроле и поддержке.
3. Ориентация на характеристики, данные ребенку другими, особенно взрослыми — дети почти не ориентируются в своем внутреннем мире, представления о себе расплывчаты и неадекватны, подвержены внешним мнениям и оценкам, самооценка неадекватная, плохая ориентация на свои реальные возможности и способности.

Выводы

Для младшего школьника одним из центральных моментов характеристики самого себя, отношения к самому себе становится школьная оценка успеваемости, соблюдение школьных правил и норм. Младшие школьники в большинстве случаев охотно подчиняются требованиям взрослых, и учителя в частности, стремятся быть одоб-

ряемыми референтными взрослыми. Взаимосвязь самоотношения младшего школьника и правил в школьной среде определена также спецификой ориентации самоотношения и представлений о себе в младшем школьном возрасте.

Литература

- Нартова-Бочавер С. К., Потапова А. В.* Введение в психологию развития: учеб. пособие. М.: Флинта—МПСИ, 2005.
- Сапогова Е. Е.* Психология развития человека: Учебное пособие. М.: Аспект-Пресс, 2001.
- Сергиенко Е. А., Марцинковская Т. Д., Изотова Е. И., Лебедева Е. И., Уланова А. Ю.* Программа социально-эмоционального развития детей младшего школьного возраста. М.: Благотворительный фонд Сбербанка «Вклад в будущее», 2017.
- Шадриков В. Д., Зиновьева Н. А., Кузнецова М. Д.* Развитие младших школьников в различных образовательных системах. М.: Логос, 2012.

Графологический анализ подписи как метод экспресс-диагностики в профориентационной работе психолога

И. А. Барияк, Г. А. Сырочья (Тверь)

Реалии современности усложняют принятие профессионального выбора. Осознание нестабильности и необъятности мира профессий, развивающегося с бешеной скоростью, повышает важность грамотного проведения профориентационных мероприятий. Э. Ф. Зеер отмечает, что в современных условиях профориентация имеет ранг государственной задачи и подразумевает включение субъектов образовательного процесса и социальных партнеров (Зеер, 2015).

Кроме стандартных диагностических методик, которые меняются годами и в условиях современности быстро устаревают, перспективным решением задач профориентации может стать графологический анализ почерка и подписи оптантов. Данный метод имеет несколько неоспоримых преимуществ: обширный комплекс диагностируемых характеристик личности и ее поведения, финансовая выгода, анонимность анализа, невозможность получить заведомо недостоверные результаты, малые усилия по проведению, небольшая продолжительность, меньшее влияние обстановки тестирования (Алесковский, 2006; Чернов, 2011).

Целью данного исследования стало построение теоретико-эмпирической модели, группирующей характеристики подписи, и оценка ее соответствия типам профессии по объекту труда.

Согласно поставленной цели исследования были сформулированы следующие задачи:

1. Рассмотреть типы профессии, предпочитаемые обучающимися 9-х классов Академической гимназии при ТвГУ и МОУ «Гимназия № 44 г. Твери», определенные с помощью Дифференциально-диагностического опросника Е. А. Климова, анкеты «Ориентация» И. Л. Соломина и «Опросника для определения профессиональной готовности» Л. Н. Кабардовой;
2. Провести графологический анализ подписей обучающихся 9-х классов Академической гимназии при ТвГУ и МОУ «Гимназия № 44 г. Твери»;
3. Построить пробную теоретико-эмпирическую модель, группирующую характеристики подписи и сопоставить ее с желаемым типом профессии, определенным с помощью Дифференциально-диагностического опросника Е. А. Климова, анкеты «Ориентация» И. Л. Соломина и «Опросника для определения профессиональной готовности» Л. Н. Кабардовой.

Объектом исследования были выбраны подписи обучающихся 9-х классов Академической гимназии при ТвГУ и МОУ «Гимназия № 44 г. Твери». В качестве предмета исследования рассматривались особенности подписей обучающихся 9-ых классов Академической гимназии при ТвГУ и МОУ «Гимназия № 44 г. Твери», характерные для типов профессии по объекту труда. Эмпирической проверке подверглась гипотеза о возможности применения графологического анализа для определения предпочитаемого типа профессии по объекту труда.

В исследовании применялись следующие *методы*: тестирование, графологический анализ подписи, иерархический кластерный анализ, анализ таблиц сопряженности. Статистическая обработка была реализована на базе Microsoft Excel и SPSS Statistics 18.

Исследуемая *выборка* состояла из 69 обучающихся 9-ых классов Академической гимназии при ТвГУ и МОУ «Гимназия № 44 г. Твери», из которых 52,7% девушек и 47,3% юношей в возрасте от 14 до 16 лет.

В результате диагностики было выявлено преобладание у обучающихся интереса к профессиям типа «Человек–Человек», «Человек–Художественный образ» и «Человек–Техника», а также к смежным подтипам «Человек–Человек/Человек–Художественный образ» и «Человек–Техника/Человек–Знаковая система».

С помощью иерархического кластерного анализа была построена пробная теоретико-эмпирическая модель, группирующая графологические характеристики подписи. В итоге были сформированы три кластера, имеющие следующие особенности:

1. Кластер I – подпись длиной 2–4 буквы, присутствуют одна или две заглавные буквы, равные или немного превышающие по высоте остальные, сам размер букв варьируется от маленьких до крупных. Подпись компактна, разборчива. Удлинение может быть (сюда же были включены респонденты, у которых нет удлинения подписи), встречается возвращение к началу подписи с ее перечеркиванием и подчеркиванием по всей длине. Вертикальные элементы либо отсутствуют, либо есть вертикальный всплеск в конце подписи. Амплитуда ровная или увеличивающаяся к концу. Представители кластера I склонны располагать подпись в центре квадрата с оставлением места вокруг. В свободном месте она не отличается от подписи в квадрате. Увеличение характеристик отсутствует, может повышаться размашистость, увеличиваться первая буква.
2. Кластер II – подпись длиной 1–4 буквы (может быть очень длинной – 9 букв), присутствуют одна или две заглавные буквы, от равной по высоте остальным до очень большой, размер букв нормальный или крупный. Подпись может быть как компактной, так и размашистой, как разборчивой, так и неразборчивой. Удлинение есть, возвращения к началу либо отсутствуют, либо сочетаются с перечеркиванием, встречаются подчеркивания подписи несколькими чертами, вертикальные элементы либо отсутствуют, либо есть вертикальный всплеск в конце подписи. Амплитуда может быть любой. Подпись в квадрате располагается в центре или ближе к сторонам (реже в углах), оставлено пространство вокруг, встречается выход за границы. Подпись в свободном месте отличается от таковой в квадрате: повышается размашистость, увеличиваются размеры подписи, может добавляться удлинение росчерка или увеличение первой буквы. Встречается появление стремления подписи вверх.
3. Кластер III – подпись длиной 2 или 6 букв, присутствуют одна или три заглавных буквы, равные или немного превышающие по высоте остальные, сами буквы либо маленькие, либо крупные. Подпись размашистая, неразборчивая. Удлинение есть, возвращения к началу сочетается либо с перечеркиванием, либо с подчеркиванием подписи по всей длине, либо с подчеркива-

нием в виде крыши. Вертикальные всплески в большей степени отсутствуют. Амплитуда уменьшается к концу. Подпись располагается в центре квадрата или ближе к его сторонам, оставлено пространство вокруг, встречается выход за границы. Подпись в свободном месте отличается от таковой в квадрате, причем вариабельность этих отличий высока.

Итоговая пробная модель включила в себя графологические характеристики подписи по системе Д. М. Зуева-Инсарова и некоторые специфические для данного исследования. Таким образом, при графологическом анализе подписи в соответствии с данной моделью респондент может быть отнесен к одному из трех кластеров.

Полученные результаты были проанализированы с точки зрения их сопоставления с желаемым типом профессии по объекту труда. По критерию χ^2 Пирсона не было установлено достоверных различий между кластерами по предпочитаемому типу профессии. Однако качественно кластеры построенной теоретико-эмпирической модели наполнены по-разному. Так, к кластеру I были отнесены респонденты, отдающие предпочтение всем типам и большинству подтипов профессии по объекту труда. У респондентов кластера II явное нежелание связывать свою трудовую деятельность с природными объектами и необходимостью сочетать взаимодействие с людьми и знаковыми системами одновременно. Кластер III, наоборот, более направлен на сферу «Человек–Природа». Также респондентам данной группы интересно взаимодействие с техникой и художественными образами, но работа со знаковыми системами вызывает отторжение.

В перспективе исследования выборка будет расширена, количество кластеров теоретико-эмпирической модели возрастет до пяти. Техническое увеличение выборки подтвердило, что это позволит достичь достоверного уровня различий между кластерами по предпочитаемому типу профессии по объекту труда.

Результаты эмпирического исследования будут полезны в профориентационной работе педагога-психолога, профориентолога, психолога-консультанта, социального педагога и других специалистов, занимающихся вопросами профориентации обучающихся и студентов.

Литература

Алесковский С. Ю., Комиссарова Я. В. Основы графологии: учеб.-метод. пособие. М.: Юрлитинформ, 2006.

Зеер Э. Ф., Павлова А. М., Садовникова Н. О. Профориентология. Теория и практика: учебное пособие для высшей школы. М.: Академический проект—Фонд «Мир», 2015. URL: <http://www.iprbookshop.ru/60091.html>.

Чернов Ю. Г. Психологический анализ почерка. Системный подход и компьютерная реализация в психологии, криминологии и судебной экспертизе. М.: Генезис, 2011. URL: <http://www.iprbookshop.ru/19360.html>.

Сравнительная характеристика ценностных ориентаций студентов, обучающихся на технических и гуманитарных направлениях

Е. С. Бекасова (Кострома)

Сейчас является актуальным вопрос об исследовании ценностных ориентаций студентов, так как, с одной стороны, само понятие ценностных ориентаций определяют неоднозначно, а с другой — они изменчивы под влиянием ряда факторов. К таким факторам можно отнести политическую, экономическую, духовную ситуацию в стране. Больше всего данным изменениям в ценностных ориентациях подвержена именно молодежь. Внимание к формированию ценностей некоторых людей особенно повышается в критических, переломных аспектах истории человечества. Именно в такие моменты идет переоценка прежних ценностей, их корректировка или кардинальное изменение. В. Г. Алексеев определял ценностные ориентации как сложное социально-психологическое явление, определяющее направленность и сущность активности личности, характеризующее в совокупности отношение человека к окружающей действительности, к себе, а также вносящее значимость и направленность личностным позициям, действиям, поступкам (Алексеев, 2009). В психологии смысложизненные ориентации представляют собой итог представления и понимания ценностей, предназначения собственной жизни (Леонтьев, 2003). Это основные значения, доминирующие на конкретном периоде жизни и катализирующие важнейшую направленность самореализации. Ценностные и смысложизненные ориентации личности имеют взаимосвязь, так как ценностные ориентации являются мощным регулятором поведения человека во всех сферах его жизни, придают направленность и активность самой личности. Ценностные ориентации обуславливают отношение челове-

ка к себе, обществу, к миру и тем самым придают смысл человеческой деятельности, его позиции и жизни в целом.

Цель исследования заключается в сравнении ценностных ориентаций студентов первого курса технических направлений среднего профессионального и гуманитарных направлений высшего образования.

Гипотеза нашего исследования заключается в предположении о том, что существуют различия в ценностных ориентациях студентов, которые выбрали технические направления профессиональной подготовки в среднем профессиональном учебном заведении и гуманитарные направления в вузе.

В исследовании приняли участие студенты первого курса Костромского машиностроительного техникума – 28 человек и 20 человек Костромского государственного университета института педагогики и психологии в возрасте от 16 до 19 лет включительно. Из них 17 девушек и 31 юношей. Из машиностроительного техникума принимали участие студенты таких направлений подготовки как: «Техническое обслуживание и ремонт радиоэлектронной техники» – 7 человек; «Компьютерные сети» – 9 человек; «Операционная деятельность в логистике» – 12 человек. Из института педагогики и психологии принимали участие студенты таких направлений подготовки, как: «Психология» – 8 человек; «Социальная работа» – 12 человек.

Методы и методики исследования: тест «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С. С. Бубновой, 1999; Тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева, 1992; (адаптированная версия теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test, PIL) Д. Крамбо и Л. Махолика, 1981); статистические математические методы: непараметрический критерий Ч. Спирмена, статистический U-критерий Манна–Уитни.

Проанализировав полученные данные, мы получили следующие результаты. Были выявлены статистически значимые корреляции между показателями ценностных и смысловых ориентаций. Выяснилось, что любовь положительно коррелирует с таким компонентом осмысленности жизни, как процесс жизни на среднем уровне ($r=0,414$, $p=0,003$). Это означает, что если студенты переживают или переживали такое сильное чувство, как любовь, то насыщенность яркими эмоциями, чувствами будет гораздо выше.

Также любовь положительно коррелирует с общим показателем осмысленности жизни на среднем уровне ($r=0,407$, $p=0,004$). Это

свидетельствует о том, что чем сильнее любовь проявляется в жизни человека, тем больше она придает смысла в жизни.

Здоровье положительно коррелирует с результатом жизни на слабом уровне ($r=0,295$, $p=0,042$). Это может говорить о том, что удовлетворенность прожитым промежутком жизни способно влиять на физическое благополучие своего тела, и наоборот.

Также выяснилось, что здоровье положительно коррелирует с локусом контроля – я ($r=0,32$, $p=0,027$) на слабом уровне. Вероятно, это говорит о том, что состояние своего тела может оказывать влияние на представление о себе как о сильной личности, которая может самостоятельно делать выбор и контролировать процесс своей жизни. Это означает, что чем выше качество здоровья человека, тем он увереннее в своих силах по регуляции течения своей жизни.

В ходе исследования мы сравнили показатели ценностных ориентаций студентов техникума и студентов вуза с помощью статистического расчета U-критерия Манна–Уитни. Так, показатель «Поиск и наслаждение прекрасным» у студентов вуза имеет значение 3,8, уровень которого выше, чем у студентов техникума (2,14). По статистическому анализу расчета U-критерия Манна–Уитни выявлены значимые различия ($U = 110,5$, $p\text{-level} \leq 0,01$). Данная ценность выражена выше у студентов вуза, огромную роль в своей жизни они отводят познанию и созерцанию прекрасного.

Вывод: существуют различия в ценностных ориентациях между людьми, которые выбрали технические направления в среднем профессиональном учебном заведении и гуманитарные направления в вузе. А именно, мы выяснили, что различия проявляются в тех ценностных ориентациях, которые носят гуманитарный характер, в частности, поиск и наслаждение прекрасным. Значит, у студентов, обучающихся в вузе на гуманитарных направлениях подготовки эта ценность выражена значительно больше, чем у студентов технических направлений подготовки. Вышеизложенное доказывает то, что наша гипотеза частично подтвердилась.

Литература

- Алексеев В. Г.* Ценностные ориентации личности и проблема их формирования. М.: Академия, 2009.
- Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.

Гендерный стереотип у девушек, обучающихся на гуманитарных и естественнонаучных направлениях*

*К. Е. Белоплотова, К. Р. Шарафиева, О. Р. Полякова, Е. А. Есипенко
(Томск)*

На когнитивные способности и успешность решения различных задач может влиять наличие стереотипа (Doyle, Voyer, 2015). Теория угрозы подтверждения стереотипа («stereotype threat») говорит о том, что члены стигматизированной группы хуже справляются с решением задач, направленных на проверку их способностей, из-за боязни подтверждения существующего негативного социального стереотипа об этой группе (Hausmann, 2014; Pennington, Heim, 2016). В настоящий момент известно, что это влияние неоднозначное и зависит от типа стереотипизации. Например, существует небольшое улучшение когнитивных способностей при воздействии позитивного стереотипа о своей группе – стереотипное повышение («stereotype lift»). Значительное увеличение показателей при воздействии аналогичного стереотипа называют стереотипным стимулированием («stereotype boost»). Другой эффект носит название восприимчивости к стереотипу («stereotype susceptibility») и выражается в улучшении способностей при воздействии негативного стереотипа о противоположной группе. Также существует стереотипная реактивность («stereotype reactivity») при которой улучшение происходит в ответ на негативный стереотип о своей группе. Подобная реакция наблюдалась, когда стереотип подавался эксплицитно, то есть в открытой форме (Hausmann, 2014).

Исследование влияния гендерного стереотипа на успешность решения пространственных и математических задач в настоящее время актуально в связи с изучением факторов, влияющих на выбор STEM-дисциплин (включающих науку, технологии, инженерное дело и математику). Данные дисциплины являются приоритетным направлением в образовании и в научной деятельности, поскольку большое количество специалистов в данных областях способствует экономическому развитию. В связи с этим активация гендерного стереотипа о том, что женщины хуже проявляют себя в STEM-дисциплинах, может негативно сказываться на выборе этих направлений для обучения (Савостина, 2017). Зарубежными исследователями было установлено, что предъявление негативного стереотипа при решении

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-313-00251.

математических задач приводит к ухудшению результатов. Так наибольшее различие было найдено в группе женщин, ассоциирующих себя с математикой (Doyle, Voyer, 2015). Что касается пространственных способностей, то существует еще более выраженный социальный стереотип о том, что мужчины обладают лучшими пространственными способностями. В этом контексте исследователи обнаружили значимые различия между мужчинами и женщинами в задачах на ментальное вращение. Однако исследователи говорят о том, что в настоящий момент данный вопрос требует дополнительного изучения (там же). В целом на российской выборке существует мало работ, посвященных изучению роли гендерного стереотипа в решении пространственных задач у женщин. Именно поэтому цель данной работы следующая: сравнение эмоциональных и когнитивных характеристик у двух групп участниц, у одной из которых эксплицитно активировался стереотип (экспериментальная группа), а также нами учитывалось направление обучения, которое могло оказать влияние на отношение к стереотипу, так как существует представление, что «гуманитарии с математикой не дружат».

Были поставлены следующие исследовательские *гипотезы*:

- 1) для STEM-направления характерно, что девушки, которым задавался стереотип, не отличаются в результативности решения пространственных задач от тех, кому стереотип не задавался;
- 2) для гуманитарных направлений характерно, что девушки, которым задавался стереотип, реагируют на него сильнее, что отражается в решении пространственных задач.

Исследование было проведено на 81 участнике (все девушки, средний возраст $18,73 \pm 1,12$), где 42% из них студентки естественнонаучных направлений. Участницы были разделены на контрольную ($N=48$) и экспериментальную группы ($N=33$), куда вошли студентки разных направлений обучения. Перед проведением исследования участницам экспериментальной группы был эксплицитно предъявлен стереотип (с помощью дополнительной инструкции) о том, что женщины по сравнению с мужчинами хуже справляются с решением пространственных задач. Всем участницам предлагалось пройти тесты и заполнить опросники, оценивающие их когнитивные и эмоциональные особенности, которые могут оказывать влияние на продуктивность решения пространственных задач.

Батарея тестов, направленных на оценку пространственных способностей, включала 4 субтеста: Механические рассуждения и пространственные отношения, Умственное вращение, Визуализация,

Оперирование пространственными отношениями, также рассчитывался суммарный показатель по всем субтестам. Объем рабочей памяти был измерен с помощью Теста блоков Корси, реализуемого в открытом экспериментальном пространстве PEBL (Psychology Experiment Building Language). Пространственная тревожность оценивалась с помощью русскоязычной версии опросника С. Lawton (1994), состоящей из 10 вопросов (Дыскалеску, Есипенко, 2019).

Обработка данных производилась в статистической программе IBM SPSS v. 23.0. Для проверки переменных на соответствие нормальному распределению мы использовали критерий Колмогорова–Смирнова. Данный критерий показал, что тенденцию к нормальному распределению имеют показатели по субтесту Умственное вращение и суммарный балл по пространственным способностям ($p > 0,05$), поэтому для сравнения групп применялся непараметрический критерий Манна–Уитни.

В результате анализа было обнаружено, что между контрольной и экспериментальной группой значимые различия есть только по одному показателю – пространственной тревожности ($p = 0,012$). При этом в экспериментальной группе она составила $22,58 \pm 6,56$ балла, а в контрольной – $19,0 \pm 5,39$. Важно отметить, что, несмотря на отсутствие значимых различий между пространственными показателями, экспериментальная группа получила $33,46 \pm 8,33$, а контрольная – $34,9 \pm 9,61$ по суммарному баллу за все субтесты. На следующем этапе был проведен сравнительный анализ между контрольной и экспериментальной группами по отдельности для каждого направления. Для STEM-направлений ни по одному показателю не было выявлено значимых различий, общий балл по пространственным тестам составил $36,43 \pm 5,83$ для экспериментальной группы и $35,05 \pm 11,42$ – для контрольной. Для гуманитарных направлений не обнаружено статистически значимых различий в успешности решения пространственных задач, их результаты по суммарному показателю составили: у контрольной группы – $34,79 \pm 8,31$, у экспериментальной группы – $31,26 \pm 9,31$. Однако между экспериментальной и контрольной группой были обнаружены значимые различия по двум показателям: рабочей памяти ($p = 0,008$) и пространственной тревожности ($p = 0,032$). Так у группы, подвергшейся воздействию стереотипа, объем рабочей памяти был ниже ($5,16 \pm 0,69$) по сравнению с контрольной группой ($5,84 \pm 0,92$), а уровень пространственной тревожности – выше ($24,11 \pm 6,52$) по сравнению с контролем ($20,04 \pm 6,45$).

Таким образом, 1) нами была подтверждена гипотеза о том, что участницы контрольной и экспериментальной групп STEM-

направления не имеют различий в решении пространственных задач, 2) мы не подтвердили гипотезу, что стереотип может отразиться на результативности в решении пространственных задач у студентов гуманитарного направления. Однако были обнаружены результаты, что гендерный стереотип повышает уровень пространственной тревожности, а это может оказывать влияние на отношение участниц к решению пространственных задач. Также нами было обнаружено подтверждение литературных данных о том, что тревожность расходует ресурс рабочей памяти, тем самым уменьшая ее объем (Pennington, Heim, 2016). Полученные результаты представляют интерес и требуют дополнительной проверки на большей выборке.

Литература

- Дыскалеску М. К., Есипенко Е. А.* Разработка дизайна исследования для изучения пространственных способностей учащихся // Инновации в образовании: концепции, проблемы, перспективы: материалы IV Международной научно-практической конференции. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2019. С. 17–21.
- Савостина Е. А., Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А.* STEM: профессиональные траектории молодежи (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2017. № 3 (84). С. 33–44.
- Doyle R. A., Voyer D.* Stereotype manipulation effects on math and spatial test performance: a meta-analysis // Learning and Individual Differences. 2016. № 47. P. 103–116.
- Haussmann M.* Arts versus science – Academic background implicitly activates gender stereotypes on cognitive abilities with threat raising men’s (but lowering women’s) performance // Intelligence. 2014. № 46. P. 235–245.
- Pennington C. R., Heim D., Levy A. R., Larkin D. T.* Twenty Years of Stereotype Threat Research: A Review of Psychological Mediators // PLoS ONE. 2016. V. 11 (1).

Связь между склонностью к созависимости и рефлексивностью: пилотажное исследование

А. А. Бердичевский (Москва)

В современном мире некоторым его членам довольно сложно стать истинными субъектами своей жизнедеятельности, от чего могут формироваться различные модели зависимого поведения, приме-

ром чему являются созависимые отношения. Созависимость можно описать при помощи двух критериев: формальный — совместное проживание с человеком, страдающим зависимостью от ПАВ, и содержательный — наличие у человека личностных особенностей, свойственных созависимым людям.

В данном исследовании под созависимостью понимается «психосоциальное состояние, проявляющееся через неблагополучную модель поведения, которая характеризуется: 1) чрезмерным вниманием вовне, 2) отсутствием открытого выражения чувств и 3) попытками получить чувство значимости через отношения» (Бердичевский с соавт., 2019).

Чтобы изменить созависимые отношения необходимо взглянуть со стороны на свое поведение, поведение партнера и ситуацию в целом (Манухина, 2016). Этому может способствовать развитие навыка рефлексии. Говоря о рефлексии важно отмечать, что не вся рефлексия положительно сказывается на психологическом благополучии субъекта. Д. А. Леонтьев и Е. Н. Осин выделяют 4 вида рефлексии по двум основаниям: «направленность сознания на внешнюю ситуацию», «направленность на себя», а также говорят о важности самодистанцирования — «возможности отстраниться, посмотреть на себя со стороны, вынырнуть из потока собственной жизни» (Леонтьев, Осин, 2014). Они выделяют 4 вида рефлексии: *арефлексия* (направленность сознания на внешнюю ситуацию, без внимания на себя), *интроспекция* (фокус внимания на внутренних процессах человека, без осознания внешних обстоятельств), *квазирефлексия* (полная отстраненность от своего внутреннего мира и актуальной ситуации бытия, сосредоточенность сознания на объекте вне данной ситуации) и *системная рефлексия* (осознание себя и своей жизнедеятельности в актуальной ситуации).

По мнению авторов, наиболее адаптивной является системная рефлексия, «основанная на самодистанцировании и взгляде на себя со стороны позволяющая видеть одновременно полюс субъекта и полюс объекта» (там же).

В современных психологических исследованиях нами не было обнаружено работ, в которых бы исследовалась способность к системной рефлексии у созависимых людей и на основании этого *целью* данного исследования является рассмотрение взаимосвязи созависимости и рефлексии у лиц, проживающими с людьми, страдающими от употребления ПАВ.

Задачи исследования:

- 1) дополнительная проверка валидности Модифицированной шкалы созависимости Спенн–Фишер в адаптации А. А. Бердичевского, М. А. Падун, М. А. Гагариной;
- 2) определение типов рефлексии, свойственных созависимым лицам.

Теоретическая исследовательская гипотеза: созависимым людям не свойственна системная рефлексия.

Объект исследования – психологические характеристики созависимых лиц.

Предмет исследования – связь рефлексии и созависимости у людей, проживающих с партнерами, страдающими от употребления ПАВ.

Выборку исследования составили женщины (N = 33) участники Межрегионального общественного движения в поддержку семейных клубов трезвости (16 чел.), РЦ «Неугасимая надежда» (9 чел.) и РЦ «Уника» (8 чел.) в возрасте от 29 до 60 лет (M = 47,8, SD = 8,3), совместно проживающие с людьми, страдающими от употребления психоактивных веществ.

Методики

1. Дифференциальный тест рефлексивности (ДТР) (Леонтьев с соавт., 2009);
2. Модифицированная шкала созависимости Спенн–Фишер (ШСЗ СФ) (Бердичевский с соавт., 2019).

При статистической обработке данных использовалась программа Statistica 8.0 и следующие критерии:

- нормальность распределения – критерии Колмогорова–Смирнова и Лиллиефорса;
- значимость различий – t-критерий Стьюдента;
- определение взаимосвязей – коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты и их обсуждение

Все данные, полученные в исследовании, подчиняются нормальному закону распределения ШСЗ СФ (K–S d = 0,07378, p > 0,20; Lilliefors p > 0,20), системная рефлексия (K–S d = 0,09870, p > 0,20; Lilliefors p > 0,20), интроспекция (K–S d = 0,09526, p > 0,20; Lilliefors p > 0,20), квазирефлексия (K–S d = 0,09620, p > 0,20; Lilliefors p > 0,20).

В исследовании (N = 33) были получены следующие результаты по ШСЗ СФ: M = 50,12, MIN = 31, MAX = 70, SD = 8,82. Данные адап-

тации методики на выборке девушек-студентов ($N = 137$) имеют показатели $M = 45,25$, $MIN = 21$, $MAX = 70$, $SD = 11,35$. Проверка различий между группой испытуемых, находящихся в отношениях с человеком, страдающим от употребления ПАВ и группой студентов, участвовавших в адаптации методики ШСЗ СФ, при помощи t -критерий Стьюдента показала значимость различий ($t = 2,3$ при $p < 0,02$). Полученные данные подтверждают критериальную валидность методики ШСЗ СФ, показывая, что уровень созависимости людей, находящихся в отношениях с зависимым, выше, чем у группы студентов. Результаты исследования соотносятся с данными авторского исследования валидности The Spann–Fischer Codependency Scale (Fischer et al., 1991). Подтверждение критериальной валидности позволяет эффективно использовать ШСЗ СФ для описания связи созависимости с другими психологическими свойствами исследуемых субъектов.

Значимой взаимосвязи между возрастом и созависимостью не обнаружено ($r = 0,16$ при $p < 0,05$). Как и в авторском исследовании (Fischer et al., 1991), так и в работе по адаптации ШСЗ СФ данные показывают, что степень выраженности не зависит от возраста испытуемых (Бердичевский с соавт., 2019). Можно предположить, что созависимость формируется или актуализируется в какой-то определенный период жизни человека. Основываясь на психогенетической теории Ю. В. Валентика, можно считать, что созависимость в отношениях с человеком, страдающим от употребления ПАВ, актуализируется в моменты употребления ПАВ (Бабурин, 2016).

На следующем этапе исследовалась связь созависимости с типами рефлексии по методике «Дифференцированный тест рефлексивности» Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина. При помощи коэффициента корреляции Пирсона были установлены значимые взаимосвязи созависимости и интроспекции ($r = 0,7$ при $p < 0,00001$) и квазирефлексии ($r = 0,64$ при $p < 0,0001$). Взаимосвязь степени выраженности созависимости и системной рефлексии установлена не была.

Данные свидетельствуют о том, что люди с высоким уровнем созависимости склонны к излишнему самокопанию и не обращают внимания на особенности актуальной жизненной ситуации, с одной стороны, а с другой – им свойственно «отключаться», т.е. уходить в размышления о предметах и отношениях вне актуальной ситуации, не беря во внимание протекание внутрисубъектных психологических процессов и особенностей окружающей действительности.

Вероятно, что созависимые люди не могут подвергать анализу ситуацию здесь и сейчас. Они либо сосредотачиваются на сво-

ем внутреннем мире, что может приводить к излишним самообвинениям, завышенным страданиям, либо вообще отключаются от того, что происходит внутри и снаружи их, пуская свою жизнь на самотек.

Выводы

В проведенном исследовании было показано, что Модифицированная шкала созависимости Спенн–Фишер в адаптации А. А. Бердичевского, М. А. Падун и М. А. Гагариной подтвердила критериальную валидность. Созависимые состояния более свойственны людям, находящимся в отношениях с лицами, страдающими от употребления ПАВ, в отличие от лиц, не состоящих в таких отношениях. Также были повторно получены данные о том, что уровень созависимости не зависит от возраста человека.

Созависимым свойственны два вида рефлексии: интроспекция и квазирефлексия. Оба типа рефлексивных процессов не принимают во внимание значимость актуальной жизненной ситуации, в которой находится субъект, что свидетельствует о том, что в созависимом состоянии, человек оторван от внешнего мира.

Крайне интересным представляется эмпирическое изучение вопроса, является ли созависимость устойчивой чертой личности или состоянием, актуализирующимся при определенных обстоятельствах.

Литература

- Бабурин А. Н.* Семейные клубы трезвости как метод реабилитации в системе наркологической помощи: учебно-методическое пособие / Под ред. А. Н. Бабурина, Г. В. Гусева, Е. А. Соборниковой, А. А. Горячевой. М.: Изд-во ГБОУ ДПО «Российская медицинская академия последипломного образования», 2016.
- Бердичевский А. А., Падун М. А., Гагарина М. А.* Апробация модифицированной версии методики «Шкала созависимости Спенн–Фишер» // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 215–234.
- Леонтьев Д. А., Осин Е. Н.* Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журн. Высшей школы экономики, 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.
- Манухина Н. М.* Созависимость глазами системного терапевта. М.: Независимая фирма «Класс», 2016.
- Fischer J., Spann L., Crawford D.* Measuring codependency // Alcoholism Treatment Quarterly. 1991. V. 8. № 1. P. 87–99.

Когнитивные особенности чтения вербальных и иконических текстов*

Е. Н. Блинова, О. В. Щербакова (Санкт-Петербург)

Чтение представляет собой комплексный когнитивный навык, включающий многообразные операции с текстом: от его восприятия до сложных интеллектуальных действий, опосредующих процессы понимания. Содержание современных текстов претерпевает значительные качественные трансформации. Все чаще в дополнение к вербальному ряду в них включаются иллюстративные элементы, выполняющие смысловую функцию. Можно предполагать, что такие тенденции формируют новые требования к процессам когнитивной обработки материалов для чтения. Однако вопрос о том, каково их содержание, остается малоизученным.

Отталкиваясь от классических теорий, освещающих проблему взаимодействия вербальных и образных репрезентаций (Веккер, 1976; Paivio, 1990), можно ожидать, что включение иллюстраций в текст будет способствовать его пониманию читателем. Отчасти данная гипотеза подтверждается результатами эмпирических исследований (напр.: Schnotz, Bannert, 2003). Однако в работах последних лет обнаруживается, что люди уделяют меньшее внимание иллюстративным элементам иконических текстов (Rayner et al., 2001) и понимают их общий смысл хуже, чем при работе с аналогичным материалом, представленным в вербальном формате (Petrova, Riekhakaunen, 2019). При этом, как правило, сами читатели склонны положительно оценивать свой опыт взаимодействия с текстами иконического формата (там же). Наличие противоречивых эмпирических данных и малая изученность проблемы на русскоязычных выборках стали отправной точкой для настоящего исследования. Его *целью* являлось изучение когнитивных особенностей работы читателей с текстами вербального и иконического форматов.

В работе проверялись следующие *гипотезы*:

- 1) существуют значимые различия в уровнях успешности понимания и самооценки понимания текстов разного формата: вербальные тексты понимаются читателями лучше, но оцениваются как хуже понятые, чем иконические;
- 2) данные различия связаны с качественной спецификой когнитивных механизмов, опосредующих понимание текстов разного формата.

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0010.

Исследование было реализовано в два последовательных этапа.

Основной задачей первого, *подготовительного*, этапа стала разработка стимульного материала: текстов разного формата, эквивалентных по своему содержанию. Для ее выполнения были отобраны три текста иконического формата различной тематики. Далее к каждому из них был составлен вербальный аналог. Эквивалентность полученных стимульных пар была оценена методом сравнения наборов ключевых слов (НКС; N=67). Совпадение НКС составило от 59% до 67%. Полученный результат оказался достаточным для того, чтобы признать тексты сходными по смысловому составу и использовать их в дальнейшей работе.

На втором, *основном*, этапе исследования был осуществлен сбор и анализ данных с целью проверки сформулированных гипотез. В работе использовалась смешанная методология, включавшая в себя элементы количественного и качественного исследовательских подходов. Такое решение было обусловлено необходимостью не только выполнить статистическую проверку гипотез, но и провести анализ содержательных особенностей когнитивных действий участников, проявляющихся при работе с текстами разного формата.

Процедура сбора данных была организована следующим образом: в ходе глубинного полуструктурированного интервью респондентам (N=40; 18–37 лет, Me=22; 77,5% – женщины) предлагалось прочитать два текста разного формата и содержания. Стимульный материал предъявлялся в псевдорандомизированном порядке. После чтения каждого из текстов участники самостоятельно оценивали успешность понимания прочитанного (по шкале от 0% до 100%), выполняли тестовые задания по материалам текста и обсуждали его содержание с интервьюером. Аудиозаписи интервью были дословно транскрибированы. Полнота понимания текстов респондентами оценивалась на основе письменных протоколов интервью двумя независимыми экспертами по предварительно разработанным критериям. Каждый участник мог получить от 0 (псевдопонимание текста) до 3 (полное понимание текста) баллов по данной шкале.

Для проверки сформулированных гипотез были использованы следующие *статистические критерии*: критерий U Манна–Уитни, критерий χ^2 Пирсона. По результатам сравнения показателей успешности выполнения тестовых заданий к текстам не было выявлено значимых различий, связанных с форматом предъявленного материала (U=618,5, p=0,08). Исключение составил один из текстов стимульного набора (U=21,5, p<0,01), наиболее сложный, по субъективным оценкам участников.

Полнота понимания текстов, оцененная экспертами, также значимо не различалась в случаях чтения респондентами текстов разного формата ($s^2 = 1,942$, $p = 0,631$). Независимо от того, с вербальными или иконическими текстами работали участники, чаще всего они показывали средний уровень понимания прочитанного по причине «выпадения» отдельных смысловых фрагментов содержания материала.

При сравнении показателей самооценки понимания текстов разного формата нами была обнаружена тенденция, обратная той, что мы ожидали обнаружить в соответствии со сформулированной гипотезой. Участники выше оценивали собственную успешность понимания вербальных, а не иконических текстов ($U = 455,0$, $p < 0,01$).

Для *уточнения интерпретаций* выявленных *статистических закономерностей* и более подробного изучения содержания когнитивных действий, опосредующих понимание текстов разного формата респондентами, нами был осуществлен *качественный анализ* протоколов интервью.

Его результаты позволяют судить о том, что при работе с иконическими текстами участники сталкивались с необходимостью выполнения интеллектуальных действий, специфических для такого формата, что в некоторых случаях затрудняло понимание их содержания. В частности, успешное освоение содержания иконических текстов требовало реализации следующих когнитивных операций: анализ графической структуры текста; анализ культурных кодов, представленных в графической форме; установление и поддержание связей между вербальными и графическими элементами текста.

Можно предполагать, что при работе с вербальными текстами мысленное построение образной репрезентации прочитанного является непроизвольно актуализирующимся когнитивным процессом, облегчающим понимание материала за счет достраивания респондентом невербальных компонентов его содержания. В случае чтения иконических текстов обработка их вербальных и графических элементов выполняется параллельно, а субъективные образные репрезентации замещаются заданными извне иллюстративными составляющими. Основываясь на самоотчетах респондентов, можно предполагать, что такая когнитивная работа оказывается значительно более сложной и лишает читателя возможности воспользоваться вспомогательным приемом конструирования собственных образных представлений. В таком случае более низкие показатели самооценки понимания иконических текстов могут быть обусловлены рефлексивным отношением участников к собственной когни-

тивной работе в процессе чтения и, как следствие, самостоятельным обнаружением затруднений в выполнении описанных мыслительных операций.

Выводы

1. Успешность понимания текстов в большей мере связана с их содержанием, а не с форматом.
2. Задача когнитивной обработки графических составляющих иконолического текста может затруднять его понимание при работе со сложным по содержанию материалом.
3. Можно предполагать, что при рефлексивном отношении к собственной интеллектуальной работе с текстом читатели склонны отмечать возникающие в процессе его понимания затруднения и учитывать их при оценке своей успешности в выполнении данной задачи.

Литература

- Веккер Л. М.* Психические процессы. Т. 2. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.
- Paivio A.* Mental Representations: A Dual Coding Approach. Oxford University Press, 1990.
- Petrova T., Riekhakaynen E.* Processing of Verbal and Non-verbal Patterns: An Eye-Tracking Study of Russian // Third international congress on information and communication technology. ICICT 2018. L.: Springer, 2019. P. 269–275.
- Rayner K., Rotello C. M., Stewart A. J., Keir J., Duffy S. A.* Integrating text and pictorial information: eye movements when looking at print advertisements // Journal of Experimental Psychology. 2001. № 7 (3). P. 219–226.
- Schnotz W., Bannert M.* Construction and interference in learning from multiple representation // Learning and Instruction. 2003. № 13. P. 141–156.

Психологическое исследование социальных ценностей и установок молодежных лидеров

Т. И. Богачева, М. И. Логвинова (Курск)

В последние десятилетия в обществе осуществляется большое количество социально-экономических, политических и культурных преобразований, в связи с чем, наблюдается качественное изменение образа и стиля жизни молодежи, что в той или иной мере отражается и на ее психологическом состоянии. Именно поэтому

в настоящее время все больше психологов-исследователей обращается к вопросам, касающимся различных форм и сторон жизнедеятельности молодежи как самой активной части населения страны. При этом особый интерес представляет изучение молодежных лидеров, так как именно они выступают главными трансляторами социально-психологического состояния молодежи, влияют на процессы самоорганизации в малых группах, способствуют формированию групповых норм и ценностей, оказывают воздействие на поведение последователей. Поэтому, несмотря на смещение научного локуса исследователей в сторону организационного и политического лидерства, исследование молодежных лидеров остается актуальным и на сегодняшний день.

Зарубежные и отечественные ученые по-разному подходят к определению содержания понятия «лидерство», рассматривая его с позиции, как личностных детерминант, так и ситуационных факторов. Среди отечественных авторов, занимающихся разработкой проблематики лидерства, стоит отметить таких социальных психологов, как Е. А. Аркин, А. С. Залужный, Р. Л. Кричевский, Т. В. Бендас, А. В. Петровский, И. П. Волков, В. Д. Гончаров, Ю. А. Замошкин, И. С. Кон, Е. С. Кузьмин, И. С. Полонский, А. Г. Сороковой, Б. Д. Парыгин, Г. М. Андреева и др. (Логвинова, 2017). Значительный вклад в исследование вопросов молодежного лидерства внесли представители курской социально-психологической школы (Л. И. Уманский, А. С. Чернышев, А. Н. Лутошкин, С. В. Сарычев, И. Н. Логвинов, Д. В. Беспалов и др.) (Логвинова, 2017).

На данный момент существует довольно большое количество определений лидерства. Так, по мнению А. С. Чернышева, лидерство следует рассматривать как «степень ведущего влияния личностей-членов группы на группу в целом в направлении осуществления групповых задач» (Чернышев, 2005). Лидером представители курской психологической школы считают члена группы, за которым все остальные признают право принимать наиболее ответственные решения, затрагивающие интересы всей группы и определяющие направленность ее деятельности (Уманский, 1980).

Нельзя не отметить тот факт, что общественные изменения, которые довольно стремительно происходят в последние десятилетия в нашей стране, неминуемо сказываются на психологическом состоянии молодежи, в том числе и на социально активной. В связи с чем, представляет научный интерес всестороннее исследование различных компонентов личности лидеров, например, таких как ценности и установки.

Поэтому *целью* исследования стало изучение социальных ценностей и установок молодежных лидеров.

Объект исследования – личностные особенности молодежных лидеров.

Предмет исследования – социальные ценности и установки молодежных лидеров.

Гипотеза исследования состоит из двух предположений:

- 1) у молодежных лидеров в равной степени выражены эгоистическая и альтруистическая тенденции;
- 2) в иерархии ценностей молодежных лидеров ведущими выступают социальные и общественные ценности, что обусловлено характером деятельности молодежных лидеров.

Базой исследования выступил объединенный центр «Монолит». В исследовании приняли участие школьники в возрасте от 14 до 17 лет, являющиеся активистами школ г. Курска и Курской области (смена «Я – лидер»), в связи с чем, нами не были использованы методики, направленные на выявление лидеров. Общий объем выборки составил 120 человек.

Методический аппарат исследования включил: методы теоретического анализа психологической литературы (обобщение, анализ, синтез); метод тестирования («Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» (шкалы альтруизма и эгоизма) О. Ф. Потемкиной и «Экспресс-диагностика социальных ценностей личности»); методы количественной и качественной обработки результатов.

Установки и ценности молодежных лидеров были выбраны нами в качестве предмета психологического исследования в связи с тем, что они в большей мере детерминируют поведение и суждения молодежных лидеров согласно теории личности С. Л. Рубинштейна.

Рассмотрим сначала данные, полученные на основе применения методики О. Ф. Фанталовой. Как показали результаты исследования, большинство молодежных лидеров (39%) характеризуется равной степенью выраженности альтруистической и эгоистической тенденций. У 32% респондентов больше выражена альтруистическая направленность, что проявляется в желании помогать другим людям. Для 29% лидеров-школьников свойственна эгоистическая тенденция. Такие респонденты действуют всегда ориентируясь на свои личные интересы и потребности.

Как мы видим из результатов исследования, лидеры школьных групп в своем взаимодействии с последователями ориентируются

не только на собственные потребности, но и учитывают интересы и нужды своих последователей, что свидетельствует об их гибкости. Примечателен тот факт, что среди молодежных лидеров школьного возраста примерно одинаковое количество респондентов обладает выраженной эгоистической и альтруистической направленностью (32% и 29% соответственно), что говорит о том, что в современных социальных условиях функционирования малых групп для успешной их жизнедеятельности необходимы оба типа лидеров.

Теперь перейдем к рассмотрению результатов исследования социальных ценностей личности. Очень значимыми для респондентов стали семейные и финансовые ценности. Такие результаты исследования, безусловно, не могут не радовать, ведь семейные ценности остаются в вершине ценностной иерархии молодых людей, что может быть обусловлено национальными особенностями русского народа, где семья всегда занимала в жизни человека одно из ведущих мест.

К группе значимых молодежные лидеры отнесли профессиональные и интеллектуальные ценности. Менее значимыми для респондентов стали социальные и физические ценности. В группу незначимых ценностей попали общественные и духовные ценности.

Полученные результаты исследования ценностей молодежных лидеров не могут не вызывать определенного беспокойства – ведь для молодежных лидеров духовные ценности стали незначимыми. Такая тенденция может привести к постепенной моральной деградации российского общества и нарушению преемственности в передаче национально значимых ценностей (почитание старших, забота о беспомощных и т. д.).

Также из результатов исследования следует, что для современных молодежных лидеров характерна система ценностей, близкая западной модели. Так в числе очень значимых и значимых ценностей присутствуют финансовые, профессиональные и интеллектуальные ценности, что выступает свидетельством прагматичности современной молодежи.

Следует отметить тот факт, что лидеров, являющихся разносторонне развитыми личностями (их суммы баллов по всем шкалам близки друг другу), значительно меньше (28%), чем лидеров, сконцентрированных на какой-то одной жизненной сфере (72%).

Таким образом, исследование социальных ценностей и установок молодежных лидеров позволило установить что:

- для большинства респондентов характерно отсутствие четко выраженной ориентации на эгоизм или альтруизм;

- количество лидеров с доминирующей альтруистической направленностью незначительно отличается от числа лидеров с преобладающей эгоистической тенденцией;
- ведущими жизненными ориентирами молодежных лидеров стали семейные и финансовые ценности;
- общественные и духовные ценности рассматриваются современными социально активными юношами и девушками как незначимые.

На основе полученных результатов исследования можно сделать вывод о частичной справедливости выдвинутой нами гипотезы: у молодежных лидеров в равной степени выражены эгоистическая и альтруистическая тенденции, однако, социальные и общественные ценности не являются для них ведущими.

Как мы видим, из результатов исследования, актуальные ценности и установки молодежных лидеров в целом соответствует общемировым тенденциям личностных изменений — гуманистические, духовные ценности уступают место рационализму и меркантилизму.

Литература

- Логвинова Т. И., Логвинова М. И.* Студенческий клуб как средство формирования лидерского поведения будущих психологов // Всероссийский форум молодых ученых: сборник материалов, Екатеринбург, 27–28 апреля 2017 г. Екатеринбург, 2017. С. 4–7.
- Уманский Л. И.* Психология организаторской деятельности школьников. М.: Просвещение, 1980.
- Чернышёв А. С., Лунёв Ю. А., Сарычев С. В.* Аппаратурные методики психологической диагностики группы в совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.

Особенности веры в сверхъестественные явления

А. Ю. Болтова, Е. А. Александрова (Москва)

Тема веры в сверхъестественное остается малоизученной. Существуют работы, преимущественно западные, результаты которых либо не подтверждаются, либо противоречат итогам других исследований. Проводя теоретический анализ в рамках нашей работы, мы пришли к выводу, что люди верят в сверхъестественное, в основном, по двум причинам. Во-первых, если у человека случилось горе,

то иногда необходима дополнительная поддержка, которой может стать вера в сверхъестественное. И во-вторых, у людей существуют большая потребность познавать окружающий мир. С одной стороны, современные технологии обеспечивают быстрое распространение информации, возможность получать знания, находясь в любой точке Земли. Научное знание стало доступным. Однако это не снижает интереса людей к эзотерике, к романтическим и загадочным явлениям, к сверхъестественным, а не естественнонаучным объяснениям окружающего мира (Смит, 2017). Тема веры в сверхъестественное пользуется вниманием и проникает во все сферы человеческих взаимоотношений, интерес к ней не снижается.

Целью данной работы является исследование психологических характеристик и социальных представлений об образе сверхъестественного у людей, склонных к вере в них, и у скептиков, а также у представителей разных поколений.

Нами было сформулировано несколько *гипотез*:

1. Образы сверхъестественных явлений будут различны у представителей двух поколений, так как отношение к сверхъестественному меняется со временем.
2. Отношение к сверхъестественным феноменам у представителей более младшего поколения будет отличаться нестабильностью и крайней неопределенностью из-за несформированности жизненных понятий.
3. Среди респондентов, склонных оказывать доверие сверхъестественным явлениям, будут преобладать люди с экстернальным локусом контроля, тогда как среди скептиков будут преобладать интерналы.
4. Уровень принятия других у людей, верящих в сверхъестественные явления, будет значительно ниже, по сравнению с уровнем принятия других у группы скептиков.

Исследование было проведено в конце 2018 г. В нем принимали участие 289 человек в возрасте от 20 до 54 лет. Выборка была разделена на две группы, каждая из которых впоследствии была разделена на подгруппы, в зависимости от принадлежности к поколению X или Y. Возрастной диапазон представителей поколения Y – 20–35 лет, представителей поколения X – 40–54 лет, что соотносится с теорией поколений, разработанной Штраусом и Хау (Howe, Strauss, 1997). В первую группу вошли люди, склонные оказывать доверие сверхфеноменам. Ее численность составляет 164 человека, 68 из них – представители поколения X (средний возраст респондентов – 51 год),

96 – представители поколения Y (средний возраст респондентов – 25 лет). Вторая группа выборки состоит из скептически настроенных респондентов, ее численность – 125 человек, 40 из них – представители поколения X (средний возраст респондентов – 50 лет), 85 – поколения Y (средний возраст респондентов – 22 года).

Методами исследования были выбраны методика социальных представлений Вержеса, локус контроля по Роттеру, шкала принятия других по Фей, уровень самооценки по Дембо–Рубинштейн и уровень диспозиционной тревожности по Спилбергеру.

Концепция социальных представлений к настоящему моменту вышла за рамки теории, предложенной Сержем Московичи. К примеру, одно из известных направлений в рамках теории социальных представлений принадлежит Жан-Клоду Абрику. Согласно его концепции, социальные представления стоит исследовать через их структуру – центральное ядро и периферию (Abric, 1993). Опираясь именно на концепцию Абрика, П. Вержесом была создана методика изучения социальных представлений. В предложенной им методике зону ядра образуют стереотипы и прототипы, ассоциирующиеся с объектом, в данном случае, с образом сверхъестественных явлений. Остальные области образуют периферическую систему. Эта часть обозначается также как потенциальная зона изменения, поскольку является источником изменения и трансформации представления. В рамках нашего исследования у скептиков из обоих поколений были выявлены преобладания отрицательных ассоциаций к образу сверхъестественных явлений. Были получены, к примеру, такие ассоциации как «ложь» – указали 38 респондентов, «псевдонаука» – 34, «секта» – 30 и «обман» – 24. Респонденты, склонные верить в сверх-феномены, называли больше нейтральных, по эмоциональной оценке, ассоциаций, к примеру, «мистика» указали 56 респондентов, «тайна» – 43 и «магия» – 36.

Отношение к сверхъестественным феноменам у представителей более младшего поколения отличается нестабильностью и крайней неопределенностью из-за несформированности жизненных понятий. Об этом свидетельствует, к примеру, тот факт, что представители более младшего поколения, как склонные, так и не склонные верить в сверх-феномены, называли большее количество слов, не вошедших в анализ, чем представители поколения X – разброс ассоциаций у представителей поколения Y был значительно шире.

Для обсчета результатов следующих методик в программе SPSS применялся t-критерий Стьюдента, далее представлены только статистически значимые результаты. Методика исследования локуса

контроля была предложена Дж. Роттером в 1966 г. на основе собственной теории субъективной локализации контроля. Под «локусом контроля» понимается устойчивая личностная характеристика, отражающая predisposedность человека объяснять причины событий внешними или внутренними факторами. Предложенная методика выделяет два типа локуса контроля: экстернальный (ответственность за успехи\неудачи приписывается внешним обстоятельствам) и интернальный (ответственность приписывается себе). В рамках нашего исследования локус контроля значительно различается у скептиков и людей, склонных к вере в сверхъестественное. Среди скептиков больше людей с интернальным локусом контроля, в то же время в группе людей, верящих в сверх-феномены, больше экстерналов, особенно с крайне высокими значениями ($t = 3,6$, $p \leq 0,05$).

По теории Фей, существуют два типа реагирования во время общения: реактивное и проактивное. Реактивное подразумевает под собой отсутствие управления собой, даже если развито умение подавить вспышку эмоций. Проактивное реагирование имеет место быть, когда между стимулом и реакцией имеется пауза для осмысления и выбора наилучшей реакции. Для проактивной реакции необходимо принятие, признание и уважение самого себя. Известно, что к другим люди склонны относиться также, как и к самим себе, и принятие себя становится решающим в принятии других. В рамках нашего исследования уровень принятия других у группы скептиков в разы выше, чем у людей, склонных к вере в сверхъестественное. Группа людей, склонных оказывать доверие сверхъестественным феноменам, оказалась более реактивной по реакциям, скептики же показали более проактивную реакцию ($t = 2,5$, $p \leq 0,05$).

Далее применялась методика Дембо–Рубинштейн. Уровень самооценки значимо различается как между скептиками и верящими в сверхъестественное представителями поколения X, так и между скептиками и верящими в сверхъестественное в поколении Y. Люди, склонные к вере в сверх-феномены, имеют более высокую самооценку, чем группа скептиков ($t = 4,2$, $p \leq 0,05$).

Из методики тревожности Спилбергера мы взяли шкалу личностной тревожности как наиболее подходящую для наших целей. Личностная тревожность дает представление о подверженности личности воздействию тех или иных стрессоров по причине ее индивидуальных особенностей. Представители поколения X, склонные к вере в сверхъестественное, диспозиционно значительно более тревожны, чем скептики-представители того же поколения ($t = 3,5$, $p \leq 0,05$).

Также наше исследование показало, что представителей поколения X, склонных к вере в сверхъестественное, по количеству больше, чем скептиков-представителей того же поколения. Представители поколения X застали времена расцвета интереса к сверхъестественным феноменам после распада СССР. Представители же поколения Y не наблюдали подобного пика, и интерес к данной тематике, если он и есть, более стабилен. Так, склонных к вере в сверхъестественное и скептиков из поколения Y – 96 человек и 85 человек, соответственно. В то же время, склонных к вере в мистические события из поколения X – 68 респондентов, что в 1,7 раз больше скептиков из этого же поколения (40 человек). Отметим, что искать для нашего исследования скептиков-представителей поколения X было значительно труднее.

В итоге, мы подтвердили все сформулированные нами гипотезы, а также пришли к новым интересным результатам. К примеру, значимыми итогами оказались данные о семейном положении респондентов: в браке было больше людей, верящих в сверхъестественное, чем скептиков. Неоднозначными оказались результаты по методикам принятия других Фей и Дембо–Рубинштейн. Как сказано выше, люди склонны относиться к другим также, как к самим себе, и таким образом принятие себя становится решающим в принятии других. В то же время, исследование показало, что самооценка людей, верящих в сверхъестественное, была значительно выше, чем у скептиков. Дальнейшие исследования, возможно, с расширением числа респондентов, помогут нам лучше понять психологию людей, склонных верить в сверхъестественное.

Литература

- Смит Дж.* Псевдонаука и паранормальные явления: критический взгляд. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
- Abric J.-C.* Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // *Papers on social representations*. 1993. V. 2. P. 75–78.
- Howe N., Strauss W.* *The Fourth Turning: What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. N. Y.: Broadway Books. 1997.

Взаимосвязь негативных психических состояний социальных работников и психологической суверенности личности

К. Р. Бочкова (Красноярск)

Социальная работа направлена на оказание помощи людям, которым сложно самостоятельно решить свои жизненные проблемы. Сталкиваясь с трудными ситуациями других людей, осуществляя длительное и напряженное общение с повышенной эмоциональной нагрузкой, социальные работники подвержены профессиональным рискам, приводящим к негативным психическим состояниям, снижению настроения, отчуждением от работы, эмоциональному выгоранию. Возникающие негативные психические состояния оказывают влияние на осуществление деятельности, удовлетворенность работой, становятся причиной ухода из профессии.

В исследованиях О. А. Колосовой, К. А. Ремизовой рассматриваются коммуникативные навыки как качества, способствующие сохранению психологического здоровья социальных работников. В работах Е. Б. Кулевой обсуждаются навыки саморегуляции, Е. С. Агапитова, Н. А. Левина выделяют жизнестойкость, Н. М. Беленко акцентирует внимание на способность к рефлексии, профессиональных навыков построения доверительных отношений с клиентами, Р. А. Сурвила выделяет психологическую суверенность.

Мы полагаем, что психологическая суверенность социальных работников, связанная с автономностью, переживанием большего контроля собственной активности, возможности изменять условия реализации задач, самореализовываться, связана с меньшим переживанием негативных психических состояний в деятельности.

С целью выявления взаимосвязи психических состояний социальных работников и их психологической суверенности было проведено исследование 25 социальных работников в возрасте от 22 лет до 50 лет.

Изучение психических состояний социальных работников проводилось с помощью методики «Психические состояния» А. О. Прохорова — самооценки актуальных состояний. Психологическая суверенность как способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, основанная на обобщенном опыте успешного автономного поведения, измерялась с помощью методики «Суверенность психологического пространства» С. К. Нартовой-Бочавер. Выявление взаимосвязи проводилось с помощью расчета коэффициента корреляции Спирмена.

Анализ актуальных психических состояний показал, что 88% респондентов отметили положительные состояния: деятельностные состояния (активация, бодрость, интерес, удовлетворенность и пр.) и 96% состояния общения (веселость, восхищение и пр.) и 92% психофизиологические (активность, возбуждение). Несмотря на насыщенную и тяжелую деятельность работников социальной сферы они сохраняют интерес к работе, активность, возможно, направленность на общение, переживание значимости своей деятельности приводит к тому, что они находят в данной деятельности возможности самовыражения.

При этом отмечают у 72% социальных работников негативные волевые состояния (леность, затруднение) и у 40% интеллектуальные, связанные с утомлением, рассеянностью, что, скорее всего, связано с большим объемом осуществляемых работ, разнообразием задач, привлечением дополнительной информации.

Примерно у четверти (24%) наблюдаются отрицательные состояния, связанные с деятельностью (снижение готовности к активности, вработываемости, увлеченности), отношением к работе (напряженность, стресс, фрустрация), эмоциональные состояния (тревога, страх).

Корреляционный анализ выявил значимые связи психических состояний с возрастом: начинают преобладать негативные эмоциональные состояния ($r_s = 0,69, p \leq 0,01$), при этом меньше отмечают положительные состояния, связанные с деятельностью ($r_s = -0,83, p \leq 0,01$), общением ($r_s = -0,65, p \leq 0,01$), положительными эмоциями ($r_s = -0,71, p \leq 0,01$), волевыми усилиями ($r_s = -0,54, p \leq 0,01$).

Со стажем количество корреляционных связей с отрицательными психическими состояниями появляется больше: преобладание отрицательных деятельностных состояний ($r_s = 0,61, p \leq 0,01$), отрицательного отношения к работе ($r_s = 0,57, p \leq 0,05$), отрицательных эмоциональных состояний ($r_s = 0,80, p \leq 0,01$). Время работы в социальной сфере оказывает большее влияние на преобладание отрицательных психических состояний, чем возраст.

По результатам методики «СППЛ» С. К. Нартовой-Бочавер было выделено, что у работников социальной сферы наиболее депривированными являются суверенность привычек (84% низкий и 16% пониженный) и ценностей (80% низкий и 20% пониженный), возможно в силу наличия определенного режима работы, распорядка в решении поставленных задач, следования заданным извне нормам, что может приводить к несовпадению собственных, вынужденности принимать неблизкие ценности.

Большое количество контактов с другими людьми, которые могут быть связаны и с физическими контактами, прикосновением, взаимодействиями с людьми в различных ситуациях с разными гигиеническими условиями, нарушением интимной зоны, что приводит к депривированности физического тела (60% – низкий, 40% – пониженный) и территории (68% – низкий, 32% – пониженный).

Только по двум шкалам встречаются сотрудники с суверенностью вещей (16%) и суверенностью социальных связей (24%), что может быть связано с наличием персонального рабочего места, возможностью поддерживать с помощью вещей (предметов личного пользования: для приема пищи, «рабочей» обуви и т. п., средств поддержания идентичности – фотографии, сувениры, канцелярские принадлежности и др., поддержки, либо маркеров личной территории) собственную идентичность.

Рассмотрим, как связаны психические состояния с суверенностью на основании результатов корреляционного анализа.

Суверенность физического тела связана с меньшей представленностью отрицательных состояний, связанных с деятельностью ($r = -0,53$, $p < 0,01$), отношением к работе ($r = -0,46$, $p < 0,05$), эмоциями ($r = -0,66$, $p < 0,01$) и большей выраженностью положительных эмоциональных ($r = 0,45$, $p < 0,05$) и положительных волевых состояний ($r = 0,43$, $p < 0,05$). Тем самым возможность удовлетворения своих потребностей социальными работниками, определяет переживаемые состояния. Если возникает депривация потребностей, отсутствие комфорта, зависимость от внешних условий, то это приводит к снижению положительных состояний и преобладанию негативных.

При высокой психологической суверенности территории меньше представлены отрицательные деятельностные ($r = -0,49$, $p < 0,05$) и отрицательные эмоциональные ($r = -0,48$, $p < 0,05$) состояния, преобладают положительные состояния общения ($r = 0,46$, $p < 0,05$), волевые состояния ($r = 0,57$, $p < 0,01$) и положительное отношение к работе ($r = 0,43$, $p < 0,05$). Выделение личной территории, на которой социальный работник может управлять информацией, контролировать интенсивность социальных связей, где может уединиться и восстановить силы, приводит к положительным состояниям, связанным с личным самочувствием, что приводит к менее негативному отношению к работе.

Психологическая суверенность вещей связана с положительными состояниями деятельности ($r = 0,71$, $p < 0,01$), общения ($r = 0,61$,

$p < 0,01$), отношением к работе ($r = 0,56$, $p < 0,01$) и положительными эмоциями ($r = 0,55$, $p < 0,01$), меньшей выраженностью отрицательных деятельностных состояний ($r = -0,41$, $p < 0,05$) и отрицательных эмоциональных состояний ($r = -0,66$, $p < 0,01$). Возможность иметь личные вещи, используемые только работником, приводит к положительным состояниям. Возможно, это связано с большим количеством людей, с которыми взаимодействует социальный работник.

Психологическая суверенность привычек соотносится с положительным: деятельностными состояниями ($r = 0,55$, $p < 0,01$), состояниями общения ($r = 0,63$, $p < 0,01$), отношением к работе ($r = 0,56$, $p < 0,01$), волевыми состояниями ($r = 0,47$, $p < 0,05$) и эмоциональными состояниями ($r = 0,54$, $p < 0,01$).

Суверенность социальных связей связана с положительным состоянием общения ($r = 0,44$, $p < 0,05$) и меньшей выраженностью отрицательных деятельностных состояний ($r = -0,45$, $p < 0,05$), отрицательных волевых состояний ($r = -0,49$, $p < 0,05$). Возможность избирательно общаться, устанавливать дружественные связи, принятие личной ответственности за общение с другими приводит к переживанию положительных состояний в общении, готовности к осуществлению деятельности, большей мобилизации, решимости.

Чем выше суверенность психологического пространства личности, тем ниже отрицательные деятельностные ($r = -0,42$, $p < 0,05$) и отрицательные эмоциональные состояния ($r = -0,46$, $p < 0,05$). В то же время, чем выше суверенность психологического пространства личности, тем выше положительные деятельностные состояния ($r = 0,44$, $p < 0,05$), положительные состояния общения ($r = 0,51$, $p < 0,05$), положительное отношение к работе ($r = 0,45$, $p < 0,05$). Суверенность психологического пространства соотносится с положительными состояниями, связанными с работой, установлением связей, активностью, и при этом с меньшей представленностью отрицательных эмоциональных и деятельностных состояний.

На основании полученных данных можно выделить общую тенденцию: чем выше суверенность, тем более положительные состояния переживают социальные работники, при низкой суверенности преобладают негативные состояния.

Таким образом, психологическая суверенность в помогающих профессиях может выступать личностным ресурсом, поддерживающим психологическое здоровье через переживание причастности, автономности, самореализации социального работника.

Виктимность и ее связь с переживанием оскорбления в период средней взрослости*

А. А. Бузина (Москва)

Ситуацию оскорбления, способную выступать стрессором высокой интенсивности, можно определить как негативное эмоциональное воздействие антропогенного характера, унижающее честь и достоинство человека. Оскорбление как активная, преднамеренная форма эмоционального насилия наносит серьезный ущерб самооценке и психологическому благополучию, обесценивает личность, препятствует адекватному восприятию собственного Я (Бузина, 2019).

Теря уверенность в себе, избегая новых ситуаций оскорбления, человек постепенно принимает на себя роль жертвы. Одним из психологических последствий оскорбления является развитие виктимности — склонности стать жертвой в будущем.

Насилие, в том числе эмоционального характера, особенно пережитое в детстве, ведет к последующей виктимизации — формированию установки жертвы. Не всякий человек, столкнувшийся с оскорблением и эмоциональным насилием, оказывается чрезвычайно уязвимым к действию подобного рода стрессоров. Тем не менее, если восприимчивость к ним повышена, в частности, вследствие развития виктимности, значительно возрастает риск развития симптомов посттравматического стресса (Харламенкова, 2006).

Как отмечает М. А. Одинцова, в силу неблагоприятных объективных и специфических субъективных факторов индивид может быть предрасположен к тому или иному типу поведения жертвы, выражающемуся в позиции либо статусе жертвы, а также в их динамическом воплощении: социальной или игровой роли жертвы. Социальная роль жертвы предполагает аутсайдерство, ощущение отчужденности от остального мира, обидчивость, меньшую гибкость в отношениях с другими людьми. Игровая роль жертвы, напротив, несет в себе гибкость и манипулятивный компонент, способствует хорошей адаптации, имеет в своей основе скрытую мотивацию (Одинцова, 2013).

Предрасположенность к роли жертвы, которая формируется в результате каких-либо травматичных ситуаций, характеризуется беспомощностью, чувством вины, снижением самооценки, жалостью

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-013-00011А.

к самому себе, тенденцией к обвинению других и внешним локусом контроля. Роль жертвы основана не только на самовосприятии пострадавшего, но и на негативных оценках, «ярлыках», исходящих от общества. Такой человек считает, что пострадал несправедливо, не по своей вине, от действий, которые не смог предотвратить, и поэтому заслуживает сочувствия (Ваг-Тал et al., 2009). Подобные признаки свойственны социальной роли жертвы.

Целью настоящего исследования является выявление виктимности как одной из личностных установок, сопряженных с переживанием оскорбления и его психологическими последствиями у людей среднего возраста.

Гипотеза исследования: переживание оскорбления связано с установкой на виктимность в виде принятия личностью не игровой, а социальной роли жертвы.

Участники, процедура и методы исследования

Участниками исследования стали 20 человек: 15 женщин и 5 мужчин (средний возраст — 44 года; все имеют высшее образование).

Опрос проводился индивидуально и анонимно с каждым участником исследования путем предъявления следующих *методик*:

1. Опросник травматических ситуаций (LEQ), созданный Дж. Норбеком (Norbeck, 1984), И. Сарасоном, Дж. Джонсоном, Дж. Сигель (Sarason, Johnson, Siegel, 1978) и адаптированный на русский язык Н. В. Тарабриной (Тарабрина, 2007). Методика, определяющая уровень посттравматического стресса, содержит 36 описаний тяжелых стрессовых ситуаций. Также можно указать экстраординарную стрессовую ситуацию и другие возможные стрессовые ситуации, не охваченные пунктами методики. Участник исследования по 5-балльной шкале определяет степень влияния события на его жизнь за последний год.
2. Опросник «Тип ролевой виктимности», разработанный М. А. Одинцовой и Н. П. Радчиковой (Одинцова, 2013). Участнику исследования предлагается ответить на 32 вопроса, описав себя и свое поведение с помощью 4-балльной шкалы. Суммирование баллов по четным пунктам определяет выраженность социальной роли жертвы, по нечетным — игровой. Общее количество баллов характеризует общий уровень ролевой виктимности.

Статистическая обработка результатов осуществлялась с использованием программных пакетов Excel и Statistica 10.

Результаты и их обсуждение

Участники были разделены на две группы: в первую вошли респонденты, столкнувшиеся с оскорблением (12 человек, отметившие посвященный этому событию пункт 26 LEQ), во вторую — те, кто не испытывал данного негативного воздействия (8 человек, не указавшие пункт 26 LEQ). Далее было проведено сравнение показателей групп по опроснику «Тип ролевой виктимности» с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни (U).

Сравнение выявило статистически значимые различия показателей групп по общему уровню ролевой виктимности ($U = 9,5$, $p = 0,003$; $Me_1 = 49,5$, $SD_1 = 6,8$; $Me_2 = 38,0$, $SD_2 = 7,59$) и социальной роли жертвы ($U = 13,5$, $p = 0,008$; $Me_1 = 26,75$, $SD_1 = 6,16$; $Me_2 = 19,37$, $SD_2 = 5,04$).

Более высокие показатели столкнувшихся с оскорблением представляются закономерными. В ходе опроса участники исследования сообщали о насмешках, угрозах, издевательствах, жесткой критике, умалении и обесценивании их заслуг, исходивших от начальства и коллег, родственников, супругов. В большинстве случаев оскорбления носили или до сих пор носят повторяющийся характер, что негативно сказывается на психологическом благополучии и самооценке.

Участники исследования из первой группы воспринимают происходящее с ними как нечто несправедливое, не зависящее от них. Они ощущают неспособность изменить ситуацию, испытывают состояние собственной ненужности. Эти черты свойственны социальной роли жертвы.

Переживая оскорбление, жертвы негативного воздействия становятся уязвимыми к новым нападкам, зачастую провоцируют подобное отношение невольной демонстрацией собственной слабости. Такие люди не склонны извлекать выгоду из своего положения, использовать его в качестве средства манипуляции. Иными словами, игровая роль жертвы им не свойственна.

Переживание оскорбления вызывает посттравматический стресс разной интенсивности. В соответствии с этим первая группа была разделена на две подгруппы. Критерием выделения подгрупп стали баллы индекса травматичности по методике LEQ, использовался расчет медианы ($Me = 2,66$; $SD = 0,70$). В первую подгруппу вошли 6 респондентов с низким уровнем посттравматического стресса ($Me_{1,1} = 2,16$, $SD_{1,1} = 0,29$), во вторую — 6 респондентов с высоким уровнем посттравматического стресса ($Me_{1,2} = 3,32$, $SD_{1,2} = 0,43$). Далее было проведено сравнение показателей подгрупп по опроснику «Тип ролевой виктимности» с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни (U).

Сравнение не выявило статистически значимых различий между двумя подгруппами по показателям общего уровня виктимности ($U=9,5$, $p=0,2$; $Me_{1,1}=46,0$, $SD_{1,1}=6,64$; $Me_{1,2}=51,5$, $SD_{1,2}=6,36$), а также выраженности социальной ($U=12,5$, $p=0,42$; $Me_{1,1}=22,5$, $SD_{1,1}=5,85$; $Me_{1,2}=29,5$, $SD_{1,2}=6,67$) и игровой ролей жертвы ($U=11,5$, $p=0,33$; $Me_{1,1}=22,0$, $SD_{1,1}=3,67$; $Me_{1,2}=23,5$, $SD_{1,2}=3,03$). Это не позволяет объяснить более высокий уровень виктимности у респондентов с высоким уровнем посттравматического стресса ситуацией оскорбления.

Анализируя объяснения, которые давали участники исследования второй подгруппы в ходе заполнения пункта 26 LEQ, стоит отметить, что в ситуации оскорбления им были свойственны не бессилие и удрученность, а враждебность, мстительность, подозрительность, склонность обвинять в своих неприятностях других. Эти признаки свойственны психопатологическому симптому паранойальности, сопровождающему посттравматический стресс.

Выводы

В ходе исследования гипотеза может быть подтверждена частично. С одной стороны, общий уровень виктимности и выраженность социальной роли жертвы у столкнувшихся с оскорблением выше. С другой стороны, нельзя в полной мере объяснить подобный результат воздействием исключительно оскорбления.

Литература

- Бузина А. А.* ИмPLICITные представления об эмоциональном оскорблении и эмоциональном насилии и их дифференциация // Вестник Костромского государственного университета. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2019. № 1. С. 69–73.
- Одинцова М. А.* Типы поведения жертвы. Опросник ролевой виктимности. Монография. Самара: ИД «Бахрах», 2013.
- Тарабрина Н. В.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 2. Бланки методик. М.: Когито-Центр, 2007.
- Харламенкова Н. Е.* Эмоциональное оскорбление и пренебрежение и его психологические последствия для личности в разные периоды взрослости // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабриной, Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 193–214.
- Bar-Tal D., Chernyak-Hai L., Schori N., Gundar A.* A sense of self-perceived collective victimhood in intractable conflicts // International Review of the Red Cross. 2009. V. 91. № 874. P. 229–258.

Изучение компетенций учителей, работающих в поликультурных классах*

Е. В. Бушина, А. А. Батхина (Москва)

Ранее проблема культурного разнообразия в образовании касалась традиционных стран иммигрантов, таких как США, Канада, Австралия. Последнее время поликультурные классы можно встретить почти во всех европейских странах, предоставляющих трудовые ниши для мигрантов и политических беженцев. Обращаясь к образованию, мы можем наблюдать сложности, связанные с незнанием официального языка страны прихода, а также с межкультурными процессами адаптации. Как следствие учащиеся с мигрантским опытом не только отстают от своих сверстников в образовательных достижениях, но часто также испытывают проблемы с психическим здоровьем и поведенческие проблемы, влияющие на их школьную жизнь (Frankenberg et al., 2013).

Школа является важным культурным контекстом для подростков, в том числе и для мигрантов (Hogenczyk, Tatar, 2012). Их адаптация в школе говорит об успешной аккультурации и адаптации в новое общество (Berry et al., 2006). В раннем подростковом возрасте роль школы является ключевой, выступает в качестве агента и фактора аккультурации и может быть особенно важной, поскольку именно в этот важный период происходит формирование этнической идентичности.

Важную роль в создании благоприятного климата в классе играет учитель. Он выступает транзиттером знаний, необходимых для усвоения материала, и часто, благодаря верным интервенциям, может способствовать формированию благоприятного климата в классе. Одна из главных задач образования, связанных с интеграцией мигрантов, — это создание пространства для повседневного межкультурного взаимодействия; построение образовательной траекторий, которая бы уделяла должное внимание налаживанию взаимопонимания между представителями разных культур.

Опираясь на литературу по социальной и межкультурной психологии, мы определили два основных подхода к решению проблемы культурного разнообразия. Первая политика направлена на уменьшение негативных последствий разнообразия путем предотвращения дискриминации и содействия равенству и интеграции. Вторая политика способствует культурному плюрализму и рассматривает

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 15-18-00029.

разнообразии как ресурс. Проявление этой политики также заметно в школьном контексте. Тем не менее, существует сильная нехватка эмпирических данных об эффективности этой политики в содействии адаптации к школе детей-мигрантов. Данное исследование пытается устранить этот пробел и изучить учительские компетенции, способствующие психологической адаптации к российской школе учащихся с мигрантским опытом.

Взаимодействие учителей с детьми-мигрантами, с одной стороны, подвержено влиянию культуры принимающего населения, а с другой стороны – влиянию со стороны культуры иммигрантов. Исходя из конструктивистских взглядов на обучение, учащиеся используют свои предыдущие знания и убеждения, чтобы понять новые идеи и опыт, с которыми они сталкиваются в школе. В свою очередь центральная роль учителя, учитывающего культурные и лингвистические аспекты, заключается в поддержке обучения учащихся, помогая им строить мосты между тем, что они уже знают о теме, и тем, что им нужно для этого узнать. Проведенное нами качественное исследование актуализирует потребность образовательной системы в формировании компетенций учителей, работающих с детьми-мигрантами, и помогает сформировать запрос на приобретение знаний об особенностях других культур.

Настоящее исследование направлено на изучение практик межкультурного взаимодействия учителей и учащихся в российских поликультурных школах и стремится ответить на следующие исследовательские вопросы:

- Какие ключевые трудности возникают в работе учителя в поликультурных классах?
- Каким образом учителя воспринимают культурное разнообразие, какие установки имеют по отношению к детям-мигрантам?
- Какие специальные педагогические практики применяют учителя в поликультурных классах?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы провели тематический анализ подробных интервью, проведенных с 30 учителями московских и подмосковных школ в 2019 году.

Для проведения интервью был разработан гайд, который включал следующие блоки. В среднем одно интервью длилось 30 минут, было с согласия респондента записано на цифровом носителе и далее расшифровано. Все интервью проходили в форме личного диалога с учителями на их рабочем месте.

- *Первый блок.* Общие сведения, социо-демографические данные.
- *Второй блок.* Трудности детей-мигрантов и педагогов в поликультурных классах.
- *Третий блок.* Восприятие культурного разнообразия.
- *Четвертый блок.* Педагогические практики работы с детьми-мигрантами.
- *Пятый блок.* Перспективы развития поликультурных школ.

Данные были проанализированы в соответствии с рекомендациями Брауна и Кларка (Braun, Clarke, 2006) для тематического анализа. На основании частоты ответов нами были сформированы такие смысловые блоки, как: трудности работы в поликультурных классах, восприятие учителями детей-мигрантов и культурного разнообразия, аккультурационные ожидания учителей, педагогические интервенции по работе с детьми-мигрантами, институциональные аспекты работы поликультурных школ. На втором этапе тематического анализа рассматривались повторяющиеся закономерности в рассказах учителей. Темы разрабатывались индуктивно. Используя постоянный сравнительный анализ, мы отмечаем закономерности в каждом транскрипте, а затем сравнивали полученные в разных транскриптах закономерности между собой.

Мы обеспечили достоверность анализа данных, следуя принятым стандартам качественного исследования. Разработка и уточнение тематических категорий на каждом этапе анализа проводилась независимо двумя экспертами, а затем обсуждалась и выработывалась единая концепция тем и категорий. Полученные результаты использовались для следующего этапа исследования – составления опросника для проведения социально-психологического опроса, а также для прояснения текущей ситуации в российских школах, где почти каждый учитель сталкивался с учеником из культуры меньшинства. Обсуждение полученных результатов проводилось с учетом имеющихся работ на международном и российском пространстве.

Литература

- Berry J. W., Phinney J. S., Sam D. L., Vedder P.* Immigrant youth in cultural transition: Acculturation, identity and adaptation across national contexts. Mahwah, N. J.: Erlbaum, 2006.
- Braun V., Clarke V.* Using thematic analysis in psychology // *Qualitative Research in Psychology*. 2006. V. 3. № 2. P. 77–101.
- Frankenberg E., Kupper K., Wagner R., Bongard S.* Immigrant youth in Germany: Psychological and sociocultural adaptation // *European Psychologist*. 2013. V. 18. P. 158–168.

Horenczyk G., Tatar M. Conceptualising the school acculturative context: School, classroom and the immigrant student. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Особенности отношения к партнерству российских предпринимателей*

Т. С. Вавакина, А. С. Вавакин (Москва)

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования отношения к партнерству деловых людей, занятых в предпринимательской деятельности. Рассматривается отношение к партнерству двух групп респондентов: предпринимателей и людей, не занятых в этой сфере деятельности. Анализируются особенности делового партнерства предпринимателей. Сравняются оценки важности партнерства в бизнесе и в жизни для представителей рассматриваемых нами групп.

Необходимо отметить возросший в общественных дисциплинах интерес к партнерству в более широком смысле, как к социальному взаимодействию в разных сферах жизнедеятельности (Вавакина, 2018а). Объясняется это, видимо, тем, что данный феномен в последние годы смог проявиться в полной мере на фоне произошедших в обществе перемен. В числе радикальных изменений в общественной жизни можно отметить, например, всплеск и развитие частного предпринимательства, активизацию работы некоммерческих общественных организаций, а также — отчасти либерализацию в сфере трудовых отношений, изменение отношения к институту семьи и брака и многое другое. Необходимо также отметить особый вклад стремительного развития IT-технологий, открывших практически безграничные возможности взаимодействия людей в интернет-пространстве, в частности — в социальных сетях. Зачастую для участников такого взаимодействия не имеет особого значения социальное положение, экономическая состоятельность и другие аспекты социальной дифференциации, соответственно нивелируется обыденная иерархия статусов участников взаимодействия. Именно процессы демократизации и гуманизации общества на каком-то этапе способствовали актуализации партнерства как социального взаимодействия на всех уровнях. Как минимум, актуализа-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00735.

ция партнерства связана с обретением людьми определенных свобод, с возможностью проявлять самостоятельность в принятии решений, а также – с опытом паритетных (горизонтальных) взаимодействий в разных сферах их жизнедеятельности.

Цель исследования: выявить и проанализировать различия предпринимателей и людей, не имеющих отношение к этой сфере деятельности, по их субъективным оценкам ценности партнерства в их жизни, оценкам процесса и содержания самого взаимодействия, отношений с партнерами, а также оценкам эффективности партнерства. Гипотеза: существуют определенные различия по данным характеристикам, позволяющие судить о специфике партнерского взаимодействия предпринимателей.

Всего в исследовании приняло участие 221 человек: 111 предпринимателей и 110 человек, не занятых в сфере бизнеса. Группы были сходны по социально-демографическим характеристикам.

Для сбора эмпирического материала использовался авторский инструментарий – опросники «Отношение к партнерству» (автор – Т. С. Вавакина). Опросники в целом включали одинаковые блоки вопросов, хотя и имели свою специфику. В данном случае анализ проводился по тем блокам вопросов, которые были идентичны. Мы просили респондентов оценить определенные характеристики партнерских взаимоотношений. Для самооценки личного опыта участия в партнерском взаимодействии использовалась 5-балльная шкала: «очень редко (1) – редко (2) – иногда (3) – часто (4) – очень часто (5)». Кроме того, нас интересовала субъективная оценка ценности партнерских взаимоотношений, важность их для человека. Эту характеристику мы рассматривали как показатель осмысленной включенности в партнерское взаимодействие с другими людьми. Данные показатели оценивались по 10-балльной шкале от 0 до 10.

Были выявлены различия в оценках представителей рассматриваемых нами групп респондентов – предпринимателей и людей, не занятых в данной сфере деятельности. Мы будем приводить статистические данные следующим образом: среднее значение для группы предпринимателей / среднее значение для второй группы / уровень значимости различий.

Во-первых, обратим внимание на оценки, связанные с ключевыми признаками партнерских отношений: доверием и ответственностью (Вавакина, 2018б). Предприниматели реже полностью доверяют своему партнеру ($\text{mean} = 3,50 / \text{mean} = 3,85 / p = 0,002$), чаще чувствуют, что партнер не доверяет им ($\text{mean} = 2,42 / \text{mean} = 2,09 / p = 0,020$), полагают, что верно высказывание: «доверяй, но проверяй» ($\text{mean} = 3,82 /$

mean = 2,99 / p = 0,000. Кроме того, они реже отмечают, что партнер поступает ответственно (mean = 3,65 / mean = 3,84 / p = 0,040). Таким образом, в области доверия и ответственности в предпринимательской среде складывается несколько более сложная ситуация, чем у людей, которые с предпринимательством не связаны.

Кроме того, выявились особенности на уровне непосредственно взаимодействия с партнером. Так, предпринимателям чаще приходится оказывать влияние на партнера (mean = 3,00 / mean = 2,69 / p = 0,017) и прибегать к манипуляции (mean = 2,46 / mean = 2,13 / p = 0,029). Впрочем, это соотносится с тем, что они чаще встречаются с нечестностью, неискренностью или закрытостью (mean = 2,44 / mean = 2,01 / p = 0,004) в отношениях со своими партнерами. Это свидетельствует о том, что деловое партнерство предпринимателей сопровождается менее открытыми взаимоотношениями. Однако при этом предприниматели реже отмечают, что между ними и партнерами случаются конфликты (mean = 2,10 / mean = 2,45 / p = 0,004).

В целом, предприниматели чаще сами активно инициируют деловые партнерские отношения (mean = 3,56 / mean = 3,13 / p = 0,000), легко выстраивают успешные партнерские отношения (mean = 3,70 / mean = 3,32 / p = 0,000), отмечают, что с партнером сложились хорошие деловые взаимоотношения (mean = 3,90 / mean = 3,751 / p = 0,037). Они значимо чаще оценивают себя как надежного делового партнера (mean = 3,82 / mean = 2,99 / p = 0,000), что в общем вполне объяснимо, так как деловое партнерство является одним из аспектов собственно предпринимательской деятельности. Судя по полученным данным, предпринимателей вполне устраивает тот уровень доверия и ответственности, который существует в деловом партнерстве. Они допускают в определенной мере манипуляцию партнером, нечестность, неискренность и закрытость, видимо принимая такие нормы взаимодействия. Можно отметить позитивную оценку предпринимателями личного опыта участия в деловом партнерстве.

Предприниматели довольно высоко оценили важность партнерства в бизнесе (mean = 7,58) и важность партнерства в жизни (mean = 7,09). Оценки давались по 10-ти бал. шкале от 0 до 10.

Людам, не занимающимся предпринимательством, предлагалось ответить на вопрос, насколько они ценят партнерские взаимоотношения, насколько это важно. Эта оценка оказалась еще выше (mean = 8,17), чем оценка важности партнерства для предпринимателей.

Авторские опросники «Отношение к партнерству», которые использовались в данном исследовании, имели свою специфику (для предпринимателей и для людей, занятых в других сферах дея-

тельности). В целом, они включали одинаковые блоки вопросов, а именно – мы просили респондентов на основе личного опыта оценить определенные характеристики партнерских взаимоотношений – анализировалось 38 идентичных вопросов. По 26 вопросам значимых различий в ответах респондентов выявлено не было. Это свидетельствует о том, что во многом оценки представителей рассматриваемых нами двух групп сходны, то есть существуют определенные характеристики партнерских взаимоотношений, которые могут рассматриваться как некий нормативный базис партнерства.

Тем не менее, выявленные и представленные в статье различия по 12 вопросам позволяют судить о том, что отношение предпринимателей к деловому партнерству несколько отличается. Прежде всего, это касается определенных норм взаимодействия (Вавакина, 2016): позитивных, которые имеют исключительно важное значение для данного социального взаимодействия – доверие и ответственность, и условно не очень желательных, которые отрицательно коррелируют с успешностью и удовлетворенностью партнерством – манипуляция, нечестность и т. п.

Интересным результатом явилось то, что несмотря на более низкие оценки по доверию и ответственности и более высокие – по влиянию, манипуляции, нечестности и закрытости, уровень конфликтов между партнерами оказался ниже, а некоторые показатели эффективности – выше. Мы это объясняем тем, что деловое партнерство предпринимателей имеет свою специфику, связанную с нормативной составляющей данного социального взаимодействия, принимаемой и разделяемой деловыми партнерами в рамках их предпринимательской деятельности.

В целом, как предприниматели, так и люди, занятые в других сферах деятельности, довольно высоко оценили важность такого социального взаимодействия, как партнерство. Средние значения по данным шкалам находятся в диапазоне 7–8 баллов по 10-балльной шкале от 0 до 10, что может интерпретироваться как достаточно высокий результат. Исследование партнерства, его нормативных основ и ценностно-мотивационных аспектов данного социально взаимодействия актуально и представляет научный интерес.

Литература

Вавакина Т. С. Отношения партнерства в разных сферах жизнедеятельности человека // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018а. С. 640–647.

Вавакина Т. С. Ключевые признаки партнерских отношений // Социальная и экономическая психология. Сборник научных трудов. Сер. «Труды Института психологии РАН» / Отв. ред. Т. А. Нестик, Ю. В. Ковалёва. Москва, 2018б. С. 135–140.

Позняков В. П., Вавакина Т. С. Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Межпоколенческие различия в организации труда

У. Д. Ведутенко, Е. Б. Моргунов (Москва)

Тема сменяемости и отличий поколений получила научное осмысление в виде теории поколений. В наше время поколения и различия между ними исследуются в нескольких дисциплинах: психологии, культурологи, социологии, менеджменте.

Основной *целью* нашего исследования является выявление межпоколенческих психологических различий в производственной сфере.

Объектом исследования в практической части выступают люди двух поколений «X» и «Y», а предметом являются их характерные особенности.

Поколение – группа современников, связанная значимыми историческими событиями и периодами, которым приписывается некая духовная общность.

Теория поколений была разработана Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом. Ее ключевой идеей является выделение циклических временных периодов, равных 80–90 годам, с промежуточным двадцатилетним делением. Благодаря данным исследования принята следующая классификация поколений (Howe, Strauss, 1991):

- «G1» (1900–1923 гг.) поколение «Победителей»;
- «Молчаливое поколение» (1923–1943 гг.);
- «Бэби-бумеры» (1943–1963 гг.);
- Поколение «X» (1963–1984 гг.);
- Поколение «Y» или «Миллениалы» (1984–2000 гг.);
- Формирующееся еще поколение «Z» (2000–2020 гг.).

В нашем исследовании рассмотрены только поколения «X» и «Y», потому что их представители составляют основу трудоспособного населения. Считается, что представители поколения «X» – «Next» –

отличаются высоким уровнем самостоятельности и свободы. Они индивидуалисты-прагматики, сторонники равноправия, высоко информированы, готовы к изменениям. В профессиональной деятельности ценят стабильность, готовность к изменениям в информационной сфере. Более молодое поколение «Y» — «Миллениалы» — иные. Они лояльны, толерантны, самодостаточны, амбициозны. В приоритете гражданский долг, ответственность и моральные принципы. Другое название этой поколенческой группы с завышенной самооценкой — «*Нетерпеливое поколение*». В профессиональной сфере прослеживается легкость в адаптации к новым местам, мобильность, открытость и энтузиазм в командной работе. Стабильность не является для них характеристикой трудовой деятельности, для них приоритетнее интерес в работе, которая им нравится, это важнее чем материальный достаток.

Для проведения исследования являются важными теоретические основы отличительных ценностных характеристик между поколениями, рассмотренные на примере западного исследования.

Методика и процедура исследования

Гипотеза исследования заключается в существовании разницы в управлении подчиненными из разных поколений. Исследование базируется на индивидуальных характеристиках представителей конкретного поколения, различных предпочтениях в трудовой деятельности и организационной культуре. Требуется определить ценностные различия в отношении к профессиональному росту представителей поколений «X» и «Y», занятых в настоящее время трудовой деятельностью. Наше исследование проведено с помощью опроса-анкетирования в онлайн-форме. Эмпирическую базу составили представители двух поколений X (1963–1983) и Y (1983–2000), по ответам которых проверялась, выдвинутая гипотеза. Всего в опросе приняло участие 80 испытуемых, по 40 из каждого поколения. Возрастные рамки: 20–56 лет.

Методы исследования: Опрос-анкетирование и статистический анализ данных.

Описание и обсуждение результатов эмпирического исследования

У разных поколений меняется отношение к приоритетным ценностям, которые влияют в будущем на их поведение и отношение к жизни. Во многих ситуациях поколения «X» и «Y» поступают совершенно по-разному, в том числе в трудовой деятельности, что частично

подтверждает нашу гипотезу, о необходимости различных подходов в управлении работниками из разных поколений. Ю.А. Левада писал, что «каждое поколение имеет общий набор ценностей, приобретаемый в первые 12 лет жизни, которым человек дальше следует всю жизнь» (Левада, 2001, с. 7–14).

В нашем исследовании при ответах на вопрос о типе отношений в семье «доверительные» выбрали 9 представителей из поколения «Х», 21 из «У» и «диктаторские» (21 из «Х» и 5 из «У»). (Далее по тексту рядом с Х и У – количество выборов респондентами того или иного варианта ответа.)

Из приведенного примера видно, что поколение «Миллениалов» сформировалось в доверительно-демократических семьях, в отличие от старшего поколения. При выборе приоритета между семьей и работой: семья – 32 «Х», 11 «У», карьера – 8 «Х», 29 «У». «У» оценивают выше карьеру, так как счастливы, когда у них много возможностей, и никто не ограничивает свободу. Они готовы двигаться и развиваться, так как не зависят ни от кого, для них важен карьерный рост. Старшие не готовы менять свои семейные блага на карьеру, кардинальные изменения в жизни, им присуща ответственность за других и стабильность. Приводится шкала с личностными характеристиками, где респондент выбирает: 1 – вообще не присуще, 2 – не имеет значения, 3 – очень важно. Для старшего поколения характерна социальная самостоятельность, а в современном мире ценится коллективная работа, нежели индивидуализм работника. «Индивидуализм»: очень важно – 25 «Х», 10 «У», не имеет значения – 5 «Х», 18 «У». Другим критерием различий между особенностями поколений, является «Креативность и инициативность»: очень важно – 22 «Х», 31 «У», не имеет значения – 15 «Х», 8 «У», не присуще – 10 «Х», 5 «У». Молодые люди стараются оригинально и творчески выполнять задачи, решать проблемы нестандартными методами, выделяясь среди других. «Х» проще выполнить задачу давно проверенным способом, следуя конкретно поставленной задаче. «Равноправие» присуще в равной доле обоим поколениям. «Глобальная информированность» вообще не присуща «Миллениалам». «Готовность к изменениям с прогрессом»: полностью – 4 «Х», 27 «У», не готов – 21 «Х», 3 «У». «У» – полностью готовы меняться с прогрессом, так как они росли в период перестройки и глобализации, появляется недоверие в долгосрочные перспективы и незыблемые авторитеты. «Х» не видят возможности в резких изменениях, но присущи частичные перемены. Они привыкли к стабильной жизни, являются прагматичными и действуют проверенными методами.

Теория поколений вооружает управленцев легким, удобным инструментом в работе. Д. Кайлс пишет: «Что происходит, когда разные поколения работают в одном отделе, не зная поколенных ценностей своих коллег? Возникает конфликт, и производство может остановиться» (Kyles, 2005). Трудовые ценности – «нормативные верования, которые определяют поведение людей, формируя социальные ожидания от рабочей среды» (Finegan, 2000). Поэтому это важный фактор, влияющий на оценку своего поведения и других коллег. Эти ценности определяют трудовую этику в коллективе.

У респондентов выясняется набор корпоративных ценностей, которые являются для них наиболее важным при выборе компании. Так, разные поколения ставят себе в приоритет разные критерии. Например, экономическая стабильность важна для обоих поколений, а корпоративные ценности различны; карьерный рост – 15 у респондентов «X», 24 у «Y», свобода выбора при решении задач – 21 «X», 16 «Y», возможность саморазвития – 18 «X», 30 «Y». В то время как: гибкий график – 9 «X», 20 «Y», неформальное времяпрепровождение – 4«X», 20«Y», социальный пакет – 31 «X», 12 «Y». У представителей поколения «Y» важен гибкий график работы и неформальное времяпрепровождение. Они стараются выполнить больше дел за короткий промежуток времени. Для «Y» важна мобильность, а для «X» социальный пакет, предоставляемый компанией.

Далее нами рассматривается отношение людей к трудовой деятельности и факторы, влияющие на удовлетворенность работой. «Содержание и характер работы» и «оплата труда» – важные аспекты труда для представителей обоих поколений. В отношении к другим аспектам заметны различия. Так, «Удовлетворенность работой»: степень престижности работы – 7 у «X» и 18 у «Y», тип лидерства – 9 «X», 21 «Y», окружение и климат – 6 «X», 11 «Y». «Степень престижности работы» и «Окружение и климат» в наибольшей степени считают важными представители «Y».

Существует разница в выборе типа лидерства. Мы считаем, что данный аспект закладывается с детства и тесно связан с ценностями, приобретенными ребенком в семье. «Тип лидерства»: авторитарный – 14 из поколения «X», 3 от «Y», консультативный – 6 «X», 17 «Y», демократический – 9 «X», 18 «Y», принудительный – 11 «X», 2 «Y». Получается так, что представители поколения «X» предпочитают «авторитарный» или «принудительный» тип лидерства, а «Миллениалы» – «консультативный».

Одним из методов управления сотрудниками является их мотивация. Мотивация трудовой деятельности различна у разных поколений, это подтверждают результаты проведенного исследования. «Самовыражение» мотивирует больше представителей поколения «Y», для «X» достаточно четко поставленной цели. Более молодым работникам важен позитивный эмоциональный настрой и собственная заинтересованность в достижении цели. Различие в факторах мотивации при выборе критериев: «Признание» и «Бонусная система». «Факторы мотивации»: самовыражения – 11 «X», 24 «Y», получение признания – 12 «X», 25 «Y», бонусная система – 30 «X», 14 «Y». Важно отношение поколений к рабочему месту: «X» дорожат своим рабочим местом и привязаны к нему, а для Y оно не существенно. «Привязанность к рабочему месту»: 1–5 (не имеет значения) – 4 «X», 33 «Y», 5–10 (не могу представить другое рабочее место) – 36 «X», 7 «Y».

Заключение

В статье описаны эмпирическое исследование, где анализируются различия в предпочтениях представителей поколений X и Y, которые могут быть использованы при управлении. Итоги нашего опроса показывают различия у представителей из поколений X и Y. Оба поколения отличаются по набору ценностных характеристик, которые в свою очередь влияют на трудовую деятельность.

Литература

- Левада Ю. А.* Поколение XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7–14.
- Толстых Н. Н.* Предисловие главного редактора // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 5–8.
- Howe N., Strauss W.* Generations: The history of America's future, 1584 to 2069. N. Y.: William Morrow, 1991.
- Finegan J. E.* The impact of person and organizational values on organizational commitment // Journal of Occupational & Organizational Psychology. 2000. V. 73. № 2. P. 149–169.
- Kyles D.* Managing your multigenerational workforce // Strategic Finance. 2005. V. 87. № 6. P. 53.

Сравнение субъективного контроля у девушек с нервной анорексией и профессиональных балерин

А. В. Виленская, А. А. Галушко (Москва)

Нервная анорексия (НА) является одним из самых распространенных заболеваний, входящих в группу расстройств пищевого поведения. Распространенность НА составляет от 0,9% до 4,3% среди женщин и от 0,2% до 0,3% среди мужчин (Smink, van Hoeken, Hoek, 2012). Высокая летальность, риск рецидивов и осложнений, трудность диагностики на ранних этапах, сложность психологических и физиологических механизмов заболевания делают НА актуальной проблемой для медиков, психологов и специалистов смежных специальностей.

Нервная анорексия — психическое расстройство пищевого поведения, характеризующееся потерей веса при добровольном отказе от еды с целью похудения.

По Международной классификации болезней 10-ого пересмотра (МКБ-10) можно выделить следующие признаки НА:

1. Потеря веса по крайней мере на 15% относительно ожидаемого для данного роста (возраста).
2. Имеется навязчивый страх располнеть, больной считает себя недостаточно худым.
3. Потеря веса вызывается самостоятельно путем избегания калорийной, по мнению больного, пищи.
4. Общее эндокринное расстройство гипоталамо-гипофиз-половых желез.
5. Расстройство не должно отвечать следующим критериям нервной булимии: приступообразные эпизоды переедания и сильная озабоченность и навязчивое желание принимать пищу.

Также могут наблюдаться не обязательные, но явные внешние признаки: чрезмерные физические нагрузки (обычно спорт), вызов рвоты, прием средств, угнетающих аппетит либо слабительного характера и диуретиков.

Исключая пятый пункт МКБ, как дифференцирующий, можно обнаружить соответствие пациенток с НА со здоровыми людьми по крайней мере по трем из четырех пунктов. Однако соответствие ставится не по отношению ко всем людям вообще, а только к занятым некоторой специфической деятельностью, в данном случае, людям, вынужденным ограничивать себя в пище и поддерживать физическую форму. Данные критерии дают возможность сравнить такие

две группы, как пациенты с анорексией и балетные танцоры. Кроме балета подобное поведение также характерно для девушек в фигурном катании и художественной гимнастике, однако в нашем исследовании предполагается провести сравнение именно с балетом. Данный выбор обусловлен следующими условиями:

1. Высокий процент заболевания среди женщин, особенно в возрасте от 13 до 18, когда происходит наиболее интенсивное обучение в хореографических образовательных учреждениях.
2. Необходимость балеринам весить не более 50 кг, так как в противном случае они не допускаются до дуэтного танца в связи с возможным травмированием партнера.
3. Стремление балерин выглядеть «женственно» и «эфемерно».
4. Существование точной таблицы, сколько должна весить занимающаяся балетом девушка определенного роста, т.е. наличие четких внешних стандартов веса.

Цель исследования – выяснить, почему, несмотря на схожие изначальные условия, у балерин не развивается анорексия, в отличие от пациенток, склонных к ней.

Больные с анорексией меньше склонны считать, что исход деятельности зависит от них, чем здоровые люди. Они склонны более негативно относиться к событиям прошлого. (Попов с соавт., 2016). Было показано, что семьи пациенток с НА отличаются высоким уровнем конфликтности, при этом родители часто находятся в процессе развода, а дочь старается объединить их путем манифестации своего заболевания, в данном случае, НА (Пичиков, Попов, 2017). Это может говорить, с одной стороны, о высоком контроле в ситуациях, мало поддающимся управлению со стороны человека, с другой, как считается в психотерапевтическом сообществе – определенной инфантильности (Коркина, Цивилько, Мариллов, 1986) и сниженной когнитивной гибкости, при которой снимается ответственность с себя за свое здоровье и снижается возможность управления альтернативами и способность планировать (Пичиков, Попов, Яковлева, 2018).

Проявление НА у девушек, склонных к ней, может сопровождаться высокой интернальностью локуса контроля, т.е. они самостоятельно решают, как должны выглядеть, в отличие от балерин, у которых может в значительной степени присутствовать внешний контроль (в виде тренера, родителей). Однако при этом, видимо, локус контроля в определенных шкалах у девушек с НА может быть чрезмерно завышен, что не способствует адаптивному поведению.

Гипотезы

1. Девушки, склонные к НА, будут демонстрировать чрезмерно высокую интернальность субъективного контроля по многим шкалам, в отличие от балерин, у которых субъективный контроль предполагает не такие высокие значения и большее их разнообразие по разным шкалам.
2. Поскольку НА сопровождается заикленностью исключительно на внешнем виде и формировании фигуры, у девушек с НА будут наблюдаться высокие показатели по определенным субшкалам смысложизненных ориентаций (локуса контроля и цели в жизни) при прочих низких, в отличие от балерин, имеющих более гармоничный профиль по разным субшкалам.

Планируемое использование методик включает тест-опросник субъективного контроля Дж. Роттера (УСК) и тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) Д. А. Леонтьева.

В УСК предполагаются высокие показатели по всем шкалам интернальности, кроме межличностных отношений и здоровья и болезни. В первом случае у пациенток с анорексией нарушены социальные взаимодействия, кроме того, им кажется, что окружающие относятся к ним негативно из-за их веса и внешности, т. е. они не в состоянии сами формировать свой круг общения, возлагая эту обязанность на окружающих. Во втором случае больным кажется, что все проблемы с физическим здоровьем, вызванные НА, не зависят от их действий, а происходят по воле случая.

В СЖО у девушек с НА предполагаются высокие показатели по субшкале локуса контроля и цели в жизни при остальных низких, так как предполагаемая цель непрерывного похудения представляется мало реальной, что соответствует прожективному мышлению, не подкрепленному реальной опорой.

Характеристики *выборки*: девушки, возраст от 13 до 18 лет.

- 1 группа – пациентки с НА;
- 2 группа – ученицы балетных училищ и академий;
- 3 группа – контрольная, девушки, не занимающиеся профессионально балетом и не имеющие НА.

Литература

- Коркина М. В., Цивилько М. А., Марилов В. В.* Нервная анорексия. М.: Медицина, 1986.
- Пичиков А. А., Попов Ю. В.* Нервная анорексия у девушек-подростков: варианты течения, факторы рецидива и суицидальный риск на ран-

них этапах терапии // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. № 4. 2017. С. 41–50.

Пичиков А. А., Попов Ю. В., Скрипченко П. А., Трусова А. В., Тявокина Е. Ю., Васюк А. С., Пуховец Ю. А. Роль перфекционизма в формировании особенностей восприятия временной перспективы и образа собственного тела у девушек с нервной анорексией // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. № 4. 2016. С. 73–79.

Пичиков А. А., Попов Ю. В., Яковлева Ю. А. Взаимосвязь исполнительных функций и суицидальных тенденций у девушек-подростков с нервной анорексией // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. № 4. 2018. С. 64–74.

Smink F. R. E., van Hoeken D., Hoek H. W. Epidemiology of Eating Disorders: Incidence, Prevalence and Mortality Rates // Current psychiatry reports. 2012. V. 14. № 4. P. 406–414.

Психологические факторы снижения надежности деятельности у оперативного персонала энергетических объектов*

И. Ю. Внуков, А. А. Качина (Москва)

В научной литературе, посвященной психологии надежности и безопасности деятельности, выделяют два основных вида факторов надежности деятельности человека-оператора (Бодров, Орлов, 1998; Леонова, 2007; Сериков, 2018): объективные (условия труда, организационная структура и культура) и субъективные (личностные качества, профессиональные знания и навыки, состояние здоровья). При этом отмечается, что вклад психологических факторов снижения надежности составляет около 80%, то есть причины совершения ошибок и снижения качества деятельности являются не технологическими, а психологическими (Котик, 1981). Актуальность исследования психологических предикторов надежности очень высока, так как общий уровень надежности специалиста, суммирующийся из профессиональной, функциональной и личностной надежности, играет важную роль в эффективности деятельности человека-опера-

---

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-013-00799 «Прогностическая модель адаптивности и надежности профессионалов в экстремальных условиях труда».

тора, а следовательно, и эффективности всего энергетического объекта (Андрюшина с соавт., 2018). Помехоустойчивость, способность к регуляции своего состояния и мобилизации внутренних ресурсов в сложных профессиональных ситуациях являются важными профессиональными качествами человека-оператора. Поэтому индивидуально-психологические факторы, связанные с особенностями поведения человека-оператора, его способность к планированию и перестройке деятельности, а также ее «внутренняя цена» могут выступать существенными риск-факторами для снижения надежности функционирования энергообъекта.

Целью нашего исследования выступал анализ психологических факторов снижения надежности деятельности оперативного персонала энергетических объектов.

В качестве основных *гипотез* исследования выступали следующие предположения:

- 1) индивидуально-личностные особенности (тревожность, ригидность, лабильность, агрессивность) связаны с высоким уровнем негативных проявлений профессионального стресса в деятельности оперативного персонала энергетических объектов;
- 2) высокий уровень осознанной саморегуляции является предпосылкой высокой функциональной надежности в ситуациях развития профессионального стресса.

Выборка: в исследовании приняло участие 164 сотрудника оперативной службы энергетической компании. Из них 148 человек – мужчины и 16 – женщины в возрасте от 23 до 59 лет (средний возраст – 42 года). 18 человек – управленцы среднего звена (начальники и заместители ГПС), остальные 146 – оперативный персонал (инженеры, электромонтеры).

Методики исследования включали: методику ИДИКС (Леонова, 2007); методику «Стиль саморегуляции поведения со шкалой надежности» (ССПМ, Моросанова, Бондаренко, 2015) и индивидуально-типологический опросник (ИТО, Собчик, 1998). Статистический анализ включал методы корреляционного (r -критерий Пирсона) и факторного анализа (метод главных компонент с Varimax вращением), однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) для сравнения групп с разным общим уровнем саморегуляции поведения и регрессионный анализ (линейный) для определения вида связи и измерения вклада переменных в уровень переживания профессионального стресса. Расчеты проводились в IBM SPSS Statistics v. 21.0.

Результаты исследования

В целях укрупнения показателей индивидуально-типологического опросника и выявления наиболее значимых личностных особенностей, которые могут быть связаны со снижением надежности деятельности, на первом этапе обработки данных был проведен факторный анализ шкал индивидуально-типологического опросника Л. Н. Собчик. В результате были выделены три фактора общим процентом описываемой дисперсии – 69,5%.

Фактор 1 «коммуникативность» (25,28%) включает в себя такие индивидуально типологические свойства экстраверсия (0,878), интроверсия (–0,792) и лабильность (0,671). Фактор 2 «лидерство» (23,66%) объединил агрессивность (0,819), ригидность (0,773), спонтанность (0,723). Фактор 3 «конформность» (20,57%) – тревожность (0,792) и сензитивность (0,751).

Далее был проведен корреляционный анализ выделенных личностных факторов, показателей профессионального стресса по методике ИДИКС, а также показателей осознанной саморегуляции поведения по методике ССПМ.

Результаты показали значимую обратную связь между фактором «коммуникативность» и общим индексом стресса ($r = -0,429$, $p \leq 0,01$), а также значимую прямую взаимосвязь фактора «конформность» и проявлений хронического стресса ($r = 0,365$, $p \leq 0,01$). Полученные взаимосвязи в целом согласуются с представленными в литературе данными о связи тревожности и лабильности (как показателя нейротизма) с низкой устойчивостью к стрессу.

Так же фактор «коммуникативность» имеет прямую значимую связь ($r = 0,404$, $p \leq 0,01$) с общим уровнем саморегуляции. В исследованиях В. И. Моросановой показано, что у экстравертов по сравнению с интровертами более сформированы процессы моделирования значимых условий деятельности, они характеризуются большей автономностью и высокой гибкостью. Наши результаты согласуются с этими данными, наибольшие связи фактора «коммуникативность» были получены со шкалой гибкость ($r = 0,497$, $p \leq 0,01$) и моделирование ($r = 0,497$, $p \leq 0,01$). Фактор «конформность» имеют обратную связь с общим уровнем саморегуляции и шкалой надежности ($r = -0,434$ и $r = -0,504$ соответственно, $p \leq 0,01$).

Результаты корреляционного анализа индексов стресса и особенностей осознанной саморегуляции показали значимую обратную связь между большинством показателей саморегуляции и общим уровнем стресса (r в пределах от –0,333 до 0,460 при $p \leq 0,01$) – чем

эффективнее протекают процессы саморегуляции, тем меньше негативных последствий воздействия стресса человек ощущает.

Сравнение крайних групп респондентов с разным общим уровнем осознанной саморегуляции показало, что группы со средним (46 чел.) и высоким уровнем саморегуляции (44 чел.) значительно различаются по всем показателям стресса (по всем шкалам ИДИКС), кроме шкалы «Субъективная оценка трудностей рабочей ситуации». Общий уровень переживаемого стресса значимо выше в группе со средним уровнем саморегуляции ($F = 34,36$, $p < 0,001$).

Для уточнения эмпирической гипотезы о наличии связи между личностными факторами, показателями саморегуляции и уровнем профессионального стресса как основного критерия внутренней цены деятельности и снижения надежности деятельности был использован регрессионный анализ. В результате проведенного анализа (шаговая регрессия) в прогностическую модель (скорректированный $R^2 = 0,406$, $p < 0,001$) вошли три переменных – моделирование ($\beta = -0,365$, $p < 0,001$), оценка результата ($\beta = -0,217$, $p < 0,001$) и коммуникативность ($\beta = -0,237$, $p < 0,005$).

Таким образом, согласно полученным данным, факторами, препятствующими развитию профессионального стресса у оперативного персонала, выступают способность к моделированию условий и к оценке результата деятельности, а также такая индивидуально-личностная характеристика как коммуникативность (эмоциональная лабильность и экстраверсия).

Выводы

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать следующие выводы:

1. Коммуникативность (высокая экстраверсия, лабильность и низкая интроверсия) как личностная характеристика имеет обратную значимую связь с общим индексом стресса и составляющими его шкалами острого и хронического стресса. Конформность (высокая тревожность и сензитивность) имеет прямую значимую связь с переживанием хронического стресса. Таким образом, гипотеза I подтвердилась частично.
2. Общий уровень осознанной саморегуляции обратно связан с негативными проявлениями профессионального стресса у оперативного персонала. Наибольшая (обратная) связь общего уровня саморегуляции наблюдается с переживанием хронического стресса, что подтверждает вторую гипотезу исследования.

3. К факторам, препятствующим развитию профессионального стресса у оперативного персонала относятся способность к моделированию значимых условий деятельности, способность к оценке результата (адекватной оценки себя, своего поведения и результатов деятельности), а также такая индивидуально-личностная характеристика как коммуникативность.

Литература

- Андрюшина Л. О., Чернецкая Е. Д., Белых Т. В., Величковский Б. Б.* Индивидуальные предикторы безопасности персонала АЭС // Психологическое обеспечение профессиональной надежности персонала предприятий и организаций атомной отрасли. Сборник материалов III отраслевой научно-практической конференции, г. Обнинск, 15–17 октября 2018 г. / Отв. ред. Е. В. Леонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 47–61.
- Бодров В. А., Орлов В. Я.* Психология и надежность: человек в системах управления техникой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Леонова А. Б.* Психическая надежность профессионала и современные технологии управления стрессом // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2007. № 3. С. 69–81.
- Котик М. А.* Психология и безопасность. Таллин: Валгус, 1981.
- Сериков В. В.* Личностная надежность человека-оператора // Психологическое обеспечение профессиональной надежности персонала предприятий и организаций атомной отрасли. Сборник материалов III отраслевой научно-практической конференции, г. Обнинск, 15–17 октября 2018 г. / Отв. ред. Е. В. Леонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 37–46.

Представления о смысле жизни и тип мотивации деятельности на разных уровнях развития эго

Е. Ю. Воеводина (Москва)

Теория развития эго Д. Левинджер является одной из самых перспективных и актуальных теорий «здорового» развития личности, достаточно концептуально богатой, чтобы отразить взгляды человека по вопросу смысла жизни. В рамках теории развития эго Левинджер раскрываются этапы «здорового» развития личности через понятие «эго» — цельного конструкта, отражающего структурное единство организации личности. Оно включает в себя четы-

ре аспекта: характер (моральные принципы и способность управлять собственными импульсами), когнитивный стиль (способность воспринимать концептуальную сложность и неоднозначность явлений окружающего мира и себя в нем), межличностный стиль (установки относительно взаимоотношений) и фокус сознания (главная тема, отражающаяся в мыслях и поведении человека). Одной из фундаментальных характеристик эго является то, что оно управляется целью и смыслом, и даже было показано, что слово «смысл» появляется в ответах респондента тем чаще, чем выше его уровень развития эго (Bauer, 2011).

Когда речь заходит о смысле, то невозможно обойти фундаментальный вопрос смысла жизни. Важный шаг к эмпирическому разрешению вопроса о представлениях людей о понятии «смысл жизни» сделали Осин, Кузнецова и Малютина, выделив имплицитные концепции смысла жизни (ИКСЖ) (Осин с соавт., 2014). Кроме того, исследователи обратили внимание на то, что люди считают необходимым включить в жизнь, чтобы она стала осмысленной, составив пять смысловых групп: трансценденция (вера, помощь, служение цели или человечеству), взаимоотношения (дружба, любовь, семья), самореализация (свобода, познание нового, творчество), чувства (гармония, принятие жизни и наслаждение ею), «внешние» смыслы (здоровье, материальная обеспеченность, признание общества и удовольствия).

Что же движет человеком к реализации смысла своей жизни? Каковы его мотивы? Вопрос мотивов был рассмотрен с интересной точки зрения в работах Вероники Хуты, выделившей гедонистический (поиск удовольствия) и эвдемонический (стремление к росту) мотивы деятельности (Wujacz et al., 2014). Они не противопоставлены и могут оба проявляться у человека в высокой степени или же низкой степени. Более того, дисбаланс, когда преобладает лишь один тип мотива, приводит к снижению субъективного качества жизни.

Мы видим, что все эти линии исследований пересекаются концептуально как между собой, так и с теорией развития эго Левинджера. Однако ранее не было проведено ни одного эмпирического исследования для подтверждения видимого теоретического сходства.

Таким образом, целью исследования стало проверить наличие связи между уровнем развития эго, представлениями человека о смысле жизни, осмысленной жизни и мотивами его деятельности.

На основании теоретического обзора были поставлены *две гипотезы*. *Первая гипотеза* – существуют различия в уровне развития

эго между людьми с разными ИКСЖ. *Вторая гипотеза* – уровень развития эго положительно связан с представлениями о ценности самореализации и трансценденции. *Третья гипотеза* – уровень развития эго положительно связан с эвдемонической мотивацией. Насчет гедонической мотивации невозможно поставить гипотезу о положительной или отрицательной связи, но мы также предполагаем отличие в ее показателях между разными уровнями развития эго. *Четвертая гипотеза* – эвдемоническая мотивация деятельности будет положительно связана с предпочтением ценностей группы «трансценденция» и «самореализация», в то время как отрицательная связь будет с группами «внешних» ценностей.

Материалы и методы

Для проверки гипотез было проведено эмпирическое исследование. Данные собирались онлайн на платформе Ika.si. Выборку составили 364 респондента, из которых, после удаления некачественных данных, осталось 345. Возраст респондентов от 14 до 85 лет ($M=20,03$, $SD=11,76$), 119 мужчин и 227 женщин. Участникам было предложено пройти следующие методики:

1. Тест незаконченных предложений вашингтонского университета – для операционализации уровня развития эго.
2. Анкета «Имплицитные концепции смысла жизни» (Е. Н. Осин).
3. Анкета «Имплицитные концепции осмысленной жизни» (Е. Н. Осин).
4. The Hedonic and Eudaimonic Motives for Activities (HEMA) в переводе Е. Н. Осина.
5. Опросник «Смысл в жизни» (MLQ) в переводе Е. Н. Осина, выявляющий присутствие смысла и поиск смысла.

Результаты

Статистический анализ (коэффициент корреляции Спирмена) показал наличие положительной связи между уровнем развития эго и утверждениями о том, что смысл жизни – это «переживание, внутреннее ощущение» ($\rho=0,15$, $p<0,01$) и «идея, сознательное представление» ($\rho=0,14$, $p<0,05$). Люди с более высокими уровнями эго склонны соглашаться с утверждениями, что смысл жизни – «это возможность, которую человек может осуществить» ($\rho=0,22$, $p<0,01$), «возникает в результате сознательного выбора человека» ($\rho=0,16$, $p<0,01$) и что его «необходимо создать» ($\rho=0,11$, $p<0,05$). Вопрос о смысле жизни им близок ($\rho=0,11$, $p<0,01$), они согласны с тем, что

это разумный вопрос ($\rho = 0,20$, $p < 0,01$), и на него можно найти ответ ($\rho = 0,17$, $p < 0,01$). Положительная корреляция уровня эго найдена с группой ценностей «самореализация» ($\rho = 0,15$, $p < 0,01$) и отрицательная – с группой «взаимоотношения» ($\rho = -0,21$, $p < 0,01$). Уровень развития эго положительно коррелирует с эвдемонической мотивацией ($\rho = 0,20$, $p < 0,01$), в то время как с гедонистической мотивацией не обнаружено значимой корреляции. Показатели присутствия и поиска смысла не коррелируют с уровнем развития эго, в то время как с эвдемонической мотивацией наблюдается очень сильная значимая корреляция с присутствием смысла ($\rho = 0,51$, $p < 0,01$) и более слабая – с поиском смысла ($\rho = 0,12$, $p < 0,05$). Эвдемоническая мотивация положительно коррелирует с группой ценностей «трансценденция» ($\rho = 0,19$, $p < 0,01$), «самореализация» ($\rho = 0,11$, $p < 0,05$) и отрицательно – с группой «внешних» ценностей ($\rho = -0,19$, $p < 0,01$), в то время как у гедонической мотивации ровно обратные показатели: отрицательная корреляция с «трансценденцией» ($\rho = -0,13$, $p < 0,05$) и положительная – с «внешними» ценностями ($\rho = 0,18$, $p < 0,01$).

Выводы

Результаты подтверждают первую гипотезу о том, что различия в уровнях эго связаны с различиями в представлениях о смысле жизни. Рост уровня развития эго связан с возрастанием актуальности вопроса смысла жизни и тем, что человек становится активным субъектом выбора и осуществления смысла. Все это концептуально согласуется с переменами, происходящими в личности человека согласно теории развития эго Левинджер. Вторая гипотеза подтвердилась частично – с ростом уровня эго люди более склонны высоко оценивать значимость самореализации, однако с трансценденцией связи не обнаружено. Отрицательная корреляция с ценностями группы «взаимоотношения» может объясняться возрастающей автономностью у личностей с высоким уровнем эго. Третья гипотеза о связи уровня развития эго с эвдемонической мотивацией подтверждается, как и четвертая, о положительной связи эвдемонии с предпочтением ценностей группы «трансценденция» и «самореализация», отрицательной связи с группами «внешних» ценностей. Эти корреляции, а также возрастание субъективного присутствия смысла согласуются с тем, что человек становится активен в своей позиции по отношению к смыслу. В то время как гедоническая мотивация не показала никаких корреляций с уровнем развития эго, можно сделать вывод, что с развитием личности не происходит отрицания «простых» удовольствий. Они включаются в ценностную картину человека, однако,

не находясь на первом плане, как эвдемония. Этот вывод дополняется тем, что группа «внешних» ценностей также не показала ни положительной, ни отрицательной корреляции с уровнем развития эго.

Полученные результаты вносят вклад в текущие представления о роли смысла жизни в развитии личности, а также подтверждают концептуальную связность отдельных современных теоретических линий исследований.

Литература

- Осин Е. Н., Кузнецова С. С., Малютин А. В.* ИмPLICITные концепции смысла жизни и осмысленной жизни // Психология смысла жизни: методологические, теоретические и прикладные проблемы / Под ред. К. В. Карпинского, В. Э. Чудновского. Гродно: ГрГУ, 2014. С. 118–138.
- Bauer J. J.* The postconventional Self: Ego Maturity, Growth Stories... and Happiness // The Postconventional personality: assessing, researching and theorizing higher development. N. Y.: SUNY Press, 2011. P. 101–117.
- Bujacz A., Vitters Æ. J., Huta V., Kaczmarek L. D.* Measuring hedonia and eudaimonia as motives for activities: cross-national investigation through traditional and Bayesian structural equation modeling // *Frontiers in psychology*. 2014. V. 5. P. 1–10.

Факторы, влияющие на кризисные ситуации в спортивной и неспортивной деятельности спортсменов-юниоров на примере хоккея с шайбой

М. Г. Волкова (Ярославль)

В настоящее время возрастание популярности спорта среди молодежи повлекло за собой увеличение необходимости изучения различных аспектов деятельности в рамках юношеского спорта и личности спортсмена-юниора со стороны спортивных психологов.

Проведенный нами анализ литературы по проблеме личности спортсмена-юниора дает нам право говорить, что на сегодняшний день основную сферу интересов спортивных психологов составляют особенности подготовки и сопровождения спортсмена в соревновательный и предсоревновательный период, его взаимодействие с тренером и партнерами по команде (Загайнов, 2010). Однако не стоит забывать, что нестабильный эмоциональный фон, физические и физиологические изменения, происходящие в организме

подростка, напрямую влияют на все сферы его жизнедеятельности, включающие в себя как спортивную, так и неспортивную деятельность (Авсеев, 1989).

Наше исследование посвящено изучению кризисных ситуаций в профессиональном хоккее, и для этого есть ряд оснований. За последние пять лет более десяти действующих и бывших игроков НХЛ покончили жизнь самоубийством или погибли от непреднамеренной передозировки сильнодействующими лекарственными препаратами. Кроме того, в настоящий момент многие игроки проходят курсы реабилитации, направленные на избавление от различного вида зависимостей (алкогольная, наркотическая) и последствий многочисленных травм, полученных за годы профессиональной деятельности (Malarchuk, Robson, 2014).

Проведенные нами исследования показывают, что большинство игроков, избравших суицид или пристрастие к запрещенным препаратам в качестве способов совладания с различными жизненными трудностями, впервые столкнулись с проблемами как спортивного, так и неспортивного характера еще в юношеском возрасте. Низкая успеваемость, конфликты с учителями и одноклассниками, давление со стороны родителей и тренера, сильные физические нагрузки — эти и многие другие факторы, по признанию самих хоккеистов, стали причиной сильных эмоциональных переживаний (Волкова, 2017а, б).

Основываясь на результатах, полученных в процессе изучения литературы по проблеме, нами была поставлена *цель* — выявить типичные кризисные ситуации в жизни и деятельности хоккеистов-юниоров и факторы, на них влияющие.

Большинство спортсменов подросткового возраста сталкиваются с необходимостью преодоления кризисных ситуаций, связанных как со спортивной, так и с неспортивной деятельностью. В связи с этим, в качестве основных рабочих *гипотез* исследования мы выдвинули следующие:

- 1) в связи с психологическими и физиологическими особенностями подросткового возраста у спортсменов-юниоров, по сравнению с высококвалифицированными спортсменами, наблюдаются специфические кризисные ситуации;
- 2) психологические факторы, влияющие на переживание кризисных ситуаций у хоккеистов-юниоров, различаются в зависимости от их игрового амплуа.

Характеристика выборки. Наше эмпирическое исследование проводилось на базе СДЮШОР «ХК Локомотив-2004» г. Ярославля. В рам-

ках работы над проблемой исследования было выбрано 46 воспитанников СДЮШОР «ХК Локомотив-2004», среди них 24 спортсмена 2005 года рождения (13–14 лет) и 22 спортсмена 2003 (14–15 лет) года рождения. Данные хоккеисты-юниоры являются представителями двух команд (2005 и 2003 г. р.) и выступают в Открытом чемпионате Москвы среди юношей 2003 и 2005 г. р.

Исходя из специфических характеристик различных игровых амплуа, а также учитывая возрастные и индивидуально-психологические особенности спортсменов выбранной нами возрастной категории (13–15 лет), нами был отобран ряд *методов* для проведения эмпирического исследования по проблеме кризисных ситуаций в жизни и деятельности хоккеистов-юниоров:

- 1) биографический метод для получения предварительной информации о спортсмене;
- 2) опросник Филлипса для выявления уровня тревожности у хоккеистов-юниоров;
- 3) математический метод (социометрический тест).

Говоря о результатах диагностики уровня школьной тревожности по методике Филлипса, можно сказать, что, в целом, уровень тревожности команды 2005 г. р. выше, чем у спортсменов старшего возраста. Однако следует обратить внимание на отдельные шкалы опросника. У хоккеистов 2003 г. р. средние показатели выше по таким шкалам как: общая тревожность (ОТ), фрустрация потребности достижения успеха (ФПДУ), страх не соответствовать ожиданиям окружающих (СНОО) и проблемы и страхи в отношениях с учителями (ПСОУ).

Данные показатели можно объяснить тем, что спортсмены 2003 г. р. на момент проведения исследования являлись учащимися 9 класса и находились на этапе принятия решения о продолжении профессиональной карьеры или ее завершении (переходе на любительский уровень). Кроме того, в данный период времени у спортсменов возрастает интенсивность тренировочной деятельности, что влияет на снижение результативности в школе и, как следствие, приводит к конфликтам с учителями и администрацией образовательного учреждения.

У спортсменов 2005 г. р., в сравнении со старшими хоккеистами, высокие показатели тревожности выявлены по таким шкалам, как: общая тревожность в школе (ОТШ), переживание социального стресса (ПСС), страх самовыражения (СС), страх ситуации проверки знаний (ССПЗ) и низкая физиологическая сопротивляемость стрессу (НФСС).

Полученные данные можно объяснить тем, что спортсмены данной возрастной категории (13–14 лет) находятся в стадии активных гормональных и физиологических изменений, что влияет на неустойчивость эмоционального фона спортсменов, а также на их взаимоотношения с окружающими. Кроме того, на данном этапе приоритетным направлением является получение образования, а занятия спортом пока не достигли профессионального уровня.

Результаты проведенного социометрического исследования показали, что лишь небольшая часть спортсменов 2003 г. р. (7 человек по критерию «Дружба» и 5 человек по критерию «Хоккей») находятся в статусе «Звезда» или «Предпочитаемый», остальная же часть игроков имеет более низкие показатели. У команды 2005 г. р. положительные статусы имеют 6 человек по критерию «Хоккей» и 11 человек по критерию «Дружба».

При этом следует отметить, что статусы «Отвергаемые» и «Пренебрегаемые» в команде 2005 г. р. по критерию «Дружба» имеют 10 человек, а по критерию «Хоккей» — 12 человек. В команде 2003 г. р. данные статусы имеют по 8 человек в указанных критериях соответственно.

Это подтверждает наличие напряженных взаимоотношений в командах как во время тренировочного и игрового процесса, так и вне спортивной деятельности, при том, что в команде 2005 г. р. выявлены более напряженные отношения среди партнеров по команде.

Кроме того, при проведении исследования, нами был выявлен ряд игроков, которые имеют статус «Пренебрегаемый» или «Отвергаемый» сразу по двум критериям. Более того, в процессе проведения исследования, нами был выявлен тот факт, что большинство игроков, имеющих наибольшие показатели по уровню тревожности, являются обладателями игрового амплуа защитника. Однако говоря о нападающих, была обнаружена взаимосвязь между уровнем тревожности и социальным статусом игроков данного амплуа — чем выше у нападающих тревожность, тем ниже их статус среди других игроков команды в рамках игровых и тренировочных процессов.

Выводы

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что учет индивидуально-психологических, возрастных и физиологических особенностей хоккеистов-юниоров, а также характерных особенностей игровых амплуа нападающий и защитник, позволит более качественно разрабатывать и корректировать программы тренировочного

процесса, а также проводить как первичный отбор детей в секцию по хоккею с шайбой, так и проводить «отсев» спортсменов по ходу проведения Чемпионата. Кроме того, результаты проведенного исследования позволят осуществлять процесс психолого-педагогического сопровождения юниоров с целью предотвращения возможных рисков нанесения вреда физическому и психологическому здоровью хоккеистов-юниоров.

Литература

- Malarchuk C., Robson D.* The Crazy Game: How I Survived in the Crease and Beyond. Toronto: Harper Collins, 2014.
- Авсеев В. Г.* Возрастная психология. Учебное пособие. Иркутск, 1989.
- Волкова М. Г.* Психотравмирующие ситуации в жизни хоккеистов высокой квалификации и способы их преодоления (на основе биографического анализа) // Психология – наука будущего: Материалы VII Международной конференции молодых ученых «Психология – наука будущего», 14–15 ноября 2017 года, Москва / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017а. С. 161–165.
- Волкова М. Г.* Психотравмирующие события в жизни спортсменов-хоккеистов высокой квалификации // Рудиковские чтения: материалы XIII Международной научно-практической конференции психологов физической культуры и спорта (11–12 мая 2017 г.) / Под общ. ред. Ю. В. Байковского, А. В. Вошинина. М.: РГУФКСМиТ, 2017б. С. 125–129.
- Загайнов Р. М.* Кризисные ситуации в спорте и психология их преодоления. Монография. М.: Советский спорт, 2010.

Роль понятийных способностей в продуктивности разных видов интеллектуальной деятельности в юношеском возрасте

Н. Э. Волкова (Москва)

В настоящее время вопрос о том, какие интеллектуальные способности могут выступать в качестве ресурсной основы интеллектуального развития человека, остается одним из наиболее актуальных. Р. Ли утверждал, что человеческий интеллект всегда выступает как понятийный, поскольку всегда проявляется как эффект понятийного мышления и усвоения понятий (Li, 1996).

Так, Л. С. Выготский отмечал, что понятийное мышление формируется в подростковом возрасте, обеспечивая качественные изменения всех познавательных процессов и возможность произвольной регуляции психической деятельности. Л. М. Веккер теоретически обосновал положение о том, что понятийное мышление выступает в качестве фактора интеграции всей когнитивной сферы по принципу «сверху вниз» и обеспечивает становление целостной структуры интеллекта человека. В работах И. А. Кибальченко показано, что именно уровень сформированности понятийного мышления связан с показателями учебной успеваемости студентов в условиях вузовского обучения (Кибальченко, 2010).

Понятийные способности – это психические свойства, обуславливающие формирование и обогащение семантических сетей, использование категорий разной степени обобщенности, порождение новых ментальных содержаний в виде интерпретаций, обоснований, доказательств, гипотетических допущений (Холодная, 2012). Выделяют три вида понятийных способностей: 1) семантические (способность оперировать содержанием словесных знаков), 2) категориальные (способность осуществлять преобразования в системе категориальных признаков разной степени обобщенности), 3) концептуальные (способность выявлять имплицитные связи и конструировать на их основе ментальные нарративы разной степени сложности) (Холодная, 2012).

В исследованиях Я. И. Сиповской было выявлено, что концептуальные способности являются предиктором интеллектуальной компетентности в старшем подростковом возрасте в возрасте 15–16 лет ($n=90$) (Сиповская, 2015). В другом исследовании было получено, что концептуальные способности коррелируют, прежде всего, с невербальной креативностью, которая является основным ресурсом для творческого мышления (Трифоновна, 2015).

Цель состоит в сравнительном анализе роли категориальных и концептуальных способностей в обеспечении продуктивности разных видов интеллектуальной деятельности юношеском возрасте.

Дизайн исследования

В исследовании принимали участие 408 респондентов гуманитарных специальностей из Костромы, Москвы, Пензы, Перми и Таганрога в возрасте от 18 до 24 лет ($19,32 \pm 1,48$), среди них 79,2% девушек.

Для достижения поставленной цели использовался комплекс методик из двух блоков.

I блок. Методики диагностики понятийных способностей.

- Методика «Обобщение трех слов» (М. А. Холодная) для оценки категориальных способностей (способность произвольной категоризации).
- Методика «Свободная сортировка слов» (В. Колга) для оценки категориальных способностей (способность непроизвольной категоризации).
- Методика «Понятийный синтез» для оценки концептуальных способностей (М. А. Холодная).

II блок. Методики диагностики общих способностей.

- Методика диагностики интеллекта (СПМ Дж. Равена) (Равен, 2012).
- Методика диагностики креативности Торренса (Torrance Test of Creative Thinking) (в адаптации Е. Е. Туник, 2006).

Статистическая обработка данных проводилась на базе программного пакета IBM SPSS Statistics v. 22.0. Она включала дискриптивный анализ (среднее, стандартное отклонение), сравнительный анализ (t-критерий Стьюдента), дисперсионный анализ (ANOVA), иерархический кластерный анализ с предварительным факторным анализом (Ward Method). Все переменные были переведены в единую шкалу.

Результаты исследования и обсуждение

Для определения сопряженности показателей понятийных способностей с показателями интеллекта и креативности был проведен иерархический кластерный анализ с предварительным факторным анализом (Ward Method). Было выявлено четыре однородных подгруппы респондентов с разной степенью преобладания каждого из трех типов концептуальных способностей.

Первый кластер характеризуется минимальными показателями всех трех типов концептуальных способностей, второй кластер – высокими показателями концептуальных способностей, третий кластер объединил респондентов с высоким уровнем произвольных категориальных способностей, а четвертый кластер – с непроизвольными категориальными способностями. Однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) по всей выборке показал значительную разницу между значениями всех четырех кластеров ($p < 0,05$).

Для того, чтобы исследовать различия в подгруппах понятийных способностей между показателями интеллекта и креативнос-

ти (как вербальной, так и невербальной) был проведен сравнительный анализ (t-критерий Стьюдента).

Респонденты с высоким уровнем концептуальных способностей продемонстрировали не только более высокую интеллектуальную продуктивность по широкому спектру показателей, включая как более высокий уровень аналитического интеллекта, но также и более высокие показатели невербальной и вербальной креативности.

Что касается подгруппы 3, то она отличается от подгруппы 2 (респонденты с высоким уровнем произвольных категориальных способностей) только показателями аналитического интеллекта, поскольку респонденты продемонстрировали относительно более высокий уровень аналитического интеллекта.

Понятийные способности можно рассматривать как ведущий фактор интеллектуального развития в юношеском возрасте. Более того, концептуальные способности оказывают большее влияние на уровень аналитического интеллекта и креативности. Полученные результаты согласуются с данными исследования, проведенного М. А. Холодной и Е. В. Волковой, в которых категориальные способности и концептуальные способности рассматриваются как компоненты мышления (Волкова, 2011; Холодная, 2012).

Итак, почему понятийные способности связаны с показателями интеллектуальной продуктивности? Понятийные способности (прежде всего концептуальные способности) — это способности, которые обеспечивают построение обобщенных ментальных моделей и контролируют процесс их объективации (Холодная, 2012).

Изучение ресурсных функций понятийных (категориальных и концептуальных) способностей позволяет выявить новый аспект категории «интеллект». Интеллект — это не только механизм обработки информации (совокупность специфических когнитивных функций), но, прежде всего, механизм генерации информации и управления интеллектуальной деятельностью.

Литература

- Волкова Е. В.* Интеллект, креативность и продуктивность освоения профессиональной деятельности // Психол. журнал. 2011. Т. 32. № 4. С. 95–105.
- Кибальченко И. А.* Психологические основы организации учебно-познавательного опыта обучающихся. М.: Кредо, 2010.
- Сиповская Я. И.* Понятийные, метакогнитивные и интенциональные способности в структуре интеллектуальной компетентности: дис. ... канд. психол. наук. М., 2015.

- Трифопова А. В.* Вклад понятийных способностей в развитие интеллектуального ресурса личности // Психологические исследования: Вып. 8 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 155–166.
- Холодная М. А.* Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Li R.* A theory of conceptual intelligence: Thinking, learning and giftedness. N. Y.: Praeger Publishers, 1996.

Жизненные планы женщин, отбывающих наказание в исправительной колонии*

П. Е. Володина (Барнаул)

Внимание к жизненным планам осужденных связано с необходимостью изменения их поведения в условиях исправительной колонии и подготовкой к жизни в новых условиях свободы после отбывания наказания. Выделяются группы осужденных с различным уровнем развития жизненных планов (близкие, средние и дальние), что и определяет закономерности поведения осужденных в исправительном учреждении и степень их готовности к будущей жизни (Наприс, 1997).

Администрация мест лишения свободы, психологическая служба обязаны содействовать дальнейшей судьбе освобождающихся, тем не менее, решающее значение в организации жизни после освобождения играют жизненные планы самих осужденных. К сожалению, сотрудники уголовно-исправительных учреждений не имеют достаточного методического инструментария для изучения жизненных планов осужденных, развития и их коррекции. Это, в свою очередь, может значительно снижать эффективность процесса воспитания и адаптации осужденных к новой жизни в условиях свободы.

В отечественной психологической науке категория «жизненные планы» возникла в связи с выделением субъекта жизнедеятельности (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова-Славская), психологического анализа жизненного пути личности (Б. Г. Ананьев, Н. А. Логинова). Так, по мнению Н. Ф. Наумовой, жизненные планы являются обобщенным механизмом целеполагания, при котором

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-36-00023-ОГН «Жизненные перспективы человека в изменяющемся мире».

целостное представление о себе в будущем является ориентиром его поведения в настоящем. Жизненные планы И. Т. Левыкин определяет как цели, выражающие ведущие потребности и интересы, побуждающие концентрировать свои стремления и действия для их достижения (Наприс, 1997).

Обобщая различные подходы, отметим, что жизненные планы понимаются как изначальная активность личности, направленная к будущим событиям, которые уже в настоящем определяют ее поведение и деятельность, обуславливая изменение и развитие его отношений с окружающей социальной действительностью, в чем человек и проявляет себя как субъект своего жизненного пути.

В пенитенциарной психологии жизненные планы осужденных рассматривались также в связи с проблемами направленности личности (В. Г. Деев, В. Ф. Пирожков), жизненных перспектив правонарушителей (Н. А. Деева, Л. Ф. Козлова), волевой активности (А. И. Ушатиков), установок (Т. В. Калашникова), ценностей (А. С. Михлин, А. Р. Ратинов, Н. А. Донцов, Г. Ф. Хохряков, В. А. Ласточкин, С. И. Курганов, Е. М. Юцкова). Установлено, что в условиях заключения происходят изменения в способах жизненного целеполагания и жизнестроительства заключенных, и в целом восприятии времени жизни. Было обнаружено, что в группе из 30 мужчин, осужденных за убийство, лишь 8,6% целей, названных заключенными, относятся к периоду отбывания наказания, тогда как 65,6% целей относятся к их будущей жизни после выхода из тюрьмы (Нюттен, 2004).

Достаточно многочисленные исследования жизненного планирования в условиях отбывания наказания позволили выявить его специфику у заключенных мужского пола. Однако характерной особенностью последних лет является уверенный рост женской преступности, поэтому проблема построения планов на будущее правонарушителями женского пола является актуальной целью эмпирического исследования. Были опрошены 36 женщин в возрасте от 28 до 54 лет, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении ФКУ ИК-11 УФСИН России по Алтайскому краю. Был использован комплекс методов сбора (анкетный опрос, метод семантического дифференциала времени (СДВ), метод мотивационной индукции Ж. Нюттена) и обработки данных (описательные статистики, корреляционный анализ).

В процессе анализа результатов была выявлена специфика жизненного планирования осужденных женщин. Стало известно, что они осуществляют планирование жизненных перспектив, преимущественно, на отдаленное будущее сроком более 5 лет (46,4%), пла-

нируя «в дальнейшем не делать ошибок в жизни», «стать лучше», «больше не попадать в тюрьму» и т. д. Это в достаточной мере отражает желание осужденных женщин, находящихся в исправительной колонии, в дальнейшем соблюдать закон, вести правопослушный образ жизни, «измениться» и «вступить на путь исправления». Именно планирование дальней жизненной перспективы включает более удаленные и глобальные цели, возникающие на основе осознания ценностно-смысловых аспектов жизни. Так же 37,2% респондентов строят жизненные планы на ближайшее будущее (до 1 года). На этот период своей жизни женщины ставят перед собой такие цели, как «уйти по первому УДО», «увидеть родственников», «поцеловать дочь или сына». Следует так же отметить, что лишь 16,4% всех испытуемых планируют свою жизнь на будущее средней удаленности (от 1 до 5 лет). Осужденные женщины планируют «забрать ребенка из детского дома», «устроиться на работу после освобождения», «подать документы на второе УДО».

Таким образом, респонденты очень активно планируют отдаленное будущее, так же есть планы на ближайший год, а вот срок от 1 года до 5 лет «выпадает». Вероятно, это и есть оставшийся срок отбывания наказания – они знают, что будут делать в тюрьме в ближайшее время, мечтают о жизни на свободе, а в среднеудаленном будущем присутствуют определенные цели, если им удастся выйти по условно-досрочному освобождению, в противном случае, им придется дальше соблюдать режим исправительной колонии. При этом планирование ближней жизненной перспективы включает представление путей достижения целей, средней – постановку самих жизненных целей. Таким образом, внимание осужденных женщин направлено на постановку удаленных и глобальных жизненных целей и выработку возможных путей их достижения. При этом только на начальных этапах находится развитие самих жизненных целей (что необходимо сделать, что нужно достичь). Вместе с этим результаты указывают на проявления такой стратегии планирования жизни, когда основное внимание сосредоточивается на более глобальных уровнях целеполагания, осмыслении ценности планируемого для субъекта.

Анализ отношения женщин к своему будущему позволил установить, что воспринимается оно женщинами, прежде всего как цветное ($M = 2,72$; $\delta = 0,51$), радостное ($M = 2,55$; $\delta = 0,93$), яркое ($M = 2,44$; $\delta = 1,02$), плотное ($M = 2,41$; $\delta = 0,93$), глубокое ($M = 2,38$; $\delta = 0,72$), осязаемое ($M = 2,36$; $\delta = 1,12$), постоянное ($M = 1,15$; $\delta = 2,43$). Полученные данные отражают сложившийся в целом благоприятный, позитив-

ный образ будущего. Это может свидетельствовать об особой значимости для осужденных женщин будущего как периода, который вызывает интерес, стремление вперед, а так же способствует построению законопослушного поведения в настоящий момент в исправительной колонии для вероятного условно-досрочного освобождения. Однако наименее выраженными являются такие характеристики будущего, как изменчивое ($M = -1,16$; $\delta = 2,43$), напряженное ($M = 0,69$; $\delta = 2,48$), понятное ($M = 0,94$; $\delta = 2,38$), неделимое ($M = 1,22$; $\delta = 2,25$), близкое ($M = 1,38$; $\delta = 2,33$). Тем не менее, чувство тревожности, непонятности относительно предстоящего периода, который наступит, по их мнению, очень не скоро, преследуют осужденных женщин. Свое будущее подсознательно они считают неизменчивым, и, более того, отделенным от прошлого и настоящего. Вероятно, их сопровождает иллюзорное представление о том, что их ждет переломный момент, после которого вся их жизнь изменится и станет другой — яркой, радостной, стабильной.

В результате применения метода корреляционного анализа были обнаружены взаимосвязи глубины жизненного планирования с эмоциональным отношением к будущему заключенных женщин. Так, только показатели планирования жизненных перспектив на отдаленное будущее (более 5 лет) связаны с такими шкалами, отражающими эмоциональное отношение к будущему, как «плотное—пустое» ($r = -0,386$, $p = 0,05$) и «цветное-серое» ($r = -0,384$, $p = 0,05$). Полученные результаты корреляционного анализа могут означать, что планирование отдаленного будущего осужденными женщинами взаимосвязано с их эмоциональным отношением к предстоящему периоду жизни. Так, женщинам, отбывающим наказание в исправительной колонии, будущее кажется пустым, серым. Полученные данные еще раз подтверждают наше предположение о том, что у осужденных к лишению свободы женщин имеется подсознательная оценка своих планов как несбыточных и нереалистичных, а выдвижение целей на этот период их жизни является некоторой фантазией, иллюзией, которые далеки от, и так с трудом представляемого, будущего.

Представленные результаты анализа глубины планирования будущего осужденными женщинами демонстрируют специфику представлений о будущем. В ситуации длительной социальной изоляции женщины, планируя свое будущее преимущественно на отдаленный период, более 5 лет, представляют его в негативных тонах, они как будто мысленно убегают в мечты о грядущем с целью избавления от негативных переживаний. Вместе с тем, будущее могло бы стать

для осужденных женского пола ресурсом, способствующим формированию правопослушного поведения посредством планирования адекватных жизненных планов. Однако это возможно только в случае внутренней целенаправленной работы по выстраиванию не только позитивного, но и реалистичного образа будущего.

Литература

- Наприс А. В.* Психологическая характеристика жизненных планов и их влияние на поведение осужденных молодежного возраста (на материалах исправительных колоний строгого режима): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Рязань, 1997.
- Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.

Формирование толерантности у подростков в контексте инклюзивного образования

А. А. Волченкова (Ярославль)

Статья посвящена проблеме толерантности. К изучению проблем, связанных с формированием толерантного сознания, поведения обращается все больше исследователей. Согласно статье 5 ФЗ «Об образовании» – в целях реализации права каждого человека на образование создаются условия для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Так, законодательно оформляется нормативно-правовая база, необходимая для успешного функционирования инклюзивного образования. Возникают психолого-педагогические проблемы, связанные с созданием в школах условий для комфортного пребывания и обучения детей с ОВЗ.

Успешность, благополучие и психологическое здоровье человека в современном обществе зависит от его способности эффективно взаимодействовать с окружающим миром. Процесс установления взаимоотношений с социумом начинается с самого рождения и продолжается на протяжении всей жизни. От того, как будет происходить усвоение индивидом социального опыта, во многом зависит успех его социализации и адаптации в обществе. Необходимым условием социального познания является осознание того, что каждый человек имеет свое собственное видение мира и, что внутреннее психическое (намерения, убеждения, мнения, мысли и чувства)

другого человека не всегда совпадает с нашим собственным внутренним миром.

Подростковый возраст — сенситивный период для осознания собственного Я и Я среди других. Именно поэтому в качестве методологической основы для разработки программы формирования толерантности у подростков была выбрана методология модели психического. Формирование модели психического как когнитивного механизма понимания собственных психических состояний (знаний, намерений, желаний, эмоций, убеждений и т. п.) и состояний Другого происходит постепенно, посредством когнитивного усложнения, реорганизации данных феноменов на определенных этапах развития.

Цель: исследовать формирование толерантности у подростков в контексте инклюзивного образования.

Исследование проводилось на базе школ г. Ярославля и Ярославской области. В качестве испытуемых в исследовании приняло участие 335 школьников — учащиеся седьмых и восьмых классов в возрасте от 13 до 16 лет (170 девочек и 165 мальчиков).

Обработка данных и статистический анализ результатов проводился в системе IBM SPSS v. 22.0. Использовались процедуры: описательных статистик; корреляционного анализа по Пирсону; t-критерия Стьюдента для независимых выборок; регрессионного анализа; процедура ОЛМ-повторные измерения.

Работа выполнена в рамках *методологических принципов* системно-субъектного подхода (Е. А. Сергиенко), который вобрал в себя традиции системного (Б. Ф. Ломов), комплексного (Б. Г. Ананьев) и субъектно-деятельностного (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, К. А. Абульханова) подходов в психологии.

На первом этапе (пилотажное исследование) со всей выборкой испытуемых проводилось тестирование. Проведен предварительный анализ явлений и выявление причин возникновения взаимосвязей между признаками, характеризующими эти явления. Результаты регрессионного анализа подтверждают предварительную гипотезу о том, что существует связь между каждой из независимых переменных с зависимой переменной. Полученная модель статистически значима, мы можем ее применять для прогнозирования эффекта занятий по программе. Ситуация в исследуемых инклюзивных классах требует грамотного психолого-педагогического сопровождения в процессе формирования толерантности у подростков. Следовательно, если воздействовать на эти параметры посредством программы, то мы сформируем толерантность у подростков, обучающихся в инклюзивных классах.

Второй этап – формирование контрольной и экспериментальной групп. При планировании дизайна исследования использовалась двухфакторная схема планирования. Внутригрупповой фактор «Повторное измерение» – обследование испытуемых до начала занятий по коррекционной программе, после их окончания и спустя 6 месяцев. Межгрупповые факторы – принадлежность испытуемых к группам: контрольной и экспериментальной.

Третий этап – разработка программы формирования толерантности у подростков, обучающихся в инклюзивных классах. Система занятий выстроена на основе подхода модели психического. Подход «модель психического» использовался как объяснительный принцип подбора диагностических методик и формирующих упражнений, а также для интерпретации полученных результатов. Выделение блоков мы осуществляли согласно подходу Е. А. Сергиенко.

Четвертый этап – проведение цикла занятий с детьми. В занятиях приняли участие все испытуемые экспериментальной группы. Занятия проходили 1 раз в неделю в течение всего учебного года. Продолжительность занятия составляла от 45 до 90 минут.

Пятый этап – проведение замера в контрольной и экспериментальной группе сразу после окончания занятий по коррекционной программе.

Шестой этап – отсроченный замер, данный этап проводился спустя 6 месяцев после проведения занятий по коррекционной программе.

Анализ полученных результатов и их интерпретация

В результате статистической обработки данных были получены следующие результаты:

1. Результаты дисперсионного анализа обнаружили статистически достоверный эффект фактора «Повторного тестирования» на изменение величины общего индекса толерантности в экспериментальной группе ($F = 30,763$, $p = 0,000$). В контрольной группе статистически достоверных изменений толерантности после повторного и отсроченного замера дисперсионный анализ не обнаружил ($F = 0,006$, $p = 0,994$). Индекс толерантности увеличивается в экспериментальной группе после проведения комплекса коррекционных мероприятий и повторного тестирования. Более того, эффект занятий коррекционных мероприятий сохраняется спустя 6 месяцев после окончания занятий. Это говорит о том, что занятия имели положительный результат.

Через приобретение полезного и жизненно необходимого опыта, который подросток получает в процессе групповой работы, понятие толерантности наполняется не абстрактным, а конкретным личностным смыслом, и только так оно может стать реально действующим конструктом, определяющим поведение человека. Важной задачей занятий коррекционной программы являлось формирование позитивного отношения к самому себе, в первую очередь, чувства собственного достоинства и способности к самопознанию. Быть толерантным к себе, также означает развитие способности не предавать себя и свои интересы. Мы, вслед за Г. У. Солдатовой, рассматриваем этот комплекс самоотношения личности как необходимое условие позитивного отношения к другим и доброжелательного отношения к миру.

2. Толерантная личность – это человек с позитивным взглядом на мир, нравственный, активный в социальном плане, осознающий и признающий собственную уникальность и необходимость единения с другими, часто непохожими, людьми, понимающий и принимающий многообразие и взаимодейственность окружающего мира, обеспокоенный его судьбой и понимающий, что то, каким будет этот мир, зависит от каждого. Именно такой человек – толерантная личность – должен стать главным действующим лицом позитивного сценария развития человечества в современном мире. Формирование толерантной личности у подростка возможно через отработку жизненно необходимых социальных навыков, которые позволят подростку осваивать трудное искусство жить в мире и согласии с собой и с другими (Kashapov, Volchenkova, 2018). На занятиях мы создали для школьников условия для многократной отработки и привития таких навыков, как позитивного взаимодействия, решения конфликтных ситуаций, корректировки самооценки, самоутверждения, самопознания (Солдатова, 2009). В процессе работы мы старались развивать глубокое человеческое беспокойство за судьбы людей и формировали потребность быть вовлеченным в осуществление общечеловеческих целей и задач.

Развитие личности способствует проявлению толерантности, поскольку черты зрелой личности включают в себя ориентацию на общечеловеческие ценности, креативность, независимость суждений, уважительное отношение к чужой точке зрения, стремление способствовать развитию других людей. Таким образом, формирование толерантности понимается нами еще и как программа развития личности.

Литература

- Айрес Э. Дж.* Ребенок и сенсорная интеграция. Понимание скрытых проблем развития. М.: Теревинф, 2018.
- Сергиенко Е. А.* Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Асмолов А. Г., Солдатова Г. У., Макаруч А. В.* Искусство жить с непохожими людьми. М.: Московия, 2009.
- Kashapov M., Volchenkova A.* Cognitive and Regulatory Foundations of Tolerance in Schoolchildren in Inclusive Education // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS: ECCE 2018 VII International Conference Early Childhood Care and Education. М., 2018. P. 34–42.

Отношение к биомедицинским технологиям у молодежи*

А. Е. Воробьева (Москва)

Негативные последствия технического прогресса, связанные с использованием биомедицинских технологий (вживление датчиков состояния организма, усиление телесных функций за счет внешних и вживляемых устройств, исправление генома человека и т. д.) относятся к числу глобальных угроз, перед которыми стоит человечество. При этом ключевую роль в формировании отношения к новой технологии играет не уровень информированности о ней, а социально-психологические механизмы (Нестик, 2018): межличностное и публичное обсуждение ее последствий, доверие к разработчикам, регулятору и другим пользователям, групповые ценности (в том числе профессиональные).

К числу наиболее обсуждаемых и находящихся в не слишком отдаленной перспективе внедрения относятся такие биомедицинские технологии как: нейроинтерфейсы, бионические протезы, крионирование мозга с целью перенести его в заново выращенное тело или создать цифровое сознание, экзоскелеты, генная терапия, клонирование и др. (Рузманова, 2019; Салмина, Шнайдер, 2006; Трендлеттер, 2016). Зачастую медицинский дискурс, связанный с новыми медицинскими технологиями, направлен на нормализацию их использования, а религиозный дискурс содержит их негативные оцен-

* Работа выполняется по Государственному заданию № 0159-2019-0002 «Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности».

ки (Емельянова, Вопилова, 2016). По данным исследований, наиболее негативно воспринимаются молодежью различные инвазивные технологии, расширяющие умственные и физические возможности человека, нейроинтерфейсы, а также редактирование генома будущего ребенка (Нестик, 2018).

Ниже представлена только часть результатов проведенного нами исследования.

Цель исследования: сравнительный анализ отношения медиков и психологов к биомедицинским технологиям.

Гипотезы исследования:

1. Отношение студентов различных специальностей к биомедицинским технологиям будет отличаться (студенты-психологи будут оценивать их скорее негативно, а студенты-медики – нейтрально).
2. Положительное отношение к биомедицинским технологиям будет у тех студентов, у кого атеистические взгляды на религию, либеральные и аполитичные убеждения, есть опыт болезни и/или смерти близких людей. Негативное отношение к биомедицинским технологиям будет у тех студентов, у кого консервативные политические взгляды, принадлежность христианской религии.

Методики исследования: авторская анкета для изучения отношения к некоторым биомедицинским технологиям (редактирование генома эмбриона, 3D-печать органов и тканей тела, вынашивание эмбриона в искусственной матке, трансплантация мозга в другое тело, принудительный запуск регенерации тканей тела, нейроинтерфейсы, бионические протезы, экзоскелет), которые уже применяются или будут применяться в будущем. Анкета содержит вопросы о критериях допустимости их применения, оценке отдаленных последствий их применения, какие эмоции вызывают перспективы применения этих биотехнологий.

Выборка исследования: студенты психологических факультетов ГАУГН, МосГУ, МЭИ (55 чел.), студенты лечебного факультета МГМСУ (51 чел.).

Результаты исследования

Анализ различий (по критерию Манна–Уитни) в отношении к биомедицинским технологиям у студентов-медиков и студентов-психологов показал небольшое число значимых результатов: медики в большей мере хотели бы воспользоваться экзоскелетом для вос-

полнения утраченных функций тела, также медики больше согласны с тем, что развитие новых биомедицинских технологий приведет к росту онкозаболеваний.

В выборке исследования удалось выделить 3 подгруппы с разными религиозными убеждениями: христиане (в эту группу были включены как православные, так и немногочисленные католики) — 44 чел., мусульмане — 12 чел., атеисты — 27 чел. Остальные респонденты либо указали иную религиозную принадлежность (например, иудаизм), либо не дали ответа. Анализ различий (по критерию Манна–Уитни) в отношении к биомедицинским технологиям показал небольшие различия между двумя религиозными подгруппами: приверженцы христианства в большей мере, чем мусульмане, хотели бы испытать на себе экзоскелет для увеличения своих физических возможностей. Сравнение ответов христиан и атеистов дало гораздо больше различий: атеисты готовы попробовать такую биотехнологию, как вынашивание ребенка в искусственной матке при отсутствии желания делать это самостоятельно, в то время как христиан больше тревожит развитие этой биотехнологии. Также христиан больше тревожит разработка нейроинтерфейсов, у них больше опасений, что развитие новых биомедицинских технологий приведет к тому, что человек перестанет быть человеком. В то время как атеисты больше уверены в том, что развитие новых биомедицинских технологий сделает жизнь людей проще и удобнее (особенно тех, у кого есть какие-либо особенности здоровья). Еще больше различий было обнаружено между мусульманами и атеистами: атеисты допускают большую свободу в применении таких биотехнологий как 3D-печать органов и тканей, вынашивание эмбриона в искусственной матке, нейроинтерфейсы, экзоскелет. Мусульман больше тревожит развитие таких биотехнологий как вынашивание эмбриона в искусственной матке, нейроинтерфейсы, бионические протезы, экзоскелет. Также они больше боятся того, что вследствие развития биомедицинских технологий человек перестанет быть человеком.

В выборке исследования удалось выделить 3 подгруппы с разными политическими убеждениями: либеральные (в эту группу вошли также «левые», «либертарианские» и т. д.) — 20 чел., консервативные (в эту группу были включены и те, кто «за стабильность», «умеренные» и т. п.) — 12 чел., аполитичные (в эту группу были включены те, кто не интересуется, не определился, не разбирается и т. п.) — 22 чел. Остальные респонденты либо указали иную политическую принадлежность (например, национализм), либо не дали ответа. Обращает на себя внимание тот факт, что на вопрос о политических взглядах

не дало ответа большее число респондентов (46 чел.), чем на вопрос о религиозной принадлежности (23 чел.), что может свидетельствовать как об отсутствии политического самоопределения, так и о самоцензуре. Анализ различий (по критерию Манна–Уитни) в отношении к биомедицинским технологиям у приверженцев либеральных и консервативных взглядов показал, что «консерваторы» больше согласны с тем, что развитие новых биомедицинских технологий приведет к росту онкозаболеваний. Аполитичные респонденты допускают более широкое применение таких биомедицинской технологий будущего, как трансплантация мозга в другое тело и нейроинтерфейсы, чем «либералы». «Либералов» больше, чем аполитичных, тревожит и пугает перспектива развития и внедрения такой биотехнологии, как принудительный запуск регенерации тканей тела. Они больше, чем аполитичные, согласны с тем, что развитие новых биомедицинских технологий приведет к росту онкозаболеваний. Не было выявлено статистически значимых различий в отношении к биотехнологиям между «консерваторами» и аполитичными респондентами.

В выборке исследования респондентов, заявивших о наличии опыта столкновения с ситуацией тяжелой болезни или смерти близких, было большинство (86 чел.), а тех, кто не имел подобного опыта, оказалось значительно меньше (20 чел.). Статистически значимых различий в их отношении к биомедицинским технологиям выявлено не было.

Выводы

Студенты-медики демонстрируют амбивалентное отношение к биомедицинским технологиям: желание воспользоваться и опасения негативных последствий. Отношение студентов-психологов ближе к нейтральному.

Приверженцы христианства и ислама выражают более негативное отношение к развитию ряда биотехнологий, чем атеисты. Атеисты отличаются оптимистической оценкой последствий развития биотехнологий, а мусульмане и христиане полагают, что они могут привести к тому, что человек перестанет быть человеком.

Приверженцы либеральных и консервативных политических взглядов проявили более настороженное отношение к биомедицинским технологиям, чем аполитичные респонденты.

Опыт болезни или смерти близких людей не имеет существенного значения для отношения личности к биомедицинским технологиям.

Литература

- Нестик Т. А.* Социально-психологические аспекты отношения человека к новым технологиям // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / Под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 50–73.
- Медицина и здравоохранение. Ассистивные медицинские технологии // Глобальные технологические тренды. Трендлеттер. 2016. № 2. URL: http://media.rbcn.ru/media/reports/Trendletter_2_медицина_1.pdf (дата обращения: 07.03.2019).
- Емельянова Т. П., Вопилова И. Е.* Столкновение в СМИ позиций в отношении вспомогательных репродуктивных технологий // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 62–78.
- Салмина А. Б., Шнайдер Н. А.* Этические вопросы новых медицинских технологий // Сибирское медицинское обозрение. 2006. Т. 40. № 3. С. 106–115.
- Рузманова Ю.* Москвичи, которые заморозили умерших родственников. URL: <https://www.the-village.ru/village/people/people/349167-zamorozili> (дата обращения: 22.07.2019).

Психологические особенности мужчин и женщин, носителей различных генотипов гена COMT*

А. Е. Вояж, Е. М. Ковш (Москва, Ростов-на-Дону)

В настоящее время большое внимание уделяется изучению наследственных факторов и генетических основ психологических особенностей людей, но вопрос о влиянии генов на личность и поведение человека до сих пор остается открытым (Голимбет, 2016; Куликова, 2007; Розанов, 2013).

Предполагая связь между генами и устойчивыми личностными характеристиками, широко изучается полиморфизм гена COMT (гена катехол-О-метилтрансферазы) (Ковш, Ермаков, Воробьева, 2015).

Согласно результатам современных научных исследований, ген COMT ассоциирован с длительностью пребывания нейромедиато-

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 213.01-03/2016-4 (соглашение № 16-18-10222).

ров в синаптической щели, что, в свою очередь, определяет особенности протекания эмоциональных реакций (Ковш, Ермаков, Воробьева, 2015).

Цель работы – изучить психологические особенности мужчин и женщин, носителей различных генотипов гена COMT.

Гипотеза исследования: вероятно, генотипы генов COMT (GG, AA, GA) проявляются в разных психологических характеристиках у мужчин и женщин.

Предмет исследования: уровень агрессивности, враждебности, легитимизированной агрессии, предпочтительные стратегии поведения в конфликте, формально-динамические свойства индивидуальности носителей различных генотипов гена COMT.

Объект исследования: 150 человек, из них 45 мужчин и 105 женщин в возрасте от 18 до 22 лет. Из них 43 женщины, обладательницы генотипа GG (Val/Val) гена COMT, 17 женщин, обладательниц генотипа GA (Val/Met) гена COMT, и 45 женщин, обладательниц генотипа AA (Met/Met) гена COMT.

Материалы и методы исследования

Методы: выделение ДНК из клеток буккального эпителия, ПЦР (участок Val158Met гена COMT).

Психодиагностический инструментарий

1. Опросник Басса–Дарки (Buss–Durkee Hostility Inventory в адаптации А. К. Осницкого, 1998).
2. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности В. М. Русалова.
3. Тест описания поведения в конфликтной ситуации Томаса (Thomas–Kilmann Conflict Mode Instrument, ТКІ в адаптации Н. В. Гришиной, 1974).
4. Опросник выраженности легитимизированной агрессии «ЛА-44» (авторы – С. Н. Ениколопов, Н. П. Цибульский).

Обработка полученных результатов

Достоверность полученных результатов обеспечивалась использованием в исследовании методов статистики и стандартного программного пакета для статистической обработки данных Tibco Statistica. Статистический анализ результатов психологического исследования проводился с применением многофакторного дисперсионного анализа MANOVA ($p \leq 0,05$), категориальные факторы «генотип», «пол», «этнос».

Результаты

Многофакторный дисперсионный анализ показал следующие значимые различия между мужчинами и женщинами, носителями генотипа Val/Val гена СОМТ, в показателях уровня «физической агрессии» ($p=0,000$). Согласно полученным результатам, мужчины (ср. зн. = 77) более склонны к физической агрессии, чем женщины (ср. зн. = 52).

Что касается половых различий в формально-динамических свойствах индивидуальности, мужчины с генотипом Val/Val гена СОМТ имеют более низкие показатели коммуникативной эргичности (ЭРК) ($p=0,03$), коммуникативной скорости (СК) ($p=0,03$) и более высокие показатели по шкале «индекс интеллектуальной активности» (ИИА) ($p=0,03$).

Статистический анализ показал значимые различия между мужчинами и женщинами с генотипом Val/Val СОМТ в выраженности легитимизированной агрессии по шкале «личный опыт» ($p=0,000$) и по «интегральной шкале» ($p=0,03$).

Результаты дисперсионного анализа показали значимые различия в особенностях агрессивных реакций у мужчин, носителей генотипа Val/Met СОМТ, и женщин, носителей генотипа Met/Met СОМТ, по следующим шкалам:

- по шкале «Физическая агрессия» ($p=0,001$);
- по шкале «Косвенная агрессия» ($p=0,008$);
- по шкале «Раздражение» ($p=0,01$).

Особенности поведения в конфликтной ситуации у мужчин с генотипом Val/Met и женщин с генотипом Met/Met СОМТ проявились в значимых различиях в склонности к избеганию конфликта ($p=0,04$). Для женщин (ср. зн. = 6) более характерно избегание в конфликтных ситуациях, чем для мужчин (ср. зн. = 5).

Различия между мужчинами с генотипом Val/Met и женщинами с генотипом Met/Met гена СОМТ в формально-динамических свойствах индивидуальности выражены в показателях «эмоциональность интеллектуальная» ($p=0,001$) и «эмоциональность коммуникативная» ($p=0,000$).

Значимые различия между мужчинами с генотипом Val/Met и женщинами с генотипом Met/Met гена СОМТ были выявлены в уровне легитимизированной агрессии по шкалам «личный опыт» ($p=0,000$), «воспитание» ($p=0,000$), «СМИ» ($p=0,04$) и по «интегральной шкале» ($p=0,003$).

Исходя из полученных данных можно сделать следующие выводы и составить психологические портреты носителей каждого генотипа:

1. Мужчины, носители генотипа Val/Val гена COMT, имеют более высокий уровень физической агрессии, а также более склонны к легитимизации агрессии в личном опыте, по сравнению с женщинами. К особенностям формально-динамических свойств индивидуальности данной группы можно отнести низкий уровень коммуникативной эргичности, коммуникативной скорости и низкие показатели по «индексу интеллектуальной активности».
2. Женщины, носительницы генотипа Val/Val гена COMT, характеризуются низким уровнем физической агрессии, низким уровнем склонности к легитимизации агрессии, в том числе, в личном опыте. К особенностям формально-динамических свойств индивидуальности данной группы можно отнести высокий уровень коммуникативной эргичности, коммуникативной скорости, а также высокие показатели по шкале «индекс интеллектуальной активности».
3. Мужчины, носители генотипа Val/Met COMT характеризуются высоким уровнем физической, легитимизированной агрессии в сфере личного опыта, воспитания, СМИ и по показателям «интегральной шкалы», но низким уровнем косвенной, по сравнению с женщинами. Также для мужчин характерны низкие показатели по шкале «раздражение», они менее склонны к избеганию в конфликтных ситуациях, также они менее подвержены интеллектуальной и коммуникативной эмоциональности.
4. Женщины, носительницы генотипа Met/Met COMT, имеют высокий уровень интеллектуальной и коммуникативной эмоциональности, низкий уровень физической агрессии, не склонны к легитимизации агрессии, в том числе, в сфере личного опыта, воспитания, СМИ. Также они более склонны к проявлению косвенной агрессии, раздражению, избеганию в конфликтной ситуации.

Различия между мужчинами и женщинами, полученные в ходе статистического анализа: у мужчин более высокие показатели физической агрессии, легитимизированной агрессии в личном опыте, по сравнению с женщинами, носителями всех изученных генотипов гена COMT. У женщин с низкоактивными вариантами данных генов выявлен более высокий уровень косвенной агрессии, по сравнению с мужчинами.

Таким образом, анализируя результаты, которые были получены в ходе сравнения данных о выраженности различных психологических характеристик у мужчин и женщин, носителей различных генотипов гена COMT, можно прийти к выводу о том, что пол влия-

ет на особенности проявления функций, заложенных в генетическом материале и преломленных сквозь внутренние условия организма (например, гормональный фон) и особенности индивидуальной среды (различные модели воспитания мужчин и женщин).

Анализируя результаты, можно прийти к выводу об отсутствии прямых ассоциаций между генотипами гена *COMT* и психологическими характеристиками. Различия в проявлении изученных психологических особенностей у мужчин и женщин могут быть объяснены средой, в которой они воспитывались, а также особенностями гормонального фона.

Литература

- Голимбет В. Е., Коровайцева Г. И., Лежжейко Т. В., Кондратьев Н. В., Крикова Е. В., Габаева М. В., Каспаров С. В., Колесина Н. Ю. Исследование эффекта генов воспалительных факторов на базовые черты личности // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2016. Т. 116. № 6. С. 48–52.
- Розанов В. А. Гены и суицидальное поведение // Суицидология. 2013. № 1 (10).
- Ковш Е. М., Ермаков П. Н., Воробьева Е. В. Ассоциация полиморфного маркера Val158Met гена *COMT* с уровнем агрессивности и стратегиями поведения в конфликте у девушек 18–24 лет // Северо-Кавказский психологический вестник. 2015. Т. 13. № 3.
- Куликова М. А., Малюченко Н. В., Тимофеева М. А., Шлепцова В. А., Щеголькова Ю. А., Ведяков А. М., Тоневицкий А. Г. Перспективы изучения полиморфизмов ключевых генов нейромедиаторных систем. Сообщение I. Дофаминергическая система // Физиология человека. 2007. Т. 33. № 6. С. 105.

О программе изучения стратегий смыслообразования с триалектических позиций*

А. В. Гришина, И. В. Абакумова, М. В. Годунов (Ростов-на-Дону)

Цель статьи – обоснование триалектического подхода в изучении стратегий смыслообразования и описание программы их пси-

* Исследование выполнено в рамках реализации гранта РФФИ № 18-29-22004/18 «Психологическое и психогенетическое исследование предикторов, определяющих поведение пользователей при восприятии интернет-контентов различной информационной направленности».

ходиагностического исследования. Интегральным уровнем регуляции развития и деятельности личности является ценностно-смысловая сфера. Современные смысловые версии деятельностного подхода рассматривают смыслы как полимодальные образы каузального порядка (Леонтьев, 2007). Стратегия смыслообразования позволяет рассматривать не только актуально действующие, но и возможные способы организации смысловой сферы, содержащие различные качественные предпочтения и взгляды на происходящее во внутреннем и внешнем мире личности (Абакумова, 2008). Такой выбор как сознательное программирование ситуаций необходимо для их качественной смены и преодоления сопротивления среды жизнедеятельности личности.

В проведенных ранее исследованиях смыслообразование изучалось нами с дуальных позиций как две стратегии: приспособительная и развивающая (Годунов, 2017). Такой подход сводил все многообразие вариантов развития личности к дуальным противопоставлениям — как в черно-белом кино. Как начальный шаг при моделировании смысловой регуляции это было оправдано — для вскрытия ее механизмов и особенностей нужно было начать как-то двигаться. Подход на основе дихотомичных смысловых конструкторов в элементарном виде отражает наличие двух альтернативных полюсов как диалектических источников развития смысловой системы, что соответствует строению некоторых психологических категорий. Рассматривался наиболее простой логический выбор как предпочтение между двумя состояниями, являющимися противоположностями в смысловом диполе, а по сути — это выбор между двумя полярными стратегиями образования смыслов. Однако после такого логически простейшего дуального описания для более адекватного представления многомерной смысловой реальности требуется переходить на следующий методологический уровень.

Новым уровнем описания генезиса смыслообразующих стратегий и более полного их моделирования нам представляется триалектический подход. В психологии имеются редкие примеры использования троичных систем различной природы для описания человека. Для изучения личности известен триадический метод репертуарных решеток на основе личностных конструкторов Дж. Келли. В исследовании под руководством Д. А. Леонтьева выявлено наличие трех видов личностного выбора: 1) реактивный выбор — на основе непосредственных предпочтений при отсутствии внутренней проблематизации и развернутой внутренней деятельности, то есть лишенный осмысленности под действием случайностей; 2) актив-

ный выбор неизменности — человек использует имеющиеся у себя компетенции, задатки, интересы для продолжения пребывания в зоне комфорта с отказом от новых возможностей; 3) активный выбор неизвестности — при ориентации на новые возможности и понимании своего опыта, как требующего новых способов действий, то есть предпочтение риска с неясными альтернативами (Мандрикова, 2006).

К триалектическому подходу в изучении смыслообразующих стратегий подтолкнуло следующее обстоятельство, выявленное при исследовании полярных стратегий на основе биполярных семантических шкал личностных свойств (Годунов, 2016). Иногда в биполярной шкале рядом оказывались негативные личностные свойства хотя и близкие семантически, но имеющие при этом разную степень выраженности, наполнения по типу «недостаток—избыток». Переплетенные свойства можно «расплести» — из смысловой «косички» одного полюса получаются две ветви. Тогда в биполярной шкале проявляются три смыслообразующих стратегии.

Первая, гиподаптивная (*гр.* ὑπό — внизу, снизу, под) смыслообразующая стратегия отражает слабые адаптационные способности при взаимодействиях в ситуации, проявляемые как пассивное приспособление по типу реактивного выбора для сохранения имеющихся предпочтений. Главный атрибут этой стратегии — недоразвитость как «застывание» на более ранних этапах становления личности, что проявляется в неумении или нежелании своевременно принимать продуманные решения. Предлагается следующее определение: гиподаптивная смыслообразующая стратегия — это опирающийся на формальные предпочтения способ формирования каузальных образов, направленный на пассивное присоединение и ведомое движение в слое личностных смыслов, задаваемых непреодолимыми обстоятельствами жизнедеятельности без их фактического осознания.

Вторая, гипердаптивная (*гр.* ὑπέρ — сверх нормы, чрезмерно) смыслообразующая стратегия показывает стремление индивида игнорировать приходящие в его жизнь неизбежные перемены и оставаться в зоне комфорта. Для сохранения такого состояния неизменности человек задействует все доступные ресурсы. Переразвитие, перенапряжение и пресыщение при гипердаптивности, как форма социального опыта, может проявляться в сверхконтроле как своих, так и чужих взаимодействий. Нами сформулировано следующее определение: гипердаптивная смыслообразующая стратегия — это основанный на собственном опыте и стереотипной предзаданности достигнутых целей способ формирования каузальных образов, на-

правленный на сохранение неизменного содержания личностных смыслов с применением для этого всех доступных ресурсов и отказом от новых возможностей развития смысловой сферы.

Между этими двумя стратегиями находится нейтральное состояние, отражающее одинаковое соотношение полярных смыслов, в протекании которых возможен равновероятный выбор (бифуркация).

Третья, преадаптивная (*лат.* «praе» – впереди, перед) стратегия смыслообразования начинается с нейтральной точки и открывает направление парадоксального подхода к взаимодействию в ситуациях. Это показывает наличие такого положительного ключевого личностного свойства, которое помогает выполнять дополнительные функции, либо успешно действовать в будущем, как в непредвиденных условиях новых ситуаций. Нами предлагается следующее определение: преадаптивная смыслообразующая стратегия – это ориентированный на осознание мотивов и порождение актуальных целей способ формирования каузальных образов, направленный на формирование перспективных личностных смыслов и их своевременную трансформацию для осуществления возможности духовного роста под влиянием внутренних и внешних обстоятельств, оцениваемых как преодолимые условия жизненных ситуаций при самодетерминации индивидом своей деятельности.

Для исследования особенностей реализации потенциала рассматриваемых смыслообразующих стратегий в дальнейшем будет разработано девять троичных шкал личностных свойств по типу частного семантического дифференциала. Эти шкалы отражают особенности проявления троичных стратегий смыслообразования: гиподаптивную, гипердаптивную и преадаптивную (Годунов, 2019). В каждой ветви троичной шкалы будет по 4–5 уровней, содержащих слова, выражающие соответствующие личностные свойства. Данные свойства личности в таких семантических шкалах являются ключевыми денотатами – особыми метками-индикаторами смысла. С помощью такой авторской методики будет выявляться личностный профиль, в который так же будут входить данные хорошо апробированных методик сопряженных областей исследования смысловой сферы: тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева, тест множественного интеллекта Г. Гарднера, анкета саморефлексии И. А. Стеценко. Применение такого троичного инструмента позволяет устанавливать триады ключевых личностных свойств и их корреляцию с другими критериями развития смысловой сферы. Выявляемый таким образом личностный профиль будет представлять мультифакторную модель возможных состояний ценностно-

смысловой сферы, где отражаются актуально действующие стратегии смыслообразования.

Это открывает новые возможности исследования особенностей смысловой регуляции при взаимодействии индивидуума в разнообразных жизненных ситуациях, требующих оценивания и выбора, что означает следование различным стратегиям смыслообразования.

Литература

- Абакумова И. В.* Смыслодидактика: учебник для магистров педагогики и психологии. М.: Кредо, 2008.
- Годунов М. В.* Ансамбль свойств личности: интерпретация и диагностика биполярных семантических шкал. Книга 1. М.: Кредо, 2016.
- Годунов М. В.* Психологические особенности актуализации полярных оценок в смысловом пространстве у лиц с различными стратегиями смыслообразования: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. Ростов-на-Дону, 2017.
- Годунов М. В.* Ансамбль свойств личности: триалектическое развитие преадаптивных возможностей. Книга 2. М.: Кредо, 2019.
- Мандрикова Е. Ю.* Виды личностного выбора и их индивидуально-психологические предпосылки. Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Москва, 2006.

Изучение особенностей качества сна у студентов в зависимости от коронарного типа поведения

Д. С. Громова, Д. И. Ефимова (Самара)

В 1959 году американские ученые Фридман и Розенман впервые дали описание коронарным поведенческим типам и определили вероятность развития у людей различных типов сердечно-сосудистых заболеваний. В настоящее время тип А и тип Б в большей степени рассматриваются, как две принципиально различные стратегии реагирования на стресс. Представители типа А в условиях действия стрессора в большей степени стараются вернуть ситуацию к исходной, т. е. реализуют стратегию «бей или беги». Поведение представителей типа Б направлено на приспособление организма к новой ситуации (стратегия «затаивания»). Разница поведенческих стратегий обусловлена в первую очередь физиологическими особенностями. Так, у представителей типа А ведущим гормоном является адреналин, а у представителей типа Б – кортизол.

Разница в механизмах протекания стресс-реакций определяет многие особенности представителей двух типов. Однако, на сегодняшний день наиболее изученным является вопрос регуляции кровообращения у представителей типа А и Б (Кучеренко, Беляков, 2018). В то же время проблемы регуляции других физиологических функций и особенности протекания психофизиологических процессов остаются малоизучены. Исследования в области особенностей адаптации и риска развития тех или иных патологий у людей с различными типами коронарного поведения являются весьма актуальными и перспективными.

Нами было проведено исследование, *цель* которого: изучить особенности качества сна у студентов младших курсов с различными типами коронарного поведения.

В исследовании на добровольной основе с соблюдением биоэтических норм, регламентирующих проведения наблюдений на человеке, приняли участие 70 респондентов (средний возраст респондентов – 19 лет) из числа студентов ГОО ВПО «Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького». Анкетирование на предмет выявления представителей с поведением типа А, АБ и Б проводили с использованием опросника Д. Дженкинса в модификации А. А. Гоштаутаса. Оценку качества сна осуществляли с помощью анкеты балльной оценки субъективных характеристик сна, а также с помощью расчета индекса тяжести инсомнии (Bastien, 2001; Savsrd, 2005).

По результатам проведенного исследования было выявлено, что среди студентов преобладает смешанный тип коронарного поведения (тип АБ) – 68,6%, и практически не встречается представителей типа Б (4,3%). Кроме того, установлено, что значительное количество студентов имеют нарушения качества сна или имеют пограничные значения балльной оценки субъективных характеристик сна. Так, только 30% опрошенных имеют нормальные показатели качества сна, характерные для здорового человека. А у 20 человек отмечаются четко выявленные нарушения.

Если говорить об особенностях сна у представителей с различными типами коронарного поведения, то следует отметить, что в большей степени нарушениям подвержены представители типа А. Так, результаты анкеты балльной оценки субъективных характеристик сна показывают, что только у 10,5% опрошенных качество сна соответствует норме, а у 47% отмечаются четко выраженные нарушения. По данным литературы известно, что наиболее часто среди всех разновидностей нарушений сна встречается инсомния. В нашем исследовании

довании расчет индекса тяжести инсомнии показал, что легкие нарушения отмечаются у 52,6% испытуемых с психотипом А, а 26,3% отмечаются умеренные и выраженные нарушения.

У представителей с типом АБ коронарного поведения нарушения сна менее выражены. Нормальное качества сна отмечается у 35,5% респондентов, а нарушения – у 20,8%. Выраженная степень тяжести инсомнии не зарегистрирована ни у одного студента со смешанным психотипом. Однако, легкие и умеренные нарушения выявлены у 58,3% (28 человек) опрошенных.

Вероятно, полученные данные напрямую связаны с гуморальными особенностями, свойственными представителям каждого типа коронарного поведения. Однако, результаты исследования позволяют говорить о том, что большинство студентов испытывают проблемы со сном. Данный факт должен стать основанием для поиска и разработки современных способов улучшения качества сна у молодого населения с учетом индивидуальных особенностей организма, в том числе ведущего типа коронарного поведения.

Расстройства сна отрицательно сказываются на всех сферах жизни человека: снижается качество жизни, академическая успеваемость, нарушаются интеллектуально-мнестические функции (Голенков, Иванова, Куклина, 2010; Манинцева, Лемзина, Лахова, 2018). Кроме того, инсомния ассоциирована с повышенным риском развития сердечно-сосудистых заболеваний и метаболических нарушений (Полужтов, 2016). Таким образом, современные студенты, и особенно представители типа А, находятся в группе риска по развитию многих вегетативных заболеваний и психических дефицитов.

На основании наших данных можно сформулировать следующие *выводы*:

1. Среди студентов в возрасте 18–20 лет подавляющее большинство является представителями типа А и типа АБ коронарного поведения.
2. Представители типа А в большей степени, чем представители смешанного типа, подвержены нарушениям качества сна и имеют более выраженные показатели инсомнии.
3. При поиске современных методов коррекции сна среди молодого населения следует учитывать принадлежность людей к тому или иному типу коронарного поведения, так как механизмы развития нарушения будут различными.

Литература

- Голенков А. В., Иванова И. Л., Куклина К. В., Петунова Е. А. Эпидемиология расстройств сна у студентов-медиков // Вестник Чувашского университета. 2010. № 3. С. 98–102.
- Кучеренко К. Н., Беляков В. И. Клинико-физиологический анализ адаптационного статуса системы кровообращения и рисков кардиоваскулярной патологии при различной выраженности коронарного поведения типа А // Вестник медицинского института «РЕАВИЗ». 2018. № 1 (31). С. 102–110.
- Манинцева Ю. С., Лемзина А. Е., Лахова А. Н., Львов Н. И. Расстройства сна у студентов в разные периоды обучения // Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Научный форум: медицина, биология, химия». 2018. С. 40–45.
- Полуэктов М. Г. Современные представления о механизмах развития и методах лечения хронической инсомнии // Российский медицинский журнал. 2016. № 7. С. 448–452.
- Bastien C., Vallieres A., Morin C. Validation of the Insomnia Severity Index (ISI) as an outcome measure for insomnia research // Sleep Medicine. 2001. № 2 (4). P. 297–307.
- Savard M. H., Savard J., Simard S., Ivers H. Empirical validation of the Insomnia Severity Index in cancer patients // Psychooncology. 2005. № 14 (6). P. 429–41.

Анализ психологической готовности к труду спасателя как критерий надежности профессиональной деятельности*

Л. М. Губайдулина, А. С. Мастренко, Н. Н. Симонова, Ф. Р. Султанова
(Москва)

Надежность профессиональной деятельности является одной из самых актуальных проблематик в исследованиях психологии труда, однако учитывая цену профессиональных ошибок специалистов экстремального профиля, психологические предпосылки надежности их деятельности занимают особое место. Анализ профессиональной деятельности спасателей показал, что при аварий-

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта № 19-013-00799-а «Прогностическая модель адаптивности и надежности профессионалов в экстремальных условиях труда»

но-спасательных работах от специалистов требуется оперативное решение ликвидации проблемы, высокий уровень контроля своих эмоций и поведения, сопротивление стрессу и негативным условиям. Для успешной реализации всех профессиональных задач с высокой степенью надежности специалисты должны обладать необходимым уровнем развития психических процессов, когнитивных, коммуникативных, регуляторных, волевых и моральных качеств (Тихомирова, 2014). Все перечисленные особенности входят в структуру психологической готовности профессионалов к труду, которую в исследовании мы понимаем как «психическое состояние, являющееся выражением совокупности интеллектуальных, мотивационных и волевых сторон психики» (Дьяченко, Кандыбович, 1986).

Анализируя литературу о психологической готовности спасателей, исследований доступных в этой области не обнаружено. Для планирования эмпирического исследования, исходя из теоретического анализа, на основе концепции И. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович (Ананьев, 2002; Дьяченко, Кандыбович, 1986; Климов, 1996), были выделены компоненты психологической готовности к труду: 1) мотивационный – положительное отношение к профессии, интерес к ней и другие устойчивые мотивы; 2) ориентационный – знания, представления об особенностях и условиях профессиональной деятельности, ее требованиях к личности; 3) операционный – владение необходимыми знаниями, навыками и умениями, процессами анализа и синтеза, и др.; 4) волевой – самоконтроль, умение управлять действиями; 5) оценочный – самооценка своей профессиональной подготовленности и соответствие оптимальным трудовым образцам. Целью проведенного пилотажного исследования является выявление уровня выраженности компонентов психологической готовности к труду спасателей МЧС.

Выборку составили 30 специалистов, работающих в службе спасения города Северодвинск и подразделения МЧС АКВАСПАСС г. Архангельска в возрасте от 24 до 45 лет (средний возраст $35,21 \pm 2,266$). Выборка состоит из мужчин.

Методики исследования

Для каждого из исследуемых компонентов психологической готовности был подобран диагностический инструмент:

- 1) мотивационный – методика «Мотивационный профиль» (Ш. Ричи, П. Мартина);
- 2) ориентационный – методика «11 личностных факторов» (О. Н. Бардина, Т. А. Преснова);

- 3) операционный – оценка знаний;
- 4) волевой – «Исследование волевой саморегуляции» (А. В. Зверькова, Е. В. Эйдмана);
- 5) оценочный – самооценка методом анкеты.

Для реализации поставленной цели по выявлению уровней выравненности компонентов психологической готовности к труду спасателей были подсчитаны средние баллы по все выборке по каждой шкале диагностических методик.

1. Выраженность мотивационного компонента

При оценке степени важности различных мотивационных факторов было выявлено, что такие факторы как потребность в творческой работе ($\bar{x}=37,07$; $\sigma=10,3$), потребность в высокой заработной плате ($\bar{x}=28,6$; $\sigma=1,6$), потребность в хороших условиях работы ($\bar{x}=23,1$; $\sigma=1,4$), потребность в четком структурировании работы ($\bar{x}=28,7$; $\sigma=1,4$), потребность в социальных контактах ($\bar{x}=28,5$; $\sigma=1,0$), потребность формировать и поддерживать стабильные взаимоотношения ($\bar{x}=29,9$; $\sigma=1,96$), имеют наиболее высокое значение для опрошенных. На наш взгляд часть из этих ценностей и мотивов может быть реализована в контексте профессиональной деятельности, например, потребность в общении и в стабильных отношениях, в структурированной работе, а часть – потребность в творческой работе, в комфорте и высокой зарплате с трудом. Мотивационный компонент и возможность реализации приоритетных ценностей в рамках профессиональной деятельности спасателей требует дополнительного исследования.

2. Выраженность ориентационного компонента

Анализ средних баллов позволяет определить особенности личностных проявлений спасателей. На высоком уровне представлены такие характеристики по методике как: общительность ($\bar{x}=8,2$; $\sigma=0,9$); активность ($\bar{x}=9,1$; $\sigma=1,7$); уравновешенность ($\bar{x}=10$; $\sigma=2$); нечувствительность ($\bar{x}=9,1$; $\sigma=1,5$); любознательность ($\bar{x}=8,3$; $\sigma=0,6$); оригинальность ($\bar{x}=8,2$; $\sigma=1$); организованность ($\bar{x}=8,2$; $\sigma=1,4$). Самые низкие баллы по шкалам были получены по шкале недоверчивость ($\bar{x}=2,9$; $\sigma=0,7$). Мы можем считать, что перечисленные личностные особенности являются характерными для спасателей: общительность и низкий уровень недоверчивости позволяет им быть эффективными в командной работе; активность, организованность, помогает им действовать слаженно в экстремальных условиях; уравновешенность,

нечувствительность, оригинальность и любознательность принимать сложные решения в кризисных ситуациях.

3. Выраженность характеристик волевого компонента

По полученным данным обследованные спасатели обладают высоким уровнем настойчивости ($\bar{x} = 12,6$; $\sigma = 0,45$), самообладания ($\bar{x} = 10,8$; $\sigma = 0,28$) и общим уровнем саморегуляции ($\bar{x} = 19,7$; $\sigma = 0,46$). Перечисленные качества можно отнести к профессионально важным у специалистов экстремального профиля, высокие баллы по этим шкалам говорят об их профессиональной готовности по этому компоненту.

4. Выраженность характеристик операционального компонента.

Этот компонент был изучен при помощи анализа оценок знаний при ежегодной аттестации, и представлен оценками 4 и 5, что свидетельствует о достаточно высоком уровне подготовки ($\bar{x} = 4,79$; $\sigma = 0,23$). То есть специалисты владеют знаниями, умениями и навыками, необходимыми для работы спасателя.

5. Выраженность оценочного компонента

Оценочный компонент психологической готовности – самооценка своей профессиональной подготовленности и соответствие процесса решения профессиональных задач оптимальным трудовым образцам. Оценки по данному заданию были в пределах между 6 и 10. Усредненная оценка находится на уровне выше среднего и равна 7,63, а стандартное отклонение 0,89.

Таким образом, в первом приближении удалось составить профиль выраженности компонентов психологической готовности к труду специалистов – спасателей.

Заключение и выводы исследования

Для специалистов службы спасения в результате проведенного анализа был получен профиль выраженности компонентов психологической готовности к труду. В ходе анализа средних баллов по обследованной выборке были выявлены особенности различных проявлений мотивационного, волевого, ориентационного, оценочного и описательного компонентов. Так, важнейшими *мотивационными* ценностями являются: творческая работа, высокая заработная плата, условия труда, структурированная работа, хороший коллектив; в структуре *ориентационного* компонента характерными личностными особенностями спасателей являются: общительность, активность, уравнове-

шенность, нечувствительность, любознательность, оригинальность, организованность и доверчивость; *волевой* компонент, отраженный в настойчивости, самообладании и саморегуляции, находится в диапазоне высоких значений; *оценочный и операциональный* компоненты, а в исследовании это — объективная оценка владения профессиональными знаниями и умениями (результаты аттестации), собственно, как и их личная самооценка, находятся на высоком уровне.

Литература

- Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания. М.—Харьков—Минск—СПб.: Питер, 2002.
- Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А.* Психологическая готовность. М.: Наука, 1986.
- Климов Е. А.* Психология профессионала. М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1996.
- Тихомирова Ю. М.* Теоретический анализ структурных компонентов психологической готовности к профессиональной деятельности // Психологические науки: теория и практика: материалы II Международ. науч. конф. (г. Москва, март 2014 г.). М.: Буки-Веди, 2014. С. 6—9.

Специфика манипулирования в юношеском возрасте

Д. Ф. Гусева (Мурманск)

Транзитивное общество каждый день меняет не только условия жизни человека, но и самого человека. Для того, чтобы быть успешным и социально востребованным необходимо остро чувствовать все изменения социума и уметь к ним приспособливаться. Одним из способов позволяющим быстро реагировать на действия окружающих является манипуляция.

Манипуляция чаще всего происходит незаметно, ее можно увидеть в деловых и дружеских взаимоотношениях. Часто можно наблюдать манипуляции в семейной жизни, отношениях между влюбленными и даже при общении с малознакомыми людьми. С ее помощью люди пытаются управлять друг другом, преследуя определенные цели.

В современной психологии манипуляция рассматривается как скрытое влияние на совершение выбора (L. Proto), структурирование мира, которое позволяет выигрывать (W. H. Riker), побуждение поведения посредством обмана или игрой на предполагаемых сла-

бостях другого (J. Rudinow), управление и контроль (Э. Шостром). Общим в определении манипуляции выступает то, что все исследователи указывают на скрытое действие с выгодой для одного человека (манипулятора). Необходимо отметить, что если действия осуществляются в интересах адресата, то это социально одобряемое, созидательное скрытое воздействие, если скрытое управление адресатом наносит ему ущерб, то это манипуляция (осуждается в общественном сознании).

В силу своей специфичности и изменчивости манипулятивное поведение получает систематически позитивное подкрепление в виде социального успеха (Б. Скиннер) или пассивно заполняет индивидуальный смысловой вакуум культивируемых в обществах псевдоценностей (В. Франкл).

Основу манипуляции составляют определенные мотивы человека: конфликт с самим собой (Ф. Перлз), недоверие к окружающим (Э. Фромм), ощущение собственной беспомощности (экзистенциализм) (Дж. Хейли, В. Глассер), некритичное стремление получать одобрение (А. Эллис), стремление к символическому овладению партнерами (З. Фрейд), реализация компенсаторного стремления к власти (А. Адлер).

Манипуляция позволяет воздействовать на состояния, мысли, чувства и действия других людей с помощью вербальных, невербальных или паралингвистических средств (Сидоренко, 2001). Ее результат всегда проявляется в поведении человека.

К успешной манипуляции приводит: сокрытие своих агрессивных намерений и действий; изучение психологических особенностей «жертвы», для определения наиболее эффективной тактики манипулирования; действие по принципу «цель оправдывает средства», а также решительность в достижении результата (Саймон, 2014).

В области интимно-личностного общения манипуляция чаще всего происходит в виде игры. Если в игре принимают участие две стороны, то истинные мотивы, как правило, не осознаются и выигрывают оба участника, но выигрыш не имеет практического воплощения и игра длится долго. При активных действиях только одного участника, его мотивы осознанны, выигрыш практичен, а манипуляция короткая (Берн, 2014).

Особенно остро феномен манипулирования проявляется в юношеском возрасте, когда происходит осознание собственной индивидуальности, формируются жизненные цели, стабильный образ Я, происходит глубокая нравственная перестройка. В этом возрасте к индивиду начинают предъявлять особые социальные, полити-

ческие, правовые, экономические и другие требования, становится устойчивым самосознание и образ Я, которые передают психологическую реальность, влияющую на поведенческие реакции (Кобзева, 2006). Поэтому важно оценить личностные особенности индивидов с разными уровнями проявления манипуляции в условиях транзитивности общества.

Цель исследования — изучить личностные особенности лиц юношеского возраста с разным уровнем проявления манипуляции.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что для лиц юношеского возраста с высоким уровнем манипуляции характерны эмоциональность и интуитивность в деятельности, коммуникативность.

Исследование проводилось в 2019 году на базе ФГБОУ ВО Мурманский арктический государственный университет. В нем приняли участие 98 студентов, обучающихся 2–3 курсов по направлениям подготовки специальное (дефектологическое) образование и психолого-педагогическое образование. Особенности манипуляции изучались с помощью методики измерения уровня макиавеллизма личности (Р. Кристи, Ф. Гейсю) и шкалы манипулятивного отношения Банта, личностные особенности диагностировались пятифакторного личностного опросника Маккрея—Косты.

Результаты исследования позволяют утверждать, что высокий уровень макиавеллизма диагностирован у 82% респондентов. Для них характерны коммуникативность, убедительность высказываний (вне зависимости от правдивости или лживости информации), желаний достичь своей цели любыми средствами. Партнера по общению они воспринимают, чаще всего, как средство, с помощью которого возможно удовлетворить свои потребности или желания. В меньшей степени в период юношеского возраста можно в поведении наблюдать эмпатию, сочувствие, уступчивость, понимание, а также альтруизм по отношению к своему социальному окружению.

Данные по шкале Банта указывают на преобладание у юношей высокого уровня манипуляции (70%). Поэтому свои интересы они ставят выше интересов других, стараются удовлетворить свои потребности игнорируя мнения окружающих, не заботятся о последствиях своих действий и поступков, не ценят сложившиеся межличностные отношения.

Личностные особенности изучались в группе респондентов, которые получили высокие показатели по проявлению макиавеллизма и манипулятивного отношения.

Доминирующим фактором в структуре личности в юношеском возрасте является эмоциональность ($56 \pm 11,4$), поэтому они не могут контролировать не только свои эмоции, но и импульсивные влечения. Доверяя собственным чувствам и интуиции юноши не акцентируют внимание на текущих делах, но в тоже время проявляют интерес к различным сторонам социальной жизни ($55 \pm 7,4$). Несмотря на то, что они демонстрируют позитивное отношение к окружающим их людям, юноши не чувствуют личной ответственности за близких, не приемлют недостатки других, демонстрируют мнимое сотрудничество, не ценят искренние отношения.

Итак, для юношеского возраста характерен достаточный высокий уровень проявления манипулятивного воздействия. Они используют все доступные им средства манипуляции. Отличительной особенностью этого возрастного периода является манипуляция в качестве эффективного средства управления происходящими событиями.

Литература

- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. М.: Эксмо, 2014.
- Кобзева О. В.* Динамика агрессивности и ее взаимодействия с личностными особенностями в подростковом и юношеском возрастах: Дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2006.
- Саймон Дж.* Кто в овечьей шкуре? Как распознать манипулятора. М.: Альпина Паблишер, 2014.
- Сидоренко Е. В.* Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь, 2001.

Личностная зрелость и ее роль в эмоциональном принятии матери совершеннолетнего ребенка со впервые возникшим психическим заболеванием

М. В. Дан (Москва)

Исследования значения личностных особенностей, внутренних ресурсов человека в стрессовых ситуациях достаточно распространены. Возрастает интерес к проблемам восстановления после переживания разных типов стрессовых воздействий, таких как, например, дебют тяжелого соматического или психического заболевания. Последствия воздействия стресса могут быть рассмотрены

не только с позиций изучения посттравматических реакций самого заболевшего, но и его близких и родных. В представленном исследовании личностная зрелость матери рассматривается как ресурс, который может способствовать ее эмоциональному принятию заболевшего ребенка. Гипотеза исследования: личностная зрелость матери положительно связана с эмоциональным принятием заболевшего совершеннолетнего ребенка.

Характеристика выборки и методики: в исследовании приняли участие 68 матерей совершеннолетних детей с впервые возникшим психическим заболеванием (давность от 2 до 6 месяцев) в возрасте от 39 до 70 лет. В ходе исследования использовались психодиагностические методики: диагностика уровня личностной зрелости Ю. З. Гильбух (Гильбух, 1994), Цветовой Тест Отношений (ЦТО) Е. Ф. Бажина и А. М. Эткинда (Бажин, Эткинд, 1987). Обследование проводилось однократно перед участием матерей в психообразовательной программе, реализованной на базе ПКБ № 14 и ПКБ № 15 г. Москвы.

Согласно полученным результатам, вся выборка матерей была разделена на две группы — с высоким уровнем личностной зрелости и с низким. Отношение, исследуемое методикой ЦТО, может выражаться в эмоциональном принятии, нейтральном эмоциональном отношении и эмоциональном отвержении ребенка. Эмоциональное отношение в данном случае отражает непосредственную эмоциональную реакцию в ситуации контакта с ребенком. По результатам анализа данных, более трети опрошенных матерей свойственно эмоциональное отвержение ребенка (25 из 68). При этом, более 70% этих матерей имеют низкий уровень личностной зрелости (18 из 25 человек). С помощью критерия углового преобразования Фишера было установлено, что в подгруппе матерей с высоким уровнем личностной зрелости значимо большее число матерей с эмоционально нейтральным отношением к ребенку ($\varphi^*_{\text{эмп.}} = 4,051, p \leq 0,01$) и значимо меньшее число матерей с эмоциональным отвержением ($\varphi^*_{\text{эмп.}} = 2,833, p \leq 0,01$).

В ряде исследований показано, что матерей с низким уровнем личностной зрелости в целом отличает стремление ограничивать активность своего ребенка, проявлять властность, «жертвовать» собой и использовать этот факт для манипулирования и упреков, чтобы чувствовать собственную важность; их отличает также эмоционально-холодное общение с ребенком и неумение выбирать воспитательное воздействие адекватно ситуации (Васягина, 2013; Махмутова, 2013; Camberis, 2016). Согласно полученным данным, мы

выявили, что нейтральное эмоциональное отношение малодоступно матерям с низким уровнем личностной зрелости, что может быть интерпретировано, как затруднение регуляции эмоциональных реакций и приводящих к выбору «крайних» вариантов – принятия и отвержения. Спецификой стрессора впервые возникшее психическое заболевание ребенка является отсутствие представленности в предыдущем опыте матери, угроза здоровью, а иногда и жизни, ребенка и окружающих, неадекватность и непредсказуемость поведения заболевшего. Все это, очевидно, может приводить женщину в растерянное состояние и являться прямой угрозой положительного эмоционального отношения к нему. Вместе с тем, мы выявили, что высокий уровень личностной зрелости не является гарантией того, что женщина не будет проявлять негативного отношения к ребенку. Среди участниц исследования встречались матери, не обнаруживающие позитивного отношения. Это может быть обусловлено самыми разными причинами, которые выходят за рамки настоящего исследования, например, изначально неблагоприятные отношения с совершеннолетним ребенком и пр. Можно заключить, что, зная уровень личностной зрелости матерей, легче спрогнозировать факт негативного отношения (он чаще встречается при низком уровне личностной зрелости), чем факт позитивного отношения к ребенку.

Личностная зрелость является структурным феноменом, и, согласно Гильбуху, она состоит из нескольких параметров (*мотивация достижения, отношение к «Я», чувство гражданского долга, жизненная установка и способность к психологической близости с другими людьми*). Мы проанализировали, как соотносятся между собой отдельные параметры личностной зрелости и тип отношения к ребенку у матерей. Значимые корреляции были установлены между типом эмоционального отношения к ребенку и *жизненной установкой и отношением к «Я»*.

Большинство матерей обладают неудовлетворительным уровнем *отношения к «Я»* (45 из 68), что свидетельствует о неуверенности в себе, присутствии негативных эмоций, направленных на собственную личность, о самокритичности, недооценке своих способностей и талантов, чувстве неполноценности и собственной несостоятельности. Высокий уровень *отношения к «Я»*, указывающий на силу «Я», позитивное отношение к себе, самоуважение, уверенность в собственных силах и возможностях, наоборот, встречается реже всего. Менее 5% матерей (4,41%) имеют положительное самовосприятие. При чем им свойственен нейтральный, неопределенный тип отношения

к заболевшему ребенку, они не проявляют ни явного эмоционального принятия, ни явного отвержения. Отметим тенденцию к тому, что большинство женщин с неудовлетворительным уровнем *отношения к «Я»* обнаруживают негативное отношение к ребенку, а матери с высоким уровнем — позитивное отношение. Можно отметить тенденцию к снижению числа женщин, негативно относящихся к своим заболевшим детям, по мере повышения уровня положительно-го самоотношения.

Чуть меньше половины женщин (32 из 68) имеют неудовлетворительный уровень *жизненной установки*. Высоким уровнем *жизненной установки* обладает самое низкое число респондентов, их менее 6%. Вместе с тем, все они либо нейтрально (чаще всего), либо позитивно относятся к заболевшему ребенку. Жизненная установка в интерпретации автора основана на оптимистичном взгляде на мир и на свое место и роль в нем, отражает степень эмоциональной устойчивости, рассудительности. При такой жизненной позиции человек рационально подходит к анализу сложившихся обстоятельств.

Итак, согласно результатам проведенного исследования удалось установить, что матери с низким уровнем личностной зрелости значимо реже эмоционально нейтральны по отношению к своему ребенку после переживания стрессовой ситуации — впервые возникшего психического заболевания. При этом матери с низким уровнем личностной зрелости значимо чаще эмоционально отвергают заболевшего по сравнению с матерями с высоким уровнем личностной зрелости. Анализ значимых связей личностной зрелости с типом эмоционального отношения к ребенку показывает, что эта связь отражает тенденцию к значимо более редкой встречаемости эмоционального отвержения заболевшего по мере повышения уровня личностной зрелости матери, а также ее компонентов — отношения к «Я» и жизненной установки.

Литература

- Васягина Н. Н.* Специфика и условия эффективности воспитательной деятельности родителей // Педагогическое образование в России. 2013. № 1. С. 63–69.
- Махмутова Р. К.* Особенности родительских установок матерей с разным уровнем личностной зрелости // Психология. Журнал ВШЭ. 2013. № 2. С. 165–172.
- Camberis A.* Maternal Age, Psychological Maturity, Parenting Cognitions and Mother Infant Interaction // Journal of Infancy. 2016. № 4. P. 396–422.

Взаимосвязь Возможных Я, самооценки и экзистенциальной исполненности у интеллектуально одаренных подростков

В. Ю. Данилова, М. О. Аванесян (Санкт-Петербург)

Концепция Возможных Я, созданная Х. Меркус в 1980-х годах, предлагает расширение представления о Я-концепции и включение в нее не только реальных, но и потенциальных, желательных и нежелательных, представлений личности о себе (Markus, Nurius, 1986). «Возможное» и «возможности» рассматриваются как связующее звено между прошлым, настоящим и будущим личности. Хотя значение Возможных Я в психологии личности высоко оценено многими учеными (Костенко, Гришутина, 2018), тем не менее, представления о структуре и механизмах их образования остаются малоизученными.

Самооценку, как и Возможные Я, можно считать структурным компонентом Я-концепции, хотя его роль в данной системе остается размытой. Это связано с тем, что самооценка представляет собой постоянный процесс оценивания и переоценивания себя в прошлом и своих образов в будущем, а не является стабильно закрепленным образованием. Выделяются следующие параметры самооценки: 1) уровень – высокая, средняя и низкая; 2) реалистичность – адекватная и неадекватная (завышенная и заниженная); 3) особенности строения – конфликтная и бесконфликтная; 4) устойчивость и др. В контексте данной работы особенно важным представляется изучение источников и оснований самооценки, связанных с различными сторонами жизни личности. Формирование общего самоотношения личности происходит путем интеграции самооценки в разных областях, наиболее важных для человека. Базовые основания самооценки личности представляются нам темами для образов Я, и в этом смысле они очень близки Возможным Я. Между представлениями о Возможных Я и Я-концепцией происходит обмен информацией, они формируют друг друга в ходе процесса оценивания личностью самой себя.

В таком случае можно предположить, что психологическое благополучие личности связано именно с таким компонентом Я-концепции, как Возможные Я. Понятие экзистенциальной исполненности, введенное Виктором Франклом в рамках созданной им логотерапии, отражает степень психологического благополучия с точки зрения экзистенциального подхода. Экзистенциальная исполненность отражает осмысленность личности и ее самодетерминированность, по-

этому из всех подструктур Я-концепции Возможные Я максимально приближаются к этому понятию. Можно предположить, что степень экзистенциальной исполненности и ее компонентов проявляется в особенностях создаваемых личностью Возможных Я.

Цель исследования – сопоставить характеристики Возможных Я с базовыми основами самооценки и с экзистенциальной исполненностью.

Гипотезы исследования:

1. Существует взаимосвязь между характеристиками Возможных Я и основами самооценки.
2. Существует взаимосвязь между характеристиками Возможных Я и экзистенциальной исполненностью.

Выборку исследования составили подростки в возрасте 16–18 лет (N = 21 чел., 10 ж., 11 м.) участники городской программы развития интеллектуально-одаренных подростков Санкт-Петербурга, реализуемой АНО «Одаренная молодежь». Участники данной программы прошли двухэтапный отбор, включающий тесты на интеллект и креативность, и были признаны интеллектуально-одаренными комиссией психологов АНО «Одаренная молодежь».

Методы

Для изучения Возможных Я использовалась методика К. Хукер, адаптированная на русский язык В. Ю. Костенко и М. М. Гришутинной (Костенко, Гришутина, 2018). Данная методика позволяет получить представления людей о позитивных и негативных Возможных Я. Для получения более достоверных результатов при работе с подростками было решено проводить данную методику в формате полуструктурированного исследовательского интервью. Кроме того, к методике К. Хукер нами были добавлены вопросы о степени детализации Возможных Я и о предпринятых шагах для их воплощения или, наоборот, избегания.

Для изучения особенностей самооценки использовалась методика «Базовые основы самооценки» Дж. Крокер в адаптации О. Н. Молчановой и Т. Ю. Некрасовой (Молчанова, Некрасова, 2013). Опросник включает 7 шкал, представляющих различные основания для конструирования самооценки: поддержка семьи, соревнование с другими, внешность, академическая успеваемость, нравственность, одобрение других и любовь. Помимо представленных шкал был определен суммарный результат по методике «Базовые основы самооценки», который мы использовали как показатель общего уровня самооценки.

Экзистенциальная исполненность изучалась при помощи опросника «Шкала экзистенции» А. Лэнгле и К. Орглер, адаптированная для русскоязычной выборки И. Н. Майниной (Майнина, 2007).

Для обработки полученных данных применялся корреляционный анализ (ранговый коэффициент корреляции Спирмена).

Результаты

На первом этапе исследования был проведен качественный анализ интервью, на основе которого была создана типология Возможных Я. Было выявлено 4 типа самоописания, различающихся по форме изложения: жизненные события («поступление в университет», «сборы в армию» и т. д.), личностные качества («стать более уверенным в себе»), эмоциональные состояния («счастье», «тоска» и т. д.) и целостные образы (описание ситуации, в котором представлялась картинка будущего).

На втором этапе исследования были выявлены взаимосвязи между выявленными характеристиками Возможных Я и показателями самооценки и экзистенции.

Из характеристик Возможных Я корреляционному анализу подверглись:

- наличие тех или иных категорий (события, качества, эмоции, образы) в позитивных и негативных Возможных Я;
- ранговая оценка предпринятых шагов для избежания/воплощения Возможного Я (0, 1, 2);
- оценка детальности, вероятности, способности воплотить, важности и частоты мыслей о Возможных Я (по 7-балльной шкале).

Корреляционный анализ показателей «Базовых основ самооценки» и характеристик Возможных Я выявил следующие корреляционные связи:

1. «Соревнование с другими» положительно коррелирует с частотой мыслей о позитивном Я (0,527) и его важностью (0,525) и отрицательно коррелирует с эмоциональным типом описания негативного Я (–0,603).
2. «Любовь» отрицательно коррелирует с частотой мыслей о негативном Я (–0,508).
3. «Академическая успеваемость» положительно коррелирует с вероятностью воплощения позитивного Я (0,525).
4. Суммарный показатель самооценки положительно коррелирует с наличием позитивных Я в форме личностных качеств (0,551) и негативных Я в виде событий (0,469).

Корреляционный анализ шкал экзистенциальной исполненности с показателями Возможных Я выявил следующие связи:

1. «Самодистанцирование» отрицательно коррелирует с частотой мыслей о негативном Возможном Я ($-0,49$).
2. «Ответственность» положительно коррелирует с частотой мыслей о желаемом Я ($0,441$) и с важностью избегания негативного Я ($0,484$), и отрицательно коррелирует с описанием желаемых Я в виде эмоционального состояния ($-0,510$).

Кроме того, были обнаружены корреляционные связи между разными параметрами Возможных Я:

1. Представление негативных Я в виде целостных образов отрицательно коррелирует с представлением о способности воплотить желаемое Я ($-0,585$).
2. Оценка способности воплотить желаемое Я положительно коррелирует с его важностью ($0,457$) и предпринятыми шагами для его воплощения ($0,506$).

Выводы

На основании полученных в ходе исследования результатов можно сделать следующие выводы:

1. Гипотеза о взаимосвязи характеристик Возможных Я и базовых основ самооценки частично подтвердилась. «Любовь» как базовая основа самооценки связана с низкой частотностью мыслей об избегаемом Я. Можно выдвинуть предположение, что такая основа самооценки создает сдвиг мышления в пользу позитивного Я. Для проверки этой гипотезы требуются дополнительные исследования.
2. Наиболее выраженными основаниями для формирования самооценки для участников нашего исследования стали соревнование с другими, внешность, нравственность.
3. Академическая успеваемость в наименьшей степени формирует самооценку одаренных подростков, но при этом связана с высокой оценкой вероятности достижения желаемого Возможного Я.
4. Общий уровень самооценки связан с формой изложения позитивных Возможных Я в виде личностных качеств. Можно предположить, что стремление к развитию неких личностных качеств увеличивает чувство самоэффективности и уверенности и таким образом повышает самооценку.

5. Гипотеза о взаимосвязи между характеристиками Возможных Я и экзистенциальной исполненностью подтвердилась частично. Обнаружена связь ответственности и самодистанцирования с тем, как часто человек думает о Возможном Я.

Полученные результаты дополняют имеющиеся теоретические представления о Возможных Я и их взаимосвязи с другими компонентами личности, а также могут иметь прикладное значение. Необходимы дальнейшие исследования для проверки возможности распространения полученных на одаренных подростках данных на более обширные группы.

Литература

- Костенко В. Ю., Гришутина М. М.* Невозможное Я: предварительное исследование в контексте теории Хейзел Маркус // Пензенский психологический вестник. 2018. № 1 (10). С. 126–148.
- Майнина И. Н.* Адаптация Шкалы экзистенции А. Лэнгле, К. Орглер к русскоязычной выборке: дипломная работа. М.: МГУ, 2007.
- Молчанова О. Н., Некрасова Т. Ю.* Адаптация методики Дж. Крокер, направленной на исследование базовых оснований самооценки // Культурно-историческая психология. 2013. № 4. С. 65–73.
- Markus H., Nurius P.* Possible selves // American Psychologist. 1986. V. 41. № 9. P. 954–969.

Развитие профессиональных интересов учащихся профильных классов

М. С. Дегтева (Иваново)

В соответствии с Концепцией профильного образования, «профильное обучение – средство дифференциации и индивидуализации обучения, позволяющее за счет изменений в структуре, содержании и организации образовательного процесса более полно учитывать интересы, склонности и способности учащихся, создавать условия для обучения старшеклассников в соответствии с их профессиональными интересами и намерениями в отношении продолжения образования» (Концепция, 2003).

Цель исследования: выявить и экспериментально проверить психолого-педагогические условия, которые обеспечивают развитие профессиональных интересов и способностей обучающихся профильных классов и оценить их результативность.

Гипотеза: при обучении в профильном классе у учащихся трансформируются и развиваются интересы из познавательных до профессиональных, если в образовательном процессе выполняются психолого-педагогические условия:

- при обучении школьников совмещаются образовательная и профессионально-ориентирующая функции;
- психолого-педагогическое сопровождение, направленное на раскрытие и поддержание потенциальных возможностей учащихся в профессиональном самоопределении;
- организована психолого-педагогическая поддержка школьников, которая направлена на определение их профессионального развития;
- происходит взаимодействие школы и родителей, что обеспечивает развитие профессиональных интересов и способностей школьников; определяются этапы развития профессиональных интересов и способностей школьников профильных классов.

Целью диагностического этапа исследования является выявление профессиональных интересов обучающихся профильных классов. Для проведения эксперимента сформирована выборочная совокупность на базе учащихся Гимназии № 32. Для эксперимента были выбраны ученики, у которых были высшие баллы по профильным предметам; победители и призеры школьных, муниципальных, региональных и Всероссийских олимпиад по соответствующим профильным предметам, дипломанты научно-практических конференций, конкурсов; обладатели похвальной грамоты «За особые успехи в изучении отдельных предметов».

На первом этапе эксперимента мы проводили диагностику на выявление профессиональных интересов каждого испытуемого. Для этого были использованы: многофакторный опросник Кеттела для подростков 14 PF, опросник «Карта интересов» А. Е. Голомштокома, методика изучения отношения к учебным предметам Г. Н. Казанцевой. Математическую обработку полученных данных проводили при помощи пакета прикладных статистических программ Statistica.

Обобщенные результаты исследования индивидуально-психологических особенностей личности по многофакторному опроснику Кеттела для подростков 14 PF получились следующими: 76,67% учащихся доброжелательные, активные, любят работать в группе; 13,33% учащихся раздражительны, чувствительны; 5,45% обучающихся авантюристичные, пробивные, умеют постоять за себя, власт-

ны, придерживаются своих взглядов; 4, 55% учащихся застенчивы, сдержаны, уклончивы, им необходима поддержка группы.

Обобщенные результаты исследования профессиональных интересов по опроснику «Карта интересов» А. Е. Голомштока показали, что большая часть учеников отдает предпочтение таким предметам как:

- литература – 35%
- иностранные языки – 30%
- математика – 20%
- другие предметы – 15%

Исходя из данных исследования по методике изучения отношения к учебным предметам Г. Н. Казанцевой, можно сделать вывод о том, что самый любимый предмет – литература, так как ученики получают удовольствие от изучения этого предмета. Самый нелюбимый – математика, неинтересно его изучать. Самый частый ответ на вопрос почему ты учишься – хочу добиться полных и глубоких знаний.

Таким образом, у многих учащихся профильных классов плохо развиты профессиональные интересы. Целенаправленная работа по оказанию помощи обучающимся в профессиональном самоопределении и по формированию профессиональной мотивации не проводится учителями. Вместе с тем грамотно построенная работа педагогического коллектива поможет повлиять на осуществление профессиональных намерений учеников с учетом их интересов. Поэтому мы можем предположить, что если учителя будут использовать технологию развития профессиональных интересов школьников, реализуя основные направления педагогической поддержки учащихся, это позволит наблюдать хорошую динамическое развитие профессиональных интересов школьников, оказывать помощь им в профессиональном самоопределении и обеспечить движение выпускников школ по индивидуальному плану профессионального развития. Решением данных задач мы занимались в ходе формирующего эксперимента:

1. Проверить результативность технологии развития профессиональных интересов школьников и программы педагогической поддержки, которая обеспечивает развитие профессиональных интересов.
2. Установить динамическое развитие профессиональных интересов.

Эксперимент проводился в Гимназии № 32. В эксперименте были задействованы 30 учеников. Данные уровней развития профессио-

нальных интересов учащихся, выявленные на констатирующем этапе исследования, стали для нас показателями, благодаря которым мы смогли изучить динамику развития профессиональных интересов.

Это позволило нам обозначить главные направления первого этапа преобразующей работы в образовательном процессе профильных классов:

1. Обеспечить учителей, классных руководителей, психологов информацией, которая поможет им в составлении профессионального плана, где будет учитываться профессиональное консультирование, личностные особенности учеников и развитие их интересов.
2. Реализовать возможности в учебном и воспитательном процессе развития профессиональных интересов (разработка профориентационного компонента в содержании учебного материала уроков, проведение уроков с совмещением общеобразовательной и профессионально-ориентирующей функций, разработка и реализация программ факультативов и элективных курсов, разработка тем НИР профориентационной направленности, корректировка планов воспитательной работы).
3. Должна быть организована взаимосвязь с родителями учащихся профильных классов.
4. Изучение динамики развития профессиональных интересов школьников.
5. Повышение квалификации учителей по проблеме профессионального самоопределения обучающихся.

Для проведения формирующего эксперимента в образовательном процессе профильных классов потребовалась подготовка учителей к корректировке своей деятельности, к новому видению материала учебных предметов, к целенаправленной работе над собственным профессиональным ростом. При работе с педагогами важно не вооружить их не только знаниями о возможности совмещения общеобразовательных и профессионально-ориентирующих функций в обучении, об организации работы по изучению личностно-характерологических особенностей старшеклассников, диагностике их интересов, но и подготовить к творческой работе по проектированию содержания обучения в профильных классах. Данная проблема заинтересовала многих учителей-предметников школы, находящихся в эксперименте. Учитывая это в школе организовали семинары, в которых принимали участие 45 педагогов. Эти семинары были проведены специалистами областного Центра профессиональной ориентации. Программа семинаров отражала теоретические нара-

ботки по вопросам развития профессиональных интересов и предполагала их апробацию.

Когда проводились занятия для учителей были использованы разные формы обучения: лекции-беседы, практические занятия, деловые игры, видео-занятия. Цель этих занятий – ознакомление учителей с новыми формами профориентационной работы, с возможностью влияния профессионально-направленного учебного процесса на трансформацию познавательных интересов учащихся в профессиональные. Практические занятия проводились на основе материала, который был накоплен творчески мыслящими педагогами. Проводился анализ профориентационного материала, который можно будет включить в изучение предметов, были оговорены наиболее эффективные средства обучения, так же темы уроков несущие в себе профориентационную направленность, и этапы урока на которых более успешно реализуются профориентационные цели.

Анализируя проведенную работу мы увидели, что реализация программы семинаров позволяет в большей степени увеличить знания педагогов о возможностях образовательного процесса в развитии профессиональных интересов старшеклассников. Проявление этого можно было увидеть в активности учителей при проведении уроков, а так же в их стремлении разобраться в значимости нового видения учебного материала, с целью реализации совмещения учебных целей, воспитательных и развивающих профессиональный интерес, во взаимосвязи познавательного и профессионального интереса и его влияние на осознанный выбор учащимися будущей профессии, на профессионально-ценностные ориентации школьников.

Литература

Концепция профильного обучения на старшей ступени общего образования // Профильная школа. 2003. № 1. С. 3

Диагностика когнитивной сферы у пациентов позднего возраста с болезнью Альцгеймера и сосудистой деменцией

О. А. Дерюганова (Москва)

В настоящее время отмечается увеличение доли людей пожилого и старческого возраста, связанное с процессом глобального старения населения. Такая тенденция приводит к тому, что в клини-

ческой практике все чаще встречаются заболевания, наиболее распространенные и характерные для данного возраста, среди которых выделяются болезнь Альцгеймера и сосудистую деменцию (Корсакова, Балашова, Рощина, 2009). 15% случаев слабоумия наступает вследствие сосудистой деменции, а около 26,6 млн человек в мире имеют диагноз болезнь Альцгеймера (O'Brien, Thomas, 2015). В связи с этим перед специалистами встает проблема своевременного выявления деменции еще на начальной стадии ее развития, что в дальнейшем позволит осуществить грамотную медикаментозную терапию и реабилитационные мероприятия, способствующие замедлению и задержки прогрессирования данного заболевания. Из этого следует необходимость проведения грамотной и точной диагностики, позволяющей не только выявить различия в структуре нарушений когнитивной сферы у пациентов на мягкой стадии болезни Альцгеймера и сосудистой деменции с целью дифференциации данных заболеваний, но и определить сохранные звенья психических функций (Brookmeyer, Johnson, 2007).

Цель исследования: изучить особенности когнитивной сферы у пациентов позднего возраста с болезнью Альцгеймера и сосудистой деменцией, выявить основные структуры и блоки мозга (по А. Р. Лурья), вовлеченные в патологический процесс.

Гипотезы исследования: у пациентов с мягкой сосудистой деменцией на первый план выступают нейропсихологические симптомы со стороны глубоких образований головного мозга, т.е. со стороны первого блока мозга; у пациентов на начальной стадии болезни Альцгеймера патологическая симптоматика связана, преимущественно, с нарушениями в работе переднелобных и глубоких структур головного мозга (третий и первый блок мозга).

Характеристика выборки: исследование проводилось на базе ПКБ № 4 им. П. Б. Ганнушкина, в котором принимали участие 35 человек женского пола (пациенты геронтологического отделения) в возрасте от 66 до 77 лет. Испытуемые были разделены на две группы: 17 пациентов с мягкой сосудистой деменцией (СД) (средний возраст 71 год) и 18 пациентов с начальной стадией болезни Альцгеймера (БА) (средний возраст 71,2 года). Отбор пациентов с соответствующими диагнозами для проведения диагностики происходил совместно с лечащими врачами и заведующим отделением.

Методы исследования

Для диагностики когнитивной сферы у пациентов позднего возраста с болезнью Альцгеймера (БА) и сосудистой деменцией (СД) исполь-

зовались следующие методики: экспресс-методика оценки мнестико-интеллектуальной сферы в позднем возрасте (Корсакова, Балашова, Рощина, 2009) и монреальская шкала оценки когнитивных функций (MoCA). Проводилась как количественная, так и качественная оценка когнитивных функций. Подсчет данных осуществлялся с помощью компьютерной программы Excel 2016. Сравнительный анализ двух независимых выборок проводился с помощью U-критерия Манна–Уитни.

Результаты исследования и их интерпретация

Анализ итоговых баллов, полученных при суммировании баллов по каждому показателю экспресс-методики оценки мнестико-интеллектуальной сферы в позднем возрасте (Корсакова, Балашова, Рощина, 2009), показал, что существует значимое различие между двумя группами респондентов. Это свидетельствует о разной степени выраженности нарушений когнитивной сферы у пациентов с СД и БА ($U_{\text{эмп.}} = 9$, $U_{\text{кр.}}(0,05) = 102$). В группе с СД испытуемые набрали в среднем $17,8 \pm 2,44$ баллов, а в группе с БА — $22,4 \pm 1,15$ балла. Похожие результаты были получены и при анализе итоговых баллов по методике MoCA, где так же были выявлены значимые различия ($U_{\text{эмп.}} = 18,5$, $U_{\text{кр.}}(0,05) = 102$). Респонденты в группе с СД набрали $21,5 \pm 1,37$ баллов, испытуемые с БА получили в среднем $19,1 \pm 0,8$ баллов.

В обеих исследованных нами группах испытуемых ведущими являлись модально-неспецифические нарушения памяти. Данные нарушения в первую очередь проявлялись патологической тормозимостью следов интерферирующим воздействием, а также сужением объема слухоречевой и зрительно-пространственной памяти. В группе респондентов с СД объем непосредственного воспроизведения не превышал 4–5 слов из 9 предъявляемых на слух (53% испытуемых), а у пациентов с БА составлял всего 2–3 слова (67% испытуемых). При исследовании зрительно-пространственной памяти в группе пациентов с СД с помощью модифицированного для геронтологической клиники теста А. Бентона данный объем в среднем варьировался от 4 до 7 субтестов из 10, при этом большая часть респондентов (76%) верно воспроизводили 5–6 субтестов. Похожий результат был получен при исследовании памяти в зрительной модальности и у респондентов в группе с БА: максимально воспроизводилось 6 субтестов из 10, а минимально — 3 субтеста. Патологическая тормозимость следов под воздействием интерференции проявлялась более выражено в группе испытуемых с БА и отмечалась как при выполнении заданий экспресс-методики, так и теста MoCA — респон-

денты отсрочено воспроизводили не более одного слова. У пациентов с СД результаты были значительно лучше: из 9 слов, предъявляемых в экспресс-методике, верно воспроизводились 3–4 слова, в тесте МоСА – 2–3 слова. Необходимо также отметить, что у испытуемых данной группы отмечалось повышение продуктивности запоминания в задании, в котором предъявляемые слова были объединены общим смысловым признаком (59% испытуемых воспроизводили 5–6 слов из 9), что подтверждает эффективность установления смысловых связей при заучивании. Однако данное утверждение нельзя применить к пациентам с БА, у которых было выявлено нарушение избирательной актуализации из памяти слов, связанных общим смысловым признаком: около 55% испытуемых воспроизводили лишь 2–3 слова из 9. Ко всему прочему, только у данной группы пациентов было выявлено вплетение слов из ранее запоминаемого ими стимульного ряда в новый стимульный ряд, что свидетельствует о нарушении избирательности при воспроизведении.

Нарушения в оптико-пространственной деятельности отмечались только у пациентов с БА в задании экспресс-методики «Расстановка стрелок на часах без циферблата»: лишь 17% испытуемых смогли полностью правильно выполнить данное задание, 22% респондентов вопреки инструкции расставляли числа на циферблате. При выполнении задания были также отмечены ошибки в два «шага» и одинаковая длина минутной и часовой стрелки.

В группе испытуемых с БА было также выявлено снижение беглости речи (более половины пациентов – 61%, получили за это задание 0 баллов) и ее номинативной функции (3 животных из 3 назвали только 28% испытуемых). Нарушение повторной речи и восприятия обращенной речи у пациентов в обеих группах не наблюдалось.

У пациентов с СД трудности ориентировки были менее выражены, чем у пациентов с БА. Ошибки возникали в основном при определении текущей даты в методике МоСА, тогда как пациенты с БА испытывали трудности и при вспоминании месторасположения больницы, номера корпуса и отделения. Таким образом, в группе пациентов с БА было обнаружено нарушение ориентировки как во времени, так и в месте.

Также следует отметить, что в процессе проведения диагностики в группе испытуемых с СД по результатам наблюдения были выявлены следующие признаки снижения нейродинамических параметров психической деятельности: длительная вработываемость; постепенное увеличение количества ошибок по сравнению с нача-

лом обследования и повышенная отвлекаемость, что свидетельствует о наличии истощаемости; инертность и замедленный темп деятельности.

Выводы

1. У пациентов с мягкой стадией сосудистой деменции выявленные симптомы связаны преимущественно с поражением глубоких структур головного мозга, относящихся к первому (энергетическому) блоку мозга по А. Р. Лурия: отмечаются нарушения нейродинамических параметров и уровня энергетического обеспечения деятельности (латенция включения в деятельность, инертность и замедленный темп деятельности, истощаемость). Мнестические расстройства представлены патологической тормозимостью следов памяти interfering воздействием и сужением объема запоминания. Также выявлены трудности ориентировки во времени. Нарушений речи, зрительного гнозиса и оптико-пространственной деятельности выявлено не было.
2. У пациентов с болезнью Альцгеймера отмечаются симптомы со стороны переднебоковых структур головного мозга (снижение критичности, сокращение программы деятельности) и глубоких структур (замедление мыслительных процессов, трудности переключения). Ко всему прочему выявлены оптико-пространственные нарушения, снижение беглости речи и номинативные трудности, нарушение ориентировки во времени и в месте. Нарушения памяти представлены патологической тормозимостью следов под воздействием интерференции, сужением объема запоминания и нарушением избирательности при воспроизведении. При этом наблюдается достаточная сохранность зрительного гнозиса. Вышесказанное свидетельствует о вовлечении в патологический процесс преимущественно третьего и первого функциональных блоков мозга при относительной сохранности второго (по А. Р. Лурия).

Литература

- Корсакова Н. К., Балашова Е. Ю., Рощина И. Ф.* Экспресс-методика оценки когнитивных функций при старении // Психологические исследования. 2009. № 3 (5). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 24.08.2019).
- Brookmeyer R., Johnson E.* Forecasting the Global Burden of Alzheimer's Disease // *Alzheimer's & Dementia*. 2007. V. 3. № 3. P. 186–191.
- O'Brien J. T., Thomas A.* Vascular Dementia // *The Lancet*. 2015. V. 386. № 10004. P. 1698–1706.

Гендерная идентичность в контексте исследования личностных особенностей человека

А. Ю. Деткина (Томск)

На сегодняшний день изучение психологии мужчин и женщин является предметом постоянного внимания философов, педагогов, психологов, социологов и других специалистов. Так, например, гендерная психология исследует отличия и сходства поведенческих, эмоциональных, когнитивных и личностных особенностей мужчин и женщин.

Под понятием «гендер» подразумевается социально-биологическая характеристика, с помощью которой люди определяют понятия «мужчина» и «женщина». Гендерные различия, в свою очередь, вызваны врожденными психологическими характеристиками, соответствующими полу, а также определяются влиянием социализации. Поэтому стиль общения и поведение тесно связаны с необходимостью поддерживать принятый культурой нормативный канон маскулинности (мужественности) или фемининности (женственности) (Севелова, 2011).

О. Вейнингер высказывал мнение о том, что разделение полов никогда не бывает совершенно законченным и все особенности мужского пола также имеются и у женского пола, даже в самой слабой степени проявления. В связи с этим появилась концепция андрогинии (*гр. ἀνδρόγυνος* – двуполый) Сандры Бем, согласно которой, мужчины и женщины не обязательно должны соответствовать традиционным моделям и могут сочетать в своем поведении как маскулинные, так и фемининные характеристики (Гонтарь, 2012). Другими словами, под андрогинией понимается баланс, гармоничное сочетание в личности и ее поведении маскулинных и фемининных черт. Эту версию также подтверждают исследователи С. Бем, Р. Джонсон, К. Мартин, по мнению которых, целостную личность характеризует андрогиния, то есть сочетание в поведении маскулинных и фемининных качеств (Романенко, 2015).

Мы предположили, что одним из факторов проявления таких личностных особенностей как альтруизм и эгоизм является гендерная идентичность человека.

Ряд различных ученых относились к эгоизму и альтруизму неоднозначно. Одни окрашивали понятие эгоизма в негативный оттенок, другие рассматривали эгоизм необходимой формой выживания, а альтруизм одной из форм его проявления.

В нашей работе мы опираемся на представления об альтруизме и эгоизме таких авторов как И. Г. Лаверычева и Т. Лири. Эгоизм и альтруизм в характере и поведении отдельного человека выступают как противоположные качества единого психогенетического свойства, которые проявляются не только в зависимости от конкретной ситуации, но и в зависимости от реализации наследственных задатков; в одних и тех же условиях проявления эгоизма и альтруизма у разных людей будут различаться как из-за различий в условиях жизни и воспитания, так и из-за врожденных индивидуальных различий. Считается, что сострадание является центральной реакцией альтруизма, такой человек должен принимать и понимать эмоциональное состояние других, имея свой опыт страданий. Именно такой предпосылкой альтруизму считают в психологии – эмпатию, «вчувствование», или эмпатический перенос и другие комплексные понятия, объединяющие соответствующие чувства и знания, эмоции и смысл. Эгоизм же, в одном случае, можно представить как чувственное безразличие к чужому страданию, невосприятие его и, вследствие этого, отсутствие эмпатии и отсутствие реакции. В другом случае, это может быть прочувствованная и осмысленная реакция, нацеленная на поддержание или даже усиление чужого страдания, которая возникает при наличии знания, опыта и понимания страдания, т. е. при наличии эмпатии. Эмпатия здесь переходит в антипатию и вызывает наиболее выраженную реакцию эгоизма (Левит, 2014).

Гипотеза исследования: одним из факторов проявления таких характерологических особенностей как эгоистичность и альтруистичность является гендерная идентичность человека.

Цель исследования: изучение эгоистичности и альтруистичности как характерологических особенностей гендера.

С целью проверки гипотезы было проведено пилотное исследование на *выборке* в составе 28 человек (14 девушек и 14 юношей), в возрасте от 20 до 24 лет. Все респонденты проживают на территории Томской области и получают на данный момент высшее образование.

Методы исследования

Решение поставленных задач и проверка гипотезы осуществлялись на основании использования комплекса методов исследования, включающего теоретический анализ и синтез психологической литературы по исследуемой проблеме, качественные и количественные методы исследования: беседа, личностные опросники; метод статистической обработки эмпирических данных.

На *первом этапе* нашего исследования была произведена беседа в свободной форме для понимания и выявления особенностей лиц, склонных к эгоистичности и альтруистичности.

Выборку составили 2 человека. Один респондент занимается благотворительностью и волонтерством, является донором, оставляет о себе мнение человека, готового прийти на помощь другим. Второй респондент не занимается бескорыстной помощью другим и не считает ее важной, ставит, прежде всего, удовлетворение своих интересов и считает, что в нашем мире должен быть «каждый сам за себя». В ходе беседы были замечены твердость установок относительно отношений с другими людьми у человека, склонного к эгоистичности, решительность в поступках, целеустремленность и доминантность, что являются маскулинными чертами характера. Человек, отличающийся альтруистичностью, был уравновешен в своих ответах, порой нерешителен в поступках, явных маскулинных черт обнаружено не было.

На *втором этапе* нашего исследования были использован стандартизированный опросник разработанный Т. Лири и модифицированный Ю. А. Решетняк, Г. С. Васильченко, являющийся многоаспектным и направленным на изучение различных личностных особенностей. Был использован, в том числе, для выявления степени выраженности маскулинных, фемининных и андрогинных характеристик в структуре личности.

Статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась с помощью статистической программы IBM SPSS Statistics v. 22.

Выборка была поделена на две группы (мужчины и женщины), в ходе которой была установлена общая тенденция принадлежности индивидов к той или иной гендерной принадлежности. Было выявлено, что 65% юношей имеют выраженные маскулинные черты, 35% – андрогинные. Среди девушек была установлена следующая тенденция: 25% девушек имеют маскулинные черты, 30% феминные, 45% девушек имеют андрогинные черты характера. Результаты позволяют утверждать, что андрогинность находит свое место среди женского пола, тем самым практически вытесняя исключительно феминные характеристики.

Для проверки гипотезы применялся корреляционный анализ Спирмена, в ходе которого была обнаружена статистически достоверная прямая (положительная) корреляционная связь показателя маскулинность с показателем эгоистичность ($r = 0,524$, $p = 0,048$). Полученные результаты позволяют утверждать, что молодым лю-

дям с выраженными маскулинными чертами свойственно эгоистическое поведение. Также была обнаружена корреляция на статистически значимом уровне показателя феминности с показателем эгоистичность ($r = 0,919$, $p = 0,052$). Было установлено, что респондентам, имеющим андрогинные черты характера, свойственно альтруистическое поведение ($r = 457$, $p = 0,043$), нежели эгоистическое.

Описанное пилотажное исследование позволяет нам сделать вывод о том, что лица, совмещающие в себе одновременно как мужские, так и женские черты характера (андрогиния) склонны проявлять альтруистические черты, стремятся помогать и сострадать окружающим. На основе полученных данных «андрогины» более отзывчивы, деликатны, бескорыстны. Тогда как маскулинность и феминность характеризуется проявлением эгоистичности, следовательно, меньшей способностью к эмпатии, сопереживанию другим людям. Возможно, такой результат связан с некоторой ригидностью установок характерных маскулинному или феминному типам.

Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу о зависимости таких личностных характеристик как эгоистичность и альтруистичность от гендерной идентичности человека. Традиционно сложилось, что феминные и маскулинные черты противопоставлялись друг другу, в нашем исследовании была выявлена их общая направленность, заключающаяся в проявлении эгоистичности.

Литература

- Гонтарь Ю. С.* Андрогиния как современное направление развития гендерного исследования студентов факультета социально-культурной деятельности МГУКИ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. С. 194–198.
- Лаверычева И. Г.* Влияние эмпатии на проявления альтруизма и эгоизма // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 160. С. 65–74.
- Левит Л. З., Шевалдышев Е. З.* Эгоизм и альтруизм: «антагонисты» или «братья»? // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 4 (333). С. 62–78.
- Романенко В. О.* К вопросу истории появления в лингвистике терминов гендер, маскулинность, феминность // МОВА. 2015. № 23. С. 79–83.
- Севелова М. А.* Маскулинность и феминность как ключевые категории гендерной теории // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2011. № 5–6. С. 43–47.

Паттерны глазодвигательной активности учащихся с легкой степенью умственной отсталости при чтении текста

*К. В. Диневич, К. А. Скуратова, Е. Ю. Шелепин
(Санкт-Петербург)*

Введение

В условиях гуманизации современного общества, особенно остро встает проблема социальной интеграции детей с нарушениями развития. Согласно ФГОС для детей с УО от 19.12.2014 года, дети с проблемами развития могут рассчитывать не только на то, что школы предоставят им право обучения, практически независимо от тяжести диагноза, но также, что все их особые образовательные потребности будут удовлетворены, к каждому будет найден подход, для максимального развития и социализации. Так как процесс обучения для этих детей достаточно затруднен, необходима адаптация учебного материала к их особенностям развития. Особая потребность в подобных разработках возникает в области обучения чтению. В процессе овладения чтением психическое развитие ребенка стремительно развивается. Обучение чтению умственно отсталых детей дает возможность повысить у них уровень сформированности мыслительных процессов, способствует развитию навыков речевого общения и коммуникации, а это, в свою очередь, позитивно сказывается на процессе социальной интеграции детей.

Известные зарубежные ученые в области психологии и психолингвистики Т. А. Ван Дейк и В. Кинч рассматривают чтение как «активный процесс создания образа текста» (Kintch, van Dijk, 2013). Также в научных источниках мы можем найти определение чтения, как сложного когнитивного процесса, важнейшими компонентами которого является визуальное восприятие текста и извлечение из него информации. Разные читатели могут прочитать один и тот же письменный текст совершенно по-разному. Эти происходят из-за индивидуальных различий, как в жизненном опыте и знаниях, так и в используемых приемах обработки текста. П. Аффлербах, Д. Пирсон и С. Пэрис определяют стратегию, как «совокупность действий, осуществляемых читателем в процессе данной деятельности» (Afflerbach, Pearson, Paris, 2008).

Появление современных технологий регистрации взора при чтении — таких, как используемый в данном исследовании eye tracker, дало возможность ученым наблюдать процесс сканирования текста в режиме on-line (Барабанщиков, Жегалло, 2010). В современных

исследованиях окуломоторной активности при чтении посредством айтрекинга анализируются преимущественно количественные характеристики таких параметров, как фиксации и саккады (Rayner, 1998). Известно, что на длительность, количество и другие параметры фиксаций и саккад влияют не только характеристики текста, но и индивидуальные характеристики читающего (Kaakinen, Hyona, Keenan, 2002). Все это создает значительную индивидуальную вариативность этих показателей.

В настоящее время в нашей стране и за рубежом растет число исследований, посвященных изучению особенностей движений глаз в межличностном восприятии, восприятии текстов, картин и рекламных роликов. Стратегии анализа текстов разной степени сложности изучались у студентов, у младших школьников с нормальным интеллектом, у детей с дислексией, с СДВГ, но не у детей с умственной отсталостью. Тем не менее, мы считаем, что данная группа детей с нарушениями в развитии не должна оставаться вне поля научных интересов современной науки.

Целью нашей работы является изучение паттернов глазодвигательной активности у детей с легкой степенью умственной отсталости.

Гипотеза: дети с легкой степенью умственной отсталости будут иметь особенности глазодвигательной активности, не свойственные детям без нарушения психического развития.

Методы

В группу детей с легкой степенью умственной отсталости (F70) вошел 31 учащийся 3–4 классов (средний возраст 10,8 лет) ГБОУ Школы № 131 Красносельского района Санкт-Петербурга.

Выборка контрольной группы составила 55 учащихся вторых классов (средний возраст 8 лет) ГБОУ гимназия № 505 Красносельского района и ГБОУ СОШ № 567 Петродворцового района Санкт-Петербурга.

При овладении навыком чтения умственно отсталые дети проходят те же этапы, что и дети с нормальным интеллектом, но этот процесс происходит у них значительно дольше. Как правило, в возрасте 8 лет, дети с умственной отсталостью еще только начинают овладевать слоговым чтением, в то время как их нормально развивающиеся сверстники уже способны читать целыми словами, поэтому в нашем исследовании мы постарались сформировать контрольную и экспериментальную группу из детей, находящихся практически на одном этапе формирования навыка чтения.

Для исследования паттернов глазодвигательной активности применялся аппаратный метод регистрации движений глаз. Анализировались следующие параметры: длительность чтения, общее количество фиксаций на тексте, средняя продолжительность фиксаций, средняя амплитуда саккад. Оборудование: айтрекер EyeTech VT3 mini с частотой дискретизации 60 Гц и программным обеспечением MangoldVision. Стимульный текст объемом 55 слов соответствовал по содержанию возрасту испытуемых. Статистическая обработка данных производилась в программной среде R с использованием теста Стьюдента для независимых выборок.

Результаты

Длительность чтения стимульного текста учащимися без нарушений психического развития и учащимися с легкой степенью умственной отсталости статистически значимо различается ($t = -4,50$, $p\text{-value} = 0,000$). Учащиеся без нарушений психического развития прочли текст за $46,08 \pm 14,84$ с; учащимся с легкой степенью умственной отсталости потребовалось $98,84 \pm 64,23$ с.

Учащиеся без нарушений психического развития совершали в среднем по $102,25 \pm 29,85$ фиксаций, среднее количество фиксаций на тексте, совершаемых учащимися с легкой степенью умственной отсталости равно $168,96 \pm 128,85$. Полученные значения статистически значимо различаются ($t = 2,84$, $p\text{-value} = 0,008$).

Средняя продолжительность фиксаций также статистически значимо различается ($t = -5,92$, $p\text{-value} = 0,000$). Учащиеся без нарушений психического развития совершают фиксации средней продолжительностью $388,20 \pm 41,77$ мс; учащимся с легкой степенью умственной отсталости требуется в среднем $589,19 \pm 186,18$ мс на фиксацию.

Средняя амплитуда саккад, совершаемых учащимися без нарушений психического развития равна $118,35 \pm 34,24$ px; средняя амплитуда саккад, совершаемых учащимися с легкой степенью умственной отсталости равна $86,77 \pm 21,60$ px. Различия находятся на статистически значимом уровне ($t = 5,23$, $p\text{-value} = 0,000$).

Обсуждение результатов

У учащихся с легкой степенью умственной отсталости количество и продолжительность фиксаций статистически значимо выше, что может быть обусловлено нарушениями процессов фонематического анализа и поиска графемно-морфемных связей между визуальным представлением букв и их произношением. Данные операции обеспечивают доступ к лексической памяти для распознавания

отдельных элементов слова и обработки слова целиком. Трудности с избирательным вниманием и визуальным восприятием негативно влияют на выше названные процессы, увеличивая продолжительность фиксации и их количество.

Меньшая амплитуда саккад, совершаемых детьми с легкой степенью умственной отсталости может быть связана с узким диапазоном восприятия и ограниченным объемом оперативной единицы чтения.

Выводы

У младших школьников нейрофизиологические механизмы, ответственные за движения глаз во время чтения находятся на ранних этапах своего формирования. Это оказывает влияние на особенности глазодвигательной активности, что наиболее ярко проявляется у детей с нарушениями навыка чтения вследствие легкой степени умственной отсталости, по сравнению с детьми без нарушения навыка чтения.

Литература

- Барабанщиков В. А., Жегалло А. В.* Методы регистрации движений глаз: теория и практика // Психологическая наука и образование. 2010. № 5. С. 240–254.
- Afflerbach P., Pearson P. D., Paris S. G.* Clarifying Differences Between Reading Skills and Reading Strategies // The reading teacher. 2008. V. 61. № 5.
- Kaakinen J. K., Hyona J., Keenan J. M.* Perspective effects on on-line text processing // Discourse Processes. 2002. № 33. P. 159–173.
- Kintch W., van Dijk T. A.* Towards a model of text comprehension and production // Psychological Review. 2013. № 85. 2013. P. 5.
- Rayner K.* Eye movements in Reading and Information Processing: 20 Years of Research // Psychological Bulletin. 1998. V. 124 (3). P. 372–422.

Динамика социально-психологических отношений личности художника на этапе выбора профессиональной деятельности (на материале писем Винсента Ван Гога)

М. М. Дробышева (Москва)

Изучение личности выдающегося художника Винсента ван Гога в контексте его отношений с окружающими опровергает распространенное мнение о нем как «отшельнике». Изменчивость социально-психологических отношений художника в процессе его развития как профессионала свидетельствует о способности адекватно

воспринимать и реагировать на изменяющиеся социальные условия. В то время как в общественном дискурсе присутствуют стереотипы об асоциальном характере личности художника. Так, в одном из наших исследований было обнаружено, что в обыденном сознании наших современников образ Ван Гога имеет трехфакторную структуру: оригинальность идей, неуравновешенность поведения и социальные качества. Причем последний из факторов включает такие характеристики художника как склонность к одиночеству, узкий круг друзей, источник раздражения для окружающих и т. п. (Дробышева, 2014).

При выборе изучаемого феномена (социально-психологических отношений) опирались на взгляды исследователей, считающих, что психологические отношения «выступают не просто результатом субъективного отражения объективного мира вещей и связей между ними, но сущностными характеристиками самореализующегося в изменяющихся условиях субъекта» (Позняков, 2013). Они выражают субъективную оценку объектов отношений и позицию субъекта в системе связей с окружающими людьми (там же). На данном этапе нашего исследования социально-психологические отношения будут пониматься как «психологические отношения, возникающие между людьми в процессе жизнедеятельности, взаимодействия и общения» (там же).

Будучи социально-психологическими характеристиками личности, изучаемые отношения опосредствованы содержанием взаимодействия с другими людьми. Таким образом мы *предположили*, что социально-психологические отношения личности художника изменяются на каждом этапе его профессионального развития в зависимости от личностных и профессиональных кризисов, вызванных особенностями взаимодействия художника с окружающими людьми (художниками, друзьями, родными, женщинами, значимыми Другими), его субъективными переживаниями успехов и неудач в освоении профессии, его болезнями, трудностями бытовых условий жизни и т. п. Все они выступают в качестве внешних и внутренних факторов изучаемых отношений.

Целью исследования стало выявление динамики отношений художника к себе, другим, профессии на конкретном этапе профессионального пути.

Посредством анализа работ биографов и искусствоведов нами были выделены следующие этапы профессионального развития личности художника: «Выбор профессиональной деятельности», «Профессиональное становление», «Расцвет творчества» (он включал два периода: «Вхождение в профессиональное сообщество» и «Пик

профессиональной деятельности»), «Кризис», «Признание мирового сообщества» (Дробышева, 2014). Ниже будет представлена часть результатов исследования первого этапа — «Выбор профессиональной деятельности» (1873–1880 гг.).

По данным биографов Ван Гога (Н. Дмитриева, Д. Азио, С. Найфи и др.) в исторический период, отнесенный нами к этапу «Выбора профессиональной деятельности», Винсент был озабочен вопросами выбора профессии, поиском своего предназначения. В Амстердаме он безуспешно пытался поступить на богословский факультет, но разочаровался в своих возможностях и отправился в Лакен, в школу для подготовки проповедников. Однако там будущий художник пробыл недолго. Он оказался слишком непокорным и упрямым. Родители отправили Винсента в Боринаж с целью получения опыта работы проповедником. В Боринаже Ван Гог окончательно разочаровался в религии. Он настолько проникся сочувствием к шахтерам, сопереживал их трудным условиям жизни, что отдавал им последнее из того, что у него было. Винсент разочаровался в профессии проповедника, считая, что простым людям нужна действенная помощь. Значимым фактором профессионального выбора Ван Гога стало его взаимодействие в Боринаже с пастором Питерсеном, который сам увлекался живописью. Пастор посоветовал Винсенту с тем же рвением, с которым он помогает углекопам и нищим, заниматься рисованием. Именно это событие стало ключевым в принятии решения Ван Гога о выборе профессиональной деятельности.

С целью изучения динамики социально-психологических отношений Ван Гога использовали материал его *эпистолярного наследия* (письма Ван Гога к Тео). В качестве метода исследования применяли метод контент-анализа писем, а также качественный анализ полученных данных. Матрица контент-анализа включала следующие категории: *отношение художника к себе* (Я–Я Другой), *к близким ему людям* (в первую очередь, к брату Тео, родителям), *к женщинам*; *к работе* (как процессу, определенному действию), *к творчеству*, *к жизненным ценностям*. В качестве подкатегорий приняли модальности отношений (позитивные, негативные, нейтральные). За единицу контент-анализа приняли *словосочетание* или *короткое предложение*. Всего было проанализировано 38 писем, 9 из которых отнесли к этапу «Выбор профессиональной деятельности».

Результаты исследования

Тексты писем периода проживания Ван Гога в *Амстердаме* (май 1877–июль 1878) включали 424 ед. анализа, из которых 51 ед. анализа (при-

мерно 12% текста) отражали позитивное отношение Ван Гога: к своим близким, к себе, к работе, творчеству, значимым другим людям, к женщинам. Такое отношение Ван Гога к другим и себе объяснялось тем, что в процессе самоопределения у него появилась перспектива поступления на богословский факультет и реализация сформулированной им жизненной цели — служение людям. Содержание писем отражало поиск Ван Гогом смысла жизни («и все же я иду вперед...», «цель — найти определенное занятие и профессию» и т. п.). В его мировосприятии преобладали надежды на лучшее, стремление развиваться. Он был благодарен своим близким, семье за то, что они одобрили его жизненный выбор, поддержали Винсента в этот сложный период. Наряду с этим письма периода проживания в Амстердаме включали не только позитивные, но и негативные оценки (18 ед. анализа; 4,5% текста). В первую очередь, в отношении Винсента к себе (Я—Я Другой). В содержании этих писем проявились гиперчувствительность Ван Гога, его внутриличностный конфликт между своим «дурным Я» и «Я идеальным», критическое отношение к себе, установка на нравственную оценку своих поступков. В целом, в письмах этого периода прослеживалась его устремленность к максимальной реализации своей мечты посредством упорного труда, потребность в познании.

Следующий анализируемый период в жизни Ван Гога был связан с обучением в *Лакене* (рядом с Брюсселем) (июль—ноябрь 1878). Тексты писем включали 238 ед. анализа, 20 из которых (около 8,5% анализируемого текста) отражали позитивное отношение Ван Гога к себе (своих возможностей в реализации жизненных целей). Незначительный процент текста (3 ед. анализа; 1,2%) характеризовал критичное отношение Винсента своих первых рисунков. Такая заметная разница в модальности отношения к себе связана, по-видимому, с тем, что Ван Гог ощущал себя нужным людям, видел свое призвание в проповеднической деятельности, был воодушевлен этим. В содержании писем отражалась высокая требовательность Винсента к профессии проповедника, его уверенность в правильности выбранного им пути и своем предназначении, что указывало на его достаточно высокую самооценку. Его отношение к другим людям характеризовалось сочувствием, эмпатией, сопереживанием, стремлением облегчить их бедственное положение.

В текстах проанализированных писем Ван Гога, написанных в период проживания им в *Боринаже* (ноябрь 1878—октябрь 1880), из 520 ед. анализа 27 единиц (5,2%) отражали позитивное отношение Винсента к себе (оценки своих возможностей как художника), к труду, другим людям. В письмах прослеживался противоречивый харак-

тер его жизненных ценностей: значимость дружбы, любви, привязанности, с одной стороны, и потребность пребывать наедине с собой, с другой. Чуть больший процент текста писем (32 ед. анализа; 6,15%) включал оценки художником своего состояния переживания кризиса самоопределения. Ван Гог начал осознавать, что выбранный им путь не соответствует его призванию, а действия, направленные на помощь нуждающимся шахтерам, не дают ощутимого результата. Его негативные оценки себя и других были обусловлены сложными условиями быта (аскетический образ жизни), физическим истощением, потерей поддержки семьи. Следствием этого явилось его разочарование в религии, выраженное в депрессивном состоянии.

Итак, на протяжении всего этапа «Выбор профессиональной деятельности» наибольшей динамичностью характеризовалось отношение художника к себе: от полной безнадежности, самоистязания, строгой критики, до уверенности в собственных силах, выбранном пути и последующем успехе. Отношение к близким ему людям изменялось в зависимости от ситуации взаимодействия. Оно характеризовалось как благодарностью за поддержку, так и обвинением в непонимании его положения. Переживаемый художником кризис отношения к себе, своему предназначению может быть рассмотрен как фактор, способствующий переходу Ван Гога на следующий этап его профессионального развития.

Литература

Ван Гог В. Письма к брату Тео. СПб.: Азбука, 2011.

Дробышева М. М. Образ гениальной личности Винсента Ван Гога в представлениях россиян: сравнительный анализ в разных социальных группах // Научно-практический журнал «Приволжский научный вестник. Арзамасские чтения – 3». Арзамас, 2014. С. 111–117.

Позняков В. П. Развитие теории отношений в отечественной социальной психологии // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 4. С. 30–35

Научная школа Г. И. Челпанова как предмет историко-психологического исследования

Л. Д. Дубровская (Иркутск)

На современном этапе развития психологической науки проблема изучения научных школ становится все более актуальной. С одной стороны, необходимость таких исследований обусловлена тем,

что они позволяют обратиться к реальному процессу развития науки в ее социальном контексте, раскрывая значение взаимодействия между членами научной группы. Данный подход реализуется в историко-психологических работах О. А. Артемьевой (Артемьева, 2009). С другой стороны, эти исследования можно рассматривать как ответ, вызванный современным состоянием психологической науки. Как замечает в этой связи Н. А. Логинова, «научные школы растворяются в потоке сиюминутных заказных исследований... Ушли из жизни основатели старых научных школ, а новых что-то не видно» (Логинова, 2000). Со снижением числа научных школ ослабляется преемственность в науке, прекращается «передача эстафеты знаний», о которой писал М. Г. Ярошевский, наука перестает существовать как социально-историческая система (Ярошевский, 1977). Обращение к истории психологии, ведущих научных школ позволяет извлечь уроки эффективной организации науки на современном этапе.

Одним из ведущих центров психологии XX столетия являлась научная школа Г. И. Челпанова. На заре своего развития она была представлена деятельностью психологической семинарии, сначала при Киевском, а затем при Московском университетах. Впоследствии материальной базой школы стал первый в России Психологический институт имени Л. Г. Шукиной, открытый при Императорском Московском Университете в 1914 году. В соответствии с типологией научных школ М. Г. Ярошевского, школу Г. И. Челпанова можно рассматривать на первом этапе ее существования как научно-образовательную школу, а в последствии – как школу-исследовательский коллектив (Богданчиков, 2008). Среди учеников Г. И. Челпанова были такие известные психологи как К. Н. Корнилов, П. П. Блонский, Б. М. Теплов, Н. А. Рыбников, В. М. Экзеплярский. Обращение к опыту их совместной научной деятельности в Психологическом институте позволяет говорить о функционировании научной школы.

С точки зрения историко-психологического исследования истории научной школы Г. И. Челпанова представляет несомненный интерес не только как яркий пример создания благоприятной среды и организации исследовательской группы для развития психологической науки, но и как пример острых противоречий, возникших между учителем и учениками, вылившихся в острую дискуссию. Проведенный анализ показал, что проблеме изучения школы Г. И. Челпанова посвящено множество историко-психологических исследований. Однако по справедливому замечанию С. А. Богданчикова, в большинстве из них предметом пристального внимания исследователя является не сама школа, а личность Г. И. Челпанова. Бес-

спорно, его вклад в формирование и развитие школы нельзя игнорировать, но и нельзя сводить деятельность школы исключительно к деятельности ее лидера (Богданчиков, 2008). То же самое можно сказать в отношении учеников Челпанова. Подобные исследования не отражают в полной мере характер отношений и связей между учеными — членами исследовательской группы, который играет существенную роль в развитии науки в целом. Поскольку благодаря этим связям, по мнению М. Г. Ярошевского, школы в науке выполняют образовательную и собственно исследовательскую функции (Ярошевский, 1977). Ученики осваивают мастерство исследования, присущее конкретному учителю, развивают его идеи. В то же время научная школа дает возможность осуществления самостоятельного исследования, предоставляя материальную базу и побуждая к открытию нового.

В данном исследовании мы предприняли попытку выделить основные аспекты анализа научной школы Г. И. Челпанова в отечественной истории психологии. Мы проанализировали публикации, посвященные школе Г. И. Челпанова, которые размещены в электронных базах данных: elibrary, cyberleninka, каталог РГБ.

Проведенный анализ позволил выделить пять основных аспектов анализа научной школы Г. И. Челпанова современными отечественными исследователями. Первый подход представлен работами, посвященными личности лидера школы. Этот вопрос обсуждается, например, в статьях А. Н. Ждан «Профессор Московского университета Георгий Иванович Челпанов» (2012), Т. Д. Марцинковской и М. Г. Ярошевского «Неизвестные страницы творчества Г. И. Челпанова» (1999), И. В. Гладковой «Г. И. Челпанов: портрет на фоне эпохи (к 140-летию со дня рождения)» (2002) или Е. Б. Бочаровой, В. С. Воробьевой «Малоизвестные страницы жизни Г. И. Челпанова: к 150-летию со дня рождения» (2012) и многих других. В этих работах освещаются различные периоды жизни и творчества Г. И. Челпанова. Подробный биографический очерк представлен в статье Е. П. Гусевой и О. П. Серовой «К 150-летию со дня рождения Георгия Ивановича Челпанова» (2012). Вкладу Г. И. Челпанова в психологическую науку посвящена диссертация Л. А. Дубровиной (1995).

Вторая группа работ отражает проблему научного руководства в школе Г. И. Челпанова. К этому подходу можно отнести статьи О. В. Ракитиной, в которых анализируются стиль научного руководства и личность лидера как научного руководителя (2018). Также приводится сравнительный анализ данной школы с школами И. П. Павлова и В. М. Бехтерева (2016). Данная тема раскрыта в ста-

тье С. А. Богданчикова «Научно-организационная деятельность Г. И. Челпанова» (1998), где отражен начальный этап развития школы при кафедре философии Киевского университета.

К третьему подходу можно отнести ряд статей, посвященных анализу школы Г. И. Челпанова в контексте психологической дискуссии 1923–1924 гг. Например, статьи И. В. Гладковой «Дискуссия «марксизм в психологии»: позиция Г. И. Челпанова» (2017), С. А. Богданчикова «Почему был уволен Г. И. Челпанов? (Историография одного факта)» (1996), Е. Б. Бочаровой, В. С. Воробьева «Революционный разлом в отечественной психологии 1923 года – первая атака на Г. И. Челпанова: некоторые исторические комментарии» (2014).

Можно выделить еще один подход, представленный статьями, посвященными научной деятельности Психологического института РАО. Примером может послужить статья М. Г. Ярошевского «Две научные школы в отчем доме психологов России» (1999), в которой рассматривается деятельность научных школ Челпанова и Выготского.

Ряд работ посвящен ученикам школы Челпанова. Стоит отметить, что исследования, отражают деятельность как более известных учеников, к примеру, статья В. Г. Степанова «К. Н. Корнилов основоположник отечественной материалистической психологии (ученый, организатор, педагог)» (2014), так и менее известных – Н. Ю. Стоюхина «Психолог И. Н. Дьяков – ученик профессора Г. И. Челпанова: один из многих» (2013).

Целостный анализ различных аспектов функционирования научной школы Г. И. Челпанова представлен в работах С. А. Богданчикова. В частности, в монографии «Открывая Г. И. Челпанова (Г. И. Челпанов и его школа в контексте истории российской психологии: исследования и материалы)» (2013).

Результаты проведенного анализа позволяют говорить о наличии возрастающего научного интереса к различным аспектам функционирования научной школы Г. И. Челпанова. Основными направлениями современных исследователей является: изучение личности лидера; исследование научного руководства; анализ в контексте психологической дискуссии 1923–1924 гг.; исследования, посвященные юбилеям и научной деятельности Психологического института РАО; изучение деятельности учеников научной школы. Выявленные нами тенденции требуют дальнейшего более тщательного изучения, с привлечением более широкого круга источников, их качественного анализа и экспертной оценки.

Литература

- Артёмьева О. А.* Методологические основы изучения социально-психологической детерминации развития психологии. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009.
- Богданчиков С. А.* Сквозь время: школа Г. И. Челпанова в ее развитии, основных чертах и историческом значении // *Методология и история психологии*. 2008. Т. 3. Вып. 2. С. 33–50.
- Логина Н. А.* Феномен ученичества: приобщение к научной школе // *Психологический журнал*. 2000. № 5. С. 106–111.
- Ярошевский М. Г.* Логика развития науки и научная школа // *Школы в науке: сборник статей / Под ред. С. Р. Микулинского и др. М., 1977. С. 7–96.*

Когнитивные стили в разноуровневых свойствах индивидуальности

Т. А. Дудникова (Москва)

Когнитивный стиль – это относительно устойчивые процессуальные особенности познавательной деятельности, которые характеризуют своеобразие способов получения и переработки информации, используемых субъектами познавательных стратегий, а также способов воспроизведения информации и способов контроля. Таким образом, когнитивные стили характеризуют типические особенности интеллектуальной деятельности. Они понимаются как формы интеллектуальной активности более высокого порядка по сравнению с традиционно описываемыми особенностями познавательных процессов.

Анализ литературных источников показывает, что когнитивный стиль как психологическое образование высшего порядка включает в себя не только способы приема и переработки сенсорной информации, поступающей из предметного мира, но и информацию, отражающую межличностный мир общения, мир самоощущения и внутренний мир личности – смысловые, мотивационные и многие другие глубинные особенности человека (Русалов, Волкова, 2015).

М. А. Холодная в своих исследованиях указывает на квадриполярность когнитивных стилей: многие стилевые полюса фактически «расщепляются», маскируя различные психологические подтипы испытуемых. Например, полюс импульсивности скрывает быстрых/точных и быстрых/неточных испытуемых, существенно различаю-

шихся по своим психологическим характеристикам, полюс когнитивной простоты — испытуемых с глобальным и интегрированным типом организации когнитивной сферы и т. п. (Холодная, 2004).

Активность — одна из важнейших характеристик темперамента. Это не только общая моторика, но и двигательное поведение, умственная деятельность, общение, являющаяся не только свойством темперамента, но и наиболее общим детерминантом общих способностей. Активность описывает особенности интенсивности и длительности поведенческих актов, обеспечивающих оптимальный уровень активации.

Эмоциональность, согласно Небылицыну (Небылицын, 1971) — обширный комплекс свойств и качеств, характеризующих особенности возникновения, протекания и прекращения разнообразных чувств, аффектов и настроений. Сюда включается все, начиная от впечатлительности до преобладания одного из настроений (радость, гнев, страх, печаль). Эмоциональность выражает отношение человека к предметному миру, себе и обществу. Эмоциональность выражается в легкости возникновения аффективной реакции и оценивается по ее интенсивности.

Активность и эмоциональность — необходимый компонент, включаемый в более высокоорганизованные психические структуры.

Опираясь на вышеизложенное, можно рассматривать активность и эмоциональность в качестве ключевых факторов, обуславливающих сравнительное преимущество индивидуальности.

Е. В. Волкова и В. М. Русалов в своем исследовании показали, что «количество достоверных корреляций когнитивных стилей с показателями темперамента, значимо выше, чем с показателями темперамента, что свидетельствует о дифференциации когнитивных стилей на уровне черт характера» (Русалов, Волкова, 2015).

Сбор эмпирических данных проводился с 2017 по 2018 год на добровольной основе с соблюдением общепринятых этических норм организации психологического исследования. Исследование проводилось после занятий, в большой и светлой аудитории в весеннем семестре. Участникам исследования были розданы бланки с инструкцией и стимульным материалом. Исследователь отвечал на вопросы в случае их возникновения. Для снижения социальной желательности участники не указывали своих фамилий, а только возраст и пол.

Для участия в исследовании были приглашены 616 человек из разных сфер деятельности (46% мужчин и 54% женщин), из разных городов: Таганрог, Кострома, Пермь. Минимальный возраст респондентов — 18 лет. Максимальный — 46 лет. Средний возраст выборки

24,8±6,2. Соотношение мужчин и женщин в выборке соответствует соотношению в генеральной совокупности.

Методический комплекс исследования состоял из:

- 1) опросник когнитивных стилей (CPQ, Rusalov, Volkova, 2016) – полнезависимость (ПЗ), полнезависимость (ПНЗ), узкий диапазон эквивалентности (УДЭ), широкий диапазон эквивалентности (ШДЭ), гибкость познавательного контроля (ГИБ), ригидность познавательного контроля (РИГ), импульсивность (ИМП), рефлексивность (РЕФ), конкретная концептуализация (КОНКОН), абстрактная концептуализация (АБСКОН), толерантность к нереалистическому опыту (ТОЛ), нетолерантность к нереалистическому опыту (НЕТОЛ);
- 2) опросник формально-динамических свойств индивидуальности (показатели темперамента в психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной сферах) (Русалов, 2004);
- 3) опросник фундаментальных свойств личности (экстраверсия/интроверсия, нейротизм, психотизм) Айзенка, русская модифицированная и адаптированная версия (Слободская, Князев, Сафронова, 2006);
- 4) опросник черт характера (Русалов, Манолова, 2003) – гипертимность, застревание, эмотивность, педантичность, тревожность, циклотимность, демонстративность, возбудимость, дистимность, экзальтированность;
- 5) модифицированные версии опросников мотивации достижения (Volkova, Rusalov, Nilopets 2018) и выбора профессии – доступность профессии и ее ценность;
- 6) тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой (Леонтьев, Рассказова, 2006).

Для математической обработки данных использовался пакет IBM SPSS Statistic 22.0: парные корреляции, дескриптивный анализ данных (среднее, медиана, дисперсия, стандартная отклонения, минимум, максимум, асимметрия, эксцесс), парные корреляции, иерархическая кластеризация (метод Ward), дисперсионный анализ (ANOVA, критерий Шеффе), автоматизированное линейное моделирование.

Было выявлено сравнительное преимущество высокоактивных респондентов по сравнению с высокоэмоциональными, проявляющиеся в более высокой жизнестойкости.

Также было показано, что более высокая эмоциональность ведет к нивелированию сравнительных преимуществ высокой активности.

Было выявлено, что Активность воспроизводится:

- на уровне черт характера – в Гипертимности и Педантичности;
- на когнитивно-стилевом уровне – в Гибкости познавательного контроля;
- на уровне жизнестойкости – в росте показателей Вовлеченности и Контроля.

В то время как Эмоциональность воспроизводится:

- на уровне черт характера – в Эмотивности, Застревании, Тревожности;
- на когнитивно-стилевом уровне – в Конкретной концептуализации, Узком диапазоне эквивалентности, Импульсивности и Нетолерантности;
- на уровне жизнестойкости – в снижении показателей Контроля, Риска и Вовлеченности.

Как известно когнитивные стили абстрактная концептуализация, полнезависимость, гибкость познавательного контроля чаще встречается у более активных респондентов, в то время как полнезависимость и импульсивность часто соотносятся с высокими показателями эмоциональности (Русалов, 2012).

Взаимодействие гибкости и педантичности контроля, как выражение высокой активности, может проявляться в гибкости познавательного. Взаимосвязь тревожности и эмотивности, по-видимому, обуславливают проявление таких когнитивных стилей как конкретная концептуализация и узкий диапазон эквивалентности.

Активность отражается на уровне черт характера в гипертимности и педантичности, далее проявляется в гибкости познавательного контроля, обеспечивающей более высокий рост показателей жизнестойкости таких как контроль и вовлеченность. Эмоциональность на уровне черт характера проявляется в эмотивности, застревании и тревожности, которая на когнитивно-стилевом уровне проявляются в нетолерантности, конкретной концептуализации, узкого диапазона эквивалентности и импульсивности. Далее нетолерантность проявляется в снижении показателя жизнестойкость – вовлеченности; взаимодействие нетолерантности и узкого диапазона эквивалентности, по-видимому, ведет к уменьшению показателя жизнестойкости – риска; взаимосвязь конкретной концептуализации и импульсивности обуславливает уменьшение показателя жизнестойкости – контроль.

Литература

- Небылицын В. Д. Актуальные проблемы дифференциальной психобиологии // Вопросы психологии. 1971. № 6. С. 13–26.
- Русалов В. М., Волкова Е. В. Личностно-когнитивные стили и их связь с темпераментом и характером человека в период ранней юности // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 5. С. 32–42.
- Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.

Признаки психологического благополучия у мужчин и женщин с разным уровнем посттравматического стресса

Е. Н. Дымова (Москва)

В науке психологическое благополучие рассматривается как интегральный показатель степени направленности человека на личностный рост, самопринятие, на способность быть компетентным в управлении повседневными делами, а также противостоять социальному давлению, иметь в жизни цели (Шевеленкова, Фесенко, 2005).

Оценивая психологическое благополучие необходимо учитывать, с одной стороны, внутренние условия, порождающие психологические проблемы человека (эмоциональные, коммуникативные, когнитивные), а с другой – влияние внешних социальных факторов (стрессоров), вызывающих снижение психологического благополучия.

Цель исследования – анализ различий в признаках психологического благополучия у женщин и молодых мужчин с разным уровнем посттравматического стресса и психопатологической симптоматики.

Исследовательские гипотезы:

1. Уровень посттравматического стресса и выраженность психопатологической симптоматики выше у девушек по сравнению с этими же показателями у мужчин.
2. При высоком уровне посттравматического стресса между девушками и мужчинами имеются различия в признаках психологического благополучия, при низком стрессе различия отсутствуют.

В ходе исследования использовались следующие *методики*:

1. Миссисипская шкала для оценки посттравматических реакций (МШ, гражданский вариант) – Mississippi Scale (Keane, Caddell, Taylor, 1995) в адаптации Н. В. Тарабриной с соавт. (2007);

2. Опросник оценки выраженности психопатологической симптоматики – Symptom Check List-90-r-Revised – SCL-90-R (L. Derogatis et al., 1983), в адаптации Н. В. Тарабриной с соавт. (2007);
3. Шкалы Психологического Благополучия (The scales of psychological well-being – ШПБ) (Ryff, 1989), в адаптации П. П. Фесенко и Т. Д. Шевеленковой;

Участниками исследования (n = 151 человек) выступили мужчины (n = 99) и девушки (n = 52) в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст 20 лет), проходящие обучение на 2–3 курсе бакалавриата в учебных заведениях г. Москвы и Московской обл.

Результаты исследования

Проведенный анализ выявил, что распределение показателей методик Шкалы психологического благополучия (ШПБ) и Миссисипская шкала – гражданский вариант (МШ) значительно отличаются от нормального ($p < 0,05$). Таким образом, при помощи расчета коэффициента ранговой корреляции r Спирмена был проведен анализ корреляционных связей между изучаемыми переменными, который установил, что существует значимая корреляционная связь между большинством Шкал психологического благополучия, психопатологической симптоматикой и индексом посттравматического стресса. Это позволило перейти к следующему этапу исследования.

В соответствие с гипотезой № 1 был проведен анализ различий показателей посттравматического стресса (ПТС) и психопатологической симптоматики между группами девушек и молодых мужчин. Было показано, что в группе девушек в целом более высокая выраженность психопатологической симптоматики, чем в группе мужчин. А именно, имеются значимые различия по шкалам: «Соматизация» ($U = 1651,50$, $p = 0,0005$) (головные и другие боли, дискомфорт и другие соматические компоненты тревожности); «Межличностная сензитивность» ($U = 1845$, $p = 0,007$) (самоосуждение, беспокойство, дискомфорт в межличностном взаимодействии); «Депрессия» ($U = 1784$, $p = 0,003$) (отсутствие интереса к жизни, недостаток мотивации, потеря жизненной энергии, чувства безнадежности и т. п.); «Тревожность» ($U = 1842,5$, $p = 0,006$) (нервозность, напряжение, дрожь, приступы паники); «Фобическая тревожность» ($U = 1868$, $p = 0,009$) (стойкая реакция страха на определенных людей, места, объекты или ситуации); «Психотизм» ($U = 2010,50$, $p = 0,041$) (избегающий, изолированный, шизоидный стиль жизни), а также общим показателем на-

личия симптоматического дистресса (PSDI) ($U = 2002,50$, $p = 0,038$) и общим индексом тяжести симптомов (GSI) ($U = 1802$, $p = 0,004$). Однако, по уровню посттравматического стресса между девушками и мужчинами значимых различий не обнаружено ($U = 2088$, $p = 0,057$).

Для более детального анализа, группы девушек и мужчин были разделены на подгруппы с высоким и низким уровнем посттравматического стресса. В подгруппы с высоким уровнем посттравматического стресса вошли 27 девушек и 43 мужчины со значениями выше 83 по методике Миссисипская шкала, респонденты, чьи значения ниже 82 (25 девушек и 53 мужчины) составили подгруппы с низким уровнем посттравматического стресса.

Было выдвинуто предположение, что при высоком уровне посттравматического стресса имеются значимые различия в признаках психологического благополучия между группами респондентов, в отличие от групп с низким уровнем ПТС. Для проверки данной гипотезы был проведен анализ различий по показателям методики ШПБ между группами с высоким уровнем ПТС и с низким.

Результаты показали, что в подгруппах с высоким уровнем ПТС существуют различия по таким Шкалам психологического благополучия как: «Позитивные отношения с окружающими» ($U = 356$, $p = 0,006$), «Управление окружающей средой» ($U = 381,50$, $p = 0,016$), «Самопринятие» ($U = 345,5$, $p = 0,0045$), и итоговым показателем психологического благополучия ($U = 352,5$, $p = 0,006$).

Девушки отличаются большим наличием близких, доверительных отношений с окружающими, желанием проявлять заботу о других людях, способностью к эмпатии и близости. Мужчины же реже готовы находить компромиссы во взаимоотношениях и следовать им. Испытывают трудности в проявлении теплоты, открытости и заботы о других людях. Исследование показало, что чем выше уровень посттравматического стресса, тем ниже показатели у мужчин по шкале «Позитивные отношения с окружающими». Относительно шкалы «Управление окружающей средой» у мужчин показатели выше, чем у девушек, они отличаются чувством уверенности и компетентности в управлении повседневными делами, способностью эффективно использовать различные жизненные обстоятельства, умением самому выбирать и создавать условия, удовлетворяющие личностным потребностям и ценностям. Девушки же, в свою очередь, отличаются поддержанием позитивного отношения к себе, признанием и принятием всего собственного личностного многообразия, включающего свои как хорошие, так и плохие качества, а также позитивной оценкой своего прошлого.

В группах мужчин и женщин с низким уровнем посттравматического стресса по признакам психологического благополучия имеются различия исключительно по шкале «Личностный рост» ($U = 449$, $p = 0,010$). Девушкам с низким уровнем посттравматического стресса более характерно чувство непрерывного саморазвития, отслеживание собственного личностного роста и ощущение самосовершенствования с течением времени, чем мужчинам.

Анализ результатов показал, что при сравнении групп девушек и молодых мужчин с высоким уровнем посттравматического стресса существуют значимые различия по многим признакам психологического благополучия, между тем, как при сравнении групп с низким уровнем, различий практически не выявлено. Данный результат в целом подтверждает исследовательские гипотезы, что выраженность психопатологической симптоматики выше у девушек по сравнению с молодыми людьми, а также, что при высоком уровне посттравматического стресса имеются значимые различия в признаках психологического благополучия между девушками и мужчинами, при низком же уровне ПТС различия практически отсутствуют.

Литература

- Марищук Л. В., Пыжьянова Е. В.* Удовлетворенность качеством жизни как критерий психологического здоровья // Психология XXI века: материалы междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых, Санкт-Петербург, 24–26 апреля 2008 г. / Науч. ред. Н. В. Гришина. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008.
- Табрина Н. В., Агарков В. А., Быховец Ю. В., Калмыкова Е. С., Макаручук А. В., Падун М. А., Удачина Е. Г., Химчян З. Г., Шаталова Н. Е., Щепина А. И.* Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч. 1. Теория и методы. М.: Когито-Центр, 2007.
- Табрина Н. В., Быховец Ю. В., Казымова Н. Н.* Специфика психологического благополучия в группах респондентов с различной интенсивностью переживания террористической угрозы // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2012. № 2 (22).
- Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П.* Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.

Структура стратегии коллективного символического копинга у лиц, потерявших работу*

Т. П. Емельянова, Т. В. Дробышева, Д. А. Шмидт (Москва)

В исследованиях социально-психологических феноменов больших социальных групп в традициях французской концепции С. Московичи понятие символического копинга (collective symbolic coping) разрабатывалось австрийским социальным психологом Вольфгангом Вагнером. Ученый писал, что для правильного поведения и коммуникации понимание социального объекта сообществом достигается посредством дискурсивной разработки системы смыслов, то есть посредством символического копинга (Wagner, 1998).

Разработанная Вагнером концепция коллективного символического копинга успешно применялась для анализа механизма ментального освоения публикой тревожащих социальных явлений (Wagner, 2002, 2010). Символический копинг для данной социальной группы — это не избираемая стратегия поведения, а своего рода общая ментальная установка на совладание, абстрактное намерение, типичное для представителей группы.

Предыдущие исследования показывают, что в периоды общественной турбулентности большие социальные группы переживающие проблемы, особенно остро испытывают потребность в психологической поддержке, осмыслении ситуации и подтверждении позитивного образа собственной группы (Емельянова, Дробышева, 2013, 2015).

Методология

Исследование проводилось методом контент-анализа форумов по проблеме безработицы и трудоустройства. Анализировались 7 веток обсуждений ситуации потери работы на различных форумах. Временные рамки публикаций: первый этап — с 2016 г. по апрель 2018 г., второй — с сентября 2018 г. по апрель 2019 г. Объем анализируемого контента составил 26000 и 32000 знаков соответственно (разница вызвана количеством реплик в одной ветке обсуждения). Выбор временных рамок публикаций был обусловлен необходимостью определить, изменились ли тематика и эмоциональный тон обсуждений после пенсионной реформы. Все единицы анализа, касающиеся переживаний ситуации потери работы, были закодированы

* Исследование финансируется РФФИ по проекту № 17-06-00488 «Особенности экономической социализации в условиях потери работы: коллективный символический копинг у представителей социально-экономических профессий».

в категории; в каждой было выделено от двух до тринадцати подкатегорий в зависимости от разнообразия высказываний.

Результаты и их интерпретация

В категории эмоции в рамках обоих этапов исследования были выделены две подкатегории: негативные эмоции и позитивные. В целом в ходе двух этапов исследования было выявлена схожая картина эмоций. В обоих массивах наблюдается количественный перевес высказываний в сторону негатива. На первое место, как и до пенсионной реформы, выходит страх, который имеет разную степень выраженности: от беспокойства до панических атак. Следствием страха часто становится прокрастинация, откладывание важных решений.

Как и прежде, довольно часто форумчане рефлексируют отчаяние. Распространенной стратегией поведения в подобной ситуации становится снижение планки требований к вакансии и работодателю. Участники форумов также рефлексируют у себя обиду и злость (в основном, на работодателей); безрезультатная борьба вызывает усталость. Позитивные эмоции встречались довольно редко. Некоторые участники форумов демонстрировали надежду и оптимизм, желание работать и уверенность в своих силах.

Во второй категории — «отношение к ситуации» в рамках второго этапа исследования было выделено пять подкатегорий. Три подкатегории повторяются: это «констатация отсутствия работы», «обсуждение квалификации», а также «роль неформальных связей в поиске работы». Новыми оказались категории «ситуация накануне увольнения», а также «прогноз на будущее».

Наполнение повторяющихся подкатегорий в первом и втором массивах пересекаются. К примеру, в подкатегории «констатация отсутствия работы» встречаются оценки общей экономической ситуации в стране, жалобы на нехватку как рабочих мест в целом, так и хорошо оплачиваемых вакансий. В подкатегории «обсуждение квалификации» участники исследования затрагивают две проблемы: 1) невозможность устроиться на работу без опыта в соответствующей сфере; 2) невозможность для соискателей с хорошим образованием и опытом устроиться на вакансии, не требующие высокой квалификации.

Во время первого этапа исследования количество высказываний в подкатегории «роль неформальных связей в поиске работы» была не слишком значительной. В ходе второго этапа эта тема обсуждалась довольно подробно и эмоционально. Аудитория разделилась

на два лагеря: одни придерживаются мнения об определяющей роли «блата» в трудоустройстве, другие транслируют прямо противоположное мнение.

В подкатегории «ситуация накануне увольнения» форумчане обсуждают несправедливость на работе, а также жалуются на психологическую усталость от конкретной должности. Некоторые участники высказывают мнение, что работа, не приносящая удовольствие — это норма, с которой нужно смириться.

В подкатегории «прогноз на будущее» встречается только негативная коннотация: с приближением возраста соискателей к 40–45 годам ожидается уменьшение шансов на трудоустройство.

Наиболее многочисленной снова оказалась категория «действие», что показывает, что участники форумов обсуждают беспокоящие их вопросы именно с целью нахождения решения. В категории было выделено тринадцать подкатегорий, десять из которых встречались и до весны 2018 года, что позволяет выделить ядерные стратегии символического копинга, мало меняющиеся с контекстом:

1. Использование связей (в том числе, виртуальных).
2. Устройство на любую работу, чтобы не сидеть без дела.
3. Упорный поиск подходящей вакансии, исключаящий устройство на «грязную» работу/не соответствующую квалификации.
4. Переобучение, повышение квалификации.
5. Открытие собственного дела, фриланс.
6. Переезд в Москву или другой большой город.
7. Постановка на биржу труда. В целом форумчане разделяются на два лагеря в оценке эффективности данного учреждения.
8. Проявление активности и изобретательности, неординарных подходов к поиску вакансий.
9. Отказ от трудовой деятельности (для женщин), выполнение роли домохозяйки/содержанки.
10. Работа над собой, достижение психологического комфорта в качестве подготовки базиса для дальнейших действий.

В ходе второго этапа исследования были выделены и три новые подкатегории, которые можно отнести к периферии коллективного копинга: «уволиться, так как не устраивают условия работы», «смириться и работать на нелюбимой работе», а также «учиться ладить с коллективом». В первом этапе исследования к периферии относились подкатегории «сократить расходы», «найти дополнительные источники дохода» (например, сдача комнаты), а также «заняться волонтерством».

В четвертой категории — «критерии выбора работы», зафиксированной только в ходе второго этапа, на первое место выходит «большое количество вакансий». Безработным советуют при переобучении выбирать только наиболее востребованные специальности, думать о перспективе — будет ли спрос на профессию через десять лет. Предлагается задуматься и о трудоустройстве за границей. Дополнительно в качестве критериев выбора называли уровень заработной платы и наличие льгот.

Выводы

По результатам двух этапов исследования можно сделать вывод о том, что восприятие мета-ситуации потери работы мало подвержено внутрисубъективным событиям. Это подтверждается небольшими вариациями в структуре смысловых единиц до и после пенсионной реформы. Как и в первом этапе исследования, второй продемонстрировал преобладание у форумчан негативных настроений с повторением большей части эмоций. Описание ситуации также во многом повторяется.

В ядро стратегий символического копинга можно отнести десять действий, большинство из которых сводятся к активной работе соискателя (поиск вакансий или связей, устройство на временную работу, открытие собственного дела, переезд в более развитый город). Условно пассивные стратегии занимают гораздо меньше места в обсуждении (ждать помощи от биржи труда, стать домохозяйкой).

Литература

- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Образ будущего благосостояния в обыденном сознании россиян // Психологический журнал. 2013. Т. 31. № 5. С. 25–41.
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Конструирование социальных проблем в СМИ и в представлениях граждан (на примере бедности) // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. С. 1. URL: <http://psystudy.ru>.
- Wagner W.* Social representations and beyond: Brute facts, symbolic coping and domesticated worlds // Culture and psychology. 1998. V. 3 (4). P. 297–329.
- Wagner W., Kronberger N., Seifert F.* Collective symbolic coping with new technology: knowledge, images and public discourse // British Journal of Social Psychology. 2002. № 41. P. 323–343.
- Wagner W., Kronberger N., Nagata M., Sen R., Holtz P., Palacios F.* Essentialist theory of 'hybrids': from animal kinds to ethnic categories and race // Asian Journal of Social Psychology. 2010. № 13. P. 232–246.

Клинические, психосоциальные и эмоционально-личностные характеристики пациентов пожилого возраста с различной динамикой когнитивного функционирования*

Д. А. Еремина, О. С. Григорьева (Санкт-Петербург)

Актуальность исследования когнитивного функционирования больных ишемической болезнью сердца (ИБС) определяется, во-первых, почти эпидемическим характером распространения ИБС и очень высоким риском смертельного исхода (Акчурина с соавт., 2010; Еремина, 2015); во-вторых, число больных, оперируемых по поводу ИБС, в последние годы постоянно возрастает, так как с существенными демографическими изменениями возрастной структуры населения увеличивается доля пациентов пожилого и старческого возраста (ВНО, 2017); наконец, доказана высокая вероятность развития нарушений высших психических функций в послеоперационном периоде у лиц, перенесших коронарное шунтирование (КШ) (Акчурина с соавт., 2010; Еремина, 2015; Newman, Harrison, 2002). В то же время проблема возникновения когнитивных и личностных изменений у пожилых пациентов остается малоизученной, открытой и требует комплексного исследования.

В связи с вышеизложенным, настоящее исследование было направлено на изучение основных клинических, психосоциальных и эмоционально-личностных характеристик больных ИБС пожилого возраста с различной динамикой (улучшением и ухудшением) когнитивного функционирования после КШ.

Материал и методы исследования

Исследование было проведено на базе ФГБУ «Федеральный медицинский исследовательский центр им. В. А. Алмазова» (Санкт-Петербург). В исследовании приняло участие 24 пациента пожилого возраста (60–74 года), имеющие диагноз «ишемическая болезнь сердца» и перенесшие операцию КШ. В исследование были включены пациенты без клинически диагностированной деменции. Для сравнительного анализа пациенты были разделены на две группы: в первой – 13 (54,1%) пациентов с положительной динамикой когнитивных функций и 11 (45,9%) пациентов с отрицательной динамикой во второй.

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых № МК-1933.2019.6.

Исследование проводилось в два этапа: первый этап – непосредственно перед КШ (за 1–2 дня до операции), второй этап – на 7–10 день после операции, т. е. после поступления больного в отделение реабилитации. Был использован клинико-психологический метод (структурированное интервью и анализ клинических данных) и экспериментально-психологический метод, в том числе: «Методика последовательных соединений» (в оригинале «Trail-Making Test – ТМТ»); субтесты «Сходства» и «Кубики Кооса» из «Шкалы Векслера для исследования интеллекта взрослых» (WAIS), патопсихологические пробы «10 слов», «Запоминание рассказов», «Простые аналогии»; «Тест зрительной ретенции» А. Бентона; «Тест интерференции» Струпа; «Интегративный тест тревожности» (ИТТ); «Торонтская алекситимическая шкала» (TAS).

Основные результаты

Согласно полученным данным, между пациентами пожилого возраста, у которых были выявлены когнитивные нарушения на послеоперационном этапе по сравнению с дооперационным уровнем когнитивного функционирования, и пациентами пожилого возраста без подобных нарушений обнаружены различия по пяти показателям, а именно: 1) соблюдение диеты до госпитализации ($\chi^2 = 4,608$; $p < 0,05$); 2) физическая активность до госпитализации ($\chi^2 = 8,866$; $p < 0,001$); 3) показатель ИМТ-индекса ($\chi^2 = 6,101$; $p < 0,05$); 4) количество пораженных артерий (включая стволы; $\chi^2 = 11,312$; $p < 0,05$); 5) наследственность по ССЗ по мужской линии ($\chi^2 = 5,986$; $p < 0,05$).

По эмоционально-личностным показателям у пациентов пожилого возраста с различной динамикой когнитивного функционирования не было обнаружено статистически достоверных различий в отличие от ранее проведенных исследований, где было выявлено, что пациенты с худшей когнитивной динамикой чаще имеют в структуре своей личности выраженные алекситимические черты, а также им свойственна большая тревожность в сфере социальных контактов (Еремина, 2015). Предположительно, это обусловлено недостаточным объемом выборки.

Выводы

Использование количественных критериев для выделения групп пожилых пациентов с ухудшением и улучшением когнитивного функционирования после КШ и дальнейший сравнительный анализ показал, что пациенты с худшей когнитивной динамикой еще на дооперационном этапе отличаются по ряду клинических и психосоци-

альных характеристик (характеристик образа жизни): несоблюдением диеты до госпитализации; отсутствием физической активности до госпитализации; наличием в анамнезе ожирения той или иной степени; большим количеством пораженных артерий (включая стволы); отягощенной наследственностью по ССЗ по мужской линии.

Литература

- Акчурин Р. С., Васильев В. П., Галютдинов Д. М., Королев С. В., Лепинин М. Г., Партигулов С. А., Ширяев А. А.* Современная хирургия коронарных артерий // Кардиологический вестник. 2010. Т. V (XVIII). № 1. С. 45–49.
- Еремина Д. А.* Динамика когнитивных функций больных ишемической болезнью сердца в процессе реабилитации после коронарного шунтирования: Дис. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2015.
- Newman S. P., Harrison M. J.* Coronary-artery bypass surgery and the brain: persisting concerns // Lancet Neurol. 2002. № 1. P. 119–125.

Психологические факторы динамики когнитивного функционирования пациентов, подвергшихся прямой реваскуляризации миокарда*

Д. А. Еремина, Ю. М. Сидоровская (Санкт-Петербург)

Согласно статистическим данным ВОЗ, основными причинами смерти по-прежнему остаются ишемическая болезнь сердца (ИБС) и инсульт.

Одним из наиболее распространенных методов высокотехнологичного хирургического лечения ИБС является коронарное шунтирование (КШ). Однако исследования показывают, что частота когнитивных нарушений после КШ достигает 50–80% (Mathew et al., 2003).

В исследовании А. В. Фоякина и соавт. было установлено, что наиболее распространенными нарушениями в когнитивной сфере у пациентов с ИБС были: нарушения внимания и ассоциативного компонента мышления, различные типы агнозии, сужение объема памяти и т. д., что отражает основные нейропсихологические особенности пациентов с ишемической болезнью сердца, но тяжесть когнитивных расстройств носила легкий и умеренный характер (Фоякин с соавт., 2011).

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук № МК-1933.2019.6.

Большинство современных исследований когнитивных нарушений после КШ нацелены на выявление клинических и биомедицинских факторов подобных нарушений. Было показано, например, что высокий класс хронической сердечной недостаточности и стенокардии также связан с более плохими нейропсихологическими показателями в послеоперационном периоде (Бокерия с соавт., 2008).

В исследованиях факторов, определяющих когнитивную динамику после КШ, практически нет указаний на роль психосоциальных и эмоционально-личностных факторов. Тем не менее, есть некоторые исследования, согласно которым психосоциальные факторы могут снизить уязвимость людей к возрастному снижению когнитивных функций и патологическим мозговым процессам (Stern et al., 2003).

В связи с этим исследования не только медико-биологических, но и психосоциальных факторов, определяющих интенсивность и качество когнитивной динамики после КШ, представляются крайне актуальными.

Цель исследования: анализ психосоциальных факторов динамики различных когнитивных функций пациентов с ИБС, перенесших КШ.

Характеристики выборки. Обследовано 118 пациентов, перенесших КШ по стандартной методике искусственного кровообращения. Среди них было 95 (80,5%) мужчин и 23 (19,5%) женщины; средний возраст пациентов составил $59,86 \pm 7,31$ года. Среди обследованных пациентов преобладают лица со средним (38,1%) и высшим (31,4%) образованием. Подавляющее большинство пациентов (94,9%) страдало от гипертонической болезни III стадии. Средняя длительность ИБС составила $5,42 \pm 4,82$ года.

В настоящем исследовании были использованы следующие методики: «Методика последовательных соединений» (в оригинале «Trail-Making Test – ТМТ»); субтесты «Сходства» и «Кубики Кооса» из «Шкалы Векслера для исследования интеллекта взрослых» (WAIS); патопсихологические пробы «10 слов», «Запоминание рассказов», «Простые аналогии»; «Тест зрительной ретенции» А. Бентона; «Тест интерференции» Струпа; использовались компьютеризованные нейропсихологические методики «Острота зрения» (компьютерная модификация колец Ландольта) для оценки остроты зрения испытуемых, а также методика измерения порогов распознавания фигур в условиях последовательного формирования их контура из отдельных фрагментов «Голлин-тест».

Результаты и их интерпретация

Из всей совокупности изученных психодиагностических показателей когнитивного функционирования при помощи факторного анализа были выявлены 4 фактора когнитивного функционирования: мышление, зрительное опознание, вербальная память и когнитивный контроль.

Было показано, что фактор «Мышление» и «Когнитивный контроль» имеют наименьшее значение до операции, а затем достоверно повышаются в процессе стационарного лечения и восстановительного периода ($p < 0,001$). Фактор «Зрительное опознание» значительно снижается через 12–14 дней после КШ по сравнению с дооперационным уровнем ($p < 0,001$). Однако спустя три месяца после операции он оказывается достоверно выше как раннего послеоперационного, так и дооперационного уровня ($p < 0,001$). Обратная динамика наблюдается в отношении фактора «Вербальная память»: после улучшения в раннем послеоперационном периоде отмечается значительное снижение показателя спустя три месяца после КШ ($p < 0,001$).

Анализ значения психосоциальных факторов для показателей когнитивного функционирования показал, что пациенты, имеющие открытые конфликты в семейных взаимоотношениях в дооперационном периоде, показывают худшие показатели когнитивного функционирования по всем факторам (кроме «Зрительного опознания» ($p < 0,05$)). Также, больные ИБС, имеющие высшее образование, обладают более высоким уровнем когнитивного функционирования по сравнению с теми, кто получил среднее образование ($p < 0,01$). Показано, что пациенты, которые были трудоустроены до операции, обладают достоверно более высоким уровнем когнитивного функционирования по сравнению с теми, кто не работал ($p < 0,001$).

Полученные результаты также соответствуют современной «концепции пяти факторов здорового мозга», среди которых выделяются социальная сфера, физические упражнения, образование, диета и сон (Arden, 2014). Эти данные открывают новые области для разработки комплексной схемы реабилитации пациентов после КШ, с учетом особенностей когнитивного функционирования пациентов в раннем и позднем послеоперационном периодах, а также связи этих особенностей с клиническими и психосоциальными факторами, которые могут как усиливать когнитивные дисфункции, так и определять устойчивость к ним.

Выводы

1. Совокупность показателей когнитивной деятельности больных ИБС может быть представлена в виде обобщенных факторов — «Мышление», «Зрительное опознание», «Вербальная память» и «Когнитивный контроль», каждый из которых имеет определенную динамику в процессе реабилитации после КШ, и эта динамика связана с клиническими факторами, а также психосоциальными характеристиками больных;
2. Наиболее значимыми психосоциальными факторами ухудшения когнитивной деятельности после коронарного шунтирования являются: наличие открытых конфликтов в семейных взаимоотношениях, более низкий уровень образования, отсутствие трудовой занятости, а также пессимистическая оценка перспективы возвращения к трудовой деятельности.

Литература

- Бокерия Л. А., Камчатнов П. Р., Ключников И. В.* Цереброваскулярные расстройства у больных с коронарным шунтированием // Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. 2008. № 3. С. 90–94.
- Фонякин А. В., Гераскина Л. А., Магомедова А. Р., Атаян А. С.* Сердечно-сосудистые заболевания и нарушение когнитивных функций. Профилактика и лечение // Русский медицинский журнал. 2011. № 9. С. 538–544.
- Arden J.* The Brain Bible: How to Stay Vital, Productive, and Happy for a Lifetime. McGraw-Hill, 2014.
- Mathew J. P., Grocott H. P., Phillips-Bute B., Stafford-Smith M., Laskowitz D. T., Rossignol D., Blumenthal J. A., Newman M. F.* Lower endotoxin immunity predicts increased cognitive dysfunction in elderly patients after cardiac surgery // Stroke. 2003. № 34. P. 508–513.
- Stern Y., Zarahn E., Hilton H. J., Flynn J., DeLaPaz R., Rakitin B.* Exploring the neural basis of cognitive reserve // Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology. 2003. № 25. P. 691–701.

Связь между иррациональными убеждениями и особенностями восприятия суггестивного текста

Ю. В. Журавлева (Москва)

Концепция иррациональных убеждений в современной психологии восходит к сформированным в основных школах когнитивной психотерапии представлениям о когнитивных искажениях,

дисфункциональных глубинных убеждениях и иррациональных установках. Согласно представлениям А. Бека, А. Эллиса и их последователей, наличие иррациональных убеждений связано с предрасположенностью человека к дезадаптивному поведению и различным психическим нарушениям, прежде всего – к депрессии и невротическим расстройствам. Можно предполагать, что человек с иррациональными убеждениями будет демонстрировать склонность к некритичному восприятию манипулятивных сообщений.

Целью исследования стала оценка связи между выраженностью иррациональных убеждений и особенностями восприятия суггестивного текста.

Гипотеза исследования заключалась в предположении наличия корреляции между выраженностью иррациональных убеждений, оцениваемой при помощи трех современных тестов, и положительной реакцией на суггестивный текст. Дополнительная гипотеза заключалась в предположении наличия корреляций между результатами трех тестов на иррациональное мышление (на русскоязычной выборке сравнение результатов применяемых тестов ранее не проводилось).

Характеристики выборки: в исследовании приняли участие 102 испытуемых в возрасте от 25 до 55 лет (34 мужчины, 68 женщин).

Методы исследования

Все испытуемые прошли тестирование при помощи трех методик.

1. Опросник личностных убеждений (Survey of Personal Beliefs) создавался исследовательским коллективом Института Альберта Эллиса (Demaria, Kassino, Dill, 1989). Русскоязычная версия представлена в 2008 году как «тест Эллиса» (А. Г. Каменин, Д. В. Ковпак, 2008). В русскоязычном варианте теста 5 шкал: «катастрофизация», «долженствование в отношении себя», «долженствование в отношении других», «непереносимость фрустрации» и «оценочная установка».
2. Шкала дисфункциональных установок (Dysfunctional Attitudes Scale) Бека–Вейсман (Beck, Weissman, 1978). На русскоязычной выборке методика апробирована М. Л. Захаровой и представлена как «Методика исследования дисфункциональных отношений» (Захарова, 2001). В русскоязычной версии теста одна шкала – «уровень дисфункциональных установок».
3. Шкала базисных убеждений (World assumptions scale) разработана Р. Янофф-Бульман (Janoff-Bulman, 1989), адаптирована и стандартизирована М. А. Падун, А. В. Котельниковой (Па-

дун, Котельникова, 2008). В русскоязычной версии теста 5 шкал: «доброжелательность мира», «справедливость», «образ Я», «удача», «контроль».

Кроме того, испытуемым был предъявлен суггестивный текст, содержание которого предварительно было оценено экспертами из отдела психолингвистики Института языкознания РАН. Данный текст обладает следующими характеристиками:

1. Общее содержание текста – описание распространенных продуктов питания и утверждение об их вредности и крайней опасности для здоровья. Текст содержит оценочные утверждения в категоричной форме о таких продуктах, как томатный соус, сахар, мясные продукты, хлеб, молоко и т. д.
2. В тексте присутствуют признаки стратегий перегрузки и разрушения системы ожиданий: представлена информация об обычных, самых распространенных продуктах, употребляемых ежедневно большинством людей, притом, что эти продукты представлены как смертельно опасные. В результате разрушения системы ожиданий формируется эффект неопределенности, для снятия которой предлагается новая информация (о необходимости отказа от упоминаемых продуктов или их замены чем-то другим).
3. В тексте присутствуют лингвистические признаки суггестии, такие как оперирование научными терминами из области медицины без ссылок и достаточных обоснований, наличие гипербола, ярлыков и другой специфической лексики, связанной с коммуникативными стратегиями запугивания, дискредитации, провокации негативных эмоций.

Для количественной оценки особенностей восприятия испытуемыми данного текста, включая их готовность следовать предложенным рекомендациям, был составлен список из 8 вопросов. На каждый вопрос предлагалось 4 варианта ответов, оцениваемых по шкале Ликерта. Соответственно, при ответе на каждый вопрос испытуемый мог набрать от 1 до 4 баллов, в сумме – от 8 до 32 баллов.

Полученные результаты оценивались при помощи корреляционного и регрессионного анализа.

Результаты и их интерпретация

Прежде всего отметим наличие значимых связей между результатами применения Опросника личностных убеждений («теста Эллиса») и теста Бека–Вейсман, а также значимые связи между показателями шкал Опросника личностных убеждений. Например, по шкале

«непереносимость фрустрации» наиболее сильные корреляции получены со шкалами «катастрофизация» (0,67), «долженствование в отношении себя» (0,55), «долженствование в отношении других» (0,59), «оценочная установка» (0,65), «уровень дисфункциональных убеждений» (-0,72).

Показатели по тесту Янофф-Бульман слабо коррелируют с результатами тестов Эллиса и Бека-Вейсман. Исключения: средняя корреляция между непереносимостью фрустрации и шкалой доброжелательности мира (0,52), средняя корреляция между оценочной установкой и образом Я (0,51), средняя корреляция между уровнем дисфункциональных убеждений и шкалой образа мира (0,50), слабая (близкая к средней) корреляция между уровнем дисфункциональных убеждений и образом Я (-0,48). Показатели теста Янофф-Бульман также слабо коррелируют друг с другом.

По данным регрессионного анализа, для показателя «уровень дисфункциональных убеждений» (тест Бека-Вейсман) достоверными предикторами из шкал теста Эллиса оказались шкала «непереносимость фрустрации» и шкала «оценочная установка», а также шкалы теста Янофф-Бульман «доброжелательность мира» и «образ Я» ($p < 0,05$). Этот результат можно интерпретировать следующим образом. В концепции А. Бека отмечается наличие только двух глобальных групп глубинных дисфункциональных убеждений: убеждения категории беспомощности (негативный образ себя) и убеждения категории неприятия (негативный образ мира). В концепции А. Эллиса выделяются пять иррациональных установок, из которых наиболее близки к категориям Бека оценочная зависимость и непереносимость фрустрации. Именно по данным шкалам была отмечена наиболее сильная связь между тестами Эллиса и Бека-Вейсман. В тесте Янофф-Бульман тоже пять показателей, из которых содержательно близки к категориям А. Бека показатели «образ Я» и «доброжелательность мира». Наиболее сильные корреляции с тестом Бека-Вейсман отмечены именно по этим шкалам, хотя в данном случае связь менее сильная.

Между особенностями восприятия суггестивного текста и шкалами используемых тестов значимые корреляции отмечены по показателям «катастрофизация» (-0,57), «долженствование в отношении себя» (-0,44), «непереносимость фрустрации» (-0,43), «оценочная установка» (-0,41), «уровень дисфункциональных убеждений» (-0,41). По данным регрессионного анализа, только показатель «катастрофизация» является достоверным предиктором оценки восприятия суггестивного текста ($p < 0,05$). Это означает, что содержание предъ-

являемого текста актуализирует в сознании испытуемых прежде всего данную установку.

Выводы

Результаты проведенного исследования частично подтверждают основную и дополнительную гипотезы. Между показателями трех тестов, направленных на выявление иррациональных убеждений, имеются достоверные связи, однако результаты теста Янофф-Бульман коррелируют с результатами тестов Эллиса и Бека–Вейсман слабее, чем результаты двух последних тестов друг с другом. Достоверным предиктором особенностей восприятия испытуемыми суггестивного текста, содержащего информацию о вреде для здоровья распространенных продуктов питания, является склонность к катастрофизации.

Литература

- Захарова М. Л.* Исследование дисфункциональных отношений у больных невротами и их динамики в процессе психотерапии. Дис. ... канд. психол. наук. СПб, 2001.
- Каменюкин А. Г., Ковпак Д. В.* Антистресс-тренинг. СПб.: Питер, 2008.
- Падун М. А., Котельникова А. В.* Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. № 4. С. 98–106.
- Beck A. T., Weissman A. N.* Development and Validation of the Dysfunctional Attitude Scale. Vortrag bei der AERAss. Toronto, 1978. P. 25.
- Demaria T. P., Kassinove H., Dill C. A.* Psychometric Properties of the Survey of Personal Beliefs: A Rational-Emotive Measure of Irrational Thinking // Journal of Personality Assessment. 1989. № 2 (53). P. 329–341.

Ценностные ориентации детей-сирот, занимающихся и не занимающихся по дистанционным образовательным программам АНО «РОСТ»

С. В. Забелин, Е. А. Шепелева (Москва)

Введение

Социализация выпускников закрытых детских учреждений — детских домов и интернатов — актуальная задача, для решения которой необходимы как понимание ее важности со стороны общества, так

и доказательные научные исследования. Обобщая имеющиеся данные о социализации детей-сирот в России, можно сделать выводы, что, во-первых, такие дети с трудом принимают общественные нормы, во-вторых, имеют низкий статус в социуме.

Целью проведенного исследования является изучение ценностных ориентаций детей-сирот и анализ различий в ценностях детей, занимающихся и не занимающихся по дополнительным индивидуальным образовательным программам, предоставляемым АНО «РОСТ».

Автономная некоммерческая организация «РОСТ – развитие, образование, социализация и трудоустройство для воспитанников и выпускников детских домов и интернатов и детей, оставшихся без попечения родителей» существует с 2011 года. АНО реализует масштабную программу социальной адаптации детей-сирот. Ее главная цель – повысить уровень образования и общего развития в региональных детских домах и интернатах с помощью современных технологий – интернет-уроков с квалифицированными педагогами. Предполагается, что новые возможности для образования и развития помогут подросткам лучше адаптироваться к жизни после детского дома и найти интересную работу, то есть будут способствовать их социализации и трудоустройству. Работа ведется в первую очередь с отдаленными детскими домами и интернатами в регионах, потому что именно там по разным причинам остро не хватает учителей и новых методик. Это делает учебу менее интересной и привлекательной для детей, снижается общий уровень развития и амбиций. Интернет делает различия между регионами и центром несущественными – уровень онлайн-обучения может быть точно таким же, как в лучших школах Москвы и Петербурга. АНО «РОСТ» предоставляет возможность ученикам 7–11 классов из детских социальных учреждений индивидуально заниматься с преподавателями по учебным предметам – английскому языку, обществознанию, математике (включая алгебру и геометрию), биологии, информатике и химии. Единственным критерием отбора детей является их собственное желание заниматься дополнительно.

Результаты проведенного в 2018–2019 году исследования показали, что дети-сироты, занимающиеся по дополнительным программам АНО «РОСТ», имеют ценности, более сходные с ценностями детей, воспитывающихся в семьях, чем сироты в целом (Шепелева с соавт., 2019).

Задачей данного исследования являлось сравнение ценностей детей-сирот, занимающихся и не занимающихся по дополнительным

ным программам АНО «РОСТ». Исследование являлось частью обязательств АНО «РОСТ», как победителя грантового конкурса Фонда президентских грантов*.

Методы

Для исследования ценностных ориентаций детей-сирот использовалась методика «19 ценностей» Ш. Шварца (Татарко, 2014; Шварц, 2012). Методика представляет собой опросник из 57 пунктов, в которых испытуемому нужно оценить по шестибальной шкале, насколько он похож на человека, которому важно что-либо (например, «заботиться о близких ему людях», «беречь природу», «иметь амбициозные цели в жизни»). В исследовании приняли участие 39 детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в детских социальных учреждениях (интернатах), возраст $M = 14,4$ ($SD = 1,8$), 44% девушек, из них 29 человек занимаются по дополнительным образовательным программам дистанционного обучения АНО «РОСТ» (возраст $M = 14,6$, $SD = 1,9$, 52% девушек). В качестве метода математической статистики использовался непараметрический критерий Манна–Уитни.

Результаты

Сравнение 10 базовых ценностей у детей-сирот, занимающихся и не занимающихся по программам АНО «РОСТ», показало существенные различия в структуре ценностей двух групп. Так, у детей, занимающихся дополнительно, выше ценности самостоятельности (мысли и поступков) – $p = 0,002$, стимуляции – $p = 0,037$, достижения – $p = 0,04$, конформизма (правил и межличностного) – $p = 0,005$, благожелательности – $p = 0,043$, универсализма – $p = 0,031$.

Выводы

Полученные результаты демонстрируют наличие существенных различий в ценностных ориентациях детей-сирот, занимающихся по дополнительным дистанционным образовательным программам АНО «РОСТ» по сравнению с их сверстниками из детских социальных учреждений, не занимающихся по таким программам. Можно предположить, что имеют значение два фактора – влияние образовательного воздействия и личностные особенности детей, благодаря которым они выбирают дополнительные занятия. Для уточнения

---

* URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=F7E88962-F5D5-4C83-89F2-22619C3180AC>.

этого вопроса необходимы дополнительные исследования. В то же время, можно полагать, что образовательное воздействие может повысить шансы успешной социализации детей-сирот, а мотивационные мероприятия по вовлечению детей в дополнительные образовательные программы могут также иметь значение для формирования их ценностных ориентаций и, как следствие, дальнейшей социализации во взрослом возрасте.

Литература

- Татарко А. Н.* Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Лунатова А. С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.
- Шепелева Е. А., Лантева Е. М., Лантева Н. М., Ушаков Д. В., Забелин С. В.* Формирование ценностных ориентаций учащихся, воспитывающихся в семьях и детских социальных учреждениях // Сибирский психологический журнал. 2019. № 4 (в печати).

Связь владения иностранными языками с эффективностью когнитивного контроля*

А. В. Зиберова, Б. Б. Величковский (Москва)

Когнитивный контроль, как управляющая функция, был впервые выделен Аланом Бэдэли в рамках модели рабочей памяти (Baddeley, 1996). В самом широком понимании когнитивный контроль позволяет выполнять целенаправленные действия с учетом изменяющихся условий (Величковский, 2015). Элементарные компоненты когнитивного контроля включают подавление, переключение и обновление рабочей памяти. Помимо выполнения интеллектуальных задач эти функции участвуют в разных аспектах регуляции поведения, таких как контроль эмоций и импульсивного поведения, предпочтение отсроченного вознаграждения и выполнение задания в условиях интерференции. Учитывая широту применения функций когнитивного контроля, способы повышения его эффективности представляют исследовательский интерес.

Владение несколькими языками связано с наличием нескольких лексико-грамматических систем. Взаимодействие этих систем

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 19-013-00806.

и их навигация с целью продуцирования материала на целевом языке рассматриваются в литературе с позиции лексической активации (избирательная активация и подавление интерферирующей активации) и переключения между системами языковых кодов (code switching). Сам характер этих механизмов дает основания предполагать за действие функций когнитивного контроля в процессе общения при владении несколькими языками. Исследования, проведенные на билингвах, показали их преимущество в эффективности когнитивного контроля перед носителями только одного языка.

В данном исследовании мы постарались прояснить взаимосвязь аспектов владения иностранными языками с эффективностью когнитивного контроля, а именно: количество иностранных языков, уровень владения ими, степень схожести иностранного языка с родным.

В исследовании приняли участие 63 респондента – студенты и лица с высшим образованием в возрасте от 19 до 33 лет (средний возраст 25, $SD = 3,4$). Участники принадлежат к девяти группам по соотношению родного и иностранного языка: русский – английский (19, 15 женщин), русский – азербайджанский (9, 9 женщин), ошивамбо – английский (9, 5 женщин), китайский – русский (5, 4 женщины), китайский – английский (4, 2 женщины), русский – японский (3, 3 женщины), африкаанс – английский (2, 2 женщины), русский язык (12, 7 женщин).

Для оценки уровня владения иностранными языками респондентов была использована анкета на русском и английском языках. Был учтен возраст начала обучения иностранному языку, возраст овладения иностранным языком в степени, позволяющей продуктивное использование, инициированное самим респондентом, наличие языковых сертификатов и характер обучения иностранному языку.

Сходство языков определялось с помощью двух баз данных, ASJP и WALS. База данных ASJP (Automated Similarity Judgment Program) была в первые создана в 2008 году и состоит из списков 40 слов базовой лексики для 7655 языков мира. Языковая близость устанавливается путем лексическо-фонологического сравнения слов с одинаковым значением. База данных WALS (The World Atlas of Language Structures) является типологической базой данных, разработанной на основе структурных (фонологических, грамматических и лексических) языковых свойств 55-ю авторами. В отличие от ASJP данная база данных основывается на представленности в языках грамматических, лексических и фонологических феноменов, таких, как например наличие приставок, грамматических времен, конкретных

звуков, и оценивает степень схожести языков по более широкому комплексу критериев.

Для оценки функций когнитивного контроля использовались два задания на оценку функций подавления и два задания на оценку функций переключения. Задания были реализованы в программной среде «Практика – МГУ», созданной А. Е. Кремлёвым и А. Н. Гусевым. Для оценки функции подавления были использованы два экспериментальных задания: задача Эриксонов и задача Go-No-Go. Функция переключения также оценивалась с помощью двух заданий: с предсказуемой и непредсказуемой сменой задач.

По результатам выполнения экспериментальных задания нами был получен ряд показателей эффективности, выраженных во времени выполнения задач в различных условиях и количестве ошибок. Для упрощения обработки и интерпретации данных они были подвергнуты факторизации с целью снижения размерности данных. Для факторного анализа данных применялся эксплораторный факторный анализ и метод главных компонент с Varimax вращением. Определение количества факторов основывалось на анализе графика «осыпь» и содержательном анализе факторных нагрузок показателей. Было выбрано факторное решение с тремя компонентами: общий фактор контроля, точность переключения и точность подавления.

Для сравнения показателей эффективности когнитивного контроля в группе лиц, владеющих иностранным языком и группе лиц, владеющих лишь родным языком, был использован непараметрический критерий Манна–Уитни. Для оценки влияния количества иностранных языков на эффективность когнитивного контроля было проведено сравнение факторных значений в группах лиц, владеющих одним, двумя и тремя и более языками с помощью непараметрического критерия Краскела–Уоллиса. Для оценки связи уровня владения иностранным языком с эффективностью когнитивного контроля был рассчитан коэффициент корреляции Спирмена для общего показателя языковой компетенции и выделенных нами ранее факторов.

Для оценки влияния степени близости родного и иностранного языков на эффективность когнитивного контроля была осуществлена подгонка линейной и квадратичной функций, описывающих возможную связь количественной оценки близости языков, и значений факторов эффективности когнитивного контроля. Подгонка квадратичной функции представлялась необходимой на основе ожидания нелинейного влияния языковой близости на когнитив-

ный контроль и осуществлялась средствами программного пакета SPSS на основе метода наименьших квадратов.

При сравнении показателей эффективности когнитивного контроля у групп лиц, владеющих и не владеющих иностранными языками, нами были выявлены значимые различия в эффективности по отдельным показателям и различия на уровне тенденции по комплексной эффективности функций подавления ($U = 45$, $p = 0,09$) и переключения ($U = 44$, $p < 0,09$). Более высокая эффективность подавления интерференции у лиц, владеющих иностранным языком, может говорить о тренировке функции подавления при выборе целевого языкового материала в процессе общения на определенном языке с точки зрения модели активации лексического материала на всех имеющихся языках в ответ на семантическую активацию (Green, 1998). Меньшая стоимость переключения в задачах с последовательной сменой заданий среди лиц, владеющих иностранными языками может свидетельствовать о тренировке функции переключения в процессе выбора языкового кода (code switching) при общении на нескольких языках.

При рассмотрении связи количества языков, которыми владеет респондент, с показателями эффективности когнитивного контроля было выявлено систематическое увеличение точности переключения с ростом количества языков, что может быть интерпретировано как один из видов тренировки когнитивных функций и соотносится с данными о связи владения иностранными языками со временем наступления деменции (Bialystok, 2007). Наряду с увеличением точности подавления наблюдалось увеличение скорости выполнения задач у лиц, владеющих тремя и более языками, то есть двумя и более иностранными языками.

Еще одним немаловажным аспектом связи владения иностранными языками с эффективностью функций когнитивного контроля является уровень владения иностранным языком. В результате корреляционного анализа было выявлено, что точность выполнения задач на переключения значимо связана с уровнем владения респондентами основным иностранным языком ($r = -0,31$, $p = 0,03$).

Наконец, нами была рассмотрена связь показателей языковой близости, рассчитанной по двум базам данных, с эффективностью когнитивного контроля. При расчете квадратичных функций были получены высокозначимые результаты, показывающие увеличение общей скорости выполнения задач на когнитивный контроль в группах, владеющих относительно близкими и относительно далекими по своему грамматическому строю языками по базе WALS

($R^2=0,26$, $p=0,00$). При этом у лиц, владеющих средними по степени грамматической схожести языками, общая скорость выполнения заданий была ниже.

Полученные результаты позволяют сделать предположение о неоднородности процесса построения речевой деятельности в условиях владения несколькими языками. Вероятно, определенные аспекты этого процесса оказываются более выраженными при владении грамматически близкими языками, в то время как другие проявляются в большей степени при владении далекими по лексико-грамматическому строю языков. При владении языками средней степени схожести эти процессы не получают усиленного развития, либо уравнивают друг друга.

Литература

- Величковский Б. Б.* Рабочая память человека. М.: Когито-Центр, 2015.
- Baddeley A.* Exploring the central executive // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A*. 1996. V. 49. № 1. P. 5–28.
- Bialystok E., Craik F. I. M., Freedman M.* Bilingualism as a protection against the onset of symptoms of dementia // *Neuropsychologia*. 2007. V. 45. № 2. P. 459–464.
- Green D. W.* Mental control of the bilingual lexico-semantic system // *Bilingualism: Language and cognition*. 1998. V. 1. № 2. P. 67–81.

Отношение к «чужим» у людей с невротическими, связанными со стрессом расстройствами*

И. И. Знаменская (Москва), Р. Р. Акбирова (Казань)

Стресс и отношение к «чужим»

Адаптация человека к социокультурной среде подразумевает усвоение им моральных принципов и ценностей сообщества, к которому он принадлежит, в том числе негласных (см. работы Э. Дюркгейма, М. И. Бобневой и мн. др.). Актуальной психологической проблемой являются значимые и ранее, и в настоящее время правила отношения к «чужим». Целью настоящего исследования является выявление динамики отношения к «чужим» у людей в состоянии хронического стресса.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-00-00245.

В предыдущих исследованиях нами были выявлены закономерности динамики отношения к «чужим» у людей в состоянии острого стресса. Оно характеризуется обратимой системной дедифференциацией, что феноменологически проявляется в возврате к онтогенетически ранней стратегии поведения при решении конфликтов между «своими» и «чужими», то есть преимущественной поддержкой «своего», даже если он неправ (Александров с соавт., 2017). Такая стратегия характерна для детей 3–6 лет и с возрастом ослабевает (Знаменская, Александров, 2019). Подобная динамика характерна как для специально индуцированного в эксперименте стресса, так и для ситуационного (не индуцируемого специально, но зафиксированного у респондентов по психофизиологическим показателям) (Александров с соавт., 2017).

Наши данные согласуются с результатами других авторов. Показано, что моральные суждения в состоянии острого стресса становятся более эгоистичными, однако поведение может становиться и альтруистичнее. «Стрессовый альтруизм» преимущественно распространяется на «своих» (работы Z. Margittai с соавт., F. F. Youssef с соавт., R. Yu; см. подробный обзор в: Александров с соавт., 2017). В исследованиях хронического стресса показано, что связанные со стрессом расстройства влияют на принятие решения (Starcke, Brand, 2012). Это влияние разнонаправлено и зависит от ситуации и длительности нахождения в стрессовом состоянии. Известен феномен так называемого посттравматического роста: в процессе совладания со стрессом человек может адаптироваться и использовать возникшую ситуацию даже для повышения собственной эффективности (см. работы Ю. В. Быховец, Н. Е. Харламенковой). Болезнь меняет условия жизни человека, запуская при этом формирование новых функциональных систем, обеспечивающих достижение адаптивных результатов в изменившихся условиях (Колбенева с соавт., 2017).

Исследовательская гипотеза: отношение к «чужим» у людей с невротическими, связанными со стрессом расстройствами, характеризуется системной дедифференциацией, что феноменологически может проявляться в стратегиях принятия решения, характерных для детского возраста. *Альтернативная гипотеза:* отношение к «чужим» у таких людей не будет отличаться от отношения людей в обычном состоянии за счет дополнительной адаптации к ситуации болезни.

Методика

В исследовании приняли участие 20 человек (5 мужчин, 15 женщин) 26–54 лет ($M = 40.65$; $Me = 38$) с диагнозами с кодами F40 – F48

по МКБ-10: невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства. Эта группа психогенных обратимых расстройств характеризуется нарушением адаптации к среде, тревогой, общим эмоциональным неблагополучием, что является признаками стрессового состояния (Коркина и др., 2006). Важным для исследования является отсутствие у этих людей психотических симптомов, слабоумия, выраженного расстройства личности, а также сохранение критичности к собственному состоянию. Это позволяет применять выбранные методики для исследования их отношения к «чужим».

Респондентам предъявлялись моральные дилеммы, описывающие конфликт «своего» (человека) с «чужими» (животными и инопланетянами) по поводу ресурса, который «чужим» жизненно необходим, а для «своих» лишь несколько повышает качество жизни. Таким образом, «свой» – это агрессор, а «чужой» – жертва. Респондентов просили выбрать, чью сторону они бы приняли в конфликте, а также оценить поступок «своего» – агрессора по пятибалльной шкале от «очень плохо» до «очень хорошо» (см. полный текст дилемм и подробное описание процедуры в: Александров с соавт., 2017). Анализируются три переменные: 1) поддержка «своего» – агрессора или «чужого» – жертвы; 2) оценка поступка агрессора (по пятибалльной шкале от «очень плохо» до «очень хорошо»); 3) полнота ответа (нет ответа, ответ без аргументов, ответ с опорой на одну сторону конфликта, ответ с опорой на обе стороны конфликта). Порядок предъявления дилемм рандомизирован, описания героев контрбалансированы (одним респондентам в дилемме сначала описывался агрессор, другим в той же дилемме первой предъявлялась жертва). Беседа проводилась в форме индивидуального интервью в стационаре психотерапевтического отделения больницы. Также заполнялись опросники (о результатах этого исследования см.: Акбирова с соавт., 2018).

Результаты. «Инопланетяне» – ключевая дилемма, по которой ранее в наших исследованиях была зафиксирована динамика отношения к «чужим» у детей разного возраста, а также достоверные различия между людьми в обычном состоянии и в состоянии острого стресса разного генеза. В состоянии стресса происходит резкий скачок поддержки «своих»: люди говорят, что можно лишить инопланетян единственного источника питания, чтобы помочь детям на 2–3 дня быстрее выздороветь от простуды. В то время как 95% людей в обычном состоянии считают такое решение неприемлемым. 16 из 20 человек с невротическими и связанными со стрессом расстройствами также ответили, что такое решение неприемлемо, при этом те,

кто поддержал «своих», давали ответ без аргументов. По параметру «полнота ответа» группы поддержавших «своих» и «чужих» достоверно различаются (критерий Манна–Уитни, $p=0,039$). Однако не отличаются по оценке поступка агрессора: обе группы склонны оценивать его как плохой (критерий Манна–Уитни, $p=0,148$).

Во второй дилемме про инопланетян также 16 из 20 поддержали «чужого» – жертву. Поддержавшие «своих» оценивают отбор жизненно важного ресурса как нейтральный поступок, те, кто поддержал «чужих», – как плохой (критерий Манна–Уитни, $p=0,001$), достоверных отличий по полноте ответа не обнаружено (критерий Манна–Уитни, $p=0,411$).

В предыдущем исследовании было выявлено, что в дилеммах о домашних животных люди в состоянии острого стресса достоверно чаще поддерживали «своих», чем люди из контрольной группы. В группе людей с невротическими расстройствами такой динамики не обнаружено: большинство (более 80% для каждой дилеммы) выбрало сторону жертвы, оценивая поступок агрессора как «плохой». Обнаружены достоверные различия в оценке поступка агрессора в одной из дилемм (критерий Манна–Уитни, $p=0,030$), по полноте ответа различий не обнаружено ($p=0,379$ и $p=0,353$).

В дилеммах о диких животных, как и в группах с острым стрессом и в контрольной, около половины респондентов поддержали каждую сторону. Достоверных отличий в полноте ответа и оценках поступка агрессора не обнаружено в обеих дилеммах: люди считают допустимым и нейтральным поступок агрессора по отношению к диким животным.

Заключение

Принимая во внимание ограничения настоящего исследования (величина выборки), можно сделать предварительный вывод о том, что альтернативная гипотеза, согласно полученным данным, более правдоподобна: отношение к «чужим» у людей с невротическими, связанными со стрессом расстройствами не отличается от отношения людей в обычном состоянии. Соотношение ответов в группе людей с невротическими расстройствами ближе к соотношению в контрольной группе (без стресса), чем в группе с острым стрессом. Это может быть объяснено тем, что у них происходит дополнительная адаптация к ситуации болезни, которая позволяет согласовывать собственные моральные суждения и оценки с принятыми в обществе, что не всегда происходит в ситуации острого, кратковременного стресса, в том числе специально индуцированного.

Благодарности

Авторы выражают сердечную признательность профессору Юрию Иосифовичу Александрову и доценту Ильдару Равильевичу Абитову за помощь и поддержку в организации исследования и ценные замечания к тексту.

Литература

- Акбирова Р. Р., Сибгатуллина Л. Р., Радионов М. В., Абитов И. Р. Особенности суеверности и веры в паранормальное у лиц, страдающих невротическими расстройствами // Материалы XIII Международной научно-образовательной конференции «Актуальные проблемы дефектологии и клинической психологии: теория и практика / Под ред. А. И. Ахметзяновой. Казань: Изд-во Казанского университета, 2018. С. 6–10.
- Александров Ю. И., Сварник О. Е., Знаменская И. И., Колбенева М. Г., Арутюнова К. Р., Крылов А. К., Булава А. И. Регрессия как этап развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Знаменская И. И., Александров Ю. И. Становление нравственного отношения к «чужим» у сельских и городских детей 3–11 лет // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 3. С. 85–99.
- Колбенева М. Г., Мягченкова М. А., Александров Ю. И. Особенности ментальной реактивации тактильно опосредованного опыта у людей с хронической головной болью напряжения // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 66–80.
- Starcke K., Brand M. Decision making under stress: a selective review // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2012. V. 36. № 4. P. 1228–1248.

Базовое самооценивание как личностный предиктор выбора стратегий проактивности

О. Н. Ильина, Н. Н. Лепехин (Санкт-Петербург)

В связи с быстрым темпом развития технологий, происходит качественное изменение структуры деятельности, характеризующейся высоким уровнем неопределенности и динамизмом. Одним из способов адаптации специалистов к меняющимся требованиям является выбор стратегии изменений в работе или Job Crafting, представляющий форму проактивного поведения и включающий 4 стратегии, описанные в исследованиях:

- 1) «увеличение структурных ресурсов». Работники используют возможности для профессионального развития, получения автономии и стремятся к разнообразию рабочей деятельности (Tims et al., 2010);
- 2) «увеличение социальных ресурсов». Работники стремятся получать больше обратной связи об их работе, что может вдохновлять и мотивировать на успешное выполнение задачи;
- 3) «усложнение рабочих требований». Работники усложняют работу, когда нет возможности полностью реализовать свои умения и навыки в их профессиональной деятельности. Усложнение рабочих требований связано с достижением профессиональных целей и высокой рабочей мотивацией (Tims et al., 2010);
- 4) «снижение рабочих требований». Работник уменьшает рабочие требования, когда они превышают его возможности, например, не участвует в принятии сложных решений (Tims et al., 2013).

Стратегии изменений в работе реализуются в определенном контексте дизайна работы, а также предполагают наличие у работников необходимых личностных качеств. Интегральным индикатором требуемых личностных ресурсов является личностный конструкт *core self-evaluation* или базовая самооценка, который согласно ряду исследований, объединяет такие характеристики как locus контроля, самоэффективность, самооценку, нейротизм (Judge et al., 2003).

Для проверки гипотезы о роли базового самооценивания как предиктора выбора стратегий изменений в работе проведено исследование, с целью изучения взаимосвязи характеристик дизайна работы, базового самооценивания и проактивного поведения на рабочем месте.

Выборка включала респондентов различных сфер занятости Москвы и Санкт-Петербурга и после удаления некорректно заполненных данных и выбросов (расстояние Кука) в обработке использовались данные 241 респондентов.

Методы

Методика шкала «Изменения в работе» – русскоязычная адаптация «*job crafting scale*» (Tims et al., 2012), имеет удовлетворительные показатели надежности и валидности, содержит 21 пунктов и пятибалльную оценочную шкалу от «никогда» до «часто». Методика имеет четырехфакторную структуру, которой соответствуют 4 стратегии изменения в работе. Внутренняя согласованность опросника для исследуемой выборки α Кронбаха = 0,83.

Методика «Дизайн работы» (*Work Design Questionnaire – WDQ*), разработана F. Morgeson и S. Hamfray (Morgeson, Humphrey, 2006),

апробирована С. А. Маничевым (2016). Имеет высокую надежность, дискриминантную и конвергентную валидность. Респонденту предлагается выразить уровень своего согласия с 77 утверждениями, которые описывают 21 характеристику дизайнера работы по пятибалльной шкале от «абсолютно не согласен» до «абсолютно согласен». Внутренняя согласованность опросника α Кронбаха = 0,92.

Шкала базового самооценивания (Core self-evaluation scale) была разработана в Judge и соавторами (Judge et al., 2003). Данная методика была апробирована на русскоязычной выборке (N = 182). В результате эксплораторного и конфирматорного факторного анализа выявлена двухфакторная структура опросника, и образованы две субшкалы: позитивная и негативная базовая самооценка. Коэффициенты шкал α Кронбаха = 0,84 и 0,74 соответственно. Для общей шкалы базового самооценивания α Кронбаха = 0,72, что говорит о внутренней согласованности теста. Адаптированная ШБСО показала значительную взаимосвязь с четырьмя исходными переменными: самооцениванием, самоэффективностью, локусом контроля, — нейротизмом, что говорит о валидности методики. Методика содержит 6 прямых утверждений типа «В целом я удовлетворен(а) собой» — позитивная субшкала, и 6 обратных: «Иногда я чувствую себя подавленным» — негативная субшкала. Респонденты отмечают уровень согласия по пятибалльной оценочной шкале Лайкерта от «полностью согласен» до «совершенно не согласен».

Для математико-статистической обработки данных основным методом явилось структурное моделирование (SEM) при помощи программы Amos v. 23.0. Задачей данного метода является построение структурной модели, описывающей взаимосвязанные характеристики дизайнера работы и базового самооценивания. Предварительно для определения ближайших предикторов был проведен регрессионный анализ для каждой стратегии, удалены выбросы. Далее для обоснования метода структурного моделирования был проведен корреляционный анализ с целью проверки коллинеарности переменных.

Согласно полученным результатам, на выбор стратегии «увеличение структурных ресурсов» (CMIN/df = 3,577, p = 0,028; CFI = 0,98) наибольший эффект оказывают разнообразие задач и навыков (0,23 и 0,25 соответственно), а также обратная связь от работы (0,18), но это компенсируется эффектом через посредничество базовой самооценки (0,51). Получая высокий уровень адекватной обратной связи, сотрудник соотносит полученную информацию с базовым представлением о себе, своей эффективности, позитивного восприятия своих действий. Таким образом, высокий уровень позитивного базового

самооценивания увеличивает влияние обратной связи от работы на выбор стратегии изменений «Увеличение структурных ресурсов».

Наибольший эффект на выбор стратегии «увеличение социальных ресурсов» ($CMIN/df = 3,577$, $p = 0,014$; $CFI = 0,89$) оказывают обратная связь (0,28) и автономия через посредничество позитивной шкалы базового самооценивания (0,33). Для выбора сотрудником данной стратегии, ему необходимо воспринимать себя с позитивной точки зрения, быть эмоционально стабильным, и наоборот, выраженность негативной самооценки затрудняет взаимодействие с окружением, несмотря на высокий уровень автономии.

Стратегия «увеличение требований» ($CMIN/df = 1,868$, $p = 0,05$; $CFI = 0,99$). Разнообразие навыков и задач, а также значимость задач оказывает одинаковый небольшой эффект на выбор стратегии (0,18). Однако, разнообразие навыков оказывает также опосредованный эффект через переменную «решение проблем» (0,21). Наибольший эффект на выбор стратегии оказало общее базовое самооценивание (0,52), которое отражает способность позитивно оценивать себя, рассудительно и позитивно реагировать на возникающие трудности, быть уверенным в своих силах и нести ответственность за полученный результат.

На выбор стратегии «снижение требований» ($CMIN/df = 0,9$, $p = 0,05$) наибольшее влияние оказывают сложность задач (0,29) и автономия (0,20). Тормозящим эффектом в отношении использования данной стратегии является отсутствие негативного базового самооценивания ($-0,21$), другими словами, восприятие себя, как человека, не боящегося неудач в деятельности, позитивно реагирующим на негативные последствия, а также понимание того, что результат его деятельности не зависит от внешних условий.

Из полученных результатов видно, что базовое самооценивание как личностный ресурс наибольший эффект оказывает на выбор стратегии изменений в работе «увеличение требований» (0,52). Взаимодействуя с характеристикой дизайнера работы «обратная связь» базовое самооценивание также оказывает значительный эффект (0,51) и на выбор стратегии «увеличение структурных ресурсов». На выбор остальных стратегий изменений в работе, «увеличение социальных ресурсов» и «снижение требований», базовое самооценивание оказывает меньший эффект и проявляется влияние факторов позитивной и негативной шкал. Так негативное базовое самооценивание имеет обратный эффект ($-0,21$) на выбор стратегии «снижение требований», а позитивное базовое самооценивание взаимодействуя с характеристикой дизайнера работы «автономия» оказывает

прямой эффект (0,33) на выбор стратегии «увеличение социальных ресурсов».

Можно сделать вывод, что базовое самооценивание является характеристикой, влияющей на выбор каждой из четырех стратегий изменений в работе, что показывает значимость данного конструкта для исследований проактивного поведения.

Литература

- Judge T. A., Erez A., Bono J. E., Thoresen C. J.* The Core Self-Evaluations Scale: Development of a measure // *Personnel Psychology*. 2003. V. 56. P. 303–332.
- Morgeson F. P., Humphrey S. E.* The Work Design Questionnaire (WDQ): Developing and validating a comprehensive measure for assessing job design and the nature of work // *Journal of Applied Psychology*. 2006. V. 91. № 6. P. 1321–1339.
- Tims M., Bakker A. B.* Job crafting: Towards a new model of individual job redesign // *South African Journal of Industrial Psychology*. 2010. V. 36. P. 1–9.
- Tims M., Bakker A. B., Derks D.* Development and validation of the job crafting scale // *Journal of Vocational Behavior*. 2012. V. 80. P. 173–186.
- Tims M., Bakker A. B., Derks D., van Rhenen W.* Job crafting at the team and individual level: Implications for work engagement and performance // *Group and Organization Management*. 2013. V. 38. № 4. P. 427–454.

Перцептивные стратегии студентов и профессионалов в области химии при анализе трехмерных молекул веществ

Ю. А. Ишмуратова (Москва)

Одной из главных особенностей профессиональной деятельности специалистов в области химии является кодирование и декодирование графически представленной информации в связи с тем, что большинство химических процессов недоступны для непосредственного наблюдения (Kozma, Russell, 2005). Для того чтобы исследуемые процессы и понятия стали более понятными и доступными для учащихся, часто используются графические схемы – репрезентации (Taber, 2009). Репрезентации могут быть представлены в виде схем, диаграмм, графиков, моделей, уравнений реакций, трехмерных изображений.

Графические репрезентации служат учебным материалом, который используется для отображения концепций, относящихся к предметной области. Кроме того, они являются важным инструментом,

который химики используют для решения задач, коммуникации друг с другом, передачи данных в научном сообществе, иными словами, являются неотъемлемой частью предмета химии (Kozma, Russell, 2005). Поэтому особенно актуальным становится выявление того, каким образом специалисты в химической сфере воспринимают и анализируют графические репрезентации. Специфика задач с использованием графических схем заключается в том, что каждая задача состоит из некоторого числа отдельных элементов, расположенных в заданном порядке, то есть схема имеет хорошо структурированную внешнюю презентацию условий. Это определяет специфику мыслительного процесса и придает особое значение пространственному распределению внимания (Ratwani, Trafton, Boehm-Davis, 2008).

Для исследования перцептивных стратегий при решении химических задач в настоящее время все чаще используется метод видеорегистрации движений глаз (Rau, Michaelis, Fay, 2015). В нашем исследовании были разработаны специальные задания, включающие в себя трехмерные формулы молекул веществ, которые позволяют определить особенности перцептивной обработки у специалистов химической сферы. Трехмерные (пространственные) модели позволяют наиболее близко к теоретическим моделям строения вещества представлять его состав, и, демонстрируют более полное взаимное расположение атомов, угол связи и расстояния между атомами.

Целью исследования было выявление различий в перцептивных стратегиях решения профессиональных задач респондентов с разным уровнем профессионального стажа.

Гипотеза исследования заключается в том, что характер перцептивных стратегий решения химических задач в области химии отличается у химиков с разным профессиональным стажем.

Выборка: в исследовании приняли участие 28 химиков в возрасте от 17 до 55 лет (средний возраст – 35 лет). Испытуемые были разделены на две группы по критерию стажа работы. 14 человек – студенты, обучающиеся на химических факультетах, средний стаж работы – 0,5 лет, средний возраст студентов – 19 лет; 14 человек – профессиональные химики, работающие по специальности более 10 лет, средний стаж работы – 12 лет, средний возраст профессионалов – 40 лет.

Стимульный материал

Совместно с химиками-экспертами, имеющими степень кандидатов химических наук и работающими в научных лабораториях более 20 лет, были разработаны задачи, представленные в виде химических репрезентаций. Каждая репрезентация состояла из трехмерно-

го изображения молекулы вещества (расположенной в левой части слайда) и вариантами ответов (расположенными в правой части слайда) — списком названий различных химических соединений. Список содержал десять вариантов ответов, из которых только один был верным. Перед испытуемыми ставилась задача определить вещество, молекула которого была изображена на слайде. Испытуемые должны были правильно распознать молекулу в левой части экрана и кликнуть мышью на тот вариант ответа, который они считают правильным. Всего было разработано 32 тестовых задания.

Аппаратура

Эксперимент был разработан и проведен с использованием оборудования SMI. Создание эксперимента проводилось в SMI Experiment Center. Регистрация движений глаз осуществлялась с помощью системы SMI Hi-Speed с частотой 1250 Гц с использованием опоры для подбородка. Обработка и анализ полученных данных осуществлялась в программе SPSS.

Результаты и обсуждение

Для сравнения эффективности стратегий поиска правильных решений были выделены две области интереса на каждой репрезентации: первая область — графическое представление химического элемента (трехмерное изображение молекулы) в левой части слайда, вторая область — варианты ответа в правой части. Были найдены значимые различия по времени пребывания в каждой из выделенных областей интереса. Оказалось, что взор студентов гораздо дольше находился в области с вариантами ответов ($F = 1417,86$, $p < 0,01$). Взгляд студентов в общей сложности находился в области интереса «варианты ответов» в течение 31,5 секунд, а профессионалов — 12,6 секунд. Для студентов также были характерны более длительные фиксации в области интереса «варианты ответов» ($F = 29,42$, $p < 0,01$), что свидетельствует о более глубокой когнитивной обработке информации в этой области (Holmqvist et al., 2011).

В области интереса «изображение молекулы» также были найдены статистически значимые различия между группами. Было обнаружено, что взгляд профессионалов находился в этой области дольше, чем взгляд студентов ($F = 219,72$, $p < 0,01$); общее время пребывания в области интереса «изображение молекулы» у профессионалов — в среднем около 14,2 секунд, у студентов — в течение 9,6 секунд. При этом средняя длительность фиксаций в данной области интереса была значимо больше у профессионалов ($F = 44,29$, $p < 0,01$).

Были обнаружены значимые различия между группами профессионалов и студентов по времени пребывания в области интереса «изображение молекулы» в первые 25 процентов времени решения задачи ($F = 565,17$, $p < 0,01$): взгляд профессионалов дольше находится в области интереса «изображение молекулы» в начале решения задачи.

Таким образом, проведя анализ глазодвигательной активности по выделенным областям интересов, можем сделать вывод о том, что профессионалы оценивали область изображения молекулы как релевантную, поэтому их взгляд большую часть времени решения задания находился в этой зоне. Более длительные фиксации экспертов в данной области также свидетельствуют о том, что они определяли ее как более информативную и требующую тщательного анализа. Для студентов, в свою очередь, большую значимость представляла область с вариантами ответов: большую часть времени взор студентов находился в этой области, и средняя длительность фиксаций была больше в этой области.

Анализ времени решения задач показал, что профессионалы выполняли задания значимо быстрее, чем студенты ($F = 154,18$, $p < 0,01$). Кроме того, было обнаружено, что профессионалы давали значимо большее количество правильных ответов ($F = 29,85$, $p < 0,01$).

Выводы

Было показано, что эксперты решают задачи быстрее и с меньшим количеством ошибок. Эффективность решения задач профессионалами обусловлена использованием оптимальных перцептивных стратегий: профессионалы при решении задач на идентификацию молекул вещества больше времени проводят на области задач, а не на области вариантов ответов. При этом для профессионалов характерны длительные фиксации на области интереса «изображение молекулы». Таким образом, профессионалам присуща стратегия построения ментальных репрезентаций, которая позволяет им не обращаться каждый раз к вариантам ответов, а держать в голове правильный вариант. Студенты решали задачи дольше и с большим количеством ошибок, что свидетельствует о применении менее эффективной перцептивной стратегии по сравнению с профессионалами. Студенты больше времени проводят на области интереса «список ответов», а не на области «изображение молекулы», при этом студентам присущи более продолжительные фиксации в области интереса «варианты ответов». Кроме того, было выявлено, что студенты просматривают все варианты ответа, иногда по несколько раз и совершают большее

количество перемещений между областями интереса. Они просматривают варианты ответов, переходя от одного к другому и всякий раз оценивая подходит ли обозначение под предъявленное изображение.

Литература

- Holmqvist K., Nyström N., Andersson R., Dewhurst R., Jarodzka H., Van de Weijer J.* Eye tracking: a comprehensive guide to methods and measures. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Kozma R., Russell J.* Students Becoming Chemists: Developing Representational Competence // Visualization in Science Education / Ed. J. K. Gilbert. Dordrecht: Springer Netherlands, 2005. P. 121–145.
- Ratwani R. M., Trafton J. G., Boehm-Davis D. A.* Thinking graphically: Connecting vision and cognition during graph comprehension // Journal of Exp. Psychol. Appl. 2008. V. 14. № 1. P. 36.
- Rau M. A., Michaelis J. E., Fay N.* Connection making between multiple graphical representations: A multi-methods approach for domain-specific grounding of an intelligent tutoring system for chemistry // Computers & Education. 2015. V. 82. P. 460–485.
- Taber K. S.* Learning at the symbolic level // Multiple representations in chemical education. Dordrecht: Springer, 2009. P. 75–105.

Стресс и копинг-стратегии матерей в ситуации тяжелой болезни ребенка*

Н. Н. Казымова, Ю. В. Быховец (Москва)

Блезнь ребенка представляет собой тяжелое испытание не только для него самого, но и для его ближайшего окружения. Роль семьи в успешности лечения тяжелого заболевания у ребенка и эффективности процесса его выздоровления отмечается как практиками, так и активно изучается в науке (Пятакова с соавт., 2017).

Переживания членов семьи по поводу болезни и предстоящей операции у ребенка являются источником сильного стресса для них, предъявляющим повышенные требования к наличию личностных ресурсов для совладания с этой ситуацией. В исследовании повседневного стресса и эффективных копинг-стратегий у родителей-детей с аутизмом показано, что конструктивными формами совладания

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-00-00393 К (18-00-00049).

у матерей являются принятие ответственности и поиск социальной поддержки, а у отцов – самоконтроль и поиск социальной поддержки (Михайлова, Гутшабаш, 2016). Сходные данные получены на выборке родителей, воспитывающих детей с ДЦП: показано, что доминирование у матерей таких стратегий как самоконтроль и принятие ответственности взаимосвязано с их более низкими значениями стресса, для отцов такими конструктивными стратегиями выступили конфронтация, самоконтроль и социальная поддержка. Личностными ресурсами у матерей стали самосознание/организованность и эмоциональная стабильность, а у отцов – экстраверсия, самосознание, эмоциональная стабильность, готовность к согласию (Михайлова, Щукин, 2016).

Важно отметить, что эффективность используемых копинг-стратегий также определяется фактором ситуации. Так, например, в ситуации столкновения с повседневными стрессорами принятие ответственности и поиск социальной поддержки не являются конструктивными стратегиями, в то же время в ситуации тяжелой болезни ребенка (аутизм, ДЦП) значение этих копингов изменяется – они способствуют снижению стрессовых переживаний от повседневных стрессоров.

Изучение повседневного и интенсивного стресса матери имеет особое значение, поскольку отдаленные последствия подобных переживаний могут сказываться на всей семейной системе в целом. Так, одним из возможных отсроченных последствий переживания интенсивного стресса является посттравматический стресс. В исследовании структурных параметров семейной системы было показано, что чем выше уровень выраженности признаков посттравматического стресса, тем более хаотичной и менее сплоченной воспринимают респонденты свою семью (Быховец, Коган-Лернер, 2019). В другом исследовании было показано, что семьи, в которых у одного из родителей проявляются признаки посттравматического стрессового расстройства, характеризовались большим количеством конфликтов, супружеских проблем, низкой удовлетворенностью браком, проблемным поведением детей, нарушениями процесса воспитания детей по сравнению с психологически благополучными семьями (Пермогорская, Падун, 2011).

Целью настоящей работы является изучение актуального уровня стресса матерей и его взаимосвязи с копинг-стратегиями и стратегиями регуляции эмоций в ситуациях до и после операции по поводу удаления доброкачественной опухоли опорно-двигательного аппарата у ребенка подросткового возраста.

Методика

В исследовании приняли участие 34 матери (средний возраст — 41,21 года) подростков, проходящих плановое хирургическое лечение, связанное, в основном, с удалением доброкачественных костных новообразований, в отделении детской костной патологии и подростковой ортопедии Национального медицинского исследовательского центра травматологии и ортопедии им. Н. Н. Приорова (г. Москва). Одним из условий для включения респондентов в выборку исследования было отсутствие у матерей опыта переживания тяжелой болезни и операции у ребенка (включая других детей в семье). Обследование проводилось дважды: за 1–3 дня до и через 3–7 дней после операции у ребенка.

Оценка уровня актуального стресса проводилась с использованием методики «Шкала воспринимаемого стресса» (ШВС-10) (Абабков с соавт., 2016). Методика включает в себя показатели двух субшкал: «Перенапряжение» и «Противодействие стрессу». Сумма баллов по двум шкалам образует общий индекс воспринимаемого стресса. Данная методика предлагалась участникам исследования к заполнению во время первого и второго обследований. Для того чтобы зафиксировать изменения в уровне стресса стандартная инструкция к опроснику была изменена («Как часто в дни после операции...») при повторном тестировании.

Методика CISS (Копинг-поведение в стрессовых ситуациях — КПСС) в адаптации Т. Л. Крюковой (2010) применялась для определения наиболее предпочитаемых способов реагирования на трудные жизненные ситуации.

Опросник регуляции эмоций (Gross, 2003) в адаптации И. Н. Дорофеевой и М. А. Падун (2012) был включен в исследование для оценки способов переработки травматической информации по двум субшкалам — «подавление» и «когнитивная переоценка».

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программного пакета Statistica v. 10.0 и включала в себя проведение процедур описательной статистики, применение критерия Т Вилкоксона, расчет коэффициента корреляции r_s Спирмена.

Результаты

Изменение уровня воспринимаемого стресса у матерей до и после операционного вмешательства у их детей было проверено с помощью Т-критерия Вилкоксона. Проведенный анализ позволил заключить, что интенсивность перенапряжения ($T = 192,5$, $p = 0,8100$)

и стресс в целом ($T = 215,00$, $p = 0,1584$) у матерей после операции остались на прежнем уровне. Однако было зафиксировано статистически значимое снижение показателей шкалы «Противодействие стрессу» ($T = 107,5$, $p = 0,0101$) при повторном обследовании. Пункты данной шкалы имеют обратное значение по отношению к общему индексу стресса, а значит, чем выше набранный балл по этой шкале, тем меньше уверенности в собственных силах противостоять жизненным невзгодам имеет респондент. Статистически значимое снижение балла по этой шкале у матерей после операции, перенесенной ребенком, означает рост уверенности в собственных возможностях контролировать ситуацию и противодействовать стрессу.

Корреляционный анализ показателей стресса матерей с предпочитаемыми ими стратегиями совладания, показал, что эмоционально-ориентированный тип реагирования на трудные жизненные обстоятельства положительно взаимосвязан с «Перенапряжением» (r_{s1}) и общим индексом стресса (r_{s2}) как до ($r_{s1} = 0,45$, $p = 0,007$; $r_{s2} = 0,44$, $p = 0,09$), так и после ($r_{s1} = 0,37$, $p = 0,031$; $r_{s2} = 0,38$, $p = 0,027$) операции. Субшкала «Противодействие стрессу», при этом, не обнаружила статистически значимой корреляционной взаимосвязи ни с одним из типов копинга ($p > 0,05$). Кроме того, не было обнаружено значимой связи способов регуляции эмоций (когнитивной переоценки и подавления) ни с показателями воспринимаемого стресса у матерей, ни с предпочитаемыми ими копинг-стратегиями ($p > 0,05$).

Таким образом, предпочтение эмоционального реагирования отражается на перенапряжении матерей, и, как следствие, общем уровне воспринимаемого стресса. Восприятие жизненной ситуации как источника стресса, по-видимому имеет множество факторов, к числу которых можно отнести как личностные особенности матерей, так и внешние обстоятельства, способствующие или препятствующие успешному совладанию: хотя напряжение, вызванное переживанием за жизнь и здоровье ребенка, не ослабевает, необходимость в контроле ситуации снижается в связи с госпитализацией ребенка и получением профессиональной помощи в стационаре.

Литература

- Быховец Ю. В., Коган-Лернер Л. Б.* Посттравматический стресс и структурные параметры семейной системы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2019. Т. 9. № 2. С. 207–221.
- Михайлова Н. Ф., Гутшабаиш М. Е.* Повседневный стресс и копинг родителей, воспитывающих детей с аутизмом // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 53–10. С. 294–302.

- Михайлова Н. Ф., Шукин А. В.* Повседневный стресс и копинг родителей, воспитывающих детей с детским церебральным параличом // Проблемы современного педагогического образования. 2016. № 53 (8). С. 208–214.
- Пермогорская Е. М., Падун М. А.* Посттравматический стресс и семейные отношения у сотрудников ОВД – участников контртеррористических операций на Северном Кавказе // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 3 (17). URL: <http://psystudy.ru/num/2011n3-17/489-permogorskaya-padun17> (дата обращения: 15.09.2019).
- Пятакова Г. В., Виссарионов С. В., Лебедева Е. И.* Материнское отношение как ресурс преодоления психологических последствий тяжелой формы ортопедического заболевания // Ортопедия, травматология и восстановительная хирургия детского возраста. 2017. Т. 5. №. 4. С. 60–67.

Условный характер вероятности исхода приводит к снижению его предпочтительности

А. П. Карбанов (Москва)

На настоящий момент известно множество примеров того, что столкнувшись с вероятностной информацией, люди ведут себя «странно». Зачастую это объясняется особенностями репрезентации вероятностей, в результате которой весовая функция перестает быть линейной (Tversky, Kahneman, 1981; Weber, 1994), влиянием ценности альтернативы на искажение оценок вероятности и искажениями вероятностных суждений, в результате которых искажается оценка вероятности событий при добавлении новой информации. Одними из таких искажений, описанных А. Tversky и D. Kahneman (1981), является порядок анализа вероятностной информации «сверху вниз» (top-down processing) и своеобразный «эффект края» при взвешивании факторов, влияющих на оценку вероятности. Последний эффект заключается в переоценке очень новой и очень старой информации, влияющей на оценку вероятности события, что прямо противоречит байесовскому подходу в оценке вероятности, в соответствии с которым порядок поступления новой информации не должен влиять на оценку вероятности.

Помимо этого, в той же статье авторы описывают эффекты надежности и псевдонадежности. В соответствии с эффектом надеж-

ности, если есть некая константа, снижающая вероятность обеих альтернатив, то влияние этой константы будет выражено в большей степени для изначально надежной альтернативы в сравнении с альтернативой, имеющей вероятностный характер. В свою очередь эффект псевдонадежности состоит в том, что влияние этой же константы будет проигнорировано, если она будет репрезентироваться решателем как независимое событие, предшествующее актуальной ситуации выбора. В совокупности же перечисленные эффекты являются яркой и наглядной демонстрацией того, что способы работы с вероятностной информацией, реализуемые людьми, зачастую сильно отличаются от того, что предписывается математической теорией вероятности.

В нашем исследовании мы пошли дальше и проверили гипотезу о том, влияет ли на предпочтения сам факт наличия фактора, влияющего на оценку вероятности — влияние условного характера вероятности одной из альтернатив на ее предпочтительность. В случае своего обнаружения, данный эффект позволит расширить представления об ограниченности вероятностных суждений человека.

Методика

Испытуемым предлагалось выбрать между двумя вариантами лечения, каждый из которых с одинаковой вероятностью приводил к выздоровлению пациента. Первая альтернатива (В) предлагала вероятность выздоровления $P=0,5$ (или $P=0,75$), вторая альтернатива (А) — гарантированное выздоровление ($P=1$) при условии правильно поставленного диагноза, который верен в 50% (или 75%) случаев. Базовая формулировка условия была следующей: «Пациент И. страдает опасным для жизни острым инфекционным заболеванием, по оценкам лечащего врача без подходящего лечения он умрет через 24 часа. Из-за нехватки времени точный диагноз установить невозможно. Известно, что заболевание «НУ» диагностируется в 50% (75%) случаев с наблюдаемой симптоматикой и использование антибиотика А приведет к спасению пациента, если диагноз верен, но если диагноз ошибочен — к смерти. Антибиотик В — более слабый препарат широкого спектра, с вероятностью 50% (75%) спасет пациента при любой инфекции, в противном случае он умрет. Какой антибиотик следует использовать врачу?».

В данной задаче исход «пациент спасен» при выборе антибиотика А зависит от эффективности антибиотика и вероятности правильного диагноза, т. е. наступает с вероятностью $P=1*0,5$ ($P=1*0,75$); при выборе антибиотика В — только от вероятности, что данный ан-

тибиотик окажется эффективен – $P=0,5$ ($P=0,75$). Таким образом, вероятность позитивного исхода при выборе любого из антибиотиков одинакова, ожидаемый шанс выбора каждой из альтернатив составляет 1 : 1.

Помимо базовой формулировки мы также предлагали формулировку контрфактуального характера (в прошедшем времени и сослагательном наклонении), которая, как было показано нами ранее (Карабанов, 2018) может приводить к изменению предпочтений. Таким образом, у нас было 4 варианта формулировки данного условия.

Выборка составила 217 человек, преимущественно студентов РГГУ очного и очно-заочного отделений, в возрасте от 17 до 55 лет ($M=21,3$), из них 73% – девушки.

Результаты и обсуждение

Мы использовали метод бинарной логистической регрессии, где зависимой переменной выступил выбор между вариантами лечения (А или В), предикторами: формулировка условия в прошедшем времени и сослагательном наклонении (контрфактуальный характер формулировки), вероятность успешного исхода ($P=0,5$ или $P=0,75$), половая принадлежность, а также попарные взаимодействия факторов. В итоге мы получили значимую модель ($\chi^2=11,077$, $p<0,001$) со следующими коэффициентами: константа ($\beta=0,844$, $p<0,001$), вероятность успешного исхода ($\beta=1,266$, $p<0,01$).

Выводы

- 1) альтернатива В доминирует А во всех условиях ($B>A$);
- 2) увеличение вероятности выздоровления до 0,75 приводит к усилению доминирования альтернативы В (с 69,9% при $P=0,5$ и 89,2% при $P=0,75$);
- 3) контрфактуальный характер формулировки и половые различия не повлияли на предпочтения.

Мы видим, что при ожидавшихся шансах предпочтения альтернатив 1 : 1 испытуемые продемонстрировали выраженное недоверие альтернативе А, предлагавшей условную вероятность выздоровления пациента. Увеличение вероятности желательного исхода до 0,75 также не должно было привести к изменениям предпочтительности альтернатив, однако, для равноценных альтернатив эффект не только сохранился, но и усилился. Такой результат невозможно объяснить с помощью кривизны как весовой функции, так и кривых ценности/полезности. Возможно ключом к интерпретации полученных результатов является теория сожалений (Loomes, Sugden, 1982), в со-

ответствии с которой данная задача предполагает не 2 очевидных исхода (пациент жив, пациент мертв), но целый набор комбинаций реальных и контрфактуальных исходов: 1) $b1$: пациент выживет ($a'1$: диагноз был бы правильным / $a'2$: диагноз был бы не верным); 2) $b2$: пациент умрет ($a'2$: диагноз был бы не верным / $a'1$: диагноз был бы правильным); 3) $a1$: диагноз будет правильным ($b'2$: пациент бы не выжил / $b'1$: пациент бы выжил); 4) $a2$: диагноз будет не верным ($b'1$: пациент бы выжил / $b'2$: пациент бы не выжил).

Отсюда могут происходить различия в силе сожалений, возникающих при выборе альтернатив А и В. Например, при выборе альтернативы В решатель избегает возможности врачебной ошибки, возможной при выборе А, и наступающей в результате ошибки самого решателя. Таким образом, при выборе А и наступлении исхода ($a2|b'1$) решатель бы сожалел не только о смерти пациента, но и о собственной ошибке — о том, что он понадеялся на врачей, т. е. демонстрировал бы эффект «избегания сожалений», синонимичный эффекту «избегания потерь». Безусловно, такая интерпретация требует, чтобы альтернатива В имела статус-кво, т. е. рассматривалась бы решателем как «опция по умолчанию», чему, по нашему мнению, вполне способствует наступление исходов $b1$ и $b2$ под влиянием «слепой судьбы».

В качестве альтернативного объяснения полученных результатов можно обратиться к представлениям А. Shah и D. Oppenheimer (2008), в соответствии с которыми одним из базовых принципов выбора человека является тенденция к снижению сложности выбора. Так как условный характер вероятности альтернативы А требует дополнительных размышлений, но равноценен В, то он обладает меньшим весом (decision weight). Такое стремление к упрощению задачи авторы рассматривают как основной механизм ее решения, однако, он предполагает изменение принципа выбора — переход от количественной оценки (которая предполагалась ранее) к эвристическим способам выбора.

Подытоживая, в ходе нашего исследования мы показали, что условный характер вероятности исхода сам по себе может являться фактором, снижающим предпочтительность альтернативы, а также предложили два варианта интерпретации полученных результатов.

Литература

Карабанов А. П. Влияние репрезентативности и временной локализации проблемы на предпочтение качественного или количественного преимущества в задаче на бинарный выбор // Вестник КГУ. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2018. № 1. С. 47–50.

- Loomes G., Sugden R.* Regret Theory: An Alternative Theory of Rational Choice Under Uncertainty // *The Economic Journal*. 1982. V. 92. № 368. P. 805–824.
- Shah A. K., Opreheimer D. M.* Heuristics Made Easy: An Effort-Reduction Framework // *Psychological Bulletin*. 2008. V. 134. № 2. P. 207–222.
- Tversky A., Kahneman D.* The Framing of decisions and the psychology of choice // *Science*. 1981. V. 211. № 4481. P. 453–458.
- Weber E. U.* From Subjective Probabilities to Decision Weights: The Effect of Asymmetric Loss Functions on the Evaluation of Uncertain Outcomes and Events // *Psychological Bulletin*. 1994. V. 115. № 2. P. 228–242.

Особенности субъективной оценки межличностного взаимодействия больных псориазом

П. Ю. Корабельник (Санкт-Петербург)

Псориаз – распространенное полиэтиологическое заболевание, которым, по разным источникам информации, страдает 1–3% населения России (Карякина, Смирнова, 2014; Павлова, 2005). Как показывают исследования, в 25–60% случаев псориаз оказывается психогенно спровоцированным (Пазина, 2010), что делает изучение психологических особенностей больных псориазом одной из актуальных проблем современной клинической психологии.

Псориаз сопровождается образованием красных, шелушащихся бляшек, которые провоцируют как физический дискомфорт, вызванный болью и зудом, так и психологический, связанный с негативными проявлениями в эмоциональной сфере и обеспокоенностью людей, страдающих псориазической болезнью, своим косметическим дефектом (Юцковский, Дубняк, Федорова, Фронек, 2006; Яговдик, Сятковский, Азарова, Белугина, Сятковская, 2005), ведущей к ограничению в социальных контактах. Высыпания на коже, видимые для окружающих, могут порождать неуверенность и повышенную чувствительность в сфере межличностных взаимодействий, подавленное настроение и тревожность, что в целом ведет к снижению качества жизни таких пациентов.

Изучение специфики субъективной оценки своего социального функционирования у больных псориазом представляется нам наиболее осмысленным с помощью сравнения с группой пациентов, страдающих другим психогенно спровоцированным заболеванием, не имеющим каких-либо видимых поражений на коже – сердечно-сосудистой патологией, и с группой пациентов, переносящих забо-

ление с видимыми проявлениями, но которое не спровоцировано психогенно – нарушение опорно-двигательного аппарата.

В качестве гипотез исследования выступило предположение о своеобразии субъективной оценки своего межличностного взаимодействия больных псориазом по сравнению с пациентами с другой патологией (с видимой для окружающих симптоматикой (патология опорно-двигательного аппарата) и без видимой симптоматики (сердечно-сосудистыми заболеваниями)), а также предположение о своеобразии субъективной оценки трудностей, возникающих в связи с псориатической болезнью, в зависимости от половой принадлежности больных.

Целью исследования явилось изучение особенностей субъективной оценки своего межличностного взаимодействия больными псориазом.

В исследовании приняли участие 66 человек с различными формами псориаза, в возрасте от 19 до 56 лет. Все из них – пациенты дерматовенерологического отделения клиники Первого медицинского университета им. Павлова и 442-ого Военного Округного Клинического Госпиталя ЛенВО Министерства Обороны РФ, СЗГМУ им. И. И. Мечникова, города Санкт-Петербурга, находящиеся на стационарном лечении. Группы сравнения составили: 33 пациента, страдающие различными видами сердечно-сосудистых заболеваний, в возрасте от 20 до 57 лет и 33 пациента с различными патологиями опорно-двигательного аппарата, в возрасте от 19 до 67 лет, находящиеся на стационарном лечении в клинике Первого медицинского университета им. И. П. Павлова.

В соответствии с целью исследования использовался следующий психодиагностический аппарат: полуструктурированное интервью, направленное на сбор анамнеза заболевания и информации по социальной ситуации больного; методика «Незаконченные предложения». Обработка полученных данных осуществлялась с помощью описательной статистики, анализа таблиц сопряженности и критерия χ^2 Пирсона.

Результаты проведенного исследования показали специфику субъективной оценки ограничений в социальном функционировании, связанных с болезнью, в сравниваемых группах больных.

В группе больных псориазом, как и в группе с нарушениями опорно-двигательного аппарата, на первый план в жалобах на проблемы, связанные с болезнью, выступают ограничения социальных контактов ($\chi^2 = 0,113$; $df = 1$; $p = 0,737$). Однако причины этих ограничений у респондентов различны.

Пациенты, страдающие псориазом, в отличие от респондентов других групп, наряду с жалобами на физический дискомфорт («постоянный зуд»), отмечают как проблему видимость заболевания для окружающих и ограничения, связанные с посещением общественных мест (91%). Больные вынуждены «избегать места скопления людей», но при этом их страшит и пугает состояние одиночества. В целом по группе 79% пациентов указывают на страх окружающих, вызванный внешними проявлениями болезни («другие боятся заразиться от меня»), 57% пациентов отмечают брезгливость в реакции окружающих на проявления заболевания.

Пациенты с нарушениями опорно-двигательного аппарата сталкиваются с неизбежными ограничениями физической активности (73%), в связи с чем они вынуждены просить помощи у окружающих, что, в свою очередь, провоцирует больных испытывать стеснение. Пациенты данной группы также отмечают, что любят бывать одни, «вдали от шумной толпы» (61%).

В отличие от больных псориазом, больные сердечно-сосудистой патологией не испытывают трудностей в социальном функционировании ($p=0,04$), однако пациенты данной группы отмечают отрицательное влияние заболевания на развитие карьеры и уровень доходов, говоря о «снижении работоспособности и утомляемости», о «невозможности нести прежнюю нагрузку» (76%).

Большинство больных псориазом (89%) так же, как и больные сердечно-сосудистой патологией (76%), считают, что их заболевание не оказывает сильного негативного влияния на внутрисемейные отношения ($\chi^2=1,587$; $df=1$; $p=0,208$).

Больные с нарушениями опорно-двигательного аппарата отмечают, что зачастую родственники проявляют по отношению к ним чрезмерную заботу (58%), и это вызывает у некоторых пациентов чувство неловкости и смущения (45%).

Следует отметить выявленные гендерные различия в оценке причин дискомфорта в группе пациентов с псориазом ($\chi^2=5,937$; $df=1$; $p=0,014$): 92% женщин среди основных трудностей, связанных с заболеванием, называют косметический дефект, тогда как 72% мужчины – дискомфорт, связанный с болевыми ощущениями и зудом. На существенное беспокойство, связанное с собственной внешностью и привлекательностью, указывают 86% выборки. Однако отмечаются различные стратегии совладания с этим беспокойством, в зависимости от гендерной принадлежности пациента ($\chi^2=7,745$; $df=1$; $p=0,0053$). Женщины (67%) более открыты и дружелюбны к посторонним, они готовы рассказать о своем заболевании, объяс-

нить, что «оно не заразно» и попытаться «смягчить обстановку». 83% женщин прибегают к различным видам помощи со стороны — успокоительные, мази, поддержка близких, переключение на занятие домашними делами. Мужчины (87%) чаще прибегают к стратегии управления своими эмоциями (например, пытаются «переключать эмоции», «собираться с духом»).

Таким образом, гипотезы подтвердились. Мы обнаружили специфику субъективной оценки своего межличностного взаимодействия больными псориазом. Пациенты, страдающие псориазом, как и больные патологией опорно-двигательного аппарата, т. е. пациенты, с видимыми для окружающих проявлениями заболеваний, испытывают трудности в социальном функционировании. Однако, если пациенты с нарушениями опорно-двигательного аппарата не желают быть физически зависимыми, то пациенты, страдающие псориазом, избегают контактов, полагая, что люди их сторонятся, что свидетельствует о наличии признаков самостигматизации. При этом, больные псориазом так же, как и больные сердечно-сосудистой патологией, оценивают внутрисемейную обстановку как благоприятную.

Больные псориазом испытывают сильные переживания по поводу собственной привлекательности (в особенности женщины), однако женщины склонны искать успокоение с помощью общения с окружающими, в то время как мужчины используют стратегии совладания с собственными эмоциями.

Полученные данные могут оказать помощь специалистам, работающим с пациентами, страдающими псориазом, сердечно-сосудистой патологией и нарушениями опорно-двигательного аппарата. Знание особенностей переживаний своего межличностного функционирования и субъективной оценки вызванных болезнью ограничений позволяет выявить симптомы-мишени, которые могут учитываться при составлении психопрофилактических и психокоррекционных программ.

Литература

- Карякина Л. А., Смирнова О. Н.* Псориаз: учебное пособие. СПб.: Изд-во СЗГМУ им. И. И. Мечникова, 2014.
- Павлова О. В.* Новые аспекты патогенетической терапии псориаза // Вест. дерматол. 2005. № 6. С. 36–39.
- Пазина М. В.* Эпидемиологические и медико-социальные аспекты заболеваемости хроническими дерматозами: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. Екатеринбург, 2010.

- Юцковский А. Д., Дубняк Н. С., Фёдорова Е. Б., Фронек А. А. К проблеме психогенных дерматозов // Российский журнал кожных и венерических болезней. 2006. № 4. С. 29–32.
- Яговдик Н. З., Сятковский В. А., Азарова Л. А., Белугина И. Н., Сятковская Н. В. Социально-психологические особенности личности больных псориазом // Белорусский медицинский журнал. 2005. № 1. С. 110–111.

Факторы агрессии мальчиков и девочек на примере кадетского и общеобразовательных классов

А. И. Кортаева (Ярославль)

Агрессия детей обсуждаемых проблем в психологической науке, однако остается достаточно большой круг вопросов, который требует дополнительных исследований. Так, еще в исследованиях середины XX века, доказана биологическая предрасположенность к агрессивности. Кроме биологических механизмов, вопрос агрессивности в поведении следует дополнить особенностями социализации мальчиков и девочек в различных обществах. Эрих Фромм отмечал, что «агрессивность, способствующая личной целеустремленности, — это качество, необходимое не только для выполнения определенных видов деятельности, но и для выживания самого индивида» (Фромм, 2001). Недостаточность проявления агрессивности или ее чрезмерная выраженность приводят к поведенческим нарушениям.

Агрессивность рассматривается как глубинная личностная характеристика, которая при чрезмерном проявлении требует длительной коррекции. Во взаимоотношении школьников проблема агрессии зачастую приобретает особую актуальность, так как препятствует успешному функционированию коллектива и психологическому благополучию личности. Военно-патриотическое воспитание, кадетские классы в школах распространены, однако усиление национального и военного компонента в образовании, приводит к стимуляции не только защитно-агрессивного поведения, но и нападающей агрессии путем введения в учебный план общей военной подготовки, занятий по стрельбе и пр. Рассмотрим факторы агрессии в кадетском и общеобразовательном классе.

Эмпирическое исследование проводилось на базе школы № 44 города Ярославля в 4А и 4Б, приняли участие 67 учащихся младшего школьного возраста 10–11 лет.

В исследовании были использованы опросник Басса–Дарки; Тест руки Вагнера, экспертная оценка педагога. Для обработки результатов использовались методы первичной описательной статистики; непараметрические методы анализа данных: критерий *U* Манна–Уитни, факторный анализ.

Анализируя результаты и сравнивая их, мы выяснили, что степени агрессии девочек кадетов и девочек общеобразовательного класса различаются.

В группе девочек общеобразовательного класса отмечаются высокие и средние значения по шкале косвенной агрессии и низкие средние значения по шкалам раздражительность и подозрительность по сравнению с группой девочек-кадетов.

При этом девочек общеобразовательного класса отмечают более высокие средние значения по шкале негативизма, что свидетельствует о большей готовности школьников выражать свое недовольство установленными правилами, запретами и авторитетами с помощью вербальных средств и по шкале обида, что говорит о том, что девочки общеобразовательного класса более обидчивы, плаксивы.

Большинство учащихся кадетского класса на низком уровне «физической» агрессии имеют показатель 32%, дети используют тогда, как у детей общеобразовательного класса он составляет всего 10%.

Почти на одном уровне находятся показатели, такие, как «косвенная» и «вербальная» агрессия (4,2); таким образом, для них не характерно проявление агрессии, направленной на других окольными путями.

По шкале «раздражение», 12% детей кадетского класса имеют низкий уровень готовности к проявлению вспыльчивости, резкости, грубости при малейшем возбуждении (высокий уровень раздражения). Более низкие показатели 7% у испытуемых общеобразовательного класса.

Следующий показатели агрессии – «негативизм». Ни кадетский, ни общеобразовательные классы не показали никакой результат. Это значит, что учащиеся не испытывают негативных чувств и негативных оценок окружающих людей и происходящих событий.

Анализ распределения испытуемых по шкале «обида» показывает, что учащиеся общеобразовательного класса не имеют выраженности обиды: им не характерно проявление зависти и ненависти к окружающим.

Однако, 10% младших школьников кадетского класса имеют небольшую выраженность данного показателя.

Младших школьников кадетского 10% и общеобразовательного 4% классов имеют низкий уровень показателя «подозрительность». Для учащихся кадетского класса характерно умеренное проявление недоверия и осторожности по отношению к окружающим.

Тогда, как учащимся общеобразовательного класса характерно проявление доверия к окружающим, открытости.

По показателю «чувство вины» получились следующие результаты: только 4% учащихся кадетского класса имеют низкий уровень выраженности чувства вины, умеренные проявления угрызений совести, 10% учащихся общеобразовательного класса характерно испытывать чувство вины за свое поведение, даже если они не совершают неправильные поступки.

В сравнении с учащимися 4Б общеобразовательного класса, ученики 4А кадетского класса показали значимо низкие результаты ($p \leq 0,01$) по шкале агрессивности.

Согласно полученным данным, девочки общеобразовательного класса значимо меньше склонны к неадекватному проявлению агрессии, и восприятие действительности у них не носит враждебного характера.

Факторизация позволила выявить наиболее значимые факторы агрессии у мальчиков кадетского класса. Значимое влияние оказано на ($p = 0,002492$) показатели физической и вербальной агрессии у мальчиков 4А кадетского класса (дисперсия фактора 12,6 и 13,1, соответственно).

Значимыми в данном случае оказались следующие факторы. Психолого-педагогический фактор свидетельствует о том, что у детей младшего школьного возраста кадетского класса имеются дефекты школьного и семейного воспитания. Личностный фактор говорит нам о том, что у младших школьников наблюдается активно-избирательное отношение к предпочитаемой среде общения, к нормам и ценностям своего окружения, педагогическим воздействиям семьи, школы. Таким образом, мы можем сделать вывод, что психолого-педагогический и личностный факторы оказывают наиболее сильное влияние на данные виды агрессии. Директивность со стороны ближайшего окружения также преобладает у учеников кадетского класса.

Это, возможно, вызвано специфическими условиями воспитания учащихся в кадетском классе, где за каждую провинность и нарушение дисциплины может последовать довольно строгое наказание, вплоть до исключения из кадетского класса.

Вследствие этого кадеты опасаются открыто выражать свои эмоции и, тем самым, привыкают сдерживать свою эмоциональность.

У обучающихся в общеобразовательном классе, имеется значительно меньше сдерживающих факторов, что позволяет им эмоционально реагировать на социальное воздействие.

Литература

- Корнеева Е. Н., Кортаева А. И.* Содержание учебно-методических комплексов как средство конструирования гендерной идентичности младших школьников // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 1. Т. II (Психолого-педагогические науки). С. 106–110.
- Клецина И. С.* Гендерная социализация. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.
- Кузьмин М. Ю.* Сравнение идентичности и ее динамики у младших школьников, подростков и лиц юношеского возраста // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 67–89.
- Ланкина Е. В.* Совладающее поведение, жизнестойкость и жизнеспособность личности: связь понятий, функций // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Сер. «Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика». 2015. Т. 21. № 4. 2015. С. 130–131.
- Фромм Э.* Типы агрессии // Психология человеческой агрессивности: Харвест / Сост. К. В. Сельченко. Мн.: Харвест, 2001.

Фаббинг в близких гетеросексуальных отношениях

А. Д. Крылова (Кострома)

Отражением объективных взаимоотношений между людьми в контексте общественной жизни являются субъективные межличностные отношения, исследования которых на протяжении многих лет не теряют свою актуальность.

В настоящее время наибольшую популярность набирают исследования в сфере близких (романтических) отношений, занимающих особое место в системе ценностей человека. Близкие отношения — это диадические значимые отношения субъекта с его/ее партнером, предполагающие эмпатический отклик, привязанность, доверие и сексуальное влечение партнеров друг к другу, продолжающиеся длительное время и относительно устойчивые, отличающиеся амбивалентным влиянием на человека (Крюкова, 2017).

Близкие отношения являются важной сферой жизнедеятельности, в которой развивается личность и удовлетворяются базовые по-

требности. В то же время, различия в эмоциональных состояниях, чувствах, взаимодействии между партнерами, когнитивные оценки и установки партнеров относительно друг друга и отношений в целом влияют на степень удовлетворенности близкими отношениями.

О. А. Екимчик выделяет такие компоненты близких отношений, как близость, интимность, привязанность, сексуальное влечение, сексуальная привлекательность, мотивация партнеров к отношениям (Екимчик, 2017). В данном исследовании акцентировано внимание на таких компонентах, как: близость и привязанность.

В имеющихся исследованиях на тему стресса и копинга в близких отношениях рассматриваются в основном стрессогенные факторы, которые могут привести к конфликту и/или распаду отношений (измена, утрата чувств, высокая конфликтность в отношениях, низкий уровень интимности) (Григорова, 2013).

Однако можно выделить еще один феномен, который влияет на близкие отношения – фаббинг (Chotpitayasunondh, 2016). Данный стрессогенный фактор только набирает популярность у исследователей в связи с информатизацией общества. Фаббинг партнера – социальное явление, характеризующееся ощущением пренебрежения партнером посредством гаджета в процессе коммуникации (Roberts, 2016).

Последствия влияния злоупотребления смартфонами на взаимодействия и взаимоотношения между людьми у ученых вызывает обеспокоенность. Исследования показывают, что во время бесед, при которых партнеры отвлекаются на мобильные телефоны, наблюдается более низкий уровень эмпатического интереса. Другие исследователи обнаружили, что такие беседы способствуют ухудшению взаимосвязи между людьми, уровень доверия и сочувствия также становится более низким (Chotpitayasunondh, 2016).

Проблема: каким образом и в какой мере феномен фаббинг проявляется в близких гетеросексуальных отношениях? С какими характеристиками близких отношений фаббинг связан?

Цель исследования – изучение особенностей связи фаббинга и характеристик близких отношений у мужчин и женщин.

Гипотеза: существует взаимосвязь между фаббингом и качественными характеристиками близких отношений у мужчины и женщины.

Методы: методика «Фаббинг партнера» (Partner phubbing, J. A. Roberts, M. E. David, 2015, апробирована Екимчик, Крыловой, 2019), мульти-опросник измерения романтической привязанности у взрослых К. А. Бреннан, Ф. Р. Шейвера (MIMARA, 1995; адаптация Екимчик, Крюковой, 2009), методика «Включенность Другого в шкалу собственной Я-концепции» А. Арона, Э. Арон и Д. Смоллан (IOS –

Inclusion of Other in the Self Scale, 1992, апробирована Крюковой, Захарченко, Екимчик, 2017) (Крюкова, Екимчик 2018). Для количественного анализа были использованы методы: сравнительный анализ по критерию U Манна–Уитни, корреляционный анализ с помощью коэффициента Спирмена.

В исследовании приняли участие 46 человек (27 девушек и 19 молодых людей), из которых 18 пар и 10 человек, состоящих в отношениях. Длительность отношений, в которых состоят испытуемые, колеблется от 1 года до 5 лет (средняя длительность – 2 года 5 месяцев). Возраст испытуемых от 18 до 27 лет (средний возраст – 20,8 лет, средний возраст у девушек – 19,93, средний возраст у юношей – 22,05).

Были получены следующие результаты. В отношениях мужчина стремится к эмоциональной близости с партнершей, делит с ней положительные эмоции, уверен в своих чувствах. Отношения любви доставляют мужчине положительные эмоции, однако он испытывает высокий уровень тревожности, ревности партнера и страх потери отношений привязанности. Женщины же проявляют интенсивное стремление к близости с партнером, высокую степень ревности, страх потерять отношения, отмечается слабая дифференцированность личностных границ с романтическим партнером.

Девушки оценивают степень выраженности фаббинга у своего партнера на среднем уровне. Это может проявляться в том, что, когда пары проводят время вместе, партнеры выкладывают свой телефон экраном вверх, когда партнер во время разговора отвлекается на звонки или входящие уведомления, большое количество времени пользуется телефоном, когда партнеры не вместе.

Мужчины же оценивают у партнерш степень выраженности фаббинга выше, нежели женщины, согласно результатам описательной статистики. Это может проявляться в пренебрежении партнером во время беседы, когда приходят уведомления на телефон или раздастся звонок, когда партнерша всегда держит телефон на виду, а также большое количество времени пользуется телефоном, когда партнеры не вместе.

С помощью анализа U Манна–Уитни были выявлены значимые различия. В частности, различаются оценки фаббинга партнера мужчинами и женщинами ($U = 166,5$ $p = 0,03$). Мужчины оценивают уровень фаббинга у партнерши выше, чем девушки. Возможно, высокий уровень фаббинга связан с потерей личностных границ в романтических отношениях.

Также выявлены достоверные различия в оценке степени близости с партнером ($U = 161$, $p = 0,03$) у мужчин и женщин. Мужчины

выше оценивают степень близости с партнершей, чем женщины. Это очень интересный факт и нуждается в дальнейшей перепроверке.

Проводя корреляционный анализ Спирмена, были обнаружены корреляционные связи между фаббингом, который оценивает женщина у мужчины и амбивалентностью мужчины ($r=0,53$, $p=0,02$). Можно предположить, что данная связь обусловлена тем, что ощущение противоречивости своих чувств мужчины в романтических отношениях приводит к тому, что он пытается скрыть их, пренебрегая своей партнершей, погрузившись в мобильный телефон.

Связь между выраженностью оценкой партнерского фаббинга мужчиной и уровнем его фрустрации ($r=0,66$, $p=0,01$) может быть обусловлена высокой степенью близости, а также стремлением увеличить ее. При ощущении пренебрежения собой мужчина испытывает отрицательные эмоции в связи с тем, что уровень близости в данный момент снижается.

Обнаружена также связь между оценкой партнерского фаббинга женщиной и уровнем его амбивалентности ($r=0,60$, $p=0,01$). При ощущении пренебрежения собой мужчина испытывает не только отрицательные эмоции, но и повышается уровень противоречивости чувств в романтических отношениях.

Корреляционная связь между оценкой партнерского фаббинга женщиной и доверием партнерши ($r=0,540$, $p=0,021$), означает то, что чем больше выражен такой компонент привязанности как доверие или уверенность в отношениях у женщины, тем больше становится степень выраженности фаббинга, который мужчина оценивает у женщины.

Связей между компонентами привязанности, близости и фаббингом, который женщина оценивает у мужчины, не было обнаружено.

Таким образом, наше предположение о различиях между фаббингом мужчины и женщины подтвердилось. Уровень фаббинга, который мужчины отмечают у женщин, значимо выше, чем у девушек.

Подтвердилось и предположение о взаимосвязи фаббинга с качественными характеристиками взрослой романтической привязанности. Больше количество значимых связей было выявлено с фаббингом, который ощущает мужчина, — амбивалентность мужчины, фрустрация мужчины, доверие женщины.

Литература

Григорова Т. П. Совладание с деструктивной привязанностью в романтических отношениях взрослых // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 1. С. 110–116.

- Екимчик О. А.* Близкие отношения мужчины и женщины как контекст диадического стресса и копинга // Вестник КГУ. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. №4. С. 77–82.
- Крюкова Т. Л., Екимчик О. А.* Психодиагностика стресса и совладания в близких гетеросексуальных отношениях: сборник психологических тестов и методик. Кострома: КГУ, 2018. С. 61–115.
- Chotpitayasunondh V., Douglas K. M.* How “phubbing” becomes the norm: The antecedents and consequences of snubbing via smartphone // *Computers in Human Behavior*. 2016. № 63. P. 9–18.
- Roberts J., David M.* My life has become a major distraction from my cell phone: Partner phubbing and relationship satisfaction among romantic partners // *Computers in Human Behavior*. 2015. № 54. P. 134–141.

Особенности индивидуальной устойчивости к стрессу и совладающего поведения у медицинских специалистов

И. И. Кудрина, А. Б. Леонова (Москва)

Профессионалы сферы здравоохранения исконно действовали в рамках строгих правил, ведь цена их ошибки чрезмерно велика. Основным фактором профессионального стресса в сфере здравоохранения является именно полная ответственность за жизнь и здоровье пациентов (Огнерубов, Огнерубова, 2015). В качестве дополнительной нагрузки можно выделить обучение в течении всей профессиональной жизни, характерное для специалистов данной сферы (Огнерубов, Огнерубова, 2015).

Также важной особенностью профессиональной деятельности медицинских работников является необходимость постоянного нахождения в состоянии повышенной бдительности для оказания своевременной медицинской помощи пациентам, что в совокупности с наличием сверхурочной работы и работы в ночное время ведет к повышенным затратам внутренних ресурсов (Леонова, Багрий, 2009).

В дополнение к выше перечисленному исследователи также выделяют следующие негативные факторы в работе медицинских специалистов: изменчивость и многозадачность профессиональной деятельности, интенсивная коммуникация с разными людьми, низкий уровень оплаты труда, чрезмерная или непонятная для профессионала бюрократия, работа в опасных условиях и др. (Леонова, Багрий, 2009; Огнерубов, Огнерубова, 2015 и т. д.).

Все это ведет к высокому уровню стресса у профессионалов сферы здравоохранения, что способствует формированию у них личностно-поведенческих заболеваний, синдрома выгорания и других профессиональных деформаций (Барабанщикова, 2017; Леонова, Багрий, 2009; Shaikh et al., 2004). Для оптимизации состояния медицинских специалистов и предотвращения такого развития событий необходимо увеличение числа исследований, посвященных изучению устойчивости к стрессу и совладающему поведению специалистов медицинского профиля.

Цель данной работы состояла в выявлении и анализе особенностей индивидуальной стрессоустойчивости и стратегий совладания со стрессом у медицинских работников.

Выборка составила 53 респондента, из них только 45 сотрудников указали свою должность: 25 врачей и 20 средних медицинских работников.

Методики

Буклет методик состоял из трех частей: 1) русскоязычная версия опросника трудового стресса Job stress survey (JSS, Spielberger, 1989), 2) комплексная система «Индивидуальная оценка уровня стресс-резистентности» – ИОСР (Леонова, 2009) и 3) шкала SACS («Стратегии преодоления стрессовых ситуаций», С. Хобфолл, 1994; русскоязычная адаптация Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой, 2009).

Результаты

В целом субъективные оценки респондентов относительно их уровня профессионального стресса лежат в пределах нормы, хоть негативные факторы, влияющие на респондентов, в совокупности приводят к несколько выраженному результирующему показателю уровня стресса.

Интегральный показатель индивидуальной стрессоустойчивости у специалистов сферы здравоохранения значимо высокий (62,6; $p < 0,05$), что является достаточно благоприятным результатом. Большинство показателей частных шкал выражены на среднем уровне, за исключением значимого понижения баллов по пунктам «Ситуативный гнев» (42,3; $p < 0,05$) и «Субъективный дискомфорт» (33,0; $p < 0,05$). Таким образом, респонденты не расположены к возникновению гнева под влиянием обстановки и в целом оценивают свою рабочую ситуацию как весьма комфортную.

Характерной модели совладающего поведения у специалистов медицинской сферы деятельности выявлено не было.

При проведении *сравнительного анализа* результатов высшего и среднего медицинского персонала были обнаружены существенные различия. Высший медицинский персонал выделяет следующие основные стрессоры в своей профессиональной деятельности (представлены в порядке уменьшения выраженности): работа с документами, повышенная ответственность, недостаток личного времени, срочность принятия решений, жесткие сроки, сверхурочная работа, работа за другого, недостаточные оплата труда и вознаграждения, кризисные ситуации, плохое оборудование, несоответствие профессиональным обязанностям, невыполнение обязанностей сотрудниками, низкая трудовая мотивация других сотрудников. Итак, представители высшего медицинского персонала отметили наличие в своей работе весьма значительного количества негативных факторов. В отличие от врачей, представители среднего медицинского персонала из основных стрессоров в своей деятельности отметили только повышенную ответственность.

В целом, врачи по сравнению со средним медицинским персоналом подвержены более сильному (4,6 и 3,3; $p < 0,05$) и частому (4,3 и 3,0; $p < 0,05$) влиянию негативных рабочих факторов, что в совокупности дает больший вес итогового воздействия стресса (24,0 и 15,4; $p < 0,05$).

Результаты по методике ИОСР также значимо благоприятнее у среднего медицинского персонала по сравнению с врачами: выше общий уровень индивидуальной стрессоустойчивости (64,9 и 61,6; $p < 0,05$) и ниже личностная (49,4 и 54,3; $p < 0,05$) и ситуативная тревожность (46,3 и 51,2; $p < 0,05$) и личностная депрессия (43,8 и 49,1; $p < 0,05$).

Значимые отличия между высшим и средним медицинским персоналом по шкалам методики SACS выявлены не были.

С помощью *кластерного анализа* на основании результатов по ключевым шкалам методики JSS все респонденты были разделены на две группы: переживающие выраженный уровень стресса (выраженные уровни силы, частоты и веса стресса) и испытывающие низкий уровень стресса (низкие уровни силы, частоты и веса стресса).

Распределение представителей высшего и среднего медицинского персонала по выделенным группам получилось следующим: 16 врачей и 4 средних медицинских работников были отнесены к группе переживающих выраженный уровень стресса, а к группе испытывающих низкий уровень — 6 и 9 профессионалов соответствующих категорий. Таким образом, 73% врачей попали в группу с выраженным уровнем стресса, тогда как из числа среднего медицинского персонала в нее вошли только 31%.

Выделенные группы имеют ряд значимых отличий. Медицинские работники, переживающие выраженный уровень стресса, характеризуются меньшим уровнем устойчивости к стрессу ($p < 0,01$) и более высокими показателями хронического утомления ($p < 0,05$), личностной ($p < 0,05$) и ситуативной тревожности ($p < 0,01$), ситуативной депрессии ($p < 0,05$) и субъективного дискомфорта ($p < 0,05$). Они также значимо чаще используют такую стратегию совладания со стрессом, как ассертивное поведение ($p < 0,05$).

Выводы

Общие показатели выборки профессионалов сферы здравоохранения благополучный: незначимо выраженный уровень стресса, значимо высокий интегральный показатель индивидуальной стрессоустойчивости и средняя выраженность всех стратегий совладающего поведения.

Сравнительный анализ представителей высшего и среднего медицинского персонала выявил ряд негативных факторов, специфичных для группы врачей, самыми выраженными из которых являются работа с документами, повышенная ответственность и недостаток личного времени. Субъективная оценка профессионального стресса у высшего медицинского персонала значимо выше, они также обладают меньшим уровнем устойчивости к стрессу. Данные различия могут быть объяснимы через особенности их деятельности: врачи играют ключевую роль при принятии решения по лечению пациентов. В целом описанные отличия могут привести к более негативному функциональному состоянию обследованного высшего медицинского персонала и снижению эффективности их профессиональной деятельности.

Полученное на основе кластерного анализа распределение обследованной выборки на две группы по уровню стресса, подтвердило значимое различие высших и средних медицинских работников: большая часть врачей (73%) вошла в группу переживающих выраженный уровень стресса, которая представляет собой группу риска.

На следующем этапе представленного исследования планируется расширить выборку, включив в нее представителей другой классической помогающей профессии – учителей, с целью выделения характерных особенностей, специфичных для специалистов социальных видов труда с высоким уровнем устойчивости к стрессу.

Литература

Барабанщикова В. В. Профессиональные деформации специалиста в инновационных видах деятельности. М.: Когито-Центр, 2017.

- Леонова А. Б.* Регуляторно-динамическая модель оценки индивидуальной стресс-резистентности // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики / Под. ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева (вып. 1). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 268–289.
- Леонова А. Б., Багрий М. А.* Синдромы профессионального стресса у врачей разных специализаций // Вестник Московского университета. Сер. 14. «Психология». 2009. С. 44–53.
- Огнерубов Н. А., Огнерубова М. А.* Синдром эмоционального выгорания у врачей-терапевтов // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Естественные и технические науки». 2015. № 2. С. 307–318.
- Shaikh B. T., Kahloon A., Kazmi M., Khalid H., Nawaz K., Khan N. A., Khan S.* Students, Stress and Coping Strategies: A Case of Pakistani Medical School // Education for Health. 2004. V. 17. № 3. P. 346–353.

Социально-психологические аспекты субъективного переживания времени современными студентами

Т. Ю. Кутукова (Ярославль)

Социальные представления, согласно концепции С. Московичи, являются характерными для больших социальных групп системой идей и умозаключений. Как свойства обыденного мышления (Р. Ю. Вербицкий), способность к формированию социальных представлений играет регулирующую функцию в обществе и способствует объединению крупных групп. Также социальные представления разного рода являются естественным отражением актуальной социальной ситуации в обществе и, в частности социальной ситуации, в которой находится та или иная группа. Изучение представлений о времени наравне с социальными представлениями о другом, о себе, о политике и пр. представляется весьма актуальной темой, в связи с тем, что представления о времени можно представить как характеристику, во многом определяющей процесс выбора деятельности, профессионального становления, оценке своих возможностей, и в целом способ организации жизнедеятельности.

Одной из составляющих социальных представлений о времени является эмоциональное переживание времени. На наш взгляд, оно задает способ субъективизации событийного ряда того или иного промежутка времени, помогает сформировать личностный смысл со-

бытий жизни. Эмоциональное переживание времени является фоном, определяющим непосредственное когнитивное содержание социальных представлений о времени.

Целью исследования являлось качественное описание структуры эмоционального переживания времени представителями современной молодежи.

Выборка: в исследовании приняло участие 53 человека (26 женщин, 27 мужчин, в возрасте от 18 до 21 года) – студенты бакалавриата и магистратуры вузов г. Ярославля.

Методы

Эмоциональное переживание времени исследовалось нами с помощью методики «Шкалы переживания времени», разработанной Е. И. Головахой и А. А. Кроником (2008). Методика представляет список из 10 шкал по типу семантического дифференциала Ч. Осгуда. Статистическая обработка полученных данных проводилась при помощи факторного анализа (вращение: варимакс нормализованных, критерии выделения факторов: критерий каменистой осыпи, критерий КМО – 0,7). В ходе математического анализа были выявлены следующие факторы: «Событийность», «Целостность», «Временной горизонт планирования».

Фактор «Событийность» образован шкалами: «Разнообразное», «Приятное», «Насыщенное». То есть событийную составляющую эмоциональной оценки времени респонденты трактуют по большей части позитивно и оптимистично.

Фактор «Целостность» образуют шкалы: «Цельное», «Непрерывное», «Организованное», «Плавное». Включение этих шкал в данный фактор может свидетельствовать о том, что ход времени воспринимается размеренным и однородным, без резких пиков и темповых сбоев. Подобное восприятие времени по большей части свойственно людям, живущим в социальной ситуации, субъективно воспринимаемой как стабильная с понятным и предугадываемым порядком событий.

Третий фактор эмоциональной оценки времени «Временной горизонт» образован шкалами: «Медленное», «Растянутое» и «Беспредельное». То есть значимым фактором для респондентов является идея широкого временного горизонта планирования, чувство запаса времени. Для молодежи (особенно в период студенчества) особую и очень важную роль играют планы на будущее. Наличие позитивного образа будущего, значимых целей для многих является мощным мотиватором в учебной деятельности. Идея достаточности времени, его растянутости и неторопливости крайне важна в данном периоде

социально-психологического развития, так как таким образом поддерживается психологическое благополучие личности и возможность осуществлять ведущую деятельность более успешно.

Эмоциональная оценка времени респондентами, помимо обусловленности возрастными особенностями, во многом связана с их социальным статусом — респонденты данной группы являются активными студентами-очниками. Студенты находятся в том периоде, когда их маршрут профессионального становления от школы к вузу и дальнейшему трудоустройству довольно ясно определен (или по крайней мере мыслится таковым). Эмоциональная оценка хода времени молодежью имеет в целом позитивный, оптимистичный характер с ощущением стабильности и предсказуемости событий. По всей видимости, в таком случае стоит отметить работу Правительства Ярославской области в вопросах Молодежной политики, а также активную работу университетов Ярославля, направленную на сопровождение студенчества и формирования позитивного образа будущего у молодежи. И все же, любопытным исследовательским вопросом остается вопрос о непосредственном содержании образа будущего молодых людей и том, насколько он является отражением подлинных стремлений юношей и девушек, а не привнесенной извне нормативной биографической схемой. Изучение данного вопроса мы предполагаем в следующих работах.

Литература

- Головаха Е. И., Кроник А. А.* Психологическое время личности. М.: Смысл, 2008.
- Вербицкий Р. Ю.* Социальные представления как предмет социальной психологии // Вестник Университета. 2015. № 11. С. 311–315.
- Московичи С.* От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 2. С. 82–96.

Роль прошлого опыта в возникновении инсайтного решения*

Н. Ю. Лазарева, И. Ю. Владимиров (Ярославль)

Основной целью нашего исследования является изучение «эффекта серии» как возможного механизма искусственной индук-

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00672.

ции инсайтного решения на изначально неинсайтных задачах путем формирования неверной репрезентации задачи. «Эффект серии» (mental set / Einstellung effect) впервые был описан А. Лачинсом, автор объяснял его возникновение механизмом процедурализации. Суть феномена заключалась в том, что предыдущий успешный опыт решения задач мешает решению более простых их аналогов, опыт использования определенной процедуры закрепляется, а альтернативные подходы к решению перестают быть очевидными (Luchins, 1942).

Опираясь на теорию изменения репрезентации С. Ольссона, который рассматривает решение инсайтных задач (малых творческих задач) как процесс преодоления тупика (Ohlsson, 1992), мы предполагаем, что «эффект серии» является побочным продуктом структурирования нашего опыта и может стать причиной возникновения неверной репрезентации задачи, которая впоследствии может привести к трудностям при решении, а для их преодоления необходимо будет творческое/инсайтное решение (внезапное появление в сознании правильного решения).

Данный подход к изучению инсайтного решения позволяет по новому взглянуть на процесс инсайтного решения, а если быть точнее, рассмотреть данный феномен с позиции его роли в процессе творческого решения задач, а также умения отойти от выученного алгоритма действий и применить качество. На наш взгляд, одним из механизмов возникновения инсайта является необходимость преодолеть негативное влияние прошлого опыта.

М. Оллингер и коллеги (Öllinger, Jones, Knoblich, 2008) в своем исследовании показали, что предварительное решение инсайтных задач, требующих одного типа репрезентативного изменения, ухудшает решение задач, требующих иного изменения репрезентации. Также авторы доказали, что предварительное решение неинсайтных задач не влияет на инсайтное решение. В работе И. Ю. Владимирова и О. В. Павлищак (Владимиров, Павлищак, 2015) было проведено исследование, в котором показано, что предварительное решение инсайтных задач, требующих одного типа репрезентативного изменения, улучшает решение и снижает инсайтность для того же типа задач. Таким образом, авторы показывают возможность превращения инсайтного решения задачи в неинсайтное при снятии фиксированности. Однако, для того, чтобы понять, является ли фиксированность на определенном принципе решения механизмом инсайта, на наш взгляд, необходимо провести еще одну серию работ, в которой будет раскрыт механизм превращения неинсайтного решения в инсайтное.

Гипотезы

Основная гипотеза: возникновение тупика в инсайтных задачах, вызванное формированием фиксированности на неправильной репрезентации, требует инсайтного решения.

Частные гипотезы

- 1) решение критической задачи Лачинса (water-jar problem) после установочной серии, формирующей неверную репрезентацию задачи, оценивается испытуемыми как более инсайтное;
- 2) параллельная загрузка рабочей памяти, мешающая формированию фиксированности, оказывает негативное влияние на оценку инсайтности критической задачи Лачинса (water-jar problem).

Переменные экспериментального исследования

Независимые переменные

1. Тип предварительной серии: а) установочная (формирует неверную репрезентацию задачи); б) неустановочная (не формирует неверную репрезентацию задачи).
2. Уровень сложности загрузки РП: а) простая специфическая параллельная загрузка для задач Лачинсов (работа с простыми числовыми заданиями); б) сложная специфическая параллельная загрузка для задач Лачинсов (работа со сложными числовыми заданиями).

Зависимые переменные

- 1) время решения;
- 2) степень инсайтности решения.

Выборка: 41 испытуемых в возрасте от 18 до 22 лет ($M = 20,7$; $Md = 18$; $\sigma = 1,5$), 4 мужчины и 36 женщин.

Аппаратное обеспечение

Дизайн исследования создан с помощью программы PsychoPy2 v. 1.81.02, исследование проводилось на переносном персональном компьютере (ASUS X550ZE-XX173T), обработка результатов исследования проводилась с помощью программы Statistica v. 10.0.

Стимульный материал

Эффект фиксированности моделировался с помощью видеоизмененных задач Лачинсов (Luchins, 1950).

В качестве вторичных параллельных задач, воздействующих на формирование фиксированной схемы решения, была разработана специализированная батарея заданий (работа с простыми и сложными числовыми заданиями).

Процедура исследования

Эксперимент состоял из двух серий: 1) установочная; 2) неустановочная.

В установочной серии первые 6 задач на переливания решались по единственно верному определенному принципу (Б-С+2А), 7 критическая задача решалась более простым единственно верным способом (А-Б).

В неустановочной серии первые 6 задач не имели в своем решении никакого строго заданного принципа, таким образом, не формировалась установка на определенной стратегии решения, 7 задача решалась единственно верным способом (А-Б).

После решения последней критической задачи в обеих сериях испытуемым необходимо было оценить степень инсайтности своего решения критической задачи с помощью адаптированного пост-экспериментального опросника, максимально по шкале инсайтности можно было набрать 6 баллов (Ellis, 2012).

Как во время решения установочных, так и во время решения критической задачи испытуемые должны были выполнять параллельную задачу, которая появлялась внизу экрана. Перед каждой серией осуществлялась тренировочная серия на решение основной и параллельных задач. Каждому испытуемому необходимо было решить одну установочную и одну неустановочную серию из 7 задач в разных условиях.

Результаты

Для выявления статистически значимых различий между несвязанными группами при неподчинении признака закону нормального распределения использовался U-критерий Манна–Уитни.

Для определения различий в оценке инсайтности критической задачи в условиях установочной и неустановочной серии без параллельного воздействия (без параллельной задачи) анализировались ответы на постэкспериментальный опросник. Как и предполагалось, решение критической задачи Лачинса с переливания без воздействия после установочной серии ($N_{уст.} = 10$; $Md_{уст.} = 4$; $Q1_{уст.}$; $Q3_{уст.} = 2$; 4) оценивается испытуемыми как более инсайтное, чем после неустановочной серии ($N_{неуст.} = 10$; $Md_{неуст.} = 2$; $Q1_{неуст.}$; $Q3_{неуст.} = 1$; 2) ($U = 20,5$, $p = 0,028$).

Таким образом, основная гипотеза о том, что возникновение тупика в неинсайтных задачах, вызванное формированием фиксированности на неправильной репрезентации, требует инсайтного решения, подтвердилась.

Для определения различий в оценке инсайтности критической задачи в условиях установочной и неустановочной сериях при решении простой и сложной параллельных задач также анализировались ответы на постэкспериментальный опросник. Гипотеза о том, что параллельная загрузка рабочей памяти, мешающая формированию фиксированности, оказывает негативное влияние на оценку инсайтности критической задачи Лачинса, подтвердилась. Значимых различий в оценке инсайтности критической задачи в установочной и неустановочной сериях с дополнительным воздействием не были выявлены для простой параллельной загрузки ($U = 42$, $p = 0,38$; для сложной – $U = 166,5$, $p = 0,26$).

Выводы

По всей видимости, фиксированность на определенном принципе решения действительно является одним из механизмов инсайта. «Эффект серии», описанный на классических задачах А. Лачинса, которые по сути своей являются неинсайтными, действительно иллюстрирует возникновения инсайтного решения критической задачи. По всей видимости, вследствие автоматизации определенного принципа решения, снижается вероятность выбора иной схемы решения, а дальнейшее преодоление субъективного тупика и нахождение нового принципа решения сопровождается инсайтной реакцией.

Литература

- Владимиров И. Ю., Павлицак О. В.* Преодоление фиксированности как возможный механизм инсайтного решения // *Современные исследования интеллекта и творчества.* 2015. № 4. С. 48–64.
- Ellis J. J.* Using eye movements to investigate insight problem solving: Diss. 2012.
- Luchins A. S.* Mechanization in problem solving: The effect of Einstellung // *Psychological monographs.* 1942. V. 54. № 6.
- Ohlsson S.* Information-processing explanations of insight and related phenomena // *Advances in the psychology of thinking.* 1992. V. 1. P. 1–44.
- Öllinger M., Jones G., Knoblich G.* Investigating the effect of mental set on insight problem solving // *Experimental psychology.* 2008. V. 55. № 4. P. 269–282.

Декомпозиции семантического чанка как возможный механизм изменения репрезентации инсайтной задачи*

Н. Ю. Лазарева, А. В. Чистопольская, Н. Ю. Акатова (Ярославль)

Проблема разработки модели процесса инсайтного решения является актуальной проблемой современной когнитивной психологии. Согласно модели С. Ольссона (Knoblich et al., 1999; Ohlsson, 1992), прошлые элементы знаний, которые являются нерелевантными решению задачи, могут послужить причиной построения первичной неверной репрезентации задачи, приводя к возникновению тупика. Тупик может быть преодолен изменением неадекватной репрезентации задачи, которое сопровождается инсайтной реакцией. С. Ольссон выделяет и описывает два основных механизма изменения репрезентации: ослабление запретов (constrain relaxation) – преимущественно высокоуровневый механизм; декомпозицию перцептивного чанка (chunk decomposition) – низкоуровневый механизм.

Анализируя работы автора можно обнаружить, что механизмы переструктурирования репрезентации являются разноуровневыми и исследуют работу только одного формата репрезентации (визуального). Доработка данной модели, на наш взгляд, является важным этапом на пути к рассмотрению спорного на протяжении многих лет и до сих пор актуального вопроса о специфичности процесса решения инсайтной задачи.

Мы в своей работе предполагаем новые механизмы изменения репрезентации задачи: декомпозицию семантического чанка и ослабление перцептивных ограничений.

В данной работе предполагается экспериментальное исследование декомпозиции семантического чанка как высокоуровневого механизма инсайтного решения.

Гипотезы

Основная гипотеза: наличие семантического чанка в анаграмме будет индуцировать инсайтность ее решения и увеличивать сложность решения.

Частные гипотезы

1. В условии семантического чанка оценки степени инсайтности решения анаграммы будут выше, в сравнении с условиями отсутствия семантического чанка.

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-313-00123.

2. В условии семантического чанка количество решенных анаграмм будет меньше.
3. В условии семантического чанка время решения анаграмм будет значимо больше.

Переменные экспериментального исследования

Независимые переменные: наличие семантического чанка: анаграмма с трехбуквенным семантическим чанком в начале слова; анаграмма без трехбуквенного семантического чанка в начале слова.

Зависимые переменные: время решения задачи; решенность/нерешенность задачи; оценка инсайтности решения.

Аппаратное обеспечение исследования

Эксперимент был проведен с использованием скриптов, написанных в среде PsychoPy2 v. 1.81.02, обработка результатов исследования проводилась с помощью программы Statistica 10.0.

Выборка

Первая серия исследования: 31 человек в возрасте от 18 до 45 лет ($M = 24,1$; $Med = 21$; $\sigma = 5,8$), 6 мужчин и 25 женщин.

Вторая серия исследования: 32 человека в возрасте от 18 до 41 года ($M = 24,2$; $Med = 20,5$; $\sigma = 7,6$), 12 мужчин и 20 женщин.

Стимульный материал

Стимульный материал, используемый в основных сериях экспериментов, был отобран в ходе пилотажного исследования. В рамках пилотажного исследования была создана база анаграмм, уравненных по времени и частоте решения. В результате первичного отбора из 52 было отобрано 20 шестибуквенных анаграмм. Анаграммы представляли собой шестибуквенные слова, существительные, единственного числа, именительного падежа, имена нарицательные.

Специфика экспериментального условия с присутствием семантического чанка заключалась в том, что в начале анаграммы находилось трехбуквенное слово. Специфика экспериментального условия без семантического чанка заключалась в том, что в начале анаграммы находился бессмысленный набор букв. Например, КОТЖЛЕ — анаграмма с присутствием семантического чанка, КЕТЖЛО — анаграмма с отсутствием семантического чанка (ответ: желток). Каждый чанк внутри эксперимента встречался один раз. Сами трехбуквенные чанки также были уравнены по частоте.

Во *второй серии эксперимента* мы более точно повторили процедуру, используемую Дж. Эллис и Е. Рейнгольдом. Первая тройку букв каждой анаграммы выделялась цветом и пространственной группировкой, однако сами анаграммы мы по-прежнему располагали в строчку (чанк в начале слова), в остальном процедура исследования была аналогичной первой серии эксперимента.

Процедура исследования

Испытуемому необходимо было решить 20 анаграмм, половина из которых в начале содержала семантический чанк. Анаграммы появлялись на экране компьютера в случайном порядке, на решение каждой анаграммы отводилось 3 минуты. Как только испытуемый находил ответ, ему необходимо было нажать клавишу «пробел» и ввести ответ в появившееся окно. Далее, если испытуемый отвечал верно, то ему необходимо было оценить степень инсайтности своего решения с помощью адаптированного постэкспериментального опросника Л. Новик и С. Шерман (Novick, Sherman, 2003).

Результаты

Первая серия экспериментального исследования

Степень инсайтности при решении анаграмм в условиях семантического чанка и без него значимо не различается ($\chi^2=0,66$, $p=0,71$).

Однако были выявлены значимые различия по количеству решенных анаграмм: при наличии семантического чанка количество решенных анаграмм значимо меньше ($\chi^2=4,81$, $p=0,03$).

По всей видимости, условия семантического чанка оказывают фиксирующее, осложняющее влияние на решение анаграммы. Однако полученные данные по степени инсайтности заставляют задуматься о чувствительности метода и дальнейшей разработке метода оценки инсайтности решения задачи.

Вторая серия экспериментального исследования

В первой серии эксперимента был проведен дополнительный качественный анализ показателей движений глаз (dwells) во время решения анаграмм. Анализировалось количество dwells в соответствующих зонах интереса (AOI): зона 1 – первая тройка букв (чанк/нечанк); зона 2 – вторая тройка букв. Не установлено значимых различий в показателях dwells в указанных зонах интереса. Большая часть фиксаций глаз приходится на среднюю пару букв. Более того в самоотчете испытуемых большая часть не заметили никакой

особенности в организации анаграмм и трехбуквенного слова в самом начале. Поэтому во второй серии эксперимента мы более точно стали опираться на прием, реализуемый в исследованиях эффекта установки Дж. Эллис и Е. Рейнгольда (Ellis, Reingold, 2014). Несмотря на это, не было установлено значимых различий в количестве решенных и нерешенных анаграмм в зависимости от наличия семантического чанка ($\chi^2 = 0,57$, $p = 0,45$). По времени решения анаграммы, включающие трехбуквенное слово в начале, и анаграммы, включающие в начале бессмысленный набор букв, также не различались ($F(1, 494) = 0,13$, $p = 0,72$). Однако, в отличие от первой серии, по самоотчетам испытуемых 78% заметили слово в начале анаграммы и 60% из них испытывали субъективные затруднения вследствие наличия этих семантических чанков.

Выводы

Результаты, первой серии исследований говорят в пользу того, что наличие семантического чанка оказывают фиксирующее влияние на решение анаграмм, тем самым накладывает дополнительную сложность за счет активации дополнительного семантического чанка. Полученные данные по степени инсайтности решения заставляют задуматься о дальнейшей разработке более чувствительного метода оценки инсайтности решения задачи. При этом, согласно результатам второй экспериментальной серии, вполне резонно говорить о том, что эффект от чанка, по всей видимости, в большей степени стирается, а сам чанк оказывает недостаточное влияние на решение анаграммы за счет того, что перебор всевозможных вариантов букв стирает первоначальную фиксированность на семантическом чанке.

Перспективным представляется исследование эффекта на материале пятибуквенных анаграмм и модификация экспериментальной процедуры предъявления семантических чанков.

Литература

- Ellis J. J.* Using eye movements to investigate insight problem solving: Diss. 2012.
- Ellis J. J., Reingold E. M.* The Einstellung effect in anagram problem solving: evidence from eye movements // *Frontiers in psychology*. 2014. V. 5. P. 679.
- Knoblich G., Ohlsson S., Haider H., Rhenius D.* Constraint relaxation and chunk decomposition in insight problem solving // *Journal of Experimental Psychology: Learning, memory and cognition*. 1999. V. 25. № 6. P. 1534.
- Novick L. R., Sherman S. J.* On the nature of insight solutions: Evidence from skill differences in anagram solution // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology Section A*. 2003. V. 56. № 2. P. 351–382.

Ohlsson S. Information-processing explanations of insight and related phenomena // Advances in the psychology of thinking. 1992. V. 1. P. 1–44.

Социально-психологическая пресыщенность молодежи в условиях проживания в мегаполисе и стратегии совладания с ней

И. В. Ларионов (Москва)

Современный этап в развитии общества характеризуется интенсивно нарастающими процессами урбанизации. Так, если в 2007 году количество городских жителей впервые превысило число сельских, то в 2014 году городское население (по сравнению с 1950 г.) увеличилось уже в 5,2 раза, а сельское – в 1,9 (Щербакова, 2015).

Растущие темпы урбанизации и увеличивающееся вслед за ними число городских жителей приводят к изменениям предметно-пространственной, природной и социальной среды города. Усиливается ритм жизни горожан, плотность и интенсивность коммуникативных процессов (см., напр.: Дробышева, Журавлев, 2016; и др.). Городской образ жизни распространяется и в пригородных районах крупных городов (Алисов, Хорев, 2003). Рост городского населения привносит изменения на рынок труда, стимулирует производство новых товаров и услуг, которые нуждаются в рекламе. В результате жизнь в современном городе становится чрезмерно информатизированной: реклама в метро, уличная реклама, реклама в СМИ и Интернете и т. п. Интенсивные потоки информации, высокая плотность населения и, как следствие, навязанные коммуникации, способствуют социально-психологической пресыщенности горожан условиями проживания в большом городе. Данное явление влияет как на процессы восприятия, переработки и запоминания информации, так и на характер социального взаимодействия жителей мегаполиса. По нашему мнению, пресыщенность может выполнять функцию «защитного механизма», оберегающего психику от переизбытка информации в окружающей социальной среде (Дробышева, Ларионов, 2018; Зиммель, 2002).

Проблема исследования состояния пресыщенности условиями проживания в мегаполисе связана, с одной стороны, с поиском разнообразных источников и форм проявления этого состояния, с другой стороны, с выявлением способов совладания с ним.

Все вышеизложенное послужило основанием для формулировки цели, задач и гипотезы настоящего исследования (научный руководитель работы – Т. В. Дробышева).

Гипотеза: вариативность стратегий совладания с состоянием пресыщенности в группе молодых жителей мегаполиса связана с многообразием проявлений переживания данного состояния.

Цель исследования: изучение связи проявлений пресыщенности условиями проживания в мегаполисе и стратегий совладания с ней в группе молодых жителей мегаполиса.

Описание выборки: в исследовании приняли участие 87 жителей г. Москвы в возрасте от 19 до 30 лет (43% – мужчины, 57% – женщины). Предпочтение данной возрастной группы связано с активным образом жизни респондентов в мегаполисе.

Методы исследования

На пилотном этапе с помощью метода фокус-группы выявляли совокупность суждений о явлениях социальной жизни горожан, определяемых как источники пресыщенности, и проявлениях этого состояния. Массив полученных данных обрабатывали с помощью контент-анализа. В дальнейшем данные суждения были включены в авторские опросники, построенные по типу шкал Лайкерта. С помощью первого опросника определяли разнообразные проявления состояния пресыщенности, с помощью второго определяли спектр явлений, вызывающих это состояние. Прием «незавершенные предложения» применяли для изучения копинг-стратегий совладания с состоянием пресыщенности. Также использовалась авторская анкета, ориентированная на выявление социо-демографических характеристик респондентов. Методы статистического анализа соответствовали цели и задачам исследования. Использовали: дескриптивную статистику, частотный и корреляционный анализы (по критерию Спирмена при $p < 0,05$).

Результаты эмпирического исследования

Частотный анализ *проявлений пресыщенности условиями проживания* показал, что чаще всего респонденты отмечают: желание куда-нибудь уехать (74,7%), стремление к общению только с самыми близкими (48,2%), активный поиск новых источников удовольствия (43,7%), устойчивое переживание негативных эмоций, раздражения (37,9%). Многообразие проявлений данного феномена позволяет выделить несколько форм пресыщенности: коммуникативную (вызвано чрезмерным общением, навязанным условиями жизни в большом

городе), гедонистическую (неудовлетворенность имеющимися возможностями досуга, активный поиск новых источников удовольствия, мода), информационную (обилие разнообразной информации, в том числе рекламы) и др. Информационная и коммуникативная формы пресыщенности представляют собой разные аспекты социально-психологической пресыщенности. Факт выделения различных форм свидетельствует о сложном, комплексном характере изучаемого феномена.

Анализ связи показателей пресыщенности и копинг-стратегий совладания в группе молодых жителей мегаполиса

Для выявления копинг-стратегий была применена авторская методика, построенная по типу «незавершенных предложений». Респондентам были предложены три суждения, ориентированные на выявление способов совладания с пресыщенностью коммуникациями («Когда я устаю от беседы с кем-то, я...», «Долго находясь в большой компании, я...», «Если я весь день с кем-то общался, то приходя домой я...») и три суждения — на совладание с пресыщенностью информацией («Сталкиваясь с назойливой рекламой, я обычно...», «Если при выборе товара я долго изучаю все характеристики аналогов, то после нескольких часов выбора я...», «При долгом поиске нужной информации в интернете я обычно...»).

Все варианты ответов обрабатывали с помощью контент-анализа. Частотный анализ позволил выявить наиболее часто упоминаемые категории ответов по каждой ситуации.

Результаты показали, что в данной группе респондентов наиболее выражены следующие стратегии совладания с *коммуникативной пресыщенностью* (пресыщенность общением в мегаполисе): 56,3% респондентов склонны вежливо или резко прерывать утомившую их беседу; 57,5% — стараются уединиться в ситуации навязанных коммуникаций. Часть участников исследования (44,8%) отмечала, что, возвращаясь домой после тесного общения, переключаются на любимое дело или уединяются (26,4%).

Частотный анализ предпочитаемых стратегий совладания с *информационной пресыщенностью в мегаполисе* (пресыщенность информацией, наружной рекламой и т. д.) выявил, что 58,6% выборки склонны ограждать себя от рекламы. Они отмечали, что обилие рекламной информации вызывает у них злость и агрессию. Обнаружили, что 59,8% респондентов не испытывали негативных эмоций после долгого изучения аналогичных товаров. Однако 60,9% участников исследования отметили, что устают, хотя бы остановить-

ся или сделать перерыв в случае длительного поиска нужной информации в Интернете.

Корреляционный анализ (r Спирмена, $p < 0,05$) показал, что респонденты, испытывающие пресыщенность коммуникациями в мегаполисе, часто прерывают надоевшую им беседу в резкой ($r = 0,304$) или в вежливой форме ($r = 0,271$). Участники исследования с гедонистической формой пресыщенности, сохраняют хорошее самочувствие после целого дня активного общения ($r = 0,222$), но при долгом поиске информации устают, не систематизируют ее ($r = -0,213$). Респонденты, испытывающие пресыщенность информацией в мегаполисе, в ситуации общения в большой компании стремятся к одиночеству ($r = 0,249$), скучают, быстро устают, стараются уйти ($r = 0,212$). Они не испытывают позитивные эмоции от взаимодействия с другими ($r = -0,266$). Те из них, которые наиболее интенсивно переживают состояние информационной пресыщенности, отмечают, что часто испытывают раздражение, злость, готовность отложить покупку при длительном изучении информации о товаре ($r = 0,284$). Как правило, им сложно расслабиться и отдохнуть в большой компании ($r = -0,227$).

Резюмируя, отметим следующее. Анализ результатов эмпирического исследования показал, что копинг-стратегии преодоления пресыщенности у респондентов варьируются в зависимости от тех или иных явлений городской жизни, выступающих в роли источников пресыщенности. В перспективе изучения социально-психологической пресыщенности условиями проживания в мегаполисе предполагается провести разработку структурных компонентов феномена и последующую эмпирическую проверку теоретического конструкта.

Литература

- Алисов Н. В., Хорев Б. С.* Экономическая и социальная география (общий обзор). М.: Гардарики, 2003.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* К истории становления социальной психологии города: основные этапы и направления исследований // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1934–1942.
- Дробышева Т. В., Ларионов И. В.* Пресыщенность молодежи условиями проживания в мегаполисе: результаты эмпирического исследования // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3 № 3 (11). С. 112–129. URL: <http://soc-econpsychology.ru/engine/documents/document638.pdf> (дата обращения: 09.09.2019).

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3–4. С. 23–34.

Щербакова Е. М. Мировая урбанизация, оценки 2014 года // Демоскоп Weekly. 2015. № 645–646. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0645/barometer645.pdf> (дата обращения: 09.09.2019).

Возрастные особенности внутренней картины дефекта у дошкольников и младших школьников с разными вариантами дизонтогенеза

А. П. Лебедев, Т. Н. Адеева (Кострома)

Изучение факторов и механизмов личностного развития является одной из актуальных задач психологии. Особенно значима данная тема в отношении людей с ограниченными возможностями здоровья. Выявление факторов, влияющих на эффективность самореализации, а также факторов рисков развития является необходимым условием успешности социальной адаптации человека.

Системный анализ феномена дефекта связан с трудами Л. С. Выготского. Однако проблеме внутренней картины дефекта (ВКД) не уделено достаточного внимания в психологии. В зарубежных и отечественных научных работах представлены, в основном, особенности самосознания, Я-концепции, специфика самооценки лиц с различными вариантами дизонтогенеза (Черепкова, Девицкая, 2010; Plesa-Skwerer, 2004). Изучение внутренней картины дефекта (ВКД), в целом, идет в русле исследований Я-концепции, часто ВКД рассматривается как синоним личностной реакции на дефект или вариант самоотношения личности (Гайдукевич, 2011; Черепкова, Девицкая, 2010).

Под внутренней картиной дефекта мы понимаем сложное интегративное внутриличностное образование людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), которое может быть и фактором, и механизмом развития личности при различных вариантах дизонтогенеза. ВКД включает в себя комплекс физических ощущений, эмоциональных состояний и переживаний, систему знаний о причинах своего нарушения и возможностях его изменения, представления о самореализации и оценку жизненной перспективы.

Цель: описание возрастных особенностей внутренней картины дефекта, связанных с Я-концепцией и адаптацией, у дошкольников и младших школьников с разными вариантами дизонтогенеза.

Гипотеза: существуют характерные особенности ВКД в дошкольном и младшем школьном возрасте в группах с разными вариантами дизонтогенеза.

Организация исследования

В исследовании участвовали 119 детей, которые были разделены на две возрастные группы – дошкольники (24 мальчика, 22 девочки, средний возраст 6 лет) и младшие школьники (47 мальчиков, 25 девочек, средний возраст 10 лет), а также на шесть подгрупп – дошкольники с нарушениями зрения (4 мальчика, 8 девочек), нарушениями речи (13 мальчиков, 7 девочек) и задержкой психического развития (7 мальчиков, 7 девочек), младшие школьники с нарушениями зрения (12 мальчиков, 12 девочек), нарушениями речи (24 мальчика, 9 девочек) и задержкой психического развития (11 мальчиков, 4 девочки).

В исследовании использовались такие диагностические методики, как карта экспертной оценки социально-психологической адаптации (модифицированный вариант карты наблюдений Д. Стотта, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых, 1991); Методика «Диагностика эмоционально-ценностного отношения к себе (Прихожан, Василяускайте, 1998), изучающая качественные характеристики образа «Я» ребенка и целостного эмоционально-ценностного отношения к себе; методика «Расскажи о себе» А. М. Щетининой (Щетинина, 2000); Методика «Социальный атом» Я. Л. Морено; беседа «Изучение внутренней картины дефекта» Т. Н. Адеевой (2018). Методика позволяет определить особенности компонентов ВКД (ответы детей обработаны с использованием метода контент-анализа).

Результаты и их интерпретация

Наибольшие различия между возрастными группами наблюдаются у детей с ЗПР. У младших школьников с ЗПР более высокие показатели гендерной самоидентификации ($U = 46,5$, $P < 0,004$), внутрисемейной самоидентификации ($U = 44$, $P < 0,001$) и такого общего параметра я-концепции, как «степень осознанности качеств» ($U = 37$, $P < 0,001$). Помимо этого младшие школьники с ЗПР показали более высокий уровень когнитивного компонента ВКД ($U = 28,5$, $P < 0,0007$), а именно они в большей степени признают нарушение у себя, верят в улучшение, и знают о профилактике. Совершенствование я-концепции и понимания особенностей своего развития у младших школьников с ЗПР отражается на их показателях адаптации. У них ниже, чем у дошкольников с ЗПР такие показатели как депрессия ($U = 39$, $P < 0,004$), враждебность по отношению к взрослым ($U = 24,5$,

$P < 0,0004$), тревога по отношению к детям ($U = 41, P < 0,005$), асоциальность ($U = 51, P < 0,018$), эмоциональное напряжение ($U = 49, P < 0,014$), невротические симптомы ($U = 46,5, P < 0,006$), болезни и органические нарушения ($U = 33, P < 0,001$) и общая сумма баллов по методике Стотта ($U = 34, P < 0,002$). Это может указывать на положительную тенденцию в развитии детей с ЗПР на пути от дошкольного к младшему школьному возрасту.

Значительное количество различий обнаружено между результатами дошкольников и младших школьников с нарушениями зрения. У младших школьников с НЗ выше показатели когнитивного компонента ВКД ($U = 53,5, P < 0,035$), они так же, как и младшие школьники с ЗПР, в большей степени признают нарушение у себя, верят в улучшение, и знают о профилактике. Подобные результаты могут указывать на характерное отличие всей возрастной группы. У младших школьников с НЗ также выше степень осознанности качеств ($U = 50, P < 0,018$), и размер «Я» в «социальном атоме» ($U = 52, P < 0,031$). Однако в отличие от младших школьников с ЗПР у младших школьников с НЗ не наблюдается однозначных положительных изменений в развитии я-концепции или адаптации. У младших школьников с НЗ ниже, чем у дошкольников показатель гендерной ($U = 46,5, P < 0,001$), внутрисемейной ($U = 31, P < 0,0008$), и телесной («я-физическое») самоидентификации ($U = 46,5, P < 0,001$). При этом у них выше, чем у дошкольников с НЗ показатели тревоги ($U = 55, P < 0,003$), недоверия к новым людям, вещам, ситуациям ($U = 52, P < 0,001$), уход в себя ($U = 102, P < 0,043$), тревога по отношению к детям ($U = 61,5, P < 0,004$), и асоциальность ($U = 90, P < 0,018$). При этом у дошкольников с НЗ выше показатель «болезни и органические нарушения» ($U = 13, P < 0,0000$) и «физические дефекты» ($U = 24, P < 0,0000$). Таким образом, складывается разнонаправленная и противоречивая картина, из которой трудно сделать однозначные выводы. Однако можно заметить, что у младших школьников выше показатели, направленные на себя, на свое «Я», при этом они испытывают трудности, связанные с социальным окружением. Отсюда характерный высокий показатель «Уход в себя». Дошкольники же сосредоточены на телесной, гендерной и семейной самоидентификации. Возможно, такие результаты обусловлены структурой дефекта, поскольку зрительные нарушения ведут к трудностям в повседневных бытовых делах, что может быть связано с затруднением определения своей роли в семье. Нарушения зрения могут вести к проблеме оценки или сниженной оценке своих физических качеств (силы, ловкости), а также к проблемам социальной адаптации.

У младших школьников с ТНР выше, чем у дошкольников с ТНР эмоциональный компонент ВКД ($U = 217, P < 0,003$), т. е. дети на новом этапе онтогенеза более четко формируют отношение к себе, своим обязанностям, особенностям. У них также выше показатели когнитивного компонента ВКД, однако не достаточно для статистической значимости. У младших школьников с ТНР выше показатели «степень осознанности качеств» ($U = 240, P < 0,049$), размер «Я» по методике «Социальный атом» ($U = 115, P < 0,0000$), а также такие шкалы «социального атома», как «Папа» ($U = 188, P < 0,005$), «Бабушка» ($U = 210, P < 0,005$), «Дедушка» ($U = 240, P < 0,001$), «Другие родственники» ($U = 260, P < 0,03$), «Друзья» ($U = 151, P < 0,0008$), «Одноклассники» ($U = 150, P < 0,0000$). У дошкольников с ТНР выше показатели недоверия к новым людям, вещам, ситуациям ($U = 187,5, P < 0,008$), «физические дефекты» ($U = 248, P < 0,001$), и «я-физическое» ($U = 219, P < 0,002$).

Младшие школьники с ТНР демонстрируют более высокую значимость членов семьи и сверстников, чем дошкольники с ТНР. Помимо этого у дошкольников с ТНР самые низкие показатели эмоционального компонента ВКД среди всех подгрупп исследования. Вероятно, этот результат обусловлен структурой дефекта. Возможность определения отношения к себе, определение своих особенностей связано с достаточным уровнем речевого развития и владения лексическим запасом.

Выводы: В результате исследования подтвердилось предположение о том, что существуют характерные особенности ВКД в дошкольном и младшем школьном возрасте в группах с разными вариантами дизонтогенеза. Основной особенностью внутренней картины дефекта у дошкольников и младших школьников с разными вариантами дизонтогенеза является изменения в когнитивном компоненте ВКД. Этот компонент развивается быстрее других, и в младшем школьном возрасте его показатели значительно превосходят показатели дошкольников. Особенно ярко это проявляется у детей с нарушением зрения и ЗПР, и в меньшей степени у детей с ТНР. К младшему школьному возрасту, дети с ЗПР начинают лучше осознавать себя, свои качества и особенности, что помогает им в процессе самоидентификации, поэтому изменения в их когнитивном компоненте ВКД особенно заметны. Младшие школьники с ЗПР, несмотря на положительные изменения в ВКД, испытывают трудности взаимодействия с социальным окружением и самоидентификацией. В свою очередь особенностью ВКД детей с ТНР может являться некая задержка в развитии эмоционального компонента ВКД в дошкольном возрасте, которая компенсируется к младшему школьному возрасту.

Литература

- Гайдукевич Е. А.* Проблема внутренней картины дефекта в специальной психологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 132. С. 331–335.
- Черепкова Н. В., Девицкая В. А.* Внутренняя картина дефекта у детей с дефицитарным типом дизонтогенеза // В мире научных открытий. 2010. № 4 (18). С. 73–74.
- Plesa-Skwerer D., Sullivan K., Joffre K., Tager-Flusberg H.* Self concept in people with Williams syndrome and Prader–Willi syndrome // Research in Developmental Disabilities. V. 25 (2). P. 119–138.

Специфика профессиональной мотивации сотрудников с разным уровнем лояльности к организации

В. И. Локшина (Ярославль)

Как известно, мотивация представляет собой один из важнейших и с трудом поддающийся изменениям фактор, который следует учитывать при приеме человека на работу и последующем построении системы ситуационного руководства (Иванова, 2005). В современных российских организациях все больше внимания уделяется лояльности работников своей компании, поскольку проблема лояльности очень актуальна в отношениях работник–работодатель для повышения производительности труда, а также в отношении качества всего отечественного производства (Карпов, 2014, 2018).

С целью диагностики мотивационных особенностей и уровня лояльности сотрудников сфер услуг и производства, а также проведения структурного анализа мотивов, нами было проведено исследование, в котором приняли участие 40 работников сферы развлекательных услуг (ООО «Акваград») и 40 работников сферы производства (ООО «ЛМЗ»).

Гипотеза: сотрудники с разным уровнем организационной лояльности характеризуются специфическими профессиональными мотивами. В состав методического обеспечения исследования вошли следующие процедуры: методика «Возможность реализации мотивов» В. И. Доминяк; шкала измерения лояльности персонала организации Л. Г. Почебут и О. Е. Королевой; методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса; методика диагностики личности на мотивацию к избеганию неудач Т. Элерса, а также

ряд математико-статистических методов обработки и интерпретации данных, включая, например, метод параллельных профилей, метод корреляционного анализа и др.

По итогам оценки возможности реализации мотивов и мотивационного профиля сотрудников были получены следующие результаты. Анализ средней оценки по каждому мотиву в методике «Возможность реализации мотивов» (ВРМ) продемонстрировал то, что наиболее высокую личную значимость для работников «Акваград» представляют мотивы «Повышение собственной профессиональной компетентности», «Удовлетворение от процесса деятельности» и «Материальный достаток». В наибольшей мере на мотивационном профиле выделяется рассогласование между реализацией мотивов организацией и его личной значимостью для работников по мотивам: «Материальный достаток», «Удовлетворенность от процесса деятельности», «Продвижение по службе», «Ощущение успеха» и «Возможность наиболее полной самореализации в профессиональной деятельности». Это те мотивы, которые являются наиболее значимыми для сотрудников «Акваград», однако недостаточно реализованы работодателем. В ходе анализа данных, полученных в процессе исследования уровня лояльности сотрудников «Акваград» с использованием шкалы измерения лояльности персонала организации, нами было выделено три группы, разделенных по критерию различий в уровне лояльности (низкий (25%), средний (65%), высокий уровень лояльности (10% работников).

Анализ средней оценки по каждому мотиву в методике ВРМ, показал, что наиболее высокую личную значимость для работников «ЛМЗ» представляют мотивы «Ощущение успеха», «Ощущение собственной полезности, служение людям», «Удовлетворение вне-рабочих интересов», «Продвижение, карьерный рост». Кроме этого, больше всего на мотивационном профиле выделяется рассогласование между реализацией мотивов организацией и его личной значимостью для работников по мотивам: «Материальный достаток», «Уважение со стороны других, социальный престиж», «Продвижение, карьерный рост», «Ощущение успеха» и «Ощущение собственной полезности, служение людям». Это те мотивы, которые являются наиболее значимыми для сотрудников «ЛМЗ», однако недостаточно реализованы работодателем. Важно отметить, что для данной части выборки показатели процентного соотношения работников, демонстрирующих определенную степень лояльности будут отличны от предыдущей группы испытуемых: низкий (15%), средний (65%), высокий уровень лояльности (20% работников).

Далее по отношению к результатам был реализован метод «параллельных профилей».

Наряду с этим, помимо осуществления аналитического этапа исследования, состоявшего в сравнении представленных результатов диагностики сотрудников и руководителей организаций был также реализован структурный этап. В отличие от аналитического, данные, полученные в ходе его осуществления, как правило, специфицируют общую результативную сторону исследования, позволяют рассмотреть изучаемую проблему более углубленно и комплексно. Поэтому его, разумеется, нельзя определять в качестве дополнительного методического средства, а наоборот, усиливать его роль в научно-исследовательских разработках. Более того, зачастую имеет место вполне закономерная ситуация, согласно которой, результаты, полученные в ходе реализации структурного уровня исследования, в значительной мере отличаются от тех, которые были выявлены на предыдущем – аналитическом. Подобная тенденция, как показывает практика, достаточно объяснима.

В нашем случае в соответствии с изложенными требованиями методологического плана был применен комплексный и развернутый *метод структурно-психологического анализа* компонентов мотивационной сферы личности в группах испытуемых, дифференцированных в соответствии с принадлежностью к той или иной организации. Данный метод осуществлялся в своем традиционном варианте на основе матриц интеркорреляций, каждой из которых соответствует определенная группа сотрудников каждой из двух исследуемых организаций. Полученные коэффициенты корреляции легли в основу подсчета индексов когерентности (ИКС), дивергентности (ИДС) и общей организованности структур (ИОС) компонентов мотивационной сферы личности в группах испытуемых (Карпов, 2014, 2018). Вместе с тем, на основе этого были построены структурограммы компонентов мотивационной сферы личности в каждой группе, отражающие общую структурную организованность исследуемых мотивов, а также наличие между ними значимых взаимосвязей.

Полученные значения структурных индексов вполне наглядно демонстрируют динамику структурной организации исследуемых основных компонентов мотивационной сферы личности в исследуемых организациях. Показатели индексов когерентности и общей организованности структуры мотивов сотрудников «Акваград» оказались значительно ниже, чем у работников «ЛМЗ», в то время как значения индекса дивергентности имеют очевидную тенден-

цию к увеличению, чего совершенно не наблюдается в первой группе. Вследствие этого, целесообразно заключить, что для представителей «Акваград» имеют место явные дезорганизирующие тенденции, и, напротив, при анализе показателей структурных индексов, выявленных при исследовании другой группы был установлен факт высокой степени структурной организации мотивационной сферы личности (основных ее компонентов: мотивов, относящихся к трудовой деятельности, удовлетворенности трудом и др.). Иными словами, в данном случае наблюдаются противоположные — тенденции интегративного плана.

Вместе с тем, был реализован и другой этап исследования, который предполагает, что матрицы интеркорреляций (и соответствующие им структурограммы), вычисленные для двух групп, дифференцированных по принципу принадлежности к организации, были сравнены по методу метод экспресс- χ^2 (Карпов, 2014, 2018). Он позволяет определить, являются ли эти матрицы (и структурограммы) различными лишь «в мере» — *количественно* (являются гомогенными); либо они выступают *качественно* различными (являются гетерогенными). Полученные результаты свидетельствуют о том, что практически все коэффициенты корреляций ранговых распределений компонентов мотивационной сферы личности по их «весам» в сравниваемых структурограммах (и, соответственно, в группах) являются статистически незначимыми. Следовательно, сами структурограммы (и отображенные в них структуры компонентов мотивационной сферы) отличаются друг от друга напротив — *значимо* — *качественно*, то есть, являются гетерогенными друг другу. Данный результат еще раз подчеркивает выявленные в отношении сравнения показателей индексов существенные различия между исследуемыми структурами и, как следствие, в плане особенностей мотивационной сферы личности сотрудников, среди которых, как упоминалось ранее, наблюдается разный уровень организационной лояльности.

Таким образом, следует заключить, что, разумеется, рассмотренные в работе вопросы не исчерпывают всего возможного объема данных, которые могут быть получены исследовании профессиональной мотивации и организационной лояльности. Более того, значительная их часть находится лишь на этапе постановки проблемы и требует реализации дополнительных научно-исследовательских процедур, что позволит, как мы полагаем, расширить некоторые представления, сложившиеся к настоящему моменту в современной организационной и индустриальной психологии.

Литература

- Иванова С. В.* Мотивация на 100%: А где же у него кнопка? М.: Альпина Паблишер, 2011.
- Карпов А. А.* Общие способности в структуре метакогнитивных качеств личности: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2014.
- Карпов А. А.* Структура метакогнитивной регуляции управленческой деятельности: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2018.
- Организационная психология: учебник для бакалавров / Под ред. А. В. Карпова. Москва: Юрайт, 2012.

Особенности межполушарного взаимодействия в решении творческих задач (физиологические данные)*

А. Р. Лунева, С. Ю. Коровкин (Ярославль)

Данные о приоритетном вкладе правого полушария в процесс творческого мышления являются устаревшими, однако, до сих пор не удалось полностью опровергнуть данный тезис, в связи с различными данными, полученными на разном материале, который рассматривается в качестве творческой задачи. Альтернативный взгляд на проблему межполушарного взаимодействия предполагает, что процесс творческого мышления является результатом крупномасштабного взаимодействия нейронных сетей и интеграции информации между полушариями (Petsche, 1996; Srinivasan, 2007). Согласно этой модели, оба полушария играют решающую роль в творческом мышлении, и именно в их взаимодействии зарождается творчество. Основным материалом для исследования творческого мышления являются инсайтные задачи – задачи, для успешного решения которых требуется смена операторов или системы их применения (требуется нахождение функционального решения), а новая система операторов и правил для субъекта неизвестна (неочевидна или не актуализирована).

Для изучения роли межполушарного взаимодействия в решении инсайтных задач мы используем идею осложнения межполушарного взаимодействия, позволяющего оценить его вклад в решение мыслительных задач. Осложнение межполушарного взаимодействия реализуется через дополнительное зондовое задание – параллельное задание, которое выполняется во время решения основной

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-013-01056.

(инсайтной) задачи (Korovkin, Vladimirov, Chistopolskaya, Savinova, 2018). Зондовое задание используется в качестве дистрактора, который вступает в конкуренцию с основной задачей как за ресурсы переработки информации внутри полушария, так и за ресурсы межполушарного канала передачи информации.

Для исследования выбранной нами темы, мы используем метод электроэнцефалографии. В качестве основных коррелятов решения творческих задач рассматриваются α , β , γ -ритмы (Dietrich, Kanso, 2010), анализ их амплитуд в наших экспериментальных условиях может быть полезен для более углубленного изучения исследуемой нами темы.

Гипотеза

Активность мозга специфична для инсайтных задач, строящихся на разных механизмах решения:

1. Существуют различия в скорости решения различных типов инсайтных задач при осложнении межполушарного взаимодействия.
2. В разных типах инсайтных задач будут отличаться амплитуды α -, β - и θ -ритмов.

Аппаратное обеспечение исследования

1. Пакет программных кодов для компьютерного проведения эксперимента в среде PsychoPy (PsychoPy v1.85.6).
2. EEG system (NVX 36), программное обеспечение – Неокортекс, частота дискретизации – 500 Гц, ФВЧ – 0,5 Гц, ФНЧ – 70 Гц.

Метод

Выборка

В данной (аппаратурной) серии исследования приняло участие 18 человек, после чистки выборки были обработаны данные 12 человек: 3 девушки и 9 юношей (возраст испытуемых 18–29 лет).

Экспериментальный материал

- Инсайтная задача, задействующая механизм смены репрезентации;
- Квазиинсайтная (алгоритмизируемая задача, в которой условие активизирует неверное направление движение в пространстве задачи);

- Инсайтная задача, задействующая механизм декомпозиции чанка;
- Задание-зонд (звуковое задание на выбор из двух альтернатив – высокий и низкий звуки).

Процедура

Предварительный этап

Испытуемый заполняет анкету на определение ведущей руки и проходит методику определения ведущего уха. После чего ему предлагается тренировочная серия с различным сочетанием условий задания-зонда (левое ухо/левая рука, правое ухо/правая рука, левое ухо/правая рука, правое ухо/левая рука). Затем к испытуемому подключаются электроды для регистрации ЭЭГ, и он приступает полностью к основной серии эксперимента.

Основной этап

После окна с инструкцией, в центре экрана компьютера появлялся текст задачи. Внутри текста располагалась точка фиксации взора. Во время прочтения и решения задачи испытуемый должен был выполнять параллельное зондовое задание, подающееся соответственно в левое или правое ухо. Задание состояло в выборе одной из двух простых альтернатив (высокий или низкий звук). Зондовое задание выполнялось либо левой, либо правой рукой. Зондовое задание должно было выполняться до момента правильного решения задачи. Для осложнения межполушарного взаимодействия зондовое задание подавалось в правое ухо и решалось левой рукой, а также подавалось в левое ухо и решалось правой рукой.

Результаты

Для анализа ЭЭГ мы выбрали показатель амплитуды ритмов по всем отведениям и провели сравнение данных показателей во всех типах инсайтных задач в условиях осложнения межполушарного взаимодействия, а также в условиях дополнительной нагрузки на каждое из полушарий (правое или левое).

При произведении сравнения амплитуд ритмов в центральных отведениях во всех задачах в разных условиях зонда мы можем наблюдать статистически значимые различия при выполнении правостороннего ипсилатерального зондового задания – амплитуды ритмов (α -, β - и θ -) при решении инсайтной задачи, требующей смены репрезентации значимо ниже, чем амплитуды ритмов инсайтной задачи, требующей переструктурирования чанка.

В связи с описанными выше результатами особое внимание хотелось бы обратить на карты когерентных связей электрической активности мозговых структур (областей коры) в определенных условиях выполнения дополнительного зондового задания.

Так как мы видим наличие значимых различий в амплитудах ритмом между инсайтной задачей, требующей смены репрезентации и инсайтной задачей, требующей для своего решения переструктурирования чанка в условии нагрузки на левое полушарие, мы можем получить некоторое визуальное подтверждение результатов, описанных выше.

Использование анализа когерентности считается наиболее полезным для изучения высокоуровневых психических процессов.

В условии выполнения дополнительного зондового задания, нагружающего левое полушарие, в инсайтной задаче, требующей переструктурирования чанка, количество когерентных связей гораздо больше, чем в инсайтной задаче, требующей смены репрезентации. Это также является подтверждением данных, описанных выше и говорит нам о том, что в данном условии инсайтная задача со сменной репрезентации требует гораздо большей затраты когнитивных ресурсов.

Обсуждение результатов

Рассмотрение амплитуд ритмов (α -, β_1 -, β_2 -, θ -) по всем отведениям в трех видах инсайтных задач в разных условиях выполнения дополнительного зондового задания не выявило статистически значимых различий между условиями.

Однако, при произведении сравнения амплитуд ритмов в условии левостороннего ипсилатерального зондового задания (нагрузки на правое полушарие):

1. В лобных долях следует отметить, что амплитуды ритмов (α -, β - и θ -) при решении инсайтной задачи, требующей смены репрезентации значимо выше, чем амплитуды инсайтной задачи, требующей переструктурирования чанка.
2. При сравнении амплитуд ритмов в височных долях амплитуды ритмов (α -, β - и θ -) в правом полушарии при решении инсайтной задачи, требующей смены репрезентации значимо выше, чем амплитуды инсайтной задачи, требующей переструктурирования чанка.

Данный результат показывает, что в решении инсайтной задачи, требующей смены репрезентации в большей степени необходим ресурс

правого полушария. Как показывают Н. Машал, М. Фауст и Т. Хэндлер (Mashal, Faust, Hendler, 2005) правое полушарие отвечает за интерпретацию абстрактной информации в большей степени, чем левое. Кроме того, правое полушарие отвечает за обработку новых идей. Эти результаты говорят в пользу вовлечения правого полушария в процесс абстрактного мышления, которое, по всей видимости, является необходимым для смены репрезентации, для создания образов, которые позволяют прийти к правильному решению представленной испытуемому инсайтной задачи.

Литература

- Dietrich A., Kanso R.* A review of EEG, ERP, and neuroimaging studies of creativity and insight // *Psychological Bulletin and Review*. 2010. № 136. P. 822–848.
- Korovkin S., Vladimirov I., Chistopolskaya A., Savinova A.* How working memory provides representational change during insight problem solving // *Frontiers in psychology*. 2018. № 9. P. 1864.
- Mashal N., Faust M., Hendler T.* The role of the right hemisphere in processing nonsalient metaphorical meanings: Application of principal components analysis to fMRI data // *Neuropsychologia*. 2005. № 43. P. 2084–2100.
- Petsche H.* Approaches to verbal, visual and musical creativity by EEG coherence analysis // *International Journal of Psychophysiology*. 1996. V. 24. № 1–2. P. 145–159.
- Srinivasan N.* Cognitive neuroscience of creativity: EEG based approaches // *Methods*. 2007. № 42. P. 109–116.

Роль моторной программы при решении инсайтной задачи «9 точек» у правшей и левшей*

В. А. Майорова, А. В. Чистопольская (Ярославль)

На сегодняшний день в психологии мышления всё большую актуальность приобретает теория воплощенного познания (embodied cognition). Основной идеей данного направления в психологии является допущение о том, что низкоуровневые процессы играют важную роль для понимания процессов мышления.

Накоплены свидетельства в пользу того, что предшествующая или сопутствующая моторная активность может влиять на различ-

---

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ, № МК-70.2019.6.

ные параметры процесса решения инсайтной задачи. В своей работе Л. Томас и А. Льерас (Thomas, Lleras, 2009) показывают влияние моторных программ (упражнений на движения рук, несвязанных с решением задачи) на решение инсайтной задачи Н. Майера. В своей другой работе Л. Томас и А. Льерас (Thomas, Lleras, 2009) показали, что определенный паттерн движения глаз также может влиять на ход мышления. В исследованиях Н. И. Логинова и коллег (Логинов, Спиридонов, Мезенцев, 2017) на материале классической инсайтной задачи «9 точек» было показано, что моторика является важным элементом процесса решения задачи.

Известно, что все свойства руки как ведущей определяются сложной физиологической структурой распределения функций между правым и левым полушариями коры головного мозга. Действия каждой руки регулирует контралатеральное полушарие.

Понятие «левшество», по словам А. В. Семенович, это не просто предпочтение левой руки, но и совершенно другое распределение функций между полушариями мозга. Левшество может быть связано и с доминированием левого глаза, левого уха, левой ноги. Особенности полушарного взаимодействия у левшей могут быть физиологической основой характерных для них неординарных черт принятия нестандартных решений, в том числе в творческой деятельности по типу озарения (инсайта), частота встречаемости гениальных людей более высокая в популяции левшей, чем правшей (Семенович, 1991).

Настоящее исследование будет направлено на изучение успешности решения классической инсайтной задачи «9 точек» левшами и правшами.

На основе результатов исследования результатов нашего предыдущего исследования о роли моторики в инсайте (Чистопольская, Майорова, 2017) предполагается, что левшам удобнее решать задачу «9 точек» из правого нижнего угла, а правшам — из левого нижнего угла.

Метод

Объект исследования: влияние низкоуровневых процессов на решение инсайтных задач.

Предмет исследования: влияние моторных программ и свойств ведущей руки на процесс решения инсайтной задачи «9 точек».

Гипотезы исследования

Общая гипотеза: ведущая рука определяет стратегию решения задачи «9 точек».

Частные гипотезы

1. Праворукие люди эффективнее решают инсайтную задачу «9 точек» из левого нижнего угла.
2. Леворукие люди эффективнее решают инсайтную задачу «9 точек» из правого нижнего угла.

Переменные

Зависимые переменные: время решения, количество проб.

Независимые переменные: ведущая рука.

Выборка: в исследовании приняли участие 34 человека (20 правшей, 14 левшей) в возрасте от 18 до 22 лет. Испытуемые, которые решили задачу сразу же после ее предъявления, исключались из дальнейшего анализа.

Описание *стимульного материала:* для реализации цели исследования был разработан эксперимент, в котором использовалась классическая инсайтная задача «9 точек». Задача предъявлялась в трех вариациях: классическая задача, «9 точек» с заданной точкой начала рисования из левого нижнего угла и с заданной точкой начала рисования из правого нижнего угла.

Процедура исследования

Испытуемым на листе бумаги предъявлялась инсайтная задача «9 точек», каждую пробу испытуемому выдавался новый бланк для решения задачи.

Две контрольные группы испытуемых решали задачу без заданной точки. В начале решения задачи устанавливалось, какая рука у испытуемого ведущая. Экспериментатор фиксировал время решения, количество проб, а также то, из какого угла решалась задача.

Еще двум группам испытуемых предлагалось решить инсайтную задачу «9 точек», но уже с заданной точкой начала рисования (для левшей – правая нижняя, для правшей – левая нижняя). В начале решения устанавливалась ведущая рука испытуемого. Экспериментатор фиксировал время и количество проб при решении задачи каждым испытуемым.

Результаты

Заданная моторная программа не провоцирует эффективность решения у правшей:

- значимых различий в количестве проб при решении задачи «9 точек» между правшами из контрольной группы и группой

правшей, где задавалась точка начала рисования, нет ($U = 38,5$, $p = 0,4$).

- значимых различий во времени решения задачи «9 точек» между правшами из контрольной группы и группой правшей, где задавалась точка начала рисования, нет ($U = 0,00$, $p = 1$).

Правши и левши из контрольных групп, где не задавалась точка, из которой необходимо решать задачу по времени решения и по количеству проб также значимо не отличаются.

Выводы

Результаты проведенного исследования косвенно доказывают, что способ решения инсайтной задачи «9 точек» не зависит от ведущей руки испытуемого, однако необходимо добрать экспериментальную группу левшей, в которой для решения задачи «9 точек» будет задаваться нижняя правая точка. Данный результат можно проинтерпретировать в контексте того, что левши с детства приучены писать так же, как правши – слева направо. Следовательно, нельзя утверждать, что левшам удобнее начинать движение из правого угла. Возможно, гипотеза подтвердилась бы, если бы в исследовании принимали участие носители арабского языка или иврита, потому что в данных языках по правилам написание необходимо писать справа налево.

По предварительным данным влияние моторики на процесс решения задачи «9 точек» в данном исследовании не повышает его эффективность. В дальнейшем мы планируем добрать группу испытуемых для данного экспериментального исследования, расширить выборку, а также провести еще одно экспериментальное исследование, для проверки получившихся результатов в ходе данного исследования. В новой серии исследования мы попытаемся сформировать моторный конфликт (левшам задавать нижнюю левую точку для начала рисования, а правшам – правую).

Литература

- Логонов Н. И., Спиридонов В. Ф., Мезенцев О. А.* Движения в структуре решения инсайтных задач (на материале задачи «9 точек») // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Психология и педагогика». 2017. Т. 14. № 2.
- Семенович А. В.* Межполушарная организация психических процессов у левшей. М.: Изд-во МГУ, 1991.
- Чистопольская А. В., Майорова В. А.* Роль зрительного внимания в процессе решения инсайтных задач // Когнитивная наука в Моск-

ве: новые исследования. Материалы конференции 15 июня 2017 г. / Под ред. Е. В. Печенковой, М. В. Фаликман. М.: Буки-Веди—ИП-ПиП, 2017. С. 398–402.

Thomas L. E., Lleras A. Covert shifts of attention function as an implicit aid to insight // *Cognition*. 2009. V. 111 (2). P. 168–174.

Thomas L. E., Lleras A. Swinging into thought: Directed movement guides insight in problem solving // *Psychonomic Bulletin and Review*. 2009. V. 16. № 4. P. 719–723.

Влияние конгруэнтных и неконгруэнтных моторных подсказок на решение инсайтных задач*

И. Н. Макаров (Ярославль)

Проблема взаимосвязи психических процессов и моторных актов имеет глубокие корни в психологии. В большой степени эту взаимосвязь рассматривают в рамках процесса восприятия (Запорожец, 1986). В экологической теории Дж. Гибсона вводится понятие аффорданса, как объективно присутствующей возможности для действия, соответствующего биологическим особенностям организма (Gibson, 1959). Роль моторных компонентов в процессе восприятия несомненна. Гораздо сложнее определить взаимосвязь моторики и процесса мышления. Показано, что в процессе мышления движения выполняют гностическую функцию (Тихомиров, Терехов, 1964). С помощью действий человек совершает ориентировочную деятельность и собирает информацию, которую в дальнейшем использует для достижения своих целей. Однако существует и обратное влияние: моторные акты, которые выполняют испытываемые в процессе эксперимента без осознания их связи с задачей, изменяют успешность нахождения решения в задачах (Thomas, Lleras, 2009). Кроме движений, есть исследования, посвященные изучению влияния различных подсказок их конгруэнтности, на процесс решения задач. Однако нет сравнения эффективности разных видов воздействий между собой.

Изучению влияния движений на процесс решения мыслительных задач, на примере классических инсайтных задач, а также сравнению этого влияния с подсказками других типов, и посвящена данная работа.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ МК № 70.2019.6.

Гипотезы исследования

1. Все виды подсказки будут ускорять решение, двигательная сильнее всего.
2. Неконгруэнтные подсказки будут замедлять решение задач, а конгруэнтные – ускорять.

Для контроля того, что подсказки были подобраны удачно (в связи с тем, что нет в области исследования всеми разделяемых подходов к конструированию подсказок), будут также проверены эффекты взаимодействия факторов подсказки и конгруэнтности, чтобы не оказалось, что на одну из задач подсказки влияют, а на другую – нет.

Процедура

В исследовании использовались задачи: Майера с 2 веревками и Ормерода 10 монет.

Экспериментальный материал предьявлялся на экране компьютера, с помощью программы PowerPoint и состоял из 2 задач. Варьировался уровень подсказки: статическое изображение, движущееся изображение, выполнение определенных движений на протяжении всего решения задачи:

- 1) в задаче Майера рисовать линии слева-направо, а затем справа-налево.
- 2) в задаче Ормерода рисовать окружность.

Также варьировалась конгруэнтность подсказки: конгруэнтная, если подсказка для задачи Майера была при решении задачи Майера, и неконгруэнтная, если наоборот.

Для задачи Майера испытуемому давалась инструкция: «Треугольник, состоящий из 10 монеток, направлен вверх. Передвинь три монетки так, чтобы треугольник был направлен вниз».

Для задачи Ормерода: «Представьте комнату, нарисованную ниже. Как могут быть соединены эти две веревки вместе? Вы можете использовать любые предметы, находящиеся в этой комнате».

Выборка

В эксперименте приняло участие 30 человек (16 девушек, 14 юношей). Каждому испытуемому предлагалось решить две задачи, таким образом, в ходе исследования создавалось 60 экспериментальных ситуаций. Время решения 3 задач было исключено из анализа, в связи с тем, что испытуемые знали решение.

Результаты

Был проведен многофакторный дисперсионный анализ факторов: конгруэнтность, подсказка и тип задачи, а также взаимодействие факторов второго уровня. В качестве зависимой переменной выступало время решения в секундах. Все результаты, кроме фактора тип задачи $F(1, 47) = 6,775$, $p = 0,0123$, оказались незначимы. Для конгруэнтности $F(1, 47) = 0,635$, $p = 0,43$; для подсказки $F(2, 47) = 0,071$, $p = 0,93$; для взаимодействия конгруэнтности и задачи $F(1, 47) = 0,058$, $p = 0,81$; для взаимодействия подсказки и задачи $F(2, 47) = 0,567$, $p = 0,57$; для взаимодействия конгруэнтности и подсказки $F(2, 47) = 0,241$, $p = 0,79$. Различие между задачами $t(54,949) = -2,7091$, $p = 0,009$ со средними 309,53 для 10 монет и 491,21 для задачи Майера.

Интерпретация

На основе анализа полученных данных мы можем однозначно заключить только тот факт, что подобранные нами задачи отличаются по среднему времени решения: задача Майера решается значимо дольше, чем задача Ормерода. Данный факт обусловлен отсутствием необходимости уравнивать задачи по времени решения, так как предполагалось сравнение влияния подсказок исключительно внутри одной задачи. Выяснить влияние остальных факторов нам не удалось, так как ни они, ни их взаимодействия не оказали значимого влияния на время решения задач. Полученный результат можно объяснить двумя возможными способами: либо используемые подсказки были подобраны неудачно и в реальности не помогли в поиске решения, либо подсказки помогли поиску решения, но подобное влияние не проявилось во времени решения. Если второй случай верен, необходимо использовать дополнительные зависимые переменные, по изменению которых можно будет отследить эффективность подсказок различного типа.

Литература

- Запорожец А. В.* Избранные психологические труды: в 2 т. Т. I. Психическое развитие ребенка. М.: Педагогика, 1986.
- Тихомиров О. К., Терехов В. А.* Исследование моторных компонентов умственной деятельности. Сообщение I. Возможность использования циклографической методики для анализа механизмов мышления // Новое в педагогических науках. 1964. № 3. С. 133–137.
- Gibson E. J. et al.* Motion parallax as a determinant of perceived depth // Journal of experimental psychology. 1959. V. 58. №. 1. P. 40.

Thomas L. E., Lleras A. Covert shifts of attention function as an implicit aid to insight // Cognition. 2009. V. 111 (2). P. 168–174.

Динамика показателей сформированности компонентов структуры гражданской идентичности подростков*

Е. В. Манюкова (Череповец)

В России, как и в целом в мире, гражданское общество, представления о его ценностях и идеалах находятся в стадии развития. Т. Д. Марцинковская и И. В. Чумичева указывают на опасность превалирования этнической идентичности и подчеркивают важность ориентации на культурную парадигму «в условиях неразвитого гражданского общества и в период кардинальных социальных трансформаций» (Марцинковская, Чумичева, 2015).

Научная идея исследования состоит в том, что важнейшим фактором развития способности школьника к самостоятельному конструированию индивидуальной траектории вхождения в общество является организация жизнедеятельности учащегося, и никакая методика (мероприятие) в отдельности или их совокупность не могут обеспечить продуктивное формирование гражданской идентичности школьника.

Педагог через обращение к оперативным образам объекта, выделение его существенных и сущностных признаков демонстрирует возможное вариативное прочтение объектов окружающего мира с позиции базовых (Человек, Жизнь, Общество, Природа, Мое «Я») и инструментальных ценностей культуры (Щуркова, 2016).

В результате опосредованно осуществляется воспитательное влияние, способствующее развитию способности у учащегося к самостоятельному конструированию индивидуальной траектории вхождения в общество на основе учета его многообразия. Категория «формирование гражданской идентичности учащихся» рассматривается как целенаправленный процесс, предусматривающий проживание, переживание и осознание личностью своей принадлежности к определенному государству на общекультурной основе.

Социальное конструирование гражданской идентичности учащихся охватывает все пространство их жизнедеятельности – учебный процесс, спортивную деятельность, взаимодействие с искусством,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Вологодской области и РФФИ, проект № 18-413-350010.

межличностное взаимодействие, способствуя расширению воспитательного пространства. В процессе формирования гражданской идентичности осуществляется основополагающее влияние на самоопределение учащегося в мире ценностей, а значит, определяется результат воспитательного процесса (формируется историко-географический образ России, региона и т. д., целостная картина мира).

Структура гражданской идентичности представлена следующими компонентами: когнитивным, ценностным и эмоциональным, поведенческим.

Гражданская идентичность учащихся в статье рассматривается как компонент социокультурной идентичности в системе поликультурного воспитания. Теоретической основой исследования является теория социальной идентичности.

Цель исследования – формирование у подростков гражданской идентичности в условиях поликультурного воспитания.

Гипотеза исследования – социальное конструирование гражданской идентичности учащихся, которое охватывает все пространство их жизнедеятельности, способствует формированию гражданской идентичности.

Выборка представлена экспериментальной и контрольной школами г. Череповца Вологодской области. В исследовании участвовало 117 человек. Анализ данных в целом показал одинаковый исходный уровень по основным показателям в контрольных и экспериментальных группах. Экспериментальная группа учащихся пятых классов составила 29 человек, контрольная группа – 30 учащихся. В экспериментальной группе семиклассников было 30 учащихся, контрольная группа составила 28 человек.

На основе теоретического анализа определены следующие критерии оценки эффективности сформированности показателей компонентов структуры гражданской идентичности подростков и подопыты диагностические методики:

- степень осмысления учащимися образа гражданина России выявлялась с помощью модифицированного варианта методики З. И. Сикевич в виде эссе на тему: «Что означает для меня быть россиянином?» (когнитивный компонент);
- степень проявления сочувствия школьника изучалась на основе методики С. И. Поповой «Способы саморегуляции эмоциональных состояний» (ценностный и эмоциональный компоненты);
- готовность учащегося включиться в активную социальную деятельность определялась на основе методики свободного выбора

предъявленных ответов (автор Н. Е. Щуркова) (поведенческий компонент).

Значимость изменений основных показателей, полученных в конце учебного года в экспериментальных группах, следующая:

- для показателя «осмысление учащимися образа гражданина России» характерны значимые изменения j^* : 5 класс — 2,52**, 7 класс — 3,55**;
- показатель «проявления сочувствия школьником» представлен следующими значимыми изменениями j^* : 5 класс — 1,97*, 7 класс — 1,69*;
- показателю «готовность учащегося включиться в активную социальную деятельность» соответствуют следующие значимые изменения j^* : 5 класс — 2,00*, 7 класс — 2,06*.

Условные обозначения: * обнаружены статистически достоверные различия на уровне $p < 0,05$; ** обнаружены статистически достоверные различия на уровне $p < 0,01$.

В ходе формирования гражданской идентичности подростков отмечены значимые изменения по всем показателям у пятиклассников и семиклассников экспериментальной группы. Более выражена динамика по показателю «осмысление учащимися образа гражданина России».

В контрольных группах изменения отмечаются, но статистической значимости они не имеют. У подростков обеих возрастных групп снизились результаты по показателю «проявления сочувствия школьником», у семиклассников так же фиксируется снижение изменений по показателю «готовность учащегося включиться в активную социальную деятельность».

В школьном возрасте расширяются границы представлений школьников о своем месте в социокультурном пространстве. Смысловое содержание изучаемого явления «быть россиянином» в ответах учащихся связано с эмоционально-субъективными темами, они отмечают важность выполнения россиянином обязанностей и соблюдения законов, но еще недостаточно осмыслено отношение школьников к системе законов, правил и других атрибутов государства, как социального института.

В целом с возрастом у школьников наблюдается снижение эмпатийных проявлений как непосредственно-чувственное отражение отношений к базовым ценностям Жизнь, Человек, Мое «Я», Общество, Человечество. В противоречивых жизненных ситуациях школь-

ники чаще используют защитные (активные и пассивные) способы саморегуляции эмоциональных состояний, бездействие, отвлечение и оценку ситуации.

В воспитательном процессе современной школы преобладает апелляция к знаниям учащихся и почти отсутствует обращение к включению школьника в ценностно-ориентированную самостоятельную практическую деятельность. Для школьников характерно стремление к осмысленности жизни, но отсутствует опыт ориентации на эмоциональные состояния Другого, адекватного выражения проживаемых эмоций с учетом контекста ситуации.

Основными направлениями формирования гражданской идентичности школьников в системе поликультурного воспитания являются:

- акцент на базовых и инструментальных ценностях культуры в условиях естественно протекающей урочной и внеурочной деятельности учащихся;
- развитие социального партнерства семьи и школы;
- приобщение учащихся к активной социальной деятельности в рамках семьи, школы, взаимодействия с общественными организациями и т. д.

Проведенное эмпирическое исследование в социокультурном плане позволит глубже понять особенности и механизмы формирования гражданской идентичности как основы субъективной причастности школьника к различным аспектам жизнедеятельности собственной семьи, своей школы, населенному пункту (городу, поселку и т. д.), области, Российской Федерации и т. д.

Литература

Марцинковская Т. Д., Чумичева И. В. Проблема социализации подростков в современном мультикультурном пространстве // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.07.2019).

Щуркова Н. Е. Восхождение к нравственности. М.: Изд-во ИТРК, 2016.

Влияет ли перцептивное ограничение на сложность решения задачи «9 точек»?*

П. Н. Маркина (Москва),

А. В. Чистопольская, Н. Ю. Лазарева (Ярославль)

Задачу «9 точек» можно назвать одной из классических инсайтных задач, на ее материале проводится большое количество исследований. При этом задача является довольно сложной, большинство испытуемых не справляются с ее решением (от 0% решений (Weisberg, Alba, 1981)), поэтому одним из удобных методических приемов работы с ней является подсказка.

Есть очевидное, подсказываемое здравым смыслом, но оспариваемое многими исследователями, предположение о том, что главная ее сложность заключается в несовпадении перцептивной организации формы условия и цели (Scheerer, 1963).

К настоящему моменту проведено множество исследований, опровергающих это предположение: так, испытуемым не помогала решить задачу словесная подсказка искать вне пределов квадрата (Burnham, Davis, 1969), инструктирование испытуемых, что они уже перебрали все возможные комбинации в пределах точек (Weisberg, Alba, 1981). В другом их эксперименте испытуемые получали 9 точек с одной нарисованной диагональной линией, что должно было разрушить перцептивную организацию, но процент решивших был примерно равен 70, а в условии с той же диагональной линией и одной линией, выходящей за границы квадрата — 100%, из чего авторы делают вывод, что сложность задачи заключается не только в перцептивной организации (Weisberg, Alba, 1981). В их втором эксперименте они тренировали испытуемых выходить за пределы перцептивного квадрата, но решить «9 точек» смогли только половина. Авторы заключают, что это свидетельствует о когнитивной, а не перцептивной сложности задачи.

Выводы исследователей можно оспорить, поскольку важно, чтобы подсказка совпадала по формату с источником сложности. Так, мы считаем, что для перцептивного ограничения и подсказка должна быть перцептивной. Отличный пример такой подсказки — «стрелка» из эксперимента (Chronicle et al., 2001), которая не оказала должного эффекта. Мы считаем, что это может быть связано с тем, что «стрелка» — более «плохая» форма по сравнению с квадратом из 9 точек. Для своего эксперимента мы разработали подсказку конкурентоспособной формы. Мы предлагаем расположить фигуры Каниза в мес-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-313-00123.

тах поворотов линий, так, чтобы они визуально создавали нужную для решения фигуру (треугольник), не нарушая исходные условия. Тем самым мы дополним хорошую гештальтистскую форму квадрата другой хорошей формой — треугольником.

Кроме того, мы собираемся проверить, насколько переносимы на задачу «9 точек» сложности в решении инсайтных задач со спичками, выделенные С. Ольссоном (Ohlsson, 1992), например, ослабление ограничений, в данном случае перцептивных, «низкоуровневых». Мы планируем собрать 24 испытуемых для проверки наших предположений (размер выборки рассчитывался с помощью программы G*Power, версия 3.0.10).

Для анализа планируется применять дисперсионный анализ.

Результаты исследования будут проинтерпретированы в русле «гибридной теории» («Теории изменения репрезентации» (Ohlsson, 1992) и «Теории мониторинга прогресса» (Chronicle et al., 2001).

Литература

- Burnham C. A., Davis K. G.* The nine-dot problem: Beyond perceptual organization // *Psychonomic Science*. 1969. Т. 17. № 6. P. 321–323.
- Chronicle E. P., Ormerod T. C., MacGregor J. N.* When insight just won't come: The failure of visual cues in the nine-dot problem // *The Quarterly Journal of Experimental Psychology: Section A*. 2001. V. 54. № 3. P. 903–919.
- Ohlsson S.* Information-processing explanations of insight and related phenomena // *Advances in the psychology of thinking*. 1992. V. 1. P. 1–44.
- Scheerer M.* Problem-solving // *Scientific American*. 1963. V. 208. № 4. P. 118–131.
- Weisberg R. W., Alba J. W.* An examination of the alleged role of «fixation» in the solution of several “insight” problems // *Journal of experimental psychology: general*. 1981. V. 110. № 2. P. 169.

Развитие креативности и социально-психологическая адаптация: координация процессов в младшем школьном возрасте

М. И. Матюшичева (Санкт-Петербург)

В современном мире, под влиянием динамических процессов, происходящих во всех сферах жизни общества, формируется необходимость позитивных преобразований в социуме. Приоритетными становятся вопросы, связанные с обучением и воспита-

нием детей, как человеческого ресурса, источника развития и, в целом, вклад в будущее.

Проблема развития креативности и социально-психологической адаптации в младшем школьном возрасте соотносится с интегративными процессами адаптирующейся личности (Посохова, 2001), требованиями социализации (ФГОС начального образования), развитием творческого потенциала младших школьников в соответствии с их потребностями в проявлении креативных способностей и само реализации в социальном контексте. Недостаточная разработанность и внедрение социально-креативных стратегий в образовании непосредственно отражаются на адаптационных возможностях детей в младшем школьном возрасте.

Креативность — мета-способность, творческий ресурс человека. Творчество же — преобразующий мир процесс, внешний вектор направленности которого определяется социумом (творческое, позитивное преобразование социума), который взаимосвязан с внутренним вектором: самосовершенствованием, саморазвитием, самотворчеством и др. С позиции мультифакторного подхода (Амабаил, 1982; Барышева, 2002; Любарт, 2009; Стернберг, 2002; и др.) *креативность* представляет собой многомерный феномен, это система творческих способностей и индивидуальных качеств личности, способствующих генерированию и реализации социально значимых инновационных идей и стратегий (Барышева, 2016). Структурная модель исследования креативности в младшем школьном возрасте сочетает в себе результативные показатели (вариативность, гибкость, оригинальность, разработанность) и личностные (познавательная мотивация, склонность к риску, импрессивная эмоциональность, эстетические чувства, чувство юмора, когнитивные стили (полезависимость/полenezависимость, гибкость/ригидность, толерантность к информации креативного типа)).

Современные концептуальные представления об адаптации находят свое отражение в междисциплинарном подходе. *Социально-психологическая адаптация* — это комплексное явление, динамический процесс взаимодействия личности и социальной среды, в основе которого — адаптационные ресурсы, в частности самоотношение (самовосприятие, самооценка), эмоциональная комфортность как интегративная характеристика аффективной сферы, межличностные отношения, тревожность, локус контроль; на разных этапах которого достигаются определенные результаты: адаптация—индивидуализация—интеграция (Петровский, 1992). Функции социально-психологической адаптации определяются регуляционными и защитными

механизмами личности, возможностями самореализации, гармонизации на внутреннем и внешнем уровнях.

Цель исследования: теоретически и экспериментально определить взаимосвязи уровня развития креативности и социально-психологической адаптации в младшем школьном возрасте.

Мы предположили, что креативность и социально-психологическая адаптация в младшем школьном возрасте — две неоднозначно взаимосвязанные линии развития, координация которых обусловлена уровнем развития креативности ребенка и личностными факторами, в том числе познавательной мотивацией и когнитивным стилем (полезависимость/полenezависимость, гибкость/ригидность, толерантность к информации креативного типа).

Теоретико-методологическим обоснованием выдвинутой гипотезы явились исследования в области развития психики и личности человека в онтогенезе, психологических факторов адаптации, социальной ситуации развития в младшем школьном возрасте, феномена креативности в контексте психологии творчества, в частности, *субъектности* личности. Творчество, креативность — высший уровень развития субъектности. Субъектность личности представлена в исследованиях как фактор социально-психологической адаптации и ее оптимизации (Абульханова, 2001; Асмолов, 2002; Брушлинский, 2003; Крылова, 2007; Рубинштейн, 1976; Трофимова, 2015; и др.).

Исследование проводилось в период с 2016 по 2018 год, в котором приняли участие 322 ребенка в возрасте 8–9 лет и 10–11 лет (обучающиеся во 2-х и 4-х классах соответственно), а также 10 человек, учителя начальных классов (в качестве экспертов); в общеобразовательных учреждениях Санкт-Петербурга с различной направленностью: школа № 235 с углубленным изучением предметов художественно-эстетического цикла им. Д. Д. Шостаковича; школа № 18 с углубленным изучением математики; лицей № 211 имени Пьера де Кубертена (с углубленным изучением французского языка); общеобразовательные школы № 163 и № 300 Центрального района Санкт-Петербурга.

Комплекс диагностических методик состоял из: тестов креативности Дж. Гилфорда—Е. П. Торренса, опросников креативности Дж. Рензулли, Ф. Вильямса, социометрии Дж. Морено, экспертной оценки успешности социальных контактов по Э. М. Александровской, опросника социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонд, теста школьной тревожности Б. Н. Филлипса, тестов Л. Л. Терстоуна «Скрытые фигуры», эстетической шкалы

F. Barron—Y. Welsh, опросника ригидности Г. Айзенка, тестов гибкости мышления А. С. Лачинса, анкеты интенсивности познавательной потребности В. С. Юркевич, шкал самооценки и притязаний Дембо—Рубинштейн (в модификации А. М. Прихожан), тестов мотивов А. Мехрабиана.

Для анализа и интерпретации полученных эмпирических данных, были использованы методы математической и статистической обработки с использованием пакета IBM SPSS Statistics v. 25: корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона), факторный анализ (метод главных компонент, неповернутое решение), кластерный анализ, дисперсионный анализ, U-критерий Манна—Уитни, H-критерий Краскела—Уоллиса и др.

Основные результаты исследования

Психологические особенности развития креативности у младших школьников на данном возрастном этапе обусловлены диссинхронией результативных и личностных параметров. В «актуальной зоне» развития — невербальная (визуальная) креативность, прежде всего *вариативность* (генерация идей) и *разработанность* (детализация). В «проблемной» зоне — *гибкость* (способность «действовать в широком диапазоне возможностей»). Системообразующим фактором в корреляционной структуре креативности в младшем школьном возрасте является *познавательная мотивация*.

Младшие школьники дифференцированы по группам развития креативности (2–4 классы): V — очень высококреативная (5% — 12%), IV — высококреативная (32% — 40%), III — среднекреативная (47–30%), II — низкокреативная (13%), I — очень низкокреативная (3–5%), и разработаны «психологические портреты» детей в детерминированных группах (Barysheva, Matyushicheva, 2019).

Специфика социально-психологической адаптации в младшем школьном возрасте характеризуется противоречием между положительным самовосприятием, адекватной самооценкой, интернальностью и низкой физиологической сопротивляемостью стрессу, эмоциональным дискомфортом, неприятием других. Возрастная специфика социально-психологической адаптации определяется тревожностью: в 8–9 лет доминирует страх ситуации проверки знаний, в 10–11 лет — страх не соответствовать ожиданиям окружающих, который блокирует мотивацию достижений.

Социально-психологическая адаптация в младшем школьном возрасте обусловлена уровнем развития креативности. На эмпирическом уровне об этом свидетельствуют инвертированные (отрицатель-

ные) связи (при $p \leq 0,01$) с ярко выраженной возрастной спецификой. В 8–9 лет: чем выше вербальная креативность, тем ниже тревожность (повышается физиологическая сопротивляемость стрессу, снижается фрустрация потребности в достижении успеха, страх самовыражения, страх ситуации проверки знаний) и эмоциональный дискомфорт; чем выше полнезависимость, тем ниже неприятие других и переживание социального стресса. В 10–11 лет: чем выше личностная креативность, тем ниже общая тревожность в школе, в том числе страх ситуации проверки знаний и страх самовыражения.

Самые адаптированные дети младшего школьного возраста – в высококреативной группе. В зоне «риска» – *очень высококреативные* дети (проблемная зона – дезадаптивность, комплекс тревожности), и *низкокреативные дети* (проблемная зона – межличностные отношения, страх самовыражения, проблемы и страхи в отношениях с учителями).

В результате реализации и апробации исследования, возможно сделать вывод о том, что *креативность в младшем школьном возрасте является фактором влияния на социально-психологическую адаптацию*. Предложенный алгоритм структурирования теоретико-эмпирических данных может применяться психолого-педагогическими службами в практической деятельности общеобразовательных учреждений для определения перспектив и корректировки социально-психологических адаптационных ресурсов младших школьников с различным уровнем развития креативности.

Литература

- Барышева Т. А.* Психология развития креативности: теория, диагностика, технологии. Монография. СПб.: ВВМ, 2016.
- Петровский В. А.* Психология неадаптивной активности. М.: Горбунк, 1992.
- Посохова С. Т.* Психология адаптирующейся личности: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001.
- Barysheva T. A., Matyushicheva M. I.* Socio-psychological adaptation of children in primary school age with different levels of development of creativity // Psychophysiology news. 2019. № 1. С. 128–131.

Представления о перспективах в семейной сфере женщин, переживших измену брачного партнера*

А. А. Медведева, Е. А. Ипполитова (Барнаул)

Проблема неверности, измены приобретает особую остроту в связи с отсутствием в современном обществе четко регламентируемых норм и правил поведения в партнерских или супружеских отношениях.

Измена представляет собой одну из разновидностей семейной деструкции, областью ее проявления являются сексуально-любовные отношения супругов. Отмечается, что хотя измена касается лишь брачных партнеров, однако в ее переживание вовлекаются другие члены семьи, что всегда негативно отражается на семейной атмосфере в целом, часто приводит к семейному кризису и распаду семьи. По мнению В. М. Целуйко проблемы, связанные с нарушением супружеской верности, относятся к числу наиболее часто встречающихся в практике семейного консультирования. По поводу измен за психологической помощью в большинстве случаев обращаются женщины (Целуйко, 2004). Женщина, которой изменил муж, чувствует себя оскорбленной, обиженной, несчастной. Для нее как «пострадавшей стороны» измена супруга является сильнейшей психологической травмой, провоцирующей, наряду с кризисным состоянием, депрессиями, аутодеструктивным поведением возникновение выраженных агрессивных тенденций по отношению к неверному партнеру.

Вместе с тем, проведенные социально-психологические исследования демонстрируют, что в современных условиях социальных трансформаций происходит смена гендерных стереотипов по отношению к неверности в браке и к вопросу дальнейших перспектив развития семейных отношений в этой ситуации (Кочеткова, 2017; Мироненко, 2016). Интересным является изучение представлений о собственном семейном будущем женщин, переживших супружескую измену. В этой связи было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 62 женщины в возрасте от 23 до 40 лет с высшим или средним профессиональным образованием, работающие, имеющие одного и более детей. Среди них 31 женщина, пережившая измену брачного партнера и последующий развод более 1 года назад, и 31 женщина, не имеющая подобного опыта.

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-36-00023-ОГН «Жизненные перспективы человека в изменяющемся мире».

В исследовании был использован комплекс методов сбора информации (анкетный опрос, модифицированный вариант семантического дифференциала времени О. П. Кузнецова для оценки семейного будущего) и ее анализа (описательные статистики, t-критерий Стьюдента, факторный анализ).

Согласно полученным данным, все опрошенные женщины, как пережившие измену, так и без подобного опыта оценивают свою будущую семейную жизнь положительно, она представляется им достаточно счастливой, яркой, насыщенной важными событиями. Следовательно, вне зависимости от наличия в прошлом психотравмирующих событий, таких как неверность брачного партнера и развод, женщины оптимистично оценивают свои семейные перспективы.

По результатам применения t-критерия Стьюдента были выявлены значимые различия по следующим шкалам: несчастливая—счастливая ($p=0,023$), пессимистичная—оптимистичная ($p=0,02$), ненасыщенная—насыщенная ($p=0,039$) и долгожданная—стремительная ($p=0,038$). Неожиданными являются результаты, демонстрирующие тот факт, что женщины, имеющие опыт измены супруга и последующего развода, представляют свою будущую семейную жизнь более счастливой, оптимистичной и событийно насыщенной по сравнению с контрольной группой. Возможно, это объясняется тем, что эти женщины уже успешно справились с переживанием двойного семейного кризиса, так как с момента столкновения с фактом измены и расставанием с партнером прошло не менее года. Кроме того, имея подобный опыт, люди предполагают, что уже пережили самые тяжелые моменты, и семейное будущее обязательно будет более счастливым по сравнению с прошлым. В свою очередь оценка будущей семейной жизни как стремительной так же является следствием психотравмирующих событий, которые заставили женщин столкнуться с ситуацией неожиданных и быстрых перемен, связанных с разрушением семьи. В целом можно сделать вывод о некоторой идеализации своей будущей семейной жизни женщинами, пережившими измену и развод.

Рассмотрим структуру представлений о будущей семейной жизни респондентов. С помощью факторного анализа была построена модель семейного будущего женщин, столкнувшихся с изменой ($D=84,807\%$). В первый фактор, обозначенный как «Спокойное семейное счастье» ($D=25,793\%$), вошли шкалы: легкая ($a=0,910$), интересная ($a=0,813$), спокойная ($a=0,734$), стабильная ($a=0,730$), счастливая ($a=0,699$). Во второй фактор «Контролируемое семейное будущее» ($D=25,553\%$) были включены шкалы: насыщенная ($a=0,846$), опти-

мистичная ($a=0,822$), исходящая от вас самих ($a=0,751$), гармоничная ($a=0,734$). Третий фактор «Обычные семейные радости» ($D=14,364\%$) вообрал в себя следующие дескрипторы: стандартная ($a=0,874$), однообразная ($a=-0,752$), привлекательная ($a=0,626$). В четвертый фактор «Стремительно меняющаяся семейная реальность» ($D=10,045\%$) вошли такие шкалы, как реалистичная ($a=0,808$) и стремительная ($a=0,662$). Пятый же фактор «Бурное семейное будущее» ($D=9,051\%$) состоит из одного дескриптора – бурная ($a=0,903$). Следовательно, женщины, пережившие психотравмирующие ситуации в семье, видят свое будущее в этой сфере как счастливое и спокойное, контролируемое, наполненное обычными радостями, при этом реальное и изменчивое.

Несколько иная модель семейного будущего получена в контрольной группе ($D=79,847\%$). В первый составляющий ее фактор «Привлекательное семейное будущее» ($D=44,911\%$) вошли такие шкалы как насыщенная ($a=0,929$), интересная ($a=0,915$), оптимистичная ($a=0,898$), счастливая ($a=0,871$), исходящая от вас самих ($a=0,853$), гармоничная ($a=0,807$), веселая ($a=0,805$), стабильная ($a=0,797$), привлекательная ($a=0,786$), реалистичная ($a=0,583$). Во второй фактор «Размеренная предстоящая семейная жизнь» ($D=14,041\%$) были включены следующие шкалы: однообразная ($a=-0,848$), легкая ($a=0,739$), спокойная ($a=0,643$), хорошая ($a=0,534$). Третий фактор «Стремительное семейное будущее» ($D=11,851\%$) вообрал в себя один единственный дескриптор стремительная ($a=-0,901$). Четвертый фактор «Бурная предстоящая семейная жизнь» ($D=9,044\%$) представлен шкалами: бурная ($a=0,716$) и необычная ($a=0,504$).

Сопоставляя результаты факторного анализа в группах опрошенных можно отметить сходство полученных моделей, демонстрирующих, что для участниц исследования вне зависимости от наличия эпизодов неверности партнера и развода в прошлом, семейное будущее представляется спокойным или размеренным, наполненным простыми радостями, но при этом стремительно меняющимся, иногда бурным. Однако структура представлений переживших семейные драмы женщин является более дифференцированной, о чем свидетельствует большее число выделившихся факторов. Разведенные дамы справедливо полагают, что теперь им самим, без ежедневной поддержки партнеров, придется контролировать свою семейную жизнь, на них ложится практически полная ответственность за воспитание детей, психологический комфорт в семье.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что опыт переживания супружеской измены и развода способствует трансформации

представлений женщин о собственных семейных перспективах, проявляющейся в их более позитивной и дифференцированной оценке. Современные разведенные женщины, справившись с утратами, снова с надеждой смотрят в будущее, которое кажется им более позитивным в сравнении с прошлым печальным опытом семейной жизни. Они верят, что могут построить свое счастье, но им важно контролировать развитие событий в семейной сфере, чтобы не допустить новых трагедий и стремительных перемен.

Литература

- Кочеткова Т. Н.* Социальные представления о допустимости измены в контексте гендерных отношений // Мир науки. 2017. Т. 5. № 1. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/05PSMN117.pdf> (дата обращения: 23.08.2019).
- Мироненко А. К.* Представления об измене молодых супругов // Вестник психологии и педагогики Алтайского государственного университета. 2016. № 4. URL: <http://journal.asu.ru/vfp/article/view/1653> (дата обращения: 23.08.2019).
- Целуйко В. М.* Психология современной семьи. М.: Владос, 2004.

Специфика и предикторы прагматической компетенции в пожилом возрасте

А. И. Мелёхин (Москва)

За последние несколько лет по отношению к людям пожилого возраста увеличилось физическое, психологическое и финансовое насилие. В России каждый третий человек позднего возраста за последние 9–12 месяцев становился жертвой мошенников из-за трудностей в распознавании обмана (Полишук, Летникова, 2018). Одним из факторов повышенной *виктимизации* людей позднего возраста является изменения в прагматической функции речи (pragmatic language) или социо-прагматической компетентности (pragmatic/socio-pragmatic competence/behaviors, Мелёхин, 2017; Messer, 2015). Изменения в данной способности связаны со сниженным функциональным статусом, высоким семейным стрессом, социальной изоляцией, трудностями устанавливать доверительные отношения с другими людьми, а также поддерживать терапевтический альянс с врачами (Hess et al., 2006). Снижается чувствительность к предупреждающим знакам о возможных негативных опасных действиях, что увеличивает

риски стать жертвой социальной эксплуатации и мошенников, а также самому совершить преступление. Акцент на улучшение прагматической компетенции в позднем возрасте является более эффективным предиктором восстановления после большого эпизода депрессии, инсульта, тяжелой черепно-мозговой травмы по сравнению с изолированным акцентом на фармакотерапии и улучшении когнитивных функций (Cummings, 2017).

Цель исследования: выявить особенности и предикторы прагматической компетенции на примере понимания обмана в пожилом и старческом возрасте.

Участники исследования

Пожилой возраст: 55–60 лет, $n = 120$ (17 мужчин и 103 женщины, $M \pm SD_{age} = 56,6 \pm 1,8$); 61–74 лет, $n = 120$ (13 мужчин и 107 женщин, $M \pm SD_{age} = 66,7 \pm 3,9$).

Старческий возраст: 75–90 лет, $n = 50$ (11 мужчин и 39 женщин, $M \pm SD_{age} = 79,4 \pm 3,5$).

Критерии исключения

- Осложненная неконтролируемая коморбидность (гериатрическая шкала кумулятивности расстройств, CIRS-G) >24 баллов;
- Оценка когнитивного функционирования (по Монреальской шкале оценки когнитивных функций, MoCA) <26 баллов, указывающая на наличие изменений в когнитивном функционировании;
- Оценка эмоционального благополучия (по гериатрической шкале оценки депрессии, GDS-30) >20 баллов, указывающая на симптомы депрессии «средней» и «тяжелой» степени.

Методики исследования

Использовался тест, направленный на оценку способности прагматической интерпретации жизненных событий Е. Виннер (Pragmatic interpretation short stories, Winner's Task, 1998). Основан на нарративном подходе. В отличие от традиционных тестов, построенных на основе Салли–Энн теста (sandboxtask), нарративная форма подачи стимульного материала вызывает у пациента определенную эмоциональную реакцию, основанную на идентификации с героями рассказа. Тест состоит из пяти коротких рассказов, общий объем которых 250 слов (Winner et al., 1998). Приведем пример рассказа:

У Дарьи была прекрасная дача с огородом, на котором она все лето выращивала овощи. У ее соседки Ларисы был также огород, но все ее растения погибали. Лариса хотела порадовать мужа салатом из овощей, поэтому она решила сорвать помидоры с огорода Дарьи.

Вопрос № 1

Лариса взяла помидоры в огороде Дарьи? (Да/Нет)

В тот момент Дарья была на кухне и видела, как Лариса срывала помидоры с грядок.

Вопрос № 2

Поняла ли Дарья, что Лариса сорвала помидоры с ее огорода? (Да/Нет)

Когда Лариса собирала помидоры, она заметила, как Дарья смотрит на нее из окна. Во время ужина, муж Ларисы спросил у нее, откуда она взяла такие вкусные помидоры. Лариса сказала, что сорвала их с огорода Дарьи. Муж спросил у Ларисы: «Дарья знает, что ты сорвала их?».

Вопрос № 3

Как вы думаете, что Лариса ответила ему?

- А) Да, Дарья знает, что я сорвала ее помидоры.
- Б) Нет, Дарья не знает, что я сорвала ее помидоры.

Вопрос № 4

Думала ли Лариса, что сказанное ей – правда? (Да/Нет)

На следующий день, когда соседки встретились, Дарья спросила Ларису: «Ты случайно не знаешь, куда пропали помидоры с моей грядки?» – Лариса ответила: «А разве их сейчас там нет?».

Вопрос № 5

Когда Лариса ответила Дарье, что не знает, куда пропали помидоры, думала ли она, что та поверит ей? (Да/Нет)

Вопрос № 6

Когда Лариса сказала, что не знает куда пропали помидоры, она хотела:

- А) Солгать, чтобы избежать разоблачения.
- Б) Сострить, чтобы скрыть смущение.

В предъявляемых историях описываются жизненные ситуации, когда *герой-свидетель* наблюдает или замечает проступок *героя-нарушителя*. Сам герой-нарушитель не знает, что он был замечен героем-свидетелем, когда делал неправильный поступок. Чтобы скрыть свое смущение, и не быть пойманным герой-нарушитель произносит ложное высказывание. Использование такого рода формата проведения оценки когнитивного компонента модели психического сближает его с реалиями повседневной социальной жизни.

Инструкция: «Вам будут предъявлены различные истории, в которых описываются поступки людей. В ходе прочтения каждой истории вам будет предложено ответить на ряд вопросов». По мере чтения респондентами истории в тексте им задавались вопросы, снижающие когнитивную нагрузку на рабочую память. Типы вопросов (Winner et al., 1998):

- *Фактический вопрос (Fact question)*. Например, Лариса взяла помидоры в огороде Дарья? Этот вопрос задается, чтобы удостовериться, что респонденты понимают сюжет, способны запоминать определенное количество информации, для того чтобы сделать правильное суждение о соответствующей фактической информации.
- *Вопрос первого порядка (First-order belief question)*. Поняла ли Дарья, что Лариса сорвала помидоры с ее огорода? Этот вопрос требует от респондента понимания психического состояния героя-свидетеля. Вопрос направлен на то, чтобы оценить понимает ли респондент, что герой-свидетель знает или не знает правду, т. е. был свидетелем или не был им, когда герой-нарушитель совершал неправильное действие.
- *Вопрос второго порядка (Second-order true or false belief question)*. Как вы думаете, что Лариса ответила ему? Для того чтобы правильно ответить на этот вопрос, респондент должен сформировать представления главного героя о знаниях героя-свидетеля.
- *Уточняющий (проверяющий) вопрос второго порядка (Second-order belief follow-up question)*. Думала ли Лариса, что сказанное ей — правда? Этот вопрос задается только в случае, если респондент неправильно ответил на предыдущий вопрос, чтобы удостовериться в правильном понимании репрезентации второго порядка.
- *Вопрос ожидания (Second-order expectation question)*. Когда Лариса ответила Дарье, что не знает, куда пропали помидоры, думала ли она, что та поверит ей? Оценивает мотивацию участника на по-

нимание репрезентаций второго порядка о психическом состоянии героя-нарушителя.

- *Вопрос на понимание обмана (lie comprehension question)*. Когда Лариса сказала, что не знает куда пропали помидоры, она хотела:

- А) *Солгать*, чтобы избежать разоблачения.
- Б) *Сострить*, чтобы скрыть смущение. Оценка распознавания обмана или иронии.

Нами показана высокая надежность-согласованность для оценки обмана. Для всего теста (α Кронбаха = 0,88), Репрезентации «первого» (0,73) и второго (0,67) порядка по понимаю обмана.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программ IBM SPSS v. 23 с использованием дескриптивного анализа, критериев Колмогорова–Смирнова, Краскела–Уоллиса и множественного регрессионного анализа.

Результаты исследования

В старческом возрасте (76–90 лет) по сравнению с пожилым (55–60 и 61–74 лет) наблюдаются тонкие изменения в способности делать *прагматические интерпретации*, т. е. понимать и интерпретировать небуквальные высказывания других людей в форме обмана. Не наблюдается трудностей в понимании социальной ситуации и способности делать выводы о ложных мнениях только одного человека (репрезентации «первого порядка»). В пожилом (61–74 лет) и старческом (75–90 лет) возрастах наблюдаются трудности при понимании, что думает один человек о намерениях, убеждениях другого человека (репрезентации «второго порядка»). Этот факт говорит о присутствии в старческом возрасте *дефицита в оценке репрезентаций высшего порядка о психических состояниях других людей* (second-order ToM deficits). С целью минимизации трудностей в понимании обмана, люди позднего возраста используют такой социо-когнитивный компенсаторный механизм как *эмоционально-эгоцентрический сдвиг* (emotional egocentricity bias), т. е. понимание психического состояния другого, его намерений с опорой на собственные предпочтения и жизненный опыт (Мелёхин, 2017).

Медикопсихосоциальные предикторы прагматической компетенции

Нами выделены общие предикторы понимания обмана в позднем возрасте: социо-демографические (уровень образования) и психологические (симптомы депрессии, чувство одиночества, удовлетворен-

ность качеством жизни). В пожилом возрасте (55–60 и 61–74 лет) изменения в семейном статусе влияют на понимание обмана. Рабочий статус начинает выступать предиктором понимания обмана только у людей 61–74 лет. У людей 55–60 и 61–74 лет к вышеизложенным предикторам понимания обмана добавляется изменения в субъективном возрасте. В старческом возрасте по сравнению с пожилым к предикторам понимания обмана добавляются полиморбидность и изменения в когнитивном функционировании.

Ресурсное значение понимания обмана для благополучного старения

Респондентам пожилого и старческого возраста задавался вопрос: «Считаете ли вы способность понимать обман ресурсом благополучного старения?». Большинство респондентов 55–60 (93%), 61–74 (97%) и 75–90 (95%) лет отмечают, что умение понимать обман является ресурсом благополучного старения, т. к. помогает не стать жертвой обмана и махинаций. 7% респондентов 55–60, 3% – 61–74 лет и 5% – 75–90 лет, что понимание обмана – это не ресурс, а сложная способность, которой нужно учиться и постигать всю жизнь.

Литература

- Полищук Ю. И., Летникова З. В.* К вопросу о жестоком обращении с психически больными пожилыми и престарелыми людьми в семье и психиатрических учреждениях // Социальная и клиническая психиатрия. 2018. Т. 28. № 1. С. 101–105.
- Мелёхин А. И.* Особенности прагматической функции речи в позднем возрасте: принципы диагностики и пути восстановления // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 3. С. 39–52.
- Hess T. M.* Adaptive aspects of social cognitive functioning in adulthood: Age-related goal and knowledge influences // Social Cognition. 2006. V. 24. № 3. P. 279–309.
- Messer R. H.* Pragmatic Language Changes During Normal Aging: Implications for Health Care // Healthy Aging & Clinical Care in the Elderly. 2015. № 7. P. 1–7.
- Winner E., Brownell H., Happé F., Blum A., Pincus D.* Distinguishing lies from jokes: theory of mind deficits and discourse interpretation in right hemisphere brain-damaged patients // Brain and Language. 1998. V. 62. № 1. P. 89–106.

Отношение к неопределенности и стилевая регуляция как предикторы успешности решений в детерминистской задаче

И. В. Мигунов (Москва)

Широкий спектр задач, применяемых в исследованиях мышления, позволяет эксплицировать многие процессы, опосредствующие принятие решений (ПР). В исследованиях ПР обычно используются детерминистские и прогностические задачи, отражающие дихотомию детерминизм/вероятность в ориентирах, которые нужно выделить. В детерминистских задачах отношение между выбором и его последствиями — однозначное, определенное правило. Детерминистские задачи предполагают, что путем направленной исследовательской активности по анализу имеющихся условий субъект может доопределить критерии выбора. Структура задачи не определяет ее субъективный образ. Он может предполагать следующие типы решений: 1) детерминистские (использование правил), 2) эвристические (сокращение пространства поиска в зависимости от субъективных критериев), 3) вероятностные (ориентировка на субъективные вероятности) (Корнилова, 2016).

Задача четырех фигур, известная как ТНОG-problem, изобретенная Питером Уэйсоном, оказалась сложной для решения, несмотря на тривиальную на первый взгляд формулировку (Wason, 1979).

Ранее выявлялась роль толерантности и интолерантности к неопределенности преимущественно в задачах вероятностного типа (Корнилова, 2016; и др.). Новизной нашего исследования стала проверка общей гипотезы о роли отношения к неопределенности и индивидуально-стилевой регуляции ПР как предикторов выбора стратегии и успешности решения ТОГ-проблемы.

Целью исследование выступила роль отношения к неопределенности в регуляции принятия решений в детерминистской задаче.

Метод

Участники исследования. 52 человека: 35 женщин (возраст $M = 22,79$, $SD = 2,08$), 17 мужчин ($M = 22,9$, $SD = 1,44$). Все студенты, магистры, аспиранты факультета психологии МГУ.

Психодиагностические методики

1. Опросник толерантности к неопределенности С. Баднера (Корнилова, Чумакова, 2016).

2. Опросник «Рациональный—Опытный» С. Эпстайна (Корнилова, Разваляева, 2017).
3. Мельбурнский опросник принятия решений – МОПР (Корнилова, 2013).

Переменные

Толерантность к неопределенности, интолерантность к неопределенности, рациональная способность, использование рациональности, интуитивная способность, использование интуиции, бдительность – продуктивный копинг при ПР, прокрастинация, избегание и сверхбдительность – непродуктивные копинги, успешность решения ТОГ-проблемы, выбор стратегии.

ТОГ-проблема

П. Уэйсон выделил 5 типов решения: интуитивное, логическое, псевдологическое, правильное, случайное. Мы объединили первые 4 типа как «неслучайные» решения.

Процедура опытов

Задачи и опросные методики предъявлялись испытуемым индивидуально. Участникам предлагались условие задачи и бланки ответов в бумажной версии. На решение задачи давалось ровно 30 минут. Количество попыток не ограничивалось.

Обработка данных

Анализ различий подгрупп по переменным проводился с использованием разности медианных значений. Уровень значимости вычислялся с помощью процедуры бутстрепа – создания повторных выборок на основе имеющейся выборки методом Монте-Карло. Число повторов – 5000.

Моделирование осуществлялось с использованием логистической регрессии с взаимодействием переменных. Выбор лучшей модели проводился на основе критерия АІС.

Гипотезы

1. *Интуитивный и рационально-аналитический* стили выступают предикторами выбора стратегии решения детерминистской задачи.
2. *Толерантность к неопределенности* и копинги выступают предикторами успешности решения ТОГ-проблемы.
3. В зависимости от выбора стратегии связь между *интолерантностью к неопределенности* и успешностью решения ТОГ-проблемы

будет различной: у выбравших неслучайное решение успешности решения будет сопутствовать высокая *интолерантность к неопределенности*.

Результаты

1. Из 52 участников исследования 32 человека пришли к одному из неслучайных решений, 20 – к случайным.
2. *Интуитивная способность* оказалась значимым предиктором выбора случайной стратегии при решении ТОГ-проблемы ($\beta_{\text{инт. спос.}} = 0,28$, $p = 0,019$). Связь *использования рациональности* с выбором стратегии опосредовалась переменной *толерантность к неопределенности* ($\beta_{\text{ТН} \times \text{Исп. рац.}} = -0,03$, $p = 0,03$, $AIC = 54,572$).
3. Не справившиеся с заданием обладали более высокой *толерантностью к неопределенности* ($p = 0,006$) и меньшей *сверхбдительностью* ($p = 0,006$). *Сверхбдительность* не выступила значимым предиктором. *Толерантность к неопределенности*, взятая в качестве единственного предиктора, приводит к уравнению регрессии со значимыми коэффициентами ($\beta = -0,17$, $p = 0,0241$, $AIC = 60,623$).
4. В зависимости от бинарной переменной *выбор стратегии* связь между *интолерантностью к неопределенности* (ИТН) и успешностью должна различаться: первая переменная может выступать в качестве условно модератора между ИТН и успешностью. Логистическая регрессия, где откликом выступала успешность решения ТОГ-проблемы, а предикторами – *толерантность к неопределенности* и взаимодействие ИТН и выбора стратегии соответствовала этому предположению ($\beta_{\text{ТН}} = -0,24$, $p = 0,008$, $\beta_{\text{ИТН} \times \text{стратегия}} = 0,65$, $p = 0,006$, $AIC = 60,623$).

При выборе случайной стратегии высокая ИТН сопутствовала успешному решению. Конкретно взаимодействие выбора стратегии и *интолерантности к неопределенности* выглядело следующим образом:

- Случайное решение: медианное значение ИТН у справившихся 29,40, не справившихся – 25,22.
- Неслучайное решение: справившиеся – 24,88, не справившиеся – 31,43.

Обсуждение результатов

Участники, выбравшие случайное решение, могли интуитивно понимать, что тривиальная формулировка несет в себе двойное дно и предпочесть перебрать другие варианты прежде, чем вернуться к бо-

лее «очевидным» решениям. Связь выбора стратегии и *использования рациональности* оказалась опосредована уровнями *толерантности к неопределенности*. Толерантные к неопределенности участники, проявляющие рационально-аналитический стиль, легко прибегали к не случайным решениям, основанным на фиксации на тех или иных параметрах, указанных в условии задачи. Большинству участников потребовалось 5–9 попыток. Менее толерантные к неопределенности участники чаще обходили столбец «невозможно определить» и за то же число ходов быстрее приходили к решению: перебор 27 вариантов в случае угадывания – процесс трудоемкий и может потребовать время большее, чем полчаса, которые были даны на выполнение.

После фальсификации своей первой гипотезы участники, которым не удалось справиться с первой попытки, но которые выбрали условно логическое решение (хотя в реальности оно опиралось на когнитивные искажения), могли ощутить еще большую субъективную неопределенность. Те, кто предпочел случайное решение, вероятно, не чувствовали такой разницы.

Участники из подгруппы не случайных решений после неудачного первого выбора карты сумели справиться с заданием, если у них была снижена *интолерантность к неопределенности*, т.е. менее выражено стремление к ясности.

Видимо, успешно справившиеся с заданием менее склонны искать ситуации, связанные с неоднозначностью, и при выборе стратегий по типу не случайного решения не испытывали дискомфорта, вызываемого неопределенностью. Успешных участников «логической» подгруппы характеризовали меньшее доверие интуиции и нейтральное отношение к неопределенности – не ищут ее специально, но и не боятся.

Выводы

Толерантность к неопределенности выступила отрицательным предиктором решения детерминистской задачи. *Интолерантность к неопределенности* во взаимодействии с выбором стратегии вносила положительный вклад в успешность решения, но именно при «случайном» выборе, когда стратегия не охватывается выбранными П. Уэйсоном типами.

Литература

Корнилова Т. В. Единство интеллектуально-личностного потенциала человека в условиях неопределенности и риска. СПб.: Нестор-История, 2016.

- Корнилова Т. В.* Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 31. С. 4. <http://psystudy.ru> (дата обращения: 08.05.2019).
- Корнилова Т. В., Развальяева А. Ю.* Апробация русскоязычного варианта полного опросника С. Эпстайна «Рациональный—Опытный» (Rational—Experiential inventory) // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 92—107.
- Корнилова Т. В., Чумакова М. А.* Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 1. С. 92—110.
- Wason P. C., Brooks P. G.* THOG: The Anatomy of a Problem // Psychological Research. 1979. V. 41. P. 79—90.

Психолого-педагогическое сопровождение формирования смысложизненных ориентаций у студентов СПО с использованием элементов военно-патриотического воспитания

К. М. Морозов, И. В. Кузьменко (Шуя)

В любом обществе, при любом политическом строе системе образования уделяется пристальное внимание со стороны государства. Это связано в первую очередь с тем, что она работает напрямую с «человеческими ресурсами». Социализация и развитие молодого поколения происходит в то время, когда подростки проходят обучение в образовательных организациях. Тот опыт социального взаимодействия, который ребята приобретают за время обучения, становится «базовым», именно на его основе и будет формироваться характер личности. По своей сути: семья и образовательное учреждение становятся своеобразными векторами для дальнейшего выбора подростком, своего жизненного пути.

В настоящее время государство поставило задачу по развитию воспитательной работы в учреждениях образования. Суть данной работы состоит в воспитании социально-ориентированных, активных членов общества, ответственных за безопасность своей страны. Задачи Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016—2020 годы», рекомендуют целенаправленную работу по патриотическому воспитанию молодежи, призванной играть ключевую роль в судьбе страны. Что говорит о необходимости более глубокой теоретической проработке и практического обосно-

вания вопроса психолого-педагогического сопровождения подростков в процессе патриотического в целом, и военно-патриотического в частности, воспитания. И возможности интеграции элементов военно-патриотического воспитания в систему воспитательной работы.

Гипотеза исследования: формирование смысложизненных ориентаций личности студентов имеет положительное развитие при условии:

1. объединения усилий активных участников образовательной системы;
2. комплексной деятельности с применением психолого-педагогических компонентов военно-патриотического воспитания: мотивационного, когнитивного, эмоционального, деятельного и волевого.

Цель нашего исследования заключалась в изучении особенности формирования смысложизненных ориентаций студентов колледжа в процессе военно-патриотического воспитания. Составить и апробировать модель и программу психолого-педагогического сопровождения военно-патриотического воспитания.

Успешность реализации программы заключалась в положительных изменениях в ценностно-смысловой сфере студентов.

Выборку исследования составили студенты первого курса дневного отделения ОГБПОУ «ИАТК» в количестве пятьдесят человек. Для проведения эксперимента взяты две учебные группы, направления подготовки: механик ТС — обучение на базе 9 классов. В группах будущих механиков присутствовали только юноши, что исключало гендерный аспект исследования. Возраст испытуемых находился в пределах 15–16 лет. Этот период отмечен повышенной интеллектуальной и деятельной активностью, демонстрационным поведением. Студенты первого курса находятся на начальном этапе самоопределения. В первый год обучения у студентов еще недостаточно определено отношение к будущей профессии. Поступление в колледж чаще всего обусловлено социальной необходимостью, желанием получить профессиональное образование.

Для проверки достоверности работы по диагностике уровня СЖО, использовалась методика Д. А. Леонтьева. Для объективности полученных данных в исследовании выбраны: диагностика структуры ценностных ориентаций С. С. Бубновой и опросник самоотношения С. Р. Панталева.

В работе мы не проверяли данные на нормальность распределения, для выявления различий показателей в двух несвязных выборках

использовали непараметрический статистический критерий Манна–Уитни. Контрольный этап эксперимента, дал нам возможность установить характер произошедших изменений после формирующего этапа эксперимента. Наша цель исследовать потенциальные изменения после реализации психолого-педагогической программы. Эффективность проделанной работы оценивалась по итогам сравнений результатов, полученных в ходе констатирующего и контрольного этапов. Для оценки сдвигов значений исследуемого признака в одной и той же выборке испытуемых применялся критерий Т Вилкоксона. Математическая обработка результатов эмпирического исследования проводилась с применением статистической программы SPSS Statistics v. 17.

Итоги констатирующего этапа эксперимента

1. По диагностике уровня СЖО

Единственная шкала с низким уровнем: локус контроля жизни, можно предположить, что причина этого в том, что большинство студентов, еще не считают себя способными полностью контролировать собственную жизнь. Это можно рассматривать как склонность к фатализму, и как адекватную оценку собственных возможностей. Средний балл по шкалам: цели в жизни, процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни, результативность жизни, локус контроля – Я – находился ближе к нижней границе. Скорее всего, внимание студентов направлено на сегодняшний день, но всё еще сильны воспоминания о школьной жизни. Прослеживается признак неудовлетворенности жизнью в настоящем моменте. Можно отметить что, одновременно с отсутствием уверенности в собственных силах, отсутствует ощущение ведомости у студентов, т. е. ведомыми людьми они себе не считают. Средний балл управляемости жизни находится близ верхней границы, что выражает скорее уверенность в развитии собственных возможностей.

2. По диагностике уровня РСЦОЛ

Ценностные ориентации, учащихся находятся примерно в равновесии. На среднем уровне выражены ценности: общение, уважение людей, влияние, приятное времяпрепровождение, отдых. На низком уровне выражены ценности: социальный статус и управление, познание, поиск и наслаждение прекрасным, милосердие к людям, любовь.

3. По диагностике уровня самоотношения

У испытуемых обеих групп выражены показатели: «глобальное самоотношение» и «аутосимпатия». На среднем уровне: «ожидаемое от-

ношение от других», «отношение других», «самопринятие». Не выражены в обеих группах: «саморуководство, самопоследовательность», «самоинтерес».

Расчет U-критерия Манна–Уитни показал, эмпирическое значение во всех пройденных тестах между двумя выбранными группами находится в зоне незначимости, следовательно, достоверных различий между двумя выборками в начале эксперимента — не наблюдалось. Методом случайной выборки определили экспериментальную группу (ЭГ) и контрольную группу (КГ).

Итоги контрольного этапа эксперимента

1. По диагностике уровня СЖО

В КГ и ЭГ высокие показатели осмысленности жизни. Что характеризует выраженность смысловых ориентаций личности, в нашем случае: учебной группы, и является показателем самостоятельности и автономности личности. Это говорит нам о том, что у испытуемых к началу нового учебного года, сформировалась определенная уверенность в собственных силах, собственная жизненная позиция и определенная самостоятельность в принятии решений.

2. По диагностике уровня РСЦОЛ

В КГ слабо выражены ценности: «поиск и наслаждение прекрасным»; «милосердие к людям»; «любовь». В ЭГ: высокий уровень: «социальной активности», «здоровья», «милосердие к людям»; средний уровень выраженности: «поиск и наслаждение прекрасным», «любовь». Мы делаем вывод, что в ЭГ, по сравнению с КГ, в большей степени выражены социально-ориентированные ценности.

3. По диагностике уровня самоотношения

У КГ ярко выражено «ожидаемое отношение от других». У ЭГ выражен уровень «самоуважения» «самоинтереса», «самоуверенности», «самопоследовательности» и «самопонимания». Не выражен уровень «ожидаемого отношения от других». На среднем уровне «самообвинение» и «самоинтерес». В ЭГ в большей степени выражен интерес к своему внутреннему миру, и готовность работать с ним.

Итоги эмпирического исследования

Изменения в ценностно-смысловой сфере произошли, как в экспериментальной, так и в контрольной группах. Показатели изменений в ЭГ выше, чем в КГ. По результатам Теста «СЖО» мы констатируем

положительные изменения уровня ОЖ у респондентов: в экспериментальной группе динамика от 103,9 баллов до 145,9 баллов; в контрольной группе динамика от 103,7 баллов до 114,87 баллов.

Произошедшие изменения в КГ, скорее всего, сообщают об успешной, ранее проработанной концепции воспитательной работы в учебном заведении. Но характеристики итогов информируют о том, что используя разработанную методику с применением элементов военно-патриотического воспитания в дополнении к уже имеющейся концепции воспитательной работы, возможно улучшить результативность уже имеющейся воспитательной работы в учреждении образования.

Формирование психолого-педагогических условий для снижения подростковой тревожности в школьной среде

О. О. Морозова, И. В. Пшеничнова (Шуя)

В подростковом возрасте тревожность легко может перерасти из состояния в черту личности. Развитие тревожности происходит на фоне активного процесса социализации подростка, стоит отметить и тесную взаимосвязь тревожности с подростковым поведением, отклоняющимся от общепринятой нормы. Что, в свою очередь, приводит ко многим социальным проблемам, связанным с адаптацией в окружающем социуме. Образование в современном мире сосредотачивается в основном на развитии умственных способностей детей, редко учитывает, при этом, личностные способности ребенка и атмосферу, царящую в его семье. Формирование психолого-педагогических условий направленных на снижение тревожности в подростковой среде, в современном обществе становится особенно актуальной.

Цель исследования: изучить особенности проявления повышенного уровня тревожности у обучающихся подросткового возраста, составить и апробировать программу психолого-педагогического сопровождения подростков с повышенной тревожностью, выявить ее эффективность.

Гипотеза исследования:

- 1) уровень тревожности у подростков зависит от принятого в семье стиля воспитания;
- 2) психолого-педагогическими условиями, направленными на снижение повышенного уровня тревожности у подростков, являются

коррекция взаимоотношений детей с родителями, формирование уверенности в себе, обучение регулированию своего психоэмоционального состояния.

Базу экспериментального исследования составило муниципальное бюджетное образовательное учреждение средняя общеобразовательная школа № 41, г. Иваново. На констатирующем этапе эксперимента в исследовании приняли участие школьники 11–12 летнего возраста, учащиеся 6-х классов. Выборка включала 40 человек. По гендерному признаку состав выборки: 95% — юноши, 5% девушки. Исследование гендерных особенностей проявления тревожности в задачах эксперимента не стоит.

В исследовании использовались следующие психологические методики:

1. Исследование ситуативной и личностной тревожности Ч. Д. Спилберга.
2. Изучение общей самооценки (методика Н. Г. Казанцевой).
3. Стратегия семейного воспитания Н. М. Рухленко.

На нормальность распределения данные мы не проверяли, поэтому использовали непараметрический статистический критерий Манна–Уитни, предназначенный для выявления различий показателей в двух несвязных выборках. Также был применен χ^2 -критерий Пирсона для выявления влияния стратегии семейного воспитания на уровень тревожности подростков в этих семьях. Для оценки сдвигов значений исследуемого признака в одной и той же выборке испытуемых применялся Т-критерий Вилкоксона с учетом в расчетах нулевых сдвигов.

Опытно-экспериментальная работа включала в себя три этапа — констатирующий, формирующий, контрольный.

В целом констатирующий этап эксперимента позволил выявить следующие проблемы у испытуемых:

- преобладает средний и высокий уровень как личностной, так и ситуативной тревожности;
- по итогам изучения общей самооценки в группах выявлено преобладание адекватного и заниженного уровня самооценки;
- в воспитательном процессе внутри семей отсутствует индифферентный стиль.

В выборке в равном процентном соотношении распределены три стиля воспитания: демократический, либеральный и авторитарный.

По итогам контрольной диагностики были получены следующие *результаты*.

Выявлена взаимосвязь между стратегией семейного воспитания и уровнем тревожности у учащихся. Следовательно, мы подтверждаем нашу точку зрения о том, что для коррекции уровня тревожности у подростков, необходима, в том числе, и коррекция внутрисемейных отношений.

У контрольной группы произошли слабые изменения, в частности: в целом на 10% снизился уровень самооценки. На 7% вырос уровень тревожности. В стратегии семейного воспитания значительных изменений не выявлено.

У экспериментальной группы: уровень самооценки вырос на 40%. Уровень тревожности снизился в целом на 40%. В стратегии семейного воспитания на 15% выросло количество семей применяющих демократический стиль воспитания, на 10% сократилось число применяющих авторитарный стиль. На 5% сократилось количество семей использовавших либеральный стиль воспитания.

Обобщая результаты проведенного исследования:

- Программа создает условия, положительно влияющие на снижение тревожности, а также оптимизирует процесс внутрисемейного воспитания.
- Условия, сформированные на основе принципов: комплексности, системности, активной позиции ребенка, рациональности и гуманистичности: 1) формируют у подростков уверенность в себе; 2) обучают регулированию своего психоэмоционального состояния; 3) гармонизируют взаимоотношения в семье.

Полученные результаты подтверждают эффективность программы как в плане коррекции психоэмоционального состояния самого подростка, так и на состояние внутрисемейной атмосферы.

Особенности коммуникативной толерантности курсантов ГПС МЧС России

Г. В. Москаленко, Д. Д. Мишина (Санкт-Петербург)

Профессиональная деятельность сотрудников ГПС МЧС России сопряжена с большим количеством стрессогенных событий, большая часть которых относится к сфере «человек–человек». Смерть, страдания, острые стрессовые реакции пострадавших в чрез-

вычайных ситуациях могут оказывать негативное влияние на толерантное (терпимое) отношение к ним со стороны пожарных и спасателей в виду чрезмерности эмоционального воздействия, жесткого ограничения времени и пространства, экстремальных условий проведения аварийно-спасательных работ и повышенной ответственности за свои действия.

Коммуникативная толерантность — «это характеристика отношения личности к людям, показывающая степень переносимости ею неприятных или неприемлемых, по ее мнению, психических состояний, качеств и поступков партнеров по взаимодействию» (Бойко, 1996). Она представляется одним из ключевых компонентов эффективного взаимодействия с другими людьми, особенно в условиях чрезвычайных ситуаций, т. к. это позволяет терпимо относиться к индивидуальным особенностям других людей, не испытывая негативных чувств и не проявляя враждебных реакций в отношении них (Хван, 2008). В профессиональной деятельности сотрудника МЧС России эта характеристика представляется одной из ключевых, особенно во взаимодействии с пострадавшими.

Высшее учебное заведение призвано не только дать специальные знания по избранной специальности, но и сформировать профессионально-важные качества, способствующие эффективному выполнению служебных задач. Одним из таких качеств выступает коммуникативная компетентность, одним из проявлений которой является коммуникативная толерантность.

Гипотеза исследования заключалась в том, что в процессе профессионального обучения общая коммуникативная толерантность повышается, приобретая пиковое значение после начала трудовой деятельности пожарного, поэтому выборку составили 71 человек: 24 курсанта первого курса Санкт-петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России, 31 слушатель (курсант) пятого курса Санкт-петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России и 16 пожарных.

С помощью методики диагностики общей коммуникативной толерантности В. В. Бойко (Бойко, 1996) были измерены толерантные и интолерантные установки в общении испытуемых, а диагностика агрессивных и враждебных реакций в процессе общения проводилась с помощью опросника уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки (Хван, 2008). Для статистической обработки полученных результатов были применены U-критерий Манна–Уитни и коэффициент ранговой корреляции Пирсона.

По результатам исследования можно заключить, что у курсантов обеих групп нет статистически значимых различий в уровне общей коммуникативной толерантности: и те, и другие продемонстрировали средние значения (45,7 и 49,3 балла соответственно), что характеризует их как достаточно толерантных во взаимодействии с другими людьми. Действующие пожарные, показав результат в 24,14 балла, статистически достоверно на уровне $p \leq 0,01$ отличаются от обеих групп курсантов. Они показали высокий уровень толерантности, которая, с точки зрения В. В. Бойко «обусловлена жизненным опытом, свойствами характера, нравственными принципами и в значительной мере предопределяет другие формы коммуникативной толерантности» (Бойко, 1996). Пожарные, будучи и старше курсантов, и опытнее испытывают меньше неприязни к другим людям, меньше стремятся их переделать под себя и терпимее к особенностям других. Возможно, относительно невысокий показатель общей толерантности курсантов обусловлен тем, что, во-первых, они пребывают в достаточно закрытой образовательной системе с высокими требованиями к обучающимся, что формируется низкую терпимость к индивидуальным особенностям других людей; во-вторых, курсанты не участвовали в ликвидации последствий крупномасштабных чрезвычайных ситуаций и пожаров, сопровождающихся большим ущербом и смертями, что может идеализировать их собственный образ как спасателя и обесценивать страдания других.

Сравнив группы испытуемых по интегративным индексам опросника уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки враждебности (общая негативная позиция) и агрессивности (внешние активные действия), было обнаружено, что вновь группы курсантов статистически не различаются, демонстрируя средний уровень враждебности (34,6 и 28,75 баллов соответственно) и очень высокий уровень агрессивности (79,7 и 85,25 баллов соответственно).

Враждебность вбирает в себя шкалы обиды и подозрительности, а агрессивность – физическая и вербальная агрессия, а также раздражение. Высокие значения по индексу агрессивности в группах курсантов представляется справедливым, учитывая, что курсантские группы – это мужские коллективы, где доминирует физическая сила, способность постоять за себя и за своего товарища.

Представляет интерес то, что и группа пожарных не сильно отличается от курсантов. Так, обнаружено на уровне тенденции ($p \leq 0,05$) различие между курсантами 1 курса и пожарными в индексе враждебности (34,6 и 27,92 балла), а также различие такой же значимости между курсантами 5 курса и пожарными, но по индексу агрессив-

ности (85,25 и 64,78 балла). Полученные результаты указывают на то, что, не смотря на то, что агрессивность пожарных на высоком уровне, она, тем не менее, значимо ниже, чем у курсантов 5 курса, которые показали наивысшее значение среди всех групп испытуемых. Возникает вопрос: почему курсанты, даже 1 курса, более враждебны и агрессивны, чем действующие пожарные? Вероятно, это обусловлено их возрастом и актуальной социальной ситуацией развития, которая отличается высоким уровнем тревоги (особенно у 5 курса, так как им предстоит начать профессиональную деятельность в отрыве от ставшего привычным Университета).

Корреляционный анализ центральных категорий настоящего исследования «общая коммуникативная толерантность», «враждебность» и «агрессивность» во всех трех группах показал следующие результаты.

Общая коммуникативная толерантность 1 курса имеет прямую взаимосвязь с агрессивностью ($r = 0,6$ при $p \leq 0,01$), т. е. можно предположить, что чем выше значения индекса агрессивности, тем выше значения по шкале общей коммуникативной толерантности, следовательно, высокая агрессивность понижает коммуникативную толерантность. На 5 курсе взаимосвязей показателя общей коммуникативной толерантности выявлено не было.

В группе пожарных общая коммуникативная толерантность имеет прямые взаимосвязи как с враждебностью ($r = 0,61$ при $p \leq 0,01$), так и с агрессивностью ($r = 0,88$ при $p \leq 0,01$).

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Коммуникативные характеристики курсантов и действующих пожарных принципиально различаются. Курсанты более враждебны и агрессивны и менее толерантны. Предположительно, это обусловлено их возрастом, малым жизненным опытом и меньшей устойчивости к воздействию негативных факторов внешней среды. Так, у курсантов 1 курса проходит активная адаптация к требованиям Университета в отношении службы и профессиональной подготовки, а также к взаимоотношениям внутри курсантской учебной группы и с офицерами. У слушателей 5 курса – подготовка к выпускным испытаниям и убытие на основные места службы, где многое неизвестно, что, несомненно, вызывает тревогу. В то же время, действующие пожарные, имея объективно более сильные стрессоры, менее враждебны и более толерантны за счет, во-первых, большей стабильности и упорядоченности своей жизни, а во-вторых, большего опыта преодоления негативного внешнего воздействия. Следовательно, враждебность и агрессивность курсантов, скорее всего, носит оборонительный характер, а не наступательный.

Литература

- Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1996.
- Хван А. А., Зайцев Ю. А., Кузнецова Ю. А. Стандартизация опросника А. Басса и А. Дарки // Психологическая диагностика. 2008. № 1. С. 35–58.

Мишени психологической реабилитации пациентов с постинсультными неврологическими нарушениями на разных этапах восстановительного лечения*

Д. Г. Назметдинова (Томск)

Актуальность медико-психологической реабилитации постинсультных пациентов обусловлена высокими эпидемиологическими показателями заболеваемости, снижением качества жизни, увеличением инвалидности, а также негативным влиянием сопутствующей неврологической симптоматики, когнитивных и аффективных нарушений на жизнеосуществление пациентов (Di Luca, Nutt, Oertel, 2018).

Зачастую реабилитация ограничивается медикаментозным лечением, лечебной физкультурой, массажем, физиотерапией, мануальной терапией, направлением на санаторно-курортное лечение. Системы реабилитации не отражают согласованности в реализации мероприятий по медицинской, психологической, трудовой и социальной реабилитации, а также имеется проблема отсутствия оценки эффективности медико-психологической реабилитации (Бибикова, Киргизова, 2015). В то же время реабилитация обладает значительным потенциалом, если в решении задач восстановления задействованы не только медицинские, но и психологические подходы (Михайлов, 2014). Для более эффективных результатов реабилитационных мероприятий необходим учет не только физиологических функциональных резервов, но также и психологических ресурсных возможностей пациента, особенностей когнитивной и эмоционально-волевой сфер, благодаря которым возможна наиболее полная реадаптация в новой для него социальной ситуации (Gillham, Clark, 2011).

А. С. Кадыков, Л. А. Черникова, Н. В. Шахпаранова выделяют острый период (до 6 недель), период истинного восстановления нару-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-313-90057.

шенных функций (включающий в себя ранний восстановительный период — до 5–6 мес. после инсульта), поздний восстановительный период — до 12–18 мес. после инсульта, и резидуальный период (1–1,5 года после развития инсульта) (Кадыков, Черникова, Шахпаранова, 2008). Учет особенностей когнитивной и эмоционально-волевой сфер пациентов при разработке программ реабилитации, а также участие в реабилитационных программах на всех ее этапах — важный фактор оптимального уровня качества жизни пациентов, возвращения их к бытовой и трудовой деятельности.

Цель исследования — определить особенности когнитивной и эмоционально-волевой сферы больных с ОНМК на разных этапах восстановления (ранний восстановительный период и поздний восстановительный период), что позволит не только оценить эффективность используемых программ медицинской реабилитации, но и выявить «мишени» для проведения комплексной медико-психологической интервенции.

Методическая база исследования включала следующие методики: «Таблицы Шульте-Платонова»; Методика «10 слов» А. Р. Лурии; Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS, A. S. Zigmond, R. P. Snaith); «8-цветовой тест Люшера»; Опросник «Восстановление локуса контроля». Сравнительный анализ (одновыборочный критерий Вилкоксона) полученных в процессе исследования результатов осуществлялся с помощью статистического пакета SPSS v. 19.0. Проверка на нормальность распределения делалась с помощью критерия Колмогорова—Смирнова.

В исследовании приняли участие 114 пациентов неврологического отделения филиала ГНИИКиФ ФГБУ СибФНКЦ ФМБА России в возрасте от 30 до 77 лет. Все испытуемые были поделены на 2 группы: 1 группа — 69 пациентов с диагнозом ишемический инсульт в раннем восстановительном периоде, и 45 пациентов (2 группа) — с последствиями ишемического инсульта). Перерыв между курсами составил от 4,5 до 6 месяцев. Психологическая диагностика проводилось до и после каждого реабилитационного курса с письменного согласия пациентов.

В ходе проведенного исследования было выявлено, что наибольшая динамика во всех сферах (когнитивной, эмоционально-волевой) наблюдается на раннем восстановительном этапе реабилитации (при $p < 0,05$). У пациентов отмечаются достоверные различия по следующим показателям когнитивной сферы: объему слухоречевой кратковременной ($p = 0,001$) и долговременной памяти ($p = 0,005$), а также памяти на образы ($p = 0,032$), повысились показатели распределения

($p=0,004$) и переключаемости ($p=0,016$) внимания. В эмоционально-волевой сфере также отмечается положительная динамика: достоверно различаются показатели депрессии ($p<0,01$) и осознаваемой тревоги ($p=0,002$), которая может предотвратить потенциально опасное поведение пациентов, а также повышается мотивация на выздоровление ($p=0,002$). Можно говорить о том, что подобный эффект реабилитационных мероприятий оказывается достаточно устойчивым, поскольку не обнаружено достоверных различий между показателями, полученными в конце раннего восстановительного этапа и в начале позднего восстановительного этапа ($p>0,05$).

На позднем восстановительном этапе положительная динамика наблюдается только в аффективной сфере пациентов: пациенты отмечают снижение депрессивной симптоматики ($p=0,01$). Мы предполагаем, что данный факт связан с учетом в большей степени физиологических функциональных резервов и дефицитов пациентом, а также с отсутствием полноценной психокоррекционной работы в рамках медико-психологической реабилитации, минимальным объемом психологических интервенций, не в полной мере учитывающих особенности волевой стороны личности, что, в свою очередь, не позволяет обеспечить наиболее полную реадaptацию пациентов к сложившейся ситуации.

Таким образом, при сравнении показателей психодиагностического исследования пациентов до и после реабилитации, как в раннем, так и в позднем восстановительном периодах можно сделать следующие выводы:

В раннем периоде до лечения преобладают тяжелые нарушения внимания, зрительной, кратковременной и долговременной слухоречевой памяти; отсутствуют выраженные симптомы депрессии, наблюдается высокая мотивация на выздоровление. После прохождения курса медицинской реабилитации улучшились показатели зрительной памяти, у большинства пациентов отсутствует депрессивная симптоматика, остаются высокими показатели мотивации на выздоровление, при этом сохраняются нарушения в когнитивной сфере: страдает внимание и кратковременная/долговременная слухоречевая память.

В позднем восстановительном периоде для пациентов до лечения сохраняется отсутствие депрессивной симптоматики и высокая мотивация на выздоровление, при этом диагностируются когнитивные нарушения: выявлены нарушения внимания, кратковременной/долговременной слухоречевой памяти, при этом зрительная память более сохранна. После прохождения лечения увеличилось число па-

циентов с высокими показателями зрительной памяти, отсутствием депрессии, высоким уровнем мотивации на выздоровление. При этом все также сохраняются грубые нарушения памяти.

Литература

- Бибикова И. А., Киргизова О. Ю.* Немедикаментозное лечение в раннем восстановительном периоде после инсульта // Сибирский медицинский журнал (Иркутск). 2015. № 4. С. 5–7.
- Кадыков А. С., Черникова Л. А., Шахпаранова Н. В.* Реабилитация неврологических больных. М.: МЕД пресс-информ, 2008.
- Михайлов С. Н.* Диагностические возможности медицинской реабилитации больных, перенесших инфаркт миокарда и имеющих в анамнезе ишемический инсульт // Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний. 2014. № 3. С. 12–15.
- Di Luca M., Nutt D., Oertel W., Boyer P., Jaarsma J., Destrebecq F., Esposito G., Quoidbach V.* Towards earlier diagnosis and treatment of disorders of the brain. Bulletin of the World Health Organization. 2018. № 96.
- Gillham S, Clark L.* Psychological Care After Stroke: Improving Stroke Services for People with Cognitive and Mood Disorders // NHS Improvement – Stroke. 2011.

Проблема профилактики межличностных конфликтов подростков

А. В. Небежева (Владикавказ)

В современном мире экономические и политическими кризисы, терроризм, социальные и техногенные катастрофы провоцируют противоречия во многих сферах жизни, в том числе и образовательном процессе.

Проблема конфликта в образовательной среде была исследована в работах многих отечественных ученых, педагогов и психологов. К ним относятся А. Я. Анцупов, А. С. Белкин, Ю. Ю. Бочарова, Э. Ю. Васильев, Т. Г. Григорьева, Н. В. Гришина, А. П. Егидес, В. И. Журавлев, Г. И. Козырев, Н. И. Леонов, А. К. Маркова, М. М. Рыбакова, Н. В. Самсонова, Е. В. Шишкина и др.

Среди проблем, стоящих перед общеобразовательной организацией в период ее модернизации, наиболее значимой является проблема профилактики межличностного конфликтного поведения подростков. Образовательные организации не всегда способны во-

плотить в жизнь процесс профилактики конфликтного поведения подростков, так как в практике организации педагогического процесса эти вопросы не входят в число приоритетных целей педагога.

Проблема исследования заключается в ответе на вопрос: каково содержание межличностных конфликтов среди подростков и каковы условия профилактики?

Объект исследования: конфликтное поведение подростков.

Предмет исследования: условия профилактики межличностных конфликтов подростков.

Цель исследования: на основе анализа теоретических и эмпирических данных разработать программу профилактики подростковых межличностных конфликтов.

Гипотеза исследования: профилактика межличностных конфликтов будет эффективной, если будет разработана и внедрена программа профилактики конфликтов среди подростков.

Задачи исследования: проанализировать проблему конфликтного поведения в научной литературе; выявить особенности форм и методов профилактики межличностных конфликтов подростков.

Исследование проводилось с помощью следующих *методик*: методика оценки способов реагирования в конфликте К. Н. Томаса; диагностика мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях.

База исследования – СОШ № 28, г. Владикавказ. Количество респондентов – 25 учеников 11 класса.

В психолого-педагогической литературе имеется множество определений конфликта. Многие ученые под конфликтом понимают борьбу за притязания на определенный статус и ценности, в которой цели противника направлены на нейтрализацию, нанесение ущерба или устранение соперника. По мнению Н. В. Гришиной, «конфликт проявляется в активности сторон, направленной на преодоление противоречий, биполярное противостояние двух начал, причём стороны представлены активным субъектом» (Гришина, 2018). Существуют многочисленные классификации конфликтов. К самым распространенным психологическим конфликтам относятся межличностные конфликты. Как отмечает А. П. Егидес, межличностный конфликт происходит в процессе общения как столкновение личностей по причине несовместимости потребностей, мотивов, целей, установок, взглядов, поведения (Егидес, 2013). Отмечают три признака межличностного конфликта: присутствие, как минимум, двух конфликтующих сторон; несогласованность поступков; противоречие в отношениях.

Конфликт может приводить к различным последствиям в личностном развитии: конструктивный – приводит к расширению возможных вариантов решения проблемы, характеризуется повышением уровня поисковой деятельности, обеспечивает мобилизацию сил на решение задачи, повышает эффективность деятельности и общения; деструктивный – ведет к дезорганизации деятельности, предполагает спонтанные и импульсивные поиски выхода. При конструктивном конфликте усилия сторон направлены на созидание, цель участников общая, процедура взаимодействия определена и согласована. Существенную роль играют конфликты для развития личности, они способствуют мобилизации сил, расширяют репертуар поведения, развивают мышление и способность к эмпатии. Открытое проявление имеет множество преимуществ и выполняет различные позитивные функции (адаптация, изменение, восстановление). Социально контролируемый конфликт не только разряжает атмосферу между участниками, но и открывает путь к возобновлению отношений (Gurieva, Grishina, 2013).

Изучив теоретически проблему конфликтного поведения, нами было проведено исследование межличностных конфликтов в образовательной организации по методике К. Томаса. После предъявления стимульного материала на опытно-экспериментальном этапе были получены следующие результаты: 17% в конфликте выбирают стратегию сотрудничества; приспособление выбирают 12%; соперничество выбирают 19%; компромисс выбирают 21%; стратегию избегания 39%. Таким образом, большинство ребят избирают избегание, как способ решения конфликта. И наименее популярным является приспособление.

Результаты диагностики подростков по методике мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях распределены равномерно по трем ориентациям. Большинство учеников выбирают ориентацию на достижение компромисса (39%). Ориентация на принятие партнера на высоком уровне развита у 30%. Ориентация на адекватность восприятия и понимание партнера на высоком уровне развита у 31%. Результаты показали, что необходимо развивать такой показатель «Ориентация на принятие партнера».

Для решения данной проблемы и профилактики конфликтных ситуаций в профессиональной образовательной организации нами разработана и реализована программа профилактики конфликтов в образовательной организации, способствующая оптимизации социально-психологического климата в коллективе. В рамках реали-

зации программы проводились занятия в течение двух недель. Основные принципы программы: интерактивность, предполагающая интенсивное межличностное взаимодействие; постепенность; комплексность.

Программа состоит из трех условных взаимосвязанных блоков: 1) преодоление сопротивления самораскрытию, формирование доверия и эмоциональной взаимобезопасности; 2) моделирование различных ситуаций межличностного взаимодействия, прогнозирование вариантов конструктивного общения; 3) наблюдение динамики развития тренируемых навыков, развитие осознания личных ресурсов (Гогицаева, 2015). Каждое занятие (кроме первого) начиналось с процедуры «самопрезентации», где участники делятся информацией о том, что интересного, нового, важного произошло за прошедшую неделю в их жизни, какие новые мысли появились после предыдущего занятия.

Далее следовало вступительное слово ведущего, настраивающее группу на тему занятия. Затем ведущий называл тему занятия, проводил несколько соответствующих упражнений с последующим обсуждением. Каждое занятие завершалось «рефлексивным кругом» для закрепления опыта, полученного на занятиях и получения обратной связи.

Результаты повторного исследования способов реагирования в конфликтной ситуации по методике К. Томаса показали, 51% учеников выбирают конструктивные способы решения конфликта, такие как сотрудничество и компромисс (31%). Из данных результатов, можно сделать вывод, что обучающиеся научились решать конфликтные ситуации, не пытаются избегать конфликтной ситуации и не идут на конфронтацию. По результатам диагностики мотивационных ориентаций в межличностных коммуникациях у показателя «Ориентация на принятие партнера» скорректирована выраженность уровней: теперь низкого уровня не показывает ни один респондент, и у 21% повысился уровень с низкого на средний. По показателю «Ориентация на адекватность восприятия и понимание партнера» высокий уровень теперь у большинства обучающихся (56%). По показателю «Ориентация на достижение компромисса» у трех респондентов уровень изменился с низкого на средний.

По результатам диагностики можно сделать вывод, что в ходе экспериментальной работы произошли изменения: класс стал более сплоченным, появилась ориентация на коллективные дела, при общении ученики все чаще стали принимать компромиссные решения и прибегать к сотрудничеству.

Подводя итоги, следует отметить, что не существует универсальных правил поведения в конфликтных ситуациях и эффективных стратегий их разрешения. Все они ориентированы, в основном на понимание человека как универсальной и неповторимой личности.

Литература

- Гогицаева О. У.* Освоение учителем организационно-управленческих навыков // Материалы 3-й научно-практической конференции (заочной) с международным участием «Категория „социального“ в современной педагогике и психологии» / Отв. ред. А. Ю. Нагорнова. 2015. С. 158–162.
- Гришина Н. В.* Психология конфликта. СПб.: Питер, 2016.
- Егидес А. П.* Психология конфликта: учеб. пособие. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия». URL: <http://znanium.com/catalog/product/451312>.
- Gurieva S. D., Grishina N. V.* The issue of conflict in the russian psychology: history and present state // Applied and Fundamental Studies Proceedings of the 3rd International Academic Conference. Publishing House Science and Innovation Center Ltd, 2013. P. 291–296.

Применение геймификации в современном образовании

В. А. Негрий (Москва)

В настоящее время в современном российском обществе ценность образования и личностного развития становится всё более актуальной и востребованной. В предлагаемых новых стандартах образования делается акцент на индивидуальность личности, что в свою очередь ставит ряд задач перед педагогикой и психологией найти оптимальные методы и пути воплощения этих идей в жизнь на практике. С другой стороны, происходит рост информатизации общества, появляются новые интерактивные технологии, позволяющие как психологам, так и педагогам, применять их особые возможности в решении образовательных задач. Среди таких новых возможностей можно выделить использование геймификации (игрофикации) в обучении.

Феномен геймификации происходит из компьютерных игр. Некоторые авторы изучают лишь негативные последствия этого явления, такие как компьютерная и игровая зависимости (Голдберг, 1995; Янг, 1997; Янг, Гринфилд, 2000), другие – доказывают также и позитивные стороны компьютерных игр. Геймификация (от *англ.*

gamification) — это процесс использования игрового мышления и динамики игр для вовлечения аудитории и решения задач. В геймификации применяются идеи бихевиорального подхода, нарративной психологии, теории потока М. Чиксентмихайи и других психологов.

Сама игровая деятельность является ведущей в детском дошкольном возрасте, выполняя важнейшую роль в развитии и обучении ребенка (Эльконин, 1999). Далее ведущая деятельность меняется с возрастом, но подросток, юноша и взрослый человек играть не перестает. Игра может выполнять разнообразные функции в системе деятельностей взрослого человека. Как минимум, можно выделить три варианта отношения деятельности к системе: развивающее, компенсаторное и конфликтное (Кузнецов, 2013).

Роль игры определяется и личностью, ее индивидуальными мотивами, и особенностями, строением самой игры. Актуальной задачей является создание игр, претендующих занять развивающую роль в системе деятельностей, способствуя эффективному обучению и самореализации личности. Таким образом, образовательные игры могут строиться исходя из этих предпосылок. Компьютерные игры обладают в отличие от реальных рядом особенностей, среди которых важно отметить — идентификацию играющего с игрой. Компьютерный игрок не просто проходит уровни, разгадывает квесты и совершает любые другие заданные в игре действия, он переносит их на себя: опыт персонажа (как прямого, так и закадрового) становится личным, навыки и умения человек приписывает себе, испытывая при этом реальные чувства (Иванов, 2005). Тем самым это позволяет лучше закреплять некоторые образовательные элементы в компьютерных играх, повышать мотивацию, а также индивидуализировать образование.

Актуальность изучения геймификации в современном образовании связана также с психологическими особенностями учащихся разных поколений. В своей работе «Теория поколений» Нейл Хоув и Вильям Штраус (Strauss, Howe, 1991) указывают на важность учета способов обучения разных поколений. В работе «Теория поколений. Необыкновенный Икс» (Шамис, Никонов, 2016) в особенности выделяются поколения «Y» (1983—2003 годы рождения) и «Z» (2003 год рождения по настоящее время), которое сейчас составляет основную категорию учащихся. Эти поколения отличаются от предыдущих поколений по способу восприятия информации: для них характерно «клиповое мышление», которое требует определенной организации в ситуации обучения. В такой роли могут выступать цифровые образовательные технологии. Современные поколения

«Y» и «Z» предпочитают сами игровые формы для получения знаний и навыков. Таким образом, применение геймификации в современном образовании является одним из востребованных и эффективных методов в обучении.

Цель предполагаемого теоретического исследования – аналитико-синтетический обзор исследований применения метода геймификации в современном образовательном процессе в России и за рубежом.

Предметом исследования является геймификация как метод обучения и воспитания в образовательном процессе.

Задачи исследования: изучить и проанализировать современную литературу и исследования отечественных и зарубежных авторов по выбранной теме.

Новизной исследования выступит подробный обзор современного состояния проблемы использования метода геймификации в образовании.

В работе мы планируем опираться на деятельностный подход в психологии образования, на основы логико-психологического подхода к формированию и развитию личности в образовании, культурно-исторический подход в психологии. Метод предполагаемого теоретического исследования: сбор и анализ литературы по выбранной теме.

Теоретическая значимость работы предполагается в систематизации актуальных исследований в области геймификации как метода обучения и развития личности.

Практическая значимость исследования состоит в разработке дизайне будущего эмпирического исследования взаимосвязи применения метода геймификации в учебном процессе с уровнем развития общекультурных компетенций учащихся и академической успеваемостью.

Значение юмора в системе копинг-поведения у студентов разных направленностей

В. Н. Нерсесян, Д. П. Ткаченко (Москва)

Современные исследования все чаще ставят юмор в один ряд с психологическими защитами и копинг-стратегиями (Киселева, Акутина, 2017). При этом показано, что юмор как копинг-стратегия может сильно зависеть от социальной ситуации, а именно от того,

насколько приятна человеку окружающая обстановка и от характера взаимодействия с окружающими. Значимой стороной использования юмора в ситуации социального взаимодействия является его поддерживающая функция, проявляющаяся в выражении легкой формы сочувствия человеку, столкнувшемуся с проблемами. Помимо этого, юмор полезен не только для поддержания дружеских отношений, но и для совладания со стрессом, например, во время выступления на публике. Он же помогает преодолевать депрессию, хотя в равной степени используется и теми, кто менее подвержен негативному отношению к жизни (Nezlek, Derks, 2001).

Известен также эффект использования юмора для регуляции физиологического возбуждения за счет когнитивно-эффективного сдвига в оценивании и интерпретации стрессогенных стимулов. У людей, часто использующих юмор, оценка напряжения в стрессовой ситуации значимо ниже, что позволяет ослабить отрицательный аффективный ответ. При этом юмор может быть связан с дистанцированием, что в свою очередь не редко используется как психологическая защита для удержания под контролем своих чувств и действий, возникающих под влиянием стресса. Было выявлено, что люди с высоким чувством юмора предпочитают позитивные стратегии совладания — преднамеренные усилия по решению проблем, позитивная переоценка ситуации и т. д. (Millicent, 2002).

Очевидно также, что существуют гендерные особенности связанные с выбором и частотой использования юмора. Так, мужчины предпочитают шутить, поддразнивать и подтрунивать над другими, женщины чаще стараются быть слушателями. Кроме того, женщины предпочитают использовать юмор чаще всего для сплочения коллектива, а мужчины — для поддержания своего социального статуса. Разные цели обуславливают предпочтение юмора (Lampert, Ervin-Tripp, 1998). Таким образом, можно утверждать, что юмор играет значимую роль в жизни всех людей и используется для социальной коммуникации, совладания со стрессогенными ситуациями, выполняет компенсаторную функцию.

Исходя из этого, в своем пилотном исследовании мы решили изучить связь предпочитаемого юмора с копинг поведением у студентов юридического и психологического направлений. Нами были выдвинуты следующие *гипотезы*:

- студенты юридического направления будут более склонны использовать черный юмор, чем студенты психологи;
- предпочтение самоподдерживающего юмора будет связано с использованием ориентированного на эмоции копинга (ОЭК).

Для проверки гипотез были использованы *методики*:

1. Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Т. Л. Крюковой (адаптированный вариант методики Н. С. Эндлера, Д. А. Паркера «Coping Inventory for Stressful Situations»);
2. Разработанная авторская шкала предпочтений различных видов юмора и оценки функций юмора, основанная на исследованиях Ю. Е. Кравченко.

В исследовании принял участие 51 студент в возрасте 18–26 лет, среди которых 16 мужчин и 35 женщин: 20 девушек и 4 юноши обучаются на факультете психологии РГГУ, 12 юношей и 15 девушек на юридическом факультете в РГГУ и МГЮА (Университет им. О. Е. Кутафина). Опрос проводился с помощью онлайн-сервиса Google Forms. Участники дали согласие на обработку данных и использование их в научных публикациях.

В результате статистической обработки данных при помощи пакета Statistica v. 12.0 с использованием непараметрического критерия Манна–Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена были получены следующие данные.

Исходя из анализа различий между группами студентов-психологов и студентов-юристов, достоверных различий выявлено не было. Видимо, профессиональная принадлежность не связана с характером предпочитаемого юмора. Возможно, в случае с разными профессиональными группами имеет смысл оценивать не стиль используемого юмора, а его непосредственное содержание и те темы, которые чаще всего становятся предметом высмеивания в определенных профессиональных кругах.

В анализе различий между мужчинами и женщинами было обнаружено, что женщины склонны чаще использовать ориентированный на эмоции копинг ($p = 0,045$), в то время как мужчины значимо чаще предпочитают черный юмор в ситуации совладания ($p = 0,045$). Эти результаты косвенно подкрепляют данные о том, что женщины чаще прибегают к использованию юмора для сплочения, а мужчины — для утверждения своего социального статуса. Вероятно, черный юмор, предпочитаемый мужчинами, в большей степени несет в себе функцию очерчивания определенных социальных границ и демонстрации некоторой независимости и готовности к провокации, нежели выражает идею дружеского участия и объединения.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют в пользу того, что предпочтение черного юмора характерно для респондентов, использующих направленный на решение задач и проблем копинг

($r=0,28$), в то время как, склонность прибегать к ориентированной на эмоции копинг-стратегии связано с избеганием использования черного юмора ($r=-0,37$). Использование юмора для поддержания социальных контактов и налаживания отношений характерно для респондентов, которые предпочитают копинг-стратегию с ориентацией на избегание ($r=0,38$) и отвлечение ($r=0,35$). Компенсаторная же функция юмора наблюдается у респондентов, которые чаще используют копинг-стратегию с ориентацией на избегание ($r=0,47$) (как простое отвлечение ($r=0,49$), так и социальное отвлечение ($r=0,29$)). Эти результаты также свидетельствуют в пользу того, что черный юмор предпочтителен для людей, склонных к активной деятельности и независимости в своих решениях, в то время как те, кто руководствуется эмоциональными факторами в преодолении проблем, скорее избегают такого рода юмор. Интересно, что использование юмора для укрепления социального контакта и компенсации нежелательных эмоциональных состояний сочетается с совладающим поведением, направленным на избегание проблемы. То есть, юмор выступает как некоторое безопасное пространство, в котором человек может расслабиться, получить положительный эмоциональный отклик от окружающих и на какое-то время забыть о трудностях и связанных с ними переживаниях.

Таким образом, обе выдвинутые нами гипотезы не подтвердились. Тем не менее, было получено подтверждение связи предпочитаемого стиля юмора с полом, а также с используемыми копинг-стратегиями. Судя по всему, юмор действительно целесообразно рассматривать как одну из значимых и довольно эффективных стратегий совладающего поведения, вариативность которой, во многом связана не только с социальными факторами, но, прежде всего с психологическими особенностями человека. Следовательно, в контексте такого подхода к изучению юмора имеет смысл исследовать личностные характеристики, связанные с предпочтениями в юморе и особенностями его использования в различных жизненных ситуациях. Кроме того, стоит более детально подойти к исследованию профессионального юмора с точки зрения его содержательной стороны и эффективности использования юмора в специфичных для разных профессиональных групп стрессогенных ситуациях. Стоит также учитывать, что юмор и разнообразие его проявлений у одного и того же человека может варьироваться в связи с изменением жизненных условий и стратегий совладания. Именно поэтому важно учитывать не только специфику предпочитаемого юмора в конкретной жизненной ситуации, но и анализ некоторой динамики развития юмора с течением жизни.

Литература

- Киселева Е. В., Акутина С. П.* Стресс у студентов в процессе учебно-профессиональной подготовки: причины и последствия // Молодой ученый. 2017. №6. С. 417–419.
- Henman L. D.* Humor as a coping mechanism: Lessons from POWs. // *Humor: International Journal of Humor Research*. 2001. V. 7. №4. P. 323–340.
- Nezlek J. B., Derks P.* Use of humor as a coping mechanism, psychological adjustment, and social interaction // *Humor – International Journal of Humor Research*. 2001. V. 14. №4. P. 395–413.
- Abel M. H.* Humor, stress, and coping strategies // *Humor – International Journal of Humor Research*. 2002. V. 15. №4. P. 365–381.
- Lampert M. D., Ervin-Tripp S. M.* Exploring paradigms: The study of gender and sense of humor near the end of the 20th century. Berlin: Walter de Gruyter, 1998.

Специфика психологических последствий опасного заболевания с учетом выраженности отдельных симптомов посттравматического стресса*

Д. А. Никитина (Москва)

Изучение воздействия психической травмы на здоровье человека является важным аспектом в контексте развития научного понимания данной проблемы, практического использования полученных знаний в реабилитационных, коррекционных мероприятиях, предупреждающих развитие посттравматического стресса (ПТС) и его последствий. Особое внимание представляет изучение психической травмы у людей с опасными заболеваниями, полученной вследствие постановки диагноза. Ситуацию постановки диагноза опасного для жизни заболевания согласно ведущим руководствам, таким, например, как – DSM (диагностическое руководство психических расстройств), и международным классификаторам, например – МКБ (международная классификация болезней) относят к стрессорам высокой интенсивности, которые в ряде случаев могут вызывать посттравматический стресс (ПТС), высокий уровень которого сопряжен с клинической картиной посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). Постановка диагноза

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00324.

опасного для жизни заболевания является стрессором высокой интенсивности по причине того, что заболевание несет угрозу жизни. Понимание данной угрозы может вызывать у человека в ряде случаев сильные эмоциональные переживания ужаса, страха, беспомощности. Особенность психотравматизации вследствие переживания по поводу постановки диагноза такова, что в отличие от событийных стрессоров, которые представляют события, произошедшие в прошлом и влияющие на настоящее, опасное для жизни заболевание несет в себе пролонгированную угрозу, которая остается актуальной на протяжении продолжительного времени. Актуальный характер данной угрозы становится видимым при наличии симптомов посттравматического стресса и его последствий, одним из которых является психопатологическая симптоматика. Особый интерес представляет анализ вклада каждого отдельного симптома посттравматического стресса — вторжения, избегания, физиологической возбудимости в картину последствий психотравматизации. Показано, что больные раком молочной железы (РМЖ) с высокими показателями по критерию «избегание», в отличие от пациентов с высокими показателями по критерию «физиологическая возбудимость», склонны к подавлению эмоциональной реакции на события, напоминающие о травме (Тарабрина, Курчакова, 2007). Добавим, что сама стратегия избегания аспектов, связанных с травмой, не всегда однозначно носит негативный характер, и может зависеть от того в системе каких копингов она проявляется: эмоционально-ориентированном или проблемно-ориентированном (Харламенкова с соавт., 2015). Иную картину можно наблюдать при наличии у пациента высоких показателей по критерию «вторжение», когда фиксируется снижение активности передних отделов головного мозга при восприятии аспектов, которые могли бы напомнить о психотравмирующем событии (Тарабрина, Курчакова, 2007). По-видимому, при появлении симптомов навязчивости (критерий «вторжение») человек полностью погружен в психотравмирующее событие, поэтому картина психологических последствий, возможно, будет иметь более выраженный характер, проявляя себя в высоких показателях психопатологической симптоматики. Как показывают результаты предыдущих исследований для людей с диагнозом «менингиома» такими психопатологическими симптомами могут стать — депрессия, паранойдность и психотизм (Никитина, 2016). Таким образом, анализ отдельных симптомов ПТС позволит более точно и содержательно понять специфику механизмов появления последствий психотравматизации у пациентов с данным диагнозом.

В статье представлена часть результатов исследовательского проекта, направленного на изучение специфики психотравматизации людей, в анамнезе которых зафиксирована в качестве травматического события (стрессора высокой интенсивности) постановка диагноза «менингиома». Респондентами исследования являются пациенты НМИЦ Нейрохирургии имени академика Н. Н. Бурденко, которым был поставлен диагноз «менингиома» — 43 человека (с минимальным когнитивным дефицитом, подписавшие информированное согласие) из них: 39 женщин и 4 мужчины в возрасте от 30 до 70 лет, средний возраст — 54 года.

Целью исследования стал анализ специфики психопатологической симптоматики в зависимости от преобладания отдельного симптома ПТС — вторжения, избегания или физиологической возбудимости.

Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что при высоком уровне ПТС такие психопатологические симптомы как депрессия, параноидность и психотизм, будут обусловлены наличием высоких показателей вторжения, а не избегания или физиологической возбудимости.

Методики исследования: Шкала оценки влияния травматического события, ШОВТС (IES-R); Опросник выраженности психопатологической симптоматики (SCL-90-R). Представлены методики в адаптации Н. В. Тарабриной. Использовался программный пакет Statistica v. 10, включая анализ описательной статистики (min, max, med), расчет критерия U Манна–Уитни (на уровне значимости $p < 0,05$), а также кластеризацию методом К-средних.

Результаты исследования

Перед началом анализа необходимо было выделить группы, в которых преобладал бы только один конкретный симптом ПТС — вторжение, избегание, физиологическая возбудимость. На основе данных методики ШОВТС были выделены следующие группы: первая группа — пациенты, у которых преобладают показатели по критерию «вторжение» ($n = 14$); вторая группа — пациенты, у которых преобладают показатели по критерию «избегание» ($n = 29$). Группу пациентов, у которых преобладают показатели по критерию «физиологическая возбудимость» выделить не удалось. По всей видимости, для пациентов с данным диагнозом может быть не характерно преобладание физиологической возбудимости над другими симптомами ПТС. Далее первая и вторая группы были разделены на подгруппы с высокими и низкими показателями изучаемого симптома ПТС (с помощью метода К-средних). Для пациентов, у которых преобладало вторже-

ние это подгруппы: «*Низкое вторжение*» $n=9$, «*Высокое вторжение*» $n=5$. Для пациентов, у которых преобладало избегание это подгруппы: «*Низкое избегание*» $n=16$, «*Высокое избегание*» $n=13$. Выделенные пары подгрупп действительно различаются по уровню выраженности ПТС, и отдельным его симптомам (U-критерий, $p<0,05$), подчеркнем, что наибольшие различия были обнаружены: в паре «*Низкое вторжение*» и «*Высокое вторжение*» по критерию «вторжение» (U-критерий, $p<0,003$), а в паре «*Низкое избегание*» и «*Высокое избегание*» – по критерию «избегание» (U-критерий, $p<0,00002$). Следовательно, можно предположить, что подгруппы действительно могут быть охарактеризованы по отдельному, конкретному преобладающему критерию: вторжению или избеганию. Подгруппы «*Низкое вторжение*» и «*Низкое избегание*» не различаются по симптомам ПТС (U-критерий, $p>0,05$). Подгруппы «*Высокое вторжение*» и «*Высокое избегание*» различаются по критерию «вторжение» (U-критерий, $p<0,002$) и не различаются по критерию «избегание» (U-критерий, $p>0,05$). Отсутствие различий по критерию «избегание» в данной паре может быть объяснено тем, что подгруппа «*Высокое вторжение*» имеет, в целом, наиболее выраженные признаки по всем симптомам ПТС. Следовательно, несмотря на то, что медианное значение по критерию «избегание» в подгруппе «*Высокое избегание*» выше, чем в подгруппе «*Высокое вторжение*», разница в показателях не достигает уровня значимости.

Анализ психопатологической симптоматики показал, что достоверные различия были выявлены практически по всем шкалам методики SCL-90-R (кроме шкалы враждебность) при анализе подгрупп «*Высокое вторжение*» и «*Высокое избегание*», причем все показатели выше в первой подгруппе: Соматизация (U = 4,0; $p=0,006$); Обсессивно-компульсивные расстройства (U = 4,0; $p=0,006$); Интерперсональная чувствительность (U = 2,5; $p=0,004$); Депрессия (U = 7,5; $p=0,016$); Тревожность (U = 3,5; $p=0,005$); Навязчивые страхи (U = 11,5; $p=0,043$); Параноидность (U = 12; $p=0,049$); Психотизм (U = 7; $p=0,014$). Напротив, при сравнении пар «*Низкое вторжение*» и «*Низкое избегание*» различия отсутствовали. По всей видимости, при понимании механизмов развития посттравматического стресса важен учет как уровня психотравматизации, так и вклада отдельного симптома ПТС, в частности вторжения.

Выводы

Таким образом, гипотеза частично подтверждена. Высокие показатели вторжения действительно могут обуславливать появление выраженной психопатологической симптоматики у пациентов с диагно-

зом «менингиома», в частности наиболее вероятными симптомами могут стать: соматизация, обсессивно-компульсивные расстройства, интерперсональная чувствительность, депрессия, тревожность, навязчивые страхи, паранойдность, психотизм.

Литература

- Никитина Д. А.* Оценка психопатологической симптоматики у пациентов с диагнозом «менингиома» при разном уровне посттравматического стресса // Психологические исследования: Вып. 8 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 131–142.
- Тарабрина Н. В., Курчакова М. С.* Психофизиологические корреляты посттравматического стресса у онкологических больных // Социальная и клиническая психиатрия. 2007. Т. 17. № 4. С. 9–17.
- Харламенкова Н. Е., Мустафина Л. Ш., Воронцов С. А., Обухов А. А.* Особенности избегания как стратегии совладания с трудными жизненными ситуациями в пожилом возрасте // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 78–88.

Отношение к психологии у студентов непсихологических факультетов с разными личностными характеристиками*

О. В. Новикова, Т. А. Нестик (Москва)

Исследования представлений о психологии в российском обществе указывают на несформированность, синкретичность образа психологии и психологов (Страмилов, 2015), мифологизацию психологии в обыденном сознании (Журба, 2012; Родин и др., 2015). При этом обращение за психологической помощью связано со стигматизацией образа психолога (Бовина, Панов, 2011; Кулинич, 2017; Ширяев, 2015).

Представления о психологии складываются под влиянием СМИ, в которых психологическая интерпретация бытовых ситуаций часто неотделима от магической и астрологической, что наносит ущерб имиджу науки (Юревич, 2009; Володарская и др., 2017).

Все это делает актуальным изучение социально-психологических предпосылок отношения молодежи к психологической науке и практике. Для их уточнения нами было проведено поисковое эм-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-06-00675.

пирическое исследование, участниками которого выступили студенты непсихологических факультетов вузов г. Москвы (N = 190, из них 82% – женщины; средний возраст – 21,3 года). Для измерения отношения к психологии использовалась авторская шкала из 6 утверждений, согласие с которыми мы просили оценить по 5-балльной шкале (напр., «При помощи психологических технологий можно решить многие проблемы нашего общества», «Использование психологических технологий приносит людям больше вреда, чем пользы», «Я не вижу ничего плохого в том, чтобы пользоваться рекомендациями психологов в своей повседневной жизни»; $\alpha = 0,783$; $M = 3,98$; $SD = 0,735$). Для измерения личностных характеристик использовалась краткая версия Портретного опросника ценностных ориентаций Ш. Шварца, а также краткий пятифакторный опросник черт личности ТИPI-R С. Гослинга в адаптации А. С. Сергеевой, Б. А. Кириллова и А. Ф. Джумагулова.

Результаты множественного регрессионного анализа ($R = 0,653$, $R^2 = 0,426$, $F = 7,601$, $p < 0,001$) выявили вклад в позитивное отношение к психологии у студентов-непсихологов таких характеристик личности как открытость к новому, доверие к психологам-исследователям, отрицательно связаны с ней ориентация на ценности традиций, а также на ценности достижений и самостоятельности.

Для анализа представлений о психологии была использована методология анализа структуры социальных представлений, предложенная П. Вержесом и позволяющая выделить ядерные и периферийные ее элементы на основании сопоставления частоты встречаемости семантических категорий и очередности их указания респондентами в свободных ответах (Бовина, 2011; Емельянова, 2016; Vergès, 1992).

Ядро представлений студентов-непсихологов о том, какими актуальными для общества темами должны заниматься психологи в ближайшие 20 лет, включает категории практико-ориентированного характера – проблемы психологии семейных отношений и межличностных отношений, личностного роста и клинко-психологического обследования. Согласно другому нашему исследованию (Нестик, Новикова, 2019), в ядро аналогичных представлений психологов о новых направлениях психологических исследований входят киберпсихология, создание цифровых моделей, научно-исследовательская проблематика межличностных отношений в виртуальном пространстве, влияние на человека, оказываемое цифровыми технологиями (N = 116; 30,2% – мужчины, 69,8% – женщины; возраст от 24 до 78 лет; представители 18 городов, 36% – из г. Москвы; 77,6% – кандидаты наук, 22,4% – доктора наук).

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что негативное отношение к психологической науке и практике у студенческой молодежи может быть связано с ориентацией на личный успех и самостоятельность, подкрепляемой ориентацией на групповые нормы и стереотипы, в которых обращение за помощью к психологам рассматривается как проявление несамостоятельности.

При этом наблюдается разрыв между интересом молодых психологов к цифровой трансформации общества и ожиданиями российской молодежи в отношении психологической науки, связанными с поиском межличностной гармонии и психологического благополучия.

Литература

- Бовина И. Б., Драгульская Л. Ю.* Представление студентов о науке и об учебном // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 73–85.
- Кондратьев М. Ю.* Социальная психология в образовании. М., 2008.
- Елисеева О. О.* Образ психолога в современной России // Вестник ПСТГУ. Сер. 4. «Педагогика. Психология». 2011. № 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-psihologa-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 21.09.2019).
- Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации Российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.

Особенности профессионально-психологической подготовки курсантов учебных заведений МВД России при применении ситуационных методов обучения

И. А. Носов, И. Д. Галина (Уфа)

Развитие общества в настоящее время предъявляет к качеству служебной деятельности сотрудников полиции, а следовательно, и к работе учебных заведений МВД России, занимающихся их подготовкой, большие требования. Особенности профессиональной подготовки курсантов обусловлены важностью и ответственностью задач, решение которых лежит на плечах сотрудников правоохранительных органов, каждый сотрудник ОВД должен обладать высоким уровнем моральных, интеллектуальных и физических качеств.

Последствием условий выполнения профессиональной деятельности сотрудниками, постоянного нахождения в опасных для жиз-

ни и здоровья ситуациях является их психологическая и физическая уязвимость, в связи с чем важнейшим элементом профессиональной подготовки сотрудников полиции становится их психологическая подготовка. Именно поэтому в систему подготовки соответствующих кадров как одно из важнейших составляющих включается психологическое сопровождение учебно-воспитательного процесса. Важнейшими направлениями в этом случае являются мероприятия по развитию профессионально важных качеств и психологическая подготовка к осуществлению профессиональной деятельности (Мешков, 2015).

Целью исследования, проводимого в данной работе, является теоретическое обоснование и проверка опытно-поисковым путем эффективности педагогических условий реализации модели формирования профессионально-психологических качеств курсантов образовательных учреждений МВД России. Теоретико-методологический уровень исследования обусловил выбор комплекса теоретических и эмпирических методов исследования. Теоретико-методологический анализ позволил сформулировать исходные позиции исследования; понятийно-терминологический анализ применялся для характеристики и упорядочения понятийного поля вопроса; компетентностный, системный и комплексный подходы послужили основой для проектирования процесса формирования искомого качества; прогнозирование применялось для обоснования перспектив развития соответствующего процесса, изучение и обобщение эффективности педагогического опыта и массовой практики профессионально-психологической подготовки сотрудников ОВД, статистические методы обработки данных и проверки положений выдвигаемой гипотезы.

Профессионально-психологическая подготовка представляет собой особый вид профессиональной подготовки сотрудника, отвечающим человеческой сущности его деятельности, требованиям общества и достижениям науки. Основной целью подобной подготовки выступает практическая подготовка будущих сотрудников правоохранительных органов к успешному разрешению психологических трудностей служебной деятельности и точному определению ее психологических аспектов, повышающих ее интенсивность и эффективность.

Профессионально-психологическая подготовка как существенная часть общепрофессионального становления будущих сотрудников ОВД образует надежную базу для определения, улучшения и развития всех важных аспектов их профессионального правосознания

(Мещерякова, 2018). Настоящая ценность положительного профессионального правового сознания сотрудника полноценно выражается при чрезвычайных, сложных, экстремальных обстоятельствах практической деятельности, когда проверяется не столько успешность действий в критических ситуациях, сколько реализация им своих оперативно-служебных функций.

Целью профессионально-психологической подготовки курсантов выступает формирование у них готовности действовать профессионально четко, грамотно, с высокой работоспособностью, при обстоятельствах любой сложности служебной деятельности. Данной деятельностью предъясняется множество различных требований, самое важное из которых – обладание развитыми профессионально значимыми качествами личности. В первую очередь, к ним относятся (Панкин, 2016):

- психическая устойчивость;
- профессионально-психологическую направленность личности;
- развитые волевые качества: умение контролировать себя в сложных ситуациях, мужество, смелость, умеренная склонность к риску;
- способность оказывать психологическое воздействие на людей при решении различного рода оперативно-служебных задач;
- быстрота реакции, умение ориентироваться в сложной обстановке;
- хорошо развитые коммуникативные качества: умение быстро устанавливать контакт с разными людьми, формировать и поддерживать доверительные отношения;
- ролевые умения, способность к перевоплощению;
- развитые профессионально важные познавательные качества: профессиональная наблюдательность и внимательность, развитая память, творческое воображение;
- профессионально развитое мышление, сообразительность, склонность к напряженной умственной работе, интуиция.

Подобными качествами человек не обладает изначально. Их формирование и развитие является длительным и напряженным процессом, не смотря на это, именно они являются необходимым условием профессионального становления будущего сотрудника органов внутренних дел. Исследование мнений на выпускников за последние три года показал, что примерно 23% выпускников испытывают трудности при адаптации к служебной деятельности, у 40% из них можно выявить склонность к состояниям нерешительности и растерянности

при возникновении стрессовой ситуации. В связи с этим поднимается вопрос о необходимости повышения уровня психологической подготовленности курсантов к служебной деятельности. Успешное решение данного вопроса становится возможным благодаря оптимальному подбору методов, форм и средств обучения, высокому уровню методической и практической подготовки преподавателей и качества учебных занятий; применения на занятиях различных ситуаций, задач и условий, которые в некоторой степени приближены к реальным. Выход из соответствующей проблемы также заключается в применении в процессе обучения курсантов учебных заведений МВД методов ситуационного обучения.

Ситуационное обучение основывается на разрешении ситуационных задач и используется в целях овладения навыками практических действий в определенных ситуациях, когда усвоение системы теоретических знаний представляется невозможным или не является необходимым (Нивинская, 2016). Применение методов ситуационного обучения предполагает включение в процесс обучения «кейс-стадий», деловых и ролевых игр, семинаров-тренингов, так как они дают возможность обучить курсантов профессиональным навыкам анализа конкретных практических ситуаций, решения задач и диагностики проблем.

В практической деятельности сотрудник ОВД сталкивается с взаимоотношениями между людьми различных возрастов, психотипов, культур и социальных слоев. В подобных ситуациях неизбежны противоречия и нестандартные ситуации. Именно ситуационные методы обучения могут оказать помощь не только в углублении профессиональных компетенций, но и в формировании в безопасных условиях учебных занятий у слушателей таких психологических качеств, как уверенность в себе, устойчивость к стрессу, умение устанавливать положительный эмоциональный контакт с разными людьми (Панкин, 2016). Грамотное применение метода ситуационного моделирования способно помочь при проведении эффективного расследования многочисленных преступлений. Как показывает практика, многими сотрудниками ОВД, в частых случаях данный метод используется интуитивно. Нельзя не заострить внимание на том, что в момент, когда протекает расследование преступного деяния, его самого уже нет, остаются лишь его последствия, а рассматривать ситуацию в динамике объективной возможности не представляется возможным. В данном случае следует спроектировать само событие преступления и предкриминальную ситуацию, что выступает достаточно значимым в деятельности будущих сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, применение методов ситуационного обучения является наиболее приемлемым и результативным в профессионально-психологической подготовке курсантов образовательных учреждений МВД России, так как способствует повышению мотивации к обучению, формированию навыков действия в нестандартных ситуациях, выработке новых психологических качеств, ролевых умений и способности к перевоплощению. Происходит формирование умения быстро устанавливать контакт с различными категориями людей и способности оказывать на них психологическое воздействие. Именно воссоздание разных ситуаций во время подготовки сотрудников ОВД способствует повышению эффективности их профессионально-психологической подготовки.

Литература

- Мешков Н. И.* Психолого-педагогические факторы академической успеваемости. Саранск, 2015.
- Мещерякова А. В.* Проблемы правовой психологии курсантов вузов МВД России: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2018.
- Нивинская О. А.* Ситуационное обучение в формировании профессиональных компетенций специалистов // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. № 11 (139).
- Панкин А. И.* Личная безопасность сотрудников ОВД: Тактика и психология безопасной деятельности. М., 2016.
- Платонов К. К.* Краткий словарь системы психологических понятий. М., 2017. С. 52–53.

Буллинг среди учащихся подросткового возраста

Е. Р. Нургалева (Челябинск)

На протяжении нескольких десятков лет исследуется проблема агрессии и насилия, однако проблема буллинга долгое время умалчивалась, не было никакого специального научного термина. Сообщения о том, что в школах постоянно происходят ситуации с проявлением агрессии детей, виднеются всё чаще в средствах массовой информации. Постоянно говорится о том, как школьники издеваются над сверстниками и преподавателями. «Буллинг — это запугивание, травля, террор физического или психологического характера, который направлен на то, чтобы вызвать у другого страх и тем самым подчинить его» (Кон, 2006). Отличительными черта-

ми явления буллинга являются: агрессивное и негативное поведение, умышленность, осуществление на постоянной основе, проявление в отношениях между участниками с неодинаковой возможностью влияния на окружающих.

Школа — это поле, на котором дети могут выплеснуть свои, чаще всего, негативные эмоции, которые они, как правило, получают в домашней обстановке. И именно на этой арене ученики примеряют на себе диапазон ролей «лидер—изгой». Потаканием буллинга в школах со стороны учителей может являться неспособность, а в некоторых случаях и отсутствие желания осознать и принять факт того, что проблема действительно существует, и тем более искать какой-либо выход, разрешение ситуации. И. Г. Малкина-Пых выделяет следующие виды насилия: физическое, эмоциональное, вербальное, психическое, сексуальное (Малкина-Пых, 2005).

В последнее время наблюдается тенденция к проявлению агрессивного поведения со стороны девочек, нежели мальчиков, что тоже является распространенным явлением. Это можно объяснить тем, что происходит маскулинизация девочек, т. е. процесс накопления вторичных половых признаков мужского пола у особей женского пола. Можно утверждать, что насильственные действия детей по отношению к другим детям напрямую связаны с их собственным психологическим неблагополучием: как правило, в основе жестокого поведения детей и подростков лежит травматический опыт, с которым они столкнулись, испытав на себе. Возможно, что это исходило от родителей или людей со стороны, которые давали понять, что ребенок, мягко говоря, слаб, ничего не добьется, и никто его не воспримет всерьез.

В качестве мотивов буллинга Д. Олвеус выделяет: во-первых, желание обладать властью и доминировать над остальными участниками группы, во-вторых, получение личного удовлетворения при проявлении агрессии, в-третьих, получение подкрепления насильственных действий в виде денег или каких-либо ценных предметов, предлагаемых жертвой или вымогаемых у последней, в-четвертых, получение высокого социального статуса в группе, стремление заслужить уважение окружающих на основе страха (Олвеус, 1993). Жертвами буллинга, по мнению Д. Олвеуса, могут стать два типа детей: те, которые не могут скрыть свои физические и психологические слабости, и те, которые невольно провоцируют негативное к себе отношение (там же).

В исследованиях Н. О. Зиновьевой и Н. Ф. Михайловой выделено два фактора, которые способствуют школьному буллингу: семья и ближайшее окружение, школьная среда. Очень часто дети берут пример со своих родителей и родственников, которые ведут себя

крайне агрессивно. Кроме того, школьные учителя нередко сами дают начало и развитие буллингу по причине того, что не хотят или не могут справиться с проявлениями агрессии в детском коллективе.

Решение проблемы буллинга в образовательной среде возможно при совместных усилиях всех участников образовательного процесса, при условии сотрудничества между школой и семьей. С целью максимально информативной оценки проблемы буллинга и разработки эффективных способов реагирования на нее должно быть организовано сотрудничество учителей, родителей и детей. Учитывая вышесказанное, мы считаем важным и актуальным разработать программу взаимодействия с родителями, детьми и учителями, имеющую цель, с одной стороны, просвещения взрослых по рассматриваемой проблеме, с другой, снижение проявлений буллинга в подростковой среде. На первом этапе, описываемом в данной работе, мы провели диагностику уровня буллинга среди подростков. В последующем на основе полученных данных планируется подготовка и реализация программы коррекции проявлений буллинга и программы взаимодействия с родителями и учителями.

Исследование, направленное на измерение уровня буллинга у подростков, было проведено на базе гимназии г. Челябинска, выборку испытуемых составили учащиеся седьмых классов ($n=41$). В качестве методов исследования использовались: опросник «Буллинг» Д. Ольвеуса, методика «Опросник методики «Шкала эмоционального отклика» (А. Меграбян, Н. Энштейн), методика «Диагностики общей коммуникативной толерантности» (В. В. Бойко), методика «Тест: Описание поведения в конфликте К. Томаса», методика «Социометрия» (Дж. Морено).

Согласно полученным данным, у 24,5% учеников не выражены проявления физической и вербальной агрессии; у 36,5% учеников умеренно выражены (эпизодически) проявления физической и вербальной агрессии; у 39% учеников ярко выражены (регулярно, систематически) проявления физической и вербальной агрессии. Важно отметить, что по результатам мониторинга у современных подростков выявлены следующие интолерантные тенденции: неприятие или непонимание индивидуальности другого человека (у 50% испытуемых); использование себя в качестве эталона при оценке поведения и образа других людей (у 40% испытуемых); категоричность или консерватизм в оценке других людей (у 75% испытуемых); неумение скрывать или сглаживать неприятные чувства при столкновении с некоммуникабельными качествами партнеров (у 70% испытуемых); стремление переделать, перевоспитать партнеров (у 15%

испытуемых); стремление подогнать партнера под себя, сделать его «удобным» (у 40% испытуемых); неумение прощать другим ошибки (у 20% испытуемых); нетерпимость к физическому или психическому дискомфорту, создаваемому другими людьми (у 45% испытуемых); неумение приспосабливаться к характеру, привычкам и желаниям других (у 50% испытуемых).

Результаты проведенного исследования показали наличие высокого процента агрессивных проявлений среди подростков. На основе полученных данных можно выделить «группу риска» – подростков, имеющих, в первую очередь, следующие психологические особенности: низкий уровень эмпатии, повышенная агрессивность, конфронтационная позиция при разрешении спорных ситуаций. Очень важно, чтобы агрессивное поведение не становилось типичным явлением и нормой отношений среди детей и подростков, а буллинг не рассматривался в качестве средства достижения популярности, критерием уважения в отношениях со сверстниками, показателем силы и авторитета.

Литература

- Глазман О. Л.* Психологические особенности участников буллинга. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2009.
- Кон И. С.* Что такое буллинг и как с ним бороться? // *Семья и школа*. 2006. № 11. С. 15–18.
- Малкина-Пых И. Г.* Психологическая помощь в кризисных ситуациях: справочник практического психолога. М.: Эксмо, 2005.
- Мальцева О. А.* Профилактика жестокости и агрессивности в подростковой среде и способы ее преодоления // Тюменский государственный университет. 2009. № 7. С. 51–53.
- Ольвеус Д.* Буллинг в школе: что мы знаем и что мы можем сделать? М.: Blackwell Publishing, 1993.

Восприятие молодежью товаров категории премиум и их рекламы*

Я. В. Овчинников, А. Е. Воробьева (Москва)

Подавляющее большинство психологических исследований рекламного воздействия рассматривают рекламу, адресованную по-

* Работа выполняется по Государственному заданию № 0159-2019-0002 «Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности».

купателям с низким и средним уровнем доходов, в то время как данных о рекламе товаров и услуг категории премиум значительно меньше.

Премиум (элитный) продукт — это в первую очередь известная марка. Можно подразделить элитные продукты на 2 психологически-функциональные категории — это статусные и роскошные продукты. Для того чтобы продукт обозначал статус человека, потребление такого продукта должно быть непосредственно визуально заметно. Чтобы товар относился к роскошным, он должен как можно меньше относиться к производственному труду и как можно больше к получению удовольствия. Товары роскоши несут в себе определенный имидж и статус для обладателя, из-за чего становятся желанными, также товар роскоши содержит в себе некую «мечту», к которой человек стремится приобрести.

В рекламе элитной продукции используются «премиальные цветовые гаммы», отличающие ее от обычных товаров. Их используют как в оформлении самого продукта с его упаковкой, так и логотипа компании производителя и рекламного ролика. Традиционно считаются дорогими цвета: золотой, бежевый, бордо. В оформлении упаковки применяются комбинации цветов: черный—белый, золотой—пурпурный (золотой возможно комбинировать почти с любыми цветами для получения восприятия элитности, дороговизны), красный—серый, красный—белый (Грамолина, 2012).

Что же касается качества данного товара, то он считается улучшенным средним классом. Обладание данным классом товара дает покупателю эмоциональное удовлетворение, чувство приобщения к слою богатых людей и возможность демонстрации этого (Горохов, 2011). Аудитория потребителей элитной продукции узкая, разборчивая и свободна в плане выбора товаров той или иной категории цены, а также довольно искушенная. Потребителей элитных товаров можно подразделить на 2 типа: 1) снобы (хочет владеть самым лучшим товаром среди возможных); 2) демонстративные потребители (демонстрация своего высокого материального, социального статуса).

Для оповещения рассматриваемой нами целевой аудитории будут использоваться следующие способы коммуникации: адресное письмо, презентации и выставки (мероприятия «не для всех»), гляцевые журналы.

Треть российского рынка премиальных товаров обеспечивают потребители из нецелевой аудитории (студенты, молодые специалисты), которые могут себе позволить совершать покупки премиальных брендов время от времени, чтобы приобщиться к миру роскоши (Грамолина, 2012).

Гипотезы исследования

1. Рекламный образ потребителей премиум товаров отличается от реального образа людей, пользующихся премиум.
2. Использование премиум товаров изменяет поведение потребителей.
3. Социальная перцепция рекламы аксессуаров, одежды, обуви, косметики категории премиум различается в зависимости от пола потенциальных потребителей и товарной категории.
4. Перцепция премиальной цветовой гаммы различается в зависимости от пола.
5. Перцепция рекламных носителей товаров категории премиум различается в зависимости от пола.

Процедура исследования

Был использован метод стандартизированного индивидуального интервью с открытыми и закрытыми вопросами. Интервью записывалось на диктофон. План интервью выглядел следующим образом: первая часть содержала в себе вопросы, касающиеся представлений респондентов о признаках товарной категории «премиум», признаках рекламы бренда данной категории, о пользователях товаров данной категории, эмоциях и поведении при пользовании товарами данной категории; во второй части интервью предъявлялся стимульный материал: рекламные изображения (8 шт.) различных категорий премиум товаров для мужчин и женщин (одежда, обувь, аксессуары, декоративная косметика) при этом упоминания брендов были скрыты, изображения предъявлялись в случайном порядке, после предъявления каждого рекламного изображения задавались вопросы о предположительной стоимости рекламируемого товара, классе и его индикаторах, бренде, степени знакомства с данной рекламой. Товарные категории были выбраны, исходя из потребительских интересов и возможностей молодежи.

Описание выборки: 5 женщин и 5 мужчин, в возрасте от 20 до 25 лет, род деятельности которых составляет учеба и/или работа (большая часть выборки работает), уровень доходов большей части респондентов таков, что они могут позволить себе товары длительного пользования (холодильник, телевизор и пр.), меньшая часть респондентов сообщила, что денег им хватает на еду и одежду, но покупки товаров длительного пользования затруднительны.

Полученная в ходе интервью информация обрабатывалась с помощью метода контент-анализа. Были выделены следующие подкатегории: качество материала, рекламная модель, цветовая гамма, личное отношение к товару, качество съемки и атрибутика.

Не было получено существенных различий в социальной перцепции потребителей премиум товаров — и мужчины и женщины считают, что потребителями премиум товара в рекламе и в жизни являются чаще всего мужчины в возрасте старше 30 лет, то есть взрослые. Также испытуемые наиболее часто отмечают такой параметр, как привлекательность, описывая и рекламного потребителя премиума и реального потребителя премиума. На втором месте по частоте встречается упоминание одежды, в которую одет рекламный потребитель — это деловой костюм. А при описании реального потребителя премиума испытуемые упоминают его финансовое благосостояние. Таким образом, при описании рекламного потребителя премиум товаров, испытуемые чаще всего описывают внешние признаки потребителя, а при описании реального потребителя внешние и латентные признаки.

Приобретение товаров категории премиум чаще всего вызывало у испытуемых такие эмоции как радость и удовольствие, некоторые также свидетельствовали об увеличении самооценки. Однако, после длительного пользования данными премиум товарами прежние эмоции, испытанные при приобретении товара, полностью пропали, и только один испытуемый продолжает получать удовольствие от использования приобретенного премиум товара.

Испытуемые утверждали, что отношение к людям, при постоянном потреблении премиум товаров, у них бы не поменялось. Один испытуемый заявил, что таким образом он бы увеличивал свою самооценку, за счет тех, кто не может позволить себе потребление премиума. Говоря об отношении к себе, большинство испытуемых утверждали, что их отношение к себе никак бы не изменилось.

Женщины, при оценке рекламы, чаще всего обращают внимание на качество материала и рекламную модель. Для женщин является наиболее важным то, из чего сделан тот или иной товар и как этот товар будет смотреться при использовании. Мужчины чаще опирались на техническую составляющую при оценке рекламы, также они при оценке, чаще, чем женщины, руководствовались личным отношением к товару и личным опытом.

В ходе исследования было выявлено, какой формат рекламы наиболее и наименее оптимальный для премиум товаров: наиболее оптимальными молодежь считает: интернет-ресурсы, журналы, крупные наружные носители, телевидение. Наименее оптимальные: мелкоформатная раздаточная реклама, газеты, брошюры. Среди неподходящих для товаров категории премиум рекламных носителей в основном присутствуют различные печатные форматы. Принци-

пиальных отличий в представлениях мужчин и женщин по данному вопросу не выявлено. Однако, можно предположить, что мужчин больше интересует техническая сторона рекламной индустрии. В дополнение к этому испытуемые придерживаются мнения, что в рекламе премиума должно использоваться минимум текста и основную площадь должно покрывать фото-изображение.

И мужчины и женщины приписывают премиальность черному и золотому цветам. Данный результат совпадает с материалами специализированной литературы по теории и практике рекламного дизайна. Мужчины также отмечают красный цвет (красный цвет ассоциируется с сексуальностью и агрессией и считается мужским цветом в рекламе), как характерный премиуму, однако женщины оценили этот цвет как наименее подходящий для премиума. Наряду с красным, женщины также отметили зеленый и желтый цвета, как не подходящие для премиума. Среди мужчин наименее характерными для премиума цветами считаются коричневый и желтый. Возможная причина такого результата кроется в ассоциациях желтого цвета с рекламой детских товаров, в которой данный цвет часто используется. Женщины считают, что коричневый цвет всё же может считаться премиальным, т. к. это может зависеть от оттенка — теплые оттенки цветов считаются более дорогими, чем цвета с холодным оттенком.

Литература

Горохов М. А. Товары класса «премиум»: сущность и основные характеристики // Маркетинг в России и за рубежом. 2011. № 2. URL: <https://dis.ru/library/541/29361> (дата обращения: 08.07.19).

Грамолина О. Продвигаем продукт в премиальном сегменте. Особенности позиционирования дорогих товаров // Daily Archives. 2012. Май. URL: <https://bbdoblog.ru/2012/05/02> (дата обращения: 08.07.19).

Формирование стратегий при решении ряда творческих задач в лонгитюдном исследовании*

В. Оганесян, С. Ю. Коровкин (Ярославль)

Полученные данные в области когнитивной психологии демонстрируют, что перенос стратегий решения задачи с одной на другую является затруднительным или вовсе не наблюдается. В исследова-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 18-013-01056.

нии Вейсберга, Дикамилло и Филлипса выявляется факт незначимости как переноса, так и декларативного знания при решении творческих задач (Weisberg, Dicamillo, Phillips, 1978). В своей работе ученые пытались выявить перенос декларативного знания путем предъявления попарных ассоциаций, которые должны были фасилитировать решение последующей задачи. Полученные данные говорят о незначительном влиянии попарных ассоциаций на решение творческой задачи, что отрицает наличие переноса при решении. Ассоциация *свеча—коробка* не помогала в решении задачи Дункера про свечу, коробку и канцелярские кнопки. Таким образом, значительная часть исследователей не подтверждает существование переноса при решении творческих задач.

Напротив, другие авторы считают реальным существование переноса по аналогии при решении задач. Гик и Холиоук (Gick, Holyoak, 1983) утверждают, что перенос по аналогии с предыдущей решенной задачей реален с помощью ранее выработанных эвристик, что, в свою очередь, может означать фасилитацию в случае переноса стратегии при решении творческих задач. Выработанный эвристический прием может фасилитировать решение последующих задач, изоморфных по определенному признаку. В рамках выработанной модели, утверждается, что новая информация о решаемой задаче, запускает поиск стратегий уже решенных задач в семантической долговременной памяти. Таким образом, основным для переноса стратегий решения является поиск и использование аналогий (Gick, Holyoak, 1980). В этой же работе поиск обуславливается 3 основными признаками, которые должны быть свойственны задачам: Поверхностные; Глубинные; Контекстуальные.

Нахождение подобных признаков и решение последующих задач путем использования аналогий, может формировать эвристические приемы. Выработанный эвристический прием в свою очередь может фасилитировать решение последующих задач.

Например, в исследовании Соломон (Solomon, 2010) наблюдалось повышение успешности решения задач, которые связаны между собой критерием «контекстуальной однообразности» предъявляемого материала. В данном случае мы можем говорить о наличии переноса, который осуществляется путем аналогии.

В связи с этим, мы спланировали исследование, в котором попытались изучить аспекты переноса домен-специфического и домен-неспецифического знания в решении творческих задач. В эксперименте использовались два типа стилистически идентичных задач, которые решаются с опорой на различные формы знания.

Целью нашего исследования является формирование научения в решении творческих задач на основе длинной серии изоморфных задач.

Гипотезы:

- в решении длинной серии изоморфных задач наблюдается научение решению творческих задач, что проявляется в постепенном увеличении числа решенных проб.
- в решении домен-неспецифических задач наблюдается постепенное научение в отличие от домен-специфических задач.

Таким образом, мы планируем выявить роль эвристик в решении длинных серий инсайтных задач. Стимульный материал создан на базе вербальных вопросов и задач интернет-базы «Что? Где? Когда?», а также других познавательных игр. Основываясь на утверждении, что решению подобных задач можно научиться путем использования различных методов (эвристик), мы решили проверить данную гипотезу. На основе предварительных экспертных оценок мы разделили вопросы на требующие специальных знаний (домен-специфические) и не требующие специальных знаний (домен-неспецифические) задачи. Экспертами являлись опытные игроки в «Что? Где? Когда?». Дифференциация вопросов происходила путем определения необходимости специальных знаний для решения задачи. В качестве экспериментальной группы выступали домен-неспецифические задачи (не требующие специальных знаний), в серии которых должно происходить процедурное научение эвристикам решения. В качестве контрольной группы использовались домен-специфические задачи (требующие специальных знаний).

В нашей работе мы использовали лонгитюдный метод исследования, который, в свою очередь, позволяет определить качество научения при решении длинной серии инсайтных задач. С помощью предъявления длинной серии изоморфных задач, растянутых по времени, мы предполагаем наблюдать перенос стратегий при решении задач не требующих специальных знаний.

Процедура

Исследование проходило на протяжении 15 недель на выборке из 10 испытуемых (4 женщины, 6 мужчин) в возрасте от 18 до 45 лет ($M = 26,1$). На протяжении 15 недель испытуемый решил 28 проб, в среднем 1.9 проб в неделю. Одна проба состояла из 20 вопросов: 10 домен-специфических и 10 домен-неспецифических творческих задач. В общей сложности испытуемый за время эксперимента 28 раз

решал серии по 20 задач. Таким образом, в сумме за весь эксперимент испытуемый решил 560 задач, 280 из которых – домен-специфические, а остальные – домен-неспецифические. Для проведения эксперимента использовался внутрииндивидуальный план исследования с двумя независимыми переменными (этап, тип задачи) и одной зависимой переменной (эффективность решения). После каждой второй пробы испытуемые давали самоотчеты, вследствие чего мы создали протокол данных на основе которого попытались проанализировать формирование эвристик.

На решение каждой задачи испытуемому давалась 1 минута. Если испытуемый не смог решить за минуту предъявленную задачу, то ответ не сообщался. Далее испытуемый переходил к следующей задаче. Предъявление задач смешивалось случайным образом. В конце каждой серии подсчитывалось количество правильно решенных задач.

Результаты

Для обработки результатов был проведен двухфакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями, в котором в качестве факторов выступали тип задачи и этап решения. Чтобы уменьшить количество *post hoc* сравнений мы разделили все 28 серий на два этапа по 14 серий для анализа динамики.

В ходе проведенного анализа было выявлено, что тип задачи значимо влияет на правильность решения ($F(1,9) = 139,7$, $p < 0,001$, $\eta_p^2 = 0,939$). В целом, домен-неспецифические задачи ($M = 4,3$, $SD = 0,9$) решаются в эксперименте значимо эффективнее чем домен-специфические ($M = 1,9$, $SD = 0,8$). Выявлено влияние этапа на успешность решения задачи: первый этап (с 1 по 18 пробу) ($M = 2,4$, $SD = 0,9$) решался менее успешно, чем второй этап (с 15 по 28 пробу) ($M = 4$, $SD = 2,3$), что в целом подтверждает наличие переноса ($F(1,9) = 125,3$, $p < 0,001$, $\eta_p^2 = 0,933$). Кроме этого, подтверждается взаимодействие факторов этапа решения и типа ($F(1,9) = 109,6$, $p < 0,001$, $\eta_p^2 = 0,924$). Это подтверждает нашу гипотезу о том, что в разных типах задач обучение происходит с различной успешностью. Эффективность решения домен-неспецифических задач растет, в то время как эффективность решения домен-специфических задач остается, в целом, на одном уровне. Самоотчеты были проанализированы и выявилось, что на последних этапах исследования испытуемые начинали вырабатывать новые эвристики для решения последующих задач. Мы разделили ответы на наиболее часто встречающиеся по смыслу, в которых было сказано про то, как испытуемые пытаются решать

задачи. Далее мы их классифицировали по имеющимся эвристикам и выявили 6 типов стратегий, которые используют испытуемые: «С другой стороны» (испытуемые указывают, что вопрос решается легче, если смотреть на вопрос с другой стороны) — 3 ответа; «Несвязанное начало задачи и сам вопрос» (в этом случае испытуемые недовольны несвязанными частями вопроса и предлагают находить связующие звено) — 7 ответов; «Отвлечение от задачи» (испытуемые уверяют, что низкая концентрация на сути вопроса помогает им решить задачу) — 2 ответа; «Держать вопрос в голове» (Не отвлекаться от условий задачи и часто их повторять) — 7 ответов; «Вопрос перед глазами» (Смотреть не отвлекаясь на вопрос и перечитывать его множество раз) — 6 ответов.

Также нами было подсчитано количество самоотчетов, в которых испытуемые упоминали слова «озарение, инсайт, ответ пришел резко и неожиданно и т.д.» — 22 ответа. Таким образом мы попытались выявить использование эвристик, и определили, что их формирование в 0,7 случаев приходится на 17–19 пробы, а в последствии дополняется и совершенствуется.

Обсуждение и выводы

В решении длинной серии изоморфных задач наблюдается научение решению творческих задач, что проявляется в постепенном увеличении числа решенных проб. Также мы выявили, что в решении домен-специфических задач и домен-неспецифических задач есть значимые различия: домен-неспецифические задачи решаются гораздо эффективнее чем домен-специфические. Также мы определили различия при решении творческих задачи на различных этапах исследования. Во втором этапе исследования больше решенных задач. Таким образом было выявлено влияние типа задачи и номера пробы на эффективность решения творческих задач. Использование эвристик при решении задач показало успешное влияние на полученные результаты.

Литература

- Gentner D., Rattermann M. J., Forbus K. D.* The Roles of Similarity in Transfer: Separating Retrievability From Inferential Soundness // *Cognitive Psychology*. 1993. V. 25. P. 524–575.
- Gick M. L. Holyoak K. J.* Schema induction and analogical transfer // *Journal of cognitive psychology*. 1983. V. 15. P. 1–38.
- Gick M., Holyoak K.* Analogical problem solving // *Cognitive Psychology*. 1980. V. 12. P. 306–355.

- Solomon I.* Analogical transfer and “functional fixedness” in the science classroom // *The Journal of Educational Research*. 1994. V. 87. P. 371–377.
- Weisberg R., Dicamillo M., Phillips D.* Transferring old associations to new situations: A nonautomatic process // *Journal of verbal learning and verbal behavior*. 1997. V. 17. № 2. P. 219–228.

Психологические особенности женщин, находящихся в романтических отношениях разного типа

В. Р. Орестова, С. Е. Золотарева (Москва)

В современном мире сфера брака претерпевает существенные изменения, определяемые множественностью вариантов и форм отношений между партнерами. Это определяет высокий интерес к исследованиям супружеских и романтических отношений, способам совладания с трудными ситуациями, связанными с ними, психологическому благополучию партнеров, состоящих в разных типах отношений. Несмотря на значительное количество исследований данной проблемы, постоянные изменения как самих типов партнерства, так и отношения людей к ним, определяют актуальность и необходимость продолжения исследований этой темы. Учитывая, что основная часть запросов в психологическом консультировании и психотерапии связана именно со сферой романтических отношений, результаты подобных исследований имеют большую практическую значимость, позволяя более точно подбирать подходы и методы терапии.

На основании теоретического анализа литературы по проблемам деструктивности романтических отношений (Фромм, 2004; Vancroft, Patrissi, 2011), личностных характеристик лиц в них находящихся (Скавинская, 2017), способов совладающего поведения (Григорьева, 2015), а также последствий для психического и физического здоровья (Weitzman, 2000), была определена цель и выдвинуты гипотезы нашего исследования.

Целью исследования стало изучение психологических особенностей женщин, находящихся в разных типах романтических отношений.

Гипотезы исследования:

1. Женщины, находящиеся в разных типах романтических отношений (далее – РО), будут отличаться личностными характеристиками, а именно: чем благополучнее РО, тем выше уровень

субъективного благополучия, самоотношения, меньше психосоматических проявлений и нарушений образа тела.

2. Совладающее поведение и уровень напряженности психологических защит женщин, находящихся в разных типах РО, будут значимо отличаться.

Выборка: 125 респондентов в возрасте от 18 до 55 лет, откликнувшихся на информационные сообщения в социальной сети Instagram о предстоящем исследовании. Большую часть респондентов составили женщины 26–35 лет с высшим образованием, с совокупным с партнером доходом более 50000 рублей в месяц, проживающие в городе.

Для изучения психологических особенностей женщин, находящихся в разных типах романтических отношений, нами были использованы следующие *методики*:

1. Опросник удовлетворенности браком, разработанный В. В. Столиным, Т. Л. Романовой, Г. П. Бутенко, предназначенный для экспресс-диагностики степени удовлетворенности—неудовлетворенности браком.
2. Опросник измерения романтической привязанности у взрослых Multi-Item Measure of Adult Romantic Attachment (MIMARA).
3. Русскоязычный вариант опросника «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р. К. Фрейли (адаптация Т. В. Казанцевой, В. Н. Куницыной, 2008).
4. Методика диагностики субъективного благополучия личности (Р. М. Шамионов, Т. В. Бескова).
5. Опросник самоотношения (МИСС Пантелеева—Столина).
6. Гиссенский опросник психосоматических жалоб.
7. Опросник «Образ собственного тела» А. Скугаревский и С. В. Сивуха.
8. Методика «Способы совладающего поведения» Лазаруса.
9. «Локус контроля» Роттер.
10. Опросник Плутчика Келлермана Конте «Индекс жизненного стиля (Life Style Index, LSI)» (Тест для диагностики механизмов психологической защиты).

Для исследования типов отношений и образа партнера на основе ответов респондента были переведены на русский язык и апробированы в данном исследовании тесты: для определения симптомов незрелости отношений (11), экспресс дифференциации ключевых причин деструктивности отношений (12), выявления симптомов абьюза (13), разного рода зависимостей (14), инфантилизма (15), об-

шего психического нездоровья (16), личностных расстройств (17), включая посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) (18), составляющих основу деструктивности и незрелости РО на разных стадиях (Vancroft, 2011).

При обработке результатов использовались количественные и качественные методы, дескриптивная статистика, U-критерий Манна–Уитни, выборочный коэффициент корреляции Спирмена.

По результатам методики «Опросник удовлетворенности браком» были выделены неблагополучные (далее – НРО), переходные (далее – ПРО) и благополучные (далее – БРО) РО. Среди наших респондентов 65,5% состоят в НРО, 16,8% – в ПРО и 17,6% – в БРО.

Результаты исследования образа партнера на основе ответов респондента (11–17, 18 – общий балл ПТСР) показали достоверные различия ($p < 0,0001$) по всем показателям, а именно: «деструктивная часть РО», «здоровая часть РО», «абьюз», «инфантильность», «зависимости», «общее психическое нездоровье», «личностные расстройства» в части общего балла ПТСР – между тремя группами испытуемых.

В НРО выявлены в среднем самые высокие баллы по наиболее распространенным причинам деструктивности по сравнению с другими типами РО, а именно «абьюз» (14,05), «инфантильность» (11,90), «зависимости» (9,06), «личностные расстройства» (19,90) и самые низкие баллы удовлетворенности РО (15,54). Корреляционный анализ показал сильную положительную связь между деструктивной составляющей РО и абьюзом ($k = 0,8$, $p < 0,0001$), личностными расстройствами ($k = 0,83$, $p < 0,0001$), общим баллом ПТСР ($k = 0,70$, $p < 0,0001$), а также сильную отрицательную связь между удовлетворенностью РО и наличием деструктивной составляющей в РО ($k = -0,71$, $p < 0,0001$).

У женщин, находящихся в БРО самые низкие баллы, характеризующие проявления деструктивного поведения партнеров респондентов (11–17) – «абьюз» (2,25), «инфантильность» (3,08), «зависимости» (3,58), «личностные расстройства» (4,33). Субъективное благополучие и самоотношение в целом этой группы респондентов более позитивное. У них меньше психосоматических проявлений и нарушений восприятия собственного тела (2–10). Корреляционный анализ показал сильную положительную связь между удовлетворенностью браком и наличием здоровой составляющей в РО ($k = 0,74$, $p < 0,0001$).

Также нами были получены результаты, свидетельствующие о том, что женщины, находящиеся в разных типах РО, отличаются по ряду психологических характеристик.

Существенные различия между НРО и БРО были выявлены по методикам: 2) в части шкал тревожности и избегания ($p < 0,01$), а также избегающего и боязливой типа привязанностей ($p < 0,004$); 3) в части стремления к сближению с партнером ($p < 0,006$); 4) по всем видам субъективного благополучия ($p < 0,0001$); 5) по шкалам «самоуважение» ($p < 0,001$), «аутосимпатия» ($p < 0,1$), «ожидаемое отношение от других» ($p < 0,01$), «самоинтерес» ($p < 0,01$), «самоуверенность» ($p < 0,006$), «самопринятие» ($p < 0,01$), «самообвинение» (две шкалы) ($p < 0,02$), «самопонимание» ($p < 0,002466$) и «глобальное самоотношение» ($p < 0,00008$); 6) по шкале «истощение» ($p < 0,0002$), «сердечные жалобы» ($p < 0,03$), «давление жалоб» ($p < 0,001$); 8) по шкале «планирование решения проблем» ($p < 0,01$).

У женщин, находящихся в благополучных РО, средние баллы, характеризующие субъективное благополучие и самоотношение по сравнению с другими группами, выше. У них реже, согласно ответам, встречаются психосоматические заболевания.

Выводы

1. В процессе исследования были выделены разные типы романтических отношений – неблагополучные, переходные и благополучные.
2. У женщин, находящихся в благополучных РО, выше уровень субъективного благополучия и самоотношения. Они более активны, уверены в себе, у них меньше психосоматических проявлений. Значимых различий в нарушении образа тела не выявлено. Полученные результаты частично подтверждают первую гипотезу.
3. Крайние низкие показатели удовлетворенности РО связаны с высокими показателями абьюза, зависимостей разного рода (в первую очередь от психоактивных веществ), инфантилизма и личностных расстройств, и наоборот.
4. В НРО у респондентов преобладает боязливый тип привязанности.
5. Значимых различий в совладающем поведении, за исключением планирования решения проблем, и в общей напряженности всех психологических защит у опрошенных лиц, находящихся в разных типах РО, не выявлено. Таким образом, вторая гипотеза подтвердилась частично.

Полученные результаты могут быть использованы психологами в практической работе. Задействованные в процессе исследования

автором методики могут быть использованы для составления программы комплексного тестирования лиц, обратившихся за профессиональной помощью в связи с неудовлетворенностью текущими романтическими отношениями, а также широким кругом лиц, для самооценки РО.

Литература

- Григорьева Т. П.* Деструктивная привязанность к партнеру во взрослом возрасте и совладание с ее проявлениями: Дис. ... канд. псих. наук. Кострома, 2015.
- Скавинская Е. Н.* Личностные особенности женщин, испытавших домашнее насилие // Комплексные исследования человека: материалы VII сибирского психологического форума. Ч. 1: Аттракторы и идентичности человека цифровой эпохи // Образование. Воспитание. Творчество. Томск, 2017. С. 193–196.
- Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2004.
- Bancroft L. Patrissi J.* Should I Stay or Should I Go?: A Guide to Knowing if Your Relationship Can-and Should-be Saved. N. Y.: Berkley books, 2011.
- Weitzman S.* Not to people like us. Hidden abuse in upscale marriages. N. Y.: Basic books, 2000.

Особенности взаимоотношений между родителями как фактор формирования агрессивности подростков

М. А. Павлюк (Санкт-Петербург)

Возраст, определяемый в психолого-педагогической литературе как подростковый, является наиболее уязвимым, незащищенным в связи с тем, что в данный период подростки находятся в процессе некоего поиска своих собственных путей взаимоотношений и взаимодействия с окружающим миром и, непосредственно, собой (согласно мнению таких ученых, как Л. И. Божович, И. С. Кон, А. В. Мудрик). На основании результатов психологических исследований, можно говорить о наличии довольно большого количества подростков, склонных проявлять агрессивность в отношениях, как с окружающим миром, так и склонных к проявлению аутоагрессии (агрессивное поведение, направленное на себя). Основой нашего исследования является положение о том, что агрессивность детей и подростков является следствием (полностью или частич-

но) неблагоприятных взаимоотношений в семье, в частности, между родителями.

Целью исследования является определение связи неблагоприятных взаимоотношений между родителями и уровнем агрессивности подростков.

Объект: взаимоотношения между родителями.

Предмет: взаимосвязь неблагоприятных взаимоотношений между родителями и уровнем агрессивности подростков.

Гипотеза: существует связь между характеристикой взаимоотношений между родителями и уровнем агрессивности подростков.

Методы исследования

1. Метод теоретического анализа.
2. Методики исследования:
  - шкала эмоциональной теплоты (В. В. Столин);
  - проективная методика «Несуществующее животное» (М. З. Друкаревич);
  - тест-опросник родительского отношения (А. Я. Варга, В. В. Столин);
  - методика диагностики уровня агрессивности Басса–Дарки;
  - опросник «Общение в семье» (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская).

Эмпирическая база и выборка исследования

Выборка исследования включала в себя обучающихся 8–10 классов МБОУ Таицкая СОШ в количестве 50 человек и их родителей (законных представителей) 100 человек. Всего было обследовано 150 человек.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования

Исследование расширяет научные представления о специфике неблагоприятных взаимоотношений между родителями как фактора формирования агрессивности подростков. Получены новые данные о специфике детско-родительских отношений в семьях с агрессивными подростками.

В результате проведенного исследования были получены следующие результаты:

1. У большинства родителей преобладают высокие показатели по шкале «симбиоз» (среднее значение выраженности данного стиля – 75%). Также высокие значения отмечаются по шкале ав-

торитарной гиперсоциализации (среднее значение выраженности данного стиля – 70,5%). Высокий процент родителей относится к детям как к маленьким неудачникам (среднее значение выраженности данного стиля – 68,2%). По шкале принятие/отвержение получены большие баллы, что в целом говорит о принятии родителями детей (среднее значение выраженности данного стиля – 65,9%). Невысокие значения по шкале кооперации, которая отражает наиболее социально приемлемое отношение к ребенку, говорят о том, что большинство обследованных родителей не могут построить с ребенком психологически грамотных взаимоотношений (среднее значение выраженности данного стиля – 34,1%).

2. Родители, имеющие высокий уровень проявления эмоциональной теплоты, составляют 14 человек из выборки (28%) относятся к ребенку с уважением и симпатией, ребенок принимается таким, какой он есть, уважается его индивидуальность. Родители с уровнем развития и проявления эмоциональной теплоты, соответствующим норме, составляют 44% (22 человека) также принимают своего ребенка, уважают его мнение и интересы, но иногда родители думают что их ребенок ничего в жизни не добьется, он плохой и неудачлив, теряют интерес к ребенку и его жизни. И родители, имеющие низкий уровень проявления эмоциональной теплоты – 14 (28% всей выборки).
3. В рамках исследования агрессивности можно сказать, что наибольшие показатели по шкалам «Чувство вины» (32%), «Косвенная агрессия» (20%), а наименьший – по шкале «Негативизм» (0%).
4. Из 100 родителей высокие показатели по шкалам, характеризующие взаимоотношения с супругом, имеют 25%, то есть меньше третьей части. В свою очередь, низкие показатели по шкалам, характеризующие взаимоотношения между супругами имеют 24% обследуемых родителей.
5. Было выявлено, что существуют статистически значимые различия между уровнем агрессивности подростков, у которых дома преобладают неблагоприятные типы родительского отношения с уровнем агрессивности подростков, у которых дома преобладают благоприятные типы родительского отношения. То есть статистически доказано, что подросткам, живущим в понимании и в рамках конструктивного понимания гораздо менее, чем подросткам с деструктивными стилями воспитания свойственны проявления обиды ($r = 0,657$ при $p \geq 0,01$), также

контрольной группе менее, чем экспериментальной свойственны переживания чувства вины ($r=0,887$ при $p\geq 0,001$). Статистически значимые отличия обнаружены также по шкалам вербальная агрессия ($r=0,521$ при $p\geq 0,05$) и косвенная агрессия ($r=0,611$ при $p\geq 0,05$).

6. Было доказано, что существуют статистически значимые различия между индексом враждебности ($r=0,859$ при $p\geq 0,001$) и индексом агрессивности ($r=0,691$ при $p\geq 0,01$) подростков, с различными типами родительских отношений.
7. Также было выявлено наличие прямых взаимосвязей между индексом обидой и показателем «маленький неудачник» ($r=0,78$, $p\geq 0,01$), и обратная взаимосвязь между обидой и принятием родительского отношения ($r=-0,65$, $p\geq 0,05$), показателем «маленький неудачник» и физической агрессией ($r=0,85$, $p\geq 0,001$) и чувства вины и принятия—отверженности ($r=-0,78$, $p\geq 0,01$) и между принятием—отверженностью и физической агрессией ($r=0,67$, $p\geq 0,05$).
8. Подтверждено, что существует связь между характером родительского отношения и уровнем агрессивности подростков.
9. Значимых взаимосвязей между характером отношений между супругами в семье и уровнем агрессивности подростков не выявлено.

Таким образом, гипотеза нашего исследования о существовании значимой взаимосвязи между стилем взаимоотношений между родителями и уровнем агрессии подростков – в данном исследовании подтверждена частично.

Литература

- Авдулова Т. П.* Психология подросткового возраста: учеб. пособие для студ. учреждений выс. проф. образования. М., 2012.
- Бандура А., Уолтерс Р.* Подростковая агрессия. Изучение влияния и семейных отношений. М.: Просвещение, 2008.
- Берковец А.* Агрессия. Причины, последствия, контроль. М., 2001.
- Варга А. Я.* Структура и типы родительского отношения. М., 1986.
- Кириленко И. Н.* Влияние семейных отношений на развитие агрессии в подростковом возрасте. Дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2007.

Изменения психофизиологических характеристик простого действия после встраивания его в последовательность действий категоризации*

*А. Б. Пальцев, Е. М. Гулина, Б. Н. Безденежных
(Москва)*

Введение

В данной работе изучалось выявление эквивалентных по содержанию электрических потенциалов мозга путем сопоставления вызванных потенциалов системными процессами (по П. К. Анохину), которые инвариантны для разных действий. Выявлялись компоненты связанных с событием потенциалов, соответствующих процессам афферентного синтеза. Предполагалось, что процессу афферентного синтеза соответствует тот компонент вызванных потенциалов, который имеет устойчивую связь с количеством одновременно активных систем. Любое поведение состоит из последовательных дискретных структурированных предметных действий. Экспериментальным путем был выявлен целый ряд закономерностей из которых более значимым являются следующие.

- В последовательных действиях подготовка к последующему действию завершается перед окончанием предшествующего действия.
- На характеристики текущего действия (время его реализации и связанный с ним электрический потенциал мозга) влияет контекст всего поведения.
- При многократном циклическом выполнении поведения происходит его совершенствование, что проявляется в исчезновении ошибочных действий, сокращении и стабилизации времени выполнения действий.
- Так же известно, что некоторые последовательные действия группируются.
- И при совершении ошибочного действия восстанавливаются первоначальные характеристики всех действий поведения.

Для объяснения всего вышесказанного мы исходим из гипотезы Швыркова, основанной на теории функциональных систем Анохина, согласно которой каждое действие обеспечивается активностью набора взаимодействующих функциональных систем.

---

* Исследование выполнено в рамках Государственного задания ФАНО РФ № 0159-2015-0012.

Цель

Перед началом исследования было поставлено две задачи:

- Доказать что поведение обеспечивается доменом, состоящим из наборов функциональных систем обеспечивающих последовательные действия поведения.
- Изучить длительность существования этого домена после реализации поведения.

Гипотезы

- Характеристики простого ответа изменятся при встраивании их в категоризацию.
- После вычленения простого ответа из задачи категоризации простой ответ сохранит свои первоначальные характеристики.

Методы

- Предъявление стимулов каждые 0,95 с.
- «Простой ответ» – один вариант ответа (без выбора, клавиша 1 по умолчанию).
- «Категоризация» – живой или неживой объект, 2 клавиши (1 и 2).
- Встраивание простого ответа в задачу категоризации.
- Простой ответ после встраивания его в категоризацию.
- Регистрация ЭЭГ и времени ответа.
- Обработка методом усреднения фрагментов ЭЭГ, связанных с ответом (ССП).

Результаты

В результате характеристики первоначально простого ответа (время ответа и связанный с ним электрический потенциал мозга) изменились и стали достоверно сходными с характеристиками действий категоризации, а именно у него увеличилось время ответа, а в электрическом потенциале появился устойчивый компонент Р300 вместо Р100. Следовательно, нейронные системы простого действия сформировали связи с системами действий категоризации, т. е. встроились в домен нейронных систем для выполнения задачи категоризации. После повторного проведения серий с простым действием восстановление его исходных характеристик происходило в течение нескольких десятков реализаций. То есть имел место эффект последствия. Предполагается, что нейронные системы, обеспечивающие простое действие включались в набор активных систем (домен), обеспечивающих выполнение задачи категоризации, причем реа-

лизация каждого действия категоризации и простого ответа началась с вычленения из домена нужного для этого действия набора нейронных систем и сохранением связей этого набора со всем доменом. Домен нейронных систем поведения остается активным некоторое время после завершения поведения, оказывая последствие в виде интерференции на другое поведение.

Выводы

Домен функциональных систем определенного поведения может сохраняться некоторое время после выполнения поведения, что проявляется в сохранении измененных задач категоризации характеристиках простого действия, выведенного из этой задачи. При выполнении последовательных действий формируется домен, представленный набором систем, обеспечивающих все действия поведения. Реализация каждого отдельного действия начинается с вычленения нужного, но не конкретного набора систем из этого домена.

Литература

- Александров И. О., Максимова Н. Е.* Функциональное значение колебания Р300 // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 3. С. 86–95.
- Александров Ю. И., Самс М., Лавикайнен Ю., Рейникайнен К., Наатанен Р.* Зависимость свойств, связанных с событиями потенциалов от возраста элементов субъективного опыта, актуализируемых при категоризации слов родного и иностранного языков // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 133–145.
- Анохин П. К.* Узловые вопросы теории функциональных систем. М.: Наука, 1978.
- Безденежных Б. Н.* Р300 как показатель системных процессов // Психология: состояние и перспективы исследований. Часть 2 (Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28–29 января 2002 г.). М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. С. 155–166.
- Гаврилов В. В.* Соотношение ЭЭГ и импульсной активности нейронов у кроликов в поведении // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях / Под ред. В. Б. Швыркова. М.: Наука, 1987. С. 33–44.

Личностные факторы направленности на взаимодействие с партнером в незарегистрированном браке*

Ю. М. Панфилова (Москва)

В современном российском обществе отсутствует специальное юридическое регулирование отношений незарегистрированного брака, в связи с чем отношения партнеров в незарегистрированном браке являются скорее социально-психологическим, чем юридическим феноменом.

В связи с отсутствием юридических прав и гарантий для лиц, выбирающих данную форму отношений, на первый план в регуляции отношений незарегистрированного брака выходят социально-психологические особенности партнеров, их личностные факторы, такие, как ценностные ориентации, личностные черты. Направленность во взаимодействии с партнером, по нашему мнению, отражает отношение к партнеру и состоит из компонентов, определяющих структуру направленности.

Мы в нашей работе, опираемся на ресурсно-ценностный подход к анализу социального взаимодействия субъектов совместной жизнедеятельности, предложенный В. П. Позняковым и Т. С. Вавакиной в рамках исследования психологии делового партнерства (Вавакина, 2011; Позняков, Вавакина, 2014, 2016). Ресурсно-ценностный подход к анализу социального взаимодействия субъектов совместной жизнедеятельности предложен В. П. Позняковым и Т. С. Вавакиной в рамках исследования психологии делового партнерства. В соответствии с данным подходом, значимыми характеристиками взаимодействия партнеров являются содержание ценностей и норм, определяющих позицию, ориентацию того или иного участника взаимодействия, которая придает этому взаимодействию конкретный и определенный смысл. Выделены экономико-ресурсная, социально-ресурсная и субъектно-ценностная ориентации как основание типологии психологического отношения к деловому партнерству.

Мы полагаем, что положения ресурсно-ценностного подхода, применимы для анализа не только деловых отношений, но и отношений в других сферах взаимодействия, в том числе, интимно-личностной сфере взаимодействия.

Для целей исследования отношений в такой форме интимно-личностной сферы взаимодействия, как незарегистрированный брак, мы

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00735.

выделяем экономико-ресурсный, социально-ресурсный, субъектно-ценностный и предикативно-ценностный компоненты направленности. Экономико-ресурсный компонент направленности связан с экономически-значимой стороной отношений, где партнер нацелен на получение финансовой или другой выгоды от взаимодействия с партнером. Социально-ресурсный компонент направленности выражает стремление партнера повысить свой социальный статус, приобщиться к более высоким слоям общества через отношения с партнером. Субъектно-ценностная направленность заключается в восприятии партнера, как субъекта, обладающего собственными интересами, стремлениями, потребностями, а цели взаимодействия не содержат стремления получить какую-либо выгоду или использовать партнера для повышения социального статуса. Понятие предикативно-ценностного компонента направленности вводится нами для характеристики целей партнера во взаимодействии, связанных с удовлетворением насущных, эгоцентрических, зачастую неосознаваемых эмоциональных потребностей в отношениях незарегистрированного брака. С.Л. Рубинштейн отмечает, что бытие и материя могут быть рассмотрены как субъект и как предикат. «Бытие как сущее надо брать в качестве субъекта, а не предиката. Материю же, наоборот, надо перевести из статуса субъекта в статус предиката» (Рубинштейн, 2003, с. 321).

Таким образом, направленность на взаимодействие с партнером в незарегистрированном браке может быть сформирована из 4 компонентов, выраженных в различной степени.

Объектом исследования являются отдельные партнеры, состоящие в незарегистрированном браке, проживающие не менее 2 лет в городе Москва или Московской области в возрасте от 18 до 35 лет.

Предметом исследования являются личностные факторы направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке.

Цель нашего исследования – определить роль ценностных ориентаций и черт личности как личностных факторов направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке.

Основной гипотезой исследования является предположение о том, что ценностные ориентации и личностные черты выступают личностными факторами направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке.

Для определения направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке разработана авторская методика. Методика состоит из 12 вопросов, сформулированных в виде кон-

кретных ситуаций, с 4 вариантами ответа в каждой, относящихся к 4 компонентам направленности во взаимодействии с партнером.

Методика построена на восприятии респондентом описания предложенной ситуации и выбора своего поведения в ней. На основании анализа выбора поведения респондентов в той или иной ситуации, можно проанализировать выраженность каждого из компонентов и определить доминирующий или доминирующие компоненты (Панфилова, 2019).

Эмпирическое исследование проводится с декабря 2018 года по настоящее время, на настоящий момент в исследовании приняли участие 23 респондента, состоящих в отношениях незарегистрированного брака, а также 18 респондентов, состоящих в отношениях зарегистрированного брака.

Группа респондентов, состоящих в отношениях зарегистрированного брака, используется для сравнения направленности во взаимодействии с основной группой респондентов, состоящих в отношениях незарегистрированного брака.

По промежуточным данным эмпирического исследования, как в незарегистрированном, так и в зарегистрированном браке, наиболее выражен субъектно-ценностный компонент. Среднее арифметическое (М) субъектно-ценностного компонента в незарегистрированном браке = 6,7; М субъектно-ценностного компонента в зарегистрированном браке = 6,4. Мы связываем это, предположительно, с природой эмоционально значимых отношений незарегистрированного и зарегистрированного брака, в которых цели взаимодействия, в первую очередь, направлены на удовлетворение эмоциональных потребностей, а также на выстраивание близкого контакта с партнером, с учетом личных интересов и потребностей партнера.

Присутствует тенденция к разнице в выраженности социально-ресурсного компонента у партнеров в незарегистрированном и зарегистрированном браке. М социально-ресурсного компонента в незарегистрированном браке = 0,75, в то время как в зарегистрированном браке выраженность социально-ресурсного компонента более чем в два раза больше, и составляет 1,4. Мы связываем эту тенденцию с большей устойчивостью, длительностью и признанностью в обществе зарегистрированных союзов, которая позволяет партнерам с большей уверенностью ожидать возможности повышения собственного статуса за счет отношений в зарегистрированном браке, чем в незарегистрированном.

В рамках промежуточных результатов эмпирического исследования проанализирована связь направленности во взаимодействии

с партнером в незарегистрированном и зарегистрированном браке и ценностными ориентациями. Анализ ценностных ориентаций партнеров проводился с использованием методики Ш. Шварца «Ценностный опросник». Для определения взаимосвязи между направленностью во взаимодействии с партнером и ценностными ориентациями, применен корреляционный анализ с использованием критерия Спирмена.

По итогам данного анализа, просматривается тенденция к корреляции субъектно-ценностного компонента с ценностной ориентацией конформности, в то время как с предикативно-ценностным компонентом ориентация конформности коррелирует отрицательно. С экономико-ресурсным компонентом направленности коррелируют ценностные ориентации самостоятельности и достижения. В то время как с социально-ресурсным компонентом направленности отрицательно коррелирует ценностная ориентация самостоятельности. Статистическая значимость приведенных корреляций соответствует уровню не менее 0,05.

Для подтверждения выявленных тенденций к корреляции компонентов направленности во взаимодействии с партнером в незарегистрированном браке с указанными ценностными ориентациями, а также анализа взаимосвязи личностных черт и компонентов направленности, будет продолжено эмпирическое исследование и проведена обработка эмпирических данных.

Литература

- Вавакина Т. С.* Типы психологического отношения российских предпринимателей к деловому партнерству: дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2011.
- Панфилова Ю. М.* Направленность на взаимодействие с партнером в незарегистрированном браке как выражение семейных ценностей партнера // Человеческий фактор: социальный психолог. 2019. № 1 (37). С. 327–334.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Психология делового партнерства: теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Позняков В. П., Вавакина Т. С.* Деловое партнерство как вид социального взаимодействия: ресурсно-ценностный подход // Человеческий фактор проблемы психологии и эргономики. 2014. № 2 (69). С. 3–11.
- Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.

Взаимосвязь личностного смысла террористического акта в минском метро и посттравматического роста его косвенных свидетелей

Т. В. Парфёнова (Минск, Белоруссия)

Общеизвестно, что посттравматический рост (далее ПТР) является одной из альтернатив исхода влияния психотравмирующих, экстремальных событий. Данное представление доказано теоретико-эмпирическими исследованиями авторов концепции ПТР Р. Тадеша и Л. Калхауном. Экстремальное событие рассматривается учеными как пусковой механизм интенсивной рефлексии, а переживание и проживание этого события – фактором ПТР. По их утверждению, изменения, происходящие вследствие ПТР затрагивают, в первую очередь, систему личностных свойств при сохранении критичной, негативной оценки экстремального события (Tadeschi, 1996).

Согласно данным предыдущих этапов нашего исследования, террористический акт в минском метро (далее ТАвММ), произошедший 11 апреля 2011 года, является значимым общественно-историческим событием для его косвенных свидетелей и нагружен негативным личностным смыслом даже спустя годы после происшествия (Парфёнова, 2017, 2019). Косвенный свидетель – это человек, который лично не присутствовал при совершении какого-нибудь события, но узнал о нем косвенно. В этой связи задача настоящего этапа исследования заключалась в выявлении взаимосвязи личностных изменений косвенных свидетелей ТАвММ с личностным смыслом данного события. С целью решения поставленной задачи анализировались данные эмпирического исследования, охватившие выборку численностью 547 косвенных свидетелей из разных городов Белоруссии. Сбор эмпирических материалов осуществлялся с помощью методики «Семантический дифференциал для оценки личностного смысла критических и экстремальных макросоциальных событий» (разработчики К. В. Карпинский, Т. В. Парфёнова) (Парфёнова, 2019) и «Опросника ПТР» Р. Тадеша, Л. Калхауна (в адаптации М. Ш. Магомед-Эминова). Полученные результаты обрабатывались с помощью канонического анализа.

Анализ канонических корреляций проводился по 8 аспектам личностного смысла ТАвММ (аморальность события, психологическая удаленность, субъективная предсказуемость и подконтрольность события, субъективная значимость события, субъективная оценка

экстремальности события, эмоциональный фон события, субъективная длительность события, субъективная неопределенность события) и 5 факторами ПТР (отношение к другим, новые возможности, сила личности, духовные изменения, повышение ценности жизни). Общая статистика канонических корреляции между характеристиками личностного смысла события и факторами ПТР указывает на наличие статистически значимой взаимосвязи данных переменных ($R=0,43$ при $\chi^2=154,14$ и $p=0,00$), которые отражают их прямую зависимость: чем более интенсивно переживается личностный смысл события, тем более явно выражен ПТР у его косвенных свидетелей.

Построенная многомерная модель канонических корреляций привлекает 5 канонических корня (факторов), которые объясняют 71,16% выраженности характеристик личностного смысла события и 100% выраженности ПТР. При этом, для раскрытия психологической картины переживания ТАВММ косвенными свидетелями характеристики личностного смысла события являются более информативными, поскольку объясняют в среднем 10,87% выраженности ПТР. Сам феномен ПТР указывает на переживание личностного смысла события и в среднем объясняет 6,23% аспектов его выраженности. Оценка статистической значимости пяти извлеченных канонических корня позволяет нам заключить, что последующий анализ канонической модели должен строиться на рассмотрении первых двух канонических факторов, статистика χ^2 которых является значимой ($R=0,43$ при $\chi^2=154,14$ и $p=0,00$; $R=0,24$ при $\chi^2=46,45$ и $p=0,02$). В этой связи на следующем этапе анализа рассматривались канонические веса каждой пары изучаемого множества переменных.

Основываясь на показателях канонических весов первого фактора можно заключить, что наиболее сильную корреляцию с первым каноническим фактором имеют такие аспекты личностного смысла как эмоциональный фон события и субъективная предсказуемость, подконтрольность события (канонический вес $= -0,72$), а также такие факторы ПТР как повышение ценности жизни (0,91) и отношение к другим (0,79). Из этого следует, что интенсивность негативного переживания косвенными свидетелями личностного смысла террористического акта в минском метро, проявляющегося в его негативной оценке, а также в его субъективном переживании как сильного стрессора и потенциальной угрозы, обуславливает осознание ценности собственной жизни и ценности общения с другими людьми. При вышеописанной картине переживания личностного смысла события для косвенных свидетелей становятся более очевидны их жиз-

ненные приоритеты и возможности сделать свою жизнь качественно лучше. Они более охотно выражают свои эмоции и больше понимают внутренние чувства и переживания других людей. Чаще признают, что нуждаются в других людях, тратят больше усилий на налаживание взаимоотношений с ними и стремятся выстраивать более близкие и доверительные отношения в своем окружении.

Кроме этого, в выделенном каноническом факторе обнаруживаются средние и умеренные корреляции таких аспектов личностного смысла как субъективная оценка экстремальности события (0,62), аморальность события (-0,54), субъективная значимость события (0,52), психологическая удаленность (0,41), субъективная неопределенность события (-0,41) и средняя корреляция таких факторов ПТР как духовные изменения (0,64), новые возможности (0,60) и сила личности (0,55). Опираясь на данные результаты можно утверждать, что переживание личностного смысла ТАВММ как субъективно актуального, приближенного к психологическому настоящему, личностно значимого экстремального события, сложного в понимании и осмыслении, а также представленного в сознании в форме негативного социального опыта, приводит косвенных свидетелей к более лучшему видению своих духовных проблем, обнаружению новых интересов и возможностей в своей жизни, ощущению уверенности в себе и своих силах.

Таким образом, выделенный фактор отражает смысловую модель совладания с трудным событием жизни по типу принятия трагического опыта и его преодоление через осознание ценности жизни как таковой. Жизненная мудрость, извлеченная косвенными свидетелями в данных переживаниях заключается в отношении к собственной жизни и жизни других людей как к большой ценности и великому благу, независимо от ее конкретных условий и обстоятельств. Принимать свою жизнь несмотря ни на что, находить в ней возможности реализации своего жизненного замысла и разделять всю радость побед и горечь поражений с близкими людьми.

Анализ корреляционных взаимосвязей второго канонического фактора позволил обнаружить еще одну психологическую картину переживания ТАВММ косвенными свидетелями. Установлено, что наибольший вклад в выделенный канонический фактор оказывают такие аспекты личностного смысла как субъективная значимость события (-0,59), аморальность события (0,57) и такой фактор ПТР как сила личности (0,76). Учитывая знаки и величину выделенных канонических весов можно утверждать, что обесценивание события и восприятие его как нормы современного общества и мира

приводит к переживанию косвенным свидетелям большей уверенности в себе и своих силах. Кроме этого, необходимо отметить наличие взаимосвязей таких изучаемых переменных как субъективная длительность события (0,50), эмоциональный фон события (0,23), духовные изменения личности (0,50), отношение к другим (0,51) и новые возможности (0,51). Из этого следует, что переживание ТАВММ может сопровождаться субъективным восприятием его растянутости во времени (0,50) и позитивной реинтерпретацией (0,23), что приводит к лучшему пониманию своих духовных проблем (0,50), осознанию ценности выстраивания взаимоотношений с другими людьми (0,51), нахождению в жизни новых возможностей ее качественного преобразования (0,51). В обобщенном виде второй канонический фактор отражает совладание с ТАВММ по типу смиренности с трагедией и ее позитивной переоценки для себя. Образно это переживание можно выразить как: «то, что не убило, сделало нас сильнее». В таком случае личностный смысл события переживается косвенными свидетелями как тяжелый жизненный урок, который пошел на пользу и сделал их сильнее.

Резюмируя результаты проведенного анализа стоит признать, что из всего многообразия психологических реакций косвенных свидетелей на ТАВММ отчетливо прослеживаются как минимум две психологические картины переживания личностного смысла данного события, приводящее к ПТР его косвенных свидетелей.

Литература

- Парфёнова Т. В.* Личностный смысл как фактор трансформации образа значимого общественно-исторического события (на материале террористического акта в минском метро) // Психология – наука будущего: Материалы VII Междун. конф. молодых ученых «Психология – наука будущего». 14–15 нояб. 2017 года, Москва. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 622–626.
- Парфёнова Т. В.* Разработка и апробация методики «Семантический дифференциал для оценки личностного смысла критических и экстремальных макросоциальных событий» // Педагогическая наука и образование: научный журнал. 2019. № 2. С. 23–31.
- Парфёнова Т. В.* Феноменология переживания террористического акта в минском метро косвенными свидетелями // Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. 2019. Сер. 3. Т. 9. № 2. С. 151–158.
- Tadeschi R. G., Calhoun L. G.* The Posttraumatic Growth Inventory: Measuring the Positive Legacy of Trauma // Journal of Traumatic Stress. 1996. V. 9. № 3. P. 455–471.

Психологическое благополучие и стрессоустойчивость в профессиональной деятельности медицинского персонала

А. С. Перова (Москва)

Введение

Для современного общества проблема психологического благополучия является одной из самых актуальных, поскольку данное явление отражает общий уровень удовлетворенности или неудовлетворенности личности ее индивидуальным бытием, степенью насыщенности жизни, собственной самореализацией. Психологическое благополучие является важнейшим адаптационным ресурсом, что подтверждается рядом эмпирических работ (Масленникова, 2016).

Сущность понятия психологическое благополучие до сих пор остается не до конца определенным, как и наполнение его содержания. Многие исследователи понимают под ним субъективное ощущение счастья и удовлетворенность собственной жизнью (Бредберн, 2015).

Психологическое благополучие человека в течение его жизни вынуждено «проходить проверку» на прочность под влиянием стресса. Одним из первых понятие стресс начал использовать Г. Селье, который определял его как неспецифический ответ организма на любое предъявляемое ему требование (Дикая, 2002). Способность противостоять негативному влиянию стресса определяется как стрессоустойчивость. А. А. Баранов определяет стрессоустойчивость как интегральное психологическое свойство личности, которое обеспечивает состояние психофизиологического гомеостаза и оптимизирует взаимодействие с внешними условиями жизни (Баранов, 2002).

Многие авторы представляют стрессоустойчивость как один из факторов, определяющих общее ощущение психологического благополучия (Бредберн, 2015; Вакарев, 2017). С точки зрения Л. Г. Дикой, основой стрессоустойчивости как фактора психологического благополучия является саморегуляция человека (Дикая, 2002). С. Фолкман и Р. Лазарус считают, что стрессоустойчивость определяется различными когнитивно обусловленными механизмами совладания со стрессом (копинг-стратегии), а также механизмами психологической защиты (цит. по Баранов, 2002). Выявление взаимосвязей стрессоустойчивости и психологического благополучия представляет собой актуальную теоретическую и практическую проблему.

Цель и гипотеза исследования

Была поставлена цель — выявить особенности взаимосвязи психологического благополучия и стрессоустойчивости личности у медицинских работников. Мы предполагаем, что уровень психологического благополучия и степень стрессоустойчивости, определяют специфику переживания в профессиональной деятельности у медицинских работников.

Характеристика выборки

Исследование проводилось на базе больницы № 15 им. О. М. Филатова (г. Москва) и Городской клинической больницы им. Е. О. Мухина № 70 (г. Москва). В исследовании принимали участие 60 медицинских работников (30 мужчин и 30 женщин) в возрасте от 25 до 55 лет. Все представители выборки работают в должностях медицинских сестер и фельдшеров. Для сбора эмпирических данных применялась методика К. Рифф «Шкала психологического благополучия», опросник САН (самочувствие—активность—настроение) В. А. Доскина, а также опросник поведения и переживания, связанного с работой (AVEM) У. Шааршмидта и А. Фишера.

Математические методы

С целью определения степени влияния психологического благополучия на специфику профессионального переживания, был проведен факторный анализ данных отдельно для мужской и женской группы.

Результаты и их интерпретация

По результатам факторного анализа было выделено по три самостоятельных фактора — стратегии достижения благополучия.

В мужской группе были выделены:

- Фактор самореализованности. Достижение психологического благополучия связано как с достижениями личности, так и с ее качествами ($r=0,804$). Респондент занимает позицию успешного, состоявшегося специалиста, который обладает собственным мнением и готов его отстаивать ($r=0,763$), кроме того он обладает множественными положительными связями в рабочей среде ($r=0,727$), что позволяет ему испытывать удовлетворенность от работы ($r=0,717$).
- Фактор перфекционизма. Устремления специалиста и достижение благополучия связаны профессиональным совершенством ($r=0,658$). Респондент ставит перед собой цели достижения

высоких результатов, прежде всего соответствия определенным внутриличностным нормативам. Ценность реализации собственных ожиданий высока, однако респондент не может дистанцироваться от работы, что влечет за собой постоянное нервное напряжение ($r = -0,653$).

- Фактор роста. В центре стратегии — активное развитие респондента как профессионала ($r = 0,863$). Респондент стремится использовать трудовую деятельность, как площадку для личного и профессионального роста, реализации своих притязаний ($r = 0,770$). В благоприятной обстановке респондент будет развиваться и поддерживать уровень благополучия ($r = 0,645$), однако в ситуации фрустрации возможностей для роста, благополучие также будет нарушено.

В женской группе были выделены:

- Фактор профессионализма. Респондент нацелен на достижение значимых профессиональных результатов, как в деятельности, так и в отношении карьеры ($r = 0,805$), при этом он нацелен на эффективное решение проблемных ситуаций, преодоление трудностей ($r = 0,696$). В ситуации успеха респондент будет переживать благополучие, однако из-за высокой значимости работы нерешенные проблемные ситуации будут снижать уровень благополучия ($r = -0,729$).
- Фактор уравновешенности. Основой стратегии выступают личностные качества респондента. Для него будет характерно высокое самообладание, умение контролировать собственные эмоциональные проявления ($r = 0,708$), а также влиять на состояние и деятельность других членов коллектива, возможно проявление властности, доминирования ($r = 0,646$).
- Фактор обесценивания профессии. Стратегия предполагает смещение акцента значимости для респондента с профессиональных достижений, на личные взаимоотношения с коллегами и пациентами ($r = 0,699$). В рамках данной стратегии респондент будет прикладывать усилия для создания благоприятной, дружелюбной атмосферы в коллективе, однако результативность непосредственно профессиональных обязанностей не будет для него самоцелью ($r = -0,655$).

Выводы

Таким образом, было выявлено, что уровень психологического благополучия и степень стрессоустойчивости, определяют специфику

переживания в профессиональной деятельности у медицинских работников. Причем обнаружены различия в мужских и женских группах. Для мужчин характерны более активная, деятельная позиция, направленность на решение проблем, высокий уровень самооценки. Женщины склонны устанавливать положительные, личностно-значимые контакты с окружением и избегать преодоления проблем.

Психологическое благополучие положительно взаимосвязано с тремя группами компонентов стрессоустойчивости медицинских работников — это качества, обуславливающие профессиональную состоятельность, активную позицию специалиста и его эмоциональную удовлетворенность.

Мужская и женская группы имеют свою специфику стратегий обеспечения благополучия в условиях профессиональной деятельности. Если в мужской выборке все выявленные стратегии связаны с достижениями и ростом при выполнении рабочих обязанностей, то в женской выборке наблюдается большее разнообразие подходов. Наряду со стратегией профессионального роста выделяется ориентация на социальное окружение через поддержание дружеских отношений, либо через доминирование над ним. Результаты исследования могут использоваться в рамках психологического просвещения и терапевтической работы с медицинским персоналом для повышения стрессоустойчивости, развития личностных и профессиональных качеств. При этом наиболее приоритетным направлением работы с женщинами будет формирование навыков эффективного копинга через поиск путей решения проблемы, привлечение социальной поддержки, снижение эмоциональной значимости проблемных ситуаций, а в работе с медицинским персоналом мужского пола рекомендуются тренинги, направленные на межличностную коммуникацию, развитие навыков общения, командную работу, способность к эмпатическому переживанию.

Литература

- Баранов А. А.* Психология стрессоустойчивости педагога: теоретические и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2002.
- Брэдберн Н.* Структура психологического благополучия. Ярославль: Инфра, 2015.
- Вакарев Е. С.* Безопасность образовательной среды вуза как фактор психологического благополучия студентов // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания. XIV Международная научная конференция: в 2-х частях. М.: Московский гуманитарный университет, 2017. С. 224–230.

Дикая Л. Г. Психология саморегуляции функционального состояния субъекта в экстремальных условиях деятельности: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002.

Масленникова Ю. П. Изучение взаимосвязи адаптации и психологического благополучия студентов // Акмеология. 2016. № 1S. С. 71–72.

Уровень развития профессионального самосознания и представления о профессиональном будущем старших подростков

Н. В. Петрикова (Москва)

Становление профессионального самосознания и его роль в личностно-профессиональном развитии человека является одной из центральных проблем психологической науки.

Согласно основным положениям концепции Л. М. Митиной, становление профессионального самосознания личности, проходит в семь этапов, первый из которых проходит в старшем подростковом возрасте (Митина, 2014).

По мнению Л. М. Митиной, показателем уровня развития профессионального самосознания на этом этапе, является уровень сформированности психологической готовности к совершению профессионального выбора (там же).

Психологическая готовность к совершению выбора профессии изучается в работах Л. В. Брендаковой, Э. Ф. Зеера, Е. А. Климова, Л. М. Митиной, Н. С. Пряжникова, С. Н. Чистяковой и др. и рассматривается как психическое состояние предстартовой активности, регулирующее реализацию человеком своей программы личностно-профессионального развития.

Показателями уровня психологической готовности к выбору профессии, по мнению исследователей, являются уровень сформированности профессиональных намерений, профессиональных планов и целей, осознание условий и оценку возможных трудностей на пути их достижений, количества затраченных интеллектуальных, мотивационных и волевых усилий и т. д.

Формирование психологической готовности к профессиональному выбору, по мнению ученых, связано с развитием у старших подростков самосознания, появлением временной перспективы и формированием у них представлений о профессиональном будущем (там же).

С целью изучения различий содержательного аспекта представлений о профессиональном будущем у старших подростков с различным уровнем развития профессионального самосознания (психологической готовности к выбору профессии) мы провели констатирующее исследование.

Нами была сформулирована гипотеза о том, что качество содержания представлений о профессиональном будущем различно у старших подростков с различным уровнем развития профессионального самосознания.

Для опровержения или подтверждения, сформулированной нами гипотезы, в нашем эмпирическом исследовании, приняли участие 97 учащихся 9–11-х классов средних общеобразовательных школ городов Московской области.

Для решения задач данного исследования нами был использован методический комплекс: проективная методика «Сочинение о будущем» Т. Д. Марцинковской, Т. В. Костяк (Марцинковская и др., 2009); также для исследования уровня психологической готовности к совершению профессионального выбора нами была разработана анкета, состоящая из 23 вопросов различного типа (18 вопросов, закрытого типа, с готовыми ответами: «да», «скорее да, чем нет», «скорее нет, чем да», «нет» и 5 вопросов открытого типа).

Анализ полученных результатов проводился посредством компьютерной программы статистической обработки данных IBM SPSS Statistics v. 22 и метода математической статистики «Критерий углового преобразования Фишера».

Данное исследование является частью другого исследования, целью которого является выявление закономерностей личностно-профессионального самоопределения старших подростков и студентов.

Теоретико-методологическую базу данного исследования составили основные положения концепции личностно-профессионального развития Л. М. Митиной.

Данное исследование проводилось в 3 этапа.

На *1 этапе* исследования все его участники на основании проведенного контент-анализа данных, полученных по методике «Сочинение о будущем», по качеству описания представлений о профессиональном будущем, были разделены на 3 группы.

В группу *конкретного типа* были отобраны старшеклассники, у которых описания представлений о своем профессиональном будущем выражаются в четком указании профессии «ветеринар», «врач», «звукорежиссер» и т. д. (17%).

В группу *частичного типа* были отобраны старшеклассники, у которых описания представлений о своем профессиональном будущем выражаются в словах «работа», «интересная работа», «высокооплачиваемая работа» и т. д. (38%).

В группу *диффузного типа* были отобраны старшеклассники, у которых в описаниях представлений о своем будущем отсутствуют описания профессионального будущего (45%).

На 2 этапе исследования все его участники на основании проведенного контент-анализа качества содержания ответов на вопросы анкеты, были разделены на 3 группы.

В группу *определившиеся* были отобраны участники исследования, которые на вопросы закрытого типа дали положительный ответ «да» (33%).

В группу *сомневающиеся* были отобраны участники исследования, которые в ответах на вопросы закрытого типа демонстрировали различную степень неуверенности «скорее да, чем нет» или «скорее нет, чем да» (49%).

В группу *неопределившиеся* были отобраны участники исследования, которые на вопросы закрытого типа ответили отрицательно «нет» (18%).

На 3 этапе при помощи метода математической статистики «Угловое преобразование» Фишера с использованием программы IBM statistics v. 22 нами был проведен сравнительный анализ выше представленных результатов на предмет выявления статистически значимых различий.

По итогам, проведенного нами исследования, были получены следующие результаты:

- Статистически значимо чаще конкретный тип представлений о профессиональном будущем встречается у старших подростков из группы «определившиеся» $\Phi_{\text{эмп.}} = 1,57, p < 0,05$.
- Статистически значимо чаще частичный тип представлений о профессиональном будущем встречается у старших подростков из группы «сомневающиеся» $\Phi_{\text{эмп.}} = 2,01, p < 0,02$.
- Статистически значимо редко конкретный тип представлений о профессиональном будущем встречается у старших подростков из группы «неопределившиеся» $\Phi_{\text{эмп.}} = 2,09, p < 0,01$.

Для интерпретации полученных нами результатов исследования обратимся к концепции Л. М. Митиной. Полученные в данном исследовании результаты совпадают с основными положениями концепции личностно-профессионального развития Л. М. Митиной

о роли уровня развития самосознания в становлении уровня профессионального самосознания старших подростков. По мнению Л. М. Митиной, основным условием развития уровня профессионального самосознания является развитие интегральных характеристик: направленность, гибкость, компетентность. (Митина, 2014).

Предполагаем, что различия в качестве содержания представлений о профессиональном будущем у старших подростков могут быть связаны с различным уровнем развития вышеперечисленных характеристик у старших подростков из групп «определившиеся», «сознающиеся», «неопределившиеся».

Вследствие чего, в качестве перспективы нашего исследования могут выступать выявление роли уровней развития интегральных характеристик в становлении профессионального самосознания и формировании представлений о профессиональном будущем старших подростков.

В результате проведенного исследования нами был сформулирован следующий вывод: качество содержания представлений о профессиональном будущем различно у старших подростков с различным уровнем развития профессионального самосознания. Таким образом, сформулированная нами гипотеза подтвердилась.

Литература

- Марцинковская Т. Д., Авдулова Т. П., Изотова Е. И., Костяк Т. В., Хузева Г. Р.* Социализация детей и подростков. Методический комплекс. М.: МПГУ, 2009.
- Митина Л. М.* Психология личностно-профессионального развития субъектов образования. М.—СПб.: Нестор-История, 2014.
- Митина Л. М.* Психология личностно-профессионального развития и профессиональной карьеры: общее и особенное // Российский научный журнал. 2014. Т. 4. С. 96—109.

Холистические процессы в восприятии привлекательности лица*

А. О. Пичугина, Г. Я. Меньшикова (Москва)

Вопрос о холистических и аналитических процессах в восприятии лица активно обсуждается в современной литературе. Одна из экспериментальных парадигм, использующихся для изучения

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФ № 19-18-00474.

этих процессов основана на эффекте инверсии лица. В целом ряде работ изучение механизмов восприятия лиц происходило с помощью метода айтрекинга. В этих работах были получены противоречивые данные относительно влияния эффекта инверсии на движения глаз.

Целью настоящей работы являлось изучение индивидуальных стратегий движений глаз в задаче оценки привлекательности нормально ориентированных и инвертированных лиц. Мы предположили, что при предъявлении испытуемым инвертированных лиц глазодвигательные стратегии будут изменяться в силу снижения роли холистических процессов. Эти изменения будут проявляться по-разному в зависимости от индивидуальных стратегий движений глаз.

Участники: в эксперименте принимало участие 57 человек (30 мужчин, 27 женщин, средний возраст $22,2 \pm 4,1$). Все участники имели нормальное или скорректированное до нормального зрение.

Стимуляция. В качестве стимуляции были использованы фотографии лиц из WSEFEP базы лиц*. Для эксперимента были отобраны 10 фотографий: пять мужских и пять женских лиц одной возрастной категории с нейтральным эмоциональным выражением. С помощью программы Adobe Photoshop CC лица были переведены в черно-белый формат и ограничены овальной рамкой вдоль линии роста волос. Для каждой фотографии были разработаны 8 вариантов искажений черт лица, приводящие к снижению его привлекательности. На модифицированных фотографиях увеличивалось или уменьшалось расстояние между глазами, увеличивалось или уменьшалось расстояние между носом и губами, а также применялась комбинация указанных выше искажений. В итоге было подготовлено 90 стимулов (10 лиц $\times$ 9 вариантов искажений). Для каждого стимула была создана его инвертированная версия – лицо было повернуто на 180° .

Аппаратура. Для записи движений глаз использовалась установка по регистрации движения глаз SMI iViewX Red-500. Регистрация осуществлялась в монокулярном режиме с частотой дискретизации 500 Гц и разрешением $<0,1^\circ$. Стимулы предъявлялись на мониторе с диагональю 23 дюйма на расстоянии 65 см, с разрешением экрана 1920×1080 px.

Процедура

Каждый участник проходил эксперимент индивидуально. В левом или правом углу монитора появлялся крест, который участник должен был фиксировать. После фиксации в течение 500 мс на фикса-

---

* URL: <http://www.emotional-face.org>.

ционном кресте, в центре экрана автоматически на 2000 мс предъявлялось изображение лица в прямой или обратной ориентации. Затем на экране предъявлялась шкала, на которой испытуемый должен был выбрать число, соответствующее степени привлекательности предъявленного лица, где 1 – наименее привлекательное, 9 – наиболее привлекательное. После ответа запускалась следующая экспериментальная проба. Последовательность предъявлений была квазислучайной, время прохождения эксперимента составляло примерно 20 минут.

Результаты

Средний балл привлекательности при восприятии лиц в прямой ориентации составил 4,35 ($SD = 1,83$), а в обратной ориентации – 4,29 ($SD = 1,70$). Парный Т-критерий Вилкоксона выявил значимое различие в оценках привлекательности лиц в прямой и обратной ориентации ($Z = -2,950$, $p = 0,003$). С помощью критерия Ливиня было обнаружено значимое различие дисперсий оценок ($F = 41,94$, $df = 9966$, $p < 0,01$). Для инвертированных лиц дисперсия снизилась: лица в условиях обратной ориентации оценивались с помощью более усредненных оценок, чем в условиях предъявления обычных лиц. Этот результат позволяет сделать вывод о том, что эффект инверсии лица снижает эффективность оценки его привлекательности.

По всей выборке были рассчитаны показатели средней длительности фиксаций и средней амплитуды саккад для прямых и инвертированных стимулов. Было показано, что средняя длительность фиксаций в условиях обычного предъявления ($M = 240,3$ мс, $SD = 87,2$ мс) выше, чем в условиях инверсии ($M = 236,9$ мс, $SD = 83,3$ мс), а средняя амплитуда саккад для обычной ориентации ($M = 5,3$ °/с, $SD = 1,9$ °/с) ниже, чем для инверсии ($M = 5,5$ °/с, $SD = 2,05$ °/с). С помощью критерия Вилкоксона были получены значимые различия для усредненных длительностей фиксаций ($Z = -2,646$, $p = 0,008$) и амплитуды саккад ($Z = -8,664$, $p < 0,001$). Эти результаты согласуются с данными большинства исследователей (Caldara et al., 2010; Hsiao, Cottrell, 2008), и свидетельствуют о влиянии выраженности холистических процессов на показатели движений глаз.

Для дальнейшего анализа были выделены следующие зоны интереса: глаза, переносица, нос, губы. Затем было рассчитано усредненное по всей выборке время пребывания взора в зонах интереса для условий прямой и обратной ориентации лиц. С помощью критерия Вилкоксона было найдено, что в условиях инверсии лиц участники проводили значимо меньше времени в зонах глаз ($Z = -16,225$,

$p < 0,001$) и переносицы ($Z = -8,800$, $p < 0,001$) и значимо больше времени в зонах носа ($Z = -6,994$, $p < 0,001$) и губ ($Z = -16,701$, $p < 0,001$), $df = 5128$. Эти результаты согласуются с данными других работ, изучавших показатель времени пребывания взора в зонах интереса при эффекте инверсии (Xu, Tanaka, 2013).

Для изучения индивидуальных стратегий испытуемые были разделены на группы. В качестве критерия разделения мы выбрали интегральный показатель отношения длительности фиксации к амплитуде саккад. Для его вычисления использовались усредненные данные длительности фиксации и амплитуды саккад при наблюдении нормально ориентированных лиц. Была проведена сортировка испытуемых по интегральному показателю и выделены 1 и 3 квартили. В результате были получены две крайние группы: первая группа (15 участников) – с долгими фиксациями (291 мс) и короткими амплитудами саккад (5,24°/с), вторая группа (15 участников) – с относительно короткими фиксациями (199 мс) и большими амплитудами саккад (5,49°/с). Первая группа была обозначена как группа со статической стратегией, вторая – с динамической стратегией.

По выделенным группам был проведен анализ различий стратегий движений глаз при восприятии нормально ориентированных лиц. Различия между показателями времени пребывания во всех зонах интереса оказались статистически значимыми: группа со статической стратегией проводила больше времени в зоне носа ($Z = -11,869$, $p < 0,001$) и переносицы ($Z = -16,008$, $p < 0,001$); группа с динамической стратегией проводила больше времени в зоне глаз ($Z = -14,361$, $p < 0,001$) и губ ($Z = -5,649$, $p < 0,001$).

Далее были рассчитаны среднее время пребывания взора в выделенных ранее зонах интереса для лиц в прямой и обратной ориентации отдельно для групп, использующих статическую и динамическую стратегию. Внутри группы со статической стратегией не было найдено значимых различий в области глаз ($Z = -1,020$, $p = 0,308$) и носа ($Z = -0,941$, $p = 0,347$), в зависимости от ориентации лица. Испытуемые этой группы проводили значимо больше времени в зоне переносицы ($Z = -13,604$, $p < 0,001$) и значимо меньше времени в зоне губ ($Z = -10,517$, $p < 0,001$) при рассматривании прямых лиц, в отличие от инвертированных лиц. Для группы с динамической стратегией не было найдено различий во времени пребывания для области переносицы ($Z = -472$, $p = 0,637$). Испытуемые с данной стратегией проводили значимо больше времени в зоне глаз ($Z = -14,699$, $p < 0,001$) и меньше времени в зоне носа ($Z = -4,140$, $p < 0,001$) и губ ($Z = -12,701$, $p < 0,001$) в прямых ориентациях лиц, чем в обратных.

Таким образом, в нашей работе было выявлено, что холистические процессы играют существенную роль при оценке привлекательности лиц. Разделение на группы позволило выявить специфику индивидуальных стратегий по распределению времени пребывания взора в зонах интереса. В связи с полученными результатами можно сделать вывод о том, что при изучении холистических и аналитических процессов должны учитываться индивидуальные стратегии. Следовательно, движения глаз не могут рассматриваться как универсальный индикатор измерения холистических и аналитических процессов восприятия лиц.

Литература

- Caldara R., Zhou X., Miellet S. Putting culture under the ‘spotlight’ reveals universal information use for face recognition // PLoS One. 2010. V. 5. № 3.*
- Hsiao J. H., Cottrell G. Two fixations suffice in face recognition // Psychological Science. 2008. V. 19. № 10. P. 998–1006.*
- Xu B., Tanaka J. W. Does face inversion qualitatively change face processing: An eye movement study using a face change detection task // Journal of vision. 2013. V. 13 (2). № 22. P. 1–16.*

Аффективная окраска информации и актуальное эмоциональное состояние испытуемого как факторы, влияющие на успешность запоминания

А. И. Полюхова, О. М. Сергеева (Нижний Новгород)

Работа памяти включена в протекание всех когнитивных процессов и потому является важной составляющей жизнедеятельности человека. Все более распространенными становятся запросы практики по оптимизации процессов памяти в связи с различными задачами деятельности. Поскольку установлено, что на все познавательные процессы оказывает влияние аффективный аспект, велика вероятность, что изучение связи эмоций и мнемических процессов позволит эффективнее использовать эмоциональный компонент как регуляторный в процессах запоминания.

Не смотря на то, что большинство исследователей согласны, что эмоциональная окраска текста способствует его запоминанию, выводы о влиянии различных эмоций на протекание мнемических процессов неоднозначны. Так исследования зависимости памяти от аффективного аспекта, к авторам которых можно отнести Г. Эб-

бингауза и П. П. Блонского, показали преимущественное запоминание негативной информации (Афанасьева, 2015). Тогда как сторонники психоаналитической концепции, вне лабораторных исследований, а исключительно с опорой на практические наблюдения, утверждают наличие закономерного преобладания эффективности запоминания положительной информации (Фрейд, 1990). В дальнейшем, в экспериментальной психологии памяти, значимым стало исследование феномена конгруэнтности актуального эмоционального состояния и эмоциональной модальности текста. Подобные эксперименты проводились Г. Бауэром, М. Е. Афанасьевой, Т. А. Сысоевой, но также результаты были не однозначными (Блонский, 2001; Сысоева, 2004). Поэтому данная работа посвящена изучению влияния эмоциональной окраски текста на успешность сохранения информации в кратковременной и долговременной памяти и на ее воспроизведение.

Цель работы: поиск закономерностей влияния аффективного аспекта на мнемические процессы.

Объект исследования: мнемические процессы.

Предмет исследования: особенности процессов запоминания в зависимости от эмоциональной модальности текста.

Гипотеза исследования: при положительном актуальном состоянии испытуемого, положительно эмоционально окрашенный текст, будет запоминаться лучше, чем отрицательно окрашенный.

Исследование проводилось на базе ННГУ имени Лобачевского, Факультета Социальных Наук. Применялись следующие методы и методики:

- Теоретический анализ;
- Эксперимент;
- Экспертная оценка;
- Методика опросник САН;
- Математические методы: W-критерий Вилкоксона, коэффициент корреляции Спирмена.

Для проведения эксперимента были разработаны три текста, которые содержали сходную по основной модели ситуацию, но различались эмоциональной окраской (негативной, нейтральной, позитивной). Эмоциональная окраска текстов оценивалась экспертами. Тексты были начитаны актером и представлялись испытуемым в аудио-формате.

Испытуемыми являлись студенты первого курса, факультета социальных наук, в количестве 60 человек. Направления подготовки

испытуемых были различны: психология, психология служебной деятельности, социология. Они были разделены на группы по 20 человек, каждая из которых работала с текстом определенной эмоциональной модальности. Группы были эквиваленты по половому составу, средним баллам ЕГЭ и возрасту.

Процедура исследования включала в себя два этапа:

- 1 этап – прохождение испытуемыми методики САН (с целью оценки актуального эмоционального состояния), ознакомление с аудио записью текстов. Затем следовало письменное воспроизведение без временной отсрочки;
- 2 этап – спустя две недели, осуществлялось повторное прохождение методики САН и отсроченное воспроизведение стимульных текстов. О втором этапе испытуемые предупреждены не были.

На первом и втором этапе во всех группах у испытуемых преобладало положительное эмоциональное состояние. Результаты первого этапа подтвердили гипотезу о лучшем запоминании положительно эмоционально окрашенного материала при позитивном актуальном состоянии испытуемых: в среднем 6,25 смысловых единиц было воспроизведено испытуемыми в группе, работавшей с позитивно эмоционально окрашенным текстом. При работе с негативным текстом – 2,8 и с нейтральным – 1,45. Аналогичная тенденция наблюдалась по завершению второго этапа исследования, при общем снижении объема воспроизведенных испытуемыми текстов, значения перечисляются в том же порядке: в среднем 4,7, 2,4, 0,75 смысловых единиц было воспроизведено испытуемыми. Анализ результатов осуществлялся путем сравнения количества воспроизведенных смысловых единиц через *W*-критерий Вилкоксона.

При использовании корреляционного анализа Спирмена было выявлено, что на первом этапе в первой группе (положительный текст) показатель «Смысловые единицы» положительно коррелирует с показателями настроения и активности испытуемых на уровне значимости $p \leq 0,05$. На втором этапе исследования в первой группе успешность запоминания эмоциональных единиц положительно коррелирует с самочувствием испытуемых.

Феномен конгруэнтности, при данных условиях, действительно повлиял на результативность работы памяти. Однако есть вероятность, что в последующих работах, с иными возрастными группами и с иным форматом стимульного материала подобное влияние наблюдаться не будет. По этой причине, важно в дальнейшем рассмотреть иные детерминанты полученных результатов.

Литература

- Блонский П. П. Память и мышление. СПб.: Питер, 2001.
- Афанасьева М. Е. Влияние эмоций на память человека // Педагогика и психология: актуальные вопросы теории и практики. Чебоксары, 2015. С. 156–159.
- Сысоева Т. А. Влияние эмоционального состояния на мнемические процессы: эффект конгруэнтности // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990.

Гендерные различия в проявлении «слепоты по невниманию»*

С. С. Попова, Б. Б. Величковский (Москва)

Введение

Феномен «слепоты по невниманию», описанный Э. Мак и И. Роком, обозначает неспособность обнаружить хорошо различимый объект, когда внимание направлено на что-либо другое (Mack, Rock, 1998). Изучение этого феномена и причин его возникновения актуально для разных сфер жизни, например, для разработки компьютерных интерфейсов или обеспечения безопасного вождения транспортных средств. В научных экспериментах данный феномен может являться показателем эффективности функционирования внимания. Согласно многим исследованиям, одной из основных причин возникновения «слепоты по невниманию» является загрузка рабочей памяти (Macdonald, Lavie, 2008, Hannon, Richards, 2010).

«Слепота по невниманию» может по-разному проявляться при определении объектных (форма, размер, цвет и т. д.) и пространственных (местоположение, скорость движение и т. д.) характеристик стимула, за которые отвечают системы объектного и пространственного внимания соответственно. Пространственное внимание считается более ранним с точки зрения эволюции образованием, чем объектное, и характеризуется большей скоростью обнаружения объекта (Величковский, 2006).

Целью нашего исследования является изучение гендерных различий в проявлении «слепоты по невниманию» и в функциониро-

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 19-18-00474.

вании внимания в целом. Мы выдвигаем гипотезу, согласно которой «слепота по невниманию» при загрузке рабочей памяти будет по-разному проявляться у мужской и женской выборки. Мы предполагаем различную выраженность «слепоты по невниманию» у мужчин и женщин по отношению к объектным и пространственным характеристикам стимула. Также мы предполагаем, что у мужчин и женщин системы объектного и пространственного внимания могут работать с разной степенью согласованности.

Материалы и методы

Выборка эксперимента составила 160 человек в возрасте от 17 до 25 лет с приблизительно равным распределением испытуемых по полу. Эксперимент был представлен в форме визуальных заданий, разработанных при помощи программы PsuchoPy2. Испытуемые должны были запомнить цвета одной или четырех фигур, что позволяло обеспечить загрузку рабочей памяти, далее шли отвлекающие задания на сравнение длины линий. В последней связке проб появлялся неожиданный критический стимул, при опознании которого могла проявиться «слепота по невниманию». Эксперимент завершался вопросами о наличии критического стимула, его форме и местоположении, что позволяло измерить частоту возникновения «слепоты по невниманию» в целом и для объектного и пространственного внимания.

При помощи программы SPSS v. 20.0, таблиц сопряженности и критерия χ^2 была осуществлена статистическая обработка результатов для каждого набора данных. Мы сравнивали мужскую и женскую выборку по показателю обнаружения критического стимула, т.е. отсутствие феномена «слепоты по невниманию», по проценту определений формы и местоположения стимула, а также по согласованности систем объектного и пространственного внимания.

Результаты

Было обнаружено, что у мужчин «слепота по невниманию» проявляется значимо чаще при высокой загрузке рабочей памяти, чем при низкой, $\chi^2(1, 43) = 4,51$, $p = 0,022$. При этом мы получили отсутствие значимых различий у женской выборки, $\chi^2(1, 45) = 0,92$, $p = 0,338$.

Было отмечено, что женщины значимо чаще идентифицируют форму объекта при низкой загрузке рабочей памяти, чем при высокой, $\chi^2(1, 45) = 3,962$, $p = 0,047$. Не было обнаружено влияние загрузки рабочей памяти на определение формы объекта у мужчин, $\chi^2(1, 43) = 0,270$, $p = 0,603$. Также мы не обнаружили значимого влияния

загрузки рабочей памяти на определение местоположения объекта как у мужчин, $\chi^2(1, 43) = 0,767$, $p = 0,381$, так и у женщин, $\chi^2(1, 45) = 1,968$, $p = 0,161$.

Кроме того, мы обнаружили, что у женщин системы объектного и пространственного внимания значимо чаще работают согласованно, $\chi^2(1, 45) = 6,3$, $p = 0,012$. У мужчин они работают рассогласованно при любой загрузке рабочей памяти, $\chi^2(1, 43) = 1,1$, $p = 0,294$.

Заключение

В результате исследования подтвердилась гипотеза о влиянии уровня загрузки рабочей памяти на возникновение «слепоты по невниманию» на мужской выборке. Подтвердилось влияние загрузки рабочей памяти на повышение частоты проявления «слепоты по невниманию» при идентификации формы объекта в женской части выборки. Можно объяснить такие различия с точки зрения эволюции. Мужчины в целом способны лучше замечать неожиданные посторонние объекты, так как от них требовался более высокий уровень внимания на ранних этапах развития человечества.

Кроме того, было обнаружено, что у женщин системы объектного и пространственного внимания работают согласованно при любом уровне загрузки рабочей памяти. У мужчин эти системы действуют более рассогласованно, поскольку наблюдается превосходство обнаружения местоположения. Можно предположить, что внимание мужчин способно в целом фиксировать объект быстрее, чем внимание женщин (Colzato, Pratt, Hommel, 2012). Таким образом, у мужчин разные типы внимания могут действовать рассогласованно, так как пространственное внимание имеет большую скорость, чем объектное (Величковский, 2006). Если основываться на том, что женщины опознают объект чуть медленнее, то можно предположить, что объектное внимание у них «успевает» за пространственным, что позволяет объектному и пространственному вниманию действовать согласованно.

Литература

- Величковский Б. М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: В 2 т. М.: Смысл, 2006.
- Colzato L. S., Pratt J., Hommel B.* Estrogen modulates inhibition of return in healthy human females // *Neuropsychologia*. 2012. V. 50. P. 98–103.
- Hannon E. M., Richards A.* Is inattentive blindness related to individual differences in visual working memory capacity or executive control functioning // *Perception*. 2010. V. 39. P. 309–319.

Macdonald J. S. P., Lavie N. Load induced blindness // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2008. V. 34. P. 1078–1091.
Mack A., Rock I. Inattentional Blindness. Boston: MIT Press, 1998.

Анализ структуры личностных качеств курсантов старших курсов военного вуза (на примере войск ПВО)

А. А. Постнова (Ярославль)

Военно-профессиональная деятельность офицера войск ПВО требует от курсанта сформированности целого ряда важных характеристик. Особое место здесь занимает личность военнослужащего, наличие у него таких качеств как ответственность, стрессоустойчивость, мотивация достижения успеха, умение быстро адаптироваться к быстроменяющимся условиям и т. п.

Система обучения в военном вузе построена таким образом, что формирует у курсантов определенные профессиональные умения и навыки, а развитие личностных качеств является скорее побочным продуктом, нежели результатом целенаправленных действий. Условия, в которых протекает подготовка будущих военных специалистов, сопряжена с высоким уровнем напряжения, повышенной ответственностью, регламентирована рядом нормативных документов и актов, наличием ограничений в свободном перемещении и т. п. — все это предъявляет высокие требования к личности будущего офицера. От того какие личностные качества развиваются в ходе профессиональной подготовки, будет зависеть успешность в профессиональной деятельности военнослужащего.

Мы предполагаем, что изучение личностных качеств курсантов на завершающих этапах вузовского обучения, позволит в дальнейшем скорректировать программу учебно-воспитательной работы с целью формирования необходимых личностных характеристик военнослужащих и коррекцию деструктивных личностных качеств у курсантов.

Для того, чтобы определить какие личностные качества необходимы для военного инженера (такую специальность получают выпускники военного училища ПВО), мы обратились к ее профессиональной программе, а точнее к ее части — психограмме. Психограмма — перечень качеств человека, необходимых для успешного выполнения трудовой деятельности. Данные качества, называемые профессионально важными качествами (ПВК) (Маркова, 1996), нашли свое отражение в приказе Минобороны о профессионально-психологическом

отборе (приказ Минобороны РФ № 50 от 26.01.2000 г. «Об утверждении Руководства по профессиональному психологическому отбору в Вооруженных силах Российской Федерации»). Представленные качества можно условно разделить на 4 группы:

- 1) моральные (честность, мужество, патриотизм, ответственность, отзывчивость и т. п.);
- 2) психологические (эмоциональная стабильность, тип поведения в конфликте, мотивация на достижения успеха, ценностные ориентации, умение преодолевать трудности, и т. п.);
- 3) профессионально-боевые (отношение к военной службе, воинскому долгу, военной профессии, служебным обязанностям);
- 4) физические качества (выносливость, сила, координированность, быстрота).

Все эти качества взаимосвязаны, но, на наш взгляд, ключевое значение для профессиональной деятельности офицера принадлежит именно моральным, психологическим и профессионально-боевым качествам. Данный тезис обусловил выбор психодиагностических методик, которые выявляют степень выраженности того или иного личностного качества, той или иной личностной характеристики. Нами было проведено исследование с курсантами старших курсов обучения различных специализаций и факультетов в количестве 134 человек. Для этого нами был использован следующий перечень психодиагностических методик:

1. Тест «Смысложизненные ориентации» Д. А. Леонтьева;
2. Методика на мотивацию успеха и избегание неудач А. Реана;
3. Методика «Кто Я?» М. Куна, Т. Макпартленда в модификации Т. В. Румянцевой;
4. Опросник о способах копинга (WCQ, Р. Лазарус, С. Фолькман, адаптация Т. Л. Крюковой);
5. Фрустрационный тест Розенцвейга, модификация Н. В. Тарабриной.

Для обработки эмпирических данных использовались методы статистической обработки, включающие в себя корреляционный анализ г-критерий Спирмена, структурный анализ (метод, разработанный А. В. Карповым и В. Д. Шадриковым).

В результате анализа методики «Кто Я?» были выделены следующие закономерности. Для респондентов характерно обозначение своей профессиональной идентичности, а именно «военнослужащий», «будущий офицер», «курсант» и т. п., что является свидетельством

ориентации на будущую профессиональную деятельность, идентификацию себя как военнослужащего, так же хочется отметить, что всеми респондентами были указаны семейные роли, такие как: «сын», «муж», «брат», «отец» и т. д. В условиях ограниченного перемещения, ограниченного круга общения, часто именно семья является единственно возможным условием для взаимодействия с «внешним» миром. Эти же условия определяют наличие в описании у большого количества курсантов различных увлечений и хобби, курсанты указывают на то, что они «спортсмены», «рэперы», «пишу стихи» и т. п. С одной стороны, это связано с тем, что многие из них являются спортсменами, являются участниками различных творческих коллективов, с другой – для многих это возможность проявить свою индивидуальность, возможность снять психоэмоциональное напряжение в связи с жестким регламентом и нормативностью поведения.

В конце хотелось бы отметить, что многие из курсантов в описании себя отмечают у себя такие качества как смелость, сила, честность, ответственность, что является для военнослужащих необходимыми морально-нравственными качествами (Караяни, 2004). Всё это позволяет предположить, что в ходе профессиональной подготовки офицеры, работающие с курсантами, делают упор в развитии и формировании у них тех морально-нравственных качеств, которые в дальнейшем позволят будущим выпускникам достойно нести военную службу.

Далее рассмотрим результаты, полученные по методике Розенцвейга. Каждый из полученных ответов оценивается, в соответствии с теорией Розенцвейга, по двум критериям: по направлению реакции (агрессии) и по типу реакции. По направлению реакции подразделяются на: экстрапунитивные, интропунитивные, импунитивные. Реакции различаются также с точки зрения их типов: препятственно-доминантные, самозащитные, необходимо-упорствующие (Дерманова, 2002).

Таким образом, для большей части наших респондентов характерно преобладание импунитивных реакций: реакции, направленные на незначительность ситуации, «само собой как-то разрешится». При этом преобладают реакции направления агрессии на препятствие\саму ситуацию или на враждебность к кому-то\чему-то, т. е. самозащитные реакции.

Данные результаты характеризуют то, что для будущих военнослужащих характерно принятие любой ситуации, работа в условиях постоянного стресса и напряжения, что во многом позволяет им относиться к жизненным ситуациям более спокойно и лояльно. С дру-

гой стороны, ответственность за разрешение той или иной ситуации они склонны приписывать внешним обстоятельствам, другим людям и т. п., что опять же сопряжено со спецификой их профессиональной деятельности, которая четко регламентирована нормативно-правовыми актами и подчинена вышестоящему начальству.

Следующим этапом анализа стало выделение базовых компонентов структуры личности курсантов на старших курсах обучения в вузе. Результаты получены на основе применения структурного анализа.

Выявлено, что доминирующими компонентами структуры личностных качеств курсантов старших курсов являются виды совладающего поведения, а именно «Бегство-избегание», т. е. отрицания проблемы, фантазирования, неоправданных ожиданий, отвлечения и т. п. «Поиск социальной поддержки» предполагает попытки разрешения проблемы за счет привлечения внешних (социальных) ресурсов, поиска информационной, эмоциональной и действенной поддержки. Стратегия «Планирование решения проблемы» предполагает попытки преодоления проблемы за счет целенаправленного анализа ситуации и возможных вариантов поведения, выработки стратегии разрешения проблемы, планирования собственных действий с учетом объективных условий, прошлого опыта и имеющихся ресурсов. Таким образом, можно отметить, что данные виды совладающего поведения выстроились в некоторую стратегию решения проблемных ситуаций. На начальном этапе проблему стараются не замечать, когда же это становится невозможным, предпринимаются попытки найти поддержку и собрать необходимую информацию во вне, далее уже составляется стратегия и план по ее разрешению. Необходимо отметить, что наибольший вес в структуре личностных качеств занимают именно стратегии совладающего поведения. Это подтверждает тот факт, что деятельность военнослужащего сопряжена с высоким уровнем стресса и нахождением в условиях дефицита времени, опасности и т. п., всё это требует развитие у курсанта конструктивных способов разрешения стрессовых ситуаций.

Хотелось бы отметить, что высокий показатель ИКС, определяемый А. В. Карповым как функция числа положительных связей в структуре и меры их значимости, свидетельствует об интегрированности качеств в общей структуре личности, т. е. качества синтезированы в определенную целостность. А это значит, что на последних этапах обучения происходит становление личности будущего профессионала, когда происходит трансформация неэффективных, ранее приобретенных стратегий поведения, на более конструктивные способы реагирования.

Литература

- Военная профессиология / Под общ. ред. А. Г. Караяни, Ю. Г. Сулимова. М., 2004.
- Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996.
- Приказ Министра обороны РФ от 26.01.2000 № 50. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=84278#h788> (дата обращения: 30.07.2019).
- Тест Розенцвейга. Методика рисуночной фрустрации. Взрослый вариант (модификация Н. В. Тарабриной) // Диагностика эмоционально-нравственного развития / Ред. и сост. И. Б. Дерманова. СПб., 2002.

Представления пациентов о паттернах поведения врачей различной специализации

Ю. В. Потапова (Омск)

Медицина в современном мире неизбежно меняется под воздействием множества факторов. Патерналистская модель взаимоотношений с пациентом, в которой врач играл доминирующую, покровительственную роль, постепенно сменяется пациент-центрированной, и в ней позиции участников носят паритетный характер (Витч, 1994). Учет мнения пациента становится реальностью для врачей и этот факт имеет помимо прочего и чисто утилитарную функцию: частная медицина заботится о качестве оказываемой услуги для того, чтобы клиент оставался доволен и, в случае возникновения проблем со здоровьем, обращался в клинику повторно. Кроме того, общение врача с пациентом, основанное на уважении и доверии, способствует формированию комплаенса (Лапин, 2001), что также напрямую может повлиять на успех лечения – то, насколько точно и аккуратно пациент будет соблюдать рекомендации, зависит от его доверия по отношению к медицинскому работнику, предложившему план лечения.

Таким образом, важным является формирование представлений о потребностях пациентов разных профилей, о том, как они представляют себе образ успешного врача. Это может помочь будущим медикам сформировать для себя образ, к которому необходимо стремиться, учитывая специфику своей специальности.

Для изучения и сравнения нами были выбраны три специальности, в которых важной составляющей является коммуникация врача и пациента или его законного представителя. Это терапевты, при-

нимающие взрослых пациентов с широким кругом разнообразных проблем, педиатры, спецификой коммуникации которых является необходимость установления контакта как с детьми (в целом довольно сложной и непредсказуемой группой), так и их родителями, и гинекологи, принимающие особенно сензитивных пациенток, к примеру, находящихся в состоянии беременности.

Объектом настоящего исследования являются социальные представления, *предметом* — представления пациентов о паттернах поведения врача.

Целью исследования является выявление особенностей представлений пациентов о поведенческих паттернах успешных врачей различной специализации (терапевтов, педиатров, гинекологов).

Задачи исследования:

1. Изучить отзывы пациентов врачей различной специализации.
2. Сравнить и выделить характерные особенности представлений пациентов о поведении успешного врача.

Методом исследования выступил контент-анализ. Проанализированы отзывы о 30 успешных врачах г. Омска (обладающих самым высоким средним рейтингом) на сайте prodoctorov.ru и произведен качественный и количественный анализ полученного материала: подсчет процента упоминаний о том или ином виде деятельности врача (диагностика, лечение, профилактика и просвещение, коммуникация с пациентом) от общего числа отзывов.

Было выявлено, что качественная диагностика особенно ценится в работе терапевта (42,3% упоминаний о диагностике, что даже выше, чем число упоминаний о характере лечения). Объяснить такой результат можно тем, что терапевт сталкивается с широким кругом разнообразных проблем и, заподозрив наличие той или иной патологии, может направить пациента к врачу узкой специализации, и уже он составляет план лечения. Для описания диагностики у терапевтов в отзывах пациентов часто встречаются эпитеты «обстоятельный», «внимательный», «вникающий в ситуацию». Высоко ценится умение разобраться в сложной ситуации, не назначая «лишних» по мнению пациента анализов, что наводит на мысль об исключительной важности развития клинического мышления у врача общей практики. Кроме того, оценивается также процесс сбора анамнеза: в отзывах употребляются слова «вопросы по делу», «четко, понятно», т. е. пациент улавливает ход мыслей врача, понимает логику построения коммуникации и не воспринимает вопросы как необоснованное вторжение в личное пространство.

Упоминания о диагностике в отзывах о педиатрах более редки (19,8%) и относятся не к процессу, а итогу – верно поставленному диагнозу. Вероятно, это происходит, поскольку родители, находясь на приеме, настолько сконцентрированы на результате, что упускают из вида процесс сбора анамнеза. Диагностика у гинекологов описывается несколько чаще (22,7%), высоко ценится пациентами невмешательство в вопросы личной жизни и безоценочность («вопросы по делу, по существу, без лишних комментариев»), поскольку специфика работы врача предполагает обсуждение очень интимных вопросов. Пациентки гинекологов, в силу специфики профессии также часто отмечают важную роль деликатности и безболезненности осмотра.

Корректность назначенного лечения является наиболее значимым пунктом в содержании отзывов, что логично, поскольку именно за этим пациенты обращаются к врачу. Упоминания об этом есть в 33,8% отзывов у пациентов терапевтов, 37,7% – законных представителей у педиатров, 39% – пациенток гинекологов. Здесь практически во всех случаях содержатся упоминания об эффективности лечения, своевременности оказанной помощи, таланте врача разобраться в сложной ситуации и помочь наименее травматичным для пациента способом. Специфичным для педиатров было упоминание о том, что успешный врач не стремится назначать препараты при любом обращении пациента, не выписывает «лишних» лекарств. Естественно, человек, не имеющий медицинского образования, с трудом может оценить целесообразность назначения тех или иных препаратов, однако может отметить стремление врача не лечить физиологические состояния, отличая их от патологий, и разобраться в проблеме, прежде чем назначить, к примеру, прием антибиотиков.

Характер коммуникации с врачом особенно важен для родителей пациентов педиатра (20,8% упоминаний, тогда как в случае с терапевтами это 9,8%, гинекологами – 13,8%). В данном случае это закономерный результат: умение установить контакт с ребенком, чтобы провести осмотр и выяснить особенности заболевания, особенно актуально именно для этих врачей. Данный вид деятельности осложняется тем, что дети не имеют порой возможности контролировать сознательно свои действия, могут тревожиться при виде врача, громко кричать и плакать в процессе приема. Родителя такие поведенческие проявления могут тревожить и смущать, и потому эта категория авторов отзывов особенно ценит умение врача найти подход к ребенку, установить с ним контакт. Кроме того, значительная часть отзывов о коммуникации содержала сведения о том, что врач может

прийти на помощь и дать рекомендации не только в рамках приема, но и за его пределами, к примеру, по телефону. Такого рода услуга очень важна для родителей, так как дает им ощущение спокойствия и поддержки в стрессовой ситуации, когда заболевает их ребенок.

Наконец, последний вид деятельности, выделенный нами в отдельный блок, касается педагогических талантов врача: умения объяснить суть заболевания или состояния пациента, рассказать о плане лечения и о том, как предотвратить рецидив. Особенно значимым этот вид деятельности был для пациенток гинеколога (24,5% упоминаний), на втором месте стояли пациенты педиатра (21,7%), реже об этом говорили в отношении терапевтов (14,1%). Вероятно, и в том и в другом случае дело в том, что человек, пользующийся медицинской услугой врачей данных специализаций, несет ответственность уже не только за свою жизнь. Многие женщины, писавшие отзывы, упоминали о том, что данные гинекологи вели у них беременность, и это объясняет «жажду знаний» пациенток: новое, непривычное состояние, вызывает перманентную фоновую тревогу — все ли, что происходит, является вариантом нормы? Родители уже родившихся детей находятся в сходной ситуации и порой очень нуждаются в информационной поддержке врача.

Таким образом, на основе отзывов можно сформулировать особенности представлений пациентов о поведении успешного врача:

1. У терапевта значимым поведенческим сигналом о его компетентности и грамотности является обстоятельный и внимательный сбор анамнеза, фокусирование внимания на диагностике — тщательном осмотре, аускультации, пальпации и т. п. Важным при общении и ответе на вопросы пациента является упор на профилактику рецидивов заболевания.
2. Для гинеколога вопрос диагностики также является важным, и здесь подключаются оценки мануальных навыков специалиста при осмотре пациентки. Также гинеколог, особенно ведущий беременность, должен уметь подробно и доступно объяснять, что происходит с пациенткой, уметь отвечать на ее вопросы.
3. В поведении педиатра особенно важным является умение установить контакт с ребенком и его родителями, поддержать в трудной ситуации, дав корректные рекомендации.

Общим для всех специальностей является представление о роли врача в назначении эффективного лечения, не вызвавшего осложнений, которое включает в себя перечень необходимых и достаточных для выздоровления средств.

Литература

- Витч Р. Модели моральной медицины в эпоху революционных изменений // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 67–72.
- Лалин И. П. Личность и лекарство. Введение в психологию фармакотерапии. СПб.: ДЕАН, 2001.

Работа психолога с младшими школьниками с повышенным уровнем тревожности

И. В. Пшеничнова, М. Л. Чаянова (Шуя)

Тревожность является одной из типичных проблем в работе школьного психолога: она является явным признаком школьной дезадаптации ученика и отрицательно влияет на все аспекты жизнедеятельности ребенка (обучение, общение, психосоматическое здоровье и собственно психологическое благополучие). Проблематика тревожности осложняется тем, что дети с выраженной тревожностью могут считаться прилежными учениками. Они послушны, старательны и неконфликтны. Однако причинами этого могут быть разнообразные школьные страхи. Тревожность сопровождает взаимодействие взрослых и с «трудными» детьми. Ученые отмечают, что единым синдромом тревожности может лежать в основе различных поведенческих проявлений обучающегося (Прихожан, 2009; Пшеничнова, 2015).

Проблемой нашего исследования стало выявление методов и приемов эффективной работы школьного психолога с младшими школьниками с повышенным уровнем тревожности. Цель исследования: разработать и апробировать психолого-педагогическую программу по снижению повышенного уровня тревожности у детей младшего школьного возраста.

Гипотеза нашего исследования: психолого-педагогическая работа с младшими школьниками с повышенным уровнем тревожности будет эффективной, если:

- будут учитываться возрастные и индивидуальные особенности младших школьников;
- в психолого-педагогическую работу будут включены активные методы обучения (поисковые методы, групповые дискуссии, игровой метод, беседы); тематические релаксации; коррекционные (психологические игры — упражнения); психогимнастика; самовыражение в рисунках; самовнушение; рефлексия;

- работа будет направлена на снижение эмоционального напряжения через создание положительного эмоционального настроения и атмосферы «безопасности» в классе, развитие коммуникативных навыков, повышение уровня школьной мотивации, развитие внутренней активности детей.

Работа школьного психолога по коррекции повышенного уровня тревожности у детей младшего школьного возраста должна иметь принцип комплексного подхода (Микляева, 2008). Коррекционная работа будет эффективной лишь при совместной работе психолога, педагога и родителей. Психокоррекционная работа, связанная с тревожностью, должна вестись в таких взаимосвязанных направлениях, как: психологическое просвещение родителей, психологическое просвещение педагогов, обучение родителей конкретным способам преодоления повышенной тревожности у детей, непосредственная работа с детьми, ориентированная на выработку и укрепление уверенности в себе, собственных критериев успешности, умение вести себя в трудных ситуациях, ситуациях неуспеха. В основе психокоррекции тревожности детей лежит личностно-ориентированный подход. Главная цель такой работы – не избавить ребенка от всех тревог, а научить его разбираться в причинах своих переживаний, не впадать в отчаяние в сложных ситуациях, а искать и находить решение задач, которые будет ставить перед ним жизнь.

Исследование школьной тревожности у детей младшего школьного возраста проводилось в Муниципальном общеобразовательном учреждении «Средняя общеобразовательная школа № 7» г. Шуя Ивановской области. Выборочную совокупность составили обучающиеся двух вторых классов в количестве 51 человека. В ходе диагностики использовались следующие методики: методика «Метод экспертных опросов педагогов и родителей учащихся»; проективные рисунки как средство диагностики школьной тревожности; методика «Незаконченные предложения»; методика «Сказка» (В. А. Корневская); диагностика тревожности детей младшего школьного возраста (Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен).

По результатам диагностики у обучающихся в обоих классах выявлены симптомы тревожности, проявляющиеся во взаимодействии с учителями и родителями. Однако для 37% школьников характерна повышенная тревожность, которая проявляется в ряде симптомов. Эти школьники выражают нежелание ходить в школу, плохая оценка вызывает у них сильные эмоции, иногда слезы; если

задание им кажется слишком сложным, они могут его не доделать; проявляется раздражительность, они легко «заводятся» при разговоре о школе; на уроках рассеяны, отвечают тихо, иногда с вопросительными интонациями; для них характерна обеспокоенность перед контрольными работами; при ответе у доски теряются, не могут продемонстрировать все свои знания. Для проведения экспериментальной работы выборочная совокупность была разделена на контрольную и экспериментальную группы. Математическая обработка результатов диагностики по U-критерию Манна–Уитни показала отсутствие значимых различий между контрольной и экспериментальной группами ($U_{Эмп} = 14$ при $3 \leq U_{кр} \leq 7$).

Разработанная нами психолого-педагогическая программа направлена на повышение уверенности в себе и эмоциональной устойчивости у второклассников путем снятия эмоционального и телесного напряжения. Форма работы – групповая. Основные методы: активные методы обучения (поисковые методы, групповые дискуссии), игровой метод, беседы; тематические релаксации; коррекционные (психологические игры-упражнения); психогимнастика; самовыражение в рисунках; самовнушение; рефлексия. Психотерапевтические приемы: включение в ситуацию переживания отрицательных эмоций, снятие и уменьшение социальных страхов.

На занятиях с психологом ребята учились отвечать на вопросы и делать выводы, обобщать, анализировать и логически рассуждать. По каждой теме шел тренинг, релаксация, использовались приемы самовнушения. Для нас было важно помочь ребятам чувствовать себя свободно и раскованно. Ребята не только слушали и отвечали на вопросы психолога, но и, что самое главное, общались между собой.

Для снятия повышенной напряженности использовались традиционные приемы: например, «Щит»: взрослый или другой ребенок держит щит, в который можно стучать игрушечным мячом, бить кулаком и т. п. Кроме того, для снятия излишнего напряжения использовался следующий прием: изо всех сил сжать и разжать кисти рук.

Для развития положительной мотивации использовались следующие приемы. Например, «я не могу – я могу – я смог». Если ученик отказывался от выполнения какого-либо задания, говоря, что он наверняка с ним не справится, психолог просит его представить себе и изобразить другого ребенка, который знает намного меньше, чем он. Затем просит представить и изобразить такого ребенка, который наверняка сумеет справиться с заданием. При этом дети обычно убеждались, что они достаточно далеко продвинулись от полного неумения

и могут, если попробуют, продвинуться еще дальше. Затем ребенок кладет кисти рук на открытые ладони взрослого, и весь класс произносит волшебное заклинание: «Я не могу...», — и школьник говорит, что для него трудно в задании, что он может сделать, сколь бы мало это ему не казалось, пусть даже просто повторить; «Я смог...», — отвечает, как он сможет выполнить задание, если приложит все усилия. Правильность или неправильность не комментируется, подчеркивается только, что каждый что-то не умеет, чего-то не может, и каждый сумеет, если захочет, добиться продвижения вперед.

В ходе занятий нами поощрялись и поддерживались попытки второклассников овладеть своим поведением, объяснить свою позицию, внимание к тому, что ребенок делает, думает и чувствует сам, и что делают, думают и чувствуют другие. Мы обращали внимание на развитие у ребенка в соответствии с возрастными возможностями способности дать отчет в своих чувствах и переживаниях. Поощряли выражение уверенности, частое употребление местоимения Я.

В реализации данной программы активное участие принимали родители учеников. Мы использовали разнообразные формы: индивидуальные и групповые беседы, консультации, практикум. Родители в ходе реализации программы повышали свою психолого-педагогическую компетентность: мы рассказывали о возрастных особенностях второклассников, об уровне тревожности, характерном для их класса, причинах повышенной тревожности, учили родителей организовывать позитивное взаимодействие с детьми.

Для снижения школьной тревожности детей важно не только специально организованное воздействие на школьников, но и психологическое просвещение педагогов с целью ознакомления их со способами правильного общения с детьми, оказания психологической поддержки. Педагогам предлагалась методика экспертных оценок проявления школьной тревожности в поведении учащегося, а также описывались способы оказания психологической поддержки и помощи высоко тревожным детям.

Повторная диагностика обучающихся показала положительные изменения по всем критериям у испытуемых экспериментальной группы, симптомы тревожности существенно снизились. Применение U-критерия Манна–Уитни показало наличие значимых различий между контрольной и экспериментальной группами ($U_{Эмп} = 2,3$ при $3 \leq U_{Кр} \leq 7$).

Таким образом, реализованная нами программа коррекции тревожности младших школьников показала свою эффективность, гипотеза исследования подтвердилась.

Литература

- Микляева А. В., Румянцева П. В.* Развивающая работа психолога с детьми с высоким уровнем школьной тревожности // Педагогическая диагностика. 2006. № 5. С. 106–113.
- Прихожан А. М.* Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт, 2009.
- Пшеничнова И. В.* Выявление и анализ проблем учащихся с трудностями в обучении // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5. С. 240–241.

Влияние расположения периферийных стимулов на выраженность симуляторного расстройства при восприятии движущихся паттернов

А. Р. Рахимова (Ташкент, Узбекистан)

Разработка усовершенствованных технологий виртуальной реальности (VR) и применение их в научно-прикладных и развлекательных целях привело к появлению негативных последствий в виде дискомфортных ощущений, возникающих у человека при погружении в виртуальную среду. К данным дискомфортным ощущениям относится укачивание, которое характеризуется проявлениями головокружения, потери ориентации в пространстве, сложности концентрации, тошноты и т. д. Для описания субъективной степени укачивания, возникающего у человека, при взаимодействии с системой VR, был введен термин «симуляторное расстройство» (Griffin, 2012).

Изучение психофизиологических механизмов возникновения и интенсивности переживания симуляторного расстройства является актуальной задачей для современной психологии (Ковалев и др., 2015). За время исследования этого феномена были предложены различные теории, объясняющие причины его возникновения. Наиболее влиятельными из них являются теория сенсорного конфликта и глазодвигательная теория, согласно которым важную роль в формировании симуляторного расстройства играет периферическое зрение пользователя. Можно предположить наличие особого конструкта восприятия движения, в который вносит свой вклад субъективная система отсчета, обуславливая степень выраженности симуляторного расстройства. В современной психологии под субъективной сис-

темой отсчета понимается неподвижная основа (тело отсчета), локализуемая в пространстве, по отношению к которой рассматривается движение и восприятие контекстной информации (Величковский, 2006). Как правило, системой отсчета выступает периферическое окружение (фон, который представляет собой неподвижную среду).

Гипотеза

Мы предполагаем, что различное размещение периферийных стимулов (внутри и вовне поля с движущимся паттерном) будет инициировать различную степень выраженности симуляторного расстройств, что может быть связано с различной локализацией субъективной системы отсчета.

Методика

Выборка

В эксперименте приняли участие 35 человек (18 женщин и 17 мужчин) в возрасте от 14 до 45 лет ($M = 24,46$, $\sigma = 8,507$). Все респонденты имели нормальное или скорректированное до нормального зрение, обладали правильным зрительным восприятием предметных цветов, а также не имели травм головного мозга и заболеваний вестибулярного аппарата.

Процедура

В эксперименте использовалась методика двойной задачи. Основная задача участника – отслеживание смены формы центральной фигуры, дополнительная – реакция на включение красного сигнала на периферии. Для инспирирования симуляторного расстройства использовался монитор с движущимися стимулами, на фоне которых предъявлялась основная задача. Процедура эксперимента подразумевала два условия предъявления стимулов дополнительной задачи – внутриэкранное и внешнеэкранное. Каждый участник дважды проходил исследование (по одному разу каждое условие) с интервалом в один день. Каждое условие состояло из трех последовательных серий, в процессе которых испытуемый наблюдал стимуляцию в течение 2 минут. Интервал между сериями также составлял 2 минуты. Во всех условиях предъявления стимуляции испытуемый находился в сидячем положении на расстоянии 30 см, от монитора компьютера.

Наряду с замерах времени реакции испытуемого на смену основного и включение дополнительного стимулов, перед началом первой серии и по истечению каждой последующей серии произ-

водился замер частоты сердцебиения, психомоторной активности и скорости мыслительных операций. Для измерения частоты сердцебиения использовался пульсоксиметр. Для фиксации психомоторной активности применялась компьютеризированная экспресс-методика теппинг-теста, разработанная по методической модели Е. Ильина (Ильин, 2003). Замер скорости мыслительных операций проводился с помощью методики обратного счета с последующим вычитанием, разработанной по методической модели Л. Петерсона (Peterson, 1959).

Стимуляция и оборудование

Эксперимент проводился с применением созданной экспериментальной среды и программного продукта – оптического тренажера v. 2.2, разработанного на языке C++ с использованием модулей кроссплатформенного фреймворка Qt 5.9.11.

Визуальная стимуляция представляет собой монитор с движущимися слева направо с постоянной скоростью (70 пикселей/с) черно-белыми вертикальными полосами (ширина 11 мм) с небольшой степенью размытия (около 2%). В центре монитора расположен основной стимул – посменно изменяющая форму (треугольник или круг) фигура. Временные интервалы смены формы составляют 2, 5 или 8 секунд, их общее количество в серии 25. На периферии зрительного поля предъявлялись дополнительные стимулы – загорающиеся цветные (красные или зеленые) кружки. При условии внутриэкранной стимуляции стимулы-кружки предъявлялись на экране монитора на фоне движущихся полос. При внешнеэкранной стимуляции предъявление осуществлялось вне экспериментального экрана с помощью специальной рамки со светодиодами на фоне стабильного окружения. Время демонстрации дополнительных стимулов 500 мс с интервалом 2000 мс одинаково для двух условий эксперимента. Их появление сбалансированно таким образом, что каждый цвет стимуляции (зеленый/красный) предъявляется испытуемому по 6 раз за серию в каждом углу монитора в псевдослучайном порядке.

Результаты

Полученные данные были проанализированы методом дисперсионного анализа с повторными измерениями. Для проверки надежности-согласованности данных был рассчитан коэффициент альфа Кронбаха. В качестве независимых переменных выступили внутри- и внешнеэкранное условия эксперимента. Зависимыми переменными являются показатели выраженности симуляторного расстройст-

ва: время реакции на основной и дополнительный стимулы, частота сердцебиения; показатель психомоторной активности (количество нажатий в теппинг-тесте); скорость мыслительных операций (количество правильно названных цифр в числовой последовательности).

В результате было обнаружено, что выраженность симуляторного расстройства в двух условиях экспериментального исследования значимо различается. Так, в условиях внутриэкранной стимуляции наблюдалось: возрастание времени реакции на основной ($p < 0,005$) и дополнительный стимулы ($p < 0,005$); повышение частоты сердцебиения ($p < 0,005$); снижение психомоторных показателей ($p < 0,005$) и скорости мыслительных процессов ($p < 0,005$) от серии к серии. Полуструктурированное интервью выявило у большинства испытуемых объективные симптомы симуляторного расстройства (головокружения, потери ориентации в пространстве, сложности концентрации, чувство тошноты и т.д.). При внешнеэкранной стимуляции, степень проявления симуляторного расстройства была значительно меньше ($p > 0,005$), выраженного изменения показателей не происходило ($p > 0,005$). Разработанная экспериментальная среда, программное обеспечение и подобранный методический аппарат оказались надежными и действенными (α Кронбаха более 0,70) для инспирирования и оценки симуляторного расстройства.

Выводы

Было обнаружено, что выраженность симуляторного расстройства зависит от расположения периферийных стимулов дополнительной задачи, что является подтверждением основной гипотезы исследования. Вероятно, при их размещении на фоне движущегося паттерна субъективная система отсчета локализуется в пределах экрана, что ведет к возникновению более выраженной степени симуляторного расстройства, задержке времени реакции, повышению частоты сердцебиения, снижению психомоторных показателей и скорости мыслительных операций. Привязка субъективной системы отсчета к стимулам, локализуемым вне экспериментального экрана на фоне неподвижного окружения, ведет к стабилизации выраженности симуляторного расстройства.

Таким образом, полученные результаты исследования могут быть использованы как основа для проектирования мультимодальных и многопользовательских компьютерных программ и систем виртуальной реальности. Разработанная авторская методика, предназначенная для инспирирования симуляторного расстройства, может стать практическим приложением в вопросах оценки выраженнос-

ти дискомфортных симптомов, возникающих при работе пользователя с компьютерным обеспечением.

Литература

- Величковский Б. М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. Т. 1. М.: Смысл—Академия, 2006.
- Ильин Е. П.* Психомоторная организация человека. СПб.: Питер, 2003.
- Ковалев А. И., Меньшикова Г. Я.* Векция в виртуальных средах: психологические и психофизиологические механизмы формирования // Национальный психологический журнал. 2015. № 4 (20). С. 91–104.
- Griffin M.* Handbook of Human Vibration. Academics Press, 2012.
- Peterson L. R., Peterson M. J.* Short-term retention of individual verbal items // Journal of Experimental Psychology. 1959. V. 58. P. 193–198.

О возможностях эмпирического исследования переживания опыта гендерного насилия подростками с различными психическими расстройствами

С. Э. Рётса (Москва)

Гендерное насилие (ГН) является системной формой насилия, направленной на человека в связи с его гендерной и/или половой принадлежностью. Оно воздействует как на психическое и психологическое состояние отдельного человека, так и на состояние общественное (Клецина, 2009; Лактионова, 2011). ГН оказывает психотравмирующее воздействие на психику и пострадавшего, и применителя. Особенно сензитивны в этом отношении подростки, у которых, к тому же, с большой вероятностью могут актуализироваться и ранние детские травмы.

Под *переживанием* мы понимаем здесь отражение в сознании подростка эмоциональных феноменов, связанных с опытом ГН.

Психические расстройства искажают процессы протекания психической деятельности, несмотря на то, что ее механизмы универсальны для нормы и патологии. Восприятие и переживание травмирующих событий людьми с психическими расстройствами и без них могут значительно различаться, что определяет специфику методов необходимой психологической помощи. В современной психологии существуют исследования влияния ГН, пережитого в детском и подростковом возрасте, на развитие психических расстройств (Бадмаева, 2009). Однако наблюдается недостаток исследований особенностей

переживания такого опыта людьми с психическими расстройствами (как уже имевшимися на момент ГН, так и проявившимися позже). Это затрудняет возможность оказания данной целевой группе эффективной психологической помощи.

Вышесказанное делает *актуальным* выявление и описание особенностей переживания опыта различных форм гендерного насилия подростками с различными психическими заболеваниями и без них. Получение таких данных уточнило бы перспективы реабилитации психически больных подростков, пострадавших от тяжелых форм ГН.

Цель исследования: Выявление психологических закономерностей и механизмов переживания опыта ГН в условиях психического заболевания.

Задачи:

1. Сравнение распространенности опыта ГН среди подростков с различными психическими расстройствами и без таковых;
2. Выявление и классификация особенностей переживания опыта ГН подростками с психическими расстройствами в сопоставлении с психически здоровыми сверстниками;
3. Выявление особенностей переживания опыта ГН подростками с психическими расстройствами, возникшими до и после ситуации ГН;
4. Определение психотерапевтического потенциала диагностического процесса при оценке переживания подростками опыта ГН.

Размышляя о возможной гипотезе исследования, можно предположить существование как универсальных механизмов переживания опыта ГН для нормы и патологии, так и различий, определяющихся в первую очередь интенсивностью переживаний. Мы учитываем, что опыт ГН как травматический стрессор может провоцировать развитие психогенных расстройств (Гурьева, 1997), но возможно и столкновение с ГН на фоне уже имеющегося психического заболевания. В последнем случае подросткам будут присущи внешнее равнодушие, игнорирование случившегося или, наоборот, сверхострое переживание вины и беспомощности (Морозова, 2003).

В выборку войдут лица в возрасте 15–17 лет с психическими расстройствами, нарушающими социальную адаптацию и в некоторой мере искажающими процессы мышления, но не сопряженные с интеллектуальным снижением и выраженным эмоционально-волевым дефектом. В частности, нас будут интересовать расстройства личности, пищевого поведения, аффективной сферы.

Для диагностики переживания опыта ГН будут использованы тестовый и проективный методы:

- Шкала клинической диагностики ПТСР (для оценки травматического воздействия ГН);
- Методика «Линия жизни» в модификации, отвечающей специфике темы и выборки (для выявления конкретных ситуаций ГН в жизни испытуемого, определения субъективной оценки значимости этого события и связанных с ним эмоциональных переживаний).
- Методика «Идентификация ситуаций гендерного насилия», составленная нами специально для оценки качественных особенностей идентификации и толкования ситуаций ГН испытуемыми (Ретя, Луковцева, 2019).

Учитывая, что обращение к травматическому опыту трудоемко и эмоционально небезопасно для испытуемого, особое внимание будет обращено на психотерапевтическую составляющую диагностики.

Литература

- Бадмаева В. Д.* Последствия сексуального насилия у детей и подростков // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2009. Т. 109. № 12. С. 34–37.
- Гурьева В. А.* Психогенные расстройства у детей и подростков. М.: Крон-пресс, 1996.
- Лактионова М. А.* Гендерное насилие как междисциплинарная проблема // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2011. № 1. С. 97–106.
- Морозова Н. Б.* Психические расстройства и их роль в виктимном поведении детей и подростков. М.: Просвещение, 2003.
- Ретя С. Э., Луковцева З. В.* Отрицание гендерного насилия: введение в проблему // Психология и право. 2019. Т. 9. № 1. С. 85–95.

Ближайшее окружение как фактор психологического отношения к табакокурению

С. А. Решетко (Москва)

Табакокурение остается одной из самых распространенных пагубных привычек. Согласно данным Росстата число курильщиков в России составляет почти четверть россиян. Несмотря на активные меры государства по пропаганде здорового образа жизни

число курящих россиян все равно остается достаточно высоким. Совместно с Всемирной организацией здравоохранения в рамках предупреждения распространения курения проводятся профилактически программы. На федеральном уровне принят Федеральный закон № 15-ФЗ «Об охране здоровья граждан...», ограничивающий курение в общественных местах. Исследования табакокурения можно разделить на три уровня изучения: макро- и микросоциальный, личностный уровни (Решетко, Багратиони, 2015; Хромова, 2011). На макросоциальном уровне внимание уделяется изучению эффективности государственных мер и рекламы на приобщение или отвержение курения. На микросоциальном уровне основное внимание сосредоточено на изучении влияния ближайшего социального окружения. На личностном — рассматриваются индивидуально-личностные особенности человека, которые могут повлиять на решение человека начать курить. Например, среди личностных особенностей выделяют конформность и низкую самооценку, в ситуации нахождения в компании курящих друзей люди с данными характеристиками более вероятно последуют примеру курящих друзей и также начнут курить.

Поскольку во многих исследованиях микросоциального уровня внимание уделяется изучению влияния семьи, либо друзей, то это поставило задачу рассмотреть влияние этих двух факторов совместно. Кроме того, является важным рассмотреть и изучить данные показатели как факторы психологического отношения к табакокурению. Феномен «психологическое отношение» имеет четырехкомпонентную структуру (Позняков, 2012):

- когнитивный компонент: знания о предмете отношения, в рамках данного исследования знания о вреде курения для организма;
- эмоциональный компонент: эмоции относительно курения;
- ценностный компонент: место объекта отношения в системе ценностей человека, в рамках исследования рассматривались преимущества отказа от курения, т. е. оценивание важности отказа;
- поведенческий компонент: предсказание и готовность к определенному поведению в отношении курения.

Для решения поставленной задачи было проведено эмпирическое исследование (Позняков, Решетко, 2015). Общая выборка составила 303 человека и включала как курящих (100 чел.), никогда не куривших (102 чел.) и бросивших курить (101 чел.) респондентов. Для исследования социально-психологических характеристик родительской семьи была использована методика «Шкала семейного окружения»

в адаптации С. Ю. Куприянова, позволяющая оценить такие показатели как отношения между членами семьи, показатели личностного роста и управления семейной системой. Для изучения психологического отношения к табакокурению и отношений с друзьями была использована авторская анкета «Психологическое отношение к табакокурению». Авторская анкета была апробирована. Для оценки компонентов психологического отношения и степени влияния друзей и родителей на принятие решений была использована шкала Лайкерта.

Для выявления факторов психологического отношения к табакокурению был использован множественный регрессионный анализ. По результатам анализа важными оказались социально-психологические характеристики родительской семьи. В то время как курение лучшего друга в данном исследовании не было статистически определено как фактор. Однако значимой оказалась оценка влияния друзей на принятие решения относительно курения. Данный факт можно объяснить возрастными особенностями респондентов. В юношеском возрасте уже не так сильно проявляется следование за референтной группой. Стоит обратить внимание, что среди социально-психологических характеристик родительской семьи важными оказались следующие: сплоченность, ориентация на активный отдых, ориентация на достижения, экспрессивность, организация.

Оценка влияния родителей на формирование психологического отношения к табакокурению оценивается респондентами как на уровне тенденции при ответах на вопрос, так и на статистическом уровне. Некурящие респонденты склонны более высоко оценивать мнение родителей и прислушиваться к их позиции. В то время как курящие и бросившие курить не так высоко оценивают влияние родителей, а в ряде случаев идут наперекор их мнению. Некурящие респонденты более высоко оценивали уровень сплоченности внутри родительской семьи, в то время как курящие и бросившие курить оценивают свою семью как менее сплоченную. На важную роль семьи на формирование отношений к окружающей действительности указывал В. Н. Мясищев. Он подчеркивал, что первые шаги своего развития у ребенка происходят чаще в родительской семье, и уже позже ребенок расширяет круг общественных связей.

Согласно полученным данным не только отношения внутри семьи оказывают влияние на формирование психологического отношения к табакокурению, но и факт курения одного из родителей. Полученный результат согласуется с данными возрастной психологии, где родитель в первую очередь выступает образцом для подражания.

С ценностным компонентом психологического отношения положительно коррелируют такие социально-психологические показатели внутри семьи как экспрессивность и организация. Обращает на себя внимание тот факт, что чем выше респондент оценивает экспрессивность внутри семьи, тем более нейтрально у него отношение к курению. В семьях, где свободное выражение собственных эмоций и чувств не разрешено в полной мере, более вероятно, что человеку для того, чтобы справиться с эмоциями необходимо будет выкурить сигарету. Высокий уровень организованности внутри семьи (понимание семейных правил и ценностей, финансовое планирование) положительно связано с негативным оцениванием курения. В семейной психологии стереотипы взаимодействия или по-другому организация является важным показателем семейной системы. С учетом специфики взаимоотношений в семье А.Я. Варга выделяет разные типы дисфункциональных семейных отношений: симбиотические, дистантные, эмоциональный разрыв, конфликтные и амбивалентные отношения. Данные типы семей в отличие от гармоничных отличает небольшой выбор вариантов поведения. Достаточно часто в таких семьях ребенок воспринимает себя фрагментарно, разделяет то, за что его можно любить, а за что – нет.

В дисфункциональных семьях родители транслируют ребенку посыл, что «мир жесток» и «опасности повсюду», что в конечном итоге, по мнению когнитивно-поведенческого психотерапевта Р. Лихи, приводит к развитию тревожности, а в крайнем варианте к генерализованному тревожному расстройству. Пребывание в постоянном ожидании неприятностей в конечном итоге приводит к постоянному напряжению и неспособности расслабиться. Часто из-за постоянных переживаний человек может переесть, лишиться сна, начать употреблять алкоголь или начать курить. При этом данные способы «совладания со стрессом» не являются эффективными, они отодвигают тревожные мысли на время, однако достаточно быстро формируется связь между тревожным состоянием и, например, курением. Таким образом, в негармоничных семьях наблюдается повышенная тревожность, снятие которой подчас происходит через приобретение к ПАВ.

В результате проведенного эмпирического исследования факторов психологического отношения к курению значимым оказался фактор родительской семьи, в то время как курение лучшего друга не оказалось значимым на статистическом уровне. При этом никогда не курившие респонденты оценивали свои семьи как более гармо-

нические, где выражение своих эмоций и чувств не находится под запретом. Полученные результаты позволяют говорить о том, что среди ближайшего окружения более значимым является семья. Однако немаловажным является рассмотрение индивидуально-личностных особенностей самого человека, поскольку целостное рассмотрение факторов психологического отношения к курению позволит составить полную картину.

Литература

- Позняков В. П.* Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 5. С. 5–15.
- Позняков В. П., Решетко С. А.* Программа исследования типов психологического отношения к табакокурению (на примере некурящих представителей молодежи) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 2. С. 270–276.
- Решетко С. А., Багратиони К. А.* Современное состояние психологических исследований проблемы табакокурения // Мир психологии. 2015. № 2. С. 278–286.
- Хромова В. Л.* Межгрупповые различия в отношении к табакокурению: на примере курящих и некурящих мужчин и женщин: Дис. ... канд. псих. наук. М., 2011.

Особенности электрической активности головного мозга при извлечении информации о цвете и форме из рабочей памяти*

А. О. Рогачёв, С. А. Козловский (Москва)

В настоящее время нет единой точки зрения о роли областей мозга в процессе извлечения информации о цвете и форме из зрительной рабочей памяти (ЗРП). Также существуют противоречивые данные о том обрабатывается ли информация о форме и цвете воспринимаемых и удерживаемых в памяти объектов параллельно или последовательно. Кроме того, имеется методическая проблема интерпретации результатов: часто при проведении экспериментов используется легковербализуемый стимульный материал (основные геометрические фигуры и цвета из основной палитры), поэто-

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 19-18-00474.

му возникает вопрос – насколько получаемые данные соответствуют именно зрительной рабочей памяти, а не процессам вербального перекодирования?

Методика исследования

Испытуемые

В эксперименте приняло участие 22 человека – 13 женщин и 9 мужчин. Средний возраст – 19,6 лет; стандартное отклонение 1,84. Все испытуемые праворукие, с нормальным или скорректированным зрением.

Методы

Производилась регистрация электроэнцефалограммы (ЭЭГ) на 19-канальный энцефалограф «Нейро-КМ». Для регистрации ЭЭГ и выделения вызванных потенциалов (ВП) использовалось программное обеспечение Brainsys. Расчет и локализация источников активности головного мозга проводилась в программе Brainstorm (Tadel et al., 2011) с помощью алгоритма dSPM (Dale et al., 2000). Для локализации источников мозговой активности мы воспользовались атласом зрительной коры, предложенным Wang et al. (2014), адаптировав его для использования в программе Brainstorm.

Стимульный материал представлял собой два типа стимулов. Стимулы первой группы – «одиночные стимулы» – представляли собой фигуры сложной формы наподобие кляксы, окрашенные в трудновербализуемый цвет. Каждая фигура размещалась в центре изображения на черном фоне. Угловой размер стимула по вертикали – $7,4^\circ$, по горизонтали – $15,2^\circ$. Стимулы второй группы – «матрицы» – представляли собой наборы из четырех фигур (2×2) первой группы.

Схема эксперимента

В начале эксперимента проводились две контрольные серии. В каждой из них испытуемому на 400 мс предъявлялись «одиночные стимулы» и «матрицы» соответственно; пауза между предъявлениями – 900 мс. Ставилась задача подсчитать количество фигур, окрашенных в определенный цвет. Затем проводились три основные серии. На 400 мс предъявлялся «одиночный стимул»; после паузы в 900 мс предъявлялась «матрица» (также на 900 мс), причем одна из фигур в «матрице» совпадала с предъявленной ранее. Требовалось запомнить либо форму, либо цвет, либо обе характеристики сразу, а затем с помощью клавиатуры выбрать нужную фигуру.

Результаты

В ходе эксперимента регистрировалось два показателя: время реакции — промежуток времени от предъявления «матрицы» до момента ответа, и зрительные ВП на предъявление «одиночных стимулов» и «матриц».

Время реакции

Мы усреднили время реакции в каждой из трех серий и получили три значения: 600 мс для серии «Форма», 483 мс для серии «Цвет» и 602 мс для серии «Форма + Цвет». Затем мы сравнили различия в трех экспериментальных сериях при помощи t-критерия для независимых выборок. Обнаружены статистически значимые различия между сериями «Форма» и «Цвет», а также «Форма + Цвет» и «Цвет» ($p < 0,001$).

Зрительные ВП и локализация источников мозговой активности

Для каждой из основных серий нами было получено по два усредненных вызванных потенциала: при предъявлении «одиночного стимула», что соответствует процессу запоминания, и при предъявлении «матрицы», что соответствует узнаванию и извлечению информации из зрительной рабочей памяти. В первом ВП, который связан с процессом сохранения зрительной характеристики в ЗРП, статистически значимые различия ($p < 0,05$) наблюдаются на латенциях 150–340 мс и 430–600 мс; во втором ВП (извлечение информации из ЗРП) — на латенциях 150–450 мс.

Расчет источников активности производился в программе Brainstorm (Tadel et al., 2011) с помощью алгоритма dSPM (Dale et al., 2000). Мы воспользовались атласом Wang et al., 2015, выбрав для анализа поля hV4, VO1, и РСС (posterior cingulate cortex — задняя цингулярная кора), так как их роли в процессе извлечения характеристик из ЗРП неоднозначны и изучены недостаточно хорошо.

В поле hV4 в левом полушарии наблюдается продолжительный пик активации — от 150 до 350 мс, в котором активность в контрольных сериях гораздо ниже, чем в экспериментальных. Также, в этой области на латенции 200 мс активность в сериях «Цвет» и «Форма + Цвет» выше, чем в серии «Форма».

Наблюдается высокая активность поля VO1 на латенции 200–400 мс в сериях «Форма» и «Форма + Цвет», тогда как активация в контрольной серии практически отсутствует.

В задней цингулярной коре в обоих полушариях наблюдается два пика активации — на 200 и 400 мс, причем высокая активность сохраняется до 600 мс.

Обсуждение результатов и выводы

Время реакции

Полученные данные свидетельствуют о том, что форма и цвет обрабатываются скорее всего параллельно – в противном случае среднее время ответа в серии «Форма + Цвет» должно быть выше, чем в двух других экспериментальных сериях. Следовательно, можно предположить, что в головном мозге существует две отдельные системы для работы с формой и цветом. Согласно литературным данным, поле hV4, помимо обработки цвета, специализируется также и на обработке формы объектов (напр.: Murphey et al., 2008). В таком случае логично предположить, что в одном поле локализованы сразу две системы для работы с двумя видами зрительных характеристик. Однако полученные нами данные свидетельствуют об обратном: активность в поле hV4 более выражена при обработке цвета, тогда как параллельно с ней наблюдается активность поля VO1.

Анализ источников мозговой активности

Для определения функциональной специализации областей зрительной коры головного мозга мы пользовались следующим принципом. Если в один момент времени наблюдается активация серий «Форма» и «Форма + Цвет», то в данный момент происходит обработка формы, так как в двух данных сериях необходимо узнавать форму. То же самое и с обработкой цвета – условием является одновременная активация в сериях «Цвет» и «Форма + Цвет», так как в обеих сериях нужно узнавать цвет. Таким образом, мы предполагаем, что на латенции 200–300 мс в поле hV4 происходит обработка цвета, а в поле VO1 – обработка сложной формы, что подтверждается полученными нами данными о параллельности обработки цвета и формы. Мы полагаем, что кластер VO холистически обрабатывает сложные и абстрактные формы (которые как раз использовались в качестве стимульного материала), не сводимые к простым геометрическим линиям. Этот процесс особенно важен для зрительного восприятия, так как в жизни чаще встречаются сложные по форме объекты, и для их восприятия необходимо не аналитическое выделение, а целостная, холистическая обработка.

Латенции пиков активации задней цингулярной коры связаны с процессом извлечения информации из ЗРП. Можно предположить, что задняя цингулярная кора является важным компонентом рабочей памяти, так как с ее активностью связан процесс отбора релевантной информации при извлечении характеристик объек-

та из ЗРП, что является развитием ранее предложенной гипотезы (Козловский и др., 2012).

Литература

- Козловский С. А., Величковский Б. Б., Вартанов А. В., Никонова Е. Ю., Величковский Б. М.* Роль областей цингулярной коры в функционировании памяти человека // Экспериментальная психология. 2012. № 5 (1). С. 12–22.
- Dale A. M.* Dynamic statistical parametric mapping: combining fMRI and MEG for high-resolution imaging of cortical activity // *Neuron*. 2000. Т. 26. № 1. P. 55–67.
- Murphey D. K., Yoshor D., Beauchamp M. S.* Perception matches selectivity in the human anterior color center // *Current Biology*. 2008. V. 18. № 3. P. 216–220.
- Tadel F.* Brainstorm: a user-friendly application for MEG/EEG analysis // *Computational intelligence and neuroscience*. 2011. V. 2011. P. 8.
- Wang L.* Probabilistic maps of visual topography in human cortex // *Cerebral cortex*. 2014. V. 25. № 10. P. 3911–3931.

Сравнение эффективности обучения с использованием виртуальной реальности и традиционных методов обучения*

Ю. А. Роголева (Москва)

Современная социальная парадигма предполагает использование цифровых технологий для повышения эффективности интеллектуальной деятельности человека и совершенствования приобретенных знаний. Радикальный сдвиг в концепциях информационных технологий наблюдается во многих сферах жизнедеятельности человека. Глобальные проблемы информатизации коснулись и образовательной среды.

Основная проблема современной системы образования заключается в активном использовании информационно-коммуникативных технологий. Компоненты интерактивного процесса обучения, а также возможности оперативной корректировки обучающих воздействий составляют базу новой цифровой эпохи. Современные информационные технологии предлагают новую образовательную среду – виртуальную реальность.

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-29-22049.

Технологии виртуальной реальности (VR) позволяют пользователям получать много визуальной информации за короткое время, и это является важной особенностью для использования VR в образовании. Использование виртуальной реальности в качестве инструмента совершенствования процессов обучения является открытым вопросом. Несмотря на наличие ряда исследований, посвященных оценке эффективности применения виртуальной реальности в образовательном процессе, однозначных выводов по данной проблеме нет. Исследование было направлено на оценку эффективности VR в изучении ранее неизвестной информации.

Методика

Стимуляция

В качестве стимуляции выступали учебные материалы, изложенные на английском языке в разных форматах: три текста, три двумерных видеоряда, три среды виртуальной реальности. Данные материалы были специально отобраны из библиотек обучающей продукции английскому языку, подвержены экспертизе со стороны носителей языка и оценены как не содержащие фактических и грамматических ошибок. Вся стимуляция была эквивалентна по количеству информации.

Выборка

В исследовании приняли участие 29 испытуемых (22 женщины и 7 мужчин) в возрасте от 18 до 27 лет. Все испытуемые являются студентами Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, которые прошли профессионально-экспертную комиссию перед поступлением в высшее учебное заведение. По предварительному опросу было выявлено, что 75,86% испытуемых имеют опыт использования виртуальной реальности, включая компьютерные игры.

Оборудование

В условиях VR симуляция была предъявлена с помощью системы Samsung Gear VR, которая представляет собой реализацию шлема виртуальной реальности на базе смартфона Samsung Galaxy S8+. Для предъявления стимуляции в формате 2D-видео использовался планшетный компьютер Apple iPad Pro.

Процедура предъявления стимуляции

Предварительно каждому участнику исследования предлагались: тест «Straightforward Quick Placement & Diagnostic test» на уровень

английского языка; опрос на предмет опыта использования систем виртуальной реальности ранее; тест на определение уровня базовых знаний, релевантных материалу, представленному к усвоению. Для исследования отбирались испытуемые с «пороговым» или средним уровнем английского языка (Threshold or Intermediate).

Каждому испытуемому стимуляция предъявлялась последовательно в псевдорандомизированном порядке. После изучения учебного материала испытуемые отвечали на тестовые вопросы с целью проверки усвоенных знаний. Каждый тест содержал в себе вопросы с одним вариантом ответа и вопросы типа True/False.

Результаты

Количество правильных ответов значимо изменялось от исходного после сеанса обучения только в условиях «текст» ($t = 4,4$, $p < 0,001$) и «VR» ($t = 3,7$, $p < 0,001$). Количество правильных ответов увеличилось и значительно отличалось между «VR» и «2D» ($t = 0,398$, $p < 0,001$), «текст» и «2D» ($t = 0,29$, $p < 0,001$). Была также рассмотрена корреляция между базовым уровнем знаний и преимуществом обучения, полученным после каждой учебной сессии. Обнаружена незначимая корреляция после прочтения текста ($r = 0,120$, $p = 0,536$) и погружением в VR ($r = -0,34$, $p = 0,863$). При этом для ситуации просмотра двумерного видеоряда обнаружена значимая корреляция ($r = 0,41$, $p = 0,027$). Таким образом, было получено, что текст и VR более эффективны для изучения, чем 2D-видео.

Обсуждение результатов

В настоящем исследовании было изучено влияние различных форм представления учебного материала на эффективность его воспроизведения. Наибольший прирост знаний наблюдался у испытуемых после прочтения текста и просмотра обучающего видео в формате виртуальной реальности. Обучение с использованием двумерного видеоряда оказалось менее эффективным, чем чтение текстов.

Предположительно, что основными причинами полученных результатов являются особенности работы с текстовыми документами, изложенными на иностранном языке. Задача обучающегося при чтении иностранного текста состоит в том, чтобы понять сам текст, который включает в себя два уровня обучения: понимание отдельных словарных предметов и общее понимание текста. В процессе обработки вербальная информация кодируется в словесных кодах, зависящих от модальности. Когда информация представлена визуально, в виде напечатанного текста как в проведенном исследовании.

довании, кодирование происходит с использованием системы лингвистических символов. Визуальная информация кодируется в виде статичных или динамичных картинок, которые являются воображаемыми представлениями воспринимаемого материала (Clark et al., 1991).

Одной из вероятных причин полученных результатов является особенности когнитивной нагрузки, которая налагается на ученика при использовании мультимедийной информации для обучения, и ограниченные возможности обработки рабочей памяти человека (Baddeley, 1986; Chandler et al., 1991). Визуальное представление информации является иллюстрацией словесного объяснения, но не единственным источником значения слова. Учащиеся, использующие как визуальные, так и вербальные инструменты обучения, не вкладывают большой объем когнитивных ресурсов для обработки визуальной информации. Из этого следует, что количество когнитивной нагрузки уменьшается благодаря доступности словесной информации, что приводит к высокому уровню понимания.

Заключение

Усовершенствование системы образования – главная задача современности. На базе учебных заведений общего образования, образовательных организаций высшего и профессионального образования активно проходит апробация информационных технологий, в том числе и технологий виртуальной реальности. Данное исследование обосновывает рекомендации по внедрению виртуальной реальности в учебную практику. Однако следует принимать во внимание динамические параметры данной технологии. Использование VR в отрыве от традиционных методов обучения может быть эффективным на начальных этапах обучения. Для увеличения продуктивности учебной деятельности следует совмещать традиционные методы обучения и виртуальную реальность.

Внедрение систем виртуальной реальности в образование не будет оправдано без детального изучения эффекта использования VR в качестве средства обучения. Было бы преждевременным давать широкие рекомендации относительно использования VR. Для совершенствования и последующего внедрения новых технологий необходимы систематические исследования с двух точек зрения: с позиции тех, кто учится, и с позиции тех, кто преподает, а также теоретический анализ уже имевшихся исследований. Необходимо знать способы полноценного использования всех функций VR для поддержки различных задач обучения. Такой подход к вопросам внедрения

информационных технологий будет способствовать развитию и усовершенствованию системы образования.

Литература

- Baddeley A. D.* Working memory. Oxford: Oxford University Press, 1986.
- Chandler P., Sweller J.* Cognitive load theory and the format of instruction // *Cognition and Instruction*. 1991. № 8 (4). P. 293–332.
- Clark J., Paivio A.* Dual coding theory and education // *Educational Psychology Review*. 1991. V. 3. № 3. P. 149–170.

Особенности личной ответственности у приемных и кровных родителей

Е. В. Сафонова (Москва)

В настоящее время проблема ответственности актуальна, как никогда. Мы сталкиваемся с ней изо дня в день, принимая те или иные решения. И результат этих решений во многом зависит от того, к какой категории людей мы себя относим — к тем, кто качественно, добросовестно выполняет свою работу, стремится достичь поставленной цели, или к тем, кто халатно относится к выполнению своих обязанностей, безответственно принимает решения и идет на риск.

В данной работе будут представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение личной ответственности у приемных и кровных родителей.

Семья — это такой «маленький мир», в котором комфортно себя чувствуешь, в нем всегда можно найти поддержку, обрести защиту, это мир, в котором царит любовь, гармония и взаимопонимание. Для ребенка, семья — это когда есть мама и папа. Они его любят, воспитывают, заботятся о нем, и всё свое свободное время стараются провести со своим чадом. В нашем мире помимо кровных семей, есть еще приемные семьи. Приемная семья, как и кровная — это малая ячейка общества, благодаря которой происходит формирование ценностей, норм, правил, семья помогает ребенку пройти стадию социализации и адаптации в обществе.

Профессиональная деятельность замещающего родителя во многом зависит от его личностных качеств, норм, ценностей, интересов. Все эти характеристики складываются в единую систему отношений, которая затем влияет на процесс адаптации ребенка в приемной семье (Алдашева, Сиваш, Понамарева, 2017).

По словам Д. А. Леонтьева, ответственность зрелой личности, — это внутренняя регуляция, опосредованная ценностными ориентациями (Леонтьев, 1993).

Анализ литературы позволяет выделить два варианта понимания ответственности — внутренней и внешней. Внешняя ответственность — «за других» людей, животных, события и т. д., внутренняя же — ответственность за себя, то есть «объективная» и «субъективная ответственность». Другое понимание ответственности — это контроль со стороны обстоятельств, других людей, норм и требований общества, то есть внешняя ответственность. Внутренняя ответственность — это моральная черта, существующая вне зависимости от обстоятельств (Слотина, 2009).

Родоначальником изучения развития личностной ответственности является Ж. Пиаже (Пиаже, 1932). Автор оказался очень близок к пониманию тенденции развития ответственности. Он очень четко сумел подметить, что изначально дети усваивают нормы социального поведения благодаря правилам, которые содержатся в играх, но он не учел тот факт, что ребенок развивается нравственно и социально в процессе того, как усложняется его деятельность, как изменяется его место, занимаемое в социуме и т. д.

Основные гипотезы: с ростом количества приемных детей в семье, личностная ответственность приемных родителей возрастает и проявляется в форме самопожертвования. Уровень личностной ответственности приемных родителей выше уровня ответственности кровных родителей.

Цели исследования: изучить личностную ответственность в деятельности приемных родителей с разным количеством детей; изучить личностную ответственность у кровных родителей; выявить различия личностной ответственности у приемных и кровных родителей.

Методы исследования: опросник «Диагностика личностного симптома комплекса ответственности (ОДЛСО) и оценка его психометрических характеристик» (Кочарян, 2011).

Данные обрабатывались с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена и критерия Манна–Уитни.

Характеристика выборки

В первом этапе нашего исследования приняли участие 190 человек, из них: 156 приемных родителей, среди которых женщины — 145 чел. (76%), мужчин — 40 чел. (21%) и 5 чел. (3%) не дали ответа, в возрасте до 30 лет — 3% испытуемых, от 31 года до — 40 лет — 9% испытуемых, от 41 года — до 50 лет — 17% испытуемых, от 51 года — до 60 лет — 38%

испытуемых, старше 60 лет – 33% испытуемых, 39% испытуемых имеют полную семью, 31% – неполную и 30% испытуемых воздержались от ответа, 65% испытуемых состояли в 1 браке, 19% – в 2 браках, 3% – в 3 браках и 3% испытуемых не дали ответа. Группа опрошенных «приемная семья» так же была разделена на три подгруппы по количеству детей, находящихся у них на воспитании: 1) от 1 до 2 детей – 117 чел. (62%); от 3 до 5 детей – 16 чел. (8%); 3) сюда вошли приемные родители, у которых в семье более 6 детей – 23 чел. (12%). Опыт приемного стажа составляет в среднем 12–14 лет.

Во втором этапе нашего исследования приняли участие 32 человека, из них: мужчин – 11 чел. (34%), женщин – 21 чел. (66%), в возрасте до 30 лет – 19% испытуемых, от 31 года до – 40 лет – 28% испытуемых, от 41 года – до 50 лет – 41% испытуемых, от 51 года – до 60 лет – 9% испытуемых, старше 60 лет – 3% испытуемых, 57% испытуемых стоят в зарегистрированном браке, 6% испытуемых состоят в гражданском браке, 31% испытуемых разведены и 6% испытуемых в браке не состояли, у 68% испытуемых в семье есть 2 детей, у 32% – 1 ребенок в семье, 33% испытуемых имеют детей в возрасте от 6 до 13 лет, 31% – старше 18 лет, 19% – от 14 до 18 лет и 17% – в возрасте до 5 лет, 38% испытуемых имеют высшее образование, 6% – среднее и 56% – среднее специальное, 38% испытуемых получили образование в сфере Человек–Техника, 25% испытуемых получили образование в сферах Человек–Человек и Человек–Знак и 6% в сфере Человек–Природа, 6% испытуемых от ответа воздержались.

Результаты исследования и их интерпретация

Исследование показало, что личностная ответственность приемных родителей с разным количеством приемных детей имеют некоторые особенности, а именно – приемные родители с меньшим количеством приемных детей имеют более высокий уровень выраженности по личностной ответственности «Этичность», то есть приемные родители, которые принимают в семью одного или два ребенка, переносят свое отношение к приемному ребенку как к кровному. Напротив, показатель «Этичность» у приемных родителей с шестью и более детьми ниже по сравнению с другими группами. Содержательный анализ опросника позволил выделить вопросы, которые отражают внешнюю и внутреннюю ответственность. По результатам анализа ответов внутренняя ответственность наблюдается у родителей с 1–2 приемными детьми и ее показатель выше, чем у приемных родителей, воспитывающих большее количество приемных детей.

Ответственность кровных родителей отличается от ответственности приемных родителей по всем шкалам. Такое подтверждение мы получили благодаря сравнению результатов по кровным и приемным родителям, полученных в ходе всего исследования. У приемных родителей наблюдается повышение по шкале «самопожертвование» (9,01 балла), в то время как у кровных мы наблюдаем (7,5 балла), то есть приемные родители в большей степени готовы жертвовать своими интересами, своим привычным образом жизни для благополучного развития ребенка, нежели кровные родители. Также, чуть выше показатели и по шкале «принципиальность» (6,52 балла), а у кровных родителей (6,47 балла), это означает, что приемные родители немного больше сосредоточены на процессе развития и воспитания ребенка, на необходимости следовать определенным идеям и убеждениям, чем кровные родители. По шкале «этичность» показатели приемных родителей тоже выше (6,14 баллов), кровные (6,03 балла), это означает, что приемные родители более сосредоточены на нормах, правилах, культуре поведения и общения, они считают немало важным привить эти качества своему ребенку.

При исследовании кровных родителей, работающих в сферах Человек–Техника и Человек–Человек, мы получили большую разницу в показателях по шкале «Нормативность» (12,88 балла и 4,62 балла). Такой разброс, говорит нам о том, что люди различных профессий в своей работе используют разные механизмы, способы взаимодействия с социумом, придерживаются разных установок и правил.

Заключение

Быть родителем – одна из самых сложных задач. Кровные и приемные родители должны понимать, что в их жизни есть «маленький» человек, а может быть и два, и три, и т. д., которые нуждаются в их защите, любви, заботе. Абсолютно все родители несут ответственность за благополучие, полноценное развитие, здоровье своих детей. Только от того, насколько хорошо родитель будет выполнять свою роль (любить, играть, заботиться, воспитывать, учить и т. д.), настолько счастливым, целеустремленным, развитым, воспитанным, любящим будет его ребенок.

Литература

Алдашева А. А., Сиваш О. Н., Пономарева Е. А. Особенности социальной идентичности и жизненных ценностей замещающих родителей // Год экологии в России: педагогика и психология в интересах устойчивого развития: сборник статей научно-практической конферен-

ции (4–5 декабря 2017, Москва) / Сост. М. О. Мдивани, В. И. Панов, Ю. Г. Панюкова. М.: Перо, 2017. С. 27–33.

Кочарян И. А. Диагностика личностного симптома комплекса ответственности (ОДЛСО) и оценка его психометрических характеристик. 2011. № 807. URL: <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/3700> (дата обращения: 09.03.2019).

Леонтьев Д. А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993.

Пиаже Ж. Моральное суждение ребенка. М.: Академический проект, 2006.

Слотина Т. В. Ответственность как психологический феномен и возможности ее диагностики в юношеском возрасте и возрасте ранней зрелости // Гуманитарный вектор. Сер. «Педагогика, психология». 2009. № 1. С. 66–67.

Толерантность субъектов образовательного процесса в системе инклюзивного образования

И. Н. Селезнёва (Витебск, Белоруссия)

Уникальность педагогической профессии состоит в том, что она по своей природе имеет гуманистический, коллективный и творческий характер. Эти специфические особенности остро актуальны в современных условиях модернизации и трансформации системы образования Белоруссии. Изменения нацелены на максимальный учет психолого-педагогических особенностей детей и создание условий, обуславливающих полноценное развитие и реализацию потенциала каждого обучающегося, вне зависимости от его стартовых возможностей. Особое внимание уделяется вопросам обучения детей с особенностями психофизического развития и включению их в социальную жизнь общества. В Кодексе Белоруссии об образовании законодательно закреплён термин «лицо с особенностями психофизического развития – лицо, имеющее физические и/или психические нарушения, которые ограничивают его социальную деятельность и препятствуют получению образования без создания для этого специальных условий».

Все эти условия успешно реализуются в системе инклюзивного образования, которое на сегодняшний момент активно входит в образовательное пространство современной школы. Инклюзия – это процесс изменения всего образовательного пространства, в которое вовлечены все: администрация, специалисты, педагоги,

обучающиеся, их законные представители и общество в целом, направленный на устранение барьеров для равноправного и открытого участия в образовательном процессе массовой школы всех детей, в том числе и детей с особенностями психофизического развития.

Как показывают исследования С. В. Алехиной, М. Н. Алексеевой, В. В. Хитрюк, Е. Л. Агафоновой и др., первичной и важной ступенью подготовки системы образования к реализации процесса инклюзии является этап психологических и ценностных изменений у субъектов образовательного процесса. Первым шагом в этом направлении является формирование толерантности к детям с особенностями психофизического развития у субъектов образовательного процесса. В настоящее время исследования в области процесса формирования толерантности являются актуальными среди специалистов многих отраслей научного знания – философии, психологии, педагогики, социологии. Изучаются различные аспекты этого феномена, анализируются механизмы, этапы и структура толерантности (С. Н. Толстикова, Т. В. Углова, А. Г. Асмолов, В. А. Лекторский, Г. В. Безюлева, А. П. Садохин, В. А. Радкевич и др.). В то же время в отечественной и зарубежной литературе все еще не достаточно разработана проблема формирования толерантности у субъектов образовательного процесса к детям с особенностями психофизического развития, отсутствуют специальные психологические исследования. Хотя для психологической науки как в теоретическом, так и в практическом плане весьма актуальным является поиск эффективно действующих механизмов формирования толерантности у педагогов.

В изученных нами научных, теоретико-методических, специальных источниках по исследуемой проблеме отсутствует четкое определение процесса формирования толерантности у субъектов образовательного процесса к детям с особенностями психофизического развития, понятий и дефиниций, с ним связанных.

В научной литературе чаще всего толерантность рассматривается как «уважение и признание равенства, отказ от доминирования и насилия, признание многомерности и многообразия человеческой культуры, норм, верований и отказ от сведения этого многообразия к единообразию или к преобладанию какой-то одной точки зрения» (Панина, 2005). В центре нашей работы толерантность к детям с особенностями психофизического развития, которая проявляется у субъектов образовательного процесса в ситуации педагогического взаимодействия, коммуникации. При схожих условиях толерантность в рамках анализа процесса межличностного общения изучалась в работах А. Г. Асмолова, Г. У. Сол-

датовой, Л. А. Шайгеровой, В. В. Бойко, Г. С. Кожухарь, Т. В. Углова, С. Н. Толстикова.

Интересным является подход Г. С. Кожухарь в своей работе представила авторскую модель толерантности в межличностном общении. Она указывает, что толерантность – это некая генерализованная установка, основная функция которой понимание как направление потенциально конфликтной ситуации в конструктивное разрешение (Кожухарь, 2006).

С. Н. Толстикова исследовала коммуникативную толерантность и рассматривала ее как системообразующее свойство личности, целостное интегральное явление, которое включает следующие компоненты: внутренние условия (особенности субъекта); ситуация (условия, в которых существует субъект); переживание, отношение к ситуации (личностный смысл) (Толстикова, 2002).

Толерантностью субъектов образовательного процесса в системе инклюзивного образования, нами рассматривается, как личностно-профессиональное качество, носящее индивидуальный характер формируемое на основе преодоления социальной дистанции, признания универсальных прав и свобод, способность к активной позиции в профессиональной деятельности, восприимчивость к новациям и инновациям в профессионально-педагогической теории и практике, и проявляющееся в объективном восприятии образа обучающегося с особенностями психофизического развития, принятии и уважении его индивидуальных особенностей.

Нами было проведено эмпирическое исследование с целью выявления уровня толерантности у субъектов образовательного процесса как профессионально – личностного качества, значимого для работы в системе инклюзивного образования.

Гипотеза: повышение уровня толерантности субъектов образовательного процесса по средствам системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации педагогических работников является важной степенью в комплексной подготовке системы массового образования к реализации идей инклюзии.

Исследование проводилось на базе Учреждения образования «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», Института повышения квалификации и переподготовки кадров ВГУ им. П. М. Машерова и Государственного учреждения образования взрослых «Витебский областной институт развития образования». В качестве респондентов выступили педагоги (192 человек): 92 студента ВГУ им. П. М. Машерова; учителя общеобразовательных школ – 45 респондентов и 55 – воспитатели дошкольных учреждений.

Для получения объективной оценки толерантности педагогов использовалась методика В. В. Бойко «Коммуникативная толерантность». Было выделено три уровня – высокий, средний, низкий – показывающие степень выраженности данного качества у каждого конкретного респондента в данный момент времени. По результатам диагностики высокий уровень толерантности имеют 52,2% будущих педагога и 44% педагогов практиков. Средний уровень толерантности отмечается у 44,6% будущих педагога и 51% педагогов практиков. Низкий уровень толерантности имеют 3,3% будущих педагога и 5% педагогов практиков. Интересным является анализ данных среди будущих педагогов уточнив факультет обучения: математики и информационных технологий и педагогический. Так высокий уровень толерантности имеют 40,7% студентов факультета математики и информационных технологий и 68,4% студентов педагогического факультета. Средний уровень толерантности отмечается у 53,7% студентов факультета математики и информационных технологий и 31,6% студентов педагогического факультета. Низкий уровень толерантности отмечается у 5,6% студентов факультета математики и информационных технологий, а студенты педагогического факультета низкого уровня толерантности не имеют. Расчет U-критерия Манна–Уитни показал, что полученное эмпирическое значение $U_{\text{эмп}}$ (724) находится в зоне значимости, то есть в группе студентов педагогического факультета уровень толерантности выше, чем у остальных групп респондентов. По результатам нашего исследования можно сделать следующие выводы: повышение уровня толерантности среди субъектов образовательного процесса является одной из важных задач в процессе внедрения идей инклюзивного образования; необходимым является создание комплексной системы подготовки и переподготовки педагогов для работы в системе «включающего» образования.

Таким образом, проблема толерантности достаточно актуальна и являлась объектом исследования многих ученых (А. Г. Асмолов, А. А. Баранова, В. В. Бойко, Е. Г. Виноградова, Л. И. Ермолаева, Г. Ф. Заремба, И. А. Зимняя, Е. Ю. Клепцова, А. К. Маркова, Л. М. Митина и др.). Обобщив подходы к определению феномена «толерантность», можно говорить, что под данным феноменом принято понимать уважение, принятие, понимания многообразия форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности, уважение не просто достоинств разных представителей человеческого рода, а самооценности каждой личности.

Литература

- Кожухарь Г. С.* Проблема толерантности в межличностном общении // Вопросы психологии. 2006. № 2. С. 3–12.
- Панина В. А.* Развитие толерантной позиции студентов в процессе профессиональной подготовки в университете: Дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2005.
- Толстикова С. Н.* Развитие коммуникативной толерантности у будущих социальных педагогов системы образования: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Калуга, 2002.

Причины эмоциональных переживаний у мужчин и женщин зрелого возраста

Е. С. Синельникова, В. В. Жук (Санкт-Петербург)

Эмоции отражают отношение человека к миру, к окружающим его людям, к тому, что происходит в его жизни. Они являются важным источником информации об оценке человеком событий, происходящих во внешнем мире и в то же время отражением внутреннего мира личности. Переживание определяется как «особое, субъективное, пристрастное отражение, причем отражение не окружающего предметного мира самого по себе, а мира, взятого в отношении к субъекту, с точки зрения предоставляемых им (миром) возможностей удовлетворения актуальных мотивов и потребностей субъекта» (Василюк, 1984).

Изучение проблемы эмоций последние десятилетия в значительной степени происходит в русле концепции эмоционального интеллекта. Д. В. Люсиным был предложен собственный подход к эмоциональному интеллекту, включающий такие компоненты эмоционального интеллекта как понимание эмоций и управление эмоциями, межличностный и внутриличностный эмоциональный интеллект. Д. В. Люсиным подчеркивается тесная связь эмоционального интеллекта с направленностью личности на эмоциональную сферу, ценностью эмоций для личности, ее склонностью к психологическому анализу как своих мыслей и поведения, так и поведения окружающих ее людей (Люсин, 2009). Популярными направлениями исследования остаются проблемы распознавания эмоций (Мелехин, Сергиенко, 2019), культурные правила выражения эмоций (Панкратова, Люсин, 2016).

До настоящего времени недостаточное внимание уделяется изучению эмоций как средства понимания внутреннего мира личности, ее ценностных ориентаций, ее отношения к миру. В кросс-культурных исследованиях П. Экмана было показано существование универсальных базовых эмоций, которые переживаются людьми, принадлежащими к разным культурам. В настоящем исследовании используется широкая трактовка понятия «эмоции», включающая весь класс эмоциональных явлений. Причины эмоциональных переживаний имеют и возрастную специфику.

Целью настоящего исследования является изучение причин эмоциональных переживаний мужчинами и женщинами зрелого возраста.

Гипотеза исследования – существуют различия в причинах переживания эмоций мужчинами и женщинами зрелого возраста. В исследовании приняли участие 30 респондентов в возрасте от 40 до 50 лет (50% женщин и 50% мужчин, средний возраст респондентов 45,07 лет).

В исследовании применялась анкета «Переживание эмоций», разработанная специально для данного исследования. Анкета включала вопросы о причинах переживания тревоги, гнева и грусти. В исследовании мы сосредоточились на переживании условно негативных эмоций и чувств, требующих регуляции. Также в исследовании применялась методика ЭМИН Д. В. Люсина. Для анализа данных применялись методы описательной статистики, Т-критерий Стьюдента, также качественные методы.

Чувство тревоги является распространенным в современных западных обществах и в российском обществе, в связи с высоким уровнем неопределенности. Результаты исследования показали, что основными причинами переживания тревоги у респондентов зрелого возраста являются: семья (33%), изменения (30%), здоровье (20%). Семейные события, вызывающие тревогу у респондентов: рождение ребенка, уход сына в армию, болезнь близкого, свадьба. Семейные события являются причинами переживания тревоги у 26,7% мужчин и 40% женщин. Это свидетельствует о том, что семья является очень значимой сферой в жизни респондентов зрелого возраста, особенно женщин. Респонденты зрелого возраста переживают за благополучие близких им людей.

Изменения в жизни респондентов связаны со сменой места жительства, покупками недвижимости или автотранспорта, перелетами, которые могут ассоциироваться с опасностью. Происходящие изменения (покупка квартиры, машины, переезд, перелет

и т. п.) являются причиной тревоги у 33,3% женщин и 26,7% мужчин. Изменения вызывают тревогу респондентов своей неопределенностью.

Здоровье является причиной переживания тревоги у 26,7% мужчин и 13,3% женщин. В зрелом возрасте люди нередко сталкиваются с ухудшением состояния здоровья, что является угрозой для благополучия личности, ее самочувствия и трудоспособности.

Основными причинами переживания гнева респондентами зрелого возраста является воспринимаемая агрессия со стороны окружающих (33%) и проблемы, связанные с работой (20%). Агрессия со стороны окружающих может проявляться в форме «оскорблений», «хамства», а также поведения на дороге. Агрессия является причиной переживания гнева как у 33% мужчин, так и у 33% женщин. Различные трудности во взаимоотношениях с людьми: недопонимание, коммуникативные проблемы («не слушают»), нарушение личных границ «назойливость» являются причиной переживания гнева как у женщин (13,3%), так и у мужчин (13,3%).

В то же время рабочие проблемы – причина переживания агрессии у 26,7% мужчин и лишь 13,3% женщин. Неопределенность является причиной переживания гнева только у женщин (13,3%), а причиненный ущерб – у мужчин (13,3%). Также причинами агрессии являются воспринимаемая несправедливость (10%).

Основной причиной переживания грусти для респондентов зрелого возраста является расставание и прощание с близкими людьми (20% как у мужчин, так и у женщин). Чувство утраты является универсальной причиной грусти. Для людей зрелого возраста это – разлука с детьми, в связи с их переездом, прощание с близкими, расставание. Семья также является значимой причиной грусти для людей зрелого возраста (13,3% как у мужчин, так и у женщин). Возраст (13,3%), здоровье (13,3%) и конец лета (13,3%) – причины грусти для женщин, а деньги – для мужчин (13,3%).

В исследовании не были выявлены статистически достоверные различия в общем уровне эмоционального интеллекта мужчин и женщин. Однако были выявлены различия по отдельным шкалам. Мужчины имели статистически достоверно более высокие показатели по шкалам управление своими эмоциями ($t = -2,9$, $p < 0,01$) и управление эмоциями ($t = -2,53$, $p < 0,05$).

Результаты исследования позволили выявить основные причины переживания эмоций гнева, тревоги и грусти, а также основные способы регуляции эмоций, применяемые в повседневной жизни. Основными причинами тревоги у респондентов зрелого возраста

являются семья, здоровье и изменения. Респонденты зрелого возраста воспринимают изменения в жизни как источник неопределенности и опасности. То, что семейные проблемы являются одной из основных причин тревоги у респондентов зрелого возраста, свидетельствует о высокой субъективной значимости семьи в жизни респондентов. Респонденты проявляют обеспокоенность состоянием своего здоровья в связи с его ухудшением в зрелом возрасте, потенциальными угрозами для качества жизни, трудоспособности. Мы предполагаем, что полученные данные отражают возрастную специфику респондентов.

Основной причиной переживания гнева как для мужчин, так и для женщин является воспринимаемая агрессия окружающих, что соотносится с выводами П. Экмана. Также существенной причиной переживания агрессии являются проблемы, связанные с работой, что свидетельствует о конфликтности трудовых отношений.

Расставание, прощание является универсальной причиной грусти, наиболее значимой и для данной выборки, в то же время в исследовании была выявлена возрастная и гендерная специфика переживания грусти.

Результаты исследования показали, что у мужчин в большей степени развиты способности к регуляции своих эмоций. Дальнейшие исследования могут показать какие именно стратегии эмоциональной регуляции позволяют мужчинам быть более успешными в регуляции своих эмоций. Нельзя забывать и о том, что тест эмоционального интеллекта является самооценочным.

Литература

- Василюк Ф. Е.* Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Московского университета, 1984.
- Люсин Д. В.* Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 264–278.
- Мелехин А. И., Сергиенко Е. А.* Когнитивные смещения при распознавании эмоций по лицу в пожилом возрасте // Когнитивная психология. 2019. Т. 8. С. 53–79.
- Панкратова А. А., Люсин Д. В.* Правила проявления эмоций в русской и азербайджанской культурах // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 44–52.
- Экман П.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2011.

Моделирование структуры интеллектуальной компетентности в контексте понятийных, метакогнитивных и интенциональных способностей*

Я. И. Сиповская (Москва)

Подростковый возраст характеризуется резкими качественными изменениями в физическом, интеллектуальном, личностном и духовном аспекте. В области интеллектуального развития наступает период, характеризующийся максимальными разрешающими возможностями ввиду созревания понятийных и метакогнитивных способностей, а также ряда личностных особенностей, что, в свою очередь, необходимо для продуктивных действий в той или иной предметной области – интеллектуальной компетентности.

Таким образом, особенности старшего подросткового возраста выступают основанием для изучения проявлений интеллектуальной компетентности в ее потенциальных компонентах, в частности понятийных способностях, которые обеспечивают разворачивание нового метального содержания и управление познавательной деятельностью человека.

Участники исследования: 90 школьников средних общеобразовательных школ г. Москвы в возрасте 15 лет.

Методики исследования: «Концептуальный синтез» (Холодная, 2012), «Методика диагностики степени развития рефлексивности» (Карпов, 2003), «Сравнение похожих рисунков» (Kohlberg, 1984), «Умонастроения» (Сиповская, 2016) и «Интерпретация» (Сиповская, 2016).

Переходя к описанию полученных результатов, необходимо отметить, что распределение ряда переменных не является нормальным, несмотря на большое число участников исследования – 90 учеников, при статистическом анализе данных применялись методы непараметрической статистики – корреляционный анализ методом Спирмена. Этот метод анализа соответствует целям и задачам данного исследования и продемонстрировал тот факт, что показатели интеллектуальной компетентности (общий балл и частные проявления интеллектуальной компетентности) значимо коррелируют концептуальными способностями в старшем подростковом возрасте ($R_s = 0,32$; $\rho = 0,001$; $df = 90$), и с частными проявлениями – нарративами различных типов, а именно с нарративами аргументирующего ($R_s = 0,33$; $\rho = 0,01$; $df = 90$), интерпретирующего ($R_s = 0,40$;

* Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект № 19-013-00294.

$\rho=0,001$; $df=90$), эмоционально-оценочного содержательного и личностного типа ($R_s=0,25$; $\rho=0,05$; $df=90$ и $R_s=0,40$; $\rho=0,001$; $df=90$, соответственно), а также – систематизирующего типа ($R_s=0,33$; $\rho=0,001$; $df=90$). В проведенном эмпирическом исследовании были установлены также значимые корреляционные связи показателей интеллектуальной компетентности с проявлениями интенциональных способностями, умонастроениями ($R_s=0,34$; $\rho=0,001$; $df=90$) для общего показателя интеллектуальной компетентности. Для всех частных показателей интеллектуальной компетентности кроме количества предложений систематизирующего и фактологического типа также были установлены значимые корреляционные связи. Показатели произвольного интеллектуального контроля – временные и точностные характеристики – корреляционно связаны с показателем интеллектуальной компетентности. Обращает на себя внимание также и то, что с общим показателем интеллектуальной компетентности и наиболее когнитивно нагруженными предложениями аргументирующего, интерпретирующего и эмоционально-оценочного личностного типа установлены корреляции произвольных метакогнитивных способностей ($R_s=0,38$; $\rho=0,001$; $R_s=0,31$; $\rho=0,01$; $R_s=0,27$; $\rho=0,05$; $R_s=0,31$; $\rho=0,01$; $df=90$, соответственно), в отличие от более когнитивно простых или эмоционально ненагруженных проявлений интеллектуальной компетентности, как, например, эмоционально-оценочного содержательного типа ($R_s=0,04$; $\rho=0,05$; $df=90$). В случае произвольного интеллектуального контроля – исключительно отрицательные типа ($R_s=-0,27$; $\rho=0,05$; $df=90$ для предложений аргументирующего типа как точностных, так и скоростных характеристик и $R_s=-0,21$; $\rho=0,05$; $df=90$ для предложений интерпретирующего типа точностных характеристик произвольного интеллектуального контроля, соответственно). Таким образом, есть основания предполагать значимость вклада в конструктор интеллектуальной компетентности в этот возрастной период как произвольных, так и произвольных метакогнитивных способностей.

Полученные результаты указывают на различную функциональную нагрузку разных проявлений метакогнитивного опыта, произвольный и произвольный интеллектуальный контроль. Так, при рассмотрении такого метапонятия, как интеллектуальная компетентность, произвольные регуляторные механизмы уступают место вербализуемым произвольным, хотя при более детальном изучении (т. е. с частными показателями интеллектуальной компетентности) их связь с продуктивностью интеллектуальной деятельности

все же прослеживается. Интересен также и тот, факт, что корреляционных связей концептуальных способностей с показателями интеллектуальной компетентности установлено больше, чем у метакогнитивных способностей. В данном случае, как мы полагаем, следует отметить, что оба конструкта, как концептуальные, так и метакогнитивные способности регулируют интеллектуальную деятельность. Однако есть и принципиальное различие этих видов способностей: в случае концептуальных способностей речь идет о построении нового ментального пространства, исходя из имеющихся ментальных ресурсов. Говоря о произвольных метакогнитивных способностях, следует иметь ввиду оперирование ретроспективной, ситуативной и перспективной рефлексией, то есть управление прошедшими, текущими событиями и прогнозирование, что не предполагает разворачивание нового контекста. Говоря о непроизвольном интеллектуальном контроле, следует указать на то, что они хотя и относятся к управлению текущей ментальной деятельностью, но ввиду возрастных особенностей сворачиваются и уступают место произвольным метакогнитивным способностям. Вероятно, именно этими аргументами можно интерпретировать полученные результаты.

В отношении корреляций частных показателей интеллектуальной компетентности и концептуальных и метакогнитивных способностей обращает на себя внимание их неоднородность. На наш взгляд, такая избирательность корреляций может быть пояснена разной сложностью нарративов этих типов. Нарративы фактологического типа характеризуются простым перечислением или даже пересказом фактов, нарративы вопросительного типа, как мы предполагаем, выполняют функции планирования и регуляции отношения к высказываемой проблеме, эти типы предложений вспомогательные и менее самостоятельны как семантические единицы. Значительно более экспрессивно и гностически нагружены нарративы эмоционально-оценочного личностного типа, и эта их нагрузка, вероятно, стала причиной наличия значимых корреляций между концептуальными способностями и показателями интеллектуальной компетентности. Остальные виды нарративов предполагают активное отношение участника исследования к проблеме и более умеренную эмоциональную и гностическую регуляцию интеллектуального поведения. Второй, т. е. «активный и умеренно аффективный», способ ментальной деятельности в большей мере соотносится как с интеллектуальной компетентностью, так и с метакогнитивными способностями. Активность предполагает целый арсенал способов регуляции деятельности, в том числе и интеллектуальной, тогда

как при пассивном отношении к миру достаточно и более скудных регуляторных средств. Регуляторные и планирующие функции речи более характерны для подготовки и предварительного осмысления материала, когда достижение результата только предполагается. Такая «ментальная подготовка» не соотносится с концептуальными способностями.

С целью установления структуры конструкта интеллектуальной компетентности было проведено сетевое моделирование, результаты которого позволили сделать вывод о том, что ядро конструкта интеллектуальной компетентности представляют способности, характеризующиеся функцией порождения нового контекста, неявным интеллектуальным предчувствием направления нахождения решения в ситуации неопределенности, произвольной регуляцией своей интеллектуальной деятельности, тогда как когнитивно более простые способности (нарративы фактологического и вопросительного типа) и произвольные метакогнитивные способности располагаются на периферии.

Таким образом, есть основания сделать вывод о неоднородности конструкта интеллектуальной компетентности ввиду функциональной нагрузки и когнитивной сложности компонентов, составляющих систему этого понятия.

Литература

- Асмолов А. Г.* Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. М.: Просвещение, 2010. С. 57–61.
- Карпов А. В.* Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.
- Холодная М. А.* Психология понятийного мышления: от концептуальных структур к понятийным способностям. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Kohlberg L.* Essays on moral development. V. 2: The Psychology of moral development. San-Francisco, 1984.
- Сиповская Я. И.* Понятийные, метакогнитивные и интенциональные способности в структуре интеллектуальной компетентности: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2016.

Влияние характера затухания мажорных и минорных аккордов на их дифференциацию испытуемыми с разным уровнем музыкальной подготовки*

С. О. Скорик, Н. А. Алмаев (Москва)

Способность испытуемых вне зависимости от их уровня осведомленности в музыке, навыков игры на инструменте, культурной принадлежности (Virtala, Tervaniemi, 2017), наличия специфических расстройств (Gosselin, Paquette, Peretz, 2015), связанных с восприятием музыкального звука, дифференцировать мажорные и минорные лады, не ставится под сомнение в когнитивной науке и музыкальной психологии (Parncutt, 2014). При этом отличия мажорного и минорного лада сводятся исключительно к третьей ступени лада и одному полутону – минимальному шагу в европейской системе музыки. Мажорный лад как правило ассоциируется у испытуемых с положительной эмоциональной валентностью, а минорный – с отрицательной. В ранних работах мы уже показали, что в ряде условий испытуемые без музыкального образования не в состоянии дифференцировать аккорды, основанные на мажорном и минорном ладу (Almayev, Skorik, 2016), но только в случае отсутствия естественного для музыкальных звуков характера затухания (Алмаев и др., 2019). В данной работе исследуется несколько типов кривых затухания аккордов и их влияние на дифференциацию мажорных и минорных звуков как музыкантами, так и испытуемыми без музыкального образования и опыта игры на музыкальных инструментах.

Выборка

Выборка исследования состояла из 43 испытуемых. Она делилась на две группы: 29 не музыкантов (51,72% – мужчины, 28,28% – женщины; средний возраст – 26,7 лет; SD – 5,8) без музыкального образования или навыков игры на музыкальных инструментах; 14 профессиональных музыкантов (57,1% – мужчины, 42,9% – женщины; средний возраст – 28,2 года; SD – 8,29); все испытуемые второй группы изучали музыку, 8 из них получили высшее музыкальное образование, 2 окончили музыкальную школу, 4 изучали музыку самостоятельно и с репетитором.

Метод

Были созданы 4 группы звуков:

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00487.

1. Первая группа (взяты из первого исследования) – сгенерированные без затухания 4 мажорных и 4 минорных трезвучия от тонических нот второй и третьей октав (А5 – Ля; Н5 – Си; С6 – До; D6 – Ре). В основе звука были сгенерированные синусоидные волны. У этой группы звуков затухание отсутствовало.
2. Вторая группа – сгенерированные с линейным затуханием 4 мажорных и 4 минорных трезвучия от тонических нот второй и третьей октав (А5 – Ля; Н5 – Си; С6 – До; D6 – Ре). В основе звука были сгенерированные синусоидные волны. У этой группы звуков затухание интенсивности было линейным, равномерно снижаясь от начала звучания до конца.
3. Третья группа – сгенерированные с затуханием 4 мажорных и 4 минорных MIDI-трезвучия от нот (тоник) второй и третьей октав (А5 – Ля; Н5 – Си; С6 – До; D6 – Ре). В основе звука был тембр Electric Piano из библиотеки Midi звуков. Затухание звука у этой группы стимулов было по характерной огибающей с выраженным затуханием до 100–150 мс, а затем ближе к линейному затуханию до конца стимула.
4. Четвертая группа – 4 мажорных и 4 минорных трезвучия от тонических нот второй и третьей октав (А5 – Ля; Н5 – Си; С6 – До; D6 – Ре), взятые из профессионального банка звуков Yamaha, соответствующие естественным звукам, вызванным нажатием клавиш на концертном рояле. Огибающая по интенсивности в этой группе стимулов представляет собой обратную или обратную степенную зависимость с резким затуханием интенсивности в течение первых 150–200 мсек, а затем – с длинным плавным затуханием до конца стимула.

Для исследования был расширен набор субъективных шкал, разработанных на основе первого исследования (Алмаев и др., 2019). В результате был получен семантический дифференциал, состоящий из 35 шкал: 29 – униполярных, 6 – биполярных: Не хочется что-то делать/Хочется что-то делать; Нетяжелый/Тяжелый; Несветлый/Светлый; Неактивный/Активный; Не тревожный/Тревожный; Невеселый/Веселый; Негрустный/Грустный; Ничего не произойдет/Что-то произойдет; Нетеплый/Теплый; Не мажорный/Мажорный; Женский/Мужской; Неинтересный/Интересный; Не хочется приглушить/Хочется приглушить; Ненатуральный/Натуральный; Вялый/Бодрый; Пессимистичный/Оптимистичный; Неэнергичный/Энергичный; Неуверенный/Уверенный; Непросящий/Просящий; Невозбуждающий/Возбуждающий; Не хочется ему помочь/Хочет-

ся ему помочь; Нехолодный/Холодный; Не минорный/Минорный; Не музыкальный/Музыкальный; Недобрый/Добрый; Ненадрывный/Надрывный; Незлой/Злой; Негативный/Позитивный; Нескучный/Скучный; Не расслабляет/Расслабляет; Не исправно работающий/Исправно работающий; Тихий/Громкий; Молодой/Старый.

Исследование проводилось в шумоизолированной комнате. Испытуемым выдавалась следующая распечатанная инструкция:

В этом исследовании вам будут предъявлены звуки.

После прослушивания каждого звука оцените выраженность свойств, которые написаны на лежащем перед вами листе. Выраженность каждого свойства можно определить по 7-бальной шкале (от 0 до 6). Значение «0» означает отсутствие данного свойства у предъявленного звука, а значение «6» – максимальную выраженность свойства у предъявленного звука. Обведите кружочком то число, которое на ваш взгляд наиболее точно характеризует выраженность предлагаемого признака.

После того, как заполните лист, скажите вслух «следующий звук».

Всего вам будет предъявлено 32 звука.

Результаты

Шкалы коррелируют между собой у двух групп испытуемых. Коэффициент α Кронбаха составил 0,578.

T-критерий Вилкоксона выявляет различия в оценках мажорных и минорных аккордов. В группе аккордов без затухания значимые различия оценок были выявлены только в выборке музыкантов в 15 шкалах. Во второй группе аккордов (с линейным затуханием) не музыканты справились с задачей дифференциации в четырех шкалах, а музыканты – в 9 шкалах. В третьей группе аккордов (MIDI) не музыканты справились с заданием в трех шкалах, а музыканты – в 23 шкалах. В четвертой группе аккордов (звуки пианино) не музыканты справились с заданием в 24 шкалах, а музыканты – в 26 шкалах.

Обсуждение

Хотя испытуемые без музыкального образования могут успешно различать мажорные и минорные аккорды, они делают это только в случае наличия естественного затухания музыкального звука. Профессиональные музыканты, в отличие от не музыкантов, способны справиться с заданием на дифференциацию мажора и минора уже в группе сгенерированных без затухания трезвучий. У них наблюдается увеличение точности распознавания мажорных и минорных звуков от первой до четвертой группы звуков.

Данные могут быть интерпретированы как указывающие на наличие разных психологических механизмов восприятия мажорности и минорности в выборках испытуемых не музыкантов и музыкантов. Люди с музыкальным образованием и опытом игры на музыкальных инструментах могут различать мажорные и минорные аккорды и правильно оценивать их эмоциональную валентность на основании одного только тонального компонента. В то время как не музыканты нуждаются в наличии затухания интенсивности звука, а для правильного определения эмоциональной валентности им нужны обертона. В случае оценки реальных звуков рояля обе группы показали схожие результаты, поэтому различия в уровне музыкального профессионализма могут быть выявлены при использовании сгенерированных без затухания звуков.

Результаты исследования свидетельствуют о первостепенной важности характера затухания интенсивности сигнала для передачи его эмоциональной валентности.

Литература

- Алмаев Н. А., Скорик С. О., Медынцева А. А., Бессонова Ю. В., Садов В. А., Мурашева О. В.* Ресурсно-ориентированный подход в психоакустике // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 77–88.
- Almayev N. A., Skorik S. O.* The Role of Tonal Structure in Major and Minor Chords Perception // Fechner Day 2016 – Proceedings of the 32nd Annual Meeting of the International Society for Psychophysics. M., 2016.
- Gosselin N., Paquette S., Peretz I.* Sensitivity to musical emotions in congenital amusia // Cortex. 2015. V. 71. P. 171–182.
- Parncutt R.* The emotional connotations of major versus minor tonality: One or more origins? // Musicae Scientiae. 2014. № 18 (3). P. 324–353.
- Virtala P., Tervaniemi M.* Neurocognition of major–minor and consonance–dissonance // Music Perception: An Interdisciplinary Journal. 2017. № 34 (4). P. 387–404.

Роль локальных и глобальных механизмов восприятия в процессе чтения

К. А. Скуратова, Е. Ю. Шелепин, А. С. Штарева (Санкт-Петербург)

Что человек замечает в первую очередь – деревья или лес? Объекты окружающего нас мира состоят из локальных элементов (в данном примере такими элементами являются деревья), согласовано

составляющих общую структуру (лес). Исследования, направленные на изучение доминирования глобального или локального механизмов восприятия, редки в когнитивной психологии и отличаются заметной противоречивостью. Особенно спорны исследования в рамках детской психологии, до сих пор остается невыясненным является ли детское восприятие синкретичным или более чувствительным к локальным элементам.

Процесс освоения навыка чтения сопровождается развитием и совершенствованием паттернов восприятия, так как ребенку необходимо научиться воспринимать незнакомые ему ранее образы, различать визуально схожие формы и сопоставлять их со звуками, составляющими слова в устной речи.

В процессе чтения задействованы оба механизма восприятия. Восприятие слова происходит при помощи глобальных механизмов, которые необходимы не только для чтения всего слова целиком (что, пока что, недоступно на ранних этапах формирования навыка чтения), но и для более точного планирования саккад и фиксаций. Восприятие при помощи локальных механизмов отдельных слогов и букв необходимо для процесса фонологической обработки (Franceschini et al., 2017).

Методы

Для исследования глобальных и локальных механизмов восприятия была использована классическая парадигма Навона (Navon task) (Navon, 1977).

В первом задании испытуемым предъявлялись геометрические фигуры (глобальный стимул), контур которых состоял из геометрических фигур меньшего размера (локальный стимул). В качестве геометрических фигур были выбраны квадрат и треугольник. Использовались два типа стимулов: конгруэнтные (форма глобальной и локальных фигур совпадают) и неконгруэнтные (форма глобальной и локальных фигур не совпадают). Форма и конгруэнтность стимулов рандомизировались внутри каждой серии, серии на глобальное и локальное восприятие чередовались. Эксперимент состоял из 2 тренировочных и 10 основных серий по 10 стимулов в каждой. Перед каждой серией предъявлялась следующая инструкция: «На экране будут появляться большие фигуры, состоящие из маленьких фигур. Не обращая внимания на маленькие фигуры, определи какую большую фигуру ты видишь» (для заданий на глобальное восприятие) и «На экране будут появляться большие фигуры, состоящие из маленьких фигур. Не обращая внимания на большую фигуру, опреде-

ли какие маленькие фигуры ты видишь» (для заданий на локальное восприятие). Время предъявления стимула не ограничивалось. В ходе эксперимента автоматически фиксировались точность (правильный\неправильный) и время (в мс) ответа.

Второе задание полностью соответствовало первому, только вместо геометрических фигур использовались буквы. В качестве букв мы использовали заглавные «А» и «С».

Для исследования процесса чтения была использована авторская методика (Shelepin, Skuratova, 2019). Задача испытуемого заключалась в чтении вслух текста объемом 100 слов, адаптированного по содержанию и сложности для учащихся вторых классов. В процессе чтения производилась запись движений глаз. Были выделены следующие параметры глазодвигательной активности: общее количество фиксаций, средняя продолжительность фиксаций, средняя амплитуда саккад, соотношение регрессивных саккад к общему числу саккад.

Выборку исследования составили учащиеся вторых классов общеобразовательных школ.

Ожидаемые результаты

Наши предыдущие исследования показали, что для детей с нарушениями навыка чтения характерно большее число фиксаций и меньшие по своей амплитуде саккады. Таким образом, они используют сублексическую стратегию чтения, при которой слово не распознается как целое, а воспринимается последовательно по частям (буква за буквой или слог за слогом). В отечественной литературе данная стратегия характерна для послогового этапа освоения навыка чтения (букварный период), до того, как ребенок освоит синтетические приемы чтения.

В ходе данного исследования мы ожидаем, что нарушение навыка чтения и использование сублексической стратегии чтения будут связаны с доминированием локальных механизмов восприятия над глобальными. Мы предполагаем, что у детей, у которых обнаружится доминирование локальных механизмов восприятия, будет снижен объем оперативной единицы чтения, что приведет к множественным фиксациям на слове и коротким по амплитуде саккадам. Подобный глазодвигательный паттерн требует больших когнитивных ресурсов для процесса чтения, а также снижает общую скорость чтения.

Также мы выдвигаем гипотезу о том, что на механизм восприятия влияет сложность стимула. Для детей с нарушениями навыка

чтения, буквы являются более сложными стимулами, чем простые геометрические фигуры, поэтому мы ожидаем, что доминирование локальных механизмов над глобальными для группы таких детей будет иметь наибольший размер эффекта при использовании буквенных стимулов, чем геометрических, по сравнению с группой детей с навыком чтения в пределах нормы.

Результаты исследования станут методологической базой для разработки программы вмешательства для детей с различным уровнем развития навыка чтения. Одной из составляющих данной программы станет тренинг восприятия, цель которого помочь учащимся не только развить навыки своего восприятия, но и улучшить качество чтения с помощью усвоения более эффективной стратегии, заключающейся в глобальном восприятии текстовых единиц, расширении объема оперативной единицы чтения, меньшем числе фиксаций и большей амплитуде саккад.

Литература

- Franceschini S., Bertoni S., Giancesini T., Gori S., Facoetti A.* A different vision of dyslexia: Local precedence on global perception // *Scientific Reports*. 2017. № 7.
- Navon D.* Forest before the trees: The precedence of global features in visual perception // *Cognitive Psychology*. 1977. № 9. С. 353–383.
- Shelepin E., Skuratova K.* Dyslexia assessment model using the eye-tracker technique // *Neurobiology of Speech and Language. Proceedings of the 3rd International Conference*. 2019. С. 28–29.

Оценка динамики выраженности контроля в решении задач инсайтного типа*

А. В. Смирницкая, И. А. Подшиваленко, И. Ю. Владимиров (Ярославль)

В качестве специфического свойства процесса инсайтного решения можно выделить снижение уровня активности контроля на критических этапах решения (Ash, Wiley, 2006). В данной работе мы рассматриваем управляющий контроль как внимание, направленное на процессы оперирования с элементами задачи, поддержания репрезентации в рабочей памяти, что соответствует функциям центрального исполнителя в модели А. Беддели (Baddeley, Hitch,

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00672-а.

1974). Если при решении неинсайтной задачи нагрузка на рабочую память увеличивается равномерно, то в ходе решения инсайтной задачи нагрузка на рабочую память скорее снижается и повышается ближе к концу решения, когда происходит сопоставление решения с условиями задачи (Korovkin et al., 2018).

Для исследования роли сопровождающих решение процессов эффективным является метод двойной задачи (мониторинг) (Владимиров и др., 2016). Наблюдая за изменением в выполнении второстепенной задачи мы имеем возможность выявить динамику интересующей нас функции в процессе решения основной задачи. В нашем случае, выполнение зондовой задачи должно вступать в конкуренцию за ресурсы контроля.

Согласно модели Орнштейна, степень переоценки времени напрямую зависит от сложности предъявляемого стимула, а также от знакомости выполняемой деятельности, т.е. чем сложнее предъявляемый стимул или чем новее и необычнее для испытуемого данная деятельность, тем сильнее он будет переоценивать заданный ему промежуток времени (Ornstein, 1969).

Таким образом, для исследования модально неспецифических сопровождающих решение функций, таких как контроль, можно использовать субъективную оценку временных интервалов. Мы ожидаем, что динамика восприятия времени отличается в ходе решения неинсайтных и инсайтных задач: в первом случае частота переоценки временных промежутков будет увеличиваться равномерно, вплоть до полного решения задачи, в то время как в инсайтных будет снижаться и увеличиваться к концу решения.

Цель и гипотезы исследования

Цель: Выявить специфику в динамике контроля при решении задач инсайтного типа по сравнению с алгоритмизированными.

Гипотезы

1. Решение инсайтных задач имеет более выраженную динамику, по сравнению с неинсайтным, в уровне загрузки контроля.
2. В алгоритмизированных задачах переоценка промежутков времени увеличивается равномерно от первого к третьему этапу, при решении инсайтных задач выраженная динамика наблюдается лишь на последних этапах решения.

Процедура

Эксперимент проводился на ПК в программе, написанной в PsychoPy3.

Этап тренировки

1. Испытуемому необходимо отсчитывать про себя 7 секунд и нажимать клавишу каждый раз, когда прошло это время.
2. Испытуемому необходимо, не считая про себя, а опираясь на «ощущения» оценивать интервалы времени. На мониторе появляется число «7», испытуемому необходимо определить, больше или меньше времени прошло на самом деле. Реальное время варьируется в пределах 2 от 7 секунд. На данном этапе тренировки испытуемый получает обратную связь: верно или не верно была нажата кнопка.
3. Аналогично предыдущему, только без обратной связи.

Основная серия

Испытуемому в случайном порядке представляются 4 задачи (2 инсайтные и 2 неинсайтные). Испытуемый должен решить данные задачи до конца, параллельно оценивая предоставляемые промежутки времени (аналогично процедуре 3 тренировочной серии).

Характеристики выборки

В пилотном исследовании приняли участие 14 человек в возрасте от 18 до 22 лет, 8 мужчин и 6 женщин.

Математические методы

Решение каждой задачи для каждого испытуемого было поделено на 3 части, выявлен усредненный для каждого показатель (%) переоценки и недооценки временных интервалов (процент относительно общего количества ответов на этапе). Для обработки применен метод ANOVA с повторными измерениями с поправкой Гринхауса–Гейссера.

Результаты и их интерпретация

Было выявлено, что нет значимых различий по переоценке времени как в зависимости от этапов ($F(1,63, 21,185) = 1,041, p = 0,357, \eta^2 = 0,074$), так и в зависимости от типа задач ($F(1,000, 13,000) = 0,048, p = 0,829, \eta^2 = 0,004$). Также нет значимых различий во взаимодействии этапов решения и типами задач ($F(1,405, 0,018) = 2,207, p = 0,169, \eta^2 = 0,135$). Однако, мы наблюдаем, что в неинсайтных задачах среднее значение по проценту переоценки возрастает от этапа к этапу (8, 14, 14% переоценки относительно всех оценок за периоды в соответствии с их порядком), в то время как в инсайтных наблюдается его снижение на втором этапе решения (11, 9, 13, соответственно).

Нет значимых различий по недооценке времени в зависимости от этапов решения ($F(1,537, 19,986) = 1,221, p=0,311, \eta^2 = .086$), типа задачи ($F(1,000, 22,329) = 1,310, p=0,273, \eta^2=0,092$). Значимых различий во взаимодействии этапов решения и типами задач также нет ($F(1,718, 22,329) = 0,523, p=0,573, \eta^2=0,039$). При этом мы наблюдаем, что недооценка в неинсайтных задачах возрастает от первого к третьему этапу (25, 34, 35% в среднем соответственно), а в инсайтных повышается на втором этапе (24, 28, 25% соответственно).

Таким образом, мы наблюдаем, что значимого влияния этапа и типа задачи на распределение значений в недооценке/переоценке не наблюдается. Однако, интересным является то, что в алгоритмизированных задачах, в соответствие с нашими ожиданиями, мы наблюдаем повышение среднего процента как недооценки, так и переоценки, в то время как в инсайтных снижение переоценки и повышение недооценки. Результаты переоценки, в целом, согласуются с гипотезой исследования. Однако, не понятны результаты недооценки, которые, исходя из общих положений должны иметь иную динамику (снижаться в случае с алгоритмизированными задачами от первого к последнему этапу, где должна наблюдаться переоценка времени). По всей видимости, в целом, в алгоритмизированных (не инсайтных задачах) наблюдается большее число ошибок оценки, вследствие того, что внимание направлено на решение основной задачи, в то время как в инсайтной мы наблюдаем ожидаемое нами событие: снижение переоценки и повышение недооценки.

Выводы

Переоценка и недооценка временных промежутков на различных этапах решения задач инсайтного и неинсайтного типа не имеет различий. Следовательно, мы не наблюдаем выраженной специфики в динамике решения инсайтных задач, по сравнению с неинсайтными. Это может быть связано с разной сложностью основных заданий, слишком коротким временем решения инсайтных задач и недостаточным количеством человек в выборке (необходимо 52 человека), что будет учтено при реализации основной серии исследования. Так же, необходимо оценить степень сложности самого задания по оценке временных интервалов и более тщательно продумать процедуру тренировки и ее анализа.

Литература

Владимиров И. Ю., Коровкин С. Ю., Лебедь А. А., Савинова А. Д., Чистопольская А. В. Управляющий контроль и интуиция на различных

- этапах творческого решения // Психологический журнал. 2016. № 1. С. 48–60.
- Ash I. K., Wiley J.* The nature of restructuring in insight: An individual-differences approach // *Psychonomic Bulletin & Review*. V. 13. 2006. P. 66–73.
- Beddeley A. D., Hitch G.* Working Memory // *Psychology of Learning and Motivation*. 1974. V. 8. P. 47–89.
- Korovkin S., Vladimirov I., Chistopolskaya A., Savinova A.* How Working Memory Provides Representational Change During Insight Problem Solving // *Frontier in Psychology*. 2018. V. 9.
- Ornstein R.* On the expereptence of time. Baltimore: Penguin Books, 1969.

Связь типов привязанности мужчин и женщин с их совладанием со стрессом завершения романтических отношений

К. А. Смирнова, Т. П. Опекина (Кострома)

Близкие романтические отношения являются важным аспектом жизнедеятельности взрослого человека. Под близкими отношениями в современной психологической науке принято понимать диадические значимые отношения субъекта с его/ее партнером, предполагающие эмпатический отклик, привязанность, доверие и сексуальное влечение партнеров друг к другу, продолжающиеся длительное время и относительно устойчивые, отличающиеся амбивалентным влиянием на человека (Крюкова, 2017). Считается, что романтические отношения – один из видов близких отношений, основанный на привязанности партнеров друг к другу, на их потребности в любви, принятии и безопасности. Потребность в любви и принятии универсальна и присуща каждому человеку (Екимчик, Григорова, Смирнова, 2014). Несмотря на то, что человеку свойственно хотеть ощущать себя любимым и нужным, не каждый человек имеет опыт безопасной или надежной привязанности. Существуют такие стрессогенные факторы, которые могут привести к конфликту и/или распаду отношений, как измена, утрата чувств, высокая конфликтность в отношениях, низкий уровень интимности (Григорова, 2013). Завершение (разрыв) романтических отношений, основанных на сильных эмоциях и чувствах по отношению к партнеру, являющихся субъективно значимыми, имеет высокую стрессогенность для личности (Екимчик, Крюкова, 2015). Совладание с завершением отношений с романтическим партнером осложняется интенсив-

ными негативными эмоциями, однако, мы предполагаем, что продуктивность совладающего поведения в данном случае может быть связана с такой характеристикой личности, как свойственный им тип романтической привязанности к партнеру.

Цель исследования: изучить взаимосвязь типов привязанности мужчин и женщин на этапе ранней взрослости и их совладания со стрессом завершения романтических отношений.

Гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что существует взаимосвязь между типами привязанности мужчин и женщин на этапе ранней взрослости и стратегиями их совладания со стрессом завершения романтических отношений.

Выборку составили 25 человек, согласившихся участвовать в нашем исследовании. Средний возраст испытуемых — 21 год. В выборку входит 14 женщин (от 20 до 21) и 11 мужчин (от 20 до 23 лет), завершившие романтические отношения от 2 до 12 месяцев назад. Средний возраст женщин — 20 лет, средний возраст мужчин — 21 год.

Методы и методики исследования: Опросник способов совладания OCC/WCQ Folkman, Lazarus (адаптация Т.Л. Крюковой, 2004); Методика «Самооценка генерализованного типа привязанности» (RQ; K. Bartholomew, L. Horowitz, 1998; адаптация Т.В. Казанцевой, 2011); Методика «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р.К. Фрейли (адаптация Т.В. Казанцевой, В.Н. Куницыной, 2008); интервью, направленное на выявление эмоций, чувств, мыслей, которыми сопровождалось переживание разрыва отношений, возникающих на данный момент по отношению к партнеру, к возникшему стрессу (состоит из 14 открытых вопросов). Полученные данные обрабатывались с помощью методов статистики с использованием пакета Statistica v. 10.0. Использовались следующие критерии: критерий Манна–Уитни (для определения различий признака в двух независимых выборках); коэффициент корреляции Спирмена (для определения корреляционных связей между переменными); критерий Краскела — Уоллиса (для проверки равенства медиан нескольких выборок).

Проанализировав полученные данные, мы получили следующие *результаты*.

Партнеры с *Тревожно-противоречивым* типом привязанности в ситуации завершения романтических отношений чаще обращаются к стратегии *поиск социальной поддержки* ($r=0,407$ при $p=0,043$). Вероятно, это связано с тем, что люди с тревожно-противоречивым типом склонны обладать негативным представлением о себе и пози-

тивным представлением о других людях, поэтому стремятся в наибольшей степени искать поддержки именно от других людей, ищут подтверждение своей значимости у них.

Партнеры с *Отстраненно-избегающим* типом привязанности в ситуации завершения романтических отношений чаще сообщают о том, что им удалось справиться с негативными эмоциональными последствиями данной ситуации ($r=0,523$ при $p=0,007$). Поскольку для партнеров с данным типом привязанности свойственно иметь позитивную модель себя и негативную модель Другого, возможно, переживая разрыв отношений, они меньше склонны к самообвинению, чаще видят причину разрыва в партнере и его особенностях личности и поведения, что позволяет им сохранить свою позитивную самооценку (что также подтверждается данными интервью). Также это может быть связано с тем, что люди с *Отстраненно-избегающим* типом привязанности склонны демонстрировать окружающим, что они не нуждаются в привязанности.

Также мы выяснили, что существуют значимые различия между людьми, которые сами разорвали отношения и чьи отношения разорвал партнер. Инициаторы разрыва отношений более склонны к *Избеганию близости* ($U=35$, $p=0,02$). Вероятно, людям с такой характеристикой привязанности может быть эмоционально более просто «разорвать» отношения с партнером, а также им может быть субъективно менее комфортно в отношениях с партнерами, нуждающимися в отношениях с большей близостью, включенностью в партнера, о чем они сообщают в интервью.

«Оставленные» же партнеры значимо чаще используют такую копинг-стратегию, как *Дистанцирование* ($U=41$, $p=0,04$), что, на наш взгляд, является продуктивной стратегией в ситуации, на которую личность имеет малое влияние.

Сравнивая 2 группы людей, на данный момент имеющих ($n=17$) и не имеющих отношения с противоположным полом ($n=8$), мы получили значимые различия, по их оценке, насколько им удалось совладать со стрессом разрыва отношений ($U=255$, $p=0,01$). Это может свидетельствовать о том, что люди, которые справились со стрессом завершения отношений, имеют ресурсы и желание общаться с противоположным полом, возможно, и создавать новые отношения, а вот у людей, не справившихся со стрессом, возможно, имеются какие-то трудности при общении с противоположным полом.

Также мы обнаружили разные результаты у мужчин и женщин, переживших завершение отношений. Так у мужчин существует

обратная значимая связь между копинг-стратегией *Дистанцирование* и *длительностью* завершенных отношений ($r = -0,63$, $p = 0,03$). Следовательно, чем дольше длились отношения, тем реже мужчины могут дистанцироваться от негативных эмоциональных переживаний, возникающих в ситуации завершения отношений. Также мужчины, использующие копинг-стратегию *Бегство–избегание*, чаще негативно отзываються о завершенных отношениях ($N = 6,18$, $p = 0,04$), что, вероятно, связано с их стремлением обесценить завершенные отношения. Мужчины, которые в процессе совладания со стрессом завершения романтических отношений имели отношения с другими женщинами, чаще используют копинг-стратегию *Положительная переоценка* ($U = 1,5$, $p = 0,02$).

Существуют значимые различия между женщинами, которые обращались за поддержкой к близким, после завершения отношений, и которые отмечали в интервью, что пытались совладать с данным стрессом самостоятельно. Женщины с *Боязливым типом* привязанности чаще обращались за поддержкой к близким людям, чтобы справиться со стрессом завершения романтических отношений ($U = 4$, $p = 0,02$). Также мы получили результат о том, что у женщин, с *Отстраненно-избегающим* типом привязанности, на настоящий момент, не складываются отношения с мужчинами ($U = 90,5$; $p = 0,03$), что предположительно говорит о трудностях в близости, доверии, трудностях контакта с другими мужчинами.

Таким образом, нам удалось выявить, что существует взаимосвязь между типами привязанности мужчин и женщин на этапе ранней взрослости и стратегиями их совладания со стрессом завершения романтических отношений: люди с *тревожно-противоречивым типом* привязанности чаще всего используют копинг-стратегию Поиск социальной поддержки; у инициаторов разрыва отношений высокие значения по шкале *Избегание близости*; кроме того, мужчины и женщины также имеют специфику выбора копинг-стратегий в связи с их особенностями привязанности.

Литература

- Григорова (Опекина) Т. П. Совладание с деструктивной привязанностью в романтических отношениях взрослых // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 1. С. 110–116.
- Екимчик О. А., Григорова (Опекина) Т. П., Смирнова Н. С. Динамические аспекты близких (романтических) отношений и совладающее поведение партнеров // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 6. С. 278–283.

Екимчик О. А., Крюкова Т. Л. Психология совладания с завершением близких отношений // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 6. С. 117–124.

Крюкова Т. Л. Совладание с жизненными стрессами у партнеров близких отношений: что способствует позитивным последствиям? // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2017. Т. 23. № 4. С. 70–76.

Психофизиологические закономерности решения моральных дилемм «свой»—«чужой» взрослыми

И. М. Созинова, М. А. Видинеева (Москва)

Одним из наиболее древних способов регуляции взаимодействий между индивидами в сообществах является мораль. Индивид сознательно или бессознательно соотносит свои действия с моральными нормами сообщества (Александров, Александрова, 2009). При этом одни и те же действия по отношению к члену своей и чужой группы могут быть оценены по-разному (Koonz, 2003). В нашем исследовании было показано (Sozinova et al., 2020, in press), что моральная оценка действий в конфликтных ситуациях из-за ресурса между членами своей и чужой группы, где члену своей группы ресурс нужен для необязательного блага, а члену чужой — для выживания, изменяется в онтогенезе от безусловной поддержки членов своей группы к справедливому отношению к членам чужих групп.

Изменение моральной оценки действий в конфликтных ситуациях такого типа, вероятно, основано на процессах системной дифференциации, связанных с увеличением количества взаимодействий с членами чужих групп, с усложнением субъективного опыта. С позиции системно-эволюционного подхода (Швырков, 1995) реализация поведения происходит путем актуализации систем, сформированных на разных этапах онтогенеза, при этом позднее сформированные системы не замещают ранее сформированные, а наслаиваются на них. Системы, сформированные на разных этапах онтогенеза, вовлекающиеся в актуализацию одного и того же поведения, могут вступить в противоречие друг с другом, что может проводить к процессам системного рассогласования. Нами было обнаружено, что у детей, поддерживающих членов чужих групп в более чем половине задач, описанных выше, наблюдается большее системное рассогласование,

выраженное в показателях вариабельности сердечного ритма, нежели у детей, чаще отдающих предпочтение члену своей группы (Sozinova et al., 2020, in press). Из полученных данных был сделан вывод о необходимости достаточного количества эпизодов и большего времени для согласовывания систем, связанных с поведением, основанном на противоречащих моральных принципах. Для дальнейшего анализа специфики системного рассогласования на разных этапах формирования моральной оценки действий, основанных на справедливом отношении, в том числе, и к членам чужих групп, необходимо проведение аналогичного исследования при участии взрослых.

Методика

В исследовании приняли участие 27 человек от 18 до 29 лет, медиана по возрасту 21. Исследование проходило в форме индивидуального структурированного интервью. В ходе всего исследования проводилась регистрация сердечного ритма с помощью программы Stressmonitог и беспроводного датчика Zephyr HxM. В течение 3–4 минут участники исследования сидели молча с закрытыми глазами. Также проводилась 5-минутная беседа на темы об учебе, работе, увлечениях. Впоследствии предлагалось решить ряд моральных дилемм. Задача дилеммы состояла в том, чтобы отдать неделимый ресурс либо члену своей группы, которому ресурс нужен для необязательного блага, либо члену чужой группы, которому ресурс был необходим для выживания. Дилеммы использовались ранее в исследовании при участии детей (Sozinova et al., 2020, in press).

Ответы на дилеммы были закодированы как «1», если участник исследования ответил в пользу члена чужой группы и «0», если участник исследования ответил в пользу члена своей группы. Впоследствии для каждого участника исследования была посчитана доля поддержки членов чужих групп путем усреднения баллов по всем дилеммам. Спектральные показатели вариабельности сердечного ритма были посчитаны с помощью программы RRv7 (И. С. Шишалов).

Результаты

Выявлено, что показатель LF/HF ниже при решении моральных дилемм, нежели при беседе с экспериментатором и в состоянии покоя (критерий Уилкоксона, $z = -4,7$; $p = 0,03 \cdot 10^{-4}$). Также была обнаружена связь между показателем LF/HF и долей поддержки чужого ($R = -0,77$; $p = 0,03 \cdot 10^{-4}$). Чем чаще участники исследования при ответе на дилеммы поддерживали члена чужой группы, тем ниже были у них значения показателя LF/HF.

Обсуждение

Увеличение показателя LF/HF характерно для ситуаций, связанных со стрессом (Бахчина, 2014), что с позиции системно-эволюционного подхода может рассматриваться как ситуации крайнего рассогласования (подробнее см.: Sozinova et al., 2020, in press). Таким образом, на основании полученных результатов можно предположить, что у взрослых поведение, связанное с поддержкой членов чужих групп, сопровождается меньшим системным рассогласованием, нежели поддержка членов своей группы. Кроме того, процесс решения моральных дилемм сопровождается меньшим системным рассогласованием, нежели беседа с экспериментатором и состояние покоя. Вероятно, формирование моральной оценки действий в подобных конфликтных ситуациях происходит постепенно, у взрослых накапливается достаточное количество эпизодов взаимодействия с другими, основанными на справедливом отношении друг к другу.

Литература

- Александров Ю. И., Александрова Н. Л.* Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Бахчина А. В.* Динамика вегетативной регуляции кардиоритма при когнитивных, эмоциональных и физических нагрузках: Дис. ... канд. психол. наук, 2014.
- Швырков В. Б.* Введение в объективную психологию: нейрональные основы психики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1995.
- Koonz C.* The Nazi conscience. Harvard University Press, 2003.
- Sozinova I. M., Arutyunova K. R., Alexandrov Yu. I.* Spectral Parameters of Heart Rate Variability as Indicators of the System Mismatch During Solving Moral Dilemmas // Advances in Neural Computation, Machine Learning and Cognitive Research III. 2020 (in press).

Психологическое здоровье как показатель целеустремленности и осмысленности жизни личности (пилотажное исследование)

У. Ю. Соломатина (Москва)

Здоровье – это базовая потребность человека. Сам термин «здоровье» многозначен и предполагает физический и психический уровень рассмотрения. Психический же уровень сочетает в себе и медицину, и психологию.

Начиная со второй половины прошлого столетия развиваются идеи гуманистической и экзистенциальной психологии. Работы А. Адлера, В. Франкла, А. Маслоу, Э. Фромма, Ш. Бюллер, К. Роджерса, Дж. Бюджентала изменили фокус восприятия здоровья с негативного на позитивный, который трактуется через понятия самореализации, самоактуализации, аутентичности, стремления к смыслу, творчества и духовности.

В последние десятилетия и наша отечественная психология обратила внимание на психологическое здоровье человека (Журавлев, Воловикова, Галкина, 2014).

Однако, несмотря на то, что термин «психологическое здоровье» уже давно вошел в употребление, научное сообщество не может прийти к единому мнению относительно синонимичности терминов «психологическое» и «психическое» здоровье.

Задача данного эмпирического исследования: проверить предположение о связи представлений о психологическом здоровье с целеустремленностью и осмысленностью жизни личности.

Методики

Наше исследование является пилотажным. В качестве основных материалов были использованы тест «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО) Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 2000) и разработанная нами пробная анкета-опросник «Психологическое здоровье».

Анкета-опросник «Психологическое здоровье» служит для того, чтобы выяснить, понимают ли разницу между терминами «психологическое» и «психическое» здоровье обыкновенные люди, не являются ли для человека «неискушенного» эти термины просто «удвоением понятий» (Джидарьян, 2014), и определить, какие дескрипторы наиболее часто встречаются для описания понятия «психологическое здоровье».

По форме проведения опросник является индивидуальным и не требует какого-либо оборудования. В анкете предлагается ответить на вопросы, какие ассоциации вызывает словосочетание «Психологическое здоровье» и какие ассоциации вызывает словосочетание «Психическое здоровье».

После ответа на эти вопросы, предлагается (также методом ассоциаций) описать портрет лично знакомого психологически здорового человека, что, по нашему мнению, еще раз предоставляет возможность осмыслить термин «психологическое здоровье».

Заключительным пунктом анкеты является вопрос, считает ли себя опрошенный психологически здоровым.

Тест «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО) служит для того, чтобы определить, есть ли взаимосвязь между целеустремленностью, общим показателем осмысленности жизни и представлении о себе как о психологически здоровой личности. Этот тест включает, наряду с общим показателем осмысленности жизни, также пять субшкал, отражающих три конкретных смысложизненных ориентации (цели в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией) и два аспекта локуса контроля (локус контроля – Я и локус контроля – жизнь). Нас интересовала субшкала «Цели в жизни» и общий показатель осмысленности жизни.

Характеристика выборки

Участие в исследовании было добровольным, для отбора респондентов не было никаких особых критериев. В исследовании приняли участие 44 человека, 31 женщина (23 респондента в возрасте от 18 до 25 лет, 4 – в возрасте от 25 до 40 лет, 4 – от 40 и старше) и 12 мужчин (7 респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, 3 – в возрасте от 25 до 40 лет, 2 – в возрасте от 40 и старше). Один опрошенный был исключен из исследования по причине противоречивости ответов, что истолковано нами как намеренное искажение фактов (ж, 18 лет).

В результате, в исследовании рассматривалось 43 анкеты. В качестве метода обработки результатов анкеты-опросника мы применяли частотный анализ.

Результаты

Из 43 опрошенных не видят принципиальной разницы в понятиях «психологическое здоровье» и «психическое здоровье» 7 человек, что составляет 16,27% от всей выборки.

На материалах оставшихся 36 опрошенных (83,7%), считающих, что есть принципиальная разница между понятиями «психологическое здоровье» и «психическое здоровье», были выявлены следующие наиболее часто встречающиеся ассоциации:

«Психологическое здоровье»: всего терминов (слов и словосочетаний) было выделено 286 (100%), из них наиболее популярны: целеустремленность (18 слов, 6,29%); спокойствие (16 слов, 5,59%); уравновешенность (13 слов, 4,54%).

«Психическое здоровье»: всего терминов (слов и словосочетаний) было выделено 96 (100%), из них наиболее популярны: ЦНС (отсутствие отклонений в работе нервной системы, без диагноза) (9 слов, 9,37%); адекватность (7 слов, 7,29%); уравновешенность (6 слов, 6,25%); безопасность (пригодность для общества) (5 слов, 5,2%).

Слово «уравновешенность» встречается и в том и в другом случае. Нам представляется это логичным в силу того, что сам термин «уравновешенность» довольно расплывчатый для восприятия. Однако самые употребляемые слова «целеустремленный» в контексте психологического здоровья и «ЦНС (отсутствие отклонений в работе нервной системы, без диагноза)» в контексте психического здоровья относятся к разным семантическим группам.

Из этого следует, что для большинства опрошенных, не профессиональных психологов есть принципиальная разница между терминами «психологическое здоровье» и «психическое здоровье».

Заключительным этапом анкеты-опросника было ответить на вопрос, считает ли себя опрошенный психологически здоровым. В результате из 36 (83, 7% от всей выборки) участников 19 (52,7%) считают себя психологически здоровыми, 12 (33%) не считают и 5 (13,8%) считают себя не совсем психологически здоровыми людьми.

Проверяя, есть ли взаимосвязь между целеустремленностью, общим показателем осмысленности жизни и представлении о себе как о психологически здоровой личности, и учитывая, что главным дескриптором психологического здоровья в нашем исследовании является слово «целеустремленный», мы получили следующие результаты.

Мужчины, которые считают себя психологически здоровыми людьми, показали средний балл по субшкале «Цели в жизни» 32,8; и общий балл осмысленности жизни 105,5. А те, кто не считает себя психологически здоровыми – показали средний балл по субшкале «Цели в жизни» 31,4; и общий балл осмысленности жизни – 92.

Женщины, которые считают себя психологически здоровыми людьми, показали средний балл по субшкале «Цели в жизни» 35,15; и общий балл осмысленности жизни – 117,38. А те, кто не считает себя психологически здоровыми – средний балл по субшкале «Цели в жизни» 27,57; и общий балл осмысленности жизни – 81,71.

Среди тех, кто не считает себя полностью психологически здоровым человеком мужчин не оказалось, а женщины показали средний балл по субшкале «Цели в жизни» 31,6; и общий балл осмысленности жизни – 99,2.

Обсуждение результатов

По результатам пилотажного исследования, прослеживается зависимость общего балла осмысленности жизни и балла по субшкале «Цели в жизни» от психологического здоровья личности (у опрошенных, по их представлению о себе как о психологически здоровых).

К тому же, полученные результаты перекликаются с утверждением, что здоровая личность — это личность, стремящаяся к самоактуализации (Maslow, 1950) и смыслу (В. Франкл, 1990), или, говоря литературным языком А. Рэнд, «существует единственная форма человеческого падения — потеря цели».

Выводы

В ходе пилотажного исследования было установлено, что есть существенная разница между понятиями «психологическое» и «психическое» здоровье в понимании обычных людей.

Рассматривалась взаимосвязь между целеустремленностью, общим показателем осмысленности жизни и психологическим здоровьем личности. Эта взаимосвязь подтвердилась. Однако, мужская половина выборки показала наименьшее отличие результатов, нежели женская. Вероятно, что подобная зависимость связана с глубоко укоренившимся в нашем обществе мнением, что мужчины, несмотря на свое душевное состояние, должны проявлять силу духа и твердость характера, ставить цели и добиваться их. К тому же, на данный момент в исследовании мужчин гораздо меньше, чем женщин, поэтому пока сложно говорить о значимости различий среди мужчин в целом. В дальнейшем выдвинутые гипотезы будут проверяться на расширенной выборке.

Литература

- Галкина Т. В., Артемцева Н. Г.* Взаимосвязь между отношением к психологическому здоровью и самооценкой личности // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 457–466.
- Джидарьян И. А.* Психологическое здоровье: проблема науки или удвоение понятий? // Психологическое здоровье личности и духовно-нравственные проблемы современного российского общества / Отв. Ред. А. Л. Журавлев, М. И. Воловикова, Т. В. Галкина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 19–34.
- Леонтьев Д. А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сборник. Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева; вст. ст. Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.
- Maslow A. N.* Self-Actualizing People: A Study of Psychological Health // Personality Symposia: Symposium 1. N. Y.: Grune & Stratton, 1950. P. 11–34.

Восприятие потребителями культурных кодов и образов в маркетинговых коммуникациях в социальных сетях (на примере рекламы парфюмерной продукции)*

Е. А. Сороко, А. Е. Воробьева (Москва)

Социальные сети в качестве рекламной площадки начали активно использоваться сравнительно недавно, и это направление маркетинговых коммуникаций ждет стремительное развитие. По данной проблеме существует большое количество практической маркетинговой литературы, описаний отдельных кейсов удачных рекламных кампаний зарубежных брендов в социальных сетях, но практически нет научного психологического анализа их закономерностей и механизмов.

К социальным медиа относятся: социальные сети (ВКонтакте, Facebook, Одноклассники, Мой Мир, Google+ и профессиональные социальные сети (LinkedIn, Last.fm, Круг, Профессионалы.ру, Viadeo и др.); блогосфера (Twitter, Живой Журнал, Я.ру и др.); видео- и фото-хостинги (Instagram, YouTube, Яндекс. Видео, Pinterest и др.) и др. ресурсы, характеризующиеся наличием сообщества пользователей и их взаимодействием вокруг определенного контента.

Важными преимуществами Social media marketing являются: охват большого количества потребителей; наличие практически мгновенной обратной связи с потребителем; возможность определения конкретного потребителя и дальнейшая продолжительная коммуникация с ним; мультимедийность; широкие возможности целенаправленного воздействия на определенные группы потребителей; нерекламный формат (через общение на актуальные темы и распространение интересного контента, которые содержат информацию о рекламируемом продукте); возможность использовать небольшой рекламный бюджет.

Специфическими приемами рекламы в социальных сетях, использующими знания из области психологии, можно считать следующие:

1. Периодичность, системность и частота показов информации влияет на ее восприятие (аудитория воспринимает позитивно, привыкает к размещаемой информации, комментирует, ждет новой).

---

* Работа выполняется по Государственному заданию № 0159-2019-0002 «Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности».

2. Продвигая продукт с помощью интересной информации, которая будет прямо или косвенно способствовать продвижению пользователей к цели, можно эффективно вовлекать всё большую аудиторию в обсуждение путем опросов, комментариев с переходом на конкретных, откликнувшихся пользователей социальной сети.
3. Для получения как можно большего количества положительных отзывов, можно заинтересовывать пользователей социальных сетей разнообразными бонусами, просить лично написать отзыв, который, наверняка после персональной просьбы, не будет негативным.
4. Если в социальных медиа публикуется информация, продвигается что-либо, что может понравиться, пользователи не задумываясь, начинают доверять этой информации, а значит и компании, предоставляющей услугу или товар.
5. В социальных медиа можно создать мнимый эффект исключительности, избранности пользователя путем применения стратегии «закрытых групп» или «участия только по приглашениям».

В настоящее время в условиях высокой конкуренции и насыщения рынка товарами схожего качества возрастает роль рекламы и, в частности, наиболее выразительной визуальной рекламы в стремительно развивающихся и охватывающих всё большее количество пользователей социальных сетях. В связи с этим возрастает необходимость исследований восприятия визуальной составляющей рекламной коммуникации.

Реклама парфюмерии имеет свои отличительные особенности. Основная проблема: аромат невозможно показать и сложно описать с помощью традиционных каналов коммуникации. Следовательно, основная задача рекламы парфюма – создать образ, который позволит «почувствовать» аромат и вызовет ассоциацию с определенной конкретной маркой товара. В процессе разработки рекламного продукта большое внимание придается всему, что имеет отношение к созданию необходимого образа: названию парфюма, флакону, упаковке, цвету, надписи и, конечно, сюжету и исполнителю главной роли, если это видео- или фото-реклама. Образ аромата, как правило, складывается без текстовых сообщений или только с использованием слогана.

«Реклама, которая во многих своих качествах является частью семиотической системы общества, базируется на свойствах куль-

турных кодов нести в себе конкретную информацию или смысл, который актуализируется в рекламной деятельности с целью привлечения интереса и внимания широких слоев потенциальных потребителей к тем или иным товарам, услугам, идеям, имиджам. Реклама не может быть успешной, эффективной, если в ее знаковом поле не содержится определенного культурного кода» (Демидова, 2010).

Целью выполненного исследования было выявление степени соответствия восприятия потенциальными потребителями культурных кодов и образов в рекламе парфюмерной продукции тем культурным кодам и образам, которые заложены коммуникатором.

Методы исследования: теоретический анализ, он-лайн анкетирование с помощью сервиса anketolog.ru, методы статистического анализа данных. Анкета состояла из 3 открытых вопросов об общем отношении к рекламе, модифицированной психосемантической методики для оценки восприятия телевизионных передач Л. В. Матвеевой и Т. Я. Аникеевой и авторского методического приема, составленного на основе анализа культурных кодов и образов, содержащихся в рекламе. Стимульный материал: 4 видеоролика, выложенных в социальной сети YouTube, с рекламой парфюмерной продукции известных мировых брендов (2 мужских и 2 женских аромата).

Объем выборки составил 42 респондента: 22 респондента женского пола в возрасте от 13 до 65 лет и 20 — мужского пола в возрасте от 18 до 56 лет.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что восприятие потенциальными потребителями культурных кодов и образов в видеорекламе парфюмерной продукции в целом соответствует культурным кодам и образам, заложенным коммуникатором.

По оценкам респондентов наиболее полно описывают рекламу J'adore от Dior следующие понятия: роскошь, уверенность в себе, изысканность, женственность, что и было заложено создателями рекламы, а дополнительные ассоциации возникли только у 2 респондентов и соответствовали по смыслу основным предложенным понятиям. Также и в рекламе United Dreams от Benetton по оценкам респондентов наиболее полно описывают видеоролик следующие понятия: объединение, единство, равенство, энергичность, творчество, свобода и позитив — понятия и смыслы, заложенные коммуникаторами. Только у 1 из респондентов возникло дополнительное негативное оценочное суждение, что предположительно может быть связано с его личными ассоциациями, возникшими при про-

смотре рекламы. По оценкам респондентов рекламу Gentlemen Only от Givenchy наиболее полно описывают такие понятия, как: благородство, элегантность, мужественность и уверенность, а The One Sport For Men от Dolce & Gabbana – физическая сила, спорт, красота тела, мужественность, целеустремленность, что соответствует культурным кодам и образам, заложенным в рекламу коммуникатором. Дополнительные ассоциации возникли только у одного респондента, и они соответствовали по смыслу основным предложенным понятиям.

Также можно сделать вывод о разном восприятии рекламы парфюмерной продукции у представителей обоих полов.

Реклама только одного мужского парфюма Gentlemen Only от Givenchy оценивалась респондентами разного пола без статистически значимых различий, что, вероятно, связано с атмосферой неоромантизма – стиля в парфюмерии, который стремится к возврату всех классических ценностей, которые одинаково воспринимаются и мужчинами, и женщинами.

Остальные 3 видеорекламы показали статистически значимые различия в восприятии по некоторым шкалам, из чего можно сделать вывод о важности наличия в рекламе символов и знаков, понятных целевой аудитории, для которой предназначена продукция. Так, в восприятии мужского аромата The One Sport For Men от Dolce & Gabbana по шкале «стабильная–подвижная» практически все мужчины оценили рекламу как подвижную, что соответствует действительности, в то время как женщины оценивали по-разному, что, скорее всего, можно объяснить невнимательностью и отсутствием интереса при просмотре. Напротив, реклама женского аромата J'adore от Dior по шкале «непонятная–ясная» воспринимается большинством респондентов женского пола как ясная, в то время как мужчины оценивают ее по-разному. По шкале «сложная–простая» большинство мужчин воспринимают эту рекламу как простую. Женщины ее оценивают по-разному, но превалирует средняя оценка. Из чего можно сделать вывод, что в красочном видеоролике с Шарлиз Терон в главной роли, женщины ясно увидели образ, на который хотели бы быть похожи и оценили сложность символического ряда в рекламе. Мужчины, скорее всего, не поняли всех смыслов, заложенных в видеоряд и поставили рекламе противоречивые оценки: с одной стороны, простая, с другой – непонятная, что подтвердило и восприятие другого женского аромата – United Dreams от Benetton, где мужчины также по шкале «непонятная–ясная» оценили ее по-разному, в то время как для женщин она была ясная.

Литература

Демидова Е. Н. Культурные коды в рекламе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 3. С. 8–11.

Ценностно-смысловая сфера делинквентной личности с различными нарушениями функций программирования и контроля

О. В. Старосельцева (Барнаул)

Избрание данной темы исследования определяется актуальностью вопросов работы с социально-ненормативным (девиантным) поведением и профилактики такого поведения. По мнению ряда авторов, органический фактор поражения ЦНС является обязательным этиопатогенетическим звеном в механизме нарушения регуляции, и, в частности, в формировании девиаций (Kiehl, 2000; Schlesinger, 2008; и др.). Проведенный теоретический анализ также показывает, что разные авторы в качестве базовых предпосылок той или иной девиации выделяют систему личностных детерминант (Антонян, 1991; Кудрявцев, 1968; Сафуанов, 2003; и др.).

Таким образом, психологической основой делинквентного поведения, на наш взгляд, наряду с нарушением функций программирования и контроля деятельности является несформированность ценностно-смысловой регуляции, как в количественном, так и в качественном отношении.

Наше исследование проводилось на базе отделения судебно-психиатрических экспертиз Алтайской краевой клинической психиатрической больницы им. Ю. К. Эрдмана. В исследовании участвовали лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений и находящиеся на данный момент на судебно-психиатрической экспертизе (42 лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений против жизни и здоровья; 17 лиц, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних).

Методы исследования

1. Экспериментально-психологическое обследование (нейропсихологическое обследование функций блока программирования, регуляции и контроля деятельности, тест смысложизненных

ориентаций (Д. А. Леонтьев), методика «Ценностный спектр» (Д. А. Леонтьев), метод мотивационной индукции (Ж. Нюттен), тест «Кто Я» (Д. А. Леонтьев).

2. Методы математико-статистической обработки (корреляционный анализ, однофакторный дисперсионный анализ).

На основе нейропсихологического обследования были выделены две группы подэкспертных в зависимости от типа нарушений функций программирования и контроля. *Первую группу* составили обвиняемые с преимущественным нарушением функционирования задне-лобных отделов головного мозга, с которыми связан кинетический нейропсихологический фактор.

При выполнении методики «Ценностный спектр» респонденты первой группы в сравнении со второй оценивают достаточно негативно следующие категории: «любовь» (не жизненная, $p=0,040$; завершенная, $p=0,038$), «человек» (не уникальный, $p=0,025$; полный, $p=0,038$), «Я» (не завершенное, $p=0,045$), «прошлое» (нелегкое, $p=0,066$; нежизненное, $p=0,032$), «настоящее» (не осмысленное, $p=0,040$; нецелостное, $p=0,019$; нежизненное, $p=0,033$; не необходимое, $p=0,019$). А вот оценки категорий «смерть» (осмысленная, $p=0,030$; целостная, $p=0,030$; единство противоположностей, $p=0,030$; полная, $p=0,030$; простая, $p=0,003$) и «будущее» (осмысленное, $p=0,034$; единство противоположностей, $p=0,040$; полная, $p=0,030$; уникальное, $p=0,040$) схожи.

У данной категории респондентов доминирующей чертой является ригидность и трудности переключения, что приводит к невозможности отвлечься от этих психотравмирующих обстоятельств. Именно поэтому имеет место неудовлетворенность собой, своим прошлым и настоящим.

Нами был проведен корреляционный анализ успешности выполнений нейропсихологических проб, методики «Кто Я», метода мотивационной индукции. При выполнении методики «Кто Я» респонденты этой группы реже отмечали коммуникативные характеристики своего Я ($r=-0,555$, $p=0,011$), и реже акцентировали свою причастность к группе друзей ($r=-0,401$, $p=0,027$). Такие подэкспертные замыкаются на своей проблеме, своем негативном эмоциональном состоянии, мыслях о, кажущимся ужасным, будущем. Они в меньшей степени, используют такую эффективную копинг-стратегию, как «социальная поддержка». Подобное обстоятельство снижает адаптационные возможности респондентов этой группы. Испытуемые этой группы чаще давали ответы, которые можно

классифицировать как проблемная идентичность (я ничто, не знаю — кто я, не могу ответить на этот вопрос). То есть у таких подэкспертных имелись вообще сложности в описании собственных характеристик (проблемная идентичность).

Подэкспертные с синдромом нарушения динамической (кинетической) составляющей движений и действий при выполнении метода мотивационной индукции чаще отмечали мотивацию физического самосохранения ($r=0,593$, $p=0,006$). Так же такие респонденты реже указывали цели, связанные с определенными своими способностями ($r=-0,463$, $p=0,040$), что также подтверждает невысокую оценку своего Я у данных респондентов.

Во *второй группе* испытуемых ведущим являлся синдром нарушения регуляции, программирования и контроля деятельности при поражении префронтальных отделов головного мозга. Респонденты этой группы при выполнении методики «Ценностный спектр» достоверно чаще в сравнении с первой группой оценивали «любовь» как завершенную ($p=0,039$), а «будущее» как необходимое ($p=0,048$).

При проведении корреляционного анализа успешности выполнения нейропсихологических проб, методики «Кто Я», метода мотивационной индукции было выявлено, что испытуемые с ведущим синдромом нарушения регуляции, программирования и контроля деятельности в отличие от испытуемых с преимущественным нарушением кинетического фактора в методике «Кто Я» чаще отмечали такие категории как «отдых» ($r=0,480$, $p=0,032$), положительная валентность идентичности ($r=0,483$, $p=0,031$), деятельная идентичность ($r=0,681$, $p=0,001$). Это позволяет высоко оценить их эмоционально-волевые и коммуникативные способности и характеризует данную группу респондентов как способных сосредоточиться на себе, сдержанных, взвешенных в поступках, дипломатичных, ответственных, деловых, социально смелых, активных, уверенных в себе, настойчивых в достижении цели, умеющих работать с собственной тревогой, напряжением, сохранять эмоциональную устойчивость.

При выполнении метода мотивационной индукции респонденты второй группы в отличие от первой чаще были озабочены своим физическим самосохранением ($r=0,460$, $p=0,041$), физической автономией ($r=0,813$, $p=0,000$), отмечали мотивацию социального контакта с противоположным полом ($r=0,568$, $p=0,001$).

Также нами был проведен корреляционный анализ нейропсихологических проб и теста СЖО. Респонденты с синдромом нарушения регуляции, программирования и контроля деятельности при поражении префронтальных отделов головного мозга имеют более низ-

кие показатели по шкале «цели в жизни» ($r = -0,632$, $p = 0,004$), «локус контроля – Я» ($r = -0,503$, $p = 0,028$), «локус контроля – жизнь» ($r = -0,506$, $p = 0,027$), «общий показатель осмысленности жизни» ($r = -0,549$, $p = 0,015$). Таких испытуемых характеризует отсутствие целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Они живут сегодняшним или вчерашним днем, не верят в свои силы контролировать события собственной жизни.

Таким образом, в результате эмпирического исследования нами были сделаны следующие *выводы*:

1. Нейропсихологическое исследование позволило выделить две группы испытуемых. Первую составили обвиняемые с преимущественным нарушением функционирования заднелобных отделов головного мозга, с которыми связан кинетический нейропсихологический фактор. Во второй группе испытуемых ведущим являлся синдром нарушения регуляции, программирования и контроля деятельности при поражении префронтальных отделов головного мозга.
2. У подэкспертных с поражениями заднелобных отделов головного мозга, то есть кинестетического фактора, основной характеристикой психической деятельности является ригидность. Вследствие, ригидности и трудности переключения, респонденты этой группы не могут отвлечься от психотравмирующих обстоятельств, в которых они оказались. Имеет место неудовлетворенность собой, своим прошлым и настоящим.
3. Подэкспертные с поражением префронтальных отделов головного мозга не ставят для себя далеких целей на будущее (которые в условиях заключения оказываются фрустрированными), а живут сегодняшним днем. Так же они не отказываются от такой адаптивной копинг-стратегии как социальная поддержка. Респонденты этой группы не пытаются контролировать события своей жизни в условиях, в которых это вообще не возможно (условия заключения).

Литература

- Антонян Ю. М., Гульдан В. В. Криминальная патопсихология. М.: Наука, 1991.
- Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М.: Юридическая литература, 1968.
- Сафуанов Ф. С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003.

Kiehl K. A., Liddle P. F., Hopfinger J. B. Error processing and the rostral anterior cingulate: An event-related fMRI study // *Psychophysiology*. 2000. № 37. P. 216–223.

Schlesinger L. Compulsive-Repetitive Offenders: Behavioral Patterns, Motivational Dynamics // *Serial Murder and the Psychology of Violent Crimes* / R. N. Kocsis (Ed.). Humana Press, 2008.

Привязанность ребенка младшего школьного возраста к матери и ее взаимосвязь с личностным отношением с окружающими

В. А. Таранова (Москва)

Привязанность обеспечивает такую модель поведения в дисконфортной или угрожающей ситуации, когда ребенок предпочитает быть ближе к значимому взрослому. Один из основных тезисов теории привязанности состоит в том, что на протяжении своей жизни человек будет репродуцировать тип привязанности, который сформировался в ранние годы. В настоящее время увеличивается число детей с проблемами адаптации в обществе, нарастает напряженность и агрессивность среди школьников. Одной из причин является наличие проблем во взаимодействии родителями с детьми, в том числе нарушение привязанности у детей. Вышесказанное делает актуальным исследование вклада привязанности в отношения детей с окружающими людьми.

Цель исследования: выявление связи между привязанностью младших школьников к матери и личностными отношениями с окружающими.

В качестве *гипотезы* выступает предположение о том, что существует связь показателей привязанности ребенка к матери и его личностными отношениями с окружающими. Дети с надежным типом привязанности имеют высокие показатели межличностных отношений с окружающими.

В исследовании приняли участие 23 учащихся первого класса (47,8% девочек) общеобразовательной школы в возрасте от 7 до 8 лет (средний возраст 7,8 лет).

Методики: проективный тест Рене Жиля «Фильм-тест» (адаптация И. Н. Гильяшева, Н. Д. Игнатьева), методика «Психологические особенности доверия» А. В. Сидоренков, методика «Опросник оценки типов привязанности к матери» Е. В. Пупырева, Г. В. Бур-

менская. Методика Жилия позволяет в проективной форме оценить взаимодействие ребенка со сверстниками и взрослыми. Методика А. В. Сидоренкова представляет собой 11 карточек с рисунками нескольких типов ситуаций, в котором к ребенку подходят незнакомые взрослые, в то время как ребенок находится либо один, либо с другом. «Опросник оценки типов привязанности к матери» (Пупырева, Бурменская) позволяет определить сферы проявления привязанности к матери: 1) эмоциональная близость с матерью; 2) взаимодействие с матерью в социальном контексте; 3) восприятие матери как источника помощи и поддержки; 4) принятие матерью (условное/безусловное); 5) потребность в присутствии матери; 6) эмоциональная чуткость матери к ребенку; 7) совместная деятельность (гармоничность либо конфликтность совместной деятельности). Статистический анализ проводился с помощью программы SPSS v. 17.0. Были использованы методы описательной статистики, корреляционный анализ.

Результаты исследования

Ключевым показателем опросника на изучение привязанности является средний балл по всей методике, для ненадежного типа привязанности характерен средний балл до 3; для умеренно надежного типа — от 3 до 3,5; для надежного типа — от 3,5. По результатам проведения методики выявлено, что 9 человек имеют ненадежный тип привязанности, 14 детей надежный тип привязанности. Наибольший процент составляют девочки с надежным типом привязанности. Избегающий тип привязанности преимущественно встречался у мальчиков, среди детей с амбивалентным типом привязанности преобладают тоже мальчики. В процентном соотношении надежный тип привязанности преобладает над ненадежным. Так, в группе с ненадежным типом больше детей с амбивалентно-тревожным видом привязанности.

Полученные в результате обработки методики на оценку привязанности данные указывают на наличие значимых различиях между группами детей с показателями надежной и ненадежной привязанности по шкалам «эмоциональная близость с матерью», «принятие матерью», «эмоциональная чуткость матери к ребенку».

Далее нами был проведен анализ различий между группами детей с учетом типа привязанности. Выявлено, что между группами детей с разным типом привязанности существуют различия по шкале «отношение к матери» ($p=0,004$). По остальным шкалам существенных различий не выявлено.

Результаты исследования показали, что максимальный средний балл по показателю доверия получен в группе с ненадежным амбивалентно-тревожным типом привязанности. Как среди мальчиков, так и среди девочек он составляет 2.

Далее нами была обнаружена корреляционная связь между общим показателем привязанности и показателем отношения к матери ($p=0,007$). Показатель эмоциональной чуткости матери имеет отрицательную связь с проблемами со сверстниками ($p=0,031$). Также выявлена корреляция между показателем эмоциональной чуткости матери к ребенку и отношением ребенка к матери ($p=0,045$). Была обнаружена связь показателя чуткости матери к ребенку с показателем отношения к братьям и сестрам ($p=0,013$). Корреляция между показателями совместной деятельности с матерью и показателями отношения к бабушкам и дедушкам ($p=0,012$).

Интерпретация результатов и выводы: соотношение надежно привязанных к матери детей составляет 61% по выборке, среди 41% ненадежно привязанных к матери детей выявлено 13% с избегающим типом привязанности и 26% с амбивалентным. Группу с избегающим типом привязанности составили только мальчики. Такие данные подтверждают результаты исследований, по результатам которых среди детей с ненадежной привязанностью 6–11 лет мальчики чаще имеют избегающий тип, а девочки – амбивалентный (Del Giudice, 2019).

При сопоставлении данных, полученных с помощью методики Пупыревой, в группах детей с надежной привязанностью и ненадежной привязанностью наибольшие различия выявлены по следующим шкалам: «эмоциональная близость с матерью», «принятие матерью», «эмоциональная чуткость матери к ребенку». Эти характеристики являются важными составляющими привязанности, создают ее основу. При несоответствии типа привязанности с поведением матери у ребенка могут возникать признаки депрессии, подавленности, что впоследствии ведет к изменению типа привязанности (Плешкова, 2018).

Между этими двумя группами среди показателей личностных характеристик по методике Рене Жилия различия выявлены только по шкале «отношение к матери», что указывает на решающую роль только этого компонента в формировании привязанности к матери. Тип привязанности не связан с личностными характеристиками ребенка напрямую.

При сравнении групп по показателю доверия наиболее высокие средние значения установлены у детей с ненадежной амбивалентной привязанностью, а самые низкие у детей с надежным типом привязанности.

занности. Однако значимой корреляции в показателях доверия между выборками детей не было обнаружено.

Среди значимых корреляций между разными показателями можно выделить положительную корреляцию между общим показателем привязанности и показателем отношения к матери. Полученный результат можно объяснить прямой связью между отношением к матери и привязанностью к ней. Корреляция между показателем конфликтности и показателем принятия матерью менее значима, но может быть объяснена взаимосвязью этих двух характеристики в рамках конфликтности ребенка как реакции на непринятие матерью. Связь между показателями эмоциональной чуткости матери к ребенку и отношением ребенка к матери можно обосновать тем, что одно определяется через другое.

Итак, на основании проведенного эмпирического исследования, можно сделать следующие *выводы*:

1. Существуют значимые различия между группами детей с надежным и ненадежным типом привязанности в сферах эмоциональной близости с матерью, принятия матерью, эмоциональной чуткости матери к ребенку и отношением к матери.
2. Полученные данные позволяют сделать выводы о неоднозначной связи привязанности к матери у детей младшего школьного возраста и их личностными отношениями с окружающими.

Литература

Плешкова Н. Л. Развитие привязанности у детей от одного года до четырех лет // Вестник СПбГУ. Психология и педагогика. 2018. Т. 8. № 4. С. 396–408.

Del Giudice M. Sex differences in attachment styles // Current Opinion in Psychology. 2019. № 25. P. 1–5.

Предикторы групповой саморефлексии в исследовании коллективного субъекта (на примере учебной группы): результаты пилотажного исследования

С. В. Тарасов (Москва)

Актуальность исследования феномена «коллективный субъект» обусловлена его ведущей ролью в изучении больших и малых групп, групповых процессов. Анализ структуры и содержания данного явления наиболее полно представлены в трудах А. Л. Журавлева,

А. С. Чернышева, С. В. Сарычева, А. И. Донцова, и других исследователей (Журавлев, 2009; Чернышев, 1981; и др.). В рамках разрабатываемых подходов авторы сформулировали понятие «коллективный субъект», выделили признаки, качества субъектности и т. п. Они так же, как и трактовки самого понятия, различаются в зависимости от того, о каком субъекте идет речь – трудового коллектива (А. Л. Журавлев и др.) или учебной группы (А. С. Чернышев, С. В. Сарычев и др.).

В нашем исследовании полузакрытых учебных групп в большей степени мы придерживались подхода, сформулированного А. Л. Журавлевым (Журавлев, 2009). В частности, ключевым признаком для нас явился выделенный им признак «саморефлексии». Однако не менее важным для изучения коллективного субъекта в учебной группе является положение, разрабатываемое в Курской научной школе о соотношении индивидуального и коллективного субъекта. Опираясь на данный подход, предположили, что включение в систему признаков коллективного субъекта учебной группы полузакрытого типа характеристик индивидуального субъекта, не противоречит общей концепции исследования.

Разработка феномена «коллективного субъекта» в рамках предлагаемого нами *интегративного подхода* к исследованию полузакрытых учебных групп (Дробышева, Тарасов, Сахарова, 2018; и др.) позволяет по-новому взглянуть на проблемы изучения субъектных свойств малой группы. Новизной работы является включение в систему исследуемых характеристик субъектности полузакрытой учебной группы тех из них, которые традиционно изучаются в рамках психологии индивидуального субъекта (И. О. Александров, Н. Е. Максимова, С. К. Нартова-Бочавер и др.). В частности, показателей суверенности психологического пространства личности, поскольку при взаимодействии с другими людьми суверенная личность учитывает не только свои границы, но и границы других (Нартова-Бочавер, 2014).

В связи с тем, что саморефлексия как признак коллективного субъекта ранее изучался на производственном коллективе (группа открытого типа), то для пилотажного исследования была выбрана учебная группа открытого типа. Данный тип групп в исследовании полузакрытых учебных групп является группой сравнения.

По мнению А. Л. Журавлева, саморефлексия – это способность группы, наиболее значимая ее характеристика как коллективного субъекта. Она указывает на способность группы к самооценке, самоорганизации своей деятельности. Причем в случае неудовлетворительной самооценки группы ее саморефлексия предполагает воз-

возможность перестройки групповой деятельности для достижения наилучшего результата (Журавлев, 2009). Для настоящего исследования представлял интерес анализ предикторов групповой саморефлексии в учебной группе открытого типа.

Целью исследования явилось изучение признаков групповой саморефлексии учебной группы и факторов их обуславливающих.

Гипотеза включала предположение о том, что самооценки соблюдения респондентами групповых правил и норм связаны с высоким уровнем их рефлексивности и суверенности.

Предметом исследования явилась связь между показателями саморефлексии и личностными характеристиками учащихся.

В качестве *объекта* исследования выступили две учебных группы открытого типа.

Выборка и методы исследования

Выборка была представлена двумя реальными группами подростков в возрасте 13–14 лет, обучающихся в 7-м классе общеобразовательной школы (N = 28 и N = 30).

Была разработана программа исследования, которая включала следующие методы и приемы: признаки групповой саморефлексии изучали с помощью метода свободных ассоциаций («мой класс») и авторского опросника («Шкала соблюдения правил и норм группы»), построенного по типу шкалы Лайкерта (7-балльная шкала). Респондентам предлагалось высказать свое согласие с приведенными утверждениями от «полностью согласен» до «абсолютно не согласен». Опросник включал несколько утверждений о важности соблюдения норм и правил образовательного учреждения. Предикторы групповой рефлексивности изучали с помощью методики «Уровень рефлексивности личности» А. В. Карпова (Карпов, 2003), она состояла из 27 утверждений, степень согласия с которыми требовалось оценить по 7-балльной порядковой шкале. Результаты оценок предполагали выделение трех уровней рефлексивности личности: высокого, среднего и низкого. Также использовали методику С. К. Нартовой-Бочавер, ориентированную на изучение психологической суверенности личности (Нартова-Бочавер, 2013). Методы статистического анализа: частотный, корреляционный (r Спирмена) и регрессионный анализы различий по критерию Манна–Уитни.

Результаты пилотажного исследования и их обсуждение

Сравнительный анализ выраженности показателей групповой саморефлексии в двух учебных группах открытого типа показал отсутст-

вие статистически значимых различий (по критерию Манна–Уитни при $p > 0,05$). В связи с этим в дальнейшем анализировали обобщенные данные, полученные в двух группах респондентов.

На первом этапе работы была поставлена задача проанализировать коннотации понятия «мой класс». Т.е. то, как воспринимают респонденты свою группу. Полученные данные обрабатывали с помощью контент-анализа и последующего частотного анализа. В ходе анализа были выделены 5 категорий ассоциаций: 1) ассоциации, связанные с основным видом деятельности респондентов, т.е. учебной деятельностью (школа, уроки, учеба, школьники, и т.п.) (41 % выборки); 2) ассоциации, выражающие позитивные эмоции (шутки, смех, веселые, юмор, и т.п.) (31%); 3) ассоциации, выражающие негативное отношение к группе («быдло», «предатели») (26%); 4) ассоциации, отражающие дружеские отношения в группе (друзья, дружба, товарищи, и т.п.) (23%); 5) ассоциации, связанные с процессом общения (споры, общение, разговоры, сленг и т.п.) (16%). Результаты частотного анализа показали, что наиболее выраженные представления учащихся о своей группе связаны с их учебной деятельностью и позитивными эмоциями, которые разделяют участники исследования как члены данной группы. Важное место в их восприятии своего класса занимают дружеские отношения и процесс общения. В то же время присутствие негативных коннотаций в сематическом поле представлений о своем классе указывает, с одной стороны, на внутреннюю конфликтность группы, с другой стороны, – на способность группы видеть не только позитивные, но и свои негативные характеристики. Последующий корреляционный анализ представлений о своем классе показал, что позитивное эмоциональное восприятие своего класса в представлениях участников исследования связано с дружескими связями в группе ($r = 0,344$, $p = 0,008$), а восприятие группы с точки зрения выполнения ею задач в сфере деловых отношений (учебная деятельность), обратно пропорционально коррелирует с негативными переживаниями членов группы ($r = -0,275$, $p = 0,037$). Принимая во внимание, что механизмом формирования учебной группы является интерес в сфере деловых отношений (получение образования), то становится ясным, что негативные коннотации группы определяются межличностными отношениями учащихся.

Последующий частотный анализ выраженности показателей нормативного поведения членов группы показал следующее. Третья часть респондентов считает, что правила и нормы в школе очень важны для формирования личности (31,5% выборки согласны с данным утверждением), они определяют нормы и ценности класса, в ко-

тором учатся респонденты (27,5%). Тем не менее часть из них готовы внести изменения в эти правила (41,5%), что указывает на субъективную позицию членов группы, их равнодушное отношение к ней. Однако большинство учащихся плохо знает школьные правила (74%) и признается, что не всегда соблюдает даже те из них, с которыми они знакомы (61%). В то же время правила, связанные с распорядком дня (элемент организационно-образовательной среды школы), учащиеся соблюдают неукоснительно (37%), поскольку эти правила устраивают их (34%).

Данные корреляционного анализа ассоциаций и представлений о соблюдении правил и норм в группе (критерию Спирмена при $p < 0,05$) показали, чем более выражено представление о своем классе как группе друзей (т. е. неформальной группы), тем более выражено: стремление группы к соблюдению правил ($r = 0,345$, $p = 0,008$), их согласие с распорядком дня ($r = 0,488$, $p = 0,000$) и его соблюдение ($r = 0,535$; $p = 0,000$), тем выше их оценки значимости правил для норм и ценностей группы ($r = 0,302$, $p = 0,021$). Иными словами, чем более выражена представленность в группе неформального общения и отношений, тем в большей степени группа ориентирована на соблюдение правил и норм, регулирующих неформальные отношения в группе. Важность межличностного общения в восприятии своего класса, в большей степени, связана с пониманием респондентами роли правил и норм группы для формирования личности ($r = 0,28$, $p = 0,012$) и, в меньшей степени, — с глубоким знанием школьных правил ($r = -0,326$, $p = 0,012$). Данный факт может быть интерпретирован следующим образом: с возрастанием значимости общения в восприятии своей группы, правила интегрируются, их знание становится менее важным, уступая пониманию роли правил и норм в формировании личности. Негативные коннотации в оценках своего класса в представлениях респондентов обратно пропорционально связано с оценками роли правил и норм в формировании личности ($r = -0,405$, $p = 0,002$), соблюдением правил в группе ($r = -0,34$, $p = 0,009$) и согласием с существующим распорядком дня в школе ($r = -0,39$, $p = 0,002$). То есть в случае возрастания значимости негативного опыта в оценках своей группы снижается важность соблюдения правил и норм, распорядка дня в школе для групповой самооценки.

В нашей работе в качестве предикторов групповой саморефлексии выступили такие характеристики респондентов как рефлексивность и суверенность личности. Напомним, предположение о связи совокупности личностных характеристик и показателей групповой рефлексии основывалось на представлениях о том, что способность

оценивать себя со стороны и способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство влияют на самооценку соблюдения норм и правил в группе.

Был проведен регрессионный анализ, в котором в качестве зависимой переменной выступили самооценки соблюдения норм и правил в группе. Роль независимых переменных выполняли показатели: рефлексивности, суверенности личности. Кратко изложим только наиболее значимые результаты. Так, самооценка важности правил для групповых норм и ценностей зависит (КМК=0,765; КМД=0,592; $F=13,533$; $p=0,000$) от уровней рефлексивности ($\beta=0,559$; $t=6,229$; $p=0,000$) и психологической суверенности ($\beta=-0,573$; $t=-6,360$; $p=0,000$) личности. Причем, высокий уровень рефлексивности и низкий уровень психологической суверенности в данной модели определяют внутриличностный конфликт, который проявляется в способности группы к самооценке значимости правил в ценностно-нормативной регуляции поведения в группе, в первую очередь, в структуре неформальных отношений в группе, связанных с общением членов группы. В регрессионную модель оценки готовности респондентов к изменению групповых правил и норм вошли (КМК=0,777; КМД=0,604; $F=12,941$; $p=0,000$) показатели рефлексивности ($\beta=-0,266$; $t=2,601$; $p=0,012$) и отдельных проявлений суверенности: территории ($\beta=0,375$; $t=3,469$; $p=0,001$), привычек ($\beta=-0,392$; $t=3,448$; $p=0,001$), социальных связей ($\beta=0,244$; $t=2,277$; $p=0,027$), ценностей ($\beta=-0,603$; $t=-5,320$; $p=0,000$). Как можно заметить, на выраженность готовности к изменению групповых правил и норм влияют: низкий уровень рефлексивности личности, попытки окружающих изменить комфортный или привычный для членов группы распорядок жизни, отстаивание права иметь друзей и знакомых, не зависимо от мнения близких, свободно выражать свои ценности и взгляды на окружающий мир.

Резюмируя, заметим, что полученные результаты носят дискуссионный характер и требуют более глубокого анализа с точки зрения их сопоставления с аналогичными результатами, полученными в полужакрытой учебной группе.

Литература

Дробышева Т. В., Тарасов С. В., Сахарова Е. Ю. Межличностные отношения подростков в разных условиях социализации (на примере детей и учащихся общеобразовательной школы) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 4 (12). С. 108–127.

- Журавлев А. Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 5. С. 72–80.
- Карнов А. В.* Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.
- Нартова-Бочавер С. К.* Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 105–119.
- Чернышев А. С.* Социально-психологические свойства коллектива как субъекта деятельности // Вопросы психологии коллектива школьников и студентов. Курск, 1981. С. 3–16.

Влияние возраста и патологии на способность к переключению между заданиями*

Д. В. Татаринов, А. А. Хлебникова, Б. Б. Величковский (Москва)

Развитие медицины и институализация иных форм заботы о пожилых людях в современных нам гуманистически ориентированных обществах обеспечивают рост продолжительности и материальной обеспеченности поздних этапов онтогенеза. Однако, на качество жизни пожилого человека, помимо условий существования, значительное влияние оказывает сохранность его когнитивных функций, лежащих в основе гибкой адаптации к среде и активного, продуктивного в ней функционирования. На сегодняшний день известно, что как нормальное, так и патологическое старение сопровождаются дефицитами памяти, внимания, снижением подвижного интеллекта и ряда других когнитивных функций. Актуальным является и исследование возрастных изменений когнитивного контроля – семейства функций, отвечающих за целенаправленное поведение и регулирующих нижележащие процессы. Обеспечивая динамику человеческого познания и поведения, когнитивный контроль рассматривается исследователями как ключевой фактор успешной адаптации, продуктивной жизнедеятельности и, следовательно, благополучного старения. В частности, контрольная функция переключения оказывается задействованной в ситуациях изменения условий и требований ситуации и способствует гибкому переключению индивида

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-013-00806.

между задачами, целями или ментальными состояниями. Способность отказаться от выполнения потерявшей актуальность задачи и переключиться на новую, безусловно, необходима в условиях динамически меняющейся среды, поэтому исследование сохранности контрольной функции переключения при нормальном и патологическом старении имеет как научное, так и практическое значение. Ранее дефицит переключения был показан у здоровых пожилых людей (Kray, Lindenberger, 2000), а также у молодых индивидов с повышенным генетическим риском развития деменции (Velichkovsky et al., 2015).

Целью исследования являлось изучение возрастных изменений контрольной функции переключения при нормальном и патологическом (мягкое когнитивное снижение) старении.

Основными *гипотезами* исследования выступали предположения о возрастном и связанном с патологией (мягкое когнитивное снижение) дефиците функции переключения.

В исследовании приняли участие 96 человек, составивших 3 группы в соответствии с выдвинутыми нами гипотезами. Средний возраст участников из группы молодых людей (57 человек) составил 25,5 года при разбросе от 19 до 33 лет. Эта группа была представлена 38-ю участниками женского и 19-ю мужского пола. Группа здоровых пожилых людей состояла из 34 участников, средний возраст которых был равен 58,5 (от 45 до 73 лет). 20 из них были женского, а 14 мужского пола. Основанием для отнесения участника пожилого возраста к группе нормы выступали результаты его обследования, при котором использовалась Монреальская шкала оценки когнитивных функций. Каждый участник группы здоровых пожилых набрал как минимум 26 баллов по данной методике. Группу пожилых участников с мягким когнитивным снижением составили на данном этапе исследования 5 человек (средний возраст – 73, от 62 до 86 лет, все женского пола). Их статус и диагноз были определены сотрудниками ФГБНУ «Научный центр психического здоровья».

Для оценки эффективности контрольной функции переключения использовалось задание Буква—Цифра, часто применяющееся в парадигме переключения задач (Rogers, Monsell, 1995). Задание предполагает предъявление испытуемому комплексного стимула, который необходимо классифицировать в соответствии с актуальным в данный момент правилом. Стимул является парой из буквы и цифры, и в первом случае классифицируется на основании того, является ли буква согласной или гласной, а во втором – на основании четности цифры. Актуальное задание (т. е. целевой объект клас-

сификации) определялся в случае нашего исследования расположением стимула в зрительном поле. Оно было разбито на 4 клетки, составивших матрицу 2×2, и стимул последовательно предъявлялся в каждой из них. Если пара из буквы и цифры занимала любую из верхних клеток, испытуемый должен был классифицировать стимул на основании четности цифры, в противном случае – на основании отнесения буквы к гласной или согласной. Таким образом, задания регулярно сменяли одно другое, и по различиям во времени и точности предоставляемых ответов на пробы-повторения и пробы-переключения можно было судить о сохранности контрольной функции переключения. Задание предъявлялось участнику на компьютере, содержало инструкцию и 24 тренировочных, а также 128 основных проб.

Каждый участник перед дальнейшей статистической обработкой данных был представлен средним временем реакции (ВР) и средней точностью ответов отдельно в пробах-повторениях и пробах-переключениях. Эти данные затем обрабатывались с помощью 3 × 2 двухфакторного дисперсионного анализа для независимых выборок, в котором Группа (молодые, здоровые пожилые и пожилые с мягким когнитивным снижением) выступала как межсубъектный, а Тип попытки (повторение или переключение) – как внутрисубъектный фактор.

Результаты статистического анализа ВР выявили значимый эффект Типа попытки ($F(1, 93) = 266,9, p < 0,001$) и Группы ($F(2, 93) = 33,17, p < 0,001$), а также значимое взаимодействие между ними ($F(2, 93) = 6,54, p = 0,002$). ВР в каждой из групп значимо возрастало в пробах-переключениях, а также в каждом из типов попыток демонстрировало тенденцию к росту от группы молодых к группе здоровых пожилых и далее к группе пожилых с мягким когнитивным снижением. Более того, та же динамика в зависимости от группы была обнаружена и для разницы в ВР между пробами-переключениями и пробами-повторениями (так называемая стоимость переключения). Значимое взаимодействие Группа × Тип попытки отражает именно возрастающую стоимость переключения при нормальном старении и еще больший ее рост при патологическом. Таким образом, действительно, пожилые люди испытывают большие трудности при необходимости переключаться между заданиями. Мягкое когнитивное снижение ассоциировано с даже более ярко выраженной сложностью в осуществлении подобной активности.

Открытым на данном этапе исследования остается вопрос об источнике этого снижения. С одной стороны, пожилые испыты-

емые могут испытывать большую сложность в произвольном, активном реконфигурировании своего ментального состояния, т. е. выгрузки репрезентации неактуального и загрузки репрезентации актуального задания в рабочую память. С другой стороны, автоматически сохраняющаяся интерференция от ранее выполненного задания также может вносить вклад в наблюдаемый эффект. Прояснить этот вопрос помогут средства моделирования, применение которых запланировано на дальнейших этапах исследования.

Кроме того, статистический анализ точности даваемых ответов, проведенный по той же схеме, что и анализ ВР, выявил лишь значимый эффект Типа попытки ($F(1, 93) = 21,9, p < 0,001$), но не Группы $F(2, 93) = 2,02, p = 0,138$) и не взаимодействия между ними ($F(2, 93) = 2,16, p = 0,12$). Ответы на попытки-переключения оказывались менее точными в каждой из группы, однако различия между группами не достигли уровня значимости. Очевидное противоречие этих результатов тем, которые были получены при анализе времени реакции, может быть объяснено склонностью пожилых испытуемых использовать консервативный стиль принятия решений, предполагающий предоставление лишь таких ответов, в которых испытуемый вполне уверен. Тогда увеличение времени реакции у здоровых пожилых и пожилых с мягким когнитивным снижением отражает временные затраты на аккумуляцию дополнительных сведений в пользу предполагаемого ответа, на его перепроверку и т. д. Сам же ответ в среднем сопоставим в своей точности с ответами молодых участников. Таким образом, дефицит на когнитивном уровне может проявляться по-разному – во времени реакции или в точности – в зависимости от установок субъекта. Пожилые испытуемые как в норме, так и в патологии, по-видимому, ориентированы на качество в большей степени, чем на быстроту. Тем не менее, снижение по любому из этих показателей свидетельствует о дефиците функции переключения в пожилом возрасте, что и продемонстрировало проведенное исследование. Его результаты могут служить как отправной точкой для будущих работ, имеющих теоретическое значение (прояснение механизмов и источников снижения), так и использоваться на практике – для организации среды, максимально комфортной и доступной для успешного и продуктивного в ней функционирования пожилых людей.

Литература

Kray J., Lindenberger U. Adult age differences in task switching // Psychology and Aging. 2000. V. 15 (1). P. 126–147.

Rogers R. D., Monsell S. The cost of predictable switch between simple cognitive tasks // *Journal of Experimental Psychology: General.* 1995. V. 124. P. 207–231.

Velichkovsky B. B., Roshchina I. F., Selezneva N. D. Cognitive control and memory in healthy ApoE-ε4 carriers with a family history of Alzheimer's disease // *Psychology in Russia: State of the Art.* 2015. V. 8 (1). P. 4–13.

Связь ресурсов саморегуляции функционального состояния и удовлетворенности работой у операторов контакт-центров*

М. А. Титова (Москва), К. М. Нематова (Баку, Азербайджан)

В настоящее время интерес в среде психологов и в бизнесе вызывает проблема повышения эффективности работы сотрудников контакт-центров. Актуальность проблемы профессионального стресса среди этих профессионалов, а также необходимость ее преодоления отмечают многие исследователи (Devis, 2000; Feinderg, 2001; Tuten, 2004). Одним из важных критериев эффективной, успешной деятельности, помимо объективных критериев, может считаться субъективная оценка удовлетворенности работой.

Вместе с тем, операторы подвержены мощному воздействию множества источников напряженности. Наиболее существенными источниками стресса операторов контакт-центра являются шум в рабочем помещении, монотонность и однообразие выполняемой деятельности, интенсивность нагрузок, конфликты с клиентами, пресинг со стороны руководства, постоянный контроль, ограниченные возможности в принятии решений и планировании своей работы. В связи с крайне напряженными условиями профессиональной деятельности в контакт-центрах, как правило, высока текучесть кадров (Devis, 2000; Feinderg, 2001; Tuten, 2004). По данным ряда исследований основными факторами стресса операторов контакт-центров, влияющими на принятие решения об увольнении, связаны с оплатой труда и взаимоотношениями в коллективе. Удовлетворенность оплатой труда важно учитывать при решении проблемы снижения числа увольнений (Барабанщикова, Иванова, Федотова, 2014).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 17-06-00994 «Жизнестойкость и стресс-резистентность субъекта труда как факторы успешности профессиональной деятельности сотрудников современных российских организаций».

В ряде исследований показано, что профессионалы, обладающие широким арсеналом ресурсов саморегуляции и применяющие их адекватно условиям труда, а также в соответствии с профессиональными нормами, наиболее успешно преодолевают напряженность профессиональной деятельности и наиболее удовлетворены работой (Кузнецова, Титова, Злоказова, 2019).

Целью данного исследования стало выявление связи между особенностями ресурсов саморегуляции функционального состояния и удовлетворенностью работой у операторов контакт-центров. Объект исследования – ресурсы саморегуляции функционального состояния операторов контакт-центров. Предметом исследования является связь ресурсов саморегуляции функционального состояния операторов контакт-центров и их удовлетворенности работой. Гипотеза исследования состоит в следующем: существует связь между разными аспектами удовлетворенности работой и применяемыми операторами контакт-центра для преодоления напряженности ресурсами саморегуляции функционального состояния.

В диагностический пакет исследования были включены следующие *методики*: 1) для сбора биографических данных – анкета; 2) для анализа источников стресса на рабочем месте применялся опросник трудового стресса Ч. Спилбергера в адаптации А. Б. Леоновой и С. Б. Величковой (2002); 3) для исследования особенностей ресурсов саморегуляции функционального состояния использовались опросник «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» С. Хобфолла в адаптации Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой для изучения моделей копинг-поведения (2003), а также тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой (2011); 4) для изучения оценки удовлетворенности работой, психологического благополучия и хронических состояний как результирующих показателей эффективности функционирования ресурсов саморегуляции применялись опросник «Удовлетворенность работой» В. А. Розановой (2003); опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т. Д. Шевеленковой и Т. П. Фесенко (2005); опросник «Степень хронического утомления» (А. Б. Леонова, И. В. Шишкина, 2003). Для обработки данных применялись дескриптивная статистика, оценка межгрупповых различий с помощью U-критерия Манна–Уитни, исследование связи показателей с применением г-критерия Спирмена.

Участниками исследования стали 40 операторов контакт-центров разных организаций (35 женщин и 5 мужчин в возрасте от 21 до 35 лет, средний возраст – 27). Средний общий стаж работы об-

следованных – 3,3 года, средний стаж работы в контакт-центре – 2,6 лет. Основная задача всех этих операторов – принимать входящие звонки от клиентов.

По результатам проведенного исследования выявлено, что у участвовавших в нем операторов контакт-центров уровень неудовлетворенности работой немногим выше среднего ($\mu = 41,6$, $\sigma = 9,3$), проявления трудового стресса выражены на среднем уровне ($\mu = 23,2$, $\sigma = 1,3$). Обнаружено, что опрошенные операторы контакт-центров, чаще используют профессионально неодобряемые модели копинг-поведения, такие как агрессивные действия ($\mu = 19,8$, $\sigma = 0,5$) и избегание ($\mu = 18,9$, $\sigma = 0,4$) и редко обращаются к просоциальным моделям поведения, таким как социальный контакт ($\mu = 19,7$, $\sigma = 0,7$) и поиск социальной поддержки ($\mu = 19,7$, $\sigma = 0,6$). Выявлено, что вовлеченность ($\mu = 28,8$, $\sigma = 0,9$), контроль ($\mu = 26,5$, $\sigma = 0,8$) и общий уровень жизнестойкости ($\mu = 69,6$, $\sigma = 1,5$), в целом по обследуемой группе операторов, выражены ниже среднего, а компонент принятия риска выше среднего ($\mu = \sigma = 0,5$). Отмечаются следующие результаты работы ресурсов саморегуляции состояния: отсутствуют признаки хронического утомления ($\mu = 15,8$, $\sigma = 1,3$), но снижены уровни таких компонентов психологического благополучия как наличие позитивных отношений ($\mu = 52,7$, $\sigma = 1,5$) и цели ($\mu = 51,4$, $\sigma = 1,2$) в жизни. Остальные показатели психологического благополучия в целом по выборке опрошенных операторов выражены на среднем уровне.

Корреляционный анализ показал наличие связей между ресурсами саморегуляции состояния и различными показателями неудовлетворенности работой. Интересно, что асоциальные действия связаны с удовлетворенностью компетенцией ($r = 0,328$, $p = 0,015$) и стилем руководства начальника ($r = 0,328$, $p = 0,039$), неудовлетворенность требованиями работы к интеллекту – со снижением вовлеченности ($r = 0,414$, $p = 0,008$). Неудовлетворенность физическими условиями труда связана с нетипичностью такой модели копинг-поведения как вступление в социальный контакт ($r = -0,315$, $p = 0,048$). Неудовлетворенность требованиями рабочего дня отрицательно связана с осторожными действиями ($r = -0,323$, $p = 0,042$), неудовлетворенность зарплатой в сравнении с тем, сколько за такую работу платят в других организациях, связана с уверенными (ассертивными) действиями ($r = 0,315$; $p = 0,048$).

Поиск социальной поддержки связан с неудовлетворенностью служебным продвижением ($r = 0,349$, $p = 0,027$) и возможностями такого продвижения ($r = 0,319$, $p = 0,045$). Вероятно, подобные связи показателей характерны для молодых людей, ориентированных

на развитие, но не имеющих возможности профессионального роста в рамках работы в контакт-центре (средний возраст обследованных операторов – 27 лет). Степень влияния неудовлетворенности работой на принятие решения об увольнении отрицательно связана с импульсивными действиями ($r = -0,326$, $p = 0,04$) и прямо связана с избеганием как моделью поведения ($r = 0,319$, $p = 0,405$).

Выявлено, что несмотря на различный субъективный образ трудовой ситуации, менее и более удовлетворенные операторы используют схожие ресурсы саморегуляции функционального состояния связанные с часто применяемыми профессионально-неодобряемыми моделями копинг-поведения (агрессивные, избегающие действия) и характеризуются принятием риска как показателем жизнестойкости. Применение этих ресурсов саморегуляции позволяет преодолевать хроническое утомление, но не позволяют поддерживать высокий уровень психологического благополучия.

Определены риск-факторы развития неудовлетворенности такие как: ассертивные действия и ресурсы преодоления неудовлетворенности работой, такие как снижение вовлеченности как показателя жизнестойкости, снижение типичности применения просоциальных стратегий и осторожного копинг-поведения. Удалось выявить прямые связи просоциальных ресурсов саморегуляции функционального состояния с показателями психологического благополучия. Результаты исследования могут быть использованы в практической работе психолога с операторами контакт-центров с целью повышения эффективности их работы, а также стать основой для более глубокого исследования связи ресурсов саморегуляции и удовлетворенности работой.

Литература

- Барабанищикова В. В., Иванова С. А., Федотова Т. М.* Синдром профессионального стресса в структуре деятельности операторов справочных служб // Мир образования – образование в мире. 2014. № 3. С. 174–186.
- Кузнецова А. С., Тутова М. А., Злоказова Т. А.* Психологическая саморегуляция функционального состояния и профессиональная успешность // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. «Психология». 2019. № 1. С. 51–68.
- Devis R.* Call centers: evaluation not validation // *Europ. Journal of Work and Organiz. Psychol.* 2000. V. 6. № 1.
- Feinderg R., Ruyter K., Wetzels M.* Role stress in call centers: Its effects on employee performance and satisfaction // *Journal of Interactive Marketing.* 2001. V. 15, Iss. 2. P. 23–135.

Tuten T. L., Neidermeyer P. E. Performance, satisfaction and turnover in call centers. The effects of stress and optimism // *Journal of Business Research*. 2004. V. 57. P. 26–34.

Эффект пространственного запечатления при решении задачи К. А. Никольской у человека в виртуальной среде*

В. В. Толченникова (Москва)

Введение

Согласно концепции К. Лоренца, в определенные периоды раннего онтогенеза запечатление информации может происходить без анализа и селекции (Lorenz, 1935). Ранее нами была показана возможность пространственного запечатления у взрослых мышей F1 (C57BL/6×DBA/2) по типу импринтинга при решении задачи К. А. Никольской (Serkova, Nikolskaya, 2015). Мы предположили, что данный феномен имеет более универсальный характер и может быть выявлен у человека в аналогичной задаче.

Цель и гипотеза исследования: выявить феномен пространственного запечатления у человека при решении задачи Никольской в виртуальном лабиринте.

Характеристики выборки

Исследование было проведено на 78 студентах 1–2 курса биологического факультета МГУ им. Ломоносова с опытом существования в игровой виртуальной реальности. Испытуемые случайным образом были разделены на 2 группы: 1) контрольную (N = 36) и 2) опытную (N = 42) (далее по тексту И-группа).

Методика

В работе использована оригинальная компьютерная игра Nikol-5.3, разработанная в среде Unity 7.3 (совместно с Д. Сербаяевым) в соответствии с основными положениями системно-информационного подхода (Никольская, 2010). Виртуальная среда состояла из двух отличающихся в информационном отношении зон: просто устроенной стартовой зоны и многоальтернативной лабиринтной зоны, содер-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-315-00131.

жащей 7 значимых элементов: входные ворота, 2 сундука с монетами, 2 сундука без монеток («ложный сундук»), два выхода в стартовое поле. Испытуемым предлагалось решить задачу, суть которой состояла в следующем: монетки снова окажутся в сундуках, если после их получения самопроизвольно покинуть лабиринтную среду через любой из выходов и снова в нее войти. В связи со структурой задачи решение представляло собой четырехзвенный навык в циклической форме: вход, посещение двух сундуков с монетами и выход. Перед игроками ставилась задача собрать как можно больше монеток. Игра осуществлялась от первого лица. Длительность игры составляла 15 минут.

Испытуемые контрольной группы сразу работали в лабиринте, где все возможные маршруты были открыты. Испытуемые И-группы в течение первой пробы перемещались в лабиринте, в котором кратчайшие маршруты между значимыми элементами среды были перекрыты. После первого выхода в стартовую зону перегородки автоматически исчезали и далее И-испытуемые могли использовать все маршруты для формирования циклического навыка. Каждому отсеку лабиринта был присвоен знак, в результате чего поведение игрока перекодировалось в текстовую последовательность, подвергавшуюся количественному и качественному анализу. На основе текста осуществляли реконструкцию познавательного процесса. Пробу определили как маршрут от входа в лабиринтную зону до выхода в стартовый отсек. Под ошибкой понимали повторное заглядывание в сундук и любое заглядывание в «ложный сундук». Под минимизированным решением понимали маршрут, соответствующий максимуму подкрепления при минимуме действий. В качестве критерия обученности использовали выполнение двух минимизированных решений подряд.

Математические методы

Анализ символьных последовательностей выполнен в оригинальной программе Nikol-analysis (совместно с Шлепневым П. В. 2018), пороги неслучайного возникновения в поведении для каждой последовательности из N элементов определяли методом однородных Марковских цепей. Проверку на нормальность полученных распределений определяли при помощи описательной статистики в программе Statistica 8.0 с помощью критерия Колмогорова–Смирнова и Шапиро–Уилка, а также методом построения нормально-вероятностных графиков. Для распределений, удовлетворяющих критерию нормальности использовали параметрическую статистику (крите-

рий t Стьюдента). Статистическую достоверность отличия долевых показателей оценивали по методу φ -преобразования по критерию Фишера. Для статистической обработки ненормальных распределений использовали непараметрический критерий U Манна–Уитни для сравнения несвязанных совокупностей и λ -критерий Колмогорова–Смирнова для более подробной оценки кривых распределения. Все значения в работе приведены по форме мода $\pm$ дельта. Уровень значимости во всех тестах был принят за $p < 0,05$.

Результаты и их интерпретация

Игроки обеих групп справились с предложенной задачей и смогли сформировать четырехзвенный навык в циклической форме в сходные сроки ($3,2 \pm 1,3$ мин и $3,9 \pm 2,1$ мин в контрольной и опытной группе соответственно, $p > 0,05$). При этом им потребовалось одинаковое количество проб ($5,1 \pm 1,3$ и $8,0 \pm 6,7$, $p > 0,05$) и ошибок ($8,5 \pm 3,6$ и $9,1 \pm 4,0$, $p > 0,05$). Поведение игроков на этапе воспроизведения сформированного навыка в обеих группах представляло собой пачки из идущих подряд минимизированных проб, перемежаемых кратковременными «сбоями» – периодами дезорганизованности. Анализ периодов оптимального поведения не выявил значимых отличий между опытной и контрольной группами: игроки использовали кратчайшие маршруты с одинаковой частотой.

Оказалось, что процедура перекрытия маршрутов привела к увеличению иррациональных периодов поведения: доля проб, содержащих неоптимальные маршруты, увеличилась более чем вдвое ($0,10 \pm 0,05$ и $0,25 \pm 0,09$, $p < 0,05$). Более подробный анализ иррациональных маршрутных последовательностей позволил выявить, что для каждого игрока И-группы они имели *уникальный характер*, включали элементы первого опыта и воспроизводились после достижения критерия обученности $3,9 \pm 2,3$ раз подряд (максимально до 16).

Выводы

1. Феномен пространственного запечатления может быть выявлен в виртуальном лабиринте К. А. Никольской.
2. Феномен проявляется в периоды дезорганизации поведения в виде многократного повторения уникальной иррациональной последовательности, выполненной в первые минуты освоения пространственной структуры лабиринта.
3. На основе полученных данных мы предполагаем, что процесс запечатления информации предшествует процессу анализа и селекции вопреки представлениям Аткинсона и Шифрина (1968).

Литература

- Никольская К. А.* Системно-информационные аспекты познавательной деятельности позвоночных: дис. ... докт. биол. наук. Москва, 2010.
- Atkinson R. C., Shiffrin R. M.* Human memory: A proposed system and its control processes // The psychology of learning and motivation / K. W. Spence, J. T. Spence (Eds). N. Y.: Academic Press. 1968. P. 89–195.
- Lorenz K.* Der Kumpan in der Umwelt des Vogels // Journ. Ornith. 1935. V. 83. № 3. P. 289–413.
- Serkova V. V., Nikolskaya K. A.* Effects of Spatial Imprinting on the Development of the Cognitive Process in Adult Animals // Neuroscience and Behavioral Physiology. 2015. V. 45. № 6. P. 684–692.

Особенности взаимосвязи депрессии и профессиональной идентичности у студентов высшей школы

А. С. Трофимович (Томск)

На сегодняшний день депрессия является самым распространенным психическим заболеванием. По данным Всемирной Организации здравоохранения, от депрессии страдают 350 миллионов человек из всех возрастных групп. По данным А. А. Оплетина (2017), у студентов вуза наблюдается высокий уровень проявления тревоги и депрессии. По результатам исследований Е. А. Смирновой и А. В. Андреевой (2016) из 50 студентов более 25% мужчин и более 70% девушек уже находятся на первой стадии депрессии. Переезд в другой город, смена места обучения, изменение предъявляемых требований, ежегодные экзамены, сложности профессионального становления негативно влияют на психологические самочувствие студентов.

Помимо известного влияния депрессии на аффективный компонент личности, данное расстройство затрагивает и когнитивную составляющую. Наблюдается снижение мыслительной деятельности, нарушения памяти, что негативно сказывается на способности студентов на необходимом для образовательного процесса уровне решать учебные и профессиональные задачи (Гладышева, 2015). Последующие трудности в учебе, снижение мотивации, утрата интереса к прежней деятельности могут способствовать проблемам с собственной профессиональной идентичностью.

Цель исследования — изучение взаимосвязи депрессии и статуса профессиональной идентичности у студентов высшей школы.

В качестве *гипотез* выдвигаются следующие положения:

1. Депрессия оказывает влияние на статус профессиональной идентичности.
2. Характер взаимосвязи между показателем степени депрессии и статусом профессиональной идентичности — положительный.

Методика и выборка исследования

Исследование проводилось на основе концепции А. А. Азбель и А. Г. Грецова. Опираясь на ряд положений теории Э. Эриксона и концепцию статусов идентичности Дж. Марсиа, А. А. Азбель при участии А. Г. Грецова, разработали четыре статуса профессиональной идентичности (Зинина, 2015):

- 1) неопределенная профессиональная идентичность: у человека с данным статусом не сделан выбор профессиональной траектории;
- 2) навязанная профессиональная идентичность: представления о своем профессиональном будущем сформированы несамостоятельно, а навязаны от других;
- 3) мораторий (кризис выбора) профессиональной идентичности: человек находится в процессе профессионального определения, но подходящий вариант еще не найден;
- 4) сформированная профессиональная идентичность: профессиональная траектория определена самостоятельно и осознанно.

В работе применялся теоретический анализ литературы и психодиагностические методики. Для определения наличия и выраженности депрессии использовался опросник «Шкала депрессии» А. Т. Бека (2003). Для определения статуса профессиональной идентичности был применен опросник «Методика изучения статусов профессиональной идентичности» А. А. Азбель, А. Г. Грецова.

Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics v. 17 с применением частотного, корреляционного и дисперсионного анализа. Корреляционный анализ проводился с помощью непараметрического критерия Пирсона. Для проверки нормальности распределения использовался критерий Колмогорова—Смирнова и анализ показателей асимметрии и эксцесса.

Выборка составила 49 человек (25 женского пола и 24 мужского) обучающихся в университетах г. Томска и г. Кемерово с 1 по 5 курс

в возрасте от 18 до 24 лет, получающих образование по направлениям технических, гуманитарных/общественных и естественных наук.

Результаты

Полученные результаты показали, что 24 человека (49%) не имеют депрессивных симптомов. У остальных респондентов выражена депрессия разной степени тяжести: легкая депрессия у 8 (16,3%), умеренная депрессия у 6 (12,2%), выраженная депрессия у 7 (14,3%) и тяжелая депрессия у 4 (8,2%). Средний результат по Шкале депрессии для данной выборки составляет 12,7, что характерно для легкой формы депрессии.

Выраженность депрессии в соответствии с половой принадлежностью практически не отличается: у 13 (26,5%) девушек и 12 (24,4%) юношей наблюдается выраженность депрессии разной степени. Самое большое количество респондентов с депрессией наблюдается у второго и четвертого курса — по 8 (16,3%) человек на каждом. Данные результаты свидетельствуют о необходимости психологического сопровождения студентов, проведения профилактических мероприятий, направленных на выработку копинг-стратегий по борьбе со стрессом и укреплению адаптационных ресурсов организма.

Что касается профессиональной идентичности, то тут результаты показали следующее: у 23 респондентов (46,9%) статус профессиональной идентичности мораторий (кризис выбора), у 15 человек (30,6%) сформированная, у 10 человек (20,4%) неопределенная, а у 1 человека навязанная профессиональная идентичность. Данный результат можно объяснить тем, что большая часть студентов находится либо в процессе профессионального становления, либо уже сформировали свой профессиональный путь.

Результаты корреляционного анализа показали наличие тенденции к отрицательной корреляционной связи между сформированной профессиональной идентичностью и степенью депрессии ($r = -0,262$, $p = 0,070$). Можно предполагать, что чем выше показатель статуса сформированной профессиональной идентичности, тем ниже уровень депрессии.

Также обнаружена статистически значимая корреляционная связь между неопределенной профессиональной идентичностью и уровнем депрессии ($r = 0,350$, $p = 0,014$). Чем сильнее выражен показатель неопределенной профессиональной идентичности, тем выше показатель депрессии.

Результаты проведенного дисперсионного анализа показали, что для неопределенного статуса профессиональной идентичности более характерны умеренная, выраженная и тяжелая депрессия.

Выводы

В настоящее время влияние депрессии на профессиональную идентичность недостаточно изучено. После проведения эмпирического исследования было выявлено, что половина респондентов имеет депрессию разной степени выраженности. Результаты корреляционного анализа показали, что чем сильнее выражен показатель неопределенной профессиональной идентичности, тем выше показатель депрессии. Для неопределенного статуса профессиональной идентичности более характерны умеренная, выраженная и тяжелая депрессия.

Полученные результаты свидетельствуют о возможности взаимосвязи между депрессией и профессиональной идентичности, что создает необходимость разработки различных профилактических мероприятий для студентов. Для точного подтверждения данного вывода требуется дальнейшее исследование с применением большего числа психодиагностических методов и увеличением числа выборки.

Следующей целью исследования является разработка различных профилактических мероприятий для студентов и внедрение в учебный процесс образовательных лекций, информирующих о профилактике и терапии депрессий.

Литература

Бек А. Когнитивная терапия депрессии. СПб.: Питер, 2003.

Гладышева Н. Г. Психологические (эмоциональные) реакции на стресс у студентов вуза // Вестник науки и образования. 2015. № 7 (9). С. 75–78.

Зинина С. М. Профессиональная идентичность студентов и их отношение к профессиональному будущему // Приволжский научный журнал. 2015. № 4 (36). С. 183–188.

Оплетин А. А. Нормализация психических состояний студентов на занятиях физической культурой при формировании физкультурно-спортивной компетенции саморазвития // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2017. Т. 12. № 1. С. 146–152.

Смирнова Е. А., Андреева А. В. Депрессия среди студентов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2016. № 12. С. 1219–1220.

Особенности самопрезентации студентов-психологов пользователей социальной сети Instagram

О. С. Филиппова (Москва)

Социальные сети сегодня занимают важное место в жизни молодых людей. Они дают возможность контролируемо представлять себя обществу, общаться и наблюдать за жизнью других людей. Вместе с тем, у «Кибер-Я» нет такого груза социализации, нет потребности пытаться смотреть на себя глазами другого, потому что этот другой видит ровно то, что ему показывают (Робинсон, 2007). Часто содержание самопрезентации зависит от норм конкретной сети, к примеру, Instagram считается визуальной сетью с простым интерфейсом. Инструментом трансляции своего образа, в этом случае, будет фотография и сопровождающий ее текст величиной не более 2200 знаков.

Выявлено, что между виртуальной самопрезентацией и реальной идентичностью существуют отношения взаимовлияния (Жичкина, Белинская, 2015). В связи с этим, особый интерес представляет исследование студентов-психологов, так как начало формирования профессиональной идентичности, вероятно, уже сказывается на особенностях представления себя. Можно предположить, что студенты максимально *полно* используют возможности социальных сетей для трансляции своего образа.

Цель исследования

Изучение психологических особенностей и особенностей виртуальной самопрезентации студентов-психологов пользователей социальной сети Instagram.

Гипотеза исследования

Существует связь между психологическими особенностями студентов-психологов и особенностями их виртуальной самопрезентации в социальной сети Instagram.

Выборка

В исследовании приняли участие 29 студентов-психологов, проходящих обучение по направлению «Психология» в рамках бакалавриата, магистратуры или второго высшего образования. У всех респондентов есть персональный профиль в социальной сети Instagram, при этом больше половины из них посещают сеть, по крайней мере, каждый день. Все респонденты дали согласие на участие в исследовании.

Методы исследования

В исследовании применялись методы теоретического анализа, обобщения и интерпретации научных данных, психодиагностические методики, качественные методы, методы статистической обработки и анализа данных (программа SPSS v. 25 for Mac). Математический метод: критерий χ^2 и χ^2 с поправкой Йейтса (когда частота в одной из групп менее 5).

Для проверки поставленных гипотез исследования были выбраны следующие личностные опросники: методика исследования самооотношения С. Р. Пантелеева, методика «Кто я?» М. Куна, методика оценки коммуникативного контроля М. Снайдера, контент-анализ персонального профиля социальной сети Instagram. Также респонденты ответили на вопросы авторской анкеты, включающей вопросы об образовании и целях использования социальной сети Instagram.

Результаты исследования

Цель использования персонального профиля

Большинство студентов (62%) используют профиль, чтобы выкладывать свои фотографии и делиться ими с друзьями. Почти половина студентов также использует свой профиль для того, чтобы читать профессиональные аккаунты других пользователей и получать полезную информацию. Достаточно большая часть респондентов (47%) одной из целей выбрали пункт «Я просто люблю смотреть на красивые фотографии и получать эстетическое удовольствие». Лишь четверть студентов (24%) сказали о том, что имеют практически пустые профили и предпочитают просто наблюдать за жизнью других. Почти треть подписана на известных блогеров. Наблюдая за их жизнью, они также получают полезную информацию. Треть студентов (34%) подписана на аккаунты магазинов и совершает в них покупки. Только небольшая часть студентов (17%) признала, что ведет рабочий аккаунт, в котором позиционируют себя, как профессионалы.

Контент-анализ персонального профиля

Ни у одного студента не было обнаружено пустого профиля. Большинство студентов (69%) не закрывает свой профиль от общего доступа. Четверть (24%) студентов использует опцию бизнес профиль. Эта опция в Instagram доступна свободно, она позволяет видеть поль-

зователю дополнительную статистику посещений, конверсию, охват публикаций и т. п.

Важно отметить, что в своем профиле часть студентов (24%) уже предлагает свои услуги в качестве психологов. При этом, слово «психолог» в «шапке» указывает меньшее количество студентов (17%), а упоминание психологии в публикациях есть более, чем у половины студентов (62%).

Результаты визуального анализа профилей студентов-психологов говорят о том, что у большинства студентов (79%) присутствуют в ленте фотографии «Селфи», большинство (76%) публикует личные и семейные фотографии, также половина (55%) выкладывает фотографии, где владелец профиля обнажен (в купальнике, нижнем белье или полностью без одежды).

Анализ постов, расположенных под фотографиями, позволяет сделать вывод, что большинство студентов-психологов (83%) периодически делится своими личными историями в социальной сети. Половина студентов (55%) прибегает к написанию длинных текстов, 41% студентов выкладывает посты, в которых дает личную оценку, интерпретацию каких-либо событий, явлений, людей.

Психологические особенности

Студенты-психологи продемонстрировали, в основном, средние значения по всем шкалам методики «МИС». При этом, значения по шкалам «Самоценность» и «самопринятие» студентов-психологов, преимущественно, находятся на верхней границе среднего диапазона.

Результаты методики оценки коммуникативного контроля говорят о том, что лишь 18% студентов имеют высокий уровень коммуникативного контроля, легко входят в любую роль и гибко реагируют на изменение ситуации. Около 43% имеют средний уровень контроля, что говорит об искренности и некоторой эмоциональной сдержанности. Около 39% не готовы изменяться в зависимости от ситуации и имеют способность к искреннему самораскрытию.

Самоописание студентов было проанализировано на наличие роли «Я психолог». Лишь 26% указали ее, при этом, у всех указавших респондентов роль фигурировала в начале самоописания.

Связь между психологическими показателями и результатами контент-анализа

При помощи критерия χ^2 с поправкой Йейтса было выявлено, что студенты, упоминающие роль «я психолог» при самоописании, чаще имеют открытый формат профиля, чаще используют опцию «Биз-

нес-профиль», чаще упоминают слово «психолог» в шапке профиля, чаще упоминают психологию в публикациях, чем те, кто не упоминал эту роль при самоописании.

Других статистически значимых связей психологических особенностей и особенностей персонального профиля в данной выборке выявлено не было.

Обсуждение результатов исследования

Большинство студентов использует социальную сеть в личных целях: делится фотографиями с друзьями, читает профессионалов, совершает покупки в аккаунтах магазинов, наблюдает за жизнью других. Они охотно делятся личными историями, семейными фотографиями и фотографиями «Селфи» в публикациях. Это можно объяснить особенностью культуры социальной сети Instagram и желанием следовать ей.

Также большинство упоминает психологию в своем профиле. Можно предположить, что изучение психологии занимает значительное место в жизни студентов, если это сказывается на виртуальной самопрезентации большинства.

Пустых профилей среди студентов не было обнаружено, закрывает свой личный аккаунт от всеобщего доступа лишь треть студентов. Подобные результаты можно объяснить довольно высоким уровнем самооценки и самопринятия у студентов, а также тем, что больше, чем у половины респондентов был выявлен средний и высокий уровень коммуникативного контроля.

Часть респондентов, все же предлагает свои услуги в профиле и позиционирует себя, как психолог. Это отчасти подтверждает и то, что студенты, использовавшие в самоописание роль «я психолог», чаще имеют открытый формат профиля, чаще используют опцию «Бизнес-профиль», чаще упоминают слово «психолог» в шапке профиля, чаще упоминают психологию в публикациях, чем студенты, в самоописании которых эта роль отсутствует.

Выводы

Упоминание роли «я психолог» в самоописании может говорить о том, что у студента уже формируется профессиональная идентичность. Установленная связь между упоминанием роли и особенностями персонального профиля лишь частично подтверждает гипотезу о том, что существует связь между психологическими особенностями студентов-психологов и особенностями их виртуальной самопрезентации в социальной сети Instagram.

В данном исследовании результатом контент-анализа была констатация наличия или отсутствия той или иной особенности персонального профиля, например, наличие или отсутствие длинных текстов, личных историй, фотографий «селфи» и так далее. Исследование показало, что эта информация довольно поверхностна, а потому наличия более глубоких связей между особенностями профиля и, к примеру, особенностями самоотношения выявлено не было. Для этого необходим более глубокий кластерный анализ, как визуального контента, так и текстов. Не менее важным было бы также зарегистрировать уровень и сферы самораскрытия пользователя в социальной сети.

Литература

- Жичкина А. Е., Белинская Е. П.* Стратегии самопрезентации в Интернете и их связь с реальной идентичностью // Флогистон. 2004. URL: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy> (дата обращения: 17.06.2019)
- Robinson L.* The cyberself: the self-ing, project goes online, symbolic interaction in the digital age // Journal of New Media & Society. 2007. № 9. P. 93–110.

Взаимодействие разного типа когнитивных иллюзий при жизненных переменах*

Ю. А. Хохлова (Кострома)

Все люди, так или иначе, испытывают перемены в своей жизни. Одни оцениваются как положительные, другие – как отрицательные. Не всегда такие изменения являются ожидаемыми, некоторые происходят внезапно и человек становится уязвимым и неподготовленным к ним. Стресс перемен обостряет многие когнитивно-эмоциональные явления у субъекта. Под *переменами* мы подразумеваем те изменения в жизни людей, которые происходят под воздействием как положительных, так и отрицательных ситуаций. Изменения могут происходить в разных сферах жизни, например, здоровье, работа, взаимоотношения. Одни и те же события могут по-разному влиять на людей, т. к. оценка происходящих событий настолько субъективна, что одна, на первый взгляд позитивная ситуация для одного человека, может резко негативно повлиять на другого.

---

* Исследование имеет финансовую поддержку РФФИ, проект № 18-013-01005-а.

Ранее нами были изучены феномены когнитивных искажений субъективных оценок жизненных явлений, а также иррациональных убеждений. Феномен когнитивных искажений затрагивает не столько требования к себе или другим, сколько эмоциональную окраску предстоящих или текущих событий. Иррациональные убеждения чаще относятся к личности самого индивида. Данные феномены относятся к когнитивным иллюзиям, которые искажают адекватную оценку себя, других, а также ситуаций, в которые попадает индивид. Чаще в литературе упоминаются позитивные когнитивные иллюзии – это взгляд на факты под особым углом, в более поддерживающем, позитивном свете. К ним относят самоусиливающие убеждения; убеждения, снижающие несовершенство; сверх-оптимистичные убеждения и иррациональные убеждения о возможностях контроля. Позитивные иллюзии как форма самообмана или самосовершенствования помогают чувствовать себя хорошо, поддерживать высокую самооценку или устранять дискомфорт, по крайней мере, на короткую перспективу (Taylor, Armor, 1996). Со временем позитивные иллюзии сменяются когнитивными искажениями другого типа и начинают негативно влиять на деятельность людей, снижая ее продуктивность и эффективность. Ошибки мышления порождают ошибки во время принятия решений. Решения могут быть разнообразными: от наиболее простых до наиболее сложных. Под влиянием когнитивных искажений «мозг попадает в собственную „ловушку“» (Крюкова с соавт., 2018, с. 61).

Целью данного исследования является изучение роли когнитивных искажений и иррациональных установок субъекта при оценке жизненных перемен, а также взаимодействие перечисленных когнитивных иллюзий.

Гипотезой исследования является предположение о том, что когнитивные искажения и иррациональные установки по-разному взаимосвязаны с оценкой жизненных перемен, так как когнитивные искажения несут в себе негативную эмоциональную окраску себя, других и происходящих событий, а иррациональные установки искажают оценку в целом личности субъекта. Однако при взаимодействии между собой когнитивные иллюзии усиливают присутствие друг друга.

Для проверки гипотезы мы использовали опросные *методы* – Методику диагностики иррациональных установок А. Эллиса и Шкалу когнитивных искажений – CDS Р. Ковина и др.

Выборку данного исследования составили 109 респондентов (средний возраст – 26,1, SD = 8,8). При анализе данных использовались

математические методы: U-критерий Манна–Уитни, R-критерий Спирмена, критерий знаковых рангов Уилкоксона.

Оказалось, что когнитивные искажения сильнее проявляются в сфере личных достижений человека. В частности, проявляется *Телепатия* и мышление по принципу «*все или ничего*». Людям при оценке личных достижений свойственно думать, что окружающие люди всегда оценивают их плохо и относятся к ним негативно ($p < 0,05$). А также таким людям свойственно оценивать себя по принципу „черное—белое“ — все хорошо или все плохо ($p < 0,01$). Отсутствует та «золотая середина», о которой принято говорить в повседневной жизни. Между произошедшими событиями и когнитивными искажениями обнаружена значимая взаимосвязь и зависимость. Общее воздействие положительных событий, произошедших за год, взаимосвязано с *Навешиванием ярлыков* в сфере личных достижений ($p < 0,05$) и *Телепатией* в сфере личных достижений ($p < 0,05$). Полученные результаты можно объяснить тем, что неадекватно завышенная оценка происходящих событий может быть искажена, в связи с тем, когнитивные искажения — это неосознаваемые ошибки мышления, в дальнейшем проявляющиеся именно при оценке себя, других людей, событий, происходящих вокруг. Отметим, что при большом количестве произошедших событий у субъекта чаще проявляются когнитивные искажения, которые будут способствовать неадекватному оцениванию этих событий. При поиске значимых взаимосвязей между оценкой произошедших событий и иррациональными установками достоверных результатов не обнаружено. В связи с этим искаженная оценка субъектом в целом не связана с оценкой произошедших с этим субъектом событий. Между когнитивными искажениями и иррациональными установками получены значимые отрицательные корреляции. Отрицательные корреляции получились в связи с тем, что согласно методике изучения когнитивных искажений Ковина и др., более высокий балл означает выраженность ошибок мышления (Covin, 2011), а низкий балл в методике изучения иррациональных установок Эллиса означает выраженность иррациональной установки (Эллис, Драйден, 2012). Оказалось, что наличие когнитивных искажений усиливает выраженность иррациональных установок. Значимые двусторонние корреляции были обнаружены в диапазоне: $-0,17 \geq R \geq -0,37$; $p \leq 0,01$, большинство связей — умеренные. Наибольшее количество корреляций имеет «Оценочная установка» с ошибками мышления: *телепатия, катастрофизация, навешивание ярлыков, психологические фильтры, сверхобобщение, персонализация, исключение хорошего*. Это объясняется тем, что, например, убежден-

ность в плохом отношении к себе со стороны других людей подчеркивается иррациональной оценкой не поступков или действий людей, а их личности, в целом. Наиболее тесная взаимосвязь обнаружена между «оценочной установкой» и *навешиванием ярлыков*, как в сфере социальных достижений, так и в сфере межличностных отношений. При наличии чрезмерно высоких требований к себе и к другим происходит *психологическая фильтрация* – фокус внимания переносится на негативную характеристику себя и других.

Далее мы разделили всех респондентов на две группы. В первую вошли те, у кого была обнаружена выраженность иррациональной установки (55 человек); во вторую группу вошли респонденты с отсутствием выраженной иррациональной установки (54 человека). При выраженной иррациональной установке – проявляются такие типы когнитивных искажений как *телепатия* ($p < 0,05$), *навешивание ярлыков* ($p < 0,01$) и *персонализация* ($p < 0,05$) в социальных отношениях. В сфере межличностных отношений при выраженной иррациональной установке так же отмечается наличие когнитивных искажений: *телепатия*, „*все или ничего*“ и др. ($p < 0,05$). Можно сделать вывод о том, что когнитивные иллюзии чаще проявляются в сфере межличностных отношений, и это вполне объяснимо. У каждого типа когнитивных искажений, есть один общий аспект – это разнообразность объекта, относительно которого проявляются все когнитивные искажения – это сам человек и отношение других людей к нему, а также человек во взаимодействии с другими людьми.

По результатам данного исследования необходимо сделать вывод о том, что когнитивные иллюзии – когнитивные искажения и иррациональные установки по отдельности в разной степени взаимосвязаны с оценкой себя, других и происходящих перемен. В совокупности друг с другом они снижают адекватность и рациональность мышления, выражаются в форме долженствования, приводят к отрицательным эмоциям, замедляющим достижение целей, а так же несут в себе негативную эмоциональную нагрузку. Иррациональные идеи человек берет из общества, взаимодействия с другими людьми (Эллис, Драйден, 2012). Когнитивные искажения возникают под влиянием социальных стереотипов, установок, норм, которым подвергается любой человек, взаимодействуя с социумом (Крюкова, Хохлова, 2018). Если человек обладает способностью зрело размышлять, то такие когнитивные иллюзии он может самостоятельно выявить или скорректировать их с помощью специалиста в области психологии.

Литература

- Крюкова Т. Л., Екимчик О. А., Хохлова Ю. А., Кирпичник О. В. Феномен когнитивных искажений субъективных оценок жизненных явлений и его измерение (первичная русскоязычная адаптация Шкалы когнитивных искажений – CDS) // Вестник Костромского гос. ун-та. Сер. «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2018. № 4. С. 61–67.
- Крюкова Т. Л., Хохлова Ю. А. Когнитивные искажения в оценке состояния собственного благополучия и неблагополучия // Ананьевские чтения – 2018: Психология личности: традиции и современность: материалы международной научной конференции, 23–26 октября 2018 г. / Под общ. ред. Н. В. Гришиной, С. Н. Костроминой; отв. ред. И. Р. Муртазина, М. О. Аванесян. СПб.: Айсинг, 2018. С. 218–219.
- Эллис А., Драйден У. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии. 2-е изд. СПб.: Речь, 2002.
- Covin R., Dozois D. J. A., Ogniewicz A., Seeds P. M. Measuring Cognitive Errors: Initial Development of the Cognitive Distortions Scale (CDS) // International Journal of Cognitive Therapy. 2011. № 4 (3). P. 297–322.
- Taylor S. E., Armor D. A. Positive Illusions and Coping with Adversity // Journal of Personality. 1996. V. 64 (4). P. 873–898.

Связь профессионально значимых характеристик и профессиональной идентичности муниципальных служащих

Е. В. Цаплин (Тюмень)

Цель и гипотеза исследования

В качестве одной из актуальных проблемных областей государственной и муниципальной службы последних лет ряд исследователей выделяет проблему разной направленности процессов социальной адаптации и личностно-профессиональной самореализации служащих (Мударисов, Синягин, 2016). Эта проблема служит предпосылкой для ценностного противоречия в самовосприятии карьеры служащим как ценности. Детально это противоречие опредмечивается в сниженной адаптивности к условиям труда, в отсутствии последовательности в деятельности, прокрастинации, сниженной вовлеченности в деятельность группы, сложности во взаимодействии с коллегами и пр. Проблематика самовосприятия тесно связана с проблематикой идентичности. Методологические основы са-

мовосприятия прослеживаются в психоанализе, эго-психологии и гуманистической психологии. В психоанализе по З. Фрейду самовосприятие понимается как основной процесс становления эго, К. Хорни понимает самовосприятие как элемент становления Я-образа. В эго-психологии самовосприятие по Э. Эриксону понимается как элемент становления эго-идентичности. В гуманистической психологии по К. Роджерсу самовосприятие связывается с Я-концепцией. Термин самовосприятие по Д. Бему понимается как процесс ориентировки человека в собственном внутреннем мире за счет самопознания и соотнесения себя с другими индивидами: рефлексия собственных устойчивых предпочтений и поведенческих паттернов. Проблема самовосприятия довольно широко исследована Д. Бемом, С. Беер, Х. Кляйн. Исходя из опыта исследователей, занимавшихся проблематикой самовосприятия, логичным является трактовка проблематики самовосприятия карьеры работником как ценности с позиции процесса становления идентичности человека в профессии, т. е. в нашем исследовании в виде профессиональной идентичности служащего. В рамках данной проблематики интересным является как ценностное противоречие в самовосприятии сотрудником карьеры как ценности может быть связано с его профессионально значимыми характеристиками.

Цель исследования – исследовать профессионально значимые характеристики муниципальных служащих и претендентов на должности муниципальной службы в ситуации ценностного противоречия самовосприятия карьеры как ценности.

Гипотеза исследования – ситуация ценностного противоречия связана со сниженной выраженностью профессионально значимых качеств служащих.

Существует довольно большой пласт исследований в русле проблематики идентичности, все они, так или иначе, соотносятся в своих основах с идеями Э. Эриксона и теорией социальной категоризации А. Тэджфела и Дж. Тёрнера. В зарубежных и отечественных исследованиях несколько разнится подход к исследованию идентичности. За рубежом в основном под идентичностью в разное время исследовали идентификации (З. Фрейд, Ж. Лакан), самосознание в различные временные периоды (Ч. Кули, Дж. Мид, Р. Баумайстер, А. Тэджфел, Дж. Тёрнер), траектории идентичности (Э. Гидденс), статусы становления идентичности (Дж. Марсиа), нарратив как рефлексивную репрезентацию идентичности (П. Рикёр, Д. Макадамс), нюансы видов идентичности (Ф. Зимбардо, Н. Коломбе, П. Рикёр, Р. Баумайстер и др.). В отечественных исследованиях изучались самосозна-

ние как интериоризация социокультурного опыта (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, В. С. Мухина); образ Я (И. С. Кон); самоотношение (В. В. Столин, С. Р. Пантелеев); самоопределение (С. Л. Рубинштейн, М. Р. Гинзбург, Л. И. Божович, Н. В. Антонова и В. В. Белоусова, К. А. Абульханова-Славская); структурные компоненты идентичности (Н. Л. Иванова, Н. В. Антонова, Ю. П. Поваренков, Л. Б. Шнейдер, Т. В. Бугайчук, Т. Г. Доссэ); процесс интеграции концептов самосознания, самоопределения, самоорганизации, самоотношения (Е. И. Кузьмина). Проблематика идентичности в последнее время находится на пике актуальности, поэтому пул исследований регулярно пополняется, отражая изменения в нюансах проблематики.

Главным образом, идентичность представляет собой сложный интегративный феномен, отражающий глубинные ценностные характеристики человека в рамках его системы координат культуры, формирующийся на основании интериоризации социальных отношений (идентификаций). Исследователи идентичности выделяют различные виды идентичности помимо социальной и индивидуальной: национальная, этническая, гражданская, половая, профессиональная, нарративная и др.

В нашем исследовании мы опираемся на идеи Л. Б. Шнейдер в изучении профессиональной идентичности. Профессиональная идентичность в трактовке Шнейдер является самопредставлением индивида в профессиональной сфере через оперирование в деятельности профессиональной терминологией, следование нормам и ценностям профсообщества, применение профессиональных компетенций. Также этот вид идентичности включает представления об авторитетных представителях профсообщества, знание профессиональных мифов, традиций, примет. Л. Б. Шнейдер предложила методику диагностики профессиональной идентичности (МИПИ) и связала ее со статусами идентичности, предложенными Дж. Марсиа.

Характеристика выборки

В исследовании приняли участие 135 респондентов: 72 муниципальных служащих и 63 претендента на должности муниципальной службы.

Математические методы, применявшиеся при анализе данных

В исследовании мы использовали 4 методики:

1. Методика изучения профессиональной идентичности (Л. Б. Шнейдер);

2. Тест «Структура трудовой мотивации» (А. Г. Шмелев);
3. «Тест интеллектуального потенциала стандартизированный» (А. Г. Шмелев);
4. Тест «Одиннадцать личностных факторов» (А. Г. Шмелев);

Статистическая обработка данных производилась в программе SPSS с помощью критериев t Стьюдента и U Манна–Уитни для сравнения независимых выборок.

Результаты и их интерпретация

Сравнение претендентов и служащих со статусом идентичности «мораторий» показало, что обе группы ориентированы на следование собственным глубинным ориентирам и ценностям (внутренняя мотивация: $M_p = 7,1$; $M_c = 6,1$; $t = 2,1$; $p < 0,05$). Претенденты склонны принимать ответственность в большей степени за себя, так как рассматриваются на должность, поэтому мотив руководство выше, чем у служащих. Служащие больше склонны нести ответственность за свой фронт работы и не склонны к принятию излишней ответственности (руководство: $M_p = 5,5$; $M_c = 3,5$; $t = 3,3$; $p < 0,01$). Для служащих больше значимы мотивы: деньги ($M_p = 3,5$; $M_c = 4,8$; $t = -2,2$; $p < 0,05$), связи ($M_p = 2,8$; $M_c = 4,1$; $t = -2,2$; $p < 0,05$) и здоровье ($M_p = 5,4$; $M_c = 6,7$; $t = -2,1$; $p < 0,05$) в отличие от претендентов. Сниженные значения у служащих по сравнению с претендентами по структуре интеллекта и по любознательности ($M_p = 5,9$; $M_c = 4,4$; $t = -2,2$; $p < 0,05$) можно объяснить наличием ситуации ценностного противоречия в самовосприятии карьеры как ценности (вычисления: $M_p = 5,7$; $M_c = 4,4$; $t = 2,6$; $p < 0,05$; обработка информации: $M_p = 6,7$; $M_c = 4,9$; $t = 2,4$; $p < 0,05$; общий балл: $M_p = 5,9$; $M_c = 4,7$; $t = 3,2$; $p < 0,01$). У претендентов, наоборот, ситуация трудоустройства рассматривается как выход из ситуации ценностного противоречия в самовосприятии ценности карьеры.

Служащие со статусом «реализованная идентичность» обладают более выраженным потенциалом к деятельности на муниципальной службе и могут быть рекомендованы к повышению: должности руководителя, наставника, транслирующего профессиональную культуру для новичков. Служащие со статусом «мораторий» обладают менее выраженным адаптационным потенциалом (признание: М-реализованная = 5,3; М-мораторий = 4,9; $t = 2,1$; $p < 0,05$, невербальная логика М-реализованная = 6,2; М-мораторий = 4,2; $t = 2,5$; $p < 0,05$). Претенденты на должности муниципальной службы со статусом «мораторий» обладают более выраженным адаптационным потенциалом

к деятельности на службе, чем претенденты со статусом «реализованная идентичность» (руководство: М-реализованная = 4,4; М-мораторий = 5,2; $t = 2,6$; $p < 0,05$; вычисления: М-реализованная = 4,0; М-мораторий = 5,0; $t = 3,3$; $p < 0,01$; лексика: М-реализованная = 4,8; М-мораторий = 6,5; $t = 3,1$; $p < 0,01$; пространственное мышление: М-реализованная = 3,6; М-мораторий = 5,3; $t = 2,5$; $p < 0,05$; невербальная логика: М-реализованная = 4,7; М-мораторий = 5,4; $t = 2,6$; $p < 0,05$; вербальная логика: М-реализованная = 4,8; М-мораторий = 5,4; $U = 35,0$; $p < 0,05$; общий балл структуры интеллекта: М-реализованная = 4,7; М-мораторий = 5,6; $t = 5,1$; $p < 0,01$; дружелюбие: М-реализованная = 7,5; М-мораторий = 5,6; $t = -2,9$; $p < 0,01$).

Выводы

1. В ситуации ценностного противоречия самовосприятия карьеры (мораторий) профили профессионально значимых характеристик служащих и претендентов имеют различия не в пользу служащих, так как претенденты используют ситуацию трудоустройства для разрешения ценностного противоречия.
2. Служащие с реализованной идентичностью обладают профессионально значимыми характеристиками, в соответствии с которыми могут более гибко адаптироваться к нюансам деятельности, могут быть назначены в качестве наставников.

Литература

- Мударисов А. А., Синягин Ю. В.* Личностно-профессиональное развитие и карьера: траектории взаимовлияния. М.: Издательство ИТРК, 2016.
- Шнейдер Л. Б.* Профессиональная идентичность: Монография. М.: МОСУ, 2001.
- Ericson E. H.* Identity, youth and crisis // Handbook of adolescent psychology / Ed. J. Abelson. N. Y.: Wiley, 1980.

Этноспецифические особенности переживания лжи

А. С. Чахоян (Иваново)

Изучению различных особенностей лжи посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных авторов. При этом большинство работ посвящены проблемам выявления скрываемой информации. К примеру, Т. Р. Левин, Х. С. Пак и С. А. Мак-Корнак (Levine, Park, McCornack, 1999) в своих исследованиях обнаружили

эффект достоверности (Фрай, 2005). Точности оценки обмана также посвящены исследования К. Ф. Бонда и Б. М. Де Пауло (Юнацкевич, 1991; Bond, DePaulo, 1996). Исследования, посвященные переживанию лжи, занимают особое место в работах, связанных с изучением лжи и ее детекцией. О. Фрай, обобщая результаты ряда исследований П. Экмана и других авторов, утверждает, что есть три наиболее частых типа эмоций, связанных ложью, — это вина, страх и эмоциональный подъем. Сила этих эмоций зависит от личности лжеца и от обстоятельств, в которых приходится лгать (Фрай, 2005).

Выявление несоответствия между вербальным и невербальным поведением, через связь последнего с эмоциями лгущего, является одной из активно изучаемых и имеющих практическую значимость направлений психологических исследований. При этом, несмотря на многочисленные исследования, вопрос переживания лжи остается недостаточно разработанным ввиду наличия фокуса на детекцию лжи. Поскольку переживаемые эмоции сами по себе не могут быть точным индикатором лжи, то делать категорические заявления о ложности высказывания по эмоциональным и поведенческим маркерам не представляется возможным. Однако, переживание лжи показывает отношение человека к ситуации, собеседнику и самой лжи. Отношение ко лжи определяется ее пониманием, которое зачастую связано с личным опытом и социокультурным контекстом, в котором развивается личность. Понимание и принятие, устанавливаемых сообществом границ допустимости различных проявлений лжи непосредственно связано с этнической идентичностью и социокультурными особенностями личности. Ряд зарубежных исследований связан с изучением культурных аспектов лжи. Так, культурные различия в проявлении лжи и в мотивах обмана представлены в исследованиях Р. К. Ауне и Л. Л. Уотерса (Aune, 1994). Сравнительному анализу приемлемости лжи в разных этнических группах посвящены работы А. М. Мили, В. Стефана и С. Уррутиа (Mealy, 2007). Допустимость обмана как функции культуры воспринимающего, намерения обманщика, и системы отношений «обманщик—обманутый» исследуется в работах Дж. С. Сейтера, Дж. Брушке и Б. Бая (Seiter et al., 2002). При наличии ряда кросс-культурных исследований лжи, изучение особенностей переживания лжи, определяемых конкретным этническим сообществом все еще остается одним из наименее затрагиваемых вопросов, несмотря на то, что оно становится актуальной проблемой современных кросс-культурных психологических исследований и важной задачей повышения степени взаимопонимания и гармонизации межгрупповых отношений.

Целью данного исследования является выявление и сравнение особенностей переживания лжи представителями различных национальных культур. Проверяемое предположение: существует специфика спектра типичных эмоциональных реакций при переживании собственной и чужой лжи этнофорами, связанная с особенностями понимания лжи и отношения к ней.

В эмпирическом исследовании приняли участие 599 человек в возрасте от 16 до 56 лет. Были образованы 4 группы по признаку этнической (национальной) самокатегоризации: русские, армяне, азербайджанцы и чеченцы.

Эмпирические данные, полученные с помощью диагностических методик и авторской анкеты в рамках исследования, были проанализированы с использованием корреляционного анализа, факторного анализа, частотного анализа, однофакторного дисперсионного анализа – One way ANOVA с апостериорными множественными сравнениями (тест Дункана). Полученные данные имеют двухстороннюю значимость $\text{sig. (2-tailed)} < 0,05$.

Согласно показателям одномерного дисперсионного анализа при использовании лжи респонденты чаще всего чувствуют беспокойство, волнение и вину. Иная ситуация наблюдается при анализе переживания чужой неискренности, при восприятии которой респонденты переживают обиду, злость и гнев. Исследование переживания чужой и собственной лжи различными группами этнофоров позволило установить наличие дополнительных эмоций в общем эмоциональном спектре переживания лжи, зависящих от понимания лжи как естественного феномена общения.

Сравнение средних по четырем группам показывает, что для армян, в отличие от остальных наций, более характерно переживание превосходства, облегчения, воодушевления, радости и гордости, как дополнительных эмоций при произнесении лжи. Возможно, это связано с тем, что армяне считают ложь естественным феноменом при общении, своеобразной языковой игрой и довольно лояльно относятся к ней, рассматривая успешную ложь как результат гибкости ума, гордясь своими способностями к дипломатии и манипулированию словами. Печаль, досада и обида сопровождают неискренность чеченцев, а азербайджанцы испытывают волнение при произнесении лжи. При переживании чужой лжи чеченцы в отличие от русских чувствуют печаль, а для русских более характерна досада и как ни удивительно – воодушевление, что возможно связано с переживанием эмоционального подъема от понимания собственной пронизательности. По сравнению с чеченцами и русскими, армяне

и азербайджанцы чаще испытывают волнение, при восприятии лжи. При этом азербайджанцы и чеченцы также чувствуют обиду. Для армян, в отличие от остальных наций, характерно испытывать широкий спектр дополнительных эмоций: страх, волнение, вину, а также облегчение, гордость, радость и чувство превосходства. Это связано с их отношением ко лжи как акту общения, содержащему соревновательный момент.

Этнокультурный аспект лжи проявляется во влиянии отношения ко лжи, принятом в сообществе и степенью принятия этого отношения конкретной личностью. Существуют различия переживаний представителями этнических групп собственной и чужой лжи. Это зависит от понимания лжи как естественного феномена общения. Для армян использование лжи может помимо неспецифических (присущих респондентам, вне зависимости от этнической принадлежности) эмоций сопровождаться переживанием широкого спектра фоновых эмоций как при произносимой, так и при воспринимаемой лжи. Что связано с восприятием лжи как инструмента социальной игры, сопровождающейся тонкой чувствительностью к социальной ситуации.

При использовании лжи респонденты вне зависимости от этнической принадлежности чаще всего переживают беспокойство, волнение и вину. Обида, злость, гнев, печаль и досада характерны для респондентов вне зависимости от национальной принадлежности, если ложь касается их лично. Этот спектр эмоций и одинаков для всех групп респондентов. Специфика переживания собственной и чужой лжи проявляется в спектре фоновых эмоций.

Границы понимания и допустимости лжи, установленные культурой этнического сообщества, в свою очередь определяют спектр причин, которые представители отдельных национальных культур считают важными для проявления лжи. Чеченцы повышенно остро воспринимают негативный потенциал различных форм лжи (лесть, блеф, преувеличение, шутливая ложь). Ложь во благо несет большой потенциал зла в понимании азербайджанцев, а умолчание правды — в понимании русских. В целом наиболее вероятными причинами для лжи являются стремление сохранить значимые для субъекта отношения, не доставляя беспокойства другим людям. Помимо этого, стремление избежать наказания является значимой причиной лжи для чеченцев, азербайджанцев и русских, в силу особенностей психологического облика этносов. Так, использование лжи для избежания наказания связано у чеченцев с выраженным чувством родового коллективизма и обязанностью каждого человека согласовывать

свои поступки с интересами рода, так как за его ошибку придется отвечать и его родственникам. Для азербайджанцев использование такой лжи связано с честолюбием и острым реагированием на ситуации, подрывающие авторитет, коей и является ситуация проступка и следующего за ним наказания. Для русских, в свою очередь, избегание ответственности за поступок связано с экстернальным локусом контроля. Сохранение или получение превосходства, а также стремление получить личную выгоду может служить причиной лжи для азербайджанцев и армян, следовательно, ложь для них становится инструментом поддержания собственной социальной безопасности и ресурсом в коммуникативном соревновании. Для армян ложь становится средством избегания острых углов в общении и налаживания межличностных отношений.

В целом наиболее значимыми причинами для лжи являются стремление сохранить значимые для субъекта отношения и стремление не доставлять беспокойства другим людям, что свидетельствует об ориентированности лжи на сферу эмоционально близких социальных отношений. Исследование переживания чужой и собственной лжи различными группами этнофоров позволило установить наличие дополнительных эмоций в общем эмоциональном спектре переживания лжи, зависящих от понимания лжи как естественного феномена общения. Следовательно, в компонентной структуре акта лжи возможна дифференциация специфических и неспецифических эмоциональных тенденций.

Литература

- Фрай О.* Детекция лжи и обмана. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005.
- Юнацкевич П. И., Кулганов В. А.* Психология обмана. Учебное пособие для честного человека. СПб.: Атон, 1999.
- Aune R. K., Waters L. L.* Cultural differences in deception: Motivations to deceive in Samoans and North Americans // *International Journal of Intercultural Relations*. 1994. V. 18. P. 159–172.
- Mealy M., Stephan W., Urrutia C.* The acceptability of lies: A comparison of Ecuadorians and Euro-Americans // *International Journal of Intercultural Relations*, 2007. V. 31. P. 689–702.
- Seiter J. S., Bruschke J., Bai B.* The acceptability of deception as a function of perceiver's culture, deceiver's intention and deceiver-deceived relationship // *Western Journal of Communication*. 2002. V. 66. P. 158–180.

Родительская оценка — как фактор, оказывающий влияние на развитие образа телесного «Я» у младших школьников

В. А. Чемеревская (Брест, Белоруссия)

В настоящее время все чаще интерес ученых сосредотачивается на исследовании проблем, связанных со сложностью принятия своего тела, искажениями восприятия отдельных частей тела, касающихся не только людей, имеющих какие-либо физические особенности. Уже в раннем возрасте ребенок начинает изучать свое тело и его функциональные возможности. Осознание себя, как отдельного субъекта происходит через телесные чувствования, через физическое овладение собственным телом, через визуальный образ своего отражения в зеркале, через переживание своих телесных потребностей и желаний. Самоощущение ребенка, его «образ самого себя» становится устойчив лишь к возрасту 5–7 лет (Столин, 1983). К началу младшего школьного возраста у ребенка уже должны быть установлены границы своего тела и должно быть сформировано отношение к своему телу. В связи с развитием познавательных потребностей, ребенок начинает интересоваться не только своим телом, но и телесной организацией других людей, в первую очередь сверстников и взрослых из ближайшего окружения. Формирование самоотношения и самооценки собственного тела у детей младшего школьного возраста проходит, в первую очередь, под влиянием внешней оценки родителей. Поэтому наша работа направлена на исследование родительской оценки, которая является одним из основных факторов, оказывающих влияние на развитие образа телесного «Я» у младших школьников.

Целью настоящего исследования является описание особенностей родительской оценки тела ребенка и ее связь с телесными нарушениями у детей младшего школьного возраста.

Основная *гипотеза* исследования состоит в том, что родительская оценка тела ребенка, имеющего какие-либо физические дефекты, отличается от родительской оценки тела ребенка, не имеющего физических дефектов.

Метод исследования: для достижения цели исследования мы использовали методику «Личностный дифференциал» (Фетискин, 2002).

Характеристики *выборки*. В эмпирическом исследовании всего приняли участие 178 матерей. Из них 93 матери, воспитывающих де-

тей 6–7 лет (54 – детей, имеющих нормальную массу тела, 19 – детей, имеющих избыточную массу тела, 20 – детей с ДЦП) и 85 матерей, воспитывающих детей 9–10 лет (46 – детей, имеющих нормальную массу тела, 20 – детей, имеющих избыточную массу тела, 19 – детей с ДЦП).

Результаты исследования

С помощью методики «Личностный дифференциал» эмпирически установлено, что реальный и идеальный образы ребенка практически во всех группах имеет существенные различия, особенно по шкалам «оценка» и «сила». Самый высокий показатель по шкале Реальной «оценки» был получен в группах родителей детей 9–10 лет с нормальной массой тела, не имеющих каких-либо внешних дефектов (15,5 балла) и родителей детей 6–7 лет с нормальной массой тела, не имеющих каких-либо внешних дефектов (15,2 балла). Самый низкий показатель был зафиксирован в группе родителей, имеющих детей 9–10 лет с ДЦП (13,6 балла) и имеющих детей 6–7 лет с ДЦП (14 балла). Т.е. родители детей с ДЦП ниже оценивают такие личностные качества ребенка, как добросовестность, открытость, доброта, отзывчивость, справедливость, дружелюбность, честность, чем родители других категорий детей. Интересен тот факт, что Идеальные образы ребенка по шкале «оценка» выше всего оказались у родителей, имеющих детей с ДЦП обеих возрастных групп (19,4 и 18,9). Разница между реальным и идеальным образом ребенка с ДЦП находится в зоне значимости по критерию Стьюдента: $t_{\text{эмп}} = 3,2$ и $t_{\text{эмп}} = 4,9$ при $t_{\text{крит}} = 2,71$, $p \leq 0,01$. Это может свидетельствовать о том, что образ ребенка у родителей детей с ДЦП по шкале «оценка», описывающей личностные качества ребенка, не соответствует желаемому образу ребенку. Схожая ситуация наблюдается и в группе родителей, имеющих ребенка с нормальной массой тела, не имеющего каких-либо физических дефектов. Разница между идеальным и реальным образами ребенка находится в зоне значимости по критерию Стьюдента: $t_{\text{эмп}} = 2,9$ при $t_{\text{крит}} = 2,65$, $p \leq 0,01$ (детей 9–10 лет) и $t_{\text{эмп}} = 4,1$ при $t_{\text{крит}} = 2,61$, $p \leq 0,01$ (детей 6–7 лет) по шкале «оценка». Таким образом, родители обеих групп хотят видеть своих детей более привлекательными, добрыми, отзывчивыми и честными, они более критично относятся к их личностным качествам. В свою очередь разница между Реальным и Идеальным образами ребенка с избыточной массой тела находится в зоне незначимости по критерию Стьюдента, что может говорить о том, что родители детей с избыточной массой тела принимают своего ребенка с его личностными качествами.

Схожая ситуация наблюдается и по шкале «сила», где разница между Реальным и Идеальным образом ребенка является значимой практически для всех групп родителей, кроме родителей, имеющих детей 6–7 лет с избыточной массой тела. То есть большинство родителей хотят видеть своих детей более сильными, независимыми, решительными, уверенными и самостоятельными. Причем самые низкие показатели Реального образа ребенка по данной шкале наблюдаются у детей 6–7 лет с ДЦП (0,2 балла). Для сравнения: у детей, имеющих нормальную и избыточную массу тела — 4,9 балла. Статистически были подтверждены различия между Реальным образом детей с ДЦП 6–7 лет и детей с избыточной массой тела ($t_{\text{эмп}} = 3,8$ при $t_{\text{крит}} = 2,72$, $p \leq 0,01$), а так же детей с нормальной массой тела ($t_{\text{эмп}} = 3,6$ при $t_{\text{крит}} = 2,65$, $p \leq 0,01$) по шкале «сила».

Т.е. родители детей 6–7 лет с ДЦП отмечают их слабость, зависимость от взрослых, неуверенность, несамостоятельность, нерешительность. Можно предположить, что это связано с диагнозом ребенка, с его физическими дефектами, которые являются преградой для развития данных качеств.

Показатели по шкале «активность» так же ниже всего оказались у группы родителей, воспитывающих детей 6–7 лет с ДЦП (6,3 балла). Однако разница между Реальным и Идеальным образом ни в одной из групп не оказалась значимой по критерию Стьюдента. В целом, родители оценивают своих детей, как энергичных, общительных, деятельных, разговорчивых. Различия наблюдаются только между Реальными образами у родителей, имеющих детей 6–7 лет с нормальной массой тела и с ДЦП по шкале. Выявлена значимость различий по критерию Стьюдента: $t_{\text{эмп.}} = 2,9$ при $t_{\text{крит.}} = 2,65$, $p \leq 0,01$. Вероятнее всего это связано с тем, что дети 6–7 лет, имеющие диагноз ДЦП, не могут быть столь активны в силу своих физических особенностей, как дети этого же возраста, не имеющие каких-либо физических дефектов.

Выводы

Таким образом, родительская оценка ребенка связана с его физическими и телесными особенностями. Более привлекательным для родителей по всем качествам является ребенок, не имеющий каких-либо внешних дефектов и имеющий нормальную массу тела. В то же время ниже всего показатели были отмечены у группы детей с ДЦП 6–7 лет, что может свидетельствовать о том, что важным критерием для оценки ребенка является его физическая привлекательность и физические возможности.

Литература

- Столин В. В. Самосознание личности. М.: Изд-во Московского университета, 1983.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.

Влияние процессов адаптации на выраженность познавательных психических состояний у студентов-первокурсников*

А. В. Чернов (Казань)

В Казанской психологической школе в настоящее время активно изучается проблема познавательных психических состояний человека. В исследованиях, проводимых под руководством А. О. Прохорова, выявлены некоторые закономерности проявления познавательных состояний, детерминированные как внешними, так и внутренними факторами. Так, в ряде исследований раскрыты особенности ментальной регуляции познавательных состояний (Прохоров, Юсупов, 2018), описана специфика переживаний познавательных состояний преподавателей и научных работников (Чернов, Юсупов, 2016), показаны особенности ментальной репрезентации познавательных состояний (Чернов, 2015), установлены закономерности рефлексивной регуляции психических состояний в ходе учебной деятельности (Прохоров, Чернов, 2016). Однако, при всем многообразии проведенных исследований, регуляторная функция познавательных состояний остается не до конца раскрытой. Саморегуляция познавательных состояний особенно важна в начале обучения в вузе, когда познавательный интерес студентов в немалой степени зависит от адаптации к учебному процессу. Исследованию этой проблемы и посвящена настоящая статья.

В данном исследовании приняли участие 92 студента-первокурсника очного отделения, обоюбого пола, обучающиеся по направлениям «Психология» и «Международные отношения» в Казанском федеральном университете. Существенных различий по рассматриваемым показателям в указанных группах обнаружено не было,

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00325.

что позволило объединить их в ходе исследования в единую выборку респондентов.

В процессе проведения исследования были использованы следующие методики: опросник социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, дифференциальный тест рефлексии Д. А. Леонтьева, методика диагностики познавательных состояний А. О. Прохорова (Прохоров, 2018). Исследование познавательных состояний, адаптационных процессов и рефлексии у студентов-первокурсников проходило в ходе учебной деятельности: во время семинарских занятий. В процессе исследования все студенты были разделены на три группы по уровню рефлексии, а также по выраженности адаптационных процессов. Полученные эмпирические данные позволяют судить о характере влияния адаптационных процессов на возникновение познавательных состояний и их выраженность в зависимости от уровня развития рефлексивности студентов. В ходе исследования были использованы следующие методы математической статистики: сравнение выборок по Т-критерию Стьюдента, корреляционный анализ по методу Р. Пирсона и многофакторный дисперсионный анализ (MANOVA).

Цель исследования: выявить закономерность влияния адаптации и уровня выраженности рефлексии на переживание познавательных состояний.

Гипотеза исследования: адаптационные процессы оказывают существенное влияние на переживания познавательных состояний у студентов в ходе учебной деятельности. При этом уровень выраженности рефлексивности студентов играет опосредующую роль во взаимодействии познавательных состояний и процессов адаптации.

Рассмотрим выраженность наиболее типичных познавательных состояний, в зависимости от адаптационных процессов и от уровня выраженности рефлексии студента. С помощью MANOVA удалось установить влияние эмоционального комфорта на состояние заинтересованности у студентов-первокурсников с разным уровнем рефлексии ($p < 0,023$). Установлено, что наиболее позитивные познавательные состояния (заинтересованность) характерны для студентов со средним и высоким уровнем эмоционального комфорта. В случае низкого уровня рефлексии влияние эмоционального комфорта на интенсивность состояния заинтересованности не столь значимо. Отметим, что наиболее высокая выраженность заинтересованности отмечается при сочетании высокого уровня рефлексии и эмоционального комфорта у студентов, тогда как наиболее низкие наблюдаются при низких показателях эмоционального комфорта и средней рефлексии.

Обратимся к другому типичному позитивному познавательному состоянию — состоянию задумчивости. Здесь влияние рефлексии на интенсивность состояния задумчивости опосредовано показателем принятия себя ($p < 0,011$). Высокий показатель состояния задумчивости наблюдается при высокой интенсивности рефлексии студентов, в сочетании с высокой и средней выраженностью принятия ими себя. Отметим, что низкие показатели принятия себя не способствуют переживанию состояния задумчивости, независимо от уровня выраженности рефлексивности студентов. Низкая рефлексия, в свою очередь, негативно влияет на интенсивность переживания задумчивости. При высоких показателях рефлексии состояние задумчивости более интенсивно проявляется у лиц со средними показателями принятия себя.

Далее, обратимся к еще одному типичному познавательному состоянию на семинаре, к состоянию сосредоточенности. Ключевое влияние на данное состояние оказывает показатель рефлексии в сочетании с уровнем выраженности внутреннего контроля студента ($p < 0,007$).

Низкий внутренний контроль, независимо от уровня рефлексии, обуславливает наименее интенсивное проявление сосредоточенности у студентов. При средних значениях внутреннего контроля сосредоточенность достигает средних показателей. Кроме того, обнаружено, что с ростом показателя рефлексии при высоком уровне внутреннего контроля увеличивается и интенсивность переживания познавательного состояния сосредоточенности. Отметим, что средний уровень внутреннего контроля остается весьма благоприятным для переживания состояния сосредоточенности, особенно при высокой выраженности рефлексии. Тем не менее, наиболее оптимальное состояние испытывают студенты с одинаково высокими показателями рефлексии и внутреннего контроля.

Итак, в ходе исследования нашли свое подтверждение выдвинутые ранее гипотезы. Показано, что адаптационные процессы оказывают существенное влияние на переживания познавательных состояний у студентов в ходе учебной деятельности. В свою очередь, уровень выраженности рефлексивности студентов играет опосредующую роль во взаимодействии познавательных состояний и процессов адаптации, то есть, выступает модератором взаимодействий первого порядка.

Подводя итоги, стоит отметить, что наиболее типичными состояниями в ходе семинарских занятий выступали позитивные состояния заинтересованности, задумчивости и сосредоточенности.

Показано, что наибольшее влияние на указанные состояния оказывают такие адаптационные процессы, как эмоциональный комфорт, внутренний контроль, а также принятие себя. Рефлексия, при этом, выступает в качестве модератора закономерностей первого порядка, влияя на качественную выраженность отмеченных познавательных состояний студентов. Таким образом, влияние рефлексии и адаптационных процессов на познавательные состояния носит сложный, нелинейный характер.

Литература

- Прохоров А. О.* Познавательные состояния: ментальные основания // Психология психических состояний: сб. статей студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Вып. 12 / Под ред. М. Г. Юсупова, А. В. Чернова. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 2018. С. 8–14.
- Прохоров А. О., Чернов А. В.* Рефлексия и психические состояния при разных формах учебной деятельности студентов // Психологический журнал. 2016. Т. 37. №6. С. 47–56.
- Прохоров А. О., Юсупов М. Г.* Ментальная регуляция познавательных состояний в интеллектуальной деятельности подростков // Сибирский психологический журнал. 2018. № 70. С. 6–17.
- Чернов А. В.* Ментальные репрезентации познавательных состояний заинтересованности и вдохновения // Психология – наука будущего: сборник VI Международной конференции молодых ученых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 531–534.
- Чернов А. В., Юсупов М. Г.* Феноменология познавательных состояний преподавателей и научных работников // Психология психических состояний: Юбилейный сборник Международной школы. Вып. 10 / Под ред. А. О. Прохорова, А. В. Чернова, М. Г. Юсупова. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2016. С. 91–96.

Влияние уровня эмпатии на стиль поведения в конфликте

Д. Н. Чернова, Ю. В. Кулагина (Чебоксары)

В настоящие годы в жизни человечества все большее место занимают проблемы, связанные с преодолением различных кризисных явлений. Конфликт является неотъемлемым элементом функционирования любого общества. В современном мире, в условиях, когда ежедневно увеличивается «скорость жизни», когда стрессы знакомы почти любому не понаслышке, когда каждый к чему-то стре-

мится и чего-то боится, проблемы, поставленные конфликтологией – предотвращение, анализ, прекращение конфликтов – стали особенно актуальны. Они актуальны, потому, что конфликты могут присутствовать в любой сфере жизнедеятельности общества, а конфликт, пущенный на самотек, может привести к нежелательным последствиям как для отдельных индивидов, так и для общества.

Проблема исследования: каково влияние уровня эмпатии на стиль поведения в конфликте? Решение данной проблемы и является целью исследования.

Гипотеза исследования: существует зависимость между уровнем эмпатии и стилями поведения в конфликте, а именно респонденты с высоким уровнем эмпатии предпочитают такие стратегии поведения в конфликте как «сотрудничество» и «компромисс».

В ходе изучения проблемы были использованы следующие *методы*: анализ психолого-педагогической литературы по проблеме исследования, тестирование («Методика диагностики эмпатии» (И. М. Юсупов), «Диагностика устойчивости к конфликтам», методика «Стратегии поведения в конфликте» К. Н. Томаса»), методы математической обработки данных. Практическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в нем теоретические положения и выводы, а также разработанная программа развития эмпатии и профилактики конфликтов, позволят развивать и совершенствовать работу с подростками.

Экспериментальная база исследования – МБОУ «СОШ № 27» г. Чебоксары.

Экспериментальная работа по определению влияния уровня эмпатии на стиль поведения в конфликте среди подростков проводилась в МБОУ «СОШ № 27» г. Чебоксары с учениками 9 «Б» класса (24 ученика).

С помощью методики И. М. Юсупова мы провели диагностику уровня эмпатии. Мы можем утверждать, что если подросток имеет способности к эмпатии, то она проявляется и к родителям, и к животным, и к детям и т. д. При анализе полученных данных по данной методике мы определили, что по шкале «Эмпатия с родителями» только у одного испытуемого (4%) очень высокий уровень эмпатии, у 3 (13%) высокий уровень, у 15 (62%) средний уровень. Практически схожие данные получены по шкале «эмпатия со стариками». Здесь также только у 1 испытуемого очень высокий уровень эмпатии, у 6 (25%) высокий уровень эмпатии и у 8 (33%) средний уровень развития эмпатии. Интересны данные, полученные по шкале «Эмпатия с животными». Здесь уже у 3 испытуемых (13%) наблюдается уровень

очень высокий, у 6 (25%) высокий уровень и у 9 (37%) средний уровень. По шкале «Эмпатия с детьми» также высокие баллы наблюдаются у тех подростков, у которых есть младшие братья и сестры. Самые высокие баллы диагностированы по шкале «Эмпатия с героями художественных произведений». Так очень высокий уровень наблюдается у 5 (21%) испытуемых, высокий у 6 (25%), средний — у 8 (33%). И по шкале «Эмпатия с незнакомыми или малознакомыми людьми» у 2 (8%) испытуемых выявлен очень высокий уровень, у 7 (30%) высокий.

Методика «Диагностика устойчивости к конфликтам» позволяет выявить уровень конфликтоустойчивости личности. В результате проведенного исследования были получены следующие данные: среди респондентов доминирует средний уровень конфликтоустойчивости — 16 испытуемых (66%), что говорит о норме. Высоким уровнем конфликтоустойчивости обладают 3 (13%) респондентов, что говорит о наличии у них успешной и высокой устойчивости к конфликтам, низкий уровень встречается у 5 (21%) респондентов, что свидетельствует о выраженной конфликтности этих испытуемых. Очень низкий уровень конфликтоустойчивости, что говорит о высокой конфликтности, не встречается ни у одного из респондентов.

Далее мы использовали методику К. Н. Томаса. Результаты показали, что среди респондентов 42% предпочитают соперничество в конфликтных ситуациях, 21% учеников — сотрудничество и компромисс, 8% — приспособление и уход (избегание).

Для определения влияния уровня эмпатии на стиль поведения в конфликте был применен t-критерий Стьюдента. Оказалось, что есть связь между уровнем эмпатии по шкале «Эмпатия с родителями» и стратегиями поведения в конфликте, а также зависимость между уровнем эмпатии по шкале «Эмпатия со стариками» и стратегиями поведения в конфликте. Качественный анализ показал, что у респондентов с высоким уровнем эмпатии по данной шкале преобладают такие стратегии поведения в конфликте как «сотрудничество» и «компромисс». Нет зависимости между стратегиями поведения в конфликте и уровнем эмпатии по шкалам «Эмпатия с живыми», «Эмпатия с детьми», «Эмпатия с героями художественных произведений» и «Эмпатия с незнакомыми».

Диагностические данные, полученные в ходе констатирующего эксперимента, свидетельствуют о необходимости проведения программы развития эмпатии и профилактики конфликтов среди респондентов нашей выборки. Нами была разработана программа развития эмпатии и профилактики конфликтов среди подростков,

состоящая из 12 занятий. После проведения программы развития эмпатии и профилактики конфликтов среди подростков мы провели повторную диагностику с учениками 9Б класса.

С помощью методики И. М. Юсупова мы провели диагностику уровня эмпатии. Результаты, полученные в ходе диагностики: респондентов с очень низким уровнем эмпатии в нашей выборке больше не наблюдается; по шкале «Эмпатия с родителями» только у одного испытуемого (4%, первоначально так же) очень высокий уровень эмпатии, у 4 (17%, первоначально 13%) высокий уровень, у 15 (62%) средний уровень. Сходные данные получены по шкале «эмпатия со стариками». Здесь также только у 1 испытуемого очень высокий уровень эмпатии (первоначально так же), у 7 (29%, первоначально 25%) высокий уровень эмпатии и у 10 (42%, первоначально 33%) средний уровень развития эмпатии. По шкале «Эмпатия с животными» уже у 3 испытуемых (13%, первоначально также) наблюдается уровень очень высокий, у 7 (29%, первоначально 25%) высокий уровень и у 11 (45%, первоначально 37%) средний уровень. По шкале «Эмпатия с детьми» также высокие баллы наблюдаются у тех подростков, у которых есть младшие братья и сестры, очень высокий уровень диагностирован у 4 (17%, первоначально также) испытуемых, высокий у 7 (29% первоначально 25%), средний у 9 (37%, первоначально 33%). Самые высокие баллы диагностированы по шкале «Эмпатия с героями художественных произведений»: так, очень высокий уровень наблюдается у 5 (21%, первоначально так же) испытуемых, высокий у 7 (29%, первоначально 25%), средний – у 10 (42%, первоначально 33%). По шкале «Эмпатия с незнакомыми или малознакомыми людьми» у 2 (8%, первоначально так же) испытуемых выявлен очень высокий уровень, у 8 (33%, первоначально 30%) высокий.

Методика «Диагностика устойчивости к конфликтам». Среди респондентов в 9 «Б» доминирует средний уровень конфликтоустойчивости – 16 испытуемых (66%, первоначально так же), что говорит о норме. Изменения наблюдаются в количественной величине высокого и низкого уровня конфликтоустойчивости. Так первоначально респондентов с высоким уровнем конфликтоустойчивости было 3 (13%), на контрольном этапе диагностики их стало 4 (17%). Высокий уровень конфликтоустойчивости говорит о наличии у учеников успешной и высокой устойчивости к конфликтам. Низкий уровень встречается у теперь лишь у 17% (первоначально 21%) респондентов, что свидетельствует о выраженной конфликтности этих испытуемых.

По методике К. Н. Томаса, среди респондентов 9Б класса 36% (первоначально 42%) предпочитают соперничество в конфликтных

ситуациях, 24% (первоначально 21%) учеников – сотрудничество и компромисс, 8% (первоначально так же) – приспособление и уход (избегание).

При комплексном анализе диагностических данных контрольного эксперимента мы можем сделать вывод о том, что программа, проведенная нами с учениками 9Б класса, действенна и приносит результаты. Но для получения больших результатов необходимо длительная, целенаправленная и совместная работа психолога, педагогов, родителей и учеников по профилактике конфликтов.

Литература

Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.

Особенность психологической границы личности у юношей с различным уровнем доверия к себе

М. Н. Черноусова (Ростов-на-Дону)

Насыщенность социально-исторических процессов в современном российском обществе предъявляет особые требования к личной автономии, наличию собственного психологического пространства, свободе и ответственности каждого человека. В настоящее время представления об особенностях психологической границы личности в науке еще недостаточно четкие. Соответственно, понимание того, каким образом особенности границы сказываются на личности, содержании и структуре ее идентичности, процессе ее социализации остается актуальным (Мозговая, 2010).

Так, по мнению С. К. Нартовой-Бочавер, у каждого человека на протяжении всей жизни формируется свое психологическое пространство личности. Оно может включать в себя различные компоненты: собственное тело, вещи, жилье, вкусы, точки зрения, ценности (Нартова-Бочавер, 2005).

Для человека не всегда важно располагать объективно объемным пространством, но важно, чтобы они были субъективно достаточными и надежно защищенными. Достижение суверенности или личностной автономии это результат не силового, уважительного отношения к субъекту и самого субъекта к миру. Поэтому, выявление личностных характеристик такого пространства в подростковом

и юношеском возрасте, позволят увидеть содержательную сторону личностного пространства (Мозговая, Манвелян, 2015).

Так же актуальным является изучение психологической границы в юношестве, так как именно в этом возрасте, по мнению Э. Эриксона, происходит выделение идентичности личности, стремление к самостоятельности, обособление. И. С. Кон, считает, что обособление чаще всего в юношеском возрасте проявляется в эмансипации от контроля старших. Усиливается потребность не только в социальной, но и пространственной территориальной автономии, неприкосновенности своего личностного пространства, суверенности (Кон, 2003).

Важно отметить, что особую значимость на данном возрастном этапе приобретает наличие/отсутствие доверия как детерминанты, инициирующей субъект-субъективные отношения. В современных исследованиях психологической границы личности представлено большое количество разнополюх выборок, однополюх выборкам уделяется меньше внимания. Поэтому мы сделали акцент именно на однополюх выборке.

С целью изучения психологической границы личности юношей с различным уровнем доверия к себе нами было проведено пилотажное исследование в Новочеркасском суворовском военном училище МВД России. В исследовании принимало участие 47 юношей в возрасте 17–18 лет.

Мы использовали следующий методический инструментарий: с целью изучения психологической границы личности применялась методика Т. С. Леви (Бодалев, 1999); для изучения доверия – тест-опросник «Оценка доверия к себе» Т. П. Скрипкиной (2000).

При помощи выбранного параметрического критерия для двух несвязных выборок (t -критерий Стьюдента) в выделенных группах «А» и «Б» были определены различия между оценкой доверия к себе и функцией психологической границы личности.

По результатам опросника «Оценка доверия к себе» респонденты были разделены на группы:

- группа «А» Высокая оценка доверия к себе, т. е. юноша доверяет себе 76,6%.
- группа «Б» Низкая оценка доверия к себе, т. е. юноша не доверяет себе 23,4%.

Высокий уровень говорит нам о том, что большинству выборки характерно доверие к себе. Такой человек ориентирован, прежде всего, на достижения в различных сферах деятельности, так же характерно для таких юношей уверенность в себе, позитивное самопринятие,

высокий уровень самоуважения. Человек одобряет свои решения, планы и желания. Но в свою очередь лишен склонности к рефлексивному самокопанию, не склонен к переживанию внутренних конфликтов. И лишь не большому числу испытуемых характерен низкий уровень доверия к себе, что говорит нам об обратном.

По методике диагностики психологической границы личности определили показатели по функциям границы личностного пространства.

Данные показывают, что в группе юношей по шкале «невыпускающая функция» высокий уровень у 85,1% респондентов и низкий уровень у 14,9%. Эта шкала наиболее выражена, у данной группы респондентов. По шкале «проницаемая функция» среди юношей высокий уровень наблюдается у 51,1% респондентов и у 48,9% – низкий уровень. По шкале «вбирающая функция» у 80,9% респондентов-юношей высокий уровень и низкий уровень у 19,1%. «Отдающая функция». По этой шкале у 61,7% юношей высокий уровень, что выражается в возможности выражать себя при наличии адекватных условий, выпускать внутреннюю энергию. И низкий уровень у 38,3%, что выражается в невозможности выражать себя, выпустить свою внутреннюю энергию. Шкала «сдерживающая функция»: здесь высокий уровень наблюдается у 61,7% и низкий уровень у 38,3% юношей. И по шкале «спокойно-нейтральная функция»: у 82,9% респондентов-юношей обнаружен высокий уровень и у 17,1% – низкий уровень.

Так, в группе юношей с высокой оценкой доверия к себе по степени преобладания функций психологических границ, картина выглядит следующим образом: на первом месте располагается вбирающая функция (6,41), на втором месте проницаемая функция (6,18), на третьем месте спокойно-нейтральная и отдающая функции (5,25), на четвертом месте отдающая функция (5,09) и на последнем месте сдерживающая функция (4,91).

Преобладание проницаемой функции свидетельствует о проницаемости внешних воздействий, то есть состояние границы личностного пространства характерно уверенным в себе людям и позволяет испытывать чувства доверия к другим.

Преобладание вбирающей функции границ говорит о возможности ее обладателя «втягивать» желательное из окружающего мира. Выраженность этой функции границ предполагает внутреннее право на удовлетворение своих потребностей, позволяющая свободно попросить о помощи.

Несформированность границы пространства личности свидетельствует о невозможности полноценно реализовать свои потреб-

ности, пассивность в стратегии их удовлетворения, неумение просить о помощи.

Так, в группе юношей с низкой оценкой доверия к себе по степени преобладания функций психологической границы, картина выглядит следующим образом: на первом месте располагается спокойно-нейтральная функция (6,33), на втором месте вбирающая (6,16), на третьем месте проницаемая и сдерживающая функции (5,16) на четвертом месте, не пропускающая (4,66), а на пятом и на последнем месте отдающая функция (4,91).

Следовательно, юноши с низким доверием к себе характеризуются выраженным спокойствием, они не способны выражать себя, выпускать свою внутреннюю энергию.

Таким образом, качественный анализ данных показал, что у респондентов с высоким уровнем доверия к себе существует тенденция к сформированности таких психологических границ как проницаемая, вбирающая. Эти юноши характеризуются собственным внутренним правом на независимость, обладают суверенным психологическим пространством личности.

Далее мы провели анализ значимости различий по уровню доверия к себе и психологической границы личности. Данные получены при помощи параметрического критерия для двух несвязных выборок – t-критерий Стьюдента, по выявлению различий функций психологической границы личности у юношей с разным уровнем доверия к себе.

Существуют статистически значимые различия на 5% уровне значимости, т. е. есть тенденция несформированной не пропускающей функции психологической границы личности у юношей с низкой оценкой доверия к себе. У такого человека подавляется внутреннее право на независимость, на свое внутреннее пространство. Данной группе не свойственно сказать «нет», они не могут сдерживать напор, оттолкнуть. Юноши не обладают внутренним правом на независимость, на собственное психологическое пространство личности. Существуют потребности в независимости и защите (Леви, 2008).

Также существуют статистически значимые различия на 1% уровне значимости по вбирающей функции психологической границы личности, т. е. мы можем говорить о том, что у юношей с высокой оценкой доверия к себе сформирована вбирающая функция границы личностного пространства. Данной группе юношей характерно внутреннее право на удовлетворение своих потребностей. Люди со сформированной вбирающей границей личности могут открыто попросить помощи, заявить о своих потребностях. Су-

существует потребность в получении чего-либо из пространства мира (там же).

Таким образом, из нашего исследования мы можем сделать выводы о том, что особенность психологических границы личности у юношей с различным уровнем доверия к себе проявляется в преобладании проницаемой функции, то есть такое состояние границы личного пространства характерно уверенным в себе людям, испытывающим чувство доверия к себе. Преобладание же вбирающей функции границы личности свидетельствует о сформированном внутреннем праве на удовлетворение своих потребностей. Юноши с низкой оценкой доверия к себе характеризуются выраженным спокойствием, неспособностью к проявлению себя, на что нам указывает спокойно-нейтральная функция границы личности.

По результатам исследования нами также был разработан тренинг, целью которого было знакомство будущих военнослужащих с собственным личностным пространством, возможностью протраивать и защищать границы такого пространства.

Литература

Кон И. С. Открытие Я. М.: Политиздат, 2003.

Леви Т. С. Пространственно-телесная модель развития личности // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 1. С. 23–33.

Мозговая Н. Н. Личностное пространство как предмет научных исследований // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2010. № 12. С. 133–137.

Мозговая Н. Н., Манвелян Н. Г. Особенности суверенности психологического пространства личности юношей и девушек студентов вузов // Психология обучения. 2015. № 1. С. 44–56.

Нартова-Бочавер С. К. Психологическое пространство личности. М.: Прометей, 2005.

Функции «Ага» в инсайтном решении: награда за усилия или способ запомнить решение на будущее*

А. В. Чистопольская, И. Ю. Владимиров, Н. Ю. Лазарева (Ярославль)

В современной когнитивной психологии существует несколько гипотез о функциональной роли ага-реакции при решении инсайтных задач: маркер продвижения к цели; награда за усилия; от-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00672.

метка удачного решения, чтобы вспомнить о нем в дальнейшем; радость от преодоления тупика и др.

Две из них могут рассматриваться как конкурирующие между собой, это гипотеза о том, что ага-переживание является наградой за проделанную работу (взгляд на прошлое решения), и гипотеза о том, что ага-реакция – способ отметить удачное решение, чтобы использовать его в дальнейшем.

В первом случае наличие и интенсивность ага-переживания будет функцией от трудности решения и никак не будет связано с возможностью его переноса.

Во втором случае интенсивность ага-переживания является результатом его потенциальной полезности и будет связано с вероятностью переноса (припоминания) подобного решения в дальнейшем.

С одной стороны, эмоциональный компонент ага-переживания может выступать маркером нахождения решения. С другой стороны, ага-переживание может выступать эмоциональной наградой, подкреплением за потраченные усилия при нахождении инсайтного решения. Мы хотим выяснить, какую из функций выполняет ага-переживание и антагонистичны ли они друг другу.

Метод

Гипотезы

1. Если ага-переживание выполняет функцию награды за найденное решение, то интенсивность ага-переживания будет зависеть от трудности решения. Наличие возможности переноса решения на другие подобные задачи не зависит от трудности решения.
2. Если ага-переживание является маркером удачного решения, то интенсивность ага – переживания не зависит от трудности решения задачи. При этом предполагается перенос на подобные задачи.

Переменные экспериментального исследования

Независимая переменная: трудность решения задачи (объективная и субъективная).

Зависимые переменные

- 1) интенсивность ага-переживания;
- 2) наличие переноса принципа решения как показатель запоминания решения.

Операционализация гипотез исследования

Трудность: в пилотажном исследовании будет определена трудность решения предложенных задач. Кроме того, объективная сложность будет оценена через общее количество решенных задач по всей выборке в каждом типе задач. Субъективная трудность решения будет оцениваться с помощью самоотчета, представленного в опроснике.

Интенсивность ага-переживания будет оцениваться с помощью: а) самоотчетов по модифицированным вариантам опросников А. Данек (Danek, 2013) и Дж. Вонга (Wong, 2009); б) поведенческих показателей вербализованной ага-реакции; в) экспертных оценок видеозаписей решателей.

Перенос решения будет проверяться через отсроченное (спустя 2 недели) предъявление задачи на симметрию, аналогичную решенной ранее задаче. Однако задача будет устроена чуть иначе, несмотря на то, что общий принцип решения сохранится. Например, если в первый раз предъявлялась задача с левосторонней симметрией (верно отраженная цифра расположена слева), то во второй раз – задача с правосторонней симметрией (верно отраженная цифра расположена справа). Однако принцип решения тот же: необходимо симметрично декомпозировать чанк и увидеть цифры.

Стимульный материал

В качестве стимульного материала выступают задачи на симметрию, основной принцип решения которых состоит в необходимости абстрагироваться от первично заданной репрезентации (в образном формате) и перейти к символьному формату оперирования элементами задачи, т. е. переструктурировать задачу. Общая инструкция испытуемым: «Вам необходимо найти закономерность и предложить 4 элемент, удовлетворяющий этой закономерности». Испытуемому предлагается одна из 4 задач, которые различаются различной степенью трудности переструктурирования.

Для решения задачи на симметрию необходимо разделить представленную фигуру пополам и увидеть симметрично отраженные цифры. Именно по такому принципу надо составить самостоятельно 4 элемент, в котором также будут симметрично отражены цифры. На наш взгляд, тип задач на симметрию, в котором элементы представляют собой целостную хорошую фигуру (стрелку, весы, елку), будут казаться наиболее трудными для решения, поскольку будет создаваться дополнительная трудность при переструктурировании и декомпозиции чанков. Это будет проверено эмпирически в данном исследовании.

Процедура

Испытуемому предлагается решить задачу на симметрию. После решения необходимо оценить субъективную трудность решения, а так же интенсивность ага-переживания по специальной шкале.

Процесс решения задачи фиксируется на видео для дальнейшей экспертной оценки интенсивности ага-переживания. Спустя две недели испытуемый решает подобную задачу с другим типом симметрии. Фиксируется время решения.

Выборка

40 испытуемых (размер выборки определен исходя из анализа размеров выборок в исследованиях, с результатами которых мы будем соотносить результаты данного исследования).

Ожидаемые результаты

- Если ведущей функцией ага-переживания является функция награды, то на инсайтность решения будет в большей степени влиять трудность задачи (субъективная, либо объективная). В то же время наличие возможности переноса не предполагается.
- Если же ведущей функцией является маркирование решения, то полученное решение будет запоминаться и переноситься на другие подобные задачи. В то же время интенсивность и наличие ага-переживания не будет связано с затрачиваемыми усилиями.

Литература

- Danek A. H., Fraps T., Müller A., Grothe B., Öllinger M.* Aha! experiences leave a mark: facilitated recall of insight solutions // *Psychological research*. 2013. V. 77. № 5. P. 659–669.
- Wong T. J.* Capturing ‘Aha!’-moments of puzzle problems using pupillary responses and blinks. University of Pittsburgh, 2009.

Жизнеспособность и представления о будущем в юношеском возрасте

Д. А. Чичерина (Кострома)

Юношеский возраст довольно непростой период в жизни каждого из нас. В это время человек должен самостоятельно и осознанно принимать важнейшие решения, от которых впоследствии

будет зависеть вся его дальнейшая жизнь. Учитывая при этом реалии современного мира, с его стремительными темпами жизни и обилием информации, сделать это очень сложно. Постановка жизненных целей, определение приоритетов, формирование самоидентичности, выбор направления своего профессионального и личностного пути — вот только часть актуальных задач, стоящих перед человеком в юношеском возрасте. Характерной чертой данного периода жизни является устремленность в будущее. При этом протяженность и содержательная насыщенность жизненных планов зависит от уровня жизнеспособности личности, которая в настоящее время активно изучается в психологии.

Для нас значимо понимание жизнеспособности в трудах К. А. Абульхановой, считающей, что «способность возвыситься, самоопределиться по отношению к ее целостному ходу и есть проявление субъекта жизни» (Абульханова-Славская, 1991). В этом же аспекте рассматривает жизнеспособность и А. Рейсман, во-первых, как способность субъекта жить настоящим, ощущать неразрывность прошлого, настоящего, будущего; во-вторых, как высокую степень независимости его ценностей и поведения от внешних воздействий, способность жить, «как изнутри направляемая личность» (Рыльская, 2011). Мы будем придерживаться точки зрения, что жизнеспособность — это внутренний ключевой ресурс личности, позволяющий ощущать неразрывность прошлого, настоящего, будущего и формировать свои смысложизненные установки в соответствии с заданными целями.

В юношеском возрасте, который является ключевым этапом в формировании личности, жизнеспособность следует рассматривать как важный ресурс развития человека, позволяющий ощущать неразрывность прошлого, настоящего, будущего и формировать свои смысложизненные установки в соответствии с заданными целями. Изучение представлений о будущем современной молодежи очень актуально и востребовано в связи с важными прикладными задачами, стоящими перед психологией: помощь в самоопределении и успешной самореализации лицам юношеского возраста. Принимая все вышесказанное во внимание, мы полагаем, что избранная нами тема исследования актуальна.

Целью исследования стало изучение различий в представлениях о будущем у лиц юношеского возраста с разным уровнем жизнеспособности. Мы предположили, что существуют различия в представлениях о будущем у лиц юношеского возраста с разным уровнем жизнеспособности, выражающиеся в степени конкретизации, эмо-

циональном окрасе и прогнозируемом жизненном успехе. В качестве методического инструментария выступили: тест «Жизнеспособность взрослого человека» (Махнач, 2011), опросник «Ways of Coping Questionnaire» (Folkman, Lazarus, 1986, в адаптации Е. В. Битюцкой, 2015), методика рисуночных метафор «Мой жизненный путь» (Соломин, 1997), интервью. Эмпирическую базу исследования составляют 26 человек юношеского возраста (от 18 до 20 лет).

Обсуждение результатов

Исходя из данных теста «Жизнеспособность взрослого человека», необходимо отметить следующее: наблюдается большой разброс в значениях жизнеспособности (диапазон от 255 до 425) у лиц юношеского возраста. Медианное значение жизнеспособности – 341,5. При выявлении различий было обнаружено, что для лиц с высоким уровнем жизнеспособности более характерна уверенность в способности влиять на свою жизнь, преодолевать препятствия и принимать на себя ответственность за свое поведение: интегральный уровень жизнеспособности ($U = 0,00$ при $p\text{-level} = 0,00$), «Самоеффективность» ($U = 22,50$ при $p\text{-level} = 0,001$), «Настойчивость» ($U = 28,00$ при $p\text{-level} = 0,004$), «Локус контроля» ($U = 30,5$ при $p\text{-level} = 0,005$), «Совладание и адаптация» ($U = 7,00$ при $p\text{-level} = 0,000$). Такие молодые люди активны, решительны, ставят перед собой четкие цели. Испытуемые из группы с низкой жизнеспособностью, наоборот, как правило, не уверены в себе и своих возможностях, поэтому считают, что не в силах что-либо изменить, целиком полагаясь на внешние обстоятельства или других людей. Что подтверждается и наличием различий между первой и второй группами в использовании способов совладающего поведения, таких как «Планомерное решение проблем» ($U = 35,5$ при $p\text{-level} = 0,012$) и «Самоконтроль» ($U = 23,5$ при $p\text{-level} = 0,001$), с доминированием обоих способов копинга у второй группы. При этом было выявлено, что общий уровень жизнеспособности имеет прямую умеренную связь с такими способами совладания как «Планомерное решение проблем» ($R = 0,5$ при $p\text{-level} = 0,005$) и «Самоконтроль» ($R = 0,6$ при $p\text{-level} = 0,001$). Можно предположить, что чем выше уровень жизнеспособности испытуемого, тем более конструктивно он подходит к решению трудностей. При этом, связь копинга и показателей жизнеспособности у лиц с разным уровнем интегральной жизнеспособности специфична. Для респондентов с низким уровнем жизнеспособности характерно частое обращение за поддержкой и помощью к окружающим людям, а также, о том, что для преодоления трудностей и стрессовых

ситуаций им необходимо их постоянно контролировать. Во второй группе наблюдается прямая связь «Настойчивости и Планомерного решения проблем» ($R=0,7$ при $p\text{-level}=0,01$).

Основная задача исследования – выявления различий в представлениях о будущем у студентов с разным уровнем жизнеспособности, решалась с помощью проективной метафорической методики «Мой жизненный путь». Значимые различия результатов у группы с более низким уровнем жизнеспособности и группы с более высоким уровнем жизнеспособности обнаружены по критерию «В1» (низкая детализированность будущего в рисунке) ($U=45,500$ при $p\text{-level}=0,018$); «В2» (высокая детализированность будущего в рисунке) ($U=45,500$ при $p\text{-level}=0,018$); «I2» (отсутствие в будущем представлений, связанных с достижениями) ($U=42,500$ при $p\text{-level}=0,001$). У группы с более низким уровнем жизнеспособности конкретизация и детализированность рисунка низкая, в отличие от испытуемых второй группы, которые подробно прорисовали свое будущее и изобразили представления, связанные с достижениями. Для респондентов с более низким уровнем жизнеспособности, характерно достаточно бедное и размытое представление о своем будущем. Как правило, они не видят в нем каких-либо достижений, это свидетельствует о том, что они не имеют четких планов относительно своей жизни. Испытуемые с более высокой жизнеспособностью наоборот, тщательно и подробно планируют свою будущую жизнь, мечтают добиться определенных успехов. При этом у испытуемых с более низким уровнем жизнеспособности показатель «Совладание и адаптация» имеет прямую связь с категорией «Отсутствие представлений, связанных с материнством (отцовством)».

Высокая способность человека к совладающему поведению и адаптации предполагает наличие у него такого качества как ответственность. Возможно, именно поэтому, испытуемые с высоким значением данного показателя жизнеспособности, затрудняются в представлении себя в роли родителя, потому что для этого им необходимо взять ответственность за другого человека в будущем. Данным испытуемым характерна сфокусированность на настоящем, так как нести ответственность за себя в настоящий момент гораздо проще, чем быть готовым нести ответственность в будущем.

Высокий уровень показателя жизнеспособности человека «Духовность» связан с представлениями о профессиональной карьере, а также с переживанием страхов и трудностей по отношению к бу-

душему. Возможно, это связано с низкой духовностью современного общества, что требует дальнейшего осмысления. У испытуемых второй группы, наблюдается прямая связь между показателем «Совладание и адаптация» и «Наличием представлений, связанных с достижениями» ($R=0,6$ при $p\text{-level}=0,02$). Следовательно, чем эффективнее человек совладевает со стрессом и готов нести ответственность за принятые решения, тем больше у него ярких и четких представлений об успехах в будущем. Можно предположить, что это зависит от позитивного настроения человека, его самооценки и внутренних ресурсов. Также, обратные связи между следующими показателями: «Совладание и адаптация и Отсутствие представлений, связанных с достижениями» ($R=-0,6$ при $p\text{-level}=0,03$) и «Самоеффективность и Отсутствие представлений, связанных с достижениями» ($R=-0,6$ при $p\text{-level}=0,02$) свидетельствуют о том, что при использовании продуктивных копинг-стратегий, а также наличии адекватных ожиданий и представлений о поставленных целях, в группе с более высоким уровнем жизнеспособности, возрастает количество ожиданий достижения успеха в будущем.

Таким образом, мы видим, что представления о будущем связаны с уровнем жизнеспособности человека. Так, испытуемые с более низкими показателями жизнеспособности чаще представляют свое будущее мало детализировано, без представлений о достижениях и позитивных ожиданий. Группе с высокими показателями жизнеспособности свойственны высокая конкретизация образа будущего, наличие жизненных планов, ожидание успехов. Такая специфика связи показателя жизнеспособности и представлений о будущем, в свою очередь, объяснима совладающим поведением. Общим для обеих групп является переживание страхов и некоторой тревоги по отношению к своему будущему.

Литература

- Абульханова К. А.* Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.—Воронеж: НПО «Модэк», 1999.
- Махнач А. В.* Жизнеспособность человека: измерение и операционализация термина // Психологические исследования проблем современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 54—83.
- Рыльская Е. А.* К вопросу о психологической жизнеспособности человека: концептуальная модель и эмпирический опыт // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 3. С. 9—38.

Особенность проспективной памяти у больных с навязчивым счетом: анализ клинического случая

Ж. В. Чуйкова (Курск)

Исследование когнитивных процессов при различных психопатологиях уже давно является обыденной практикой. Однако, такого рода исследования, как правило, включают все известные пробы на память, мышление, восприятие, не охватывая всего разнообразия видов этих психических функций. Так, например, в настоящее время существует довольно мало отечественных исследований, касаемых проспективной памяти, в то время как за рубежом она нередко входит в батарею обязательных тестов. Но, несмотря на большое количество исследований проспективной памяти зарубежными авторами, тем не менее, в настоящее время исследования характера и степени проспективного нарушения памяти у пациентов с обсессивно-компульсивным расстройством (ОКР) являются относительно редкими. Также нами не было найдено ни одного исследования посвященного изучению ПП у больных с навязчивостями, а именно с навязчивым счетом. В связи с этим, данное исследование является актуальным, поскольку позволит расширить представление о когнитивных нарушениях у больных с данным видом патологии.

Навязчивый счет является одним из видов навязчивых состояний, которое заключается в назойливом стремлении считать и удерживать в памяти количество пройденных шагов, встречных прохожих, столбов, автомобилей, производить в уме счетные операции, раскладывая на отдельные слоги слова и фразы и считать их. Счет возникает в определенные минуты настроения и сопровождается чувством напряжения. Больные критично относятся к этому состоянию, но даже при большом желании не могут справиться и остановить этот процесс (Минутко, 2011).

В ходе большого количества нейробиологических исследований с использованием методов нейровизуализации (ПЭТ, фМРТ и др.) была установлена тесная корреляция между клиническими симптомами, когнитивной функцией и функцией мозга у пациентов с ОКР. Была выявлена аномально высокая активность во всей лобной коре и подкорковых структурах, в таких как орбита – фронтальная кора (ОФК), передняя поясная кора, хвостатое ядро и таламус (Nakaо, 2014). Недавние исследования ученых из Нидерландов показали, что поражения кортико-стриатоталамического контура, теменной и височной коры, мозжечка и ствола мозга могут вызывать

компульсивность. Нейропсихологические исследования предполагают, что на стойкое и негибкое мышление и поведение ОКР могут влиять более высокие когнитивные нарушения, связанные с фронтальной функцией, такие как исполнительная функция, пространственное познание и невербальная память (Nakao, 2014).

Известно, что исполнительные функции тесно связаны с работой проспективной памяти, которая также локализуется в префронтальных отделах ГМ. Проспективная память (ПП) – это память на намерения и запланированные в будущем действия. Существует два вида ПП: ПП, связанная с событием, и ПП, связанная со временем. В первом случае речь идет об откладывании выполнить какое-либо намерение, действие (например: не забыть купить молоко, когда закончится рабочий день), а во втором – выполнить его в какое-то определенное время (например: завтра в 18:00 сходить в кино) (Grandi, 2017).

Таким образом, зная о морфофункциональных особенностях ГМ при ОКР, можно выдвинуть гипотезу: у больных с навязчивым счетом будет нарушена проспективная память.

Цель исследования: изучение особенностей проспективной памяти у больных с навязчивым счетом.

Нейропсихологические методы: «10 слов», «запоминание 2 конкурирующих групп», «запоминание и повторение фраз», «Висконсинский тест сортировочных карточек», «индивидуальная минута», «исследование восприятия времени». Для исследования ПП был применен метод, представленный в работе Т. Dong, J. Qiu и др. «Impairment of time-based prospective memory in patients with Wilson's disease» (Dong, 2016).

Исследование проводилось на базе Областной наркологической больницы города Курска в апреле 2019 г. В обследовании принял участие пациент А., 25 лет с диагнозом депрессия, ОКР (F32, F42 по МКБ-10), имеет среднее специальное образование.

При исследовании слухоречевой памяти методикой «10 слов» установлено: кривая запоминания имеет восходящую форму, к 4 запоминанию было названо 10 слов. Однако отмечается замена двух слов, схожих по звучанию (игла = игра, свет = цвет), что может свидетельствовать о невнимательности пациента, истощаемости внимания. Отсроченное воспроизведение составляет 9 слов. В ходе выполнения методик «запоминание 2 конкурирующих групп» и «запоминание и повторение фраз» было выявлено следующее: вторая методика выполнена безошибочно, а в ходе выполнения первой наблюдалась перестановка слов в предложении, длина которых составляла боль-

ше 13–14 слогов. При повторении простых фраз ошибок выявлено не было. Анализируя выполнение всех выше перечисленных методик, можно сделать вывод, что у пациента отмечается ослабление кратковременной памяти, в то время как долговременная память сохранна.

При исследовании исполнительных функций с помощью методики «Висконсинский тест» нами были получены следующие данные: пациент сразу начал правильно выполнять задание, и выделил первые две категории верно. Однако у него возникли трудности при переходе к третьей категории «по количеству». После предоставления больному двух подсказок, он определил третью категорию и правильно выполнил все оставшееся задание. Исходя из этого можно сделать вывод, что способность к выделению абстрактных категорий у больного нарушена.

Следующим этапом работы было изучение восприятия времени пациентом. В ходе выполнения пробы «индивидуальная минута» показатель был равен 50 с, что не входит в рамки нормы и свидетельствует о легкой тревожности и сложности саморегуляции в напряженной ситуации. При выполнении методики «исследование восприятия времени», была выявлена высокая точность оценки временных промежутков, что свидетельствует об отсутствии нарушений в восприятии времени.

На последнем этапе нами проводилось исследование проспективной памяти. Изначально проводилась оценка ПП на время. Испытуемому предлагалась колода карточек, где необходимо было на каждой определить самое большое и самое маленькое число. Больному также сообщалось, что по прошествии каждых 5 минут он должен постучать по столу. По результатам проведения этой методики было установлено, что ПП на время у больного сохранна: он ровно через 5 минут выполнил ключевое действие, а также за все время тестирования ни разу не посмотрел на часы.

При проведении оценки ПП на события нами был взят за основу эксперимент, описанный в работе Л. Дж. Квавилашвили «Вспоминание намерения, как особая форма памяти». Пациенту давалась инструкция: «Как только мы закончим тестирование, напомните мне отдать вам результаты выполнения только что пройденных методик, которые вы должны будете отнести вашему лечащему врачу». Данный стимул был выбран не случайно, он являлся значимым для пациента, поскольку ему была объяснена важность результатов данного исследования для его дальнейшего лечения. Все это время испытуемый выполнял методику «четвертый лишний», которая являлась отвлекающим действием. По окончании ее выполнения па-

циент не вспомнил о просьбе экспериментатора, что свидетельствует о нарушении у него проспективной памяти на события.

Таким образом, данный клинический случай демонстрирует, что у пациентов с навязчивым счетом отмечается нарушение проспективной памяти на события и сохранность таковой на время. Данные вывод вступают в противоречие с уже имеющимися исследованиями ПП при ОКР, где отмечается нарушение обоих видов ПП. Однако это можно объяснить тем, что во всех этих исследованиях в выборку не входили больные с навязчивым счетом. Можно предположить, что навязчивый счет служит источником поддержки ПП на время.

Литература

- Минутко В.Л.* Навязчивые состояния. URL: <https://minutkoclinic.com/kniga-navyazchivye-sostoyaniya> (дата обращения: 14.09.2019).
- Dong T., Qiu J., Cheng H.-D., Dong W.-W., Huang P., Xu C.-S., Wang K., Yang W.-M.* Impairment of time-based prospective memory in patients with Wilson's disease // *European Review for Medical and Pharmacological Sciences*. 2016. № 20 (9). С. 1845–1851.
- Grandi F., Tirapu-Ustarroz J.* Neuropsychology of event-based prospective memory // *Rev Neurol*. 2017. № 65 (5). С. 226–233.
- Nakao T., Okada K., Kanba S.* Neurobiological model of obsessive–compulsive disorder: evidence from recent neuropsychological and neuroimaging findings // *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. 2014. № 68 (8). С. 587–605.

Образ будущего мегаполиса у горожан с разными характеристиками городской идентичности*

О. С. Шаповалова, Т. А. Нестик (Москва)

В условиях быстрых изменений городской среды отношение личности к условиям проживания определяется не только представлениями о том, какова эта среда сейчас, но и ожиданиями относительно ее будущего. Поэтому особый интерес представляет связь характеристик социальной идентичности горожан и их представлений о будущем города, в частности формирующийся образ будущего города Москвы у разных социальных групп жителей.

Проблематика городской, территориальной идентичности и формирование образа будущего города на данный момент приобретает

---

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00854-ОГН.

особую актуальность в связи с запущенной масштабной программой пространственного развития городов России. Город Москва — яркий пример преобразующегося городского пространства в настоящее время. За короткий срок здесь произошли радикальные изменения: формируются новые деловые, общественные, жилые и культурные пространства, меняется транспортная и цифровая инфраструктура. Несмотря на то, что городская среда становится более комфортной для жизни, эти перемены доставляют временные неудобства и дискомфорт для жителей. В связи с этим, предоставляет большой интерес динамика образа города в сознании горожан, их эмоциональное отношение к городу, формирование городской идентичности у приезжих и ее изменение у москвичей.

Одним из теоретико-методологических оснований нашего исследования является социальный конструкционизм (П. Бергер, Т. Лукман и др.), согласно которому социальная реальность конструируется и формируется людьми в процессе их взаимодействия и интерпретации этой реальности. С этих позиций городская идентичность рассматривается как социально-конструируемый культурный феномен. Городская социальная идентичность включает в себя субъективное отражение городского пространства в настоящее время, представление о нем в прошлом и в будущем (Самошкина, 2009). Под *городской идентичностью* мы будем понимать достаточно устойчивое представление человека о себе как жителя определенного города, непосредственное переживание своей связи с городом, чувство сопричастности городу и его жителям, выделение себя и жителей своего города среди жителей других городов, приобщенность к городскому бытию (Горнова, 2018). Городская идентичность является одним из основных регуляторов миграционного поведения, так как влияет на выбор города, с которым человек связывает свою жизнь, и, в целом, на степень удовлетворенности своей жизнью и на экзистенциальное ощущение осмысленности жизни. Поэтому нам представляется важным формирование у жителей города Москвы непротиворечивой и позитивной локальной (городской) идентичности. Ведь позитивная идентичность способствует развитию конструктивной групповой рефлексии как способности к восприятию информации, противоречащей базовым коллективным убеждениям, способности анализировать опыт изменений городской среды и альтернативные пути ее развития. Большая ответственность за формирование позитивной идентичности и рефлексии горожан лежит на профессионалах, которые влияют на формирование образа города как компонента городской идентичности через создание городской среды. Этими

профессионалами являются архитекторы-градостроители и проектировщики, ученые-урбанисты, а также представители девелоперских компаний.

Образ будущего города можно рассматривать и как когнитивный компонент городской идентичности, и как самостоятельный феномен, связанный с разными видами социальной идентификации – с гражданской, территориальной, профессиональной, экономической, этнической, политической идентичностями. Именно такой точки зрения мы будем придерживаться в своем исследовании.

Коллективный образ будущего – это представления о будущих процессах и явлениях, разделяемые представителями социальной группы и конструируемые ими в межличностном общении (Нестик, 2018). Среди психологических функций коллективного образа будущего можно выделить целеполагание и регуляцию совместной деятельности группы, поддержание позитивной идентичности группы, преадаптации к изменениям и другие функции. В содержании коллективного образа будущего выделяются шесть основных феноменов: коллективные цели и планы; групповые ожидания; коллективные надежды; коллективные страхи; групповые мечты; коллективные идеалы. При формировании позитивного образа будущего города очень важно их содержание и соотношение. Они также будут предметом нашего исследования.

Отношение горожан к будущему своего города включает четыре компонента: ценностно-мотивационный (значимость коллективного будущего для горожан), когнитивный (содержание представлений о будущем города), аффективный (оценка будущего города горожанами) и поведенческий (готовность горожан действовать ради осуществления ожиданий относительно будущего образа своего города).

На конструирование коллективного образа будущего города могут влиять различные социально-психологические факторы, в том числе личностные (уровень тревожности, личностная и социальная идентичность, ценностные ориентации); межличностные (характеристика социальных сетей, общение в сообществах); групповые (ценности внутригородских сообществ, уровень группового доверия, групповой рефлексивности, коллективные эмоциональные состояния); межгрупповые факторы (феномены конкуренции между социальными группами и др.); социальные (уровень социального доверия в обществе, отношение к новым технологиям, дискурсивные стратегии обсуждения городских проблем в СМИ и др.). Данные факторы учитываются нами при разработке программы исследования образа будущего города Москвы в разных социальных группах.

Основной проблемой нашего исследования является выявление влияния характеристик социальной (профессиональной, городской, территориальной, поколенческой) идентичности горожанина на его представления о будущем города. В ходе нашего исследования также будут изучаться различные компоненты структуры коллективного образа будущего.

Целью исследования является изучение связи образа будущего города у жителей Москвы с характеристиками их социальной идентичности и степенью вовлеченности в процессы градостроительства.

Наша *гипотеза* заключается в том, что существуют различия в содержании представлений о будущем города в зависимости от характеристик социальной идентичности горожан и степени их вовлеченности в процессы градостроительства.

Выборка будет включать в себя три группы: 1) архитекторы-градостроители г. Москвы (N = 60); 2) исследователи-урбанисты г. Москвы (N = 30); городские активисты г. Москвы (N = 30); 3) коренные москвичи (N = 100) и приезжие жители г. Москвы (N = 100).

Для достижения цели исследования нами была сконструирована анкета, включающая в себя следующие методики: ассоциативный эксперимент; «Архитектурный семантический дифференциал для изучения образа реального и идеального города» (методика О. С. Шемелиной и О. Е. Цыганковой); шкала диспозиционного оптимизма М. Шейера и Ч. Карвера в адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева и Е. Н. Осина; опросник временной перспективы Ф. Зимбардо в адаптации О. В. Митиной и А. Сырцовой; методика Ш. Шварца по изучению ценностных ориентаций; опросник «Моральные основания» Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева.

Таким образом, нам представляется перспективным изучение связи образа будущего города у жителей Москвы с характеристиками их социальной идентичности и степенью вовлеченности в процессы градостроительства. Данные о различиях в отношении горожан к будущему города в будущем могут поспособствовать более конструктивному диалогу между профессионалами, непосредственно влияющими на облик города Москвы и горожанами, не принимающими участие в градостроительстве. Также результаты будущего исследования могут помочь архитекторам-градостроителям быть более восприимчивыми к потребностям жителей районов Москвы, а также к их особенностям восприятия тех изменений в городской среде, которые проводятся в городе. И тогда можно будет говорить о практической значимости нашего исследования.

Литература

- Горнова Г. В.* Соразмерность города и человека: проблемы формирования городской идентичности // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. Вып. 3 (17). С. 43–56.
- Нестик Т. А.* Конструирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности // Mobilis in mobili: личность в эпоху перемен / Под ред. А. Г. Асмолова. М.: ИД «ЯСК», 2018. С. 213–225.
- Озерина А. А.* Городская идентичность как социально-психологический феномен // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2016. № 4 (34). С. 135–139.
- Самошкина И.* Город как фактор формирования территориальной идентичности // Развитие личности. 2009. № 2. С. 116–126.
- Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Закономерности взаимосвязи рефлексии и психических свойств

Л. А. Шаяхметова, А. В. Чернов (Казань)

Комплексность и многообразие проявлений рефлексии отражается в разнообразии понимания данного термина и подходов к ее изучению как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Рефлексия рассматривается как склонность к самоанализу, представления о психическом, метакогниции, осознание (Дударева, 2008). Однако, несмотря на разность подходов, практически все исследователи единодушны в оценке значимости рефлексии и ее роли в психической деятельности.

В проведенных ранее исследованиях была рассмотрена проблема эффективности рефлексивной регуляции познавательной деятельности (Шаяхметова, Чернов, 2019). Нами было выявлено влияние личностной и интеллектуальной рефлексии на эффективность решения задач и актуализацию познавательных состояний, в связи с чем актуально определить генезис и условия проявления рефлексивных механизмов. В решении данной задачи ключевой проблемой является изучение структуры рефлексии и ее места в структуре личности.

В интегральном понятии рефлексии можно выделить модусы процесса, состояния и свойства. По мнению А. В. Карпова, рефлексия должна изучаться во всех этих модусах.

Другое различие связано с предметом рефлексии. Большинство ученых выделяют интеллектуальную (логическую), личностную, коммуникативную рефлексию (Гуткина, 1982; Степанов, Семенов, 1985).

В наиболее обобщенном подходе к структуре личности, в ней выделяют такие компоненты как темперамент, характер, способности, направленность (Ковалёв, 1981).

Связь рефлексии с данными компонентами были описаны в работах многих авторов. Согласно исследованиям В. С. Мерлина, В. В. Белоуса, Б. А. Вяткина, А. И. Крупнова (Белоус, 1982; Вяткин, 1992; Крупнов, 1992; Мерлин, 1973), рефлексивность является одной из характеристик темперамента. В. Д. Шадриков выделяет значимую роль рефлексии в развитии интеллектуальных способностей учащихся. В то же время, по его мнению, рефлексия сама является способностью, приобретаемой в ходе обучения отслеживанию своих умственных и практических действий. Рефлексивная личность способна управлять решением задачи и ходом своих мыслей (Шадриков, 2012). Связи рефлексии с чертами характера изучалась в исследованиях Д. А. Леонтьева. Были выявлены положительные корреляции системной рефлексии с открытостью и дружелюбием и отрицательная связь со стабильностью. Другие виды рефлексии показали отрицательные связи: показатели квазирефлексии и интроспекции обратно пропорциональны добросовестности, стабильности и склонности к эгоистической лжи (Леонтьев, 2014). В исследованиях Д. А. Леонтьева отмечена неоднозначность влияния рефлексии на деятельность человека, а также разнообразное проявление данного феномена во связях с другими психическими свойствами. К тому же, существующие методики измерения уровня рефлексивности основываются на различном понимании данного явления и, как правило, выделяют лишь некоторые аспекты рефлексии.

Таким образом, несмотря на относительную разработанность темы, существует ряд проблем, связанных с изучением рефлексии в структуре личности.

Целью исследования является выявление особенностей личностных свойств студентов в зависимости от различных характеристик рефлексии.

Основная *гипотеза* исследования заключается в том, что личностные свойства различаются в зависимости от типа рефлексии.

Методы

В исследовании приняло участие 50 студентов, обучающихся по направлению «Общая психология» Казанского федерального университета.

Уровень выраженности рефлексии определялся с помощью следующих методик:

- Опросник метакогнитивной включенности в деятельность Г. Шроу, Р. Деннисона;
- Методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта в адаптации А. В. Карпова;
- Методика дифференциальной диагностики рефлексивности Д. А. Леонтьева;
- Методика диагностики индивидуальной меры выраженности рефлексивности А. В. Карпова, В. В. Пономаревой (Карпов, 2016);
- Методика диагностики рефлексивных умений на личностном уровне рефлексивной компетентности Е. В. Савченко (Савченко, 2015).

Для исследования взаимосвязи рефлексии с личностными свойствами и анализа включенности рефлексивных показателей в структуру личности были использованы методики, предназначенные для исследования различных подструктур личности. Так, свойства темперамента измерялись с помощью опросника структуры темперамента В. М. Русалова; оценка способностей производилась с помощью тестов социального интеллекта Д. Гилфорда, теста на определение уровня эмоционального интеллекта Н. Холла, методик измерения креативности С. Медника и Е. Торренса. Черты характера оценивались с помощью следующих методик: пятифакторный личностный опросник Р. Маккрея и П. Косты, тест коммуникативных и организаторских склонностей В. В. Синявского и Б. А. Федорошина, тест агрессивности Басса–Дарки, методика «Способность самоуправления» Н. М. Пейсахова. Направленность личности включала оценку мотивационных, ценностных характеристик и локуса контроля с помощью методик: тест смысложизненных ориентаций Д. А. Леонтьева, методика исследования жизненных смыслов В. Ю. Котлякова, тест-опросник К. Томаса на поведение в конфликтной ситуации, ориентировочная анкета Басса–Смекала–Кучера, тест Т. Элерса на мотивацию достижения успеха и избегания неудач.

Статистические расчеты производились с помощью корреляционного и факторного анализа с применением программы статистического анализа SPSS Statistics v. 17.0.

Результаты и интерпретация

С целью систематизации показателей рефлексивности был проведен эксплораторный факторный анализ с использованием метода

главных компонент и варимакс вращения. В результате были получены четыре фактора, определяющие 70,7% дисперсии переменных.

Первый фактор составили показатели рефлексивных навыков методики диагностики рефлексивных умений Е. В. Савченко и опросника метакогнитивной включенности в деятельность. Данный фактор соответствует пониманию интеллектуальной рефлексии. Наибольшие факторные нагрузки по второму фактору получили шкалы квазирефлексии (0,768), интроспекции (0,759), ретроспективной рефлексии (0,754), а также рефлексии будущей деятельности (0,662). В третий фактор вошли показатели ауторефлексии (0,858) и системной рефлексии (0,831). К четвертому фактору были отнесены шкалы рефлексии общения методики (0,718), социорефлексии (0,593).

Полученная классификация видов рефлексии содержит сразу два основания: предметно-содержательный и регулятивный, что позволяет создать модель структуры личности, определяющую содержание и эффективность рефлексивной регуляции деятельности.

Далее, в соответствии с результатами факторного анализа каждый из участников исследования был отнесен к одной из групп.

На следующем этапе обработки информации был проведен корреляционный анализ связей различных видов рефлексии и характеристик различных подструктур личности, в результате которого было выявлено, что все виды рефлексии имеют значимые связи с различными психическими свойствами. Интеллектуальная рефлексия коррелирует с организаторскими способностям, характеристиками интеллекта «абстрагирование» ($r=0,491^{**}$) и «анalogии» ($r=0,427$), с особенностями темперамента «предметная эргичность» ($r=0,441^*$) и «Способности к самоуправлению» ($r=0,513^{**}$).

Фактор коммуникативной рефлексии показал значимые связи с ориентацией на взаимодействие ($r=0,475^{**}$), интернальным локусом контроля ($r=0,529^{**}$), пластичностью темперамента ($r=0,394^*$). Характерно отсутствие значимых связей с Личностная конструктивная рефлексия связана с такими показателями, как «Осмысленность жизни» ($r=0,429^*$), «Локус контроля – я» ($r=0,412^*$), «Локус контроля – жизнь» ($r=0,375^*$) и статусными ценностями ($r=0,441^*$). Неконструктивная рефлексия положительно коррелирует с мотивационными характеристиками личности: мотивом достижения неудач ($r=0,454^*$) и когнитивными ценностями ($r=0,446^*$), и отрицательно – с организаторскими способностями ($r=-0,465^*$).

С целью выявления структуры личностных свойств, на следующем этапе обработки данных характеристики, показавшие значимые корреляции с рефлексивностью студентов были структурирова-

ны с помощью эксплораторного факторного анализа с применением метода главных компонент, Varimax-вращения и критерия Кайзера. В результате были выделены четыре фактора, описывающих 72,251% исходных характеристик (критерий Кайзера–Мейера–Олкина составил 0,68). В первый фактор вошли характеристики темперамента (социальная эргичность, пластичность), мотив достижения успеха, экспрессивность и организаторские способности. Второй фактор характеризуют мотив избегания неудач, а также статусные и когнитивные ценности. Кроме того, для второго фактора характерно наличие отрицательной связи с организаторскими способностями. Наибольшие значения в третьем факторе у компонент системы жизненных ориентаций: «Локус контроля – Я» и «Локус контроля – жизнь». Четвертый фактор описывают переменные «Ориентация на взаимодействие» и склонность к компромиссному поведению в конфликтной ситуации. Интерпретация полученных личностных факторов позволяет установить соответствие между данными факторами и видами рефлексии: так, первый фактор коррелирует с интеллектуальной рефлексией (0,383^{*}), второй фактор связан с личностной неадаптивной рефлексией (0,618^{**}), третий – с личностной адаптивной (0,419^{*}), четвертый – с коммуникативной (0,363^{*}), что эмпирически доказывает системообразующую роль рефлексии.

Выводы

Таким образом, были получены данные, подтверждающие наличие связей между уровнем выраженности различных видов рефлексии и индивидуально-психологических свойств личности. При этом наиболее значимыми коррелятами являются мотивационные и ценностно-смысловые свойства личности.

Литература

- Дударева В. Ю., Семенов И. Н.* Феноменология рефлексии и направления ее изучения в современной зарубежной психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 1. С. 101–120.
- Елисеев О. П.* Практикум по психологии личности. СПб.: Питер, 2010.
- Карпов А. А.* Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2016.
- Леонтьев Д. А., Осин Е. Н.* Рефлексия «хорошая» и «дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.
- Савченко Е. В.* Методика диагностики рефлексивных умений на личностном уровне рефлексивной компетентности // Пензенский психологический вестник. 2015. № 2. С. 13–36.

Взаимосвязь уровня речевого развития детей раннего возраста с компонентами современной информационной среды

Е. В. Швец (Москва)

Актуальность работы определяется тем, что дети в современном обществе начинают взаимодействовать с информационными устройствами в наиболее сензитивный для развития речи период, однако в психологической науке, роль информационных устройств в речевом развитии ребенка остается практически неисследованной.

Целью исследования является следующее: выявить взаимосвязь между использованием информационных устройств детьми, отдельными компонентами социальной среды и уровнем речевого развития на ранних этапах онтогенеза.

Гипотезы

- 1) использование информационных устройств в процессе воспитания и обучения ребенка связано с уровнем его речевого развития;
- 2) компоненты социальной среды взаимосвязаны с развитием речи ребенка.

В исследовании приняли участие 60 детей (29 мальчиков, 31 девочка), в возрасте от 12 до 41 месяца и их родители. Впоследствии выборка была разделена на 3 группы по уровню речевого развития в соответствии со шкалой Bayley.

Для измерения уровня речевого развития применялась Шкала Бэйли (Bayley, 2006), для выявления значимых компонентов социальной среды использовалась методика Home (Bradley, 1977), а Анкета для родителей «Ваш ребенок и его свободное время» М. В. Белоусовой (Белоусова, 2013) позволила нам определить характер взаимодействия детей с информационными устройствами.

Под «информационными устройствами» в нашей работе мы понимаем все разнообразие современных звуковоспроизводящих и воспроизводящих изображения технических приспособлений: телевизор, сотовый телефон, персональный компьютер (ПК), «смартфон» – мобильный телефон, дополненный функциональностью карманного персонального компьютера, планшетный компьютер («планшет»). С данными устройствами ребенок знакомится уже в первые годы жизни и непосредственно с ними взаимодействует.

Обработка данных проводилась при помощи статистического пакета SPSS. Статистическая обработка осуществлялась с помощью методов корреляционного анализа, а также сравнением различий между группами с помощью критерия Манна–Уитни.

В исследованиях на протяжении трех лет М. В. Белоусовой, А. М. Карповым и М. А. Уткузовой (Белоусова с соавт., 2014) прослеживается тенденция более раннего знакомства детей с информационными устройствами, что подтверждается и в данной работе.

Чем младше ребенок, тем раньше родители знакомят его с теми или иными информационными устройствами. Это обуславливается разными жизненными обстоятельствами. Необходимостью успокоить и отвлечь ребенка, скрасить ему ожидание времяпрепровождением с информационными устройствами. Безусловно, каждый родитель сам решает знакомить или не знакомить ребенка с информационными устройствами, если решает, что ребенка необходимо ознакомить с новшествами 21 века, то встает вопрос, в каком возрасте.

Статистически значимые различия были получены при сравнении двух групп, первой группы детей с высоким уровнем речевого развития и третьей группы детей с низким уровнем речевого развития, по возрасту знакомства с теми или иными информационными устройствами, а именно, умение пользоваться гаджетами самостоятельно и взаимодействие с мобильным телефоном самостоятельно или посредством взрослых. Возраст знакомства с гаджетами детей первой и третьей групп отличается на уровне статистической значимости $p=0,005$. Возраст знакомства с телефоном детей первой и третьей групп отличается на уровне статистической значимости $p=0,001$. Значимые различия при сравнении вышеназванных двух групп по возрасту знакомства с телевизором обнаружены не были.

Учитывая сравнения возраста знакомства детей с информационными устройствами можно предположить, что чем раньше ребенок узнает механизм работы любого гаджета, чем раньше родители показывают своему ребенку телефон, тем меньше вероятность того, что речь будет развиваться более активно.

Посредством коэффициента корреляции Спирмена, были получены статистически значимые связи. В первой группе детей, с высоким уровнем развития речи, показатель Bayley положительно коррелирует с факторами С организация среды ($r=0,564$, $p=0,010$) и F вариабельность среды ($r=0,544$, $p=0,013$).

Структура значимых компонентов социальной среды, взаимосвязанных с развитием речи в группе детей с высоким уровнем ре-

чего развития, предположительно, отражает многообразие форм и видов деятельности.

Во второй группе детей, с уровнем развития речи, соответствующим норме, показатель Bayley положительно коррелирует с фактором E воздействие со стороны матери ($r=0,633$, $p=0,020$) и количественным показателем использования детьми информационных устройств ($r=0,729$, $p=0,005$), а также отрицательно коррелирует с фактором B терпимость ($r=-0,644$, $p=0,018$).

Благодаря таким компонентам социальной среды, как материнская наблюдательность и внимательность, речь ребенка развивается в пределах нормы.

В третьей группе детей, с низким уровнем речевого развития, показатель Bayley отрицательно коррелирует с фактором склонность к попустительству ($r=-0,390$, $p=0,044$), а также положительно коррелирует с количественным показателем использования детьми информационных устройств ($r=0,588$, $p=0,001$).

Можно предположить, что в группе детей с низким уровнем речевого развития, фактор склонность к попустительству отрицательно связан с развитием речи, помимо этого существует положительная взаимосвязь речевого развития детей с использованием ими информационных устройств.

Интегрировав все полученные результаты, можно заключить, что у детей в возрасте от 12 до 41 месяца, показатель Bayley имеет прямую связь с количественным показателем использования детьми информационных устройств в двух группах, второй (дети с уровнем развития речи, соответствующим норме) и третьей (дети с низким уровнем речевого развития), и разные связи с компонентами социальной среды во всех трех группах.

Выводы

В результате проведенного эмпирического исследования взаимосвязи речевого развития детей с определенными компонентами социальной среды, а также использования детьми информационных устройств удалось выявить следующее:

- в группе детей с высоким уровнем развития речи такие компоненты социальной среды, как организация и вариабельность, положительно связаны с речевым развитием;
- у детей с уровнем развития речи, соответствующим норме, активность матери, а также фактор использования детьми информационных устройств положительно связаны с речевым разви-

тием детей. В то же время речевое развитие детей отрицательно связано с фактором склонность к попустительству;

- развитие речи детей в группе с низким уровнем речевого развития связано отрицательно со склонностью к попустительству и положительно с фактором использования детьми информационных устройств.

Помимо этого, были получены дополнительные результаты, которые позволяют заключить, что в большинстве случаев родители знакомят своих детей с информационными устройствами на втором году жизни.

Более половины детей, от общего числа выборки, в возрасте от 12 до 41 месяца, просматривают телевизор, а также более половины родителей используют для отвлечения своего ребенка определенные информационные устройства.

Основным результатом проделанной работы служит наличие обнаруженной взаимосвязи речевого развития детей и использования ими информационных устройств. Такие качества, как активность, наблюдательность, внимательность матери в процессе воспитания и обучения, помогают поддерживать ребенка на уровне развития речи, соответствующего норме.

На основе собранных данных, была подтверждена тенденция более раннего знакомства детей с информационными устройствами. Можно предположить, что чем раньше ребенка знакомят с теми или иными информационными устройствами, тем меньше вероятность того, что развитие речи ребенка будет более активным, в сравнении с детьми, которых знакомят с информационными устройствами после двух лет.

Литература

- Белоусова М. В., Карнов А. М., Уткузова М. А.* Влияние гаджетов на развитие коммуникации, социализации и речи у детей раннего и дошкольного возраста // Практическая медицина. 2014. № 9 (85). С. 108–112.
- Белоусова М. В., Меркулова В. А., Гаврикова И. Ю.* Программа развития управляющих функций мозга. Казань: Веда, 2013.
- Bayley N.* Bayley scales of infant and toddler development. 3rd ed. S. A., TX.: Harcourt Assessment Inc., 2006.
- Bradley R.* Home Observation for Measurement of the Environment: A Validation Study of Screening Efficiency // American Journal of Mental Deficiency. 1977. № 81 (5). P. 417–420.

Проблема агрессивного поведения младших школьников

Д. А. Шибзухова, Е. М. Кокоева (Владикавказ)

Неспокойная, неустойчивая социально-экономическая обстановка в нашем обществе ведет к росту агрессии. Данная проблема становится все более острой с каждым годом, особенно в системе образования. У педагогов возникают трудности, связанные с обучением и воспитанием данной категории детей.

Проблема проявления агрессивного поведения в младшем школьном возрасте является весьма актуальной в современной психологии. Данную проблему изучали З. Фрейд, К. Лоренс, Дж. Доллард, Н. Миллер, Л. Берковиц, Э. Фромм, А. Басс, Р. Бэрон, Т. Г. Румянцева, Н. Д. Левитов и др.

Агрессия является устойчивой формой поведения, сохраняется и со временем приводит к снижению продуктивного потенциала, снижаются коммуникативные навыки, деформируется личностное развитие. Агрессивное поведение детей приносит много проблем окружающим и самому ребенку (Гогицаева, 2013).

«Под агрессивностью понимается свойство личности, — отмечает Г. Э. Бреслав, — которое проявляется в готовности и предпочтении применять насилие по отношению к другому для реализации своих целей» (Бреслав, 2012).

Целью нашего исследования является снижение агрессивного поведения у младших школьников посредством реализации программы коррекционных занятий.

В младшем школьном возрасте происходят значительные психологические изменения, в этом заключается актуальность изучения агрессивного поведения младших школьников — такое поведение на данном этапе развития ребенка еще не закреплено, и можно предпринять меры коррекции.

Коррекция, в свою очередь, положительно скажется на дальнейшем его развитии и взаимодействии с миром.

Как отмечает О. У. Гогицаева: «Задача педагога-психолога использовать различные методы и формы работы направленные на снижение агрессивного проявления. Методы коррекции зависят от уровня воспитания, уровня психического и интеллектуального развития, образа жизни подростка и его окружения» (Гогицаева, 2015).

Цель исследования — изучение особенностей проявления агрессии в младшем школьном возрасте.

Объект исследования — агрессивное поведение младших школьников.

Предмет исследования – условия снижения агрессивного поведения детей в младшем школьном возрасте.

Задачи исследования: изучив литературу по проблеме агрессии и факторов ее вызывающих и формирующих, раскрыть специфику агрессивного поведения младших школьников и разработать психокоррекционную программу, направленную на работу с агрессией детей.

В ходе реализации экспериментальной работы была выдвинута гипотеза: специально разработанная психолого-педагогическая программа может выступать эффективным условием снижения агрессивного поведения у младших школьников.

Методы исследования: анкетирование, метод экспертных оценок.

Исследование было проведено в МБОУСОШ № 28, г. Владикавказ. В экспериментальном исследовании приняли участие 33 обучающихся 4 класса. Средний возраст учащихся – 10 лет.

Младший школьный возраст – один из важнейших этапов жизни ребенка. В начальной школе резко изменяется образ жизни ребенка, его социальное положение, значение в коллективе, семье, меняется ведущий тип деятельности.

Если в дошкольном учреждении ведущий вид деятельности – игра, то теперь центральным видом деятельности становится учение, важнейшей обязанностью – обязанность учиться, приобретать знания.

Учебная деятельность требует развития высших психических функций – произвольности, устойчивости, продуктивности психических процессов.

В ряде случаев проявление агрессивного поведения детей в начальной школе становится проблемой. Реакция родителей и учителей в таких ситуациях не подавляет агрессивность школьников, а, наоборот, усиливает. Только учитель как авторитет, открыто выражая свое недовольство к агрессивному поведению учеников, побуждает детей выбирать социально одобренные формы поведения.

Для диагностики проявлений агрессии подростков использован Опросник «Агрессивное поведение» Е. П. Ильина, Е. А. Ковалева (Ильин, 2014). Ребятам был предложен стимульный материал, состоящий из утверждений, в котором им необходимо дать ответ «да» или «нет» на каждое. Обработка и интерпретация результатов теста проводится по 4 шкалам: «прямая вербальная агрессия», «косвенная вербальная агрессия», «прямая физическая агрессия», «косвенная физическая агрессия».

Мы получили следующие результаты: у 84% опрошиваемых преобладает низкий уровень прямой физической агрессии, у 17% средний уровень, у 3% – высокий; косвенная физическая агрессия на низком уровне у 46%, на среднем 44% и на высоком у 10%; низкий уровень прямой вербальной агрессии выявлен у 8%, средний 24%, высокий 68%; показатели косвенной вербальной агрессии на низком уровне у 21%, на среднем уровне у 19%, а на высоком у 62%; из 33 испытуемых высокий показатель несдержанности был выявлен у 8%, 32% находятся в зоне риска, т. е. их показатели выше нормы, 60% сдержанны.

В качестве *метода* исследования мы использовали так же метод попарного сравнения как разновидность экспертной оценки и метод математической обработки и анализа данных. Метод экспертных оценок – это «оценки суждений», заключения об объекте исследования, сделанные экспертами-учителями, преподающими в этом классе. В качестве стимульного материала учителям был предложен бланк экспертной оценки для сравнения учеников по качеству «агрессивное поведение». По итогам обработки данных экспертов была подсчитана обобщенная экспертная оценка агрессивного поведения младших школьников.

Результаты проведенного исследования показали наличие высокого процента агрессивных проявлений среди детей.

В связи с полученными данными, разработка коррекционно-развивающих программы, направленной на снижение агрессии ребят, явилась необходимой, что стало следующим этапом нашего исследования. Программа включала занятия по снижению агрессивного поведения у младших школьников.

Для достижения поставленной цели нам было необходимо: создать положительное эмоциональное настроение в группе; способствовать развитию навыков снятия напряжения.

В программу входили: беседа, коррекционные упражнения, арттерапевтические техники, ролевые игры, психогимнастические упражнения (Тарарухина, Гуриева, 2016). Она состояла из 10 занятий. Продолжительность одного занятия составляет 45 минут. Занятия проводятся 2 раза в неделю.

После реализации программы педагогам вновь было предложено повторно заполнить бланк экспертной оценки. По результатам обработки данных была подсчитана обобщенная экспертная оценка проявления агрессивного поведения.

Для выявления динамики и значимости различий мы применили методы статистической обработки данных: критерий Манна–Уитни и критерий Вилкоксона.

С помощью Т-критерия Вилкоксона было выявлено, что на индивидуальном плане есть снижение агрессивного поведения, но нет статистически значимых различий. Полученные результаты могут быть объяснены тем, что агрессия с трудом поддается коррекции за короткий промежуток времени.

Перспективой исследования по данной проблеме является проведение повторной диагностики с целью проверки эффективности психокоррекционной работы направленной на снижение агрессии подростков, но уже с более длительным периодом ее реализации.

Литература

- Бреслав Г. Э.* Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности. СПб.: Речь, 2012.
- Гогицаева О. У.* Освоение учителем организационно-управленческих навыков // Материалы 3-й научно-практической конференции (заочной) с международным участием «Категория „социального“ в современной педагогике и психологии» / Отв. ред. А. Ю. Нагорнова. 2015. С. 158–162.
- Гогицаева О. У.* Проблема толерантных взаимоотношений в школе // Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию профессора К. Е. Гагкаева «Актуальные проблемы современного образования в условиях двуязычия» / Под ред. Р. П. Бибиловой. 2013. С. 279–282.
- Ильин Е. П.* Психология агрессивного поведения. СПб.: Питер, 2014.
- Тарарухина О. В., Гуриева С. Д.* Развитие методологии изучения межличностных отношений в социальной психологии // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. Коста Левановича Хетагурова. 2016. № 1. С. 101–107.

Взаимосвязь переживания одиночества и способности к саморегуляции

А. А. Шикина (Самара)

Длительное время одиночество рассматривалось психологами как нежелательное состояние человека, оказывающее на личность дисгармонизирующее воздействие: это состояние сравнивали с аномией и требовали обязательной корректировке. Среди самых популярных областей исследования одиночества находятся проблемы его взаимосвязи с депрессией, склонностью к суициду и зависимос-

тью от психоактивных веществ и алкоголя. В медицине одиночество часто изучают как предиктор заболеваний сердечно-сосудистой системы и преждевременного старения.

С недавнего времени проблемная область одиночества пополнилась новой темой научных исследований: одиночество стали изучать как позитивный ресурс. Несмотря на то, что тема взаимосвязи одиночества с творческой деятельностью и личностным ростом описывались довольно давно, например, в работах экзистенциалистов (К. Мустакас, И. Ялом, Б. Миюскович и др.), эмпирических исследований по этой теме очень мало. К ним можно отнести качественное исследование К. Лонга, в котором было выделено семь позитивных аспектов уединения (Лонг, 2003), и исследование Лири, которое показало, что поиск уединения – следствие соответствующей потребности в уединении, а не потребности в близости (Лири, 2003).

Малое количество эмпирических исследований в области позитивного одиночества можно объяснить отсутствием диагностического инструмента, способного измерять именно интересующий нас параметр. Все методики, предназначенные для диагностики одиночества, либо измеряют это переживание в его негативном аспекте, либо недостаточно психометрически разработаны.

В 2013 году была представлена методика «Дифференциальный опросник переживания одиночества». «Методика создана на основе авторской модели отношения к одиночеству, согласно которой принятие одиночества как экзистенциального факта открывает человеку возможность ценить ситуации уединения и использовать их как ресурс для аутокоммуникации и личностного роста» (Осин, Леонтьев, 2013). Исследовательской ценностью для научных исследований данная методика обладает благодаря наличию в ней шкалы «позитивное одиночество», которая измеряет способность личности использовать уединение для самопознания и саморазвития.

Авторы выделили четыре типа отношения личности к проблеме одиночества. Оказалось, что люди, которые принимают одиночество и находят позитивный аспект в уединении при отсутствии болезненного переживания одиночества, характеризуются наиболее высокими показателями системной рефлексии. О взаимосвязи переживания одиночества и рефлексии писала С. Г. Корчагина при определении психологической устойчивости. В ее подходе под психологической устойчивостью понимается «осознанное поддержание динамического равновесия идентификации и отчуждения, что, безусловно, связано с воспитанием человека, в особенности –

с нравственным, развитой рефлексией и способностью к саморегуляции» (Корчагина, 2005).

Анализ литературы не выявил эмпирических исследований по изучению проблемы взаимосвязи переживания одиночества и саморегуляции, что послужило основой для нашей работы. В нашем исследовании мы рассматривали саморегуляцию как сознательное воздействие человека на собственную сферу психических явлений (процессов, состояний и свойств) с целью поддержания или изменения характера их функционирования.

Целью исследования стало эмпирическое изучение взаимосвязи переживания одиночества и способности к саморегуляции.

В ходе работы нами проверялась *гипотеза* о существовании взаимосвязи между уровнем переживания одиночества и способностью к позитивному переживанию одиночества и уровнем саморегуляции человека.

Выборку исследования составили 25 человек (10 мужчин и 15 женщин) в возрасте от 16 лет до 31 года ($M = 22,9$, $SD = 3,06$). Исследование проходило с помощью социальных сетей.

Для диагностики переживания одиночества и способности к позитивному его переживанию использовался «Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО)» Д. А. Леонтьева и Е. Н. Осина в краткой версии. Методика измеряет переживание одиночества и отношение к нему в двух эквивалентах: позитивное одиночество и зависимость от общения.

Для диагностики уровня саморегуляции использовался опросник «Стиль саморегуляции поведения», разработанный в 1988 году в Лаборатории психологии саморегуляции Психологического института РАО. Методика позволяет диагностировать развитие индивидуальной саморегуляции: планирование, моделирование, программирование, оценка результатов и такие показатели как гибкость и самостоятельность (Моросанова, 1998).

Опросник состоит из 46 утверждений, которые построены на типичных жизненных ситуациях и не связаны со спецификой определенной профессиональной или учебной деятельности.

Оценка распределения по асимметрии и эксцессу указала на ненормальность распределения, в результате чего в нашей работе использовался непараметрический корреляционный анализ.

Коэффициент корреляции Спирмена между уровнем саморегуляции и переживанием одиночества равен $-0,322$, что указывает на обратную умеренную связь между показателями по шкале Чеддока. Выявленная зависимость оказалась не значимой ($p > 0,1$).

Значение корреляции между уровнем саморегуляции и способностью к позитивному переживанию одиночества равно 0,351, что указывает на прямую умеренную связь между показателями по шкале Чеддока. Выявленная зависимость обнаружена на уровне статистической тенденции ($p < 0,1$).

Обнаруженные результаты не подтверждают выдвинутой гипотезы. Мы считаем, что полученные результаты объясняются разницей характеристик шкал изучаемых признаков. Так степень актуального ощущения одиночества никак не взаимосвязана со способностью человека к саморегуляции своего поведения, поскольку показатель актуального состояния статичен и действителен только в данный момент времени, он не может быть подвержен регуляции. В то время как шкала «позитивного одиночества» отражает способность человека находить ресурс в уединении, что есть показатель пролонгированного характера. Именно поэтому сила взаимосвязи шкалы «позитивного одиночества» и саморегуляции выше.

Результаты, полученные в ходе нашего исследования, говорят о наличии зависимости на уровне статистической тенденции между способностью человека управлять своим поведением и способностью позитивно переживать одиночество, находя в нем ресурс для развития личности. При этом мы не можем говорить о взаимосвязи двух разных по своей природе показателей: способности к саморегуляции и одномоментного замера актуального ощущения в данном случае переживания одиночества.

Литература

- Корчагина С. Г.* Генезис, виды и проявления одиночества. М.: МПСИ, 2005.
- Моросанова В. И.* Индивидуальный стиль саморегуляции. М.: Наука, 1998.
- Осин Е. Н., Леонтьев Д. А.* Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал ВШЭ. 2013. Т. 10. № 1. С. 55–81.
- Leary M. R., Herbst K. C., McCrary F.* Finding pleasure in solitary activities: desire for aloneness or disinterest in social contact? // Personality and Individual Differences. 2003. V. 35. P. 59–68.
- Long C. R., Seburn M., Averill J. R., More T. A.* Solitude experiences: Varieties, settings, and individual differences // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. V. 29 (5). P. 578–583.

Анализ семейных отношений лиц с ограниченными возможностями здоровья: этические проблемы и практические сложности*

Н. С. Шинова (Кострома)

С давних времен и по сегодняшний день проблема инвалидности не перестает быть актуальной. Однако в научном отношении исследования здоровья и нездоровья сосредоточились преимущественно в нескольких областях, например, адаптация к жизни, вопросы образования инвалидов, особенности восприятия собственной болезни, психологические особенности таких лиц. При этом из круга внимания совершенно исключены такие важные сферы, как построение людьми с ОВЗ близких отношений, особенности семей инвалидов.

В целом на уровне житейской психологии существует тенденция приписывать людям с инвалидностью низкий уровень субъективного благополучия – на 25% ниже реального, несмотря на все социально-экономические условия жизни, создаваемые для людей с физическими ограничениями здоровья (Селигман, 2006). Однако создание семьи может значительно повысить уровень благополучия и счастья, испытываемый субъектом (Витек, 1988). Так ли это в случае лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья?

В случае диад, включающих партнера с инвалидностью или ограниченными возможностями здоровья, психологическое благополучие пары значительно снижается: ограничения жизнедеятельности становятся актуальными для всех членов пары (семьи) (Vash, 2004), ситуация ухода за партнером с ОВЗ увеличивает уровень стресса, переживаемый партнером с нормативным развитием, увеличивает напряженность его индивидуальных стратегий совладания и снижает социальную активность. Отмечено, что во многом субъективное благополучие партнера с нормативным развитием влияет на качество жизни его и партнера с ОВЗ. Также эмпирические исследования зарубежных авторов показали слияние переживаний партнера с типичным развитием и партнера с ОВЗ (Miller et al., 2000).

Наше исследование имеет своей целью анализ психического благополучия людей с ОВЗ и инвалидностью в контексте близких диадических отношений.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-313-00243.

Нами проведено эмпирическое исследование диад двух типов:

- диады, включающие одного партнера с ОВЗ (15 пар, средний возраст 36,5 лет);
- диады, включающие партнеров с нормативным развитием (20 пар, средний возраст 35,5 лет). Количество лиц с нарушенным развитием – 29; общее количество респондентов – 70 человек.

В выборке представлены следующие нозологии: нарушение опорно-двигательного аппарата, ментальные нарушения; сенсорные нарушения; инвалидизирующие соматические заболевания. Исследуемые показатели анализировались нами исходя из статуса диад, составивших эмпирическую базу.

Методический инструментарий исследования составили следующие методики: Опросник качества жизни и удовлетворенности (Quality of Life Enjoyment and Satisfaction Questionnaire) (Рассказова, 2012; Ritsner et al., 2005); Шкала адаптации и сплоченности (FACES-3) (Д. Х. Олсон, Дж. Портнер и И. Лави; адаптация в 1986 году М. Перре (Э. Г. Эйдемиллер, И. В. Добряков, И. М. Никольская, 2003)); Шкала истории любви (Love Stories Scale) (Р. Стернберг, 1996; адаптация О. А. Екимчик, 2015).

Перейдем к основным результатам исследования. У исследуемых нами диад нет различий по качеству жизни: статистический анализ при помощи критерия Манна–Уитни не показал значимых различий. Мы можем предположить либо полную удовлетворенность жизнью наших респондентов, либо наличие социально желательных ответов.

По методике сплоченности семьи и адаптации нами получены значимые различия по шкалам «границы» ($U = 66$; $p \leq 0,000$), «время» ($U = 102,5$; $p \leq 0,0004$), «интересы» ($U = 110,5$; $p \leq 0,0009$), «лидерство» ($U = 164$; $p \leq 0,035$), «контроль» ($U = 129,5$; $p \leq 0,004$), «дисциплина» ($U = 137,5$; $p \leq 0,007$).

Дескриптивная статистика показала следующее распределение:

- В группе пар с нормативным развитием больше выраженность параметров «границы» ($M = 6,86$; $SD = 1,12$ по сравнению с $M = 4,58$; $SD = 1,6$); «интересы» ($M = 7,86$; $SD = 1,99$ по сравнению с $M = 5,68$; $SD = 1,7$), «контроль» ($M = 7,64$; $SD = 1,33$ по сравнению с $M = 5,13$; $SD = 3,1$), «дисциплина» ($M = 5,93$; $SD = 0,73$ по сравнению с $M = 3,66$; $SD = 3,01$).
- В группе пар, включающих партнера с ОВЗ, выявлена большая выраженность показателей «время» ($M = 3,74$; $SD = 1,3$ по сравнению с $M = 2,5$; $SD = 0,6$) и «лидерство» ($M = 6,29$; $SD = 2,51$ по сравнению с $M = 4,86$; $SD = 1,6$).

Таким образом, пары лиц с нормативным развитием больше склонны выстраивать четкие границы во взаимоотношениях партнеров, строго их контролировать и соблюдать, при этом имея собственные интересы. Пары, в которых один из партнеров имеет ограниченные возможности здоровья или инвалидность, имеют более четкую временную организацию, а также в них более явно выражен лидер. Полагаем, такие различия обусловлены образом жизни пар с ОВЗ, во многом определяющимся имеющимся заболеванием.

В процессе сбора эмпирического материала мы столкнулись с некоторыми трудностями:

1. Большое количество отказов от участия в исследовании. Лица с инвалидностью категорически отказывались общаться на тему взаимоотношений, иногда довольно агрессивно реагируя на высказанное предложение. В контрольной группе лиц с нормативным развитием отказов практически не встречалось, либо они были объяснены респондентами объективными причинами (новый проект, нехватка времени). Возможно, сфера диадических отношений понималась лицами с ОВЗ как глубоко личная и интимная, однако иное объяснение сложившейся ситуации нам видится в том, что люди с нарушениями здоровья не до конца адаптировались к собственному диагнозу и осознают особенность своих диадических отношений в связи с его наличием.
2. Довольно большая часть (примерно 1/3 выборки) респондентов оставляют неотвеченным вопрос о виде имеющегося у них нарушения. Мы предполагаем, это связано с недостаточной степенью адаптации к диагнозу.
3. При ответах на вопросы о характеристике отношений испытуемые часто позиционируют их с преувеличенно позитивной стороны. По нашему мнению, в этом присутствуют элементы психологической защиты (компенсация, гиперкомпенсация) («Жизни без него не представляю», «Это больше, чем любовь», «Такого счастья я не могла и желать», «Самая большая радость в жизни»).
4. В свободном рассказе о своей жизни лица с ОВЗ уделяют много внимания описанию собственной активности и достижений (2 высших образования, участие в паралимпийском спорте, получение премии губернатора). Из этого мы можем сделать вывод о преимущественно активной жизненной позиции наших респондентов, их хорошей адаптации к имеющемуся дефекту развития и стремлении к саморазвитию либо также работе психологических защитных механизмов.

5. Также нами отмечена подчеркнутая склонность к описанию своей схожести с людьми, типично развивающимися («Мы такие же, как все», «У нас все обычно, как в других семьях»). Причиной, на наш взгляд, может являться успешная адаптация к диагнозу и осуществлению даже при его наличии различных сторон семейной жизни. Возможно, в этом также присутствует работа таких психологических механизмов защиты, как отрицание, проекция, идентификация.

Особенности проведения эмпирического исследования диктовались спецификой респондентов. Нами была проведена адаптация психодиагностического инструментария, которая заключалась в упрощении содержания инструкции к методикам (без искажения смысла), этапность предъявления заданий, упрощение или разъяснение смысла сложных слов содержания методик. Также были учтены особенности работоспособности и физических возможностей респондентов, что выразилось в более длительном проведении исследования, включающего несколько перерывов, использование доступных субъекту каналов общения, изменение темпа коммуникации.

Подводя итог, можно отметить наличие специфики проведения психологической диагностики лиц, имеющих нарушения в состоянии здоровья. Однако учет этих особенностей делает саму ситуацию психологического общения возможной и результативной. Нами выявлены значимые различия в исследуемых группах диад (включающих партнеров с нормативным и нарушенным развитием) по некоторым аспектам семейного взаимодействия (границы, время, контроль, дисциплина, лидерство).

Литература

- Витек К.* Проблемы супружеского благополучия. Пер. с чеш. / Общ. ред. М. С. Мацковского. М.: Прогресс, 1988.
- Селигман М.* Новая позитивная психология. Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М.: София, 2006.
- Miller B., Cafasso L.* Gender differences in caregiving: fact or artifact? // *Gerontologist*. 1992. V. 32. P. 498–507.
- Vash C. L., Crewe N. M.* Psychology of disability. N. Y.: Springer Publishing Company, 2004.
- Yee J. L., Schulz R.* Gender differences in psychiatric morbidity among family caregivers: a review and analysis // *Gerontologist*. 2000. V. 40. P. 147–64.

Ценность здоровья в структуре сознания личности в зависимости от уровня самоактуализации

Н. А. Шмойлова (Барнаул)

Проблема здоровья человека по своей практической значимости и актуальности считается одной из сложнейших проблем современной науки. Однако интерес к ней в научной среде проявляется чаще всего в парадигме «здоровье—болезнь». Именно поэтому здоровье как предмет изучения в большей степени привлекает внимание специалистов из области медицины либо психопатологии. Изучение здоровья как сбалансированного функционирования органов и систем человеческого организма, относится к сфере медицинских исследований. Если же рассматривать здоровье в ракурсе психологического анализа, на наш взгляд, внимание психолога-исследователя должно быть направлено на изучение здоровья как ценности, его места в иерархии жизненных ценностей, в рассмотрении ценностного отношения к здоровью как предпосылки самоактуализации.

Здоровье априори выступает наиболее приоритетной ценностью, однако усилия, которые индивид готов приложить для сохранения и приумножения своего здоровья, не представляющего на данном этапе проблем, не всегда пропорциональны высокой значимости ценности здоровья.

Таким образом, необходимо иметь такое отношение к здоровью, которое помогает человеку, еще не потерявшему его, позаботиться о нем ради долгой и полноценной жизни.

Проблеме ценностного отношения к здоровью посвящены исследования Б. С. Братуся (Братусь, 1988), Г. С. Никифорова (Никифоров, 2010), Т. В. Белинской (Белинская, 2005), Сухомлиновой Е. Н. (Сухомлинова, 2012) и др. Однако все имеющиеся исследования сконцентрированы на проблеме ценностного отношения к здоровью как attitude (установке) и рассматриваются с позиции трехкомпонентной структуры ценностного отношения к здоровью, предложенной Г. С. Никифоровым, включающей в себя когнитивный, поведенческий и эмоциональный компоненты (Никифоров, 2010).

Исследований же, посвященных изучению ценностного отношения к здоровью с точки зрения представленности ценности здоровья в сознании на трех уровнях — значении, личностном смысле, чувственной ткани, в психологической науке не проводилось. Тогда как изучение субъективного смысла личностных ценностей и должно являться, на наш взгляд, задачей психологического исследования.

Психология, не исследующая ценности с субъективной стороны, психология, не рассматривающая ценности на уровне личностного смысла и чувственной ткани (эмоциональной наполненности), обедняет данную исследовательскую область, так как имеющиеся исследования ценностей в психологии в большей степени носят социологический характер, поскольку направлены на изучение ценностных ориентаций, а не самих личностных ценностей. В связи с этим, *проблема исследования* состоит в изучении ценности здоровья в структуре сознания личности.

В связи с вышесказанным, возникают вопросы, требующие детального исследования: каким должно быть отношение к здоровью; какова структура ценностного отношения к здоровью; в какой связи находятся отношение к здоровью и самоактуализация личности.

В психологических исследованиях взаимосвязь ценности здоровья и самоактуализации личности до сих пор считается малоизученной. Неоспоримым является то, что здоровье является объективно ценным для каждого, однако какой личностный смысл вкладывается в эту ценность, а также каким образом ценность здоровья проецируется в окружающий мир — очевидно различаются у всех, у самоактуализирующейся личности эти различия так же очевидны.

Цель исследования — изучение ценности здоровья в сознании личности на уровне объективного значения, субъективного смысла и чувственной ткани личности с различным уровнем самоактуализации.

Предмет данного исследования — ценностное отношение к здоровью с позиции представленности в сознании личности в зависимости от уровня самоактуализации.

Гипотеза исследования заключается в том, что гармоничная представленность ценности здоровья в сознании личности на уровне объективных значений, субъективных смыслов и чувственных образов способствует самоактуализации личности.

Методы и процедуры

Экспериментальное исследование выполнено на базе КГБОУ «Алтайский краевой педагогический лицей-интернат». *Выборку* составили учащиеся 10 класса в возрасте 15–17 лет, средний возраст 16 лет в количестве 118 человек ($N = 118$).

Методика диагностики системы ценностей KVS-3 (Д. В. Каширский, 2009); самоактуализационный тест — САТ (Л. Я. Гозман и др.); анкеты «Ваш образ жизни» (коэффициент Кронбаха $\alpha = 0,847$), «Субъективная оценка здоровья» ($\alpha = 0,834$), «Знания о способах сохране-

ния и укрепления здоровья» ($\alpha = 0,851$) (Н. А. Шмойлова, 2007), методика «Ценность здоровья в психологической структуре сознания» (Н. А. Шмойлова, 2019).

В качестве статистических методов и моделей анализа данных использовались: корреляционный анализ Ч. Спирмена, модель Л. Кронбаха для оценки надежности авторских методик, χ^2 -критерий Пирсона.

Методика «Ценность здоровья в психологической структуре сознания» (Н. А. Шмойлова), включающая 2 блока — «Здоровье—Болезнь» и «Незаконченные предложения», направлена на изучение представленности ценности здоровья в сознании личности на уровне значения, смысла и чувственной ткани. При анализе данных, полученных с помощью этой методики, мы учитывали, на каком из трех уровней сознания присутствует ценность здоровья.

Результаты

В результате проведенной диагностики получены следующие результаты.

В диапазоне самоактуализации находится 64,2% (36) респондентов, 21,5% (12) имеют высокий уровень самоактуализации, 14,3 (8) — низкий уровень.

Среди респондентов с высоким уровнем самоактуализации в 83,3% случаев ценность здоровья представлена на уровне значения, на уровне личностного смысла — 75,0%, на уровне чувственной ткани — 75,0%.

Среди респондентов со средним уровнем самоактуализации в 77,7% случаев ценность здоровья представлена на уровне значения, на уровне личностного смысла — 72,2%, на уровне чувственной ткани — 55,5%.

Среди респондентов с низким уровнем самоактуализации в 75,0% случаев ценность здоровья представлена на уровне значения, на уровне личностного смысла — 37,5%, на уровне чувственной ткани — 25,0%.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что высокий и средний уровни самоактуализации преимущественно имеют респонденты, у которых отмечена гармоничная представленность ценности здоровья на всех уровнях сознания.

Выявлена положительная корреляционная зависимость между ценностным отношением к здоровью и интегральным показателем самоактуализации ($r_s = 0,727$, $p \leq 0,001$), а также базовыми шкалами самоактуализационного теста — шкале поддержки ($r_s = 0,488$, $p \leq 0,001$) и компетентности во времени ($r_s = 0,56$, $p \leq 0,001$) и другими шкалами

САТ, такими как: ценностных ориентаций ($r=0,614$, $p\leq 0,01$), гибкости поведения ($r=0,505$, $p\leq 0,001$), спонтанности ($r=0,483$, $p\leq 0,01$), взгляда на природу человека ($r=0,395$, $p\leq 0,001$), самопринятия ($r=0,584$, $p\leq 0,01$), контактности ($r=0,534$, $p\leq 0,001$), познавательных потребностей ($r=0,395$, $p\leq 0,005$).

Таким образом, в ходе проведенного эмпирического исследования гипотеза полностью подтверждена, что позволило сформулировать следующие *выводы*.

Представленность ценности здоровья в структуре сознания отличается в зависимости от уровня самоактуализации личности. Личность, с гармоничной представленностью ценности здоровья на всех уровнях сознания – значения, личностного смысла и чувственной ткани отличает автономность суждений, действий, стремление руководствоваться своими целями и установками, имеет внутренний локус контроля, ощущает жизнь целостной во временном пространстве.

Для личности с высоким и средним уровнем самоактуализации характерна гармоничная представленность ценности здоровья на всех уровнях сознания – значения, личностного смысла и чувственной ткани. Достоверно показано, что ценность здоровья у таких учащих-ся входит в основу убеждений личности и находит выход в поведении и предметной деятельности, осуществляя ее регуляцию, что проявляется в высокой активности, направленной на сохранении собственного здоровья.

У личности с низким уровнем самоактуализации ценность здоровья в большей степени представлена на уровне значения, принятых норм в обществе. Типично перекалывание ответственности за свое здоровье на внешние обстоятельства, ценность здоровья воспринимается ими как значимая, так как это транслируется окружающим их обществом, однако смысл, который они вкладывают в это понятие, очень слабо проявлен, на уровне чувств ценность здоровья у учащих-ся с низким уровнем самоактуализации не воспринимается.

Литература

- Белинская Т. В.* Психологические составляющие развития ценностного отношения к здоровью у студентов педагогического вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Калуга, 2005.
- Братусь Б. С.* Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
- Психология здоровья: Учебник для вузов / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000.
- Сухомлинова Е. Н.* Формирование ценностного отношения к здоровью у старших школьников: дис. ... канд. психол. наук. Сочи, 2012.

Взаимосвязь временной перспективы и психологического благополучия в онтогенезе*

А. Б. Эйдельман (Москва)

Достижение и сохранение психологического благополучия является важной задачей в условиях современного мира. Развитие технологий, улучшение социальных и экономических условий в сочетании с постоянными стрессами, конкуренцией, политической и экономической нестабильностью усложняет эту задачу. Государственная политика, направленная на увеличение продолжительности активного функционирования населения учитывает в первую очередь внешние условия (социальные реформы, программы поддержки старшего возраста и др.) в то время как внутренним ресурсам психологического здоровья уделено недостаточно внимания.

Рассматривая психологическое благополучие человека как индикатор его удовлетворенности жизнью, активной деятельности в разных областях жизни, фокус нашего внимания переключается на изучение внутренних, субъективных факторов психологического здоровья в онтогенезе. Особенно важным нам представляется изучение психологического благополучия в кризисные периоды (период самоопределения, становления в профессии, период перехода из одного статуса в другой, кризис среднего возраста, старение). Подобный ракурс исследования позволяет приблизиться не только к пониманию особенностей, но и к пониманию механизма формирования психологического здоровья и благополучия в онтогенезе, а так же возможностей для его поддержания и сохранения в рамках различных возрастных периодов.

Большинство исследований последних лет посвящены изучению внешних факторов психологического благополучия (Долгополова, Зиновьева, Булах, 2019; Зинина, 2018; Федотова, 2018), изучению внутренних ресурсов достижения и сохранения удовлетворенности жизнью уделено недостаточно внимания, несмотря на установленный факт высокого влияния таких факторов на уровень психологического благополучия (Эйдельман, Сергиенко, 2016).

Данная работа представляет собой часть масштабного исследования субъективных факторов психологического благополучия, где будет рассмотрена взаимосвязь психологического благополучия с временными ориентациями личности на разных этапах онтогенеза.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-29-02155.

Целью нашего исследования является изучение взаимосвязи временной перспективы и психологического благополучия в возрастные периоды, соответствующие кризисным периодам (20–30 лет – период самоопределения; 40–50 лет – кризис среднего возраста, 60–70 лет – изменение статуса и образа жизни).

Общую *выборку* исследования составили психически здоровые мужчины и женщины в возрасте от 20 до 70 лет, проживающие в Москве и Московской области в количестве 145 человек. Из них 39 мужчин (26,9%) и 106 женщин (73,1%). Отбор респондентов и деление на группы производился по возрастному критерию: 1) 20–30 лет – 51 человек (14 мужчин и 37 женщин, Med = 26); 2) 40–50 лет – 47 человек (9 мужчин и 38 женщин, Med = 42); 3) 60–70 лет – 47 человек (16 мужчин и 31 женщина, Med = 64).

В рамках описываемой части исследования использовались следующие методики: авторская анкета для выявления социо-демографических показателей; шкала психологического благополучия (ШПБ) К. Рифф в модификации Т.Д. Шевеленковой, П. П. Фесенко для выявления уровня и структуры психологического благополучия (Шевеленкова, Фесенко, 2005); методика временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTP1) в адаптации Сырцовой А. и др. для измерения ориентации индивида на прошлое, настоящее и будущее.

Сравнительный анализ распределения временной перспективы людей молодого (20–30 лет), среднего (40–50 лет) и пожилого (60–70 лет) возрастов позволил выявить ряд значимых различий временных ориентаций респондентов на разных этапах онтогенеза.

Молодые люди значимо чаще имеют ориентации на негативное прошлое и гедонистическое настоящее, чем люди среднего ($p = 0,018$, $p = 0,001$) и пожилого ($p = 0,008$, $p = 0,007$) возрастов, при этом значимо реже ориентируются на будущее и фаталистическое настоящее, чем пожилые люди ($p = 0,033$, $p = 0,004$). Более ранние онтогенетические исследования показали, что ориентация на будущее возрастает при переходе от молодого возраста к периоду средней зрелости и пожилому возрасту (Сергиенко, Киреева, 2015). Данная тенденция подтверждается и в нашем исследовании, однако значимость различий фиксируется только между людьми молодого и пожилого возраста.

Респонденты 20–30 лет продемонстрировали большую склонность наслаждаться настоящим, жить по принципу «здесь и сейчас» и меньше задумываться и планировать собственное будущее, чем респонденты более старшего возраста. По всей видимости это связано с меньшим уровнем ответственности молодых людей, принявших

участие в нашем исследовании (более половины респондентов не имеют супругов и детей, более 1/3 проживает совместно с родителями).

Люди 60–70 лет наоборот более склонны ориентироваться на будущее, а так же более склонны воспринимать свою жизнь как не подвластную их собственной воле, чем молодые люди. Это является проявлением бессилия и ответной реакцией человека данной возрастной категории на естественный ход времени, который в действительности не подвластен человеку (старение организма, снижение уровня соматического здоровья, потеря супругов и т. д.).

Интересным является тот факт, что пожилые люди значимо чаще, чем люди среднего возраста ориентируются на позитивное прошлое ($p=0,036$). Восприятие своего прошлого в позитивном ключе является опорой для людей 60–70 лет в настоящем.

Корреляционный анализ позволил установить взаимосвязи различных временных ориентаций личности и психологического благополучия в каждой возрастной группе в отдельности.

Наибольшей связностью в молодом возрасте психологическое благополучие и его компоненты обладает с такими временными перспективами как «Негативное прошлое» и «Позитивное прошлое». Восприятие своей жизни через призму негативного опыта связано с более неудовлетворенностью собой и своей жизни ($r=-0,811$, $p=0,01$), в то время как восприятие жизни через призму позитивного опыта наоборот связано с высокой степенью удовлетворенности своей жизнью ($r=0,407$, $p=0,01$).

Преобладание ориентации на негативные события в прошлой жизни, построение настоящего и будущего на основе негативного прошлого и «возврат» в негативное прошлое отражается на отношениях с окружающими ($r=-0,844$, $p=0,01$), ощущении собственной зависимости от социума ($r=-0,432$, $p=0,01$), недостаточности компетенции в повседневной жизни ($r=-0,495$, $p=0,01$), отсутствии возможностей для развития ориентиров ($r=-0,749$, $p=0,01$) и целей в жизни ($r=-0,568$, $p=0,01$), а так же на принятии себя со всеми достоинствами и недостатками ($r=-0,701$, $p=0,01$).

При этом, преобладание ориентаций на позитивный опыт, наоборот положительного отражается на построение доверительных отношений с окружающими ($r=0,437$, $p=0,01$), ощущении независимости от давления социума ($r=0,378$, $p=0,001$), стремлении развиваться ($r=0,411$, $p=0,01$), планировать свое будущее ($r=0,281$, $p=0,05$) и принимать себя как целостную личность ($r=0,356$, $p=0,05$).

Так же с интегральным показателем психологического благополучия в молодом возрасте связана ориентация на фаталистическое

настоящее ($r = -0,498$, $p = 0,01$). Чем больше человек 20–30 лет ощущает бессилие в построении собственной жизни, тем менее он удовлетворен своей жизнью. При этом, перенос ответственности за свою жизнь во вне негативно сказывается на удовлетворенности отношениями с окружающими ($r = -0,525$, $p = 0,01$), ощущении саморазвития ($r = -0,556$, $p = 0,01$), осмысленности жизни ($r = -0,340$, $p = 0,05$) и принятии себя как целостной личности ($r = -0,606$, $p = 0,01$).

Несмотря на большую склонность молодых людей ориентироваться на гедонистическое настоящее, данная временная перспектива слабо связана с психологическим благополучием. В частности, ориентация на получение удовольствия от жизни в настоящем связана только с удовлетворенностью степенью собственной независимости от общества ($r = 0,317$, $p = 0,05$) и ощущением осмысленностью собственной жизни ($r = 0,313$, $p = 0,05$).

Ориентация на будущее, так же имеет слабую связанность с компонентами психологического благополучия в молодом возрасте: с ощущением личностного роста ($r = 0,357$, $p = 0,05$) и самопринятием ($r = 0,348$, $p = 0,01$).

Интересен тот факт, что удовлетворенность в области целеполагания и управления средой в молодом возрасте не связана с ориентацией на будущее, что может быть обусловлено недостаточностью опыта в достижении целей и неосознанностью причинно-следственных связей в этом мире.

В группе 40–50 летних респондентов также, как и в возрасте 20–30 лет, интегральный показатель психологического благополучия наиболее связан с ориентацией на прошлое: чем больше человек в этом возрасте ориентируется на негативные события прошлого, тем менее он удовлетворен своей жизнью ($r = -0,439$, $p = 0,01$) и, чем больше он ориентируется на позитивные события прошлого, тем выше его психологическое благополучие ($r = 0,353$, $p = 0,01$).

Анализ взаимосвязей структуры психологического благополучия с временными перспективами показал, что ориентация на негативное прошлое (негативные события в прошлом, ошибки, неудачи и т. д.) в среднем возрасте связана с недостатком доверительных отношений с окружающими ($r = -0,362$, $p = 0,05$), трудностями принятия собственных недостатков ($r = -0,291$, $p = 0,05$) и ощущением личностной стагнации ($r = -0,464$, $p = 0,01$).

Аналогичная ситуация наблюдается при ориентации на «Фаталистическое настоящее». Чем больше люди среднего возраста чувствуют собственное бессилие в построение своей жизни, тем менее они удовлетворены своими отношениями с окружающими ($r = -0,346$,

$p=0,05$), степенью самостоятельности в принятии решений ($r=-0,457$, $p=0,01$) и реже признают и принимают собственные недостатки ($r=-0,329$, $p=0,05$).

Ориентация на будущее, а так же позитивное прошлое наоборот связаны с высокими показателями по шкале «Самопринятие» ($r=0,300$, $p=0,05$, и $r=0,340$, $p=0,05$). Т. е. способность принимать негативные стороны своей личности, собственные недостатки и ошибки сопутствует восприятию своей жизни через призму позитивного прошлого и планированию будущего. При этом, ориентация на позитивное прошлое связана так же с ощущением собственной независимости от общества в мыслях и действиях ($r=0,394$, $p=0,01$).

Самопринятие в возрасте 40–50 лет в большей степени связано с будущими перспективами и позитивным опытом, чем с фаталистическим настоящим и негативным опытом, что обусловлено накопленным жизненным опытом в области собственных достижений и навыков.

В пожилом возрасте с психологическим благополучием связана только ориентация на негативное прошлое ($r=-0,457$, $p=0,01$). Построение своей жизни в опоре на негативный опыт связано с низкой удовлетворенностью жизнью в целом, а так же недовольством отношениями с окружающими ($r=-0,437$, $p=0,01$), ощущением личностной стагнации ($r=-0,472$, $p=0,01$), ощущением недостатка компетенции в повседневной жизни ($r=-0,303$, $p=0,05$) и трудностями принятия себя как целостной личности с достоинствами и недостатками ($r=-0,304$, $p=0,05$).

Ориентация на будущее в этой возрастной группе связана с самопринятием ($r=0,413$, $p=0,01$), чем больше пожилой человек принимает себя таким, какой он есть, тем чаще он ориентируется на будущее в своей жизни. А чем больше он ориентируется на позитивные события прошлого, тем он более ощущает себя независимым от общественного мнения в мыслях и действиях ($r=0,391$, $p=0,01$).

Также в возрасте 60–70 лет ориентация на фаталистическое настоящее связана с низким ощущением направленности и осмысленности собственной жизни ($r=-0,351$, $p=0,05$) и трудностями принятия своих недостатков ($r=-0,405$, $p=0,01$).

Проведенный анализ показал, что с возрастом количество и сила связей временных ориентаций с психологическим благополучием снижается.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что ориентация на негативные события прошлого, построение жизни с отсылкой на ошибки, неудачи и негативный опыт является неблагоприятной для дости-

жения и сохранения психологического благополучия на всех исследуемых этапах онтогенеза. По всей видимости, застревание в событиях прошлого, преобладание негативной окраски прошлой жизни и взгляд на настоящее и будущее, через призму обид, разочарований и негативных эмоций является одним из основных факторов риска снижения психологического благополучия для людей любого возраста. При этом для молодых людей и людей среднего возраста наиболее благоприятной является ориентация на позитивное прошлое.

Литература

- Долгополова О. А., Зиновьева Д. М., Булах К. А.* Психологическое благополучие пожилого человека // Материалы международной заочной конференции «Психологическое благополучие современного человека». 2019. С. 288–292.
- Федотова В. А.* Роль здоровья в формировании психологического благополучия // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 10–1.
- Зинина А. А.* Социальные представления разных групп общества о психологическом благополучии престарелых людей. Дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2018.
- Сергиенко Е. А., Киреева Ю. Д.* Индивидуальные варианты субъективного возраста и их взаимосвязи с факторами временной перспективы и качеством жизни // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 39–51.
- Эйдельман Г. Н., Сергиенко Е. А.* Роль субъективных факторов в психологическом благополучии молодежи в ситуации профессионального самоопределения // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 50. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 01.09.2019).

О перспективах психодиагностики чувства симметрии в профориентационной работе

П. С. Эргашев, Ф. Ш. Хамидуллаев (Ташкент, Узбекистан)

В науке «с длинным прошлым, но короткой историей» есть проблемы, которые сколько бы не изучались, всегда звучат актуально. На наш взгляд, проблема профориентации молодежи имеет все права называться одной из таких. При очень упрощенной интерпретации, проблематика вопроса, видимо, выражается в том, что, с одной стороны, чрезмерно сложен процесс самоопределения, в том

числе, профессионального, и с другой стороны, осознанный выбор профессии – это шаг, с последствиями на всю жизнь. Про профориентацию и психодиагностику профессиональных склонностей написано и сказано не мало, но при реализации новых подходов, привлечении нетрадиционных для этой сферы средств тестирования, открываются перспективные направления развития научно-практических работ по данной проблеме. Одним из таких направлений может быть изучение отношения оптанта к симметрии и ее нарушению как диагностического показателя, на основе которого возможно определение профессиональных склонностей. В поддержку данного предположения в настоящей работе представлены результаты эмпирического исследования.

Как известно, согласно периодизации Е. А. Климова важнейшим периодом профессионального становления является оптация – время профессионального самоопределения (Климов, 2004). В нашем небольшом исследовании мы решили проверить, как может проявить себя уровень чувства симметрии при выборе профессии. При этом чувство симметрии рассматривается нами в контексте качеств личности, которые проявляются в стремлении достижения упорядоченности, завершенности, целостности в отражаемой реальности и переживании удовлетворения этого желания (Эргашев, 2019). Для проверки гипотезы о взаимосвязи эмоционального отношения к симметрии и профессиональных предпочтений было проведено психодиагностическое обследование учащихся 8 класса средней общеобразовательной школы ($n = 32$) посредством методики по изучению чувства симметрии «Шкала Бэррона–Уэлша» (Gough, Bradley, 1996) и «Матрицы профессионального выбора» Г. В. Резапкиной (Резапкина, 2010).

По результатам профдиагностики учащиеся были классифицированы на традиционные, по Е. А. Климову, 5 групп, для которых высчитывался критерий статистической разности t Стьюдента между положительным отношением к симметрии и асимметрии. Как показали расчеты, положительные оценки симметрии намного превышают аналогичные оценки асимметрии в таких группах как «человек–живая природа» ($t = 9,19, p \leq 0,05$), «человек–техника и неживая природа» ($t = 6,36, p \leq 0,05$), и особенно «человек–знаковая система» ($t = 4,38, p \leq 0,001$).

На наш взгляд, выявленные различия связаны с тем, что в этих трех группах профессий очень высоки требования к порядку, устойчивости, систематичности, точности. Например, как утверждает Е. А. Климов, в профессиях из группы «человек–знаковая система»

мир усматривается, видится работником и волнует его, прежде всего со стороны развитости, упорядоченности, изученности, учтенности и подсчитанности разнообразных его составляющих (Климов, 2004). Согласно предложенной им интерпретации, для профессионалов в данной области важны скрупулезность, аккуратность, систематичность в работе, особое уважительное отношение к принятым правилам. Внешнее однообразие работы такого человека не только не пугает, а наоборот даже привлекает (там же). Примером, таких профессий, по Е. А. Климову, является профессия корректора, чертежника-конструктора, почтальона, делопроизводителя, программиста, математика, экономиста (там же). Во всех случаях речь идет о профессиях, в которых требуется высокий уровень аккуратности, настойчивости и способность видеть красоту в точности и строгости. Следовательно, повышенный уровень чувства симметрии видимо в большей степени позволяет сохранять некоторую систематичность, которая очень важна для решения профессиональных задач в соответствующих сферах. Здесь, мы полагаем, следует заметить, что в данном вопросе необходимо разграничить два отдельных аспекта: с одной стороны, профессиональная деятельность в области профессий из группы «человек–знаковая система», видимо, сама по себе развивает чувство симметрии; с другой стороны, люди с повышенным уровнем чувства симметрии, вероятнее всего, сами изначально больше тянутся к занятию такими профессиями. Поэтому если подходить к проблеме проявления чувства симметрии с точки зрения профориентационных задач, важным становится направление в профессию, в том числе с учетом степени склонности к переживанию данного эмоционального явления.

Как известно, во втором ярусе классификации профессий по Е. А. Климову выделяется три класса: гностические профессии (связанные с познанием окружающего мира), преобразующие профессии (связанные с практическим влиянием на окружающий мир), изыскательные профессии (связанные с исследованием окружающего мира) (там же). В процессе анализа результатов учащихся, мы рассмотрели, каким образом соотносится отношение к симметричности и асимметричности в ответах учащихся с принадлежностью в разные классы профессий по профориентационной диагностике. Согласно полученным данным, существенная разница между положительным отношением к симметрии и асимметрии выявлена среди испытуемых с преобладанием интереса к гностическим профессиям ($t = 4,17$, $p \leq 0,001$). Согласно Е. А. Климову, это, в первую очередь профессии, которые связаны с непосредственным производством материаль-

ных ценностей (Шевандрин, 1998). Нет необходимости доказывать, что любое производство предполагает четкую организацию хорошо отлаженного до мельчайших деталей единого процесса. Естественно, в таких условиях порядок, равновесие, соразмерность и сочетаемость будут выступать решающими факторами успешности процесса производства. Поэтому достаточно прогнозируемо, что работать в таких областях в большей степени готовы такие люди, для которых симметрия имеет высокую положительную модальность. Вместе с тем, с такой точки зрения достаточно симптоматичным выглядит отсутствие значимого различия между положительной оценкой симметрии и асимметрии в группе испытуемых, склонных к выбору преобразующих профессий.

Таким образом, эмпирические данные испытуемых с разными профессиональными склонностями и отношением к симметрии позволяют сделать следующие *выводы*:

1. Показатели чувства симметрии, в целом, особенности отношения к завершенности, целостности, равновесию, соразмерности может служить очень информативным критерием профессиональной диагностики в системе профориентации.
2. Высокие значения по чувству симметрии могут рассматриваться важным признаком при диагностике профессиональных интересов в таких сферах, в которых работа связана с условными знаками, символами, а также с деятельностью в области непосредственного производства материальных ценностей.

Литература

- Климов Е. А.* Психология профессионального самоопределения: Учеб. пособие для студ. выс. пед. учеб. заведений. М.: ИЦ «Академия», 2004.
- Резапкина Г. В.* Скорая помощь в выборе профессии. Практическое руководство для педагогов и школьных психологов. М.: Генезис, 2010.
- Эргашев П. С.* Образ жизни и чувство симметрии: об одной особенности психического развития детей среднеазиатских цыган-люди // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 2. С. 65–71.
- Шевандрин Н. И.* Психодиагностика, коррекция и развитие личности. М.: Гуманит. изд. центр «Владос», 1998.
- Gough H., Bradley P.* Forty Years of Experience with the Barron Welsh Art Scale // Unusual associates: A festschrift for Frank Barron / A. Montuori (Ed.). N.J.: Hampton Press, 1996.

Социально-психологическая подготовка студентов-волонтеров

Д. И. Юров, И. А. Юров (Звенигород)

Актуальность исследования обусловлена требованиями, которые предъявляет общество к позитивным ценностным ориентациям современного молодого человека-студента высшей школы. В одном из своих Посланий (2014) Президент РФ В. В. Путин особо подчеркнул важность формирования у молодежи гражданственности и патриотизма.

Проведенный нами анализ исследований по проблемам психолого-педагогического образования (Деркач, Зазыкин, 2003; Журавлева, 2013; Слостенин, 2007; Ядов, 2012; и др.) и практики подготовки будущего специалиста свидетельствует о возрастающем интересе к проблеме развития личности и формирования позитивных ценностных ориентаций студента.

Волонтеры и выпускники Сочинского государственного университета должны обладать набором определенных положительных качеств, среди которых особое значение имеют гражданские и патриотические ценностные ориентации (ЦО). Тем более, что им предстояли в период участия в международных масштабных событиях (XXII Олимпийские и XI Паралимпийские зимние Игры – 2014, Кубок Мира по биатлону и скелетону, Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Чемпионат Мира по футболу) в г. Сочи непосредственные межличностные контакты с иностранными спортсменами, тренерами, судьями, гостями, зрителями и по их поведению судили о морально-психологических характеристиках российского народа.

Цель работы – изучить и сформировать гражданские и патриотические ценностные ориентации у студентов-волонтеров. Гипотеза – социально-психологическая подготовка способствует позитивному формированию гражданских и патриотических ценностных ориентаций и психолого-педагогических навыков студентов-волонтеров.

Для реализации поставленной цели разработана анкета «Отношение к ценностным ориентациям», которая была предложена 400 студентам 2–4 курсов для оценки ценностных ориентаций (ЦО) и участия в общественной жизни университета. Получено 200 полностью заполненных и оформленных анкет. Возраст испытуемых 18–21 год. По методике случайной выборки были определены контрольная и экспериментальная группы (по 100 студентов). Полученные результаты были подвержены математической обработке с помощью критерия Стьюдента.

В результате исследования было установлено, что наибольшей ценностью студентов в учении (получении профессии) стал «романтизм» – 40 студентов (20%), далее – «фанатизм», «прагматизм», «инфантилизм» – по 30 (по 15%), «гедонизм», «практицизм» – по 25 (по 12,5%) и «иждивенчество» – 20 (10%). В отношении к трудовой деятельности количество испытуемых распределились следующим образом: «рационалисты» – 50 студентов (25%), «карьеристы», «формалисты», «подмастерье» – по 36 (по 18%), «сезонники», «сибариты», «потребители» – по 8 (по 4%), «искатели» – 14 (7%), «вахтовики» – 4 студента (2%). В отношении к обществу и общественным ценностям количество испытуемых распределилось следующим образом: «конформизм» и «эгоизм» по 40 студентов (по 20%), «альтруизм», «радикализм», «коллективизм», «анархизм» по 30 студентов (по 15%). По отношению к идеологии и общественно-политическим ценностям количество испытуемых распределилось так: «меркантилизм» – 50 студентов (25%), «перестраховка» – 40 (20%), «настороженность», «нигилизм», «пессимизм» – по 30 (по 15%), «активность» – 20 (10%). По отношению к государству и государственным институтам количество испытуемых распределилось следующим образом: «патриотизм» и «демократизм» по 40 студентов (по 20%), «национализм» и «либерализм» – по 35 (по 17,5%), «патернализм» – 30 (15%), «космополитизм» – 20 (10%). По отношению к духовно-культурным ценностям общества: «материализм» и «реализм» – по 35 студентов (по 17,5%), «идеализм», «вера», «скептицизм» – по 30 студентов (по 15%), «мистицизм» и «элитарность» – по 20 (по 10%). По отношению к следующим нравственным качествам: «любовь» – 45 студентов (25%), «верность» – 40 (20%), «толерантность» и «уважение» – по 20 (по 10%), «демагогия», «цинизм», «честность» – по 15 (по 7,5%), «благородство» и «лицемерие» – по 10 (по 5%), «честолюбие» – 5 (2,5%).

В течение учебного года в экспериментальной группе были проведены следующие активные методы формирования позитивных ценностных ориентаций:

1. Викторины с целью формирования гражданских и патриотических ЦО.
2. Олимпиады по правовым и социальным проблемам общества.
3. Деловые игры «Что? Где? Когда?», «Брейнсторминг», «Выборы президента группы»).
4. Моделирование и инсценировка социально-психологических ситуаций.
5. Семинары-тренинги по формированию гражданских и патриотических ЦО.

6. Подготовка и участие в избирательной кампании.

Семинар-тренинг «Гражданские и патриотические ценностные ориентации молодежи»

Цель семинара-тренинга – способствовать формированию гражданских и патриотических ценностных ориентаций студенческой молодежи.

Тематический план семинара-тренинга:

1. Основные политические, экономические, социальные, психологические, культурные характеристики современного общества. Молодежь и общество (взаимосвязь, проблемы, требования). Лекция (2 часа).
2. Общая характеристика ценностных ориентаций в психологии, социологии, политологии. Состав, структура и динамика ценностных ориентаций. Ценностные ориентации и структура личности. Лекция (2 часа). Семинар (2 часа).
3. Цель, потребности, мотивация, нормы, ценности, установки, уровни притязаний, самооценка, «Я-концепция» современной молодежи. Лекция (2 часа).
4. Социальная перцепция: идентификация, рефлексия, эмпатия. Общение: виды, стили, позиции. Вербальное и невербальное общение. Коммуникация. Лекция (2 часа). Семинар (2 часа). Практическое занятие (2 часа).
5. Методы общей и социальной психологии. Методики изучения личности, ценностных ориентаций. Лекция (2 часа). Практическое занятие (2 часа).
6. Характеристики основных молодежных групп по отношению к гражданским, патриотическим и нравственным ценностям. Лекция (2 часа). Семинар (2 часа). Практическое занятие (2 часа).
7. Условия и факторы, влияющие на гражданское становление, патриотическое и духовно-нравственное развитие личности. Лекция (2 часа). Семинар (2 часа). Практическое занятие (2 часа).

В результате проведения активных методов обучения ЦО студентов улучшились по всем показателям. Так, если студентов с ЦО «романтизм» осталось на прежнем уровне (20), то число студентов по качествам «прагматизм» возросло до 25 человек (различие статистически достоверно на уровне значимости 0,01, $t = 2,95$), «практицизм» – до 17, «фанатизм» – до 18, а по качествам «инфантилизм», «гедонизм» и «иждивенчество» сократилось до 10, 5 и 5 студентов, соответственно. По последним двум показателям различие статисти-

чески достоверно на 0,5% уровне значимости при $t = 2,18$ и $2,23$, соответственно.

Количество студентов с ЦО «патриотизм», «демократизм», «патернализм» возросло до 25, 25 и 18 студентов соответственно, а количество студентов с ценностными ориентациями «национализм» сократилось до 10 (различие статистически достоверно на 0,01% уровне значимости при $t = 2,92$), а «либерализм», и «космополитизм» – до 15 и 7, соответственно.

Так, если в контрольной группе в среднем было зафиксировано участие студентов в 8,4 функциях и мероприятиях общественной городской и вузовской деятельности, то в экспериментальной группе таких оказалось 13,5 на каждого студента (различие статистически достоверно на 0,1% уровне значимости при $t = 2,86$). Прирост участия студентов в выполнении общественно-значимых функций и участия в мероприятиях в контрольной группе не достиг статистически достоверного уровня, а в экспериментальной достиг 1% уровня значимости ($t = 2,74$).

Практика подтвердила полученные результаты. Так, например, увеличилось на 30% количество студентов, занимающихся общественной работой (кружки, студии, политклуб, выпуск университетской газеты, Совет при Главе города и районов и др.), улучшилась посещаемость занятий и успеваемость студентов экспериментальной группы. В среднем на 16% увеличилось количество студентов, принимавших активное участие в выборах Городского собрания г. Сочи, мэра г. Сочи, Законодательного собрания Краснодарского края, Государственной думы РФ, Президента РФ (Юров, 2014).

Выводы: Приведенные данные свидетельствуют о возросших после применения активных методов формирования ценностных ориентаций гражданских и патриотических ценностных ориентациях студентов, о положительной их социализации и социальной адаптации.

Литература

- Деркач А. А., Зазыкин В. Г.* Акмеология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2003.
- Журавлева Н. А.* Психология социальных изменений: ценностный подход. М.: Изд-во «Институт психологии» РАН, 2013.
- Педагогика профессионального образования: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. В. А. Сластенина. М.: Академия, 2007.
- Ядов В. А.* Диспозиционная система как целостность и структура реального поведения. М.: ЦСПиМ, 2012. С. 203–224.

Юров И. А. Формирование гражданских и патриотических ценностных ориентаций у студентов Сочинского государственного университета. М.: Центр развития человека, 2014. С. 335–346.

Оценка приверженности лечению и ее факторов в кардиологии как медико-психологическая проблема: пример эмпирического исследования*

М. В. Яковлева (Санкт-Петербург)

Отношение человека к своей болезни и понимание ее причин влияет на особенности его поведения в отношении лечения, выполнения предписаний врача, мотивации к выздоровлению: «Больной стремится к сотрудничеству с врачом и соблюдает медицинские рекомендации только при осознании факта заболевания и его последствий для здоровья, понимании пользы терапии, превышающей неудобства, связанные с ней» (Данилов, 2008).

Изменение подхода к участию пациента в процессе лечения в современной медицинской практике объясняет, почему для описания поведения больных в терапевтическом процессе был предложен целый ряд понятий, подчеркивающих необходимость учета точки зрения больного в отношении методов лечения. В настоящее время в научной литературе наиболее распространен термин «приверженность (к) терапии (лечению)» (*англ.* adherence to therapy). По определению ВОЗ, приверженность лечению — это соответствие поведения пациента рекомендациям врача, включая прием лекарств, диету и/или изменение образа жизни (WHO, 2003). Понятие «приверженность лечению» сегодня представляет собой феномен, без которого эффективность современных медицинских технологий снижается или даже девальвируется.

В силу целого ряда причин психосоматические связи и, в частности, поведение пациентов в терапевтическом процессе, имеют первоочередное значение в области кардиологии. Особое внимание направлено на ишемическую болезнь сердца (ИБС) — из-за значимости медико-социальных проблем, вызываемых ею. Так, медицинские рекомендации не выполняет около половины хронических больных, к которым относятся и страдающие ИБС (там же).

Обычно термин «приверженность лечению» рассматривается в узко-медицинском смысле, однако нельзя забывать, что она является

* Исследование осуществлено при поддержке РФФИ, грант № 18-013-00689-а.

одним из аспектов *поведения* пациентов в процессе терапии. Таким образом, приверженность не может основываться исключительно на особенностях проводимой терапии и характеристиках заболевания, о которых зачастую говорят как об основных факторах приверженности лечению, но затрагивает и психологический аспект – личность самого пациента с его установками, чертами, представлениями о болезни и опытом предыдущего лечения, а также особенности отношения с лечащим врачом. Все указанные характеристики влияют на отношение пациента к своему заболеванию и лечению, формируют его поведение в процессе терапии. Очевидной становится роль психологического фактора в определении уровня приверженности лечению пациента и роль медицинского психолога в его определении и коррекции, что является потенциальным фактором, повышающим эффективность терапии, в том числе высокотехнологичного оперативного вмешательства.

Принимая во внимание вышесказанное, была сформулирована *цель* фундаментального междисциплинарного исследования, заключающаяся в сравнительном анализе психологических характеристик больных, перенесших реваскуляризацию коронарных сосудов, с различной степенью приверженности лечению.

В качестве *гипотезы* исследования было принято положение о том, что приверженные и неприверженные лечению пациенты, перенесшие реваскуляризацию коронарных сосудов, различаются по своим психосоциальным и индивидуально-психологическим характеристикам.

Материал и методы исследования

В исследовании применялись клиничко-психологический и психометрический методы. Клиничко-психологический метод включал в себя специально разработанные интервью для пациентов для изучения психосоциальных и клиничко-психологических характеристик, и анкету для оценки приверженности лечению пациентов.

Психометрический метод был представлен батареей тестовых методик, среди них: «Большая пятерка» (Л. Первин, О. Джон), «Стратегии совладающего поведения» (Л. И. Вассерман с соавт.), «Методика диагностики типов отношения к болезни (ТОБОЛ)» (Л. И. Вассерман с соавт.).

Среди математических методов, примененных к полученным данным, были: анализ таблиц сопряженности, критерий χ^2 Пирсона, дисперсионный анализ.

В исследование включались пациенты ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр им. В. А. Алмазова» Мин-

здрави России (Санкт-Петербург), страдающие ИБС и перенесшие хирургическую реваскуляризацию миокарда – операцию коронарного шунтирования, а также давшие информированное согласие. Критериями исключения послужили наличие у пациентов клинически диагностированных психических расстройств и/или когнитивного дефицита, тяжелые интра- или послеоперационные осложнения.

Предварительные результаты были получены на группе из 103 больных, разделенных экспертным методом на две группы: 1) приверженные лечению пациенты ($n = 53$) – регулярно и точно выполняющие все рекомендации врачей по фармакологической и немедикаментозной терапии; 2) неприверженные лечению пациенты ($n = 50$) – систематически не соблюдающие рекомендации докторов по фармакологической терапии, коррекции факторов риска, а также немедикаментозной терапии.

Средний возраст выборки составил $60,14 \pm 8,95$ лет. 82,5% выборки составили мужчины (из них 43 пациента были отнесены к группе приверженных лечению и 42 – к неприверженным), 17,5% – женщины (из них 10 – приверженные, 8 – неприверженные).

Результаты исследования и их обсуждение

Благодаря использованию вышеописанных методов психологической диагностики и математической статистики были получены результаты сравнительного анализа характеристик пациентов с разным уровнем приверженности лечению.

Отмечается, что различия между группами больных были получены как в их психосоциальных характеристиках, так и в индивидуально-психологических (см., напр.: Яковлева, 2016; Iakovleva, 2018).

Так, в ходе клинической беседы было установлено, что пациенты с высокой приверженностью лечению в частности характеризуются наличием хороших отношений в коллективе, в то время как пациенты с низкой приверженностью лечению чаще сообщали о формальных отношениях ($\chi^2 = 8,617, p < 0,05$). Информированность пациентов о своей болезни и проводимой терапии также достоверно связана с уровнем приверженности: приверженные пациенты чаще подтверждают наличие четкого представления о заболевании, в то время как неприверженные пациенты чаще (70% группы) признают наличие абстрактных и очень приблизительных знаний об ИБС ($\chi^2 = 7,638, p < 0,05$).

Изучение внутренней картины болезни пациентов с помощью методики ТОБОЛ позволило получить достоверные данные о характерных для пациентов из двух групп типах отношения к болез-

ни и выявить, что в группе приверженных лечению достоверно чаще встречается гармоничный тип, а в группе неприверженных – анозогнозический тип ($\chi^2 = 23,7, p \leq 0,05$).

Сравнительное исследование личностных характеристик больных («Большая пятерка») показало, что приверженные и неприверженные больные, перенесшие операцию, статистически значимо различаются по данному показателю. Группа приверженных лечению пациентов характеризуется более высокими показателями по шкалам «самосознание, организованность» ($p < 0,001$), «готовность к согласию» ($p < 0,05$), «личностные ресурсы» ($p < 0,001$) и более низкими показателями по шкале «эмоциональная стабильность» ($p < 0,05$).

По результатам проведения методики «Стратегии совладающего поведения» были также получены достоверные различия между группами. Испытуемые из I группы достоверно чаще используют копинг-стратегии «самоконтроль» ($p < 0,001$) и «положительная переоценка» ($p < 0,001$), в то время как испытуемые из II группы чаще, чем приверженные лечению используют копинг-стратегию «бегство – избегание» ($p < 0,05$).

Заключение

На основе изучения полученных эмпирических данных о влиянии личности пациента на его поведение в процессе терапии, о связи приверженности лечению с психосоциальными и индивидуально-психологическими характеристиками больных, такими как личностные черты, копинг-стратегии и отношение к болезни, можно сделать вывод о необходимости рассмотрения феномена приверженности лечению не как медицинского, но как медико-психологического явления. В связи с этим представляется особенно актуальным индивидуальный подход к пациенту, а также становится очевидной необходимость разработки нового инструмента, позволяющего оценивать приверженность лечению в контексте личности конкретного пациента, что повысит точность определения уровня приверженности, выявит мишени для психологической коррекции и позволит формулировать прогноз в отношении поведения пациентов в процессе дальнейшей терапии – как консервативной, так и оперативной.

Литература

- Данилов Д. С.* Комплаенс в медицине и методы его оптимизации (клинические, психологические и психотерапевтические аспекты) // Психиатрия и психофармакотерапия им. П. Б. Ганнушкина. 2008. Т. 10. № 1. С. 13–20.

Яковлева М. В. Особенности личности и отношения к болезни пациентов, приверженных и неприверженных к лечению в восстановительном периоде после коронарного шунтирования // Вестник психотерапии. 2016. № 57 (62). С. 49–58.

Iakovleva M., Shchelkova O., Lubinskaya E., Nikolaeva O. Adherence to treatment after CABG in terms of patients' personality // SHS Web of Conferences. 2018. № 40. DOI: 10.1051/shsconf/20184002011.

World Health Organisation: Adherence to long-term therapies, evidence for action. Geneva: WHO, 2003.

Особенности полоролевой идентичности у современной молодежи

Н. Ю. Ярыгина, М. А. Мамлева (Нижний Новгород)

В отечественных психолого-педагогических работах первоначально исследовалась «половая идентичность», которая определялась как внутренняя динамическая структура, интегрирующая отдельные стороны личности, связанные с осознанием и переживанием себя как представителя определенного пола. Она представляет собой биологические половозрастные особенности самовосприятия человека. Тогда, как понятие «полоролевая идентичность» помимо биологического основания, включает в себя ролевые и поведенческие проявления личности как индикаторы мужского и женского в обществе (Дресвянина, 2009). В английском языке есть понятие «гендер». Гендер – это «социальный пол», социально детерминированные роли, идентичности и сферы деятельности мужчин и женщин, зависящие не от биологических половых различий, а от социальной организации общества (Кон, 2003). Гендерная идентичность является более широким понятием, чем полоролевая идентичность, гендер включает в себя не только ролевой аспект, но и, например, образ человека в целом, в том числе и внешний вид (Пятницкая, 2009).

В современном мире допускается множественность моделей полоролевой идентичности. Нормативные представления о психологических свойствах, характерные для мужчин и для женщин, обозначают маскулинностью и фемининностью (Ильин, 2009). Но понятие нормы о маскулинности и фемининности размыто. Все больше происходит смешение ролей, не остается чисто мужских и женских проявлений. В этих условиях актуальным является исследование особен-

ностей полоролевой идентичности, ее становления и формирования. Поэтому целью исследования является изучение особенностей полоролевой идентичности современной молодежи.

Гипотеза: у современной молодежи присутствует установка, что себя надо идентифицировать как личность, как человека без отнесения к полу.

Характеристика *выборки:* для проведения исследования были выбраны 20 девушек (в возрасте 18–20 лет), обучающихся в ННГУ им. Н. И. Лобачевского по направлению 37.03.01 «Психология» и специальности 37.05.02 «Психология служебной деятельности».

Методики

1. «Полоролевой опросник» С. Бэм – для выявления полоролевой идентичности (психологического пола) респондентов. Согласно данной методике выделяют четыре полоролевых типа: фемининный – высокие показатели фемининности и низкие маскулинности; маскулинный – высокие показатели маскулинности и низкие фемининности; андрогинный – высокие показатели как маскулинности, так и фемининности; недифференцированный – низкие показатели и маскулинности, и фемининности.
2. Методика «Кто Я?» М. Куна и Т. Макпартленда – для выявления значимости полоролевых характеристик в структуре Я-концепции личности, а также для изучения содержательных характеристик идентичности личности. Автором методики предлагается выделить следующие категории, составляющие содержание социальной идентичности испытуемых: семейные и межличностные роли (я – мать, жена, подруга и др.), профессиональные (я – будущий психолог, студент, предприниматель), другие социальные роли (я – коллекционер, рыболов-любитель, спортсмен, читатель). Следующие три категории рассматриваются как составляющие личностной идентичности: феминные характеристики – личностные черты, традиционно приписываемые образу женщины (я – заботливая, чувствительная, зависимая, нежная, мечтательная); маскулинные характеристики – личностные черты, стереотипно связанные с образом мужчины (я – сильный, смелый, целеустремленный, самостоятельный, независимый); нейтральные характеристики, личностные черты, не включаемые в стереотипные характеристики маскулинности–феминности (я – веселый, красивый, добрый, верный, аккратная, ленивая).

Результаты

По методике «Полоролевой опросник» С. Бэм выявлено, что 14 человек из 20 (70%) нами были отнесены к андрогинному типу, так как они имеют высокие показатели маскулинности и феминности. У оставшихся 6 испытуемых из 20 (30%) преобладают феминные характеристики, они были отнесены нами к феминному типу. По результатам нашего исследования в данной выборке не выявлены лица с маскулинным типом, также не выявлены лица, относящиеся к недифференцированному типу полоролевой идентичности. Таким образом, в выборке лиц женского пола в возрасте 18–20 лет подавляющее большинство имеют андрогинный тип полоролевой идентичности.

Анализ описания характеристик Я – концепции по методике «Кто Я?» показал, что в большинстве случаев в описании себя у испытуемых встречается не больше 4-х характеристик, относящихся к половым проявлениям: феминных характеристик в среднем у каждого испытуемого указано по 1–2, а маскулинных – 0–1. При этом у 3 человек из 20 – таких характеристик не выявлено вообще. Таким образом, в описании себя у испытуемых преобладают неполые характеристики.

К значимым характеристикам, которые занимают в описании себя первые три места, испытуемые относят:

- половые роли (высказывание «Я – девушка») – 5 из 20 человек;
- профессиональные роли – 9 из 20 человек;
- другие социальные роли – 9 из 20 человек;
- нейтральные характеристики – 19 из 20 человек;

Следует отметить, что наиболее разнообразной по высказываниям стала категория «Нейтральные характеристики». Наряду с высказываниями «я – веселый, добрый и т.д.» нами были выявлены следующие обобщенные описания «Обозначение имени; Описание себя как личность; Обозначение того, что человек любит; Описание того, чего человек хочет; Позиционирование себя в связи с кем-то; Негативные характеристики о себе; Позиции неопределенности; Описание себя с философских позиций». Все данные высказывания являются индифферентными к полу, кроме «обозначения имени» по формальным признакам.

Также выявлено, что у подавляющего большинства присутствовали высказывания, отнесенные нами к категории «Нейтральные характеристики»: минимально – 7 высказываний, максимально – 17

высказываний из 20. Следует отметить, что у 12 респондентов из 20 присутствует более 50% высказываний из категории «Нейтральные характеристики».

При перекрестном анализе результатов использованных методик выявлено, что:

- Только 5 человек из 20 определяют характеристику «Я – девушка» как значимую. При этом лишь 2 респондента из этих 5 относятся к фемининному типу полоролевой идентичности. Другие же три респондента относятся к андрогинному типу полоролевой идентичности.
- Остальные респонденты, которые, согласно методике «Полоролевой опросник», относятся к фемининному типу полоролевой идентичности, либо не указывают описание «Я – девушка», либо размещают его на незначимой позиции.

Выводы

Проведенное нами исследование показало, что большинство респондентов-девушек соотносят себя с андрогинным типом полоролевой идентичности. Вероятно, они в своем поведении совмещают как феминные, так и маскулинные характеристики во всех сферах жизни. К примеру, девушка может быть нежной и хрупкой дома, в семье, а в профессиональной сфере – проявлять силу, независимость и целеустремленность. Девушки отходят от стереотипа образа женщины, и свободно приписывают себе качества и действия, стереотипно свойственные мужчинам.

Среди 20 респондентов лишь 2 имеют ярко выраженную полоролевую идентичность (феминный тип полоролевой идентичности и значимая характеристика «Я – девушка» в описании себя).

Еще 50 лет назад в обществе была принята установка, что любое поведение и любые отношения выстраивались относительно пола. Все мы помним такую фразу «Ты же девочка. Веди себя как девочка». Все процессы социализации исходили из данной установки. Сейчас границы этой установки размываются в социуме, в том числе через интернет, семью.

Возраст 18–20 лет – это возраст поздней юности, возраст социальных, ролевых экспериментов, когда молодежь при выстраивании различного рода отношений пробует себя в различных социальных ролях. Сюда относится и вопрос полоролевой идентичности, когда молодые люди решают как вести себя, что говорить. Результаты нашего исследования показали, что для большинства современной

молодежи в возрасте 18–20 лет более значимыми являются психологические характеристики, относящиеся к качествам личности или человека, индифферентные к полу.

Однако, все полученные нами результаты являются предварительными и требуют дальнейшего изучения с расширением количества методик и респондентов.

Литература

- Дресвянина А. В.* Понятие «гендерная идентичность»: сущность и основные исследовательские подходы // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2009. № 4. С. 154–157.
- Ильин Е. П.* Пол и гендер. СПб.: Питер, 2009.
- Кон И. С.* Ребенок и общество. М., 2003.
- Беспанская-Павленко Е. Д.* Психодиагностические методики изучения гендерных особенностей личности: метод. рекомендации для студентов, обуч. по специальностям 1-86 01-01 «Социальная работа (по направлениям)» и 1-23 01-04 «Психология». Мн.: БГУ, 2013.
- Пятницкая О. А., Юров А. К.* Сопоставительный анализ понятий гендерной и половой идентичности в зарубежной и отечественной психологии // Вестник ТГПИ. Гуманитарные науки. Раздел VII. «Психология». 2009. С. 347–350.

Наши авторы

Агуреева Валерия Андреевна – магистрант 3 курса, Московский государственный областной университет (МГОУ), Москва, valeriy_dream@mail.ru

Акбировая Резеда Раисовна – медицинский психолог, Республиканская клиническая психиатрическая больница им. В. М. Бехтерева Министерства здравоохранения Республики Татарстан (ГАУЗ РКПБ им. В. М. Бехтерева), Казань, akbrezeda@yandex.ru

Андрющенко Екатерина Александровна – студент 4 курса факультета психологии, лаборант-исследователь лаборатории поведенческой нейродинамики, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, kateand625@gmail.com

Афиногенова Виктория Алексеевна – канд. психол. наук, научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, viktoriyamail87@mail.ru

Ахсанова Рената Ралифовна – студент 4 курса, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы (БГПУ имени М. Акмуллы), Уфа, ahsanovarenata@mail.ru

Ахтямова Гульназ Сайдашевна – студент 5 курса, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (КФУ), Казань, gulnaz.akhtyamova.97@mail.ru

Бабий Людмила Васильевна – магистрант 1 курса, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (ТвГУ), Тверь, l_babiy.ru@mail.ru

- Байрамян Роксана Мамионовна – аспирант 3 курса, заместитель главного редактора журнала «Психология. Журнал Высшей школы экономики», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, goksana.bayramyan@mail.ru
- Бариляк Ирина Анатольевна – канд. психол. наук, доцент, Тверской государственный университет (ТвГУ), Тверь, irina040776@mail.ru
- Бекасова Елизавета Сергеевна – студент 4 курса, Костромской государственной университет (КГУ), Кострома, elizavetabekasova462@gmail.com
- Белоплотова Кристина Евгеньевна – психолог психологической службы, Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ), Томск, acidelf77@gmail.com
- Бердичевский Алексей Александрович – соискатель, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, berdichevsky.alexey@gmail.com
- Блинова Екатерина Николаевна – аспирант 1 курса факультета психологии СПбГУ, инженер-исследователь лаборатории поведенческой нейродинамики, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, blinova_e.n@mail.ru
- Богачева Татьяна Игоревна – аспирант кафедры психологии, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, logtat91@gmail.com
- Болтова Анна Ю. – магистр 2 курса, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (МГППУ), Москва, psystudy@bk.ru
- Бочкова Ксения Руслановна – бакалавр психологии, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева» (КГПУ им. В. П. Астафьева), Красноярск, ksenya.bochkova.97@mail.ru
- Бузина Александра Александровна – аспирант 2 курса, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, super-alex@mail.ru
- Бушина Екатерина Валерьевна – канд. психол. наук, старший научный сотрудник, доцент факультета социальных наук, Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований НИУ ВШЭ (МНУЛ СКИ НИУ ВШЭ), Москва, ekaterinaosipov@yandex.ru

- Быховец Юлия Васильевна – канд. психол. наук, старший научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), bykhovets@yandex.ru
- Вавакин Александр Сергеевич – магистрант 2 курса, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, vavakin94@bk.ru
- Вавакина Татьяна Сергеевна – канд. психол. наук, ассоциированный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, tvavakina@mail.ru
- Ведутенко Ульяна Денисовна – студент 3 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, uliana.vedutenko@mail.ru
- Виленская Алиса Владимировна – студент 2 курса, Первый медицинский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова (ПМГМУ им. И. М. Сеченова), Москва, avvilenskaya@gmail.com
- Владимиров Илья Юрьевич – канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ им. П. Г. Демидова), Ярославль, kein17@mail.ru
- Внуков Илья Юрьевич – студент 5 курса, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (МГУ им. М. В. Ломоносова), Москва, ilya55vn@yandex.ru
- Воеводина Елена Юрьевна – студент 3 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, euyvoevodina@gmail.com
- Волкова Мария Германовна – педагог-психолог МОУ ДО ЦВР «Приоритет», Ярославль, mariya-garina@yandex.ru
- Волкова Наталья Эдуардовна – младший научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В. Н. Дружинина, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, nats29@mail.ru
- Вологодина Полина Евгеньевна – студент 5 курса, Алтайский государственный университет (АлтГУ), Барнаул, pvologdina@mail.ru
- Волченкова Анастасия Александровна – аспирант 1 курса, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова» (ЯрГУ им. П. Г. Демидова), Ярославль, 24crocus95@gmail.com

- Воробьева Анастасия Евгеньевна – канд. психол. наук, старший научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, aevorobieva@yandex.ru
- Воярж Анастасия Евгеньевна – магистрант 1 курса, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (МГУ им. М. В. Ломоносова), Москва, voyarzh@bk.ru
- Галина Инга Динаровна – студент 4 курса, Башкирский Государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (БГПУ им. М. Акмуллы), Уфа, inga.galina.1998@mail.ru
- Галущко Анна Александровна – студент 2 курса, Первый медицинский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова (ПМГМУ им. И. М. Сеченова), Москва, galu_a@mail.ru
- Григорьева Ольга Сергеевна – аспирант 1 курса, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, ognegrif-olga@mail.ru
- Гришина Анастасия Васильевна – канд. психол. наук, доцент РАО, доцент кафедры «Общая и консультативная психология», ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), Ростов-на-Дону, avgrishina.donstu@gmail.com
- Громова Дарья Сергеевна – старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии, ЧОУ ВО «Самарская гуманитарная академия» (СаГА), Самара, grmvadarja@rambler.ru
- Губайдулина Людмила Маратовна – студент 3 курса, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (МГУ им. М. В. Ломоносова), Москва, gubaidulina.mila@yandex.ru
- Гусева Дарья Федоровна – студент, Мурманский Арктический государственный университет (МАГУ), Мурманск, dashenka.daria.guseva@mail.ru
- Дан Марина Владимировна – младший научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, marina@raudsepp.ru
- Данилова Виктория Юрьевна – студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, victoria_danilova@hotmail.com
- Дегтева Марина Сергеевна – магистрант 2 курса, Шуйский филиал ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет» (ШФ ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»), Иваново, degteva.marina@mail.ru

- Дерюганова Ольга Алексеевна – магистрант 2 курса, Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ), Москва, deryuganova95@mail.ru
- Деткина Алена Юрьевна – магистрант 2 курса, Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ), Томск, alyona.detkina1996@mail.ru
- Диневиц Каталина Владимировна – магистрант, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (РГПУ им. А. И. Герцена), Санкт-Петербург, catalinadinevich@yandex.ru
- Дробышева Мария Михайловна – соискатель, Москва, mmdrob@mail.ru
- Дубровская Людмила Дмитриевна – студент 3 курса, ФГБУ ВО «Иркутский государственный университет», Иркутск, mila.dubrovskaya.99@mail.ru
- Дудникова Татьяна Александровна – младший научный сотрудник, магистр, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, keeperrain@yandex.ru
- Дымова Екатерина Николаевна – младший научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, grebennikovakaty@mail.ru
- Еремина Дарья Алексеевна – канд. психол. наук, старший преподаватель, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, daria.a.eremina@gmail.com
- Есипенко Елена Александровна – доцент, канд. биол. наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ), Томск, esipenkoea@gmail.com
- Жук Виктория Викторовна – студент 3 курса, Петербургский государственный университет путей сообщения, ПГУПС, Санкт-Петербург, vikylik.ne@mail.ru
- Журавлева Юлия Валерьевна – науч. сотрудник отдела психолингвистики ИЯз РАН, соискатель, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, jv.clinic@yandex.ru
- Забелин Сергей Владимирович – координатор исследовательских программ, Автономная некоммерческая организация «РОСТ», Москва, zabelin.at.work@gmail.com
- Зиборова Анастасия Владимировна – аспирант 2 курса, дневное отделение, ФГБОУ ВО «Московский государственный универси-

- тет им. М. В. Ломоносова» (МГУ им. М. В. Ломоносова), Москва, ziberova.anastasia@gmail.com
- Знаменская Ирина Игорьевна – ассоциированный научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, znamenirina@gmail.com
- Золотарева Светлана Евгеньевна – канд. экон. наук, 2 курс магистратуры «Психология личности», Институт психологии им. Л. С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета (ИП РГГУ), Москва, 9111158@gmail.com
- Ильина Ольга Николаевна – аспирант 1 курса, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, moyapochtaoi@mail.ru
- Ипполитова Елена Александровна – доцент кафедры социальной психологии, канд. психол. наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный университет» (АлтГУ), Барнаул, ippolitovae@bk.ru
- Ишмуратова Юлия Алексеевна – научный сотрудник, ФГБНУ «Психологический институт РАО» (ПИ РАО), Москва, ishmuratova08@gmail.com
- Казымова Надежда Наильевна – канд. психол. наук, младший научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, bakusevan@mail.ru
- Карабанов Артём Петрович – старший преподаватель, факультет психологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИОН РАНХиГС), преподаватель, Институт психологии им. Л. С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет (ИП РГГУ), Москва, rasaraban01@gmail.com
- Ковш Екатерина Михайловна – канд. психол. наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет (ЮФУ), Ростов-на-Дону, katya-kovsh@yandex.ru
- Кокоева Елизавета Маирбеговна – студент 2 курс, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. Коста Левановича Хетагурова» (СОГУ), Владикавказ, gogitsaeva@yandex.ru

- Корабельник Полина Юрьевна – аспирант 1 курса, направление «Клиническая психология», Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, hello_polly@mail.ru
- Коровкин Сергей Юрьевич – канд. психол. наук, доцент, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), Ярославль
- Коротаева Анастасия Игоревна – канд. психол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского» (ЯГПУ им. К. Д. Ушинского), Ярославль, tiger77706@mail.ru
- Крылова Анастасия Дмитриевна – студент 4 курса, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (КГУ), Кострома, anastaskrvol@gmail.com
- Кудрина Ирина Игоревна – 6 курс, специалитет, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (МГУ им. М. В. Ломоносова), Москва, irina.i.kudrina@yandex.ru
- Кулагина Юлия Владимировна – студент 2 курса, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева (ЧГПУ им. И. Я. Яковлева), Чебоксары, do.dori.do@mail.ru
- Кутукова Тамара Юрьевна – аспирант, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ им. П. Г. Демидова), Ярославль, v-e-s-t-y@yandex.ru
- Лазарева Наталья Юрьевна – аспирант 2 курса, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ им. П. Г. Демидова), Ярославль, lazareva_natasha93@mail.ru
- Ларионов Иван Викторович – магистрант 2 курса, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, ivlar16@gmail.com
- Лебедев Александр Петрович – аспирант 1 курса, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (КГУ), Кострома, mg.alexandrlebedev@mail.ru
- Логвинова Маргарита Игоревна – аспирант кафедры психологии, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», Курск, ewredika67@yandex.ru
- Локшина Виктория Игоревна – студент 4 курса, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ им. П. Г. Демидова), Ярославль, vika.lokshina.98@mail.ru

- Лунева Александра Романовна – аспирант 2 курса, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ им. П. Г. Демидова), Ярославль, lunevalexandra@mail.ru
- Майорова Виктория Александровна – студент 4 курса, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ им. П. Г. Демидова), Ярославль, chistosasha@mail.ru
- Макаров Игорь Николаевич – стажер-исследователь, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ им. П. Г. Демидова), Ярославль, geoge@mail.ru
- Мамлева Мария Александровна – студент 4 курса, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (ННГУ), Нижний Новгород, 2016_masha@mail.ru
- Манюкова Екатерина Валерьевна – магистрант 2 курса, ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» (ЧГУ), Череповец, pves85@mail.ru
- Маркина Полина Николаевна – младший научный сотрудник, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, alxetar@gmail.com
- Матюшичева Мария Ильинична – аспирант 3 курса, ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена» (РГПУ им. А. И. Герцена), Санкт-Петербург, maria.matyushicheva@gmail.com
- Медведева Алена Алексеевна – магистрант 2 курса, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (АлтГУ), Барнаул, alenochka_o@mail.ru
- Мелёхин Алексей Игоревич – канд. психол. наук, клинический психолог высшей квалификационной категории, Клиника женского здоровья «Лагуна-мед», Москва, clinmelehin@yandex.ru
- Мигунов Игорь Владимирович – факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (МГУ им. М. В. Ломоносова), Москва, ugris07@mail.ru
- Мишина Дарья Дмитриевна – студент 3 курса, Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России (СПб УГПС МЧС России), Санкт-Петербург, lisayugru@gmail.com
- Моргунов Евгений Борисович – профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, emorgunov@hse.ru

- Морозов Кирилл Михайлович – магистрант 3 курса, психолог ОГБ-ПОУ «Ивановский автотранспортный колледж» (ИАТК), ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Шуйский филиал ИвГУ, Шуя, kygios_mor@list.ru
- Морозова Ольга Олеговна – магистрант 3 курса, специалист по работе с молодежью МКУ «Молодежный центр», бакалавр педагогики, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Шуйский филиал ИвГУ, Шуя, o-orlova-1990@mail.ru
- Москаленко Галина Владимировна – канд. психол. наук, старший психолог отделения психологической подготовки и консультирования отдела психологического сопровождения учебного процесса, Санкт-петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России (СПб УГПС МЧС России), Санкт-Петербург, moskalenkj.g@igps.ru
- Назметдинова Дилара Гамзатовна – аспирант кафедры генетической и клинической психологии факультета психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ), Томск, dilara86@bk.ru
- Небежева Аминат Викторовна – студент 4 курс, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова» (СОГУ), Владикавказ, gogitsaeva@yandex.ru
- Негрий Варвара Александровна – аспирант 2 курса, начальник отделения повышения квалификации, ведущий психолог, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (МГУ им. М. В. Ломоносова), Москва, v.negrii@gmail.com
- Нерсисян Виктория Нерсесовна – студент 5 курса, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, rebus_vn@mail.ru
- Никитина Дарья Алексеевна – аспирант 2 курса, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, d.a.nikitina@yandex.ru
- Новикова Ольга Владиславовна – наставник программы «Система выбор Maximum», соискатель, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, novikova_95@outlook.com
- Носов Иван Алексеевич – аспирант 4 курса, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (БГПУ им. М. Акмуллы), Уфа, di_diana@front.ru

- Нургалева Елена Рафаиловна – 4 курс, бакалавр, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (ЧелГУ), Челябинск, nurgaleeva96@mail.ru
- Овчинников Ярослав Владимирович – студент 3 курса, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, winrar@icloud.com
- Оганесян Ваник – студент, Ярославский Государственный Университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), Ярославль, iv.ganesyan@gmail.com
- Павлюк Маргарита Александровна – педагог-психолог, МБОУ «Таицкая СОШ» Гатчинского района Ленинградской области, Санкт-Петербург, rimma_koroll@mail.ru
- Пальцев Александр Борисович – 1 курс, очного отделения магистратуры, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, sasha.palcev@mail.ru
- Панфилова Юлия Михайловна – 4 курс аспирантуры заочной формы обучения, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, panfilova-julia@mail.ru
- Парфёнова Татьяна Вячеславовна – соискатель 4 года обучения сектора психологии развивающего образования, НМУ «Национальный институт образования» Министерства образования Белоруссии, Минск, ra.tanya@mail.ru
- Перова Анастасия Станиславовна – Московский гуманитарный университет (МосГУ), Москва, aperova@mosgu.ru
- Петрикова Наталья Валерьевна – соискатель ученой степени кандидата наук, ФГБНУ «Психологический институт РАО» (ПИ РАО), Москва, pve04021961@yandex.ru
- Пичугина Анна Олеговна – студентка 5 курса, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (МГУ им. М. В. Ломоносова), Москва, aorichugina@gmail.com
- Полухова Александра Игоревна – студент 3 курса, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (ННГУ), Нижний Новгород, a.poluhova@gmail.com
- Полякова Ольга Романовна – студент 3 курса, Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ), Томск, polyakova.oly@gmail.com
- Попова Софья Сергеевна – 1 курс аспирантуры, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (МГУ им. М. В. Ломоносова), Москва, sofya.popov4@yandex.ru

- Постнова Анастасия Андреевна – канд. психол. наук, преподаватель, Ярославское высшее военное училище противовоздушной обороны (ЯВВУ ПВО), Ярославль, a.postnowa@mail.ru
- Потапова Юлия Викторовна – педагог-психолог, канд. психол. наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет», Омск, kardova.jv@gmail.com
- Пшеничнова Ирина Викторовна – доцент, канд. психол. наук, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Шуйский филиал ИВГУ, ir.p@list.ru
- Рахимова Арина Руслановна – студент 4 курса факультета психологии, Филиал МГУ им. Ломоносова в городе Ташкенте, Ташкент (Узбекистан), arisharahimova@gmail.com
- Рётса Станислава Эрновна – студентка 5 курса, Московский государственный психолого-педагогический университет (МГППУ), Москва, getsya-stasya@yandex.ru
- Решетко Светлана Альбертовна – соискатель лаборатории социальной и экономической психологии, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, swetlana.reshetko@yandex.ru
- Рогачёв Антон Олегович – студент 4 курса, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (МГУ им. М. В. Ломоносова), Москва, a.o.rogachev@yandex.ru
- Роголева Юлия Александровна – студент 4 курса, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (МГУ им. М. В. Ломоносова), Москва, rogolevayulia@gmail.com
- Сафонова Екатерина Валерьевна – студент 4 курса, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, safonova_kate@mail.ru
- Селезнёва Ирина Николаевна – аспирант, УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова» (ВГУ им. П. М. Машерова), Витебск, seleznyova-irina@mail.ru
- Сидоровская Юлия Михайловна – студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, sidorovskaya_yulya@mail.ru
- Синельникова Елена Семеновна – доцент, канд. психол. наук, Петербургский государственный университет путей сообщения (ПГУПС), Санкт-Петербург, elena.sinelni@yandex.ru

- Сиповская Яна Ивановна – канд. психол. наук, научный сотрудник лаборатории психологии способностей и ментальных ресурсов им. В. Н. Дружинина Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, syai@mail.ru
- Скорик Станислав Олегович – аспирант, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, stanskorik@mail.ru
- Скуратова Ксения Андреевна – научный сотрудник, ФГБУН «Институт физиологии им. И. П. Павлова» Российской академии наук, Санкт-Петербург, k.a.skuratova@gmail.com
- Смирницкая Анастасия Витальевна – аспирант 1 курса, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ), Ярославль, a9159793033@gmail.com
- Смирнова Ксения Александровна – студент 4 курса, ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет» (КГУ), Кострома, smirnova.xen2017@yandex.ru
- Созинова Ирина Михайловна – научный сотрудник, Московский городской психолого-педагогический университет (МГППУ), Москва, eiolo@yandex.ru
- Соломатина Ульяна Юрьевна – магистрант 3 курса, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, uliana-lit-sport@mail.ru
- Сороко Екатерина Андреевна – студент 3 курса, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, soroko.katja@gmail.com
- Старосельцева Ольга Владимировна – аспирант 3 курса, Алтайский государственный университет (АлтГУ), Барнаул, kuznetsova_olga.1988@mail.ru
- Сыровая Галина Анатольевна – магистрант 1 курса, Тверской государственный университет (ТвГУ), Тверь, galina-syrovaja@rambler.ru
- Таранова Валерия Алексеевна – студентка 3 курса, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, ler.taranova2013@yandex.ru
- Тарасов Семён Васильевич – магистрант 2 курса, Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, sementarasovvas@gmail.com
- Татаринев Дмитрий Владимирович – магистрант 2 курса, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломо-

носова» (МГУ им. М. В. Ломоносова), Москва, dmitry.tatarinav@gmail.com

Титова Мария Александровна – канд. психол. наук, старший преподаватель, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (МГУ им. М. В. Ломоносова), Москва, mariatitova@mail.ru

Толченникова Вера Владимировна – канд. биол. наук, научный сотрудник, биологический факультет, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (МГУ им. М. В. Ломоносова), Москва, dulsin@mail.ru

Трофимович Алина Сергеевна – студент 4 курса, Национальный исследовательский Томский государственный университет (НИ ТГУ), Томск, alina.trofimovich98@mail.ru

Филиппова Ольга Сергеевна – магистр, Институт психологии им. Л. С. Выготского Российский государственный гуманитарный университет (ИП РГГУ), Москва, philipova.o.s@gmail.com

Хамидуллаев Фахриддин Шамсиддин угли – магистрант 1 курса, Международная исламская академия Узбекистана (МИАУз), Ташкент (Узбекистан), sobyun@yandex.ru

Хохлова Юлия Андреевна – магистрант 2 курса, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (КГУ), Кострома, xohlowa.iu@yandex.ru

Цаплин Евгений Валерьевич – аспирант 3 курса, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (ТюмГУ), Тюмень, carlin.evgeniy@mail.ru

Чахоян Алина Самвеловна – педагог-психолог, канд. психол. наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный политехнический университет» (ИВГПУ), Иваново, chakhoyan.a.s@yandex.ru

Чаянова Марина Леонидовна – студент 5 курса, ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», Шуйский филиал ИВГУ, Шуя, martinez211109_24@mail.ru

Чемеревская Виктория Александровна – аспирант 2 курса, Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина (БрГУ им. А. С. Пушкина), Брест, viktoriya_2209@mail.ru

Чернов Альберт Валентинович – доцент кафедры общей психологии, канд. психол. наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Казань, albertprofit@mail.ru

- Чернова Дария Николаевна – студент 2 курса, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева (ЧГПУ им. И. Я. Яковлева), Чебоксары, do.dori.do@mail.ru
- Черноусова Марина Николаевна – ООО «Новитех», Ростов-на-Дону, chernousova-marina@mail.ru
- Чистопольская Александра Валерьевна – канд. психол. наук, доцент кафедры общей психологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова (ЯрГУ им. П. Г. Демидова), Ярославль, chistosasha@mail.ru
- Чичерина Дарья Андреевна – студент 3 курса, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (КГУ), Кострома, наука.ipp@mail.ru
- Чуйкова Жанна Владимировна – студент 5 курса, Курский государственный медицинский университет (КГМУ), Курск, zhanna7496@mail.ru
- Шаповалова Ольга Сергеевна – аспирант 1 курса, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, olya.shapovalova94@mail.ru
- Шарафиева Ксения Ринатовна – младший научный сотрудник, лаборатория когнитивных исследований и психогенетики Национального исследовательского Томского государственного университета (НИ ТГУ), Томск, ruf_84@mail.ru
- Шаяхметова Лейла Ахметовна – магистрант 1 курса, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (КФУ), Казань, lesh_07_@mail.ru
- Швец Елизавета Викторовна – аспирант 1 курса, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, ferly1995@mail.ru
- Шелепин Евгений Юрьевич – научный сотрудник, ФГБОУН «Институт физиологии им. И. П. Павлова» Российской академии наук, Санкт-Петербург, shelepiney@infran.ru
- Шибзухова Диана Викторовна – студент 4 курса, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет им. Коста Левановича Хетагурова» (СОГУ), Владикавказ, gogitsaeva@yandex.ru
- Шикина Александра Андреевна – магистрант 2 года обучения, Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королёва (Самарский университет), Самара, alshikina@yandex.ru

- Шипова Наталья Сергеевна – канд. психол. наук, доцент кафедры специальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (КГУ), Кострома, gonia_777@mail.ru
- Шмидт Дарья Александровна – аспирант 4 курса, Московский гуманитарный университет (МосГУ), Москва, dariashmidt@mail.ru
- Шмойлова Наталья Александровна – соискатель кафедры психологии, Алтайский государственный педагогический университет (АлтГПУ), Барнаул, nataliasch@ya.ru
- Штарева Александра Сергеевна – магистрант 1 курса, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (РГПУ), Санкт-Петербург, aleksandra.shtareva@mail.ru
- Эйдельман Александра Борисовна – аспирант 3 курса, Институт психологии Российской академии наук (ИП РАН), Москва, eydelman94@gmail.com
- Эргашев Пулат Собирович – доктор психол. наук, доцент кафедры, Международная исламская академия Узбекистана (МИАУз), Ташкент (Узбекистан), pulat-ergashev@rambler.ru
- Юров Дмитрий Игоревич – канд. пед. наук, руководитель проекта, Германо-российская компания «Русь» (ГРК «Русь»), Звенигород, sov36@mail.ru
- Яковлева Мария Викторовна – канд. психол. наук, старший преподаватель кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, m.v.yakovleva@spbu.ru, mariaiakovleva@mail.ru
- Ярыгина Наталья Юрьевна – доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (ННГУ), Нижний Новгород

Научное издание

ПСИХОЛОГИЯ – НАУКА БУДУЩЕГО
Материалы VIII Международной конференции
молодых ученых «Психология – наука будущего»
19–20 ноября 2019 года, Москва

Редактор – *О. В. Шапошникова*
Оригинал-макет и верстка – *С. С. Фёдоров*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1
Тел.: +7 (495) 540-57-27
E-mail: vbelop@ipras.ru. <http://www.ipras.ru>

Сдано в набор 01.11.19. Подписано в печать 17.11.19
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура NewtonC. Усл. печ. л. 35,2. Уч.-изд. л. 30,5
Тираж 100 экз. Заказ

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6